

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

Всероссийская научная конференция «Ноябрьские чтения-2019»

8-9 ноября
2019

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТУДЕНЧЕСКИЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ-2019

Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых

Санкт-Петербург, 8-10 ноября 2019 г.

СКИФИЯ принт

Санкт-Петербург
2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
Н86

Редакционная коллегия: ***Р.А. Шумяков*** (СПбГУ; отв. ред.);
А.Д. Муратбакиева (СПбГУ; зам. отв. ред.).

Рецензенты:

канд. ист. наук, доц. ***И.И. Верняев*** (СПбГУ); доц. ***М.С. Назарова*** (СПбГУ ПТД); канд. ист. наук, доц. ***М.И. Дмитриева*** (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. ***Л.В. Сидоренко*** (СПбГУ); д-р ист. наук,проф. ***А.С. Пученков*** (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. ***Т.Н. Жуковская*** (СПбГУ); канд. ист. наук, асс. ***И.В. Петров*** (СПбГУ).

Составители:

Р.М. Мазаев, А.П. Зиновьева, Е.В. Мишин, Е.С. Богданчикова, Ю.О. Ивченко, А.В. Матусова, Г.А. Савельев, М.К. Пилосян.

Дизайн обложки, компьютерная верстка: ***Д.А. Подлужный***;
дизайн эмблемы Ноябрьских чтений (на 1-й с. обложки): ***В.С. Сизяков***;
дизайн эмблемы Студенческого совета Института истории СПбГУ (на 4-й с. обложки): ***А.И. Семенова.***

Сборник статей подготовлен Студенческим советом Института истории СПбГУ.

Н86 **Ноябрьские чтения-2019**: Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р.А. Шумяков (отв. ред.); А.Д. Муратбакиева (зам. отв. ред.). — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 666 с.

ISBN 978-5-98620-451-2

В сборник вошли избранные статьи участников XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», ежегодно проводимой в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Материалы конференции состоят из разделов «Археология и этнография», «Древний мир», «История средних веков», «Всемирная история в новое и новейшее время», «История искусств и музеология», «Источниковедение», «История России до XX века», «Новейшая история России».

Издание предназначено для всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-98620-451-2

© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. Археология и этнография

Гусева Д.В. Технологический анализ коллекции пластин со стоянки Гусиный-4 и проблема заселения Северной Фенноскандии 10

Корнеева И.В. Архитектура подвала усадьбы II–III вв. н.э. в Мирмекии..... 15

Гиблова А.А. Две Козырки: Сравнительная характеристика двух поселений хоры Ольвии 21

Литвинова М.К. Восстание Савмака: обзор литературы и источников 35

Кравцова Ю.Д. К вопросу о технологии производства фибул римского времени из поселений Нижнего Дона 47

Иванова А.В. Находки каменных литейных форм и литников на городище Старая Рязань с 1994 по 2019 гг. 52

Кузьмина А.И. Результаты работы комплексного отряда изучения гончарства в Арзамасском районе 58

Хребтова А.В., Петровичева Т.О. Традиционные ремесла в гуцульском селе Речка: результаты этнологического исследования 65

Иванова П.А. Особенности китайской общины в Казани: по материалам этнографической экспедиции 72

Захарова А.А. К истокам мультиэтничности селения Балта 80

Вдовина В.А. Проблема игровых традиций жителей Прикамья конца XIX – начала XX века как способа актуализации исторической памяти..... 88

II. Древний мир

Локтев Р.А. Мифологические и культовые образы Минойцев..... 92

Прусакова О.П. Теория дорийского вторжения в античной традиции 103

Чугунов А.А. Крез и священный огонь..... 113

Соловьева А.С. К вопросу о роли Гармодия и Аристогитона в свержении тирании в Афинах..... 118

Цветкова А.Ф. Античная традиция о Фульвии: расстановка акцентов..... 125

Техов Д.А. Гости греческого симпосиума. (На примере двух «Пиров» Ксенофонта и Платона) 132

Осокина С.А. Заговор против Александра Великого (330 г. до н. э.): к вопросу о виновности Филоты 141

Тимофеев Г.М. Цицеронова Старость, или Представления о старости и дидактика в трактате Цицерона «Cato Maior de Senectute» 146

Стукушина Е.В. Cursus honorum членов императорской семьи династии Юлиев-Клавдиев 156

Буздалина Е.А. О происхождении совета принцепса (по данным античных авторов) 161

Соловьев В.А. Отсечение головы противника как часть военной традиции кельтов в интерпретации античных авторов I в. до н.э. – I в. н.э. 166

III. История Средних веков

Крылов М.О. Влияние образа бога Одина на формирование культа вождя у народов Скандинавии в раннее Средневековье 173

Главатских К.В. Rex Theodericus: смысловое значение титула Теодориха Великого (историографический аспект) 182

Ермолаева А.В. Новая Елена для франков: королева Радегунда и обретение частицы Святого Креста 188

Гайворонский И.Д. Король франков Пипин Короткий: образ власти, её репрезентация и становление новой династии в зеркале каролингского историописания VIII века 193

Шимгаева Л.С. Взаимоотношения между франками и бретонцами во время правления Людовика Благочестивого 206

Никитин А.А. Функциональные обязанности магистра оффиций на основе источника Петра Патрикия 212

Наумова А.Е. Образ монашества в трудах византийских историографов VIII–IX вв. (Феофан Исповедник, патриарх Никифор, Георгий Амартол) 216

Клевенская Е.С. Борьба Никеи за объединение византийских земель 220

Литвин М.П. Янычарский корпус. К вопросу об особенностях формирования военно-политической элиты в Османской империи 224

Сироткина А.А. Образ англосаксонской королевы в героическом эпосе и в работах церковных авторов VII – IX в. 231

Алиева М.И. Истоки концепта выборной монархии в политической теории Марсилия Падуанского 241

Борискина А.А. Погребение курфюрста Морица Саксонского (1553 г.) 249

IV. Всемирная история в новое и новейшее время

Коробова Ю.С. Английское ведомство Канцелярии: особенности судебной юрисдикции и феномен права совести и права справедливости 255

Сидоренкова А.В. К вопросу об эволюции официального праздника в эпоху французской революции XVIII века 263

Мокиевский С.Ю. Влияние пуританизма на американскую общественность в первой половине XIX в. в восприятии европейских современников 268

Абрамова А.А. Образ первого денди Джорджа Браммелла в произведениях современников и писателей XIX века 273

Разгребельская А.В. Серый Кардинал Вильсона 281

Попов Д.И. Роль Лиги Наций в урегулировании Аландского кризиса 1918-21 гг. 286

Смолина А.И. Характеристика женской занятости в сельском хозяйстве Великобритании (1920-е – 1930-е гг.) 292

Юрасова П.А. Организационная основа советско-британских культурных отношений (1953–1964 гг.) 300

Храмов И.Ю. Антивоенные акции организации «Студенты за демократическое общество» в США в 1960-е годы 306

Трушникова С.А. Идеи постколониализма в сочинениях нигерийских интеллектуалов: Даниеля Фагунвы, Амоса Тутуолы, Воле Шоинке 313

Проценко С.Е. Американский вектор внешней политики Германии: история и современность 318

Ким-Истомина Л.В. Отражение экономического развития Кочана в романе Ын Хи Гён «Тайна и ложь» (на примере жизни Чон Чон Ука) 324

V. История искусств и музеология

Василевская В.Д. К вопросу о стилистических особенностях фресок Антониева монастыря 1125 г. в Великом Новгороде и провинциальной греческой живописи конца XI–начала XII века 328

Щеглова Ю.А. Строительная история деревни Ворзогоры Онежского уезда Архангельской губернии в XIX веке 339

Мичурин Ф.Д. Спас-на-Водах – история утраченной церкви 349

Тимашова С.А. Портрет принцессы Уэльской Шарлотты-Августы в русском платье. Между нарядом и его образом 355

Рубаник А.В. Издатель А.Ф. Маркс и художник-иллюстратор Н.Н. Каразин: история сотрудничества 360

Бузунова К.А. Проблемы реконструкции творческой биографии Дмитрия Александровича Пахомова: источниковедческие аспекты 365

Савченко С.К. Абстрактный кабинет Эль Лисицкого и его виртуальное экспонирование 371

Рубанцева Е.В. Государственный Русский музей и регионы России: направления межмузейного сотрудничества в 2000–2018 годах 377

Ивченко Ю.О. Представительство России на Всемирной выставке в Париже в 1867 г. 388

Завизион Д.Д. Античные образы в архитектуре Третьего Рейха 396

Икаева М.А. Почтовая открытка как визуальный источник пропаганды суфражистского движения в Великобритании начала XX в. 411

VI. Источниковедение

Отто Ф.П. На шаг ближе к истине: перспективы изучения воспоминаний И.А. Гофштеттера о Григории Распутине 416

Шумяков Р.А. Негативный образ Л.Д. Троцкого на страницах социалистических газет Петрограда в мае – июне 1917 г. 423

Богданчикова Е.С. Описание явления тунеядства в советской юридической литературе 1960-х гг. 430

Тимир-Булатова С.Р. Репрезентация мифа о походе аргонавтов в классическом и современном пеплуме: миф стал комиксом? 441

Копалова А.А. Женское наследование в текстах французских кутюмов Нормандии, Ниверне и Парижа 449

Семенова А.И. «The Acts and Monuments of Church». Сходства и различия с раннехристианскими мученичествами 455

Лазарев С.С. Отображение конфликта Генриха II и Томаса Бекета в «Anglica Historia» Полидора Вергилия 461

Павлов К.В. Обращение к античной истории в период Итальянских войн на примере сочинения Никколо Макиавелли «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны» 466

Хоменкова В.Ю. Английские трактаты о знати конца XVI – начала XVII века на примере трактатов Роберта Наунтона и Уильяма Сегара 471

Белова Н.Р. Восприятие ереси в книге силезского иезуита Матея Виерия «Христослав» 476

Филиппова В.Л. Шпионы на русско-литовском пограничье во время Полоцкой кампании Ивана Грозного по материалам Архива Сангушко 482

VII. История России до XX века

Сорокина А.А. Христиане на Святой Земле в XII–XV вв.: взгляд древнерусских паломников 487

Худовеков М.С. Русский миссионер среди язычников: Пермская Земля и св. Стефан Пермский 494

Ситнер С.В. Осмысление римской истории в «Послании» Спиридона-Саввы 503

Чупрына Ю.А. К вопросу о полонизации православных западнорусских славян: рассуждения полемистов рубежа XVI–XVII вв 510

Парфеня М.И. Мирское самоуправление в слободах Верхотурского уезда в XVII в. 515

Бобылева И.Д. Церковная жизнь Западной Грузии глазами русского посла (вторая четверть XVII в.) 520

Кривова Д.А. Политическая позиция А.П. Волынского в его проектной деятельности 529

Пустовойт И.С. Проекты С.С. Уварова в отношении Санкт-Петербургского университета. 1819–1821 гг. 534

Михайлова О.А. Эволюция политических взглядов А.И. Герцена (на примере первой русской революционной газеты «Колокол») 545

Зиновьева А.П. Особенности режима обучения в Императорском Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX века 556

Панасенкова М.С. Русская периодическая печать о сипайском восстании 1857–1859 гг. 561

Крылова Э.А. Влияние реформ учебных заведений Морского ведомства на действия русского флота в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 567

VIII. Новейшая история России

Замятин М.М. Деятельность генерала Н.В. Рузского по ходу Лодзинской операции 1914 г. 576

Крушевский В.В. Новые обязанности столичной полиции, обусловленные началом Первой мировой войны 583

Чешков М.М. Политика Австро-Венгрии на брестских переговорах о мире с Советской Россией в 1917 – 1918 гг. 588

Баскаков С.А. Реквизиционная политика С.Н. Булак-Балаховича в 1918 году 601

Мишин Е.В. Закрытие петроградской резиновой фабрики «Треугольник» в феврале 1918 г. 609

Корнилова Л.Ф. Борьба идеологий: традиционализм и пропаганда нового быта на страницах женских журналов периода НЭПа 616

Литвиненко Е.А. Александр Алехин: судьба гроссмейстера в эпоху политических трансформаций 625

Малюченко Д.А. П.С. Войтеко — Военный прокурор Морских сил Балтийского моря 632

Куричина М.А. Организация системы здравоохранения в Ленинграде в период блокады (1941 –1944): перспективы изучения 642

Воробьева А.В. Мальчики и мужественность в советских мультфильмах 1970-х годов 647

Литичевский Б.В. Отражение экономической политики Правительства РФ 1991 – 1992 годов и реакции на нее Съезда народных депутатов РФ в отечественных источниках и историографии 653

Шашонков П.А. Северокавказские республики России и начало войны в Абхазии (август–сентябрь 1992 г.) 658

Посвящается светлой памяти
Анастасии Олеговны Ещенко
(1995-2019)

I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Гусева Дарья Владимировна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Степанова Ксения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет[1]
Научный консультант:
Мурашкин Антон Игоревич, младший научный сотрудник,
Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учёта и хранения
археологических коллекций ИИМК РАН

Технологический анализ коллекции пластин со стоянки Гусиный-4 и проблема заселения Северной Фенноскандии

Technological analysis of blade collection on the Gusiny-4 site and settling of Northern Fennoscandia

Аннотация. *Дискуссия о путях заселения Северной Фенноскандии обострилась в последнее десятилетие в связи с исследованием стоянок Суяла (Северная Финляндия) и Фаллегуахтесайегуолбба (Норвегия). Коллекции этих памятников содержат серии полученных в технике отжима пластин. Стоянка Гусиный-4, обнаруженная на северном побережье Кольского полуострова, по результатам технологического анализа сколов-заготовок отнесена к ареалу памятников «восточной пластинчатой технологии» (Eastern blade technology). Распространение этой технологии/традиции в Северной Фенноскандии происходит около 9000 л. до н. э. и свидетельствует о миграции населения из лесной зоны Восточной Европы.*

Ключевые слова: *мезолит; Кольский полуостров; технологический анализ.*

[1]В дальнейшем при совпадении аффилиации автора статьи и научного руководителя аффилиация последнего опускается.

Abstract. *The discussion about the ways of settling of Northern Fennoscandia has escalated during the last decade resulting from the study of the sites Suyala (Northern Finland) and Falleguahteseseyeguolbba (Norway). The collections of these sites contain series of blades produced in technique of indirect percussion. The Gusiny-4 site, discovered on the northern coast of the Kola Peninsula, attributes to Eastern blade technology area according to the results of the technological analysis. The spread of this technology / tradition in Northern Fennoscandia was about 9,000 BC and it indicates that the migration was from the forest zone of Eastern Europe.*

Key words: *Mesolithic; Kola Peninsula; technological analysis.*

На данный момент одними из самых острых вопросов, связанных с мезолитической культурой комса, распространенной на севере Фенноскандии, является проблема её генезиса и резкой трансформации около 9000 л. до н.э. [7, с.184; 6, с.29-34; 9, с. 301]. Начиная с конца 1920-х годов, существовало два мнения о путях заселения Скандинавии. Предполагалось, что оно происходило по западному побережью Скандинавии [Г. Кларк, К. Уднер, Г. Экхольм, Н.Н. Гурина, В.Я. Шумкин]; или население проникло в регион через территорию современной Карелии и Финляндии из Восточной Европы [А. Айрапа, В. Лухо, Г. Йессинг, К.Ф. Майнандер]. Наиболее вероятно, что оба пути заселения являются одинаково возможными. В этой связи резонансным стали открытия стоянок Суяла (Sujala) на территории финской Лапландии и Фаллегуахтесайегуолбба (Fallegoahtesajeguolbba) в Варангерфьорде, в коллекции которых содержится большое количество регулярных пластин. По результатам технологического анализа сколов-заготовок указанных памятников был сделан вывод об идентичности их с материалами восточно-европейских мезолитических культур (прежде всего Бутовской) и проникновении групп населения из лесной зоны Восточной Европы в Северную Фенноскандию [7].

В 2014–2016 гг. на южном берегу Кильдинского пролива Баренцева моря были обнаружены и раскопаны несколько мезолитических памятников. Одна из них, стоянка Гусиный-4, расположена в 650 м к западу от устья р. Гусиный на мысовидной площадке третьей морской террасы высотой 28 м БСВ; её площадь составляет 2400

кв. м. В 2014–2015 гг. на стоянке было заложено 4 раскопа общей площадью 118 кв.м. Возраст памятника по результатам радиоуглеродного датирования составляет 8418 ± 80 BP (СПб-1377) (7595-7301, 7217-7201 calBC) [2, с.670, 678].

Коллекция стоянки Гусиный-4, насчитывающая более тысячи предметов, включает нуклеусы, отщепы, чешуйки, пластины, сколы подправки ударной площадки нуклеусов, резцы и скребки. Сырьем служил кремень, окремнённый песчаник и кварц. Характерная черта коллекции – большое количество пластин; их технологический анализ производился по схеме, предложенной Г.Н. Поплевко [4] и использованной затем А.И. Мурашкиным [2]. Учтены следующие признаки сколов-заготовок: 1) наличие или отсутствие желвачной корки; 2) длина; 3) ширина; 4) толщина; 5) отношение длины пластины к толщине её сечения; 6) форма поперечного сечения (огранка дорсальной поверхности); 7) распределение фрагментов пластин (проксимальных, медиальных, дистальных); 8) наличие или отсутствие ретуши; 9) размеры ударной площадки; 10) продольный профиль пластины; 11) наличие подработки карниза; 12) наличие карниза-ободка с брюшка («губа»); 13) наличие изъянца на ударном бугорке; 14) наличие или отсутствие конической трещины на площадке.

В результате анализа сделан вывод о наличии в коллекции пластин, полученных в результате использования удара мягким отбойником, удара через посредник и отжима. Установлено, что разграничение двух последних на основании отобранных метрических признаков невозможно. Ряд параметров отдельных сколов-заготовок – в основном качественных, определяемых визуально, а не метрических (параллельность краев, огранка, соотношение длины и толщины, продольный профиль и др.) – убедительно указывают на получение их в технике отжима. Но статистические подсчеты скорее размывают границы групп сколов, полученных в разных техниках. По свидетельствам экспериментаторов, в ходе расщепления одного нуклеуса удар через посредник и отжим (а на стадии подготовки нуклеуса и удар мягким или жестким отбойником) комбинируются и чередуются. Это приводит к формированию коллекций с набором пластин, полученных в разных техниках скалывания. Уве-

личение выборки при использовании перечисленных параметров, вероятно, нецелесообразно и не приведет к статистическому уточнению границ групп.

Стоит отметить, что инвентарь стоянки Гусиный-4 имеет большое сходство с материалами стоянки Суяла, изученными Т. Ранкама и Я. Канканпаа. На обоих памятниках были обнаружены практически идентичные категории инвентаря, в особенности пластины и сколы подправки ударной площадки нуклеуса ё «таблетки». Для расщепления был характерен сложный процесс подготовки ударной площадки. Пластины, в целом, имеют параллельные края и ровную огранку дорсальной поверхности, регулярные ширину и толщину, обработку полукрутой ретушью. Т. Ранкама и Я. Канканпаа пришли к выводу о том, что на памятнике пластины были получены техникой отжима [7, с. 194].

Однако стоит обратить внимание и на очевидные различия. Некоторые категории представлены в небольшом количестве или отсутствуют совсем (нуклеусы). На стоянке Суяла было обнаружено 47 черешковых наконечников на пластинах, оформленных пологой вентральной ретушью, в то время как на стоянке Гусиный-4 они не представлены.

Не приходится сомневаться в сходстве инвентаря стоянок Гусиный-4 и Суяла, которые могут быть отнесены к одной культурной традиции со «сложной» технологией расщепления [7, с.187], берущей начало на территории лесной зоны Восточной Европы. Представляется перспективным как открытие новых памятников т.н. «восточной пластинчатой традиции» на территории Кольского полуострова и Карелии, так и повторный анализ старых коллекций, в составе которых могут быть выявлены предметы расщепления данной традиции [8].

Список литературы

1. Шумкин В.Я., Колпаков Е.М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках и разведках комплекса археологических памятников у ручья Гусиный и на полуострове Рыбачий в Мурманской области 2014 г. СПб., 2015.

2. Мурашкин А.И. Технология получения кремневых пластин на мезолитической стоянке Пост II // Российская Археология. 2007. № 4. С.109-120.

3. Мурашкин А.И., Колпаков Е.М. Мезолитические стоянки Кильдинского пролива и проблема заселения Кольского полуострова в каменном веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 666-682.

4. Поплевко Г.Н. Методический аспект комплексного исследования пластинчатых индустрий (на материалах поселения Кременная III) // Археологические записки. Вып. 3: «Каменный век». Ростов н/Д: Донское Археологическое Общество, 2003. С. 143-162.

5. Шумкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С. 34-58.

6. Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 158 p.

7. Rankama T., Kankaanpaa J. First evidence of eastern Preboreal pioneers in arctic Finland and Norway // Quartär. International Yearbook for Ice Age and Stone Age Research. 2011. Vol. 58. P. 183-209.

8. Tarasov A. Filling a gap in the migration route? Initial peopling of the Lake Onega region in the light of new radiocarbon datings // Norwegian Archaeological Review. 2018. Vol. 51. P. 175-189.

9. Woodman P.C. The Early Postglacial Settlement of Arctic Europe // Den Bogenspannen: Festschrift für B. Gramsch / Hrsg, von E. Cziesla, Th. Kersting & St. Pratsch. Weissbach: Beier and Berans, 1999. P. 297-312.

Корнеева Ирина Викторовна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Бутягин Александр Михайлович, ассистент

Архитектура подвала усадьбы II–III вв. н.э. в Мирмекии

Basement architecture of the manor of the II–III centuries. AD in Myrmekion

Аннотация. *В статье рассматривается подвал римской усадьбы, открытый в Мирмекии в 2003-2004 гг. Основной целью исследования является описание помещения №1 постройки №2 в Мирмекии и сравнение его с подвальными помещениями римских усадеб на Танаисе.*

Ключевые слова: *Мирмекий; подвал римской усадьбы; Танаис; хозяйственная постройка.*

Abstract*. The article discusses the basement of the Roman manor, discovered in Myrmekion in 2003-2004. The main purpose of the study is to describe the room number 1 of the building number 2 in Myrmekion and compare it with the basement of the Roman manor on Tanais.*

Key words*: Myrmekion; basement of the Roman manor; Tanais; household building.*

В 2000-м г. на участке «Т» Мирмекийской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А. М. Бутягина началось исследование усадьбы римского времени с восточной стороны скалы мирмекийского акрополя.

В 2003 г. вблизи основания скалы были выявлены три помещения, в совокупности составляющие постройку №2 – римскую усадьбу. Общий размер открытого строения 13х7 м. Наибольший интерес представляет примыкающее к скале в южной части раскопа помещение №1, исследовавшееся в 2003-2004 гг. Данное помещение является закрытым комплексом, так как оно было перекрыто разрушившимися верхними этажами римской усадьбы. Средневековые ямы и военные блиндажи также затронули лишь верхний слой желтого суглинка с мелкими камнями, образовавшийся от разруше-

ния вышестоящей постройки. Таким образом, в данном помещении были обнаружены вещи, оставленные последними жителями Мирмекия in situ.

Целью этой статьи является описание помещения №1 постройки №2 в Мирмекии и сравнение его с подвальными помещениями римских усадеб в Танаисе, как наиболее близким по устройству и датировке сооружениям, комплексно: по строению помещений и по вещественному комплексу. В дальнейшем планируется поиск аналогий данных сооружений как на территории Боспорского царства, так и за пределами его.

Помещение №1, примыкающее к скале, представляет собой постройку трапециевидной в плане формы, размером 4х5 м, несколько сужающееся к западу. Доказательством того, что данное помещение является подвалом, служит открытая в 2004 г. небольшая кладка №15а, сложенная из разноразмерных камней, находящаяся на материковой скале к югу от подвала. Длина обнаруженной кладки 1,2 м, ширина 0,4 м, высота 0,27 м. Сохранился только северный фас кладки на один ряд, что позволяет предположить, что кладка была несколько толще. Она являлась частью наземного сооружения, составлявшего первый этаж постройки №2.

Глубина подвала 1,8 м, примерно 0,5 м которого было высечено в материковой скале. Подобные углубления в скале не редкость на античных поселениях и связаны с природным ландшафтом. Они достаточно часто встречаются в подвалах усадеб II-III вв. н. э. в Танаисе (например, в усадьбе 10 в помещении ДИ подвал углублен в скалу на 0,3 м, а в усадьбе 18 в помещеним ЕК на 0,45 м и др. [1, с. 31-75] или же в обустройстве цистерн того же времени в Херсонесе [5, с.338]. Т.М. Арсеньева и С.А. Науменко отмечают, что полы углубленных помещений были покрыты глиной, мелким камнем и/или керамическими обломками [1, с.31-50], что также прослеживается в восточной половине помещения №1 постройки №2.

Подтёсанная верхняя часть скалы являлась опорой, на которой располагалось перекрытие первого этажа, возможно, дощатый пол [2, с.86]. Следует отметить, что при строительстве данного помещения активно используется микрорельеф. Так, скала играет роль не только пола, но и южной стены, щель в которой заложена иррегу-

лярной, постелистой кладкой №15. Длина кладки по северному фасу - 2 м, сохранившаяся высота – 1,25 м. Верхняя часть кладки разрушена в ходе гибели помещения. Эта кладка сложена из камней различных размеров, среди которых присутствует крупный профильный фрагмент, вероятно от ордерной постройки, который невозможно изъять из кладки без полного разрушения стены [2, с. 63]. Архитектурные фрагменты довольно часто встречаются в основании стен. Стоит отметить, что в описании подвальных помещений римских усадеб Танаиса подобное использование архитектурных фрагментов не упоминается. Возможно, это связано с тем, что римская усадьба в Мирмекии возводилась на скале рядом с местом, где ранее располагались несколько сменяющих друг друга святилищ [4, с. 35].

В южном борту подвала находилась глубокая естественная щель в скале, заполненная рыхлым серым грунтом, практически без всякого материала (нет даже мелких обломков керамики) [3, с. 42]. Судя по всему, она была пуста и заполнилась грунтом уже после гибели комплекса.

Помещение со всех сторон ограничено постелистыми иррегулярными кладками: с северной стороны - двухлицевой одно-трёхслойной кладкой №9, с востока – кладкой №10, у которой сохранился только нижний ряд, с запада – кладкой №20, дугообразная форма которой объясняется тем, что она фактически является обкладкой скалы. Все кладки сложены из разноразмерных камней, пространство между которыми забито более мелкими камнями.

Под кладкой №10 часть выхода скалы обложена небольшой однолицевой кладкой, сложенной в три ряда из небольших камней. В южной части верхнего ряда кладки был использован фрагмент фигурного известнякового карниза.

В северо-восточном углу в месте соприкосновения кладок №9 и 10 находилась любопытная конструкция. Она имеет форму полуокружности, начинаясь в метре от угла кладки № 9, двигаясь на юг и постепенно поворачивая на восток, где также в 1 м от угла кладки №10, упирается в неё. Конструкция напоминает каменный ящик, пристроенный к борту. Кладка сложена из необработанных плоских плит с соблюдением рядности на 5 рядов. В центральной части кладки почти под 45 градусов к углу находился проем на всю высоту клад-

ки, образованный из двух поставленных на ребро плит, перекрытых третьей плитой. Плоский камень, прислонённый слева от проёма, вероятно, служил для закрытия отверстия. К сожалению, содержимое в этом ящике отсутствовало, по всей видимости, его опустошили ещё во время функционирования комплекса или перед самым уходом. Для чего предназначалась эта конструкция, и что хранилось в своеобразном каменном ящике неизвестно.

Подвал внутри делился пополам, образуя два неравных компартимента (западный и восточный): с севера на юг в центральной части помещения была перегородка из поставленных на ребро орфостатных плит. Из них сохранились только две плиты, идущие от северной стены на длину 1,3 м. Возможно, частью этой перегородки был фрагмент хорошо обработанного мраморного карниза с сохранившейся частью свинцовой скрепы. Стоит отметить, что глубина восточного компартимента на 0,1- 0,15 м ниже, чем западной части. Подобная перегородка была найдена в танаисской усадьбе №11 в помещении ИЖ-ИЗ с подвалом. Данный комплекс не изучен полностью, но Т. М. Арсеньева и С. А. Науменко считают, что помещение перестраивалось под хозяйственные нужды и с сооружением меридиональной стены получило два выхода [1, с. 42].

Недалеко от кладки №9 было обнаружено круглое каменное корытце диаметром около 0,23 м. Оно сильно повреждено, что позволяет предположить его использование как основы для деревянного столба поддержки перекрытия. Такие деревянные опоры находят аналогии на Танаисе в усадьбе 11 в помещении ДФ с подвалом, где была обнаружена круглая яма с обуглившимися остатками деревянного столба [1, с.39]. Такое отличие, возможно, обусловлено невозможностью укрепить деревянный столб на скальном полу без дополнительного посредника.

Стены, вероятно, были сложены из сырцовых кирпичей с использованием мелких камней. Об этом нам говорит верхний слой желтого суглинка с мелкими камнями, образовавшемся при разрушении стен помещения толщиной до 0,6 м. В этом слое встречаются мощные прослойки камки, вероятно от перекрытия крыши дома. Следующий коричневый слой с прослойками угля толщиной до 0,6 м сформировался от сильного пожара, который стал причиной разрушения комплекса.

Кладка №20 упирается в лестницу, направленную по линии запад-восток параллельно скале. Лестница состояла из 5 ступенек, сделанных из аккуратных прямоугольных блоков. Для плотного примыкания кладки №20 и лестницы верхняя ступень подтёсана под углом. В Танаисе количество ступеней в подобных помещениях может варьироваться от 1 до 9 [1, с. 31-75] в зависимости от глубины подвала. Чаще встречаются лестницы с 2-3 ступенями, при этом ступени могут быть сложены из блоков, сделаны из глины или же совмещать и глину и камень. Данные спуски могли находиться в любой части помещения, но неизменно выходили во двор усадьбы.

Отдельно стоит отметить 12 фрагментов изделия из плохо обожженной глины, найденных в слое пожара постройки №1 строения №2. А. М. Бутягин интерпретировал эти находки как лепной домашний алтарь [2, с.36]. Действительно, у древних греков Северного Причерноморья широко было распространено домашнее почитание богов, которое наиболее ярко проявлялось в сельской округе, где отсутствовали общественные храмы. Для этого в домах выделялись специальные ниши, уголки под алтари, реже – отдельные помещения [6, с. 182-183]. По всей видимости, он располагался в наземной части помещения и при падении разбился на мелкие части. Были найдены фрагменты фронтона, завершение ионийской капители, части валют, карниза и другие фрагменты. К сожалению, точную форму алтаря невозможно установить. Таким образом, можно точно сказать, что данное подвальное помещение не было местом исправления религиозного культа, а скорее использовалось для хозяйственных нужд обитателей римской усадьбы. В Танаисе аналогичные помещения II-III вв. н.э. интерпретируются как склады танаисских купцов [7, с. 261-262].

В рамках исследования было проанализировано 30 профильных фрагментов хозяйственной керамики, 18 – кухонной, 10 – лепной, 24 – столовой, 5 – специального назначения. Судя по датировкам фрагментов керамических сосудов данный комплекс функционировал во II-III вв. н. э. Изделиям из стекла, камня и металла не противоречит и монета царя Фофорса (по классификации Н. А. Фроловой, эта монета была начеканена в 297 г. н. э.). Это позволяет установить, что разрушение данного комплекса произошло на рубеже III-IV вв. н. э.

Стратиграфия памятника показывает нам, что в усадьбе произошёл пожар (слой пожара), который повлёк за собой гибель всего здания, в том числе и помещения №2. Датировка керамического материала говорит о том, что верхний этаж постройки и подвал функционировали в одно время, так как и слой жёлтого суглинка с мелкими камнями, и слой пожара датируются II-III вв. н. э.

В заключение можно сказать, что ближайшие аналогии архитектуре комплекса находятся в Танаисе, где подобные сооружения идентифицируются как подвальные склады II – середины III вв. н. э. [7, с.226]. Таким образом, сделаем вывод о том, что строительная традиция усадеб римского времени, присущая греческим колониям в устье Дона, также распространяется и на восточный берег Керченского полуострова.

Список литературы

1. Арсеньева В.А., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М: Институт археологии РАН, 1992. 179 с.

2. Бутягин А.М. Отчет о раскопках Мирмекийской экспедиции на городище Мирмекий в 2004 году.

3. Бутягин А.М. Отчет о раскопках Мирмекийской экспедиции на городище Мирмекий в 2003 году.

4. Бутягин А.М. Последние жители античного Мирмекия (Усадьба III в. н. э. на Карантинном мысу) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. IV Боспорские чтения. 2005. С. 32-36.

5. Долотов Ю.А. Искусственные подземные сооружения городища Херсонес в Севастополе (Крым) // Спелеология и спелестология. 2018. №9. С. 337-352.

6. Крапивина В. В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2012. №26. С. 182-217.

7. Науменко С. А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н. э. // Первая Абхазская Международная конференция: Материалы. Сухум, 2006. С. 261-267.

Гиблова Анастасия Андреевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Бутягин Александр Михайлович, ассистент

Две Козырки: Сравнительная характеристика двух поселений хоры Ольвии

The new settlement of Chora of Olbia Kozyrka 12 – “bis”

Аннотация. *В статье предпринята попытка провести сравнительную характеристику двух поселений сельской округи Ольвии Козырки 12 и Козырки 12- южной («бис»). В ходе анализа строительных и хозяйственных комплексов, а также вещественного материала памятников, были выявлены характерные особенности каждого из них в архаический и классико-эллистический периоды. Также автором был выведен ряд предположений относительно характера связей между ними на каждом из выделенных периодов. В заключении для визуализации полученных данных были применены методы статистического анализа.*

Ключевые слова: *сельская округа Ольвии; поселения Козырка 12 и Козырка 12 – «бис» (южная); сравнительная характеристика;анализ строительных комплексов и вещественного материала; методы статистического анализа.*

Abstract. *The article attempts to make a comparative characteristic of two settlements of the rural district of Olbia Kozyrka 12 and Kozyrka 12 - South (“bis”). In the course of the analysis of construction and economic complexes, as well as the material complex of the monuments, the characteristic features of each of them in the archaic and Classical-Hellenistic periods were revealed. Also, the author has deduced a number of assumptions about the nature of relations between them at each of the selected periods. In conclusion, methods of statistical analysis were used to visualize the obtained data.*

Key words: *Chora Olbia; settlement Kozyrka 12 and Kozyrka 12 - «bis» (South); comparative characteristics; analysis of material culture; methods of statistical analysis.*

История исследования сельской округи Ольвии насчитывает не одно столетие, уходя корнями в XVIII век. Последний период про-

ведения полномасштабных археологических работ на Ольвийской хоре, а особенно это относится к археологам петербургской школы, пришелся на конец 80-х- первую половину 90-х гг. К этому времени относится и исследование памятников, которые будут рассмотрены в данной работе. В силу трудных экономических обстоятельств эти масштабные исследования прекратились в середине 90-х годов.

Нужно отметить, что прекращение полевых работ на ольвийской хоре во конце XX – начале XXI вовсе не означало прекращение ее исследований вообще. В это время активно выходят статьи как по отдельным памятникам региона, так и обобщающие труды. Но все еще остается необработанным огромный пласт материала, полученный в ходе раскопок предшествующих лет. К таким «забытым» памятникам относится и поселение хоры Ольвии Козырка 12- южная («бис»). В связи с необходимостью вводить данные о памятнике, обладающем несомненной ценностью для иследователей ольвийской хоры, в научный оборот и была задумана данная работа.

Основной нашей целью было произвести сравнительную характеристику материалов, полученных в ходе исследования поселения Козырка 12 и Козырка 12–«бис» (южная) для подтверждения самостоятельности памятника, а также для выявления особенностей их комплексов и культурных напластований. Отметим, что схожее по методике исследование уже предпринималось К.К. Марченко и Я.В. Доманским, которые издали в 1999 г. обширную статью «Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников)» [10, с.26-74]. Однако, в нашем случае присутствует особая специфика в исследовании, которая заключается в очень близком расположении памятников относительно друг друга. Данное обстоятельство делает особенно интересным вопрос о характере развития жизни на данных поселениях, их локальных черт и присущих им общих тенденций, а также о их взаимовлиянии.

Поселения Козырка 12 и Козырка 12-южная (или «бис») расположены в 9-10 км к северу от Ольвии и в 1,2 км к югу от села Козырка Николаевской области Очаковского района, на противоположных берегах древней балки (соответственно Козырка 12 - на северном, Козырка 12-южная - на южном).

Поселение Козырка 12 впервые было зафиксировано в 1926 г. отрядом НКМ и отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР в 1932 г. Разведочные раскопки в 1979 г. были произведены Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР под руководством В.В. Рубана. Планомерное исследование памятника было осуществлено только в 1985-1990 гг. Ольвийской экспедицией ЛОИА под руководством Е.Я. Рогова [7, с. 346-347]. За годы раскопок была вскрыта площадь около 3370 м^2, исследованы комплексы и слои позднеархаического, классического и раннеэллинистического времени. В последний 1990 год полевых работ было принято решение провести разведку по южному берегу древней балки. По итогу был собран достаточно выразительный материал античного времени, и принято решение заложить как разведочный раскоп «Южный» [1, л.11]. Впоследствии планомерные раскопки на поселении велись вплоть до 1994 г. Однако, в отличие от соседнего памятника, опубликованного в статье К.К. Марченко за 2011 г., материалы с Козырки 12-южной удостоились до сих пор только краткого упоминания в ряде работ, посвященных вопросам развития Ольвийской хоры в догетский период [8, с. 183]. Данное обстоятельство связано с безвременной кончиной автора раскопок Е.Я. Рогова в 2001 г., который не смог довести результаты работ до публикации.

В связи с этим, в данной работе будут использованы материалы из отчетов Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1990-1992 гг. для проведения сравнительной характеристики материальных остатков поселений Козырка 12 и Козырка 12-южная.

1. Сравнительная характеристика строительных комплексов.

Во-первых, необходимо рассмотреть строительные комплексы обоих памятников на предмет отличий в планировке и внутреннем устройстве с учетом изменения форм строений во времени.

На обоих памятниках первый период существования поселения относится к позднеархаическому времени и может быть продатирован второй половиной VI – первой-второй четвертью V вв. до н.э.

Так, в позднеархаичесий период оба памятника были застроены исключительно заглубленными в землю структурами. Набор строительных комплексов на Козырке 12 представлен двумя землянками и двумя полуземлянками. Площадь двух овальных в плане полузем-

ляночных комплексов не превышала 6 м^2 (№№ 28, 29). Две подпрямоугольные землянки были несколько больше. Их площадь достигала примерно 15 м^2 при заглубленности в грунт на 0,7 м [8, с. 276–277].

Более разнообразны и представительны строительные комплексы на соседнем «южном» поселении. Всего было зафиксировано шесть таких структур. Здесь заглубленные структуры представлены в основном землянками (СК №№ 1,3,4,6,8), глубина котлована которых варьируется от 0,7 до 1,1 м. Размеры комплексов также имеют большой разброс от 3,4 м^2 у СК-4 до 14 м^2 у СК-6. Только одна постройка попрямоугольной в плане формы может быть отнесена к типу полуземлянок (СК- 9) [1, л. 17, 18.; 2, л. 9, 10, 13].

Хозяйственные комплексы на обоих памятниках в позднеархаическое время крайне немногочисленны. Они представлены исключительно хозяственными ямами грушевидной или близкой к ней формы в сечении. На Козырке 12 найдено два подобных комплекса (Ямы №№ 130 и 142) и четыре ямы - на «Южном» поселении под номерами 11, 15, 27, 30 [2, л. 17, 10, 13; 5, л. 2, 5, 8]. Подобные грушевидные или колоколовидные ямы обычны для памятников сельской округи Ольвии второй половины VI- первых двух четвертей V вв. до н.э.

В целом, вполне очевидно, что строительные остатки гораздо более представительны на поселении Козырка 12- южная. По крайней мере, на памятнике прослеживаются детали внутреннего интерьера помещений, представленные материковыми столиками, так называемыми «лежанками» и т.д., характерными для Ольвийской хоры позднеархаического врмени. Это же позволяет говорить об их функциональном назначении, как жилищ, в противоположность небольшим землянкам без элементов внутреннего устройства на Козырке 12.

Все комплексы на обоих памятниках существовали практически одновременно и прекратили функционировать не позднее первой половины V в. до н.э.

Особое внимание привлекают два сооружения под номерами 2 и 5 на «Южном» поселении [1, Л. 17; 4, Л. 9]. Дата их функционирования не выходит за пределы второй половины – последней четверти V в. до н.э. Строительные конструкции с подобной датировкой прак-

тически не встречаются, как на Козырке 12, так и на других памятниках Нижнего Побужья синхронного времени. Данное обстоятельство позволило К.К. Марченко отнести их к так называемой «ближней» хоре Ольвийского государства, доказывая несостоятельность тезиса о прекращении жизни на всей сельской округе ольвийского государства на протяжении второй половины V в. до н.э. Строительный комплекс № 2 представляет из себя почти четырехугольную в плане структуру, размерами 2,4х2,05 м. Котлован землянки спущен с уровня культурного слоя на глубину до 1,1 м. Второе сооружение (СК - 5) являлось подпрямоугольной полуземлянкой. Площадь комплекса около 8,5 м^2 при заглубленности в грунт на 0,6 м^2.

Кардинальные отличия в характере строительных комплексов прослеживаются в классико-эллинистический период. Начиная с конца V в. до н.э. на рассматриваемых памятниках разворачивается активное домостроительство. Примечательно, что на Козырке 12 строительные комплексы представлены исключительно заглубленными структурами, землянками и полуземлянками, больше половины которых имели овальные или четырехугольные углубления, заглубленные в материковый пол на 0,1 м с материковыми бортиками-останцами высотой 0,1 - 0,15 м (№№4, 6, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 21, 26). Аналогии подобным сооружениям, по замечанию К.К. Марченко встречаются только на памятниках лесостепной зоны.

Здесь же отметим наличие элементов фортификации на поселении Козырка 12, не встречающихся на других синхронных поселениях ольвийской округи. Так, К.К. Марченко интерпретирует пять параллельных прорезавших друг друга канав, в часть которых, по мнению автора, были вставлены деревянные столбы, укреплявшиеся камнями у основания [8, с. 292].

Напротив, жители «Южного» поселения переходят от строительства заглубленных структур к возведению наземных сырцово-каменных зданий с развитой планировкой.

К таким постройкам относится строительный комплекс № 10, недолго функционировавший в пределах первых двух четвертей IV в. до н.э. Несмотря на непродолжительное существование, можно выделить два строительных периода в возведении комплекса. К первому относится возведение сырцовых стен, от которых сохра-

нились кладки каменных цоколей, а также невысокой перегородки, выполненной в технике постелистой кладки из одного-двух рядов уложенных камней, отделявшей небольшое помещение площадью около 1,5 м^2. Во второй период перегородка была разобрана, и уровень пола поднят до верхнего ряда камней ее цоколя. СК-10, по всей видимости, входил в более крупную постройку, т.к. с юга к комплексу примыкают два обрывка каменных цоколей, явно связанных с вышеописанным помещением. Возможно, постройка была аналогична по планировке строительному комплексу № 11. Последний состоял из трех помещений вытянутых по лини запад – восток [4, л. 11; 5, Л. 6].

В единую хозяйственную структуру с СК-10 по всей видимости входил строительный комплекс № 7, о чем свидетельствует расположение комплексов относительно друг друга, одинаковая ориентировка, а также ряд существенных особенностей в устройстве и интерьере комплекса № 7. Постройка была заглублена в грунт на 0,6-0,9 м. В юго-западном углу была расположена лестница, вырезанная в материке и облицованная каменными плитами [4, л.11].

Заметим также, что в планировке поселения Козырка 12- южная прослеживаются элементы регламентации. Большинство строительных комплексов расположено в мысовой части поселения, ограниченной с севера и юга отрогами балок. В западном направлении мощность слоя резко падает, так что, очевидно, сюда поселение не распространялось [5, л. 8].

Разновременно в классическое время обрывается жизнь на обоих памятниках. Следы функционирования комплексов к югу от древней балки не зафиксированы позднее первой-второй четверти IV в. до н.э., в отличие от Козырки 12, население которой присутствовало здесь вплоть до последней трети IV в. до н.э. Причем на последней жизнедеятельность возрождается после короткого перерыва уже с начала последней четверти IV в. до н.э.

Хозяйственные комплексы на обоих поселениях представлены многочисленными ямами, в основном грушевидной или цилиндрической формы в сечении. Однако и среди них можно проследить локальные особенности. Так, на Козырке 12, где всего было исследовано 143 ямы, 100 можно точно отнести к классико-эллинистическому

времени. Особенный интерес представляют ямы, спущенные в грунт с уровня основания уже функционировавшей ранее ямы [6, с. 68]. Необычные комплексы встречаются и на «Южном» поселении. Здесь было выбрано три хозяйственных комплекса (№№ 3,9, 12) подчетырехугольной в плане формы со скругленными углами [4, л. 13, 14, 15].

Таким образом, можно заключить, что в позднеархаическое время по обоим берегам Закисовой балки появляются первые немногочисленные полуземляночные структуры с одной-двумя ямками для опорных столбов, по всей видимости, функционировавшие как недолговременные жилища, имевшие вид шалашей или навесов. На данном этапе при сравнении строительных комплексов выделяется Козырка 12- южная. Гораздо большая площадь и количественное преобладание жилых и хозяйственных структур на памятнике с элементами внутреннего устройства, однородность вещественного материала, а также стратиграфические наблюдения позволяют сделать предположение о вхождении немногочисленных построек с северного берега древней балки и строительных и хозяйственных комплексов «Южного» памятника в единое поселение в конце VI – первой-второй четверти V вв. до н.э.

Гораздо более информативным представляется второй этап существования памятников, на котором в течение практически половины столетия сосуществуют два совершенно различных по форме домостроительства поселения. Во-первых, как упоминалось выше, жизнь на Козырке 12-южной возрождается уже в третьей четверти V в. до н.э. Причем достаточно быстро происходит переход от земляночного и полуземляночного домостроительства к возведению наземных сырцово-каменных построек с развитым планом. Напротив, поселение Козырка 12 возрождается только в конце V в. до н.э. И вплоть до последней трети столетия на поселении строятся исключительно заглубленные структуры с необычными для ольвийской хоры элементами регламентации в виде больших углублений в центральной части комплексов.

Жизнь на «Южном» памятнике прекращается почти на четверть века ранее, чем на козыркском поселении. В эллинистическое время жизнь на Козырке 12- южной уже не возрождается, сосредотачиваясь в районе усадеб на северном берегу древней балки.

2. Сравнительная характеристика вещественного материала.

Для сравнительной характеристики вещественного материала была использована опись находок, составленная по итогам работ Нижнебугской экспедиции ЛОИА за 1990 г. с раскопа «Южный» и поселения Козырка 12 [3].

После обработки описей отдельных контекстов мы получили следующую таблицу (см. Табл. 2), из которой видно, что состав керамического комплекса в процентном соотношении на поселениях разнится.

Не вдаваясь в подробное описания вышеуказанной таблицы, отметим только, что особо привлекает внимание практически десятипроцентный разрыв между составом амфорной тары в общем массиве материала с «южного» памятника и козыркского поселения. В целом же отношение тарной посуды к остальному комплексу соответствует данным с синхронных ему поселений хоры Ольвии.

Примечателен также достаточно высокий процент расписной керамики на Козырке 12, которая также более разнообразна и в типовом отношении по сравнению с соответствующей группой в массиве кружальной керамики южного поселения, что говорит о возможно сравнительно более бедном положении населения последнего.

Особо отметим также, что процент лепной керамики с поселения Козырка 12 на 10 единиц больше, чем на участке южного берега балки. Однако, с другой стороны, например фрагменты сосудов I типа по классификации К.К. Марченко, обычно составляющих до 80 % от всей лепной тары [8, с. 70-72], найдено даже на 2 единицы больше в слоях раскопа «Южный».

В заключение обзора таблицы обратим внимание на сравнительно большой процент сероглиняной посуды на Южном поселении, более чем на 10 % превышающий соответствующую группу на Козырке 12.

Также, в связи с характерной особенностью амфорной тары, всегда дающей значительно большее число фрагментов, для более точного определения количественного соотношения амфор в слоях и комплексах обоих поселений, кажется необходимым провести отдельно анализ амфорных ножек.

В итоге была составлена таблица распределения ножек амфор в слоях и комплексах Козырка 12 и раскопа «Южный» (см. Табл.3). Исходя из полученных данных видно, что в материалах южного раскопа преобладают амфоры более раннего времени, такие как Хиос пухлогорлый, сероглиняный Лесбос, красноглиняный Лесбос (т.н. стаканообразные) и т.д. на контрасте с северным поселением, ножки из списков которого относятся в основном к таким центрам, как Херсонес, Гераклея, Хиос (с колпочковой ножкой). Данное распределение отражает картину преобладания позднеархаических комплексов на «южном» поселении и активную жизнедеятельность на Козырке 12 в классико-эллинистический период.

Для большей наглядности наличия различий между вещественными комплексами памятников было также принято решение обратиться к методам статистического анализа. На основании имеющихся данных составлена матрица парных компонент [12, с. 148-149], которые были визуализированы с помощью многомерного шкалирования и представлены в виде графика в декартовых координатах.

В ходе исследования составлялась таблица, в которой в форме альтернативных качественных признаков было принято наличие или отсутствие в слоях и комплексах памятников фрагментов амфор некоторых центров производства амфорной тары. После чего полученные данные обрабатывались в программе Stastistica 8.0. По итогу мы получили матрицу парных коэффициентов различия (Percent disagreement), симметричную относительно главной диагонали, отражающую корреляцию между комплексами и слоями поселений (Табл.4).

Для визуализации полученных данных применялось Многомерное шкалирование (Multidimensional Scaling)[1] (Табл. 1). Из полученного графика видно, что комплексы и слои поселения Козырка 12

[1]Многомерное шкалирование – метод анализа и визуализации данных с помощью расположения точек, соответствующих изучаемым объектам, в пространстве меньшей размерности, чем пространство признаков объектов. Точки размещаются так, чтобы попарные расстояния между ними в новом пространстве как можно меньше отличались от эмпирически измеренных расстояний в пространстве признаков изучаемых объектов [11].

и «южного» поселения за несколькими исключениями составляют две отдельные группы, признаки внутри которых связаны меньшим расстоянием, чем между друг другом.

Таким образом, вполне наглядным представляется факт, отмеченный еще Е.Я. Роговым [1, л.18], что в течение классико-эллинистического времени на северном и южном берегу Чуприновой балки существовали два автономных относительно друг друга поселения. Причем в конце V – начале IV вв. до н.э. население данных памятников, по всей видимости, могло относиться даже к разным этническим группам, о чем, возможно, свидетельствуют описанные выше особенности домостроительства, а также типы лепных сосудов, встречающиеся на памятниках лесостепной зоны. В архаический же период, напротив, оба поселения могли составлять единый социокультурный организм.

Список литературы

1. Научный архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. Д.52. 1990 г. Рогов Е.Я. Отчёт о работе Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. Ф. 35. 1990 г. Д. 52.

2. Научный архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. Д.53. 1990 г. Полевые списки находок поселения Козырка 12 и раскопа «Южный».

3. Научный архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. Д.54. 1990 г. Полевые чертежи. Л. 5,6,7,8,9.

4. Научный архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. Д.52. 1991 г. Рогов Е.Я. Отчёт о работе Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. Ф. 35. 1991 г. Д. 43.

5. Научный архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. Д.52. 1992 г. Рогов Е.Я. Отчёт о работе Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. Ф. 35. 1992 г. Д. 26.

6. Головачева Н.К., Марченко К.К., Рогов Е.Я., Соловьев С.Л. «Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период)»// КСИА АН СССР. 1990 г. С. 66-71.

7. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990 г. 130 с.

8. Марченко К.К. Античное поселение Козырка 12// Причерноморье а античное и раннесредневековое время. Ростов н/Д, 2013. С 276-293.

9. Марченко К.К. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой плоовины I в. до н.э. // КСИА № 143. С. 70 – 77.

10. Марченко К.К., Доманский Я.В. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников) // Stratum plus. 1999. № 3. С. 26-74.

11. Толстова Ю.Н. Основы многомерного шкалирования: учебное пособие. М.: КДУ, 2006. 160 с.

12. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Изд-во Высшая школа, 1987. 216 с.

Список сокращений

ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук УССР

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение института археологии Академии Наук СССР

НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры

НКМ – Николаевский краеведческий музей

Иллюстрации

Табл.1. Строительные комплексы позднеархаического времени на поселениях Козырка 12 и Козырка 12- южная.

Поселение	Строительный комплекс, №	Форма	Форма в плане	Глубина, м	Размеры, м (S, м^2)	Ориентация	Датировка	Наличие ямок
Козырка 12	СК-9	з	подчетырехугольная	0,7	(15)	нет	позднеархаическая	нет
Козырка 12	СК-22	з	подчетырехугольная	0,65	4,7х3 (14,1)	СЗ-ЮВ	1/3 V в. до н.э.	2
Козырка 12	СК-28	п-з	Овалая	0,2	3,6х1,6 (5,8)	СЗ-ЮВ	1/2 V в. до н.э.	2
Козырка 12	СК-29	п-з	Овалая	0,55-0,58	2,3х2,6 (6)	СЗ-ЮВ	позднеархаическое время	2
"Южная"	СК-1	з	овальная	0,95	4х3,15 (13,5)	С-Ю	к. VI - 1/4 V в. до н.э.	Нет
"Южная"	СК-2	з	четырехугольная	1,1	2,4х2,05 (4,92)	С-Ю	2/2-4/4 V в. до н.э.	Нет
"Южная"	СК-3	з	овальная	0,75	3,5х3 (10,5)	З-В	позднеархаическое время	8
"Южная"	СК-4	з	подчетырехугольная	0,7	1,7х2,0 (3,4)	Нет	позднеархаическое время	Нет
"Южная"	СК-5	з	почетырехугольная	0,8	2,7х2,8 (7,56)	Нет	3/4 V в. до н.э.	Нет
"Южная"	СК-6	з	подчетырехугольная	0,8	3,7х3,75 (14)	Нет	позднеархаическое время	5
“Южная”	СК-8	з	Овальная	0,8	4,0х3,2 (12,8)	С-Ю	позднеархаическое время	Нет
"Южная”	СК-9	п-з	подпрямоугольная	0,6	2,5х3,4 (8,5)	Нет	позднеархаическое время	нет

Табл.2. Соотношение групп керамики в слоях и комплексах поселений Козырка 12 и Козырка 12- южная

	Поселение			
	Козырка 12		Козырка 12- южная	
Группа керамики	единиц	%	единиц	%
Амфоры	9092	92	9401	84
Расписная	6	0,8	2	0,1
Чернолаковая	71	9,4	143	8
Красноглиняная	66	8,7	163	9,3
Сероглиняная	295	39	934	53
Лепная	270	35,7	452	25,7
Кухонная	44	5,8	64	3,6
Всего	9850	100	11160	100

Табл.3.Распределение амфорных ножек в слоях и комплексах поселений Козырка 12 и Козырка 12- южная:

	К-1	К-2	К-3	К-4	К-5	Ю-1	Ю-2	Ю-3	Ю-4	Ю-5	6	Ю-7
Херсонес		2			1							
Гераклея		11	10	1	1		2		4	1		3
Хиос колп.		2	3						1		1	
Менде		2										
Фасос	1		4	1				1	1			
Протофасос						1		3				1
Стаканооб.						1	1		1			
Лесбос								2			1	
Хиос пухлг	1		4		1		1	6		3		2

К1 – Яма №133; К2 – восточный котлован; К3 – западный котлован; К4 – нижняя часть заполнения траншей №№ 5, 6, 9; К5 – неизвестный список; Ю1- СК-1; Ю2- СК-4; Ю3- сырцово-золистый слой; Ю4 - сырцово-золистый слой (квадраты 2-3); Ю5- квадрат 1 (шурф); Ю6 - сырцово-золистый слой (квадраты 2-3); Ю7 – квадрат 1 (шурф).

Табл.4. Матрица парных коэффициентов различия для качественных альтернативных признаков наличия или отсутствия фрагментов амфор определенных центров в слоях и комплексах поселений Козырка 12 и Козырка 12- южная за 1990 г.

	кв.1.(шурф)	кв.2-3(пахот. сл.)	кв.2-3(сырц - зол. сл.)	дерн. слой	сырц-зол. сл.	сыр2-зол. сл.	сл. (зап.ч.раск.)	СК-4	СК-1	СК-2	Ник.ч.зап. траш.5.6. 9	Зап.траш. 7.	СК-27	Зап.котл.	Вост.котл.	Зап.кот.№ 10.	ЯмаN131	ЯмаN132	Зач. Ю-З части площади	ЯмаN133	?
кв.1.(шурф)	0,00000	0,11765	0,23529	0,35294	0,29412	0,29412	0,35294	0,29412	0,35294	0,35294	0,35294	0,29412	0,35294	0,41176	0,35294	0,47059	0,35294	0,35294	0,35294	0,29412	0,47059
кв.2-3(пахот. сл.)	0,11765	0,00000	0,23529	0,35294	0,29412	0,29412	0,23529	0,29412	0,35294	0,35294	0,23529	0,29412	0,35294	0,29412	0,35294	0,47059	0,35294	0,35294	0,35294	0,29412	0,47059
кв.2-3(сырц - зол. сл.)	0,23529	0,23529	0,00000	0,23529	0,17647	0,17647	0,35294	0,29412	0,35294	0,35294	0,35294	0,05882	0,11765	0,29412	0,23529	0,23529	0,23529	0,23529	0,23529	0,17647	0,23529
дерн. слой	0,35294	0,35294	0,23529	0,00000	0,17647	0,05882	0,35294	0,17647	0,23529	0,23529	0,11765	0,29412	0,11765	0,29412	0,35294	0,11765	0,11765	0,11765	0,35294	0,05882	0,35294
сырц-зол. сл.	0,29412	0,29412	0,17647	0,17647	0,00000	0,11765	0,17647	0,11765	0,29412	0,17647	0,17647	0,23529	0,05882	0,11765	0,17647	0,17647	0,17647	0,17647	0,17647	0,11765	0,29412
сыр2-зол. сл.	0,29412	0,29412	0,17647	0,05882	0,11765	0,00000	0,29412	0,11765	0,17647	0,17647	0,17647	0,23529	0,05882	0,23529	0,29412	0,17647	0,05882	0,05882	0,29412	0,00000	0,29412
сырц-зол сл. (зап.ч.раск.)	0,35294	0,23529	0,35294	0,35294	0,17647	0,29412	0,00000	0,17647	0,23529	0,35294	0,23529	0,41176	0,23529	0,17647	0,35294	0,35294	0,35294	0,35294	0,35294	0,29412	0,47059
СК-4	0,29412	0,29412	0,29412	0,17647	0,11765	0,11765	0,17647	0,00000	0,17647	0,17647	0,17647	0,35294	0,17647	0,23529	0,29412	0,29412	0,17647	0,17647	0,29412	0,11765	0,41176
СК-1	0,35294	0,35294	0,35294	0,23529	0,29412	0,17647	0,23529	0,17647	0,00000	0,23529	0,35294	0,41176	0,23529	0,41176	0,47059	0,35294	0,11765	0,11765	0,47059	0,17647	0,47059
СК-2	0,35294	0,35294	0,35294	0,23529	0,17647	0,17647	0,35294	0,17647	0,23529	0,00000	0,23529	0,41176	0,23529	0,29412	0,35294	0,35294	0,11765	0,11765	0,35294	0,17647	0,47059
Ник.ч.зап. траш.5.6. 9	0,35294	0,23529	0,35294	0,11765	0,17647	0,17647	0,23529	0,17647	0,35294	0,23529	0,00000	0,41176	0,23529	0,17647	0,35294	0,23529	0,23529	0,23529	0,35294	0,17647	0,47059
Зап.траш. 7.	0,29412	0,29412	0,05882	0,29412	0,23529	0,23529	0,41176	0,35294	0,41176	0,41176	0,41176	0,00000	0,17647	0,23529	0,17647	0,29412	0,29412	0,29412	0,29412	0,23529	0,17647
СК-27	0,35294	0,35294	0,11765	0,11765	0,05882	0,05882	0,23529	0,17647	0,23529	0,23529	0,23529	0,17647	0,00000	0,17647	0,23529	0,11765	0,11765	0,11765	0,23529	0,05882	0,23529
Зап.котл.	0,41176	0,29412	0,29412	0,29412	0,11765	0,23529	0,17647	0,23529	0,41176	0,29412	0,17647	0,23529	0,17647	0,00000	0,17647	0,29412	0,29412	0,29412	0,29412	0,23529	0,29412
Вост.котл.	0,35294	0,35294	0,23529	0,35294	0,17647	0,29412	0,35294	0,29412	0,47059	0,35294	0,35294	0,17647	0,23529	0,17647	0,00000	0,35294	0,35294	0,35294	0,11765	0,29412	0,35294
Зап.кот.№ 10.	0,47059	0,47059	0,23529	0,11765	0,17647	0,17647	0,35294	0,29412	0,35294	0,35294	0,23529	0,29412	0,11765	0,29412	0,35294	0,00000	0,23529	0,23529	0,35294	0,17647	0,35294
ЯмаN131	0,35294	0,35294	0,23529	0,11765	0,17647	0,05882	0,35294	0,17647	0,11765	0,11765	0,23529	0,29412	0,11765	0,29412	0,35294	0,23529	0,00000	0,00000	0,35294	0,05882	0,35294
ЯмаN132	0,35294	0,35294	0,23529	0,11765	0,17647	0,05882	0,35294	0,17647	0,11765	0,11765	0,23529	0,29412	0,11765	0,29412	0,35294	0,23529	0,00000	0,00000	0,35294	0,05882	0,35294
Зач. Ю-З части площади	0,35294	0,35294	0,23529	0,35294	0,17647	0,29412	0,35294	0,29412	0,47059	0,35294	0,35294	0,29412	0,23529	0,29412	0,11765	0,35294	0,35294	0,35294	0,00000	0,29412	0,47059
ЯмаN133	0,29412	0,29412	0,17647	0,05882	0,11765	0,00000	0,29412	0,11765	0,17647	0,17647	0,17647	0,23529	0,05882	0,23529	0,29412	0,17647	0,05882	0,05882	0,29412	0,00000	0,29412
?	0,47059	0,47059	0,23529	0,35294	0,29412	0,29412	0,47059	0,41176	0,47059	0,47059	0,47059	0,17647	0,23529	0,29412	0,35294	0,35294	0,35294	0,35294	0,47059	0,29412	0,00000
Means	0,41176	0,41176	0,29412	0,05882	0,23529	0,11765	0,41176	0,23529	0,17647	0,17647	0,17647	0,35294	0,17647	0,35294	0,41176	0,17647	0,05882	0,05882	0,41176	0,11765	0,41176
Std.Dev.	0,50730	0,50730	0,46967	0,24254	0,43724	0,33211	0,50730	0,43724	0,39295	0,39295	0,39295	0,49259	0,39295	0,49259	0,50730	0,39295	0,24254	0,24254	0,50730	0,33211	0,50730
No.Cases	17,00000																				

Литвинова Мария Константиновна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Бутягин Александр Михайлович, ассистент

Восстание Савмака: обзор литературы и источников

Savmak's uprising: a review of literature and sources

Аннотация. *В статье на основании вещественных источников – нумизматики, эпиграфики и письменных источников – археологических отчетов, публикаций о восстании Савмака рассматриваются основные точки зрения на это событие, произошедшее в конце II в. до н.э. в Боспорском царстве. Савмак – представитель скифской знати, входивший в круги боспорской аристократии и устроивший заговор против Перисада V, последнего царя Пантикапея.*

Ключевые слова: *Боспорское царство; Савмак; Митридат Евпатор; Пантикапей; Феодосия.*

Abstract. *Based on material sources - numismatics, epigraphy and written sources - archaeological reports, publications about the Savmak uprising, the main points of view on this event that occurred at the end of the 2nd century BC are considered in the article. BC. in the Bosporus kingdom. Savmak is a representative of the Scythian nobility who was part of the Bosporan aristocracy and who organized a conspiracy against Perisad V, the last king of Panticapaeum.*

Key words*: Bosporan Kingdom; Savmak; Mithridates Eupator; Panticapaeum; Theodosia.*

Положение Боспора на протяжении всего II в. до н.э. стремилось к упадку из-за политических процессов внутри Северного Причерноморья.

После образования Неаполя Скифского в III в. до н.э. участились набеги скифов на Херсонес, которым город оказывал сильное сопротивление. В 179 г. до н.э. был заключен мирный договор между Херсонесом и Фарнаком I, понтийским царем, с целью найти союзника в борьбе со Скифией.

В конце II в. до н.э. набеги варваров продолжились на Херсонес (Рис. 1). Херсонеситы обратились за помощью к Митридату VI, внуку Фарнака I. Для защиты Херсонеса Митридат отправил армию во главе с Диофантом. Диофантовы походы в ранней историографии датировались 110-107 гг. до н.э. [4], современная датировка 113-107 гг. до н.э. [3].

Пользуясь Херсонесом как базой, Диофант нанес поражение скифскому царю Палаку. Затем Диофант отправился на Боспор, где ему удалось принудить часть скифов, которые воевали против Боспора, прекратить военные действия. Также полководец получил приглашение от боспорского царя Перисада V с целью передачи власти Митридату VI. Перисад был не в состоянии бороться с варварами. Царю некому было передать власть, кроме Митридата (*Strab*. VII. 7).

Когда Диофант вел переговоры о передаче трона Митридату, на Боспоре вспыхнуло восстание скифов во главе с Савмаком, который убил царя Перисада. Но Савмака не казнили, а отправили в Понт на суд Митридату. Основные очаги восстания – Феодосия и Пантикапей – были подавлены Диофантом.

Задачи исследования: анализ публикаций о восстании Савмака для изложения основных точек зрения на событие и выделения наиболее обоснованной из них.

Для исследования были использованы труды В. Ф. Гайдукевича, а также статьи К. В. Голенко и С. А. Жебелева, археологические отчеты В. Д. Блаватского и Е. А. Катюшина, исследование А. В. Орешникова. Среди иностранных источников стоит упомянуть каталог монет грузинских ученых Тедо и Джиорджи Дундуа.

Письменные источники

О восстании Савмака известно из херсонеского декрета в честь Диофанта, который хранится в Государственном Эрмитаже. Декрет является надписью на мраморном постаменте (Рис. 2) медной статуи, установленной жителями Херсонеса в честь полководца Диофанта, сына Асклепиодора, гражданина Синопы, «за доблесть и расположение к народу» (IOSPE I^2, 1916, 352).

Эпиграфический памятник был найден в 1878 г. В 1881 г. в ЗООИД была опубликована статья В. Н. Юргевича, в которой исследо-

ватель описал декрет. «На углу, образующем линию древнего водопровода <…> найден на половину разбитый мраморный камень» [16, с.1] - местонахождение декрета. Длина камня 1 метр, толщина 30 сантиметров, слова по обеим сторонам надписи испорчены.

Историк делает вывод: Савмак был скифом, которого взял на воспитание Перисад. Савмак – руководил восстанием и убил Перисада V. Савмака отправили на суд Митридату VI, который «…приняв херсонесцев под свое покровительство, оставил им прежнюю автономию, но за нее пришлось им платить очень дорого» [16, с.42]. Из Страбона известно, что жители Боспорского царства должны были платить дань Митридату в 180000 мер пшеницы и 200 талантов серебра (*Strab*. VII. 4. 6). Херсонеситы также должны были участвовать в военных походах Диофанта.

В 1885 г. и 1916 г. В. В. Латышевым были опубликованы два перевода текста декрета в честь Диофанта.

В 1933 г. С. А. Жебелев в ВДИ обратился к декрету. По мнению исследователя, это восстание скифских рабов под предводительством доморощенного раба. «В декрете в честь Диофанта, там, где говорится о его расправе с повстанцами, движение их называется «восстанием» — επαναστασις; тот же термин употребляет, между прочим, Фукидид, упоминая о восстании спартанских илотов. <…> Декрет, говоря о начале движения, пользуется термином νεωτερίζειν. Этот термин <…> очень часто употребляется в специальном значении «стремиться к государственному перевороту», «производить социально-политическое революционное движение» [7, с.65]. С. А. Жебелев предположил, что причина восстания – национальное самосознание и классовая борьба. Скифы хотели создать свое государство, как и у скифского царя. Причина поражения - скифские рабы были предоставлены своим силам [7, с.69].

В 1948 г. в Симферополе с докладом «Декрет в честь Диофанта» против теории С. А. Жебелева выступил профессор С.Я.Лурье. «Согласно С. Я. Лурье, выражение εκθρεψαντα αυτον относится вовсе не к Савмаку, а к Диофанту. <…> интересующее нас место в декрете надо читать так: «Когда скифы во главе с Савмаком, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, воспитавшего его, т.е. Диофанта…» [4, с. 536] Воспитанником Перисада,

в интерпретации С. Я. Лурье, был Диофант. Однако Диофант, в переводе В. В. Латышева именуется гражданином г. Синопы и сыном Асклепиодора (IOSPE I^2, 1916, 352).

Э. Л. Казакевич высказала предположение, что слова των περι Σαυμακον Σκυθαν означают, что Савмак был известен до восстания скифов. Οι περι τον δεινα - оборот встречается в античное время применительно к хорошо известным лицам [9, с.63]. Глагол εχτρεφω в тексте надписи означает, что некое лицо находилось на попечении Перисада в детские годы. Э. Л. Казакевич первая предположила, что Савмак не имел рабское происхождение.

Археолог Ю. А. Виноградов, используя информацию о междинастических связях скифского и боспорского дома, делает вывод, что при дворе Спартакидов он мог жениться на одной из дочерей боспорского царя. По причине высокого поста и дружбы с другими представителями знати, был возможен успех проведения переворота [3, с.83].

С. Ю. Сапрыкин считает, что слова τον εκθρεψαντα относятся к Митридату Евпатору, используя пример института совоспитанников (οι συντροφοι) в Понтийском царстве – детей знатных родов отдавали на воспитание в царские дома для обучения [14, с.145]. Власть к Митридату перешла от Перисада V через соправительство. Известно, что Диофант не был представителем аристократического рода, поэтому он не мог стать совоспитанником боспорского дома [14, с.143].

Е. А. Молев предположил, что восстание вспыхнуло так быстро, поскольку наемников Перисада V контролировала боспорская знать [12, с.42], а Савмак был лидером представителей боспорской аристократии. Причина выступления: желание скифской знати сохранить статус.

Нумизматические источники

Известно о существовании семи монет, принадлежащих Савмаку, которые разделены на три типа. Первый тип: монеты с изображением Гелиоса на аверсе и изображением быка на реверсе. Над быком надпись ΒΑΣΙ, а под быком ΣΑΥ(Λ)Μ (Рис. 3-1). Монеты изготовлены из низкопробного серебра и из бронзы. Второй тип: монета с изображением головы Гелиоса в лучевой короне на аверсе (Рис. 3-2). На реверсе – изображение граната, над гранатом надпись ΒΑΣΙ,

под гранатом ΣΑΥ. Монета сделана из серебра. Третий тип: монеты с изображением головы Гелиоса в анфас в лучевой короне (Рис. 3-3). На реверсе – крылатая молния. Над изображением молнии надпись ΒΑΣΙ, ниже ее можно увидеть ΣΑΥ. Монеты изготовлены из меди и серебра.

Впервые монета была найдена и продана неким Вилем, который и сообщил сведения о ее находке на кавказском побережье. В 1876 г. А. Заллет опубликовал античную монету. Она была изготовлена из низкопробного серебра и биллона. На аверсе изображена голова Гелиоса в профиль, на реверсе – голова быка. Ученый предположил, что монета могла принадлежать колхидскому или скифскому царю «позже времени Александра Македонского, но ранее Римской империи» [17, p. 59]. В 1888 г. А. Заллет опубликовал вторую монету с надписью ΒΑΣΙ ΣΑΥ. По мнению А. Заллета, внешние признаки монеты говорят о том, что Савмак на монете и Савмак из херсонесского декрета – это один человек [18, p.4].

А. В. Орешников высказал иную точку зрения. В окрестностях Сухуми ученый приобрел монеты для Государственного Исторического Музея. Среди них оказались монеты, вероятно принадлежащие Савмаку, выполненные из низкопробного серебра. Изображение быка на реверсе монет схоже с колхидиками. Ученый считает, что это может указать на их Колхидское происхождение. Однако они «могли случайно попасть на Кавказское побережье, независимо от их места чекана» [13, с.8]. По мнению А. В. Орешникова, считать Савмака, известного по найденным монетам, и Савмака из декрета, «одним и тем же лицом, пока преждевременно» [13, с.7].

Основываясь на определенной технике резьбы надписи на штемпеле – апицированности [4, с.13] – надпись, буквы которой имеют форму шара, археолог В. Ф. Гайдукевич делает вывод, что рядом с шарообразной левой верхушкой крайней буквы видна другая шарообразная правая верхушка буквы (Рис. 3-4). Следовательно, М могла следовать после Υ. Приведя в пример монету Фанагории (Рис.4) с изображением граната, автор видит генетическую связь монет Савмака с боспорским монетным двором.

Нахождение монет в районе древней Колхиды В. Ф. Гайдукевич объясняет тем, что Кавказское побережье и Боспор в то время свя-

зывали морские коммуникации и торгово-денежные отношения [5, с.94]. Небольшой размер монет, их качество В. Ф. Гайдукевич связывает с отсутствием серебра и золота в боспорской казне.

Однако К. В. Голенко пришел к другому выводу, что монеты принадлежат колхскому царю Саулаку, который был упомянут Плинием Старшим. (*Plin*. Hist. Nat. XXXIII. 51). К. В. Голенко в защиту позиции приводит следующие аргументы.

Во-первых, реверсный тип монет Савмака с изображением быка схож с колхидскими монетами (Рис. 5). Во-вторых, К. В. Голенко представляется, что то обстоятельство, что большинство монет Савмака найдены в одном географическом районе, является доказательством того, что чеканка монет осуществлялась в месте их обнаружения [6, с.79].

В-третьих, маловероятно использование разных типов монет за небольшой срок правления Савмака. Для городских боспорских монет характерна стабильность типологии для выпуска одного номинала. Так, между монетами первого и второго типа существуют различия в используемом материале. Для изменения монетного типа и деградации пробы металла требуется много времени, однако им Савмак не располагал [6, с.74].

Также по мнению грузинских ученых Джиорджи и Тедо Дундуа, надпись на монете стоит читать, как ΒΑΣΙ ΣΑΥΜ. А изображение на монетах быка характерно не только для Колхиды, но и для греческих полисов.

Археологические источники

Известно, что силы Савмака базировались в Феодосии и Пантикапее. Диофант, подавляя восстания на Боспоре, напал на Феодосию и на Пантикапей, что отразилось на их городских постройках. Эти разрушения можно обнаружить, исходя из отчетов о раскопках в Феодосии и Пантикапее.

Раскопки в Феодосии были начаты в середине XIX в., когда И. К. Айвазовский, А. А. Сибирский, Е. Ф. де Вильнев и А. Е. Люценко раскопали курганный некрополь V-III в. до н.э. Раскопки этого же некрополя продолжил А. Л. Бертье-Делагард в 1894 г. В 1949 г. и 1951-1952 г. проводились раскопки под руководством И. Б. Зеест.

На протяжении конца 70-х, 80-х и 90-х гг. XX в. проводились раскопки под руководством Е. А. Катюшина.

В 1953 г. в КСИИМК был опубликован археологический отчет И. Б. Зеест о раскопках на Карантинной горке в Феодосийском городище. Из отчета следует, что «Городские слои, связанные с позднейшим античным периодом, сохранились гораздо хуже. Встретившиеся здесь находки, архитектурные детали и следы большого пожара свидетельствуют о частых перепланировках и изменениях в городском строительстве» [8, с.147]. По словам И. Б. Зеест, слоев, относящихся к I в. н.э. не сохранилось, следовательно в Феодосии в II-I в. до н.э., произошел крупный пожар. На плане (Рис. 6) мы можем увидеть, что слои, которые находятся ниже слоя пожарища относятся к позднеэллинистическому времени, а слой, находящийся выше пожарища, относится к периоду генуэзской Каффы.

Е. А. Катюшин в книге «Феодосия. Каффа. Кефе» предположил, что нападение Диофанта на Феодосию - это «карательная акция» против жителей города, поддерживающих восставших [10, с.44]. Доказательство этому, что большая часть жилых кварталов и сельских округов подверглась сильным разрушениям.

В Пантикапее раскопочные работы были начаты в XIX в. С 1945 г. под руководством профессора В. Д. Блаватского начались систематические раскопки городиша. В 1957 г. был опубликован отчет В. Д. Блаватского в МИА. Ученый отметил, что во II в. до н.э. проводились большие ремонтные работы по восстановлению разрушенного Пантикапея: «Так, на восточном склоне Митридатовой горы опустошения были настолько велики, что потребовалось заново сооружать террасы, строить подпорные стены и наваливать насыпи» [2, с.61]. Для таких работ характерно большое количество строительного мусора. В частности, в 1947 г. во время раскопок была обнаружена насыпь из гумированной супеси и суглинка, включающая в себя обломки черепиц – боспорских и синопских, остродонных амфор, чернолаковой посуды времени VI-II вв до н.э. В. Д. Блаватский предполагает, что эта насыпь относится к I в. до н.э. «…она была набросана при сооружении террас города, возможно, в связи с восстановительными работами после разрушения Пантикапея II в. до н.э.» [1, с.47].

Оборонительные сооружения Пантикапея также подверглись разрушениям. В 1976 г. в ходе археологической разведки под руководством В. П. Толстикова было обнаружено, что в центре акрополя Пантикапея «существовала небольшая по площади, но мощная цитадель», которая состояла из башни и стены. Однако укрепление было разрушено пожаром в конце II в. до н.э. [15, с.412].

Район города с домами богатых граждан был разрушен, но никаких работ по восстановлению района не производилось. После восстания Савмака, насильственное взятие города привело к гибели одной части населения, а другая была обращена в рабство [1, с.133]. Митридат VI не способствовал восстановлению города, он облагал его новыми поборами для ведения новых войн с Римом.

Стоит отметить необычное построение кладки, когда в одной из кладок стен здания в Пантикапее были обнаружены хорошо оттесанные квадры рядом с небрежно высеченными блоками. В. Д. Блаватский предполагает, что камни из кладки были взяты из разрушенных кладок зданий, которые относятся к более ранним периодам. По мнению профессора, постройки, «простоявшие до конца II в. или до первых десятилетий I в. до н.э. подверглись разрушению в одно время, и из них брали строительные материалы при восстановлении подпорных стен» [2, с.66].

Заключение

Наиболее верная интерпретация херсонесского декрета в честь Диофанта дана В. В. Латышевым. Благодаря статье С. А. Жебелева, появилась версия, что Савмак – скифский раб, который руководил восстанием рабов. На наш взгляд, версии восстания Савмака таких ученых, как Ю. А. Виноградов, С. Ю. Сапрыкин, В. Ф. Гайдукевич, Е. А. Молев, являются наиболее обоснованными, и выглядит общая картина следующим образом.

Савмак входил в круги высшей аристократии Боспора, поэтому мог претендовать на боспорский престол. Известно, что боспорский и скифский царские дома были тесно связаны династическими связями и практикой воспитания представителей скифского царского дома при боспорском царском дворе.

Заговор против Перисада составили представители скифской аристократии. Во главе дворцового переворота стоял Савмак,

как наиболее вероятный претендент на престол. Боспорская знать опасалась потерять привилегии после юридического оформления передачи власти Митридату Евпатору.

Савмак выпустил несколько монет различного чекана. Часть монет делалась из разных металлов, т.к. боспорская казна была пуста. Монеты были найдены на территории бывшего Колхидского царства. Однако возникла трудность в трактовки надписях на монетах. Обычно на античных монетах указывалось имя того, кто выпустил эту монету, но в данном случае последние буквы имени того, кто чеканил монету, сохранились плохо. Поэтому одна часть исследователей предлагала читать надпись на монете как ΣΑΥΛ, а другая часть исследователей как ΣΑΥΜ. Из-за этого на протяжении нескольких десятилетий в середине XX в. возникла полемика между В. Ф. Гайдукевичем и К. В. Голенко. Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что легенды на монетах корректнее читать как ΣΑΥΜ.

Разрушения в Феодосии и в Пантикапее, по мнению большинства археологов, относятся ко времени, когда Диофант подавлял восстание Савмака. На основе археологический отчетов И. Б. Зеест на Карантинной горке в Феодосийском городище и раскопках В. Д. Блаватского в Пантикапее, можно проследить разрушения в обоих городах в один и тот же период времени. Таким образом, используя письменные и вещественные источники, нам удалось выделить основную версию восстания Савмака.

Список литературы

Источники:

1. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве/ Пер. Г. А. Таронян. М., 1994. 942 с.

2. Страбон. География// Пер: Г. А. Стратановский. М.: Изд-во «Наука», 1964. 944 с.

Литература:

1. Блаватский В. Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М.:Изд-во «Наука», 1964. 232 с.

2. Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.// МИА. 1957. №56. С. 8-65.

3. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55-87.

4. Гайдукевич В. Ф. Еще о восстании Савмака// ВДИ. 1962. №1. С. 3-23.

5. Гайдукевич В. Ф. К дискуссии о восстании Савмака// Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья: к столетию со дня рождения академика С. А. Жебелева/ Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во «Наука», 1968. С. 81-95.

6. Голенко К. В. Еще раз о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. №3. С. 69-81.

7. Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ. 1938. №3. С. 49-71.

8. Зеест И. Б. Раскопки Феодосии//КСИИМК. 1953. №51. С. 143-148.

9. Казакевич Э. Л. К полемике о восстании Савмака // ВДИ. 1963. №1. С. 57-70.

10. Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. Феодосия: Изд-во «Коктебель», 1998. 159 с.

11. Молев Е. А. Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М., 2003. 399 с.

12. Молев Е. А. Властитель Понта. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1995. 144 с.

13. Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Вып. II. М.: Изд-во Синодальная типография, 1914. 68 с.

14. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Изд-во «Наука», 1996. 348 с.

15. Толстиков В. П. Раскопки Пантикапея//Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 412.

16. Юргевич В. Н. Псефизм древнего г. Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов//ЗООИД/ Одесса. 1881. С. 1-48.

17. Sallet A. Saum… oder Saul…, ein kolchischer oder scythischer König// ZfN. Vol. III. 1876. P. 58-60.

18. Sallet A. Die Erwerbungen des Königlichen Münzkabinetts// ZfN. Vol. XVI. 1888. P. 1-32.

Список сокращений

1. КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории и материальной культуры

2. ВДИ – Вестник древней истории

3. ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

4. МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

5. ZfN – Zeitschrift für Numismatik

6. IOSPE I^2 – Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Volumen I (2nd ed.). Petropoli. 1916.

Иллюстрации

1. Карта Северного Причерноморья; 2. Херсоннеская посвятительная надпись в честь Диофанта. Источник: http://www.mithridat-eupator.ru/diofant.htm (дата обращения 9.06.19); 3-1. Монета Савмака I типа. Рис. 3-2. Монета Савмака II типа. Рис. 3-3. Монета Савмака III типа. (Чореф М. М. Монеты боспорского и херсоннеского чекана с изображением Гелиоса на аверсе как источник исторической информации//Вестник Нижегородского университета. №5. С. 76.) Рис. 3-4. Реверс монеты Савмака с надписью ΒΑΣΙ ΣΑΥΜ(Λ) (Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку// Вестник древней истории. 1951. №4); 4. Фанагорийская монета с изображением цветка граната на реверсе (ок. 100-95 гг. до н.э.) В. А. Анохин История Боспорского Киммерийского. Киев: Изд-во «Одигитрия». 1999. С.106; 5. Колхидская монета с изображением головы быка в профиль на реверсе. (ок. 470 до н.э.) Источник: http://www.wildwinds.com/coins/greece/kolchis/t.html (дата обращения: 10.06.19); 6. Разрез через раскоп Карантинной Горки. (Зеест И. Б. Раскопки Феодосии//Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории и материальной культуры. 1953. №51. С. 143.

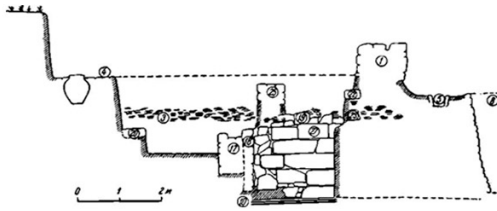

1

2

6

3-1

3-2

3-3

3-4

4

5

Кравцова Юлия Дмитриевна,
Южный федеральный университет
Научный руководитель:
Вдовченков Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент

К вопросу о технологии производства фибул римского времени из поселений Нижнего Дона

To the question of the technology of production of fibulae of the Roman time from the settlements of the Lower Don region

Аннотация. *В данной работе рассмотрены способы производства фибул, которыми руководствовались древние мастера I-III вв. н.э. Кобякова и Крепостного городища, главного экономического центра Нижнего Дона - Танаиса. Попытка проследить процесс изготовления металлических застежек фибул, основные технические особенности и признаки способов, сформированные некоторыми учеными.*

Ключевые слова: *Способы производства; технология; фибулы; реконструкция; Нижний Дон; металлические застежки.*

Abstract. *In this paper we consider the methods of production of fibulae, which guided the ancient masters of the I-III centuries A.D. Kobyakovo and Krepostnoe settlement, the main economic center of the Lower Don region-Tanais. The attempt to trace the process of manufacturing metal buckles, brooches, main technical characteristics and features of ways generated by some scientists.*

Key words: *Ways of production; technology; fibulae; reconstruction; Lower Don region; metal buckles.*

Без применения дополнительных анализов определить способ производства того или иного металлического изделия, несомненно, сложно. Получить первостепенные данные мы можем, опираясь на трасологический метод. На его основании А.В. Красенков выделил два основных способа производства нижнедонских фибул – литье и ковка [5].

Основным признаком литых фибул является, наличие двух утолщений на спинке в виде – бусин, и аналогичной кнопки на навершии приемника. Главным аргументом в пользу литья

являются практически одинаковые по форме и размерам утолщения. А.В. Красенков считает, что данные фибулы производились путем формирования модели из воска с последующим литьем по ней и с доработкой путем ковки. В своей диссертации [5] он подробно с помощью лабораторных экспериментов попытался реконструировать и рассмотреть процесс изготовления этой категории фибул:

1) Изготовление модели фибулы из воска, дерева либо металла.

2) Изготовление литейной формы – приспособления для придания расплавленному металлу определенных очертаний.

Применительно к Нижнему Дону чаще использовалась глина. В результате раскопок 1955 г. [8] некрополя Танаиса, например, была обнаружена литейная форма для отливки металлических серег или подвески, выполненная из ручки родосской амфоры, позже на городище, в 1966г. [9], была найдена еще одна форма в сбросе различных материалов, определенных по принадлежности как инвентарь медника. Эти находки являются доказательством меднолитейного производства на территории городища, особенно развитой его ювелирной составляющей.

3) Заливка металла. Она осуществлялась с помощью специального инвентаря – тиглей [7] и льячек [7].

В эллинистическом слое во время раскопок 1960 г. в Танаисе был обнаружен небольшой тигелек [8].

4) Изготовление проволоки, которая используется при создании иглы и пружины фибулы.

5) Изготовление приемника. Для его изготовления необходимо задействование ковки. На отлитой заготовке на месте будущего приемника делалось утолщение, которое после расковывалась до принятия пластинчатой формы приемника.

6) Изготовление пружины. После того как проволоке были преданы все необходимые свойства – упругость и жесткость, мастеру необходимо было сделать определенные расчеты во избежание брака и приступить к навиванию.

Исходя из этого основными признаками способа производства литьем с дополнительной доработкой является наличие сложных элементов: биконические утолщения на спинке в виде бусин,

по форме напоминающих чечевицу, сплошной приемник, являющийся продолжением спинки, с кнопкой на конце.

Второй способ, выявленный автором — это способ холодной ковки [5]. При описании того или иного способа, несомненно, возникают трудности. Поэтому необходимо различать следы от волочения проволоки, которые выражены в неглубоких и всегда параллельных царапинах вдоль ее длины. Следы же от ковки на проволоке совершенно иные, их очень часто можно обнаружить на фибулах Танаиса [2], Кобякова [4] и Крепостного [3] городищ. На игле такой проволоки всегда будут намечены две продольные полосы.

Если говорить исключительно о спинках фибул, то в данном случае древние мастера могли комбинировать способы.

В целом, на базе приведенного процесса производства и признаков, можно определить соответствие способов производства и групп фибул, классифицированных нами раннее. Итак, литые фибулы с минимальной доработкой молотком – это фибулы групп 9 – с кнопкой на конце приемника обоих вариантов, 10 – сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке обоих серий. Кованые фибулы относятся к группам 4 – лучковые подвязные фибулы обеих серий, 8 – с завитком на конце приемника обеих серий, 11 – гибридные фибулы формы 1, 4, 6 [6].

Существует своя интерпретация процесса производства, изложенная А.К. Амброзом [1]. На основе найденных в Танаисе полуфабрикатов фибул, он предположил, что изначально фибулы вместо пружины имеют граненый стержень, который в результате механических воздействий вытягивался мастером в проволоку, в будущем ставшую пружиной и иглой. Полуфабрикат бронзовой фибулы - Т56 II XIV/9 №373 дал информацию о разметках приемника молотком, а также о вытягивании длины стержня спинки с помощью ударов молотка. Бусины на корпусе уже были сформированы, поэтому говорить о выковке их достаточно сложно. О производстве сильно профилированных фибул с биконическими утолщениями на спинке путем ковки, по мнению А.К. Амброза, говорят нам находки трех металлических брусочков. На одном из них (брусочек – Т55 II пом. Б №2307)) были размечены пружина, длина спинки, места для двух бусин, на двух других брусках следы разметки очень нечеткие [1].

Другой исследователь застежек, В.В. Кропотов тоже выделяет кованные и литые фибулы. К кованым фибулам [6] он относит «булавки» с кнопкой на конце сплошного приемника и сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке, апеллируя к находкам заготовок фибул, упомянутых А.К. Амброзом в 1969 г. Аналогичным способом делали лучковые подвязные фибулы. Но особенностью этих фибул явилось их изготовление из волоченной проволоки. Из нее скручивали без дополнительных воздействий иглу, пружину и дужку. Выковывались только сложные части – приемник и ножка. Как считает автор, такая простота способа отражается на количестве фибул. И, действительно, проволочные фибулы одни из самых часто встречаемых фибул, как в регионе нашего исследования, так и за его границами.

Другой прием – литье, Кропотовым воспроизводится таким образом [6]: изготовление модели изделия, снятие слепка модели на глиняной поверхности, заливка металла в сборную форму, остывание металла, разбивание формы, получение заготовки, дальнейшая обработка: полировка, подковывание приемника, навивание пружины.

Конкретных доказательств литого производства именно фибул на Нижнем Дону не обнаружено, поэтому автором делается вывод о доминировании кованых фибул.

Таким образом, в отношении меднолитейного производства фибул единого мнения у исследователей нет, точки соприкосновения имеются только по поводу кузнечного производства на Нижнем Дону. Но можно сделать вывод о наличие двух техник, так как археологами на территории Танаиса были обнаружены предметы инвентаря, необходимого для литья – формы из керамики, тигелек. О производстве ковкой свидетельствуют раннее указанные нами размеченные бруски металлов с частями фибул, а также обнаруженное на дне цистерны II-III вв. н.э. зубило, необходимое для данной техники. К тому же огромное количество фибул выполнено исключительно методом холодной ковки – это простейшие группы фибул, требующие небольшое количество металла в виде отлитых столбиков или проволоки (которую могли использовать вторично), небольшое количество инструментов, и нет необходимости в строго отведенном специализированном помещении. К сожалению, мы не имеем

археологических источников, демонстрирующих изготовление фибул на территории Кобякова и Крепостного городищ. Это дает нам право предполагать, что в данном регионе Танаис являлся не только экономическим центром, но и ремесленным. Мастера, изготавливающие фибулы, могли обеспечивать меотов Кобякова городища, Крепостного городища и всю сарматскую округу, так как типы фибул, заготовки которых имеются в Танаисе, были широко распространены в этих населенных пунктах.

Список литературы

1. Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969. С.248 – 273.

2. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участке строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района в Ростовской области в 2012 году. Ростов-на-Дону, 2016. Т. I – XIV//Архив ГБУК АМЗ «Танаис».

3. Горбенко А.А. Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей заповедник. Азов, 2011. 512 с.

4. Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов, 2008. 544 с.

5. Красенков А.В. Украшения I-III вв. на Нижнем Дону: вопросы типологии и технологии производства: дисс. … канд. ист. наук. URL: https://www.dissercat.com/content/ukrasheniya-i-iii-vv-na-nizhnem-donu (дата обращения 11.01.2019).

6. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. К.: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. 386 с.

7. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. 472 с.

8. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 251 с.

9. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. Москва: Наука, 1972. 351 с.

Иванова Анастасия Валерьевна,
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН, Москва)
Научный руководитель:
Стрикалов Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Находки каменных литейных форм и литников на городище Старая Рязань с 1994 по 2019 гг.

Lithic moulds and gates from Staraya Ryazan of the modern period of the archaeological excavations (1994 - 2019)

Аннотация. *В статье обобщаются все находки каменных литейных форм и литников, сделанные за современный период работы Старорязанской археологической экспедиции (с 1994 года). Данные предметы рассматриваются как важнейшие источники по изучению бронзолитейного дела древней столицы Рязанской земли. В статье также кратко описан археологический контекст находок.*

Ключевые слова: *археология; литейные формы; литники; бронзолитейное производство; городище Старая Рязань.*

Abstract. *This research article colligates all lithic moulds and gates discovered during the modern period of the archaeological excavations on the Staraya Ryazan fortified settlement (since 1994). These artifacts described as the most important archaeological sources for examination of bronze-casting craft of local artisans. The paper also contains the description of the archaeological context of these moulds and gates.*

Key words*: archaeology; foundry moulds; gates; bronze-casting craft; Staraya Ryazan fortified settlement.*

Городище Старая Рязань является, по меткому выражению составителей альбома «Старая Рязань. Клад 2005 года», «классическим мертвым городом» [4, с.5]. После трагического декабря 1237 г., когда монголы разрушили стольный град, он уже не оправился от такого потрясения. Это сделало Старую Рязань почти нетронутым поздними наслоениями памятником и обеспечило сохранность ценнейших комплексов предметов – ювелирных кладов (на данный момент их обнаружено 17)[4, с.12]. К тому же, как и во многих других древнерусских городах, в древней Рязани было развито литейное производство. Кроме тиглей и льячек, о его наличии свидетельствуют литей-

ные формы и литники [6, с.200]. Литник – это отверстие или желоб, через который в форму вливается расплавленный металл. Литейная же форма является основным специальным инструментом литейщика[2, с.78]. Их могли использовать как для изготовления целого предмета, так и отдельных его элементов. Нередко формы использовались для отлива металлических или восковых моделей, чтобы в дальнейшем отливать предметы по оттиску[2, с.78]. Целью данной работы стало изучение культурного контекста данных артефактов из категории бронзолитейного ремесла, найденных за современный период работы экспедиции (с 1994 по 2017 гг.). Для этого необходимо было составить свод форм и литников; проанализировать и кратко описать археологический контекст находок.

До настоящего времени изучение бронзолитейного дела Старой Рязани не становилось темой отдельного исследования. Некоторые материалы опубликовывал еще А.Л. Монгайт в своей монографии «Старая Рязань» в 1955 г. [3, с.133]. На его работу ссылаются также И. Е. Зайцева и Т. Г. Сарачева (упоминая некоторые из описанных им литейных форм). В монографии И. Е. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой рассматривается ювелирное дело всей «земли вятичей»[2]. Вопросами существования и планиграфического размещения камнерезных мастерских Старой Рязани занимались А. В. Чернецов и Л. А. Беляев. Разработкой классификации литейных форм начали заниматься в научной литературе ещё Б. А. Рыбаков, Н. В. Рындина[6] и др.; позже – И. Е. Зайцева и Т. Г. Сарачева. В монографии последних приведена таблица классификации всех литейных форм[2,с.79]. Эта схема взята в настоящей работе за основу для характеристики литейных форм, найденных на городище Старая Рязань.

Если говорить о современном периоде работы Старорязанской экспедиции, то в 2004 году были сделаны одни из первых находок, относящихся к теме данной работы. Небольшой фрагмент литейной каменной формы был обнаружен на раскопе 35 (кв. 17, глубина -195). На раскопе 28 обнаружены 2 литника медного сплава: в расположенных рядом квадратах (76 и 78, гл. -48 и -50)[12]. Две последних находки можно по смыслу объединить с фрагментом бронзового литника, найденного на 28 раскопе ещё в 2003 году (кв.51, гл. +10)[13]. Эти три литника хорошо вписываются в контекст пространственно-хро-

нологических связей. Раскоп №28 располагался в юго-западной части Северного городища[13]. Древнерусский слой данного раскопа разделяется на несколько хронологических горизонтов; самые мощные напластования относятся к периоду XII – начала XIII вв. В восточной части раскопа – сосредоточение нескольких ям (в т.ч., две хозяйственные ямы с отходами бронзолитейного производства - №58 и №60) – здесь обнаружен подпол наземного жилища. Датировка комплекса подтверждается находками керамики, относящейся к концу XII – началу XIII вв. По-видимому, это – усадьба бронзолитейщика, где было найдено множество следов ювелирного производства. На это указывает также и то, что помимо бронзового литника, там обнаружены фрагменты тиглей и льячек, медных пластин; ювелирные пинцеты и обрезки проволоки[10, с.66].

В 2006 году на посаде Старой Рязани был заложен раскоп №38. В том же году на раскопе обнаружили бронзовый литник (кв. 24, гл. +2), вытянутый в длину (28х6мм), расширяющийся на одном конце[9]; а в 2007 году – фрагмент литейной каменной формы (в отвале). Обломок формы – часть одной половины разъемной двустворчатой горизонтальной формы из белого камня. На лицевой стороне – углубление для крепления ко второй половине формы и два литника и литейных гнезда. Литники можно охарактеризовать как напоминающие по форме двузубец. На оборотной стороне – две длинные бороздки с насечками. В целом эти насечки формируют как бы два разных орнамента и делают данные бороздки похожими на специфические литейные гнёзда. Возможно, данную форму использовали несколько раз с разных сторон. Эта практика была вполне обычной для древнерусских литейщиков. Анализируя подобные серенские формы, на которых вырезаны мелкие дополнительные литейные гнезда, И. Е. Зайцева и Т. Г. Сарачева пишут: «…мастера стремились максимально использовать имевшиеся у них хорошо обработанные, проверенные на деле каменные створки»[2, с.83]. Квадрат 24, на котором был найден литник, расположен в юго-западной части раскопа, и вместе с кв. с 21 по 26 и частично кв. 9, 13, 17, обнаруживает темный гумусированный слой с включениями угля, печины и глины мощностью 40 – 10 см[9; 11]. На глубине +37, был обнаружен фрагмент глиняной льячки. Сказать что-то определенное о возможной

привязке данных находок к конкретному месту не представляется возможным – в позднее время участок использовался жителями села под пашню и огороды[11].

В 2008 году был заложен раскоп №41, где обнаружили обломок литейной каменной формы (кв. 21, гл. -34) из мягкого желтоватого камня с небольшим литником на лицевой стороне[8]. Т.к. фрагмент очень маленького размера, затруднительно классифицировать его по специальной таблице. Обломок обнаружили в пахотном слое[8], а значит, и в этом случае сложно говорить о конкретном археологическом контексте данной находки.

В 2010 году начались полноценные работы на заложенном ранее раскопе №40 (юго-восточная часть Северного городища) [7]. Помимо клада мастера-ювелира (обнаруженного в 10 м к северо-западу от участка № 5) в 2013 году на раскопе №40 были найдены также и многие другие следы ювелирного и бронзолитейного производства, в их числе - бронзовый литник (кв. 97, пласт 2, гл. -36) вытянутой формы [7]. Здесь просматривается похожая на раскоп №28 ситуация: все эти находки относятся к хозяйственным и жилым постройкам, которые свидетельствуют о сосредоточении в этой части городища жилищ ремесленников в конце XII – начале XIII вв.

2017 год был отмечен нахождением сразу нескольких литейных форм. Литейная каменная форма из мягкой породы камня, найденная на участке 9 раскопа №40 (в слое дерна, пахотном верхнем слое), представляет собой одну половину разъемной двустворчатой горизонтальной формы[5]. На лицевой стороне есть углубление для крепления ко второй части, неглубокий литник и литейное гнездо для отливки подвески. Оно представляет собой сферическую выемку с тремя небольшими полусферами, расположенными в форме пирамидки. На оборотной стороне – литник в форме перевернутой буквы Y. Однако наиболее заметные (не только за современный период работы экспедиции, но и за всё время археологических исследований Старой Рязани) литейные формы были обнаружены на разбитом в этом же году раскопе №47 (участок 1а, кв. 5). Их литейные гнезда напоминают «чечевицевидные» колты – серебряные колты, которые называют так из-за округлой формы и крупных бусин, окаймляющих украшение по краю. Подобные драгоценные предме-

ты входили в состав некоторых старорязанских кладов[4,с.18]. Обе найденные формы были нужны для изготовления колтов; и если вариант с крупными бусинами известен хорошо хотя бы по серебряному варианту из кладов (хотя предмета с орнаментацией такой, как на форме, обнаружено не было); то ни одного фрагмента колта с мелкими бусинами не найдено. Сами формы сделаны из мягкой желтоватой породы камня; каждая представляет собой одну половину разъемной двустворчатой горизонтальной формы. На той стороне, где вырезаны литейные гнезда, также присутствуют отверстия для крепления к другой части формы и широкие литники.

Интересен вопрос о месте производства каменных рязанских литейных форм. В 2004 году на раскопе №34 был обнаружен фрагмент каменной иконки, на обороте которой имелся паз для штырька – скорее всего, изначально она использовалась в виде литейной формы. Подобный паз также есть на другой иконке, случайно найденной в 2004 году; её оборотная сторона тоже использовалась как литейная форма. Это дало поводу А. В. Чернецову и Л. А. Беляеву полагать, что в древней Рязани в 1-й трети XIII в. действовала камнерезная мастерская по изготовлению иконок и литейных форм[1, с.185].

Подводя итоги, следует сказать, что за современный период работы экспедиции было обнаружено: 6 «жестких» (каменных) литейных форм, 2 литника медного сплава и 3 бронзовых литника. Каменные литейные формы похожи друг на друга тем, что сделаны из мягкой желтоватой породы камня. Наиболее выделяющимися находками являются две формы, обнаруженные в 2017-м году на раскопе №47; однако, изделий, в точности повторяющих литейные гнезда данных форм, пока найдено не было. В случае с раскопами №28, №40 и (возможно, так как его изучение ещё продолжается) №47 можно сказать, что находки форм и литников относятся к комплексам находок ремесленных мастерских (например, т.н. «усадьба бронзолитейщика» на раскопе №28). Такие находки относятся к концу XII – середине XIII вв. (судя по общей датировке раскопов). В случае с раскопами №38 и №41 сложнее отнести формы и литники к конкретным комплексам, так как большая часть подобных находок с этих раскопов была сделана в пахотном слое. Дальнейшее изучение найденных литейных форм может дать определенную информацию по наличию остатков

микрочастиц тех сплавов, что использовались при работе с данными формами. Это (плюс привлечение аналогий) позволит сопоставить некоторые находки с уже найденными формами; и возможно, ответить на вопросы о технологии изготовления некоторых украшений.

Список литературы

1. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Новые находки произведений художественного ремесла. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 180-190.

2. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во 2-й половине XI – XIII вв. М.: Индрик, 2011. 408 с.

3. Монгайт А.Л. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с.

4. Старая Рязань. Клад 2005 года / отв. ред. А. В. Чернецов. СПб, М.: Нестор-история, 2014. 104 с.

5. РИАМЗ. Опись музейная р. 40, 2017.

6. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X - XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 117. Изд-во АН СССР Москва, 1963. С. 200–263.

7. Стрикалов И.Ю. Отчет о работе Старорязанской археологической экспедиции на городище Старая Рязань, 2013 г.

8. Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань, 2008 г.

9. Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань и его округи, 2006 г.

10. Стрикалов И.Ю. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36-89.

11. Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань и его округи, 2007 г.

12. Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции, 2004 г.

13. Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции, 2003 г.

Кузьмина Ангелина Игоревна,
Муниципальное бюджетное учреждение культуры Музей «Природа»
им. С.И. Трофимова Музейно-выставочный центр
Марийский государственный университет
Научный руководитель:
Зеленеев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор

Результаты работы комплексного отряда изучения гончарства в Арзамасском районе

Work results of the comprehensive team for studying of pottery in the Arzamass District

Аннотация. *В данной статье анализируются результаты работы Комплексного отряда по изучению гончарства на примере писем горшечников Арзамасского района. Даются общие сведения о гончарном ремесле, подробно разбираются два письма.*

Ключевые слова: *керамика; хозяйство и быт; гончарство; ремесло; история Арзамаса и Арзамасского района.*

Abstract. *This article analyzes the results of the work of the Comprehensive Pottery Research Unit using the letters of potters of the Arzamas region as an example. General information about pottery is given, two letters are examined in detail.*

Key words**:** *ceramic; way of life; pottery; craft; Arzamas history and Arzamas region.*

Комплексный отряд по изучению гончарства (КОИГ) был создан А.А. Бобринским в Институте археологии АН СССР (Москва) в 1968 г. Работы его продолжались почти ежегодно до 1982 г. Основными задачами сотрудников Комплексного отряда были: во-первых, специальное обследование очагов современного гончарного производства, из которых по материалам анкетного опроса населения поступила наиболее полная и интересная информация об этом производстве, во-вторых, сбор этнографических данных о современном гончарстве в музеях Европейской части СССР; в-третьих, сбор археологических материалов о древнем гончарстве на этой же территории, в-четвертых, изучение техники и технологии керамики из раскопок археологических памятников (главным образом, раннего железного века);

в-пятых, проведение специальных многолетних экспериментов на базе целого ряда этнографических гончарных центров на территории России, Украины, Белоруссии, Молдовы; в-шестых, приобретение у местного населения вышедших из употребления орудий и технических средств, использовавшихся в гончарном производстве (гончарные круги, гончарные ножи, образцы посуды и проч.) [4, с.101].

Собранные сотрудниками Комплексного отряда материалы за все годы работы хранятся в настоящее время в Лаборатории «История керамики» и Архиве Института археологии РАН в Москве.

Материалы работы Комплексного отряда по изучению гончарства (КОИГ), который был создан А.А. Бобринским в Институте археологии АН СССР в 1968 году, являются относительно новым источником информации по истории гончарного промысла Арзамасского района. Работа отряда продолжалась до 1982 г. и заключалась в сборе разнообразной информации по тематике исследования, для чего проводилось анкетирование населения. В результате было собрано свыше 3000 писем от представителей местных властей и учителей школ, а также и от самих гончаров и членов их семей [4, с.19].

В этих письмах респондентами были даны ответы на важные для изучения гончарного ремесла вопросы, такие как: кто занимается ремеслом, где добывают глину, как выглядит горн, как делают посуду, на каких кругах, как заготавливают глину и т.д. Названы имена и адреса мастеров гончарного дела.

Арзамасский район, административно-территориальная единица, расположенная на юге Нижегородской области, центром которого является город Арзамас. Так, жители Арзамасского района направили 5 писем, в 2-х из которых есть подробное описание гончарного ремесла, с рисунками горнов и кругов. Письма арзамасских гончаров датируются 1961 г.

С XVII века Нижегородское Поволжье стало одним из центров гончарного производства. По всему региону была популярна глиняная посуда из Городца, Юрина, Василевой слободы. Обилие дарового сырья – хорошей глины, дешевого топлива, наличие удобного сбыта способствовали тому, что многие мужчины в свободное от земледельческого труда время изготавливали глиняную посуду. Активное развитие гончарного ремесла также происходило и в Арзамасском крае [1, с.10-11].

Изготовлением керамики занимались в Арзамасском уезде в селах Казаково и Забелино, а также в деревне Бритове Костянковской волости. Гончарство было развито и в селе Виняево, которое на момент XIX века относилось к Стексовской волости Ардатовского уезда. В советский период данное село стало относиться к Арзамасскому району, потому керамика Виняева также может считаться местной [2, с.2].

На запрос Бобринского А.А. был получен ответ из пяти сельсоветов района: Абрамовского, Красносельского, Морозовского, Слизневского и Шатовского. Два письма дают развернутый ответ на вопросы анкеты, еще три отсылают нас к уже известным центрам гончарного производства.

Упоминание в письмах мест, откуда жители указанных населенных пунктов берут керамические изделия, говорит нам о сложившемся рынке сбыта гончарной продукции. Данные о рынке сбыта 1961 года частично подтверждают информацию 1870-х гг., предоставленную фольклористом и краеведом А.В. Карповым [3, с.283].

Наиболее информативными являются письма из сел Виняево и Забелино, где развернутый ответ на вопросы анкет давали сами гончары, а не представители администрации.

Из Виняево пришли данные от двух гончаров - Григорьева Михаила Ивановича (1906 г.р., 55 лет на момент 1961 года) и Глухова Степана Васильевича (1911 г.р., 50 лет на момент 1961 года). Очевидно, что гончары, чье ремесло описывается в письме, являются потомственными ремесленниками. Подтверждение о династии гончаров Глуховых можно найти и в архивных документах от 1925 года. В письме описывается добыча, подготовка глины, формовочная масса, техника формовки, обжиг и обработка посуды. Есть рисунки горна и ножного круга.

Относительно подготовки сырья для гончарного производства авторы письма сообщают следующее: «Залежи глины находятся в земле на глубине от 1 м и больше. Залежи глины слоями: земля – песок – глина. Эта глина имеет синеватый цвет. Залежи её находятся в 8 км от с. Виняева. Местные гончары добывали её ручным способом».

Данная выдержка дает достаточно полную информацию о добыче глины. Ранее были известны места старых глинниц, однако

глубина залегания породы была неизвестна. Важна информация и о цвете глины – белая с синеватым окрасом, что говорит о наличии в ней определенных примесей.

Работали виняевские мастера на ручных кругах, в то время как забелинские гончары перешли на ножной круг еще в 1917 году. Вероятнее всего, это связано с тем, что местные горшечники специализировались на игрушках, а продажа посуды не была поставлена на поток. Круг был диаметром 80 см, толщиной 6 см, материал – дерево. В центре имеется железный шкворень, вставляющийся в низкую скамейку. Рисунок круга к письму прилагается.

Присутствует и описание горна, оно весьма скудное - на какой объем он рассчитан и сколько он топится (рис. 1). Не упоминается способ укладки посуды, как и чем топится горн. Ни в одном письме не упоминаются варианты различных обжигов, а также послеобжиговой обработки, что свидетельствует о том, что деревенские гончары использовали одну и ту же технику, а свои изделия делали шаблонными, практически без декоративного оформления, так как были ограничены временем и доступностью специального сырья. Кроме того, арзамасские гончары в XX веке совмещали ремесло с работой в колхозе и обработкой земли, поэтому большой возможности работать над гончарной техникой у них не было.

Второе письмо из деревни Забелино более информативно. Оно написано гончаром Аляпиным Петром Алексеевичем. Письмо датировано 7 декабря 1961 г. В нем описывается отбор, добыча и подготовка глины, формовочная масса, техника формовки, обжиг, категории посуды. Зарисован гончарный круг, горн и инструменты.

В начале письма дается краткая биографическая справка семьи Аляпиных - забелинских гончаров. Петр Алексеевич (1907-1971) упоминает своего деда-гончара Ивана Федоровича (1854-?), который передал свое мастерство сыну Алексею Ивановичу (1883-?), а тот своему сыну Петру Алексеевичу. Здесь мы видим преемственность поколений, которая позволяет сделать вывод о том, что гончар передавал свое мастерство обыкновенно одному ученику.

Далее в письме мы можем прочитать, что дед Петра Алексеевича в детстве «рассказывал, как он делал глинные изделия» и «работал на ручном кругу вналепку из сосулек глины». Отец «занимался вруч-

ную до 1917 года вналепку, но с 1917 года он стал работать на ножном кругу из кома глины по размеру литража». Здесь мы можем увидеть год перехода от ручного круга к ножному, а вместе с ним изменение техники работы: от налепа к выкручиванию. Также в письме можно найти и возраст, в котором Петр Алексеевич приступил к ремеслу – 14 лет.

У Аляпина есть и описание процесса изготовления посуды, например, из кома он делал не все изделия - продолговатые делал вналеп. С этой технологией его познакомил отец, и на момент 1961 года Петр Алексеевич делал так же. В деревне его звали «гончар или горшешник».

В письме дается информация и о добыче глины: «мы достаем в 4-5 км от села вручную, на глубине 6 и 7 метров». Сейчас в деревне Забелино уже нет гончаров, и где располагались глинницы, помнят немногие.

Описан и способ добычи глины. Обыкновенно ее добывали зимой, или поздней осенью, так как земля промерзала, и уменьшался риск быть заваленным глиной в шурфе 6-7 м глубиной.

Глину перед работой обрабатывали: сначала таяли, а потом месили ногами.

Посуду разной формы делали по разной технологии: круглую – вытягивали, продолговатую – налепливали, потом обрабатывали на круге.

Пятый пункт письма полностью посвящен описанию гончарного круга и механизма его работы. К нему прилагается рисунок с размерами.

Шестой пункт описывает горн и его механизм работы (рисунок прилагается). Однако, здесь есть несколько интересных моментов. Во-первых, говорится об одном обжиге, что свидетельствует об отсутствии в начале XX в. разделения на утильный и декоративный обжиг. Во-вторых, для обжига использовались березовые дрова, а значит, морения сосудов не производилось.

Седьмым пунктом следуют рисунки горна и круга (рис.2). Восьмым – дополнительная информация. «Когда пашут землю, то много попадается остатков посуды, а особенно там, где находится рядом горн. А в одном месте есть остатки печей, в которых обжигалась посуда». Эти сведения позволяют высказать гипотезу о том, что вблизи

мест с массовыми включениями боя посуды в грунте раньше могли располагаться гончарные горны.

Письмо заканчивается фразой: «Вот и всё, что могу я вам сказать о работе гончара. Мой адрес: Горьковская область, Арзамасский р-н, п/о Абрамово, д. Забелино. Аляпин Петр Алексеевич». Примечательно, что номер дома не указывается, так как на деревне все знали и знают до сих пор, где жили гончары.

Материалы работы Комплексного отряда по изучению гончарства Бобринского А.А. предоставили нам уникальную информацию о горшечном ремесле в Арзамасском крае на период середины XX века. Полученные письма представляют собой новый исторический источник, ценность которого неоспорима. Он состоит из 5 писем, написанных в 1961 году, 2 из которых были написаны гончарами. Анализ источника позволяет узнать, как «жил» промысел в первую половину прошлого века, а также вводит в историю края ряд династических фамилий гончаров, такие как Глухов (с. Виняево) и Аляпин (д. Забелино). Рассматривая источник в более широком контексте, мы можем на примере гончарства в одном районе понять, как приблизительно развивалось гончарное ремесло в XX веке на территории РФ, однако не стоит забывать, что в каждой территориальной единице существуют свои ремесленные особенности, которые требуют внимания и тщательного изучения.

В заключении, стоит сказать, что письма гончаров все же оставляют некоторые вопросы открытыми, и. как следствие тема, истории гончарства требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Варенцова Л.Ю. Ремесла и промыслы Нижегородского Поволжья в XVI-XIX веках. Методические указания к спецкурсу. Н. Новгород: ННГУ, 2003. 40 с.

2. Еремеев П.В. Арзамасские мастера. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1992. 144 с.

3. Карпов А.В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / ред. – сост. Е.П. Титков, Ю.А. Курдин, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков. Арзамас: АГПИ, 2010. 488 с.

4. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 2017. 303 с.

Иллюстрации

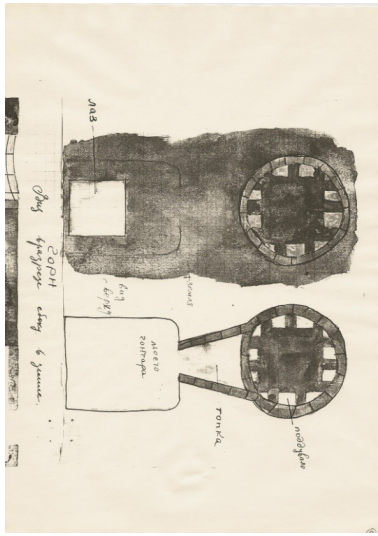

Рис.1. Горн в селе Виняево. Арзамасский район, Нижегородская область.

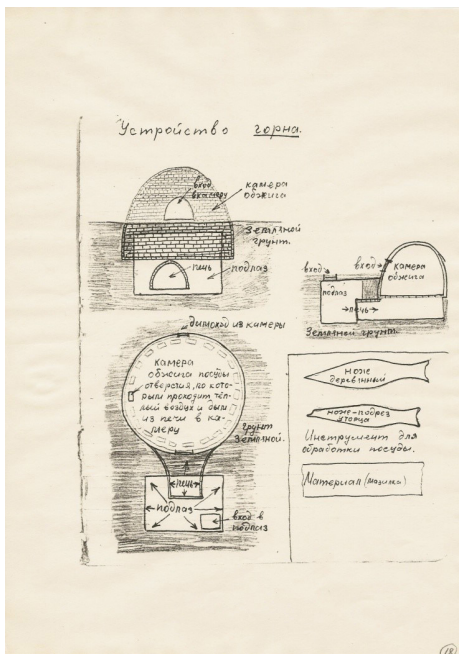

Рис.2. Устройство горна и инструменты гончара (д. Забелино, Арзамасский район, Нижегородская область).

Хребтова Анна Вячеславовна,

Московский Государственный Гуманитарно-Экономический Университет

Петровичева Таисия Олеговна,

Государственный академический университет гуманитарных наук

Традиционные ремесла в гуцульском селе Речка: результаты этнологического исследования

Traditional crafts in the Hutsul village of Richka: results of ethnological research

Аннотация. *В статье представлены результаты полевых исследований в селе Речка (Украина). На рубеже двадцатого века село было населено этнической группой украинцев – гуцулами. В настоящее время их этнотерриториальные особенности размылись, но остались некоторые особенности жизни. Сохранились традиционные ремесла, такие как вязание, ткачество, изготовление музыкальных инструментов: трембиты и сопелки. Основное внимание уделено анализу состояния ремесел и причины жизни в современном обществе.*

Ключевые слова: *Украина; Закарпатье; этнология; гуцулы; традиционные ремесла.*

Abstract*. The article presents the results of field studies in the village Rechka (Ukraine). At the beginning of the twentieth century, the village was inhabited by an ethnic group of Ukrainians - the Hutsuls. At present, their ethno-territorial features have blurred, but some features of life have remained. Traditional crafts, such as knitting, weaving, and the manufacture of musical instruments: trembits and nozzles, have survived. The main attention is paid to the analysis of the state of crafts and the causes of life in modern society.*

Key words*: Ukraine; Transcarpathian; etnology; Hutsul; traditional crafts.*

Глобализация постепенно стирает географические, этнические, культурные и другие различия между людьми. С появлением интернета и развитием международной торговли даже в горном украинском селе пользуются китайской техникой и смотрят американские сериалы. Вместе с традиционным бытом исчезает и традиционная культура, в том числе ремесла. Сохранить, осмыслить и задокументировать то, что до сих пор осталось - важная задача современных

этнологов. Свидетельство актуальности этой проблемы - передача о селе Речка, вышедшая на Ютубе в 2018 году. Несмотря на выше описанные процессы, в селе Речка продолжают сохраняться традиционные ремесла.

Село Речка (укр. Річка) располагается несколькими километрами выше автомобильной дороги Межгорье-Львов в Межгорском районе Закарпатской области Украины. Население составляет 946 человек. Объект исследования - само село, предмет – ремесла, которыми занимаются его жители.

Работа основывается на гипотезе о том, что развитие туризма и отсутствие работы способствовали сохранению ремесел.

Цель исследования – выяснить, какие из традиционных ремёсел сохранились, узнать, как они изменились под влиянием урбанизации. Задачи работы: описать сохранившиеся ремесла, определить вовлеченность в эту деятельность людей, выяснить причины их заинтересованности в традиционных занятиях.

Исследование основывается на результатах экспедиции, предпринятой в 2019 году. С 10 по 20 августа мы жили в селе Речка и еще трех соседних селах: Сухом (укр. Сухий), Диле (укр. Діл) и Репинном (укр. Репінне). Использованы методы этнологического исследования: неформализованные беседы, наблюдение с применением фото- и аудио- фиксации.

Как правило, традиционные изделия изготавливают либо для личного пользования, либо на продажу. Изделия на продажу раньше сбывали на базарах. Сейчас их продают как сувениры, либо как вещи не повседневного спроса – украшения интерьера или статусный продукт.

Домашними ремеслами занимаются в основном женщины. Они делают изделия из овечьей шерсти. Технологии вязания и ткачества не изменились. Сначала шерсть чешут на чесалках, сохранившихся от прошлых поколений (рис. 1). Затем кудель привязывают к палке и прядут руками нить (рис. 2). Из ниток вяжут теплую одежду: носки, свитера и безрукавки. У кое-кого есть деревянные прялки. В нескольких семьях сохранились, сделаны в XX веке, ткацкие станки или кросны. На них ткут дорожки-половики и покрывала. Орнаменты геометрические – традиционные для Закарпатья по-

лосы и ромбы. Так же распространена вышивка цветными нитками и лентами. Преобладают мотивы растительных узоров и цветов. Ими украшают рубашки, скатерти и полотенца. По сообщениям информантов, сейчас в селе изготовлением текстильных изделий занимается несколько женщин. Все они среднего и старшего возраста, не моложе сорока пяти. Причина, почему текстиль изготавливают вручную – желание сэкономить деньги, но молодежь не хочет сама делать вещи, а предпочитает покупать в магазине.

Раньше в Речке массово изготовляли на продажу шерстяные изделия: покрывала - *лижники* и народную одежду – гуни (рис. 3). Гуни – это верхняя одежда вроде пиджака из длинноворсового сукна. В настоящее время Речка – единственное место в районе, где до сих пор делают *гуни*. На изготовление одних *гуни* уходит около трех месяцев и четырёх килограммов шерсти. Профессиональный лицей, расположенный в Межгорье (районный центр) организовал в Речке цех, где продолжают традиции ткачества. Там студенты лицея проходят практику. В советское время там трудились около десяти мастериц. Сейчас продолжает работу только одна женщина – нет спроса. Предприятие затратное и больше себя не окупает. В основном, гуни заказывают концертные коллективы.

В старину главным занятием гуцулов было скотоводство. Чабаны - пастухи, выпасавшие овец, подолгу жили на полонинах (пастбища в горах). Поскольку они находись далеко друг от друга, требовались невербальные формы общения. С помощью трембит они могли передавать сообщения в радиусе двадцати километров. Трембита – это деревянный духовой инструмент, напоминающий альпийский рожок, около трех метров длиной. Сейчас пастухов мало, а трембиты заменили телефоны и рации.

В Речке остался последний мастер, который умеет делать трембиты и сопелки по традиционной технологии (рис. 4). Ивану Михайловичу Х. — 93 года. Когда он был моложе, торговал своими инструментами в туристических местах. Теперь иногда выполняет заказы для музыкальных коллективов. Эти заказы приносят небольшой доход. Музыкальные инструменты он делает с полным соблюдением традиционной технологии: в нужном месяце собирает определенный вид древесины, высверливает отверстия и пропитывает рас-

тительным маслом готовые изделия. Его внук освоил технологию, но ремеслом заниматься не хочет – не прибыльно.

Изготовлением традиционного музыкального инструмента — дрымба (варган) занимается Михаил Х. Он учился делать дрымбы самостоятельно. В чем ему помогло музыкальное образование. Пару лет назад он делал на заказ большую партию дрымб для продажи туристам.

Также в числе ремесел местные жители называют резьбу по дереву. Мы выяснили, что все резчики – получили среднее специальное образование плотника, и это побочное умение. В современных резных изделиях встречаются традиционные мотивы: олени и рыси; стилизованные ветви елей и дубов (рис. 5). Одно время в селе была мода на такие изделия — все, кто хотел, — приобрели. Для церкви создали деревянный иконостас. Сейчас мода на резные рамы зеркал и панно закончилась, поэтому в селе осталось всего несколько мастеров, продолжающих заниматься резьбой.

В Речке сохранились традиции изготовления и украшения домашнего текстиля, и один мастер занимается созданием трембит.

Причин исчезновения традиционных предметов обихода несколько. Первая — изменился уровень жизни населения. Люди могут позволить себе купить вещи и не тратить время на их изготовление. Вторая - появились современные более удобные и практичные предметы, которые вытесняю традиционные. Третья – исчезла потребность в некоторых занятиях, существовавших издавна. Например, с исчезновением чабанов исчезли и *трембиты*.

В результате, молодые люди не хотят осваивать ремесла. Как следствие – потеря ремесленных навыков. Вероятнее всего с уходом старшего поколения эти знания будут потеряны или частично перейдут в сферу дополнительного образования. Изготовление традиционной одежды – гуни сохранилось только благодаря тому, что Профессиональный лицей организовал цех. Если раньше за сохранение традиции отвечала семья, то сейчас частично эту роль на себя взяли образовательные учреждения. Оказалось неожиданным, что, несмотря на появление современных технологий, жители Речки не попытались улучшить ремесленные процессы, сделать их более качественными и быстрыми. Причиной этого может быть

сила традиции и отсутствие мотивации к улучшениям из-за низкого спроса на товары.

Список литературы

1. Українська минувшина: Ілюстрований етнографічний довідник. Київ: Либідь, 1994. 2 вид. 256 с.

2. Всеукраинская перепись населения. Государственный комитет статистики Украины. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/ (дата обращения 26.10.2019)

3. Своя земля: Верховинська вовна. Село Річка. URL: https://www.youtube.com/watch?v=B67ATNakD_U (дата обращения 26.10.2019).

Иллюстрации

Рис 1. Чесало

Рис. 2. Жительница села с куделью

Рис 3. Традиционные гуни, сделанные в Речке

Рис. 4. Иван Михайлович играет на сопелке

Рис. 5. Деревянный наличник зеркала, сделанный мастером из Речки

Иванова Полина Андреевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Верняев Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент

Особенности китайской общины в Казани: по материалам этнографической экспедиции

Features of the Chinese community in Kazan: based on the materials of an ethnographic expedition

Аннотация. *Данная статья посвящена китайской общине в городе Казань и затрагивает такие аспекты, как: миграция, особенности расселения и культура, взаимодействие друг с другом и с коренными народами региона. Подробно анализирует и иллюстрирует современную обстановку города с точки зрения китайских туристов и студентов. Исследование опирается на материалы этнографической экспедиции, проводимой в городе Казань в июле 2019 года.*

Ключевые слова: *Казань; китайцы; миграция; китайская диаспора; туризм; иностранные обучающиеся; международные отношения; этнография.*

Abstract*. This article is devoted to Chinese community in Kazan city and touches on aspects such as migration, special character and culture, interaction with each other and with the indigenous peoples of the region. In article analyzes and illustrates in detail the modern situation of the city from the point of view of Chinese tourists and students. The study is based on materials from an ethnographic expedition conducted in Kazan in July 2019.*

Key words: *Kazan; Chinese; migration; the Chinese diaspora; tourism; foreign students; international relations; ethnography.*

Современное развивающееся китайское общество с каждым днем занимает все более весомое положение. Это касается не только демографического и экономического аспекта, но и культурного развития, а также туризма.

В связи с дружественными отношениями Китая и России, тема китайского общества в Казани является актуальной по многим критериям. Это как необходимость теоретического осмысления вопро-

сов, касающихся мобильности, так и понимание особенностей взаимодействия разных этнических групп в рамках одного региона.

В современном мире глобализации и индустриализации, когда границы между странами уже не представляют собой такие же, какими они являлись буквально 20 лет назад, следует учитывать высокую мобильность людей. Тем более, если это касается целых обособленных этнических групп. Трансформация общепринятого восприятия границ и этнической территории — это действительно важнейшая тема современной науки, которая, на мой взгляд, подлежит детальному изучению.

Что касается практической актуальности темы, то следует учитывать дальнейшие политические и социальные взаимоотношения этих двух стран, ведь благодаря политике «China friendly» Россия и Китай оказывают дипломатическую поддержку друг другу. Казань сегодня- развивающийся город и, хотя Москва и Санкт-Петербург остаются приоритетами в вопросах туризма, столица Татарстана с каждым годом привлекает к себе все больше китайских туристов и обучающихся.

Казань, в первую очередь, многонациональный город. Как и в других городах России, здесь большую часть населения занимают русские, однако в отличие от того же Петербурга или Москвы, в Казани русские, хоть и доминирующий народ, но все же делят первенство с татарами, которых на 2010 год в Казани проживает 543 тыс. человек. Еще одной особенностью является сильное влияние двух основных религий Казани – православия и ислама. Казань также, наравне с двумя столицами, является старинным русским городом с увлекательной историей. Разумеется, такой колорит не может не привлекать большого числа туристов, в том числе и китайских.

Следует отметить, что Казань входит в один из центров туристического маршрута китайцев по России: Москва-Питер-Казань-Ульяновск. Кроме того, в отличие от Петербурга, в Казани большинство китайцев исследуют город самостоятельно, нежели в группах по определенному плану. Так, я не раз замечала китайские пожилые пары на центральных улицах города. А вот на экскурсии китайцы все же ходят в группах, например, в знаменитую мечеть Кул-Шариф. По словам информантов, Казань их увлекла в первую очередь тем,

что это очень красивый город с древней историей. Кроме того, этот город, по их словам, «сердце России», здесь, судя по всему, идет отсылка к тому, что Казань находится в центре Центральной России. Посещают китайцы, в основном, крупные туристические места города такие как: Дворец земледелия, центр семьи Казан, Казанский кремль, Старая татарская слобода, улица Баумана и набережная города. Кроме культурного просвещения, китайцы посещают магазины и рестораны. И тут опять же следует подчеркнуть отличие с петербургскими туристами в том, что в Казани китайские туристы чаще обедают в местных ресторанах, нежели в китайских, попросту потому что таковых в Казани гораздо меньше, чем в Питере. Останавливаются туристы в отелях, одним из самых популярных, по словам туристов, является отель «Мираж» с видом на Казанский кремль и близостью к центральным достопримечательностям города.

«Мы здесь первый раз, раньше в Москву ездили, но сейчас Казань более популярна у китайцев» - отвечают информанты. И действительно, даже по словам местных жителей, с недавнего времени китайцев можно встретить на улицах города гораздо чаще. Казань стала неотъемлемой точкой китайского маршрута по России.

Если судить по рассказам местных жителей и по тенденции посещения китайцами Казани, здесь можно отметить несколько особенностей возросшего интереса туристов к Казани. Во-первых, это, конечно, большая застройка города. Даже на момент нашего посещения, очень многие улицы реставрировались, чинились дороги, улучшались исторические здания, например, на одной из центральных улиц – Кремлевской, что говорит о повышенном внимании самой администрации города и правительства России к одному из ключевых городов страны. Кроме того, это обширная туристическая программа, мы за десять дней не успели обойти все достопримечательности города, побывав лишь в самых центральных, разумеется это не может не вызвать интерес туристов, особенно иностранных. Опять же взаимовлияние двух культур: татарской и русской делает город привлекательным для посещения.

Если говорить о гражданах Китая, проживающих в Казани на постоянной основе, то таковые, конечно, есть, хотя соотношение их гораздо меньше, чем в Санкт-Петербурге. По данным китайского

консульства в Казани на 2018 год, проживает около 1500 китайцев, проживающих в городе на постоянной основе.

Таковыми являются и китайские студенты. Тема обучения граждан КНР в России является одной из ключевых в моем исследовании. И если в Петербурге число обучающихся незначительно превышает число мигрантов из Китая, то в Казани оно в разы его превосходит. Казанский федеральный университет с 2014 по 2019 год нарастил присутствие китайских студентов с 224 до 1028 человек. По словам ректора КФУ Ильшата Гафурова, этому способствовали форумы и выставки, на которых был представлен вуз. Так, делегация КФУ поучаствовала в форуме «Один пояс, один путь» в городе Чэнду в апреле 2019 года. Тогда же представители вуза посетили несколько школ в провинции Сычуань, с которыми впоследствии заключили соглашения о сотрудничестве. А в октябре 2019 года КФУ примет участие в China Education Expo в Пекине, где будет представлено более 500 образовательных учреждений.

В связи с тем, что этнографический конгресс в Казани проходил в КФУ, мне удалось опросить несколько китайских студентов, обучающихся по разным направлениям. Ключевыми вопросами являлись мотивация студентов, почему они выбрали именно Казанский вуз, сильно ли различается образование в КНР и в России и какие специальности наиболее популярны у китайских студентов.

«Моя специальность в Китае – это русский язык. Я хочу более глубоко изучать его и поэтому у нас есть программа студентов по обмену. На третьем курсе я училась в Китае и узнала, что Казань очень красивый город, поэтому выбрала его» - рассказывает Сяомин, студентка 4 курса факультета лингвистики Казанского федерального университета. Русский язык она начала учить еще в Китае. Кроме лингвистики, среди китайцев в Казани популярны факультет международных отношений и экономический факультет. По словам девушки, обучение в Казани среди китайцев сейчас популярно, хотя КФУ все же считается менее престижным, чем вузы Москвы или Санкт-Петербурга. Хотя сама Сяомин говорит, что Казань красивее Москвы, а оплата за обучение не столь дорогая, как в столице. Интересу способствуют и хорошие отношения между КНР и РФ.

Что касается самого поступления из Китая в Казань, то преимуществом будет сертификат владения русским языком, с ним китайцы сразу сдают вступительные экзамены и могут обучаться в Казанском вузе. В отличие от предыдущего информанта, студент второго курса международных отношений Николай Чень (это русская интерпретация его китайского имени), обучается не по обмену, а сразу поступал на первый курс в КФУ. Он рассказывает, что необходимо сдать экзамены в Китае, а только затем в России. Поводами выбора Казани в качестве места обучения, молодой человек назвал хорошие условия проживания, недорогую стоимость обучения и, опять же, то, что Казань очень красивый город.

Говоря об условиях проживания, следует отметить тот факт, что иностранные студенты живут в деревне «Универсиада», которая, уже по словам русских студентов КФУ, является лучшим студенческим общежитием в городе с отличными условиями. В КФУ иностранных студентов очень поддерживают, стараясь создать благоприятные условия и предоставить как можно больше бюджетных мест. На сегодня это один из лучших студенческих кампусов России. В каждом доме, где живут больше 50 китайских студентов, назначается ответственный, помогающий в решении текущих бытовых вопросов. Активисты из числа самих студентов создали Союз китайских студентов Казани, который проводит праздники и соревнования, организует экскурсии, принимает активное участие в проведении ежегодного фестиваля китайской культуры и т. д.

Русские студенты отмечают, что они хорошо ладят с китайскими студентами. «У нас нет какой-то национальной неприязни, я очень часто, например, вижу русскоговорящих китайцев, которые уже выучили язык, среди компаний казанской молодежи» - рассказывает Айгуль выпускница КФУ. Однако сами китайские студенты говорят, что чаще все же общаются с китайцами, нежели с русскими. «Культура разная, менталитет разный и с русским, конечно, тяжелее общаться, чем с китайцами» - говорит Сяомин.

Что касается темы национальных браков, то китайские граждане Казани в принципе солидарны с теми же китайцами Петербурга. «У меня подруга вышла замуж за русского» - рассказывает Николай Чень – «Поэтому это не считается уже чем-то необычным». Русские

также говорят о том, что многие молодые китайцы часто находят себе пару среди русских и татар.

Тема национальной кухни обычно всегда остро стоит при опросе китайских информантов. Это связано с тем, что китайская национальная кухня действительно сильно отличается от русской, поэтому китайцы всегда предпочтут свои блюда иностранным. В Казани все же есть китайские рестораны, хотя по словам китайцев их не очень много. Студенты, например, предпочитают готовить самостоятельно дома. «Это удобнее и дешевле» - говорит Сяомин. Русские студенты, проживающие вместе с китайцами в общежитии, также рассказывают, что их соседи часто готовят свои национальные блюда, однако в отличие от Петербурга, в Китае сложнее найти китайские продукты, поэтому очень часто китайцы, оставшиеся жить в Казани после университета, открывают свои магазины или рестораны.

В августе 2018 года в Казани открылось Генеральное консульство Китайской народной республики. Оно стало шестым на территории России после дипмиссий в Санкт-Петербурге, Хабаровске, Екатеринбурге, Иркутске и Владивостоке, и обслуживает все регионы Приволжского федерального округа. Расположено консульство в отдалении от центра города на улице Подлужной, 21. Во время прохождения практики генеральный консул У Инцинь находился в дипломатическом поезде в Китае, поэтому лично встретиться с ним мне не удалось. Тем не менее, я пообщалась с русскими сотрудниками генерального консульства, которые согласились рассказать об организации взаимоотношений между Китаем и Россией на территории Татарстана. Основной работой консульства на территории Казани является оформление виз и паспортов для китайских и российских граждан. В настоящий момент консульство совместно с правительством Казани работают над запуском прямых авиарейсов из Казани в города КНР.

Что касается направлений работы китайского консульства в Казани, то это, в первую очередь, политические и экономические связи. Так, например, сотрудники консульства рассказали, что товарооборот между Татарстаном и Китаем вырос в 2017 году на 50% больше, чем в 2016-м. Что является причиной расширения экономических связей Татарстана и КНР. Кроме того, многие казанские ком-

пании развивают отношения с китайскими партнерами, например, ПАО «КамАЗ». Мне также рассказали, что планируется подписание соглашения о сотрудничестве между Татарстаном и двумя крупными китайскими провинциями – также в рамках Восточного экономического форума. В создании промышленных площадок Татарстан часто опирается на опыт китайских партнеров.

Китайскую культуру местные китайцы сохраняют самостоятельно. Отмечают дальше по традиции Китая. Китайские студенты говорят, что они празднуют самый главный праздник в году, Китайский новый год, и в России. Остальные же праздники отмечаются реже, ну и, конечно, справляют их с меньшим размахом, чем в Китае, они приобретают особенности и русской культуры. «Идет сочетание в празднике Китая и России» - рассказывает Сяомин.

Отдельного упоминания заслуживают и так называемые «китайские места» Казани. Начать следует, пожалуй, с центральных улиц. В Казани, как и во многих городах России особую популярность набирает кафе быстрого питания. Например, популярна сеть кафе «Тюбетей» — это настоящий татарский фастфуд. Кто более-менее знаком с китайской кухней знает, что уличная еда у китайцев очень распространена. Одним из самых распространенных китайских мест Казани является кафе «Воки-токи». Подобные есть на центральных улицах города — Баумана и Достоевского. Готовят они традиционную рисовую лапшу с овощами — Wok и китайское мясо, предпочтительно свинину, в остром соусе. Однако же, пообщавшись с администратором кафе на Баумана я выяснила, что китайских поваров в их заведении нет. «Готовят обычно казахи, либо наши татары» - отвечает администратор — «Сейчас везде так, китайских поваров дорого везти».

Отдельным видом ресторанов в Казани являются такие места, которые мы можем охарактеризовать как «Общеазиатские». То есть это такие рестораны, где вам могут предложить, как китайскую, так и японскую и корейскую кухню. Например, ресторан «Mio» на набережной Казанки, где в меню спокойно соседствуют утка по-пекински и роллы Филадельфия. О китайских поварах в таком заведении, к сожалению, говорить тоже не приходится.

Следует отметить, что китайская среда в Татарстане сегодня набирает обороты и стремительно развивается, об этом говорят тенденции появления различных китайских мест в Казани, а также увеличение числа китайских студентов в вузах города. Многие из них остаются в России после выпуска, однако количество проживающих в Казани китайцев все еще небольшое по сравнению с Санкт-Петербургом и Москвой. Казань считается красивым и относительно недорогим городом среди китайцев. Это туристический центр, который начинает развиваться в рамках сотрудничества с Китаем. По словам президента России Владимира Владимировича Путина, сотрудничество Китая и России на уровнях регионов является одной из главных целей дальнейших дипломатических отношений двух стран. Казань только встала на этот путь, о чем говорит не так давно открытое консульство Китая. Тем не менее, столице Татарстана все еще далеко до таких региональных центров сосредоточения китайских элементов, как Санкт-Петербург, Москва и Дальний Восток.

Список литературы

1. Иванова П.А. Тетрадь полевых записей по исследованию китайского общества в Казани // Кафедра антропологии и этнографии Института истории СПбГУ.

2. Иванова П.А. Тетрадь полевых записей по исследованию китайской диаспоры в Санкт-Петербурге // Кафедра антропологии и этнографии Института истории СПбГУ.

3. Китайский поток в Россию в прошедшие праздники вновь вырос // Мир без границ. URL: http://www.visit-russia.ru/news/kitayskiy-potok-v-rossiyu-v-proshedshie-prazdniki-vnov-vyros.

4. Китайские студенты рассказали о жизни в Казани и об учебе в КФУ. Медиапортал КФУ. URL: https://media.kpfu.ru/news/kitaiskie-studenty-rasskazali-o-zizni-v-kazani-i-ob-ucebe-v-kfu.

Захарова Алёна Александровна,
Ингушский государственный университет
Научный руководитель:
Долгиева Марем Белановна, кандидат исторических наук, профессор

К истокам мультиэтничности селения Балта

To the origins of the multi-ethnicity of Balta

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию процесса формирования мультиэтничного общества в рамках локального села Балта на Военно-грузинской дороге со времён средневековья до наших дней. В статье впервые автор представляет единое повествование об историко-культурном прошлом селения, включая национальные версии развития тех или иных событий и явлений. Статья построена на анализе материалов путешественников, архивных документах и полевых заметках.*

Ключевые слова: *Кавказ; Дарьяльское ущелье; Военно-грузинская дорога; межэтнические отношения; Балта; грузины; ингуши; осетины.*

Abstract*. This article is devoted to the study of the formation of a multi-ethnic society within the local village of Balta on the Georgian-Military road from the middle ages to nowadays. For the first time in the article, the author presents a common narrative about the historical and cultural past of Balta, including national versions of the development of certain events and phenomena. The article is based on the analysis of travelers' materials, archival documents and author's field notes.*

Key words*: Caucasus; Darial Gorge; Georgian-Military road; interethnical relations; Balta; Georgians; Ingush; Ossetians.*

В настоящее время с. Балта является примером уникального населенного пункта на Северном Кавказе. Сегодня в нём проживают представители многих национальностей: грузины, ингуши, осетины, армяне, русские. Селение располагается на Военно-Грузинской дороге, на границе Ингушетии, Северной Осетии-Алании и Грузии. Из-за мультиэтничности села сложно написать его единую историю, т.к. каждый народ имеет свою версию на тот или иной факт. Но этим и ценно данное исследование: оно представляет точки зрения представителей разных народов. А в них

содержится отражение мировоззрения, народной истории жителей Балты.

В рамках темы межкультурного и межконфессионального диалога, истоки мультиэтничности Балты представляют интерес для исследования, ещё и в связи с тем, что на данный момент не существует целостного очерка по истории селения, который отразил бы его историческую и этнографическую составляющие.

Говоря о названии Балты, исследователи представляют несколько версий. «Тюркская» свидетельствует о продолжительном соседстве скифо-сармато-аланских племён с тюркоязычными балкарцами. В переводе с ногайского Балта – это «роща» и «топор» [13, с. 230]. Среди местных жителей последнее значение объясняется так: если смотреть на селение сверху, то оно похоже на топор. «Ингушская» версия имеет связь с языческим прошлым народа. Балта, вероятно, «место божества плодородия Бал/Бол», (топоформант «тIе» - на/над/место/ровная поверхность и корень «бал») [1, с.57]. Вариант перевода с ингушского языка - («боал»-вишня + показатель множественного числа). Считается, что в древности на территории села рос вишневый сад. В грузинском языке слово «балта» имеет значение «пряжка».

Рассмотрение вопроса о времени создания Балты является важной вехой исследования, т.к. этапы формирования селения напрямую связаны с этническим компонентом и отражают специфику заселения данной территории.

По одной из версий исследователей, в письменных источниках XVI-XVII вв. топонимы Балта и Чми ещё не упоминаются [5, с.126]. Другой источник говорит о том, что к 70 годам XVIII века Балту, наряду с Ларсом и Чми, считали самыми восточными осетинскими поселениями [5, с.125]. В Дневнике немецкого подполковника русской службы Штедера от 1781 года уже приводится не просто фиксация Балты как географического объекта, но и дается краткое описание хозяйства, жителей села: упоминаются ингуши, пасущие на равнине у Балты своих овец [7, с. 697].

С середины века среди ингушей продолжался процесс выхода на равнину, приведший к образованию множества поселений, в том числе и смешанных: на западе – ингушско-осетинских. Вероятно,

в 60–70-е годы XVIII века началось движение ингушей из Тарской долины к северу. Одно из направлений — в сторону Военно-Грузинской дороги, на Балту [7, с.694]. Упоминаемые у Штедера ингуши района Балты — это выходцы из ингушского Джейраха – Цуровы, Цицкиевы. Среди коренных жителей селения называются представители данной фамилии, которые проживают в Балте и в наши дни.

Таким образом, можно сделать вывод, что время образования Балты – середина XVIII века. Однако, это не значит, что до указанного периода эта территория пустовала. Важным тому подтверждением является приводимая Клапротом информация: «Эти (т.е. пришедшие – прим. автора) валагирские осетины из деревни Бад прежде платили дань ингушам, провозгласившим своё право на эту область; но постепенно они укрепились благодаря новым переселенцам и беглецам с гор, так что теперь они причисляют себя к тагаурским осетинам и более не платят никакой дани» [10, с.203].

Глубокие ингушские корни этого места отражены в дошедших до нас народных преданиях, зафиксированных этнографом Чахом Ахриевым: «Наши предки происходят от орхустойцев; они вышли из Балты, поселились на берегу реки Арм-хий и основали аул Оббоно» [4, с.34]. Существует также ингушская народная версия образования села. Жили три брата - Цицк, Балт и Ахильг, и на месте Балты осел человек по имени Балт. Это селение основали Цицкиевы, когда ингуши начали массово спускаться с гор в долину. Представители данной фамилии жили в Джейрахском ущелье, в ауле Обан, который располагается неподалеку от Балты. Цицкиевы на сегодняшний момент – самые многочисленные среди ингушских семей в Балте [15]. Когда в долину Терека пришли грузины, нижняя часть села была уже заселена, поэтому они поднялись на холм над существовавшим селом. С тех пор произошло условное деление села на верхнюю Балту, где и в наши дни живут преимущественно грузины, и нижнюю – ингушскую и осетинскую.

На картах «Кавказского края» (1834,1842), «Дорожная карта Кавказского края» (1889) Балта находится на стыке двух этнических групп – назрановцы/ингуши и тагаурцы.

Письменные документы конца XVIII века по данному вопросу содержат информацию о фамилии Дударовы. Среди 11 сильных та-

гаурских семейств, выделялись два — Дударовы и Чуровы, которые, по данным источников, владели землями по течению Терека. На этой территории располагалась и Балта. В записях французского дипломата, путешественника Ж.-Ф. Гамба (его путешествие по южной России состоялось в 1820-1824 годах) эта информация подтверждается: «Балта принадлежит одному из князей дома Дондаров. Их отец был знаменит среди горцев своими разбойничьими набегами и жестокостью. Его сыновья подчинились России; некоторые из них служат в армии. Эта семья довольно многочисленна» [6].

Среди ингушей также встречаются представители рода Дударовых, который относится к тейпу Мохлой. Их владения находились вниз по течению Терека и вверх до грузинской границы, по левому берегу р. Терек – Ларс, Чми, Балта, Футхуз [9, с.24]. Исследователи отмечают, что возможно Мохлой ранее было большим и сильным ингушским обществом. Сегодня в Балте проживают потомки данной фамилии.

Ингуши и тагаурцы брали налог с каждого человека проезжающего по Военно-Грузинской дороге. В апреле 1809 года коменданту Ивеличу от генерала Гудовича было направлено Обязательство о разрешенных действиях по контролю за Военно-Грузинской дорогой. Одной из важных целей было обеспечение безопасности для купцов и их товаров, перемещающихся от Владикавказа до Тифлиса и обратно. Кроме того, по одному из пунктов Обязательства был установлен сбор с купцов в 10 рублей серебром с человека. Ингуши Цуровы принимали участие в дележе сборов и могли получить продовольствие (соль, до 1000 пудов в год) в Моздоке по казенной цене [9, с. 222].

Из воспоминаний декабриста Александра Беляева известно, что в июне 1840 года он проезжал по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис. В его записях говорится о Балтинском посте, состоящем из редута и нескольких землянок для солдат. На территории напротив села, через Терек, было организовано казачье поселение. Позже казаки были расселены неподалеку, между ингушами и осетинами для обеспечения и поддержания порядка в ущелье. Так в Балте появились представители русского народа.

В 1860-е годы в Балте появляется одноимённая почтовая станция. По Военно-Грузинской дороге было построено 11 почтовых станций и по одной в Тифлисе и Владикавказе соответственно. Балта была первой станцией «экстрапочты» Владикавказ-Тифлис. На почтовых станциях можно было переночевать и сменить лошадей [11, С.196]. Обслуживанием гостей занималось местное население. Полиэтничный состав Балты отмечен в Списке населённых мест Терской области. Там проживали ингуши, осетины, грузины и армяне. О конфессиональных воззрениях населения информации не приводится [13, с.176-177].

С началом XX века в долине Терека происходят административно-территориальные изменения. К 1924 году из упраздненной Горской республики образовалась Ингушская автономная область; селение Балта вошло в состав её Пригородного района (по материалам Всесоюзной переписи 1926 года) [12, с.11].

Исследователем И.П. Щеблыкиным отмечается, что к 1930 году на 12 км Военно-Грузинской дороги находилась постройка бывшей Балтинской станции, кооператив и ингушская школа. Селение Балта располагалось на холме, выше школы. Все новые постройки в районе школы и станции были воздвигнуты ингушами из горного района [14, с. 26].

В 30-е годы быт жителей Балты составляло отчасти скотоводство (в большей степени, овцеводство) и отчасти работа на шоссе Военно-Грузинской дороги [3, с. 58].

С 1936 по 1944 год Балта находилась в составе Чечено-Ингушской АССР. В годы депортации ингушского народа ЧИАССР была ликвидирована. Часть территории была включена в состав Грузинской ССР, часть – в состав Дагестанской АССР. Значительная часть земли была передана Северо-Осетинской АССР, куда отошёл и Пригородный район с 39 ингушскими сёлами, в числе которых была и Балта [8, с.9].

Волны межнациональных конфликтов, начиная с 1980-х годов, не привнесли раздор между жителями многонациональной Балты. Некоторые армянские семьи перебрались в селение после вооруженных действий в Нагорном Карабахе (1988). Во время первого грузино-осетинского конфликта (1989) несколько смешанных се-

мей также переехали в Балту. Жители Балты – стали и переселенцы из района Южной Осетии - Ленингори (ныне Ахалгори).

Осень 1992 года оказалась тяжелой для ингушей и осетин. Однако в селении между жителями не прозвучало ни единого выстрела. Транспортное сообщение с Владикавказом прекратилось. Орудующие банды мародеров сожгли в Балте много домов и построек. Жители села вспоминают много историй о поддержке двух народов: помогали с пропитанием тем, кто не успел выехать из Балты и укрылся в горах; на ингушские дома вешали белые ленты как знак того, что там живут осетины, а значит, эти дома не разоряли и не поджигали. Помогали и соседи из Верхней Балты, которые забрали к себе ингушских женщин и детей, выдавая их за своих [15, 17].

Житель Балты, грузин, вспоминает, что помимо национальностей, населяющих Балту в наши дни, в селе проживали греки, кабардинцы, турки-месхетинцы, азербайджанцы. Однако спустя пару лет многие уехали. Мирная обстановка этого места привлекала многих, но, по словам жителей, на длительное время смогли остаться лишь те, кто готов был уважать идею соседства и быть терпимым друг к другу. Также и подрастающее поколение воспитывается в соответствии с проверенными принципами добрососедства [16, 19].

На сложившуюся стабильную межэтническую ситуацию в многонациональной Балте оказали влияние несколько факторов. Во-первых, это формирование исторически мультикультурного общества на протяжении, как минимум, пяти веков (по данным письменных источников), что обусловлено в большей степени географическим положением села. Во-вторых, в селе исконно проживали кавказские народы, обычаи и уклад которых построены на общих принципах (уважение старших, скромность, понятие чести и т.п.). В данном случае, различия же определяются религиозными особенностями, которые ярко проявляются в настоящее время. По словам информатора Магомета Ахриева с возрастом происходит переоценка ценностей, более глубокое понимание религии, осознанное следование нормам ислама (совершение пятикратной молитвы (намаза), употребление халяльного мяса (заколотого с произнесением особой молитвы), запрет на харамные действия). Это не позволяет, как в молодости, например, бывать на религиозных праздниках соседей, таких как Ло-

мисоба – древний христианский праздник с отголосками язычества, в Балте празднуется грузинами и осетинами [15].

В-третьих, довольно устойчивой ячейкой общества Балты стали межнациональные браки на протяжении нескольких поколений, из чего вытекает многоязычность жителей: балтинцы-представители разных этносов свободно владеют грузинским, осетинским, ингушскими языками. Этому также способствует обучение в единственной школе селения, ведущей свою историю с 1926 года. Дети разных национальностей учатся все вместе. Наравне с главной идеей толерантности, учителя поддерживают и развитие национальной идентичности и знания родного языка у школьников.

Список литературы

1. Акиева П.Х. Исходящие функции, семантика и аналогии Бога Дяла в религиозных воззрениях ингушей // Успехи современной науки. 2016. № 10. Т. 7. С. 55-60.

2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти томах / Архив главного управления наместника Кавказа (под общ. ред. А.Д. Берже). Т. 3 [1806-1809]. Тифлис, 1869. 760 с.

3. Анисимов С. Военно-Грузинская дорога. М., 1925. 206 с.

4. Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Ингуши: сборник статей и очерков по истории и культуре. Саратов, 1996. С. 13-105.

5. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. 276 с.

6. Гамба Ж.-Ф. Путешествие по южной России и особенно по областям, расположенным по ту сторону Кавказа, с 1820 по 1824 г. Т. II.: электронная версия. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Gamba_Jean/text1.html (дата обращения 1.10. 2019 г.).

7. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. T.V. Л., 1930. С. 681-761.

8. Дидигова И.Б. Одна из репрессированных мер в политике тоталитарного режима: 68 лет со дня депортации ингушского народа // Lingua-universum, 2012. №4. С. 8-11.

9. Дударов А-М. М. Проживание представителей ингушского народа во Владикавказе: документальные и устные свидетельства // “White Sports” of the Russian and World History, 2016. №6. С. 22-32.

10. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. 326 с.

11. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу с приложением 14 карт, 11 планов, 2 чертежей, 44 иллюстраций, расписания рейсов пароходов Русского общества пароходства и торговли и прочее. СПб., 1913. 510 с.

12. Список населённых мест Ингушской автономной области: (Сост. по материалам Всесоюз. переписи 1926 года). Владикавказ, 1927. 14 с.

13. Список населённых мест Терской области: (По данным к 1-му июля 1914 года) / под ред. С.П. Гортинского. Приложение к «Терскому календарю» на 1915 г., Владикавказ, 1915. 459 с.

14. Ханмагомедов М.Л., Гебекова А.Н. Тюрский топонимический ландшафт Северного Кавказа вне ареалов расселения тюркоязычных народов как историко-географическая реальность // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам Международного научного форума, 2017. С. 226-237.

15. Щеблыкин И.П. Путеводитель по Ингушии. Владикавказ, 1929. 80 с.

16. Информатор Ахриев Магомет Сосланбекович, 1956 г.р., с. Балта РСО-Алания, дата записи: 15.10.2019 г.

17. Информатор Коблов Давид, 1953 г.р., с. Балта РСО-Алания.

18. Информатор Цицкиева Галина, 1948 г.р., с. Балта РСО-Алания, дата записи: 18.10.2019 г.

19. Информатор Карелидзе Емзари Ираклиевич, 1964 г.р., с. Балта РСО-Алания, дата записи: 15.10.2019 г.

Вдовина Вера Андреевна,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь)
Научный руководитель:
Шестакова Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, заместитель декана, старший преподаватель

Проблема игровых традиций жителей Прикамья конца XIX – начала XX века как способа актуализации исторической памяти

Problems of gaming traditions of Prikamye inhabitants from the end of XIXth century to the beginning of XXth century as a way of actualization historical memory

Аннотация. *В данной работе актуализация исторической памяти с помощью игровых традиций жителей Прикамья конца XIX – начала XX века рассматривается как проблема. Для её раскрытия были изучены и сопоставлены материалы пермских ученых-этнографов, современные материалы с информацией о народных играх, организации Перми и Пермского края, занимающиеся сохранением и распространением народных игровых традиций.*

Ключевые слова: *игровые традиции; народные традиции; Прикамье; историческая память.*

Abstract*. This paper considers problems of actualizing historical memory with usage of gaming traditions of Prikamye inhabitants during the period of the end of XIXth and beginning of XXth century. In this work the researches of Permian scientists, the information about modern gaming traditions in Perm and functioning of contemporary perm organizations are compared in terms of conservation and expansion of folk gaming traditions.*

Key words*: traditions of games; falk traditions; Prikamye; historical memory.*

Понятие исторической памяти в данной статье понимается как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции [1, с. 32]. Но происходит ли эта утрата? В городе Перми и в Пермском крае в настоящее время существует множество орга-

низаций, занимающихся сохранением и передачей народных традиций, в т.ч. игровых. При более подробном изучении этой темы появляется много вопросов: насколько эти традиции, этот фольклор интерпретирован, какое значение они имеют для разных поколений и т.д. Данные вопросы позволят раскрыть проблему, поставленную в теме данной статьи.

Изучив работы пермских учёных-этнографов, таких как Черных А.В., Г.Н. Чагин и многих других, по народным игровым традициям и календарным праздникам, в ходе проведения сравнительного анализа можно делать вывод, что в настоящее время в городе Перми и в Пермском крае процесс сохранения и передачи игровых традиций разных народов, населявших и до сих пор населяющих Прикамье, имеет весьма положительные тенденции развития. Однако большее внимание уделяется именно праздничной культуре в целом, нежели конкретно игровым традициям, например, в рамках проекта «59 фестивалей 59 региона».

В городе и крае регулярно проводится масса различных фестивалей, где каждый может найти вид деятельности народов Прикамья, приходящийся ему по душе: многочисленные мастерские по изготовлению самых разных предметов быта народов (одежда, обувь, украшения, игрушки), обучение песням и танцам, обучение языкам (татарский, коми-пермяцкий), проведение игровых мероприятий, праздничных (календарных) мероприятий и т.д.

Проблема игровых традиций жителей Прикамья как способ актуализации исторической памяти состоит в первую очередь в интерпретации. В наше время, благодаря существованию подобных организаций, как ПДНТ «Губерния» и многим другим, сохраняются и передаются многие элементы культуры жителей Прикамья конца XIX – начала XX вв. Несмотря на политику, проводимую государством при СССР, в деревнях и сёлах сохранялась коренные традиции, местная культура, элементы которой дошли до наших дней – это и есть тот самый материал, который был собран и изучен пермскими учеными в экспедициях. Однако материал, представляемый на различных мероприятиях, во многом зависит от публики, поскольку она довольно разнообразна и у каждого свои требования. По этой причине далеко не на всех праздниках и фестивалях можно

услышать песни, максимально приближенные к тем, что пели в конце 19- начале 20 вв. То же относится и к играм. Ими занимаются не только этнографы, но и люди из сферы масс-культуры: ведущие, профессиональные аниматоры и т.д., которые трансформируют материал таким образом, чтобы он был максимально «развлекательным», иными словами – они его упрощают. Поэтому некоторые игры утрачивают свой «исконный» вид: из них практически полностью «выпадает» диалоговая часть, поскольку для «современных» людей, людей с иным образом мышления она слишком длинная – они её попросту не запомнят – для них это не является традицией, а разовым развлечением. Также игровые традиции в наши дни поддаются «свободному» применению. Т.е. если ранее игры проводились в определенные дни и характеризовались, соответственно этим дням, то сегодня такая тенденция практически не имеет актуальности: масленичные игры проводят не только в масленицу, но и в любой другой праздник/фестиваль, посвящённый русской народной культуре. Также можно отметить процесс модернизации некоторых национальных праздников, т.е. они не преподносятся в исконном традиционном виде: так на празднике «Барда-зиен» в наше время можно встретить танцовщиц-черлидерш, волейболистов, борцов, сражающихся на современном мате, скачки, где всадники одеты в современную конноспортивную одежду и т.д. Большинство мероприятий проводятся в стиле «шоу» или в театральном стиле, поэтому на подобных праздниках от традиций жителей Прикамья конца 19 – начала 20 вв практически ничего не остаётся, кроме некоторых предметов быта и элементов одежды. Современные праздники утратили сакральный (языческий/мифологический) контекст и носят в большинстве своём «увеселительный», «развлекательный» характер. Некоторые праздники календарно-фенологического типа сохранились, такие как Масленица, Троица, Различные спасы и т.д., но они уже не несут в себе того смысла, который в них вкладывали когда-то жители Прикамья (в конце 19- начале 20 вв), т.к. образ жизни людей изменился, у них нет необходимости заниматься сельскохозяйственной деятельностью, знать все детали работы в поле и т.п. Поэтому праздничная народная культура переклассифицировалась в некий атрибут прошлого – в то, что уже неактуально, не требует

обязательно применения на практике, но то, что важно хранить и помнить, как реликвию. Но актуально ли это для всех поколений? Отсюда мы переходим ко второму аспекту проблемы игровых традиций жителей Прикамья как способа актуализации исторической памяти, который состоит в их восприятии разными поколениями. Можем ли мы с полной уверенностью говорить о том, что игровые традиции, календарная праздничная культура Прикамья полностью утратили свой сакральный смысл? Вряд ли. История межэтнических отношений в Пермском крае сложилась таким образом, что, несмотря на то, что национальные традиции подверглись многочисленным трансформациям в эпоху СССР, а также в 90-е годы, народные традиции бытуют в деревнях и сёлах, и для жителей данных населённых пунктов календарная обрядность, календарные праздники и народные традиции до сих пор имеют значение и сохраняют актуальность. Однако, данный вопрос недостаточно изучен в настоящее время и требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс Пи. 2016. № 24-25.

2. Пронина В.А. Праздничная культура и игровые традиции жителей Прикамья в XIX – начале XX века: Курсовая работа, студент: 46.03.01 / Пронина Вера Андреевна; НИУ ВШЭ. Пермь. Пермь, 2018. 39 с.

3. Пермский дом народного творчества «Губерния» URL: www.permdnt.ru/ (дата обращения: 18.05. 2019).

4. 59 фестивалей 59 региона URL: https://fest59.ru/ (дата обращения: 20.05. 2019).

5. Чагин Г.Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. Перм.ун.-т. Пермь, 1998. 188 с.

6. Чаплинский А.В. Народные игры Прикамья. Соликамск, Пермский край: ООО «Типограф», 2018. 96 с.

7. Этнические проблемы регионов России / Черных А.В., Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Лепоринская Т.Н., Дубова Н.А., Мальцев Г.И. и др.; под ред. Дубовой Н.А., Лопуленко Н.А. Москва: Старый сад, 1998. 458 с.II.

Локтев Руслан Александрович,

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Мифологические и культовые образы Минойцев

Mythological and cult images of the Minoans

Аннотация. *Статья рассматривает вопрос выделения мифологических и культовых образов в искусстве Минойской культуры. Одной из главных проблем изучения Минойской цивилизации, существовавшей в III-II тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье, является скудность письменных источников, относящихся к этой эпохе. До сих пор не установлен язык линейного письма А и ранних иероглифов, которыми пользовались Минойцы для передачи информации. Однако, помимо нерасшифрованного письма, мы располагаем другими источниками, не менее ценными, для определения основных особенностей данной культуры. Среди этих источников: фресковая живопись, рисунки на керамике и рельефы на каменных сосудах, статуэтки, саркофаги, предметы, найденные в горных святилищах, и разнообразные каменные и глиняные печати. Помимо всего этого, внешние контакты Минойской цивилизации оставили глубокий след в культурах народов, существовавших бок о бок с ними. Именно поэтому первооткрыватель Минойской цивилизации А. Эванс пошёл по пути древнегреческих легенд и мифов, интерпретируя различные художественные образы и находки, исходя из их сходств в описаниях поэтов и мифографов древней Эллады. Но если мы пойдём по тому же пути, то упустим множество деталей совершенно необычных и самобытных, существовавших в культуре Минойцев. Упустим аналогии в мифологических образах других регионов, а следовательно, и детали, которые говорят об уникальных верованиях и ценностях древнего народа. В основе этой работы исследование археологического материала и памятников минойской культуры острова Крит и поселения Акротири, в котором прослеживается прямое влияние этой культуры. Путём систематизации сюжетов, изображённых на фресках, печатях, керамике, статуэтках, архитектуре минойского периода в Эгейском бассейне, а также общих данных о мифологии соседних регионов (Малой Азии, Ближневосточных культур и Древнего Египта), появляется возможность восстановить сведения о верованиях и культах Минойцев.*

Ключевые слова: *Минойцы; Минойская цивилизация; остров Крит; Акротири; мифология; культ быка; богиня; божества; фантастические животные; культовые предметы.*

Abstract. *The article addresses the issue of highlighting mythological and cult images in the art of Minoan culture. One of the main problems of studying the Minoan civilization that existed in III-II thousand BC in the Eastern Mediterranean is the paucity of written sources relating to this era. So far, the language of linear script A and the early hieroglyphic symbols used by Minoans to transmit information has not been established. However, in addition to the undeciphered writing, we have other sources, no less valuable, to determine the main features of this culture. Among these sources are frescos, drawings on ceramics and relief on stone vessels, figurines, sarcophagus, objects found in sacred caves, and a variety of stone and clay seals. In addition to all this, the external contacts of Minoan civilization left a deep mark on the cultures of the peoples who existed side by side with them. That is why the pioneer of Minoan civilization, A.Evans, followed the path of ancient Greek legends and myths, interpreting various artistic images and finds based on their similarities in the descriptions of poets and mythographers of ancient Ellada. But if we follow the same path, we will miss a lot of the details of the completely unusual and unique ones that existed in Minoan culture. Let us miss the analogy in the mythological images of other regions, and therefore the details that speak of the unique beliefs and values of the ancient people. At the heart of this work is a study of the archaeological material and monuments of the Minoan culture of Crete Island and the settlement of Akrotiri, which traces the direct influence of this culture. By systematizing the stories depicted on frescoes, seals, ceramics, figurines, the architecture of the Minoan period in the Aegean Basin, as well as general data on the mythology of neighbouring regions (Asia Minor, Middle Eastern cultures and ancient Egypt), it is possible to restore information about the beliefs and cults of Minoans.*

Key words: *Minoans; Minoan civilization; Crete Island; Akrotiri; mythology; bull cult; goddess; deities; fantastic animals; cult objects.*

Остров Крит очень часто упоминается в греческой мифологии. С ним связаны важнейшие мифологические персонажи и традиции. Так, остров является домом детства для верховного бога Зевса, сердцем могучей морской державы царя Миноса, с которым связан целый цикл различных легенд, центральное место среди которых, конечно же, занимает легенда о Тесее и Минотавре. При дворе царя Миноса работал знаменитый мастер Дедал и находился лабиринт, который многие исследователи ассоциировали с Кносским дворцом. Все эти легенды появились уже после упадка Минойской цивилизации и колонизации острова греками-ахейцами.

С древнейших времён остров Крит был перекрёстком Восточного Средиземноморья, вратами между Востоком и Западом. Именно

поэтому многие археологические находки говорят о тесных контактах с другими регионами. Минойская культура имеет оттенки, как западно-анатолийских культур, так и древних культур Сирии и Леванта, Эгейского бассейна и даже Древнеегипетской культуры [8]. Мифология и религиозные верования, как отдельный элемент культуры, так же могли иметь тесные связи с вышеперечисленными регионами.

Среди минойского искусства существует множество фантастических (соотносимых с мифологией) культовых образов и сюжетов, которые можно разделить на отдельные категории: живая природа, зооморфные существа, женское божество, культовые образы.

Живая природа играла в жизни Минойцев первостепенное значение. Изображения морских и сухопутных животных встречаются на предметах минойского искусства очень часто, начиная с Додворцового периода (ок. 3000-1900 гг. до н.э.). Среди них важное значение имеют дикие козы, которых на Крите называют «кри-кри», олени, львы, змеи, голуби, ласточки и критский бык, изображение которого получает популярность в Раннедворцовом периоде. Бычьи головы и, так называемые, рога посвящения становятся неотъемлемой частью архитектуры дворцов. Бык играет огромную роль в культовых церемониях. В Новодворцовом периоде (ок. 1700-1450 гг. до н.э.) преобладают изображения атлета, перепрыгивающего через быка (рис. 1). Бычья голова используется в качестве иероглифического знака и на многих надписях стоит рядом со знаком «дворец» [8]. Следует отметить, что бычья голова очень часто изображается с символом двойной секиры. А в горных святилищах Минойцев, в качестве ритуальных подношений использовались медные и бронзовые секиры различных размеров, от миниатюрных, до огромных (рис. 2). Бык, безусловно, являлся божественным животным и играл огромную роль в ритуалах древних Минойцев. Аналогии данных атрибутов у важных небесных богов присутствуют и в других регионах.

В одной из древнегреческих легенд о заселении острова Крит, верховный бог Зевс принимает образ быка, чтобы похитить финикийскую принцессу Европу. Через море он переносит её на Крит, где у неё рождаются сыновья, в числе которых и легендарный царь Минос. Согласно тем же греческим легендам, в лабиринте на острове обитал Минотавр, которому приносились в жертву девушки и юноши. Это указывает

на то, что древние греки могли быть знакомы с культами Минойцев, однако, как и в большинстве случаев, иметь искажённое представление о последних, в силу исторических процессов, которые противопоставляли античный мир всему иноземному – «варварскому».

Ряд ближневосточных богов имеют тесную связь с культом быка или бычьи рога в качестве атрибутов. Хурритский Тешуб, финикийский Баал, угаритский Балу, сирийский Хадад. Все эти боги так же имели в качестве атрибута секиру [9]. В египетской традиции с быками связывают богов Птаха и Осириса. Наименование всеобъемлющего бога «нечер» и всего священного отражалось иероглифом топора или секиры [7].

Таким образом, в Минойской культуре мы, судя по всему, имеем дело с могущественным небесным богом, изображение которого, возможно, было неким табу, в связи с его вездесущностью и священностью. Однако поклонение этому богу отражалось через его атрибуты – двойную секиру и быка, как священного животного. Оба этих атрибута использовались в религиозных церемониях [8].

Среди животных, почитаемых творцами искусств, а следовательно, и остальными Минойцами присутствуют и такие экзотические персонажи, как пятнистые кошки и синие обезьяны. Образы этих животных, скорее всего, были заимствованы Минойцами из Африки, но если образы кошек не проявляют никаких признаков поклонения (как это было в Древнем Египте) и остаются на предметах искусства сугубо в декоративных мотивах, то обезьяны приобретают некое сакральное значение. Они то и дело встречаются в образах животных, наделённых интеллектом, собирающих шафран в поле (рис. 3) или рядом с другим мифическим персонажем – женским божеством.

Самую большую роль в минойской иконографии играла богиня или несколько похожих богинь. Уже то, насколько важным персонажем является женщина в искусстве Минойцев [2], говорит о матриархальной религиозной ориентации. Образ богини появляется из традиционных фигурок неолитического периода Средиземноморья (ранее 3000 г. до н.э.). Позже (ок. 1900 г. до н.э.) изображения появляются на фресках и печатях (рис. 4). Судя по всему, критская богиня является не только праматерью людей, но и всей живой природы. По сравнению с окруже-

нием она отличается огромным ростом. На ней надета длинная юбка до пола, грудь обнажена. Иногда она окружена различными животными – грифонами или львами, танцующими жрицами, порой стоящей на возвышенности или сидящей на троне. Для царицы природы главными символами являются грифоны, львы, змеи и голубки. Очень примечателен сюжет на фреске из Акротири, где этой богине, сидящей на троне, синяя обезьяна приносит шафран, являясь неким посредником между миром людей и миром богов (рис. 5). Сбор шафрана являлся для Минойцев неким культовым действием. В Древнем мире эти цветы ценились в качестве ингредиентов для благовоний. Эти цветы являются неотъемлемым декоративным мотивом, посвящённым богине.

В древнегреческой традиции эта богиня может ассоциироваться с матерью богов Реей или такими богинями природы, как Артемида и Деметра. В мифах эти богини часто имеют тесную связь с Критом. На Ближнем Востоке существует целый ряд богинь, чьи атрибуты, священные животные и связь с верховным небесным богом, аналогичны минойской богине. В хеттской мифологии может ассоциироваться с Камрусепой или Шавушкой. Малоазийской богиней матерью Кибелой. Так же с семитской Астартой, угаритской Анат и арамейской Атаргатис. В Древнем Египте с богинями Исидой и Хатхор.

Судя по всему, с самого неолитического периода на Крите существовал культ природы, и отдельные животные особо почитались, являясь священными животными минойских божеств. Но среди легко узнаваемых животных то и дело встречаются по-настоящему фантастические существа. На некоторых минойских печатях встречаются человекоподобные существа с головами собак (или волков), львов или львиц, которых можно соотнести с традиционными изображениями египетских божеств.

На печатях Раннедворцового периода (ок. 1900-1700 гг. до н.э.) появляется фантастическая женщина-птица. Это существо имеет голову с длинным клювом, как и богиня природы, имеет обнажённую грудь и юбку до пола. Руки, зачастую, заменяют крылья (рис. 6).

Одним из самых распространённых образов, как и бык, ставших популярными в Новодворцовый период, является грифон (рис. 7). Это существо с телом крупного кошачьего животного или собаки и птичьей головой встречается на печатях, фресках и саркофагах.

Часто сопровождает богиню или сидит позади её трона. Стена позади трона в Кносском дворце изображала двух грифонов. На саркофаге из Айя-Триады изображена колесница с запряжёнными в неё грифонами. На цилиндрических печатях Новодворцового периода через грифонов прыгают атлеты, подобно тому, как они прыгают через быков. Часто грифоны изображаются парой.

В Древнем Египте подобное существо появляется в качестве одной из форм бога Хора с телом льва и головой сокола. На Ближнем Востоке появляется только в период ассирийского владычества и несёт негативный оттенок. Как и минойские грифоны, египетские сфинксы обычно располагались парами.

С развитием минойского искусства, появляются краткие, но о многом говорящие сюжеты, с участием этих персонажей на фресках и печатях. На одной из печатей Новодворцового периода изображена некая возвышенность или остров со святилищем наверху (рис. 8). Справа богиня сидит на троне. Сверху ветви деревьев с существом, похожим на обезьяну. Внизу лодка. На борту постройки минойского типа с рогами посвящения наверху. Если мы обратимся к аналогиям в других древних культурах, то увидим подобные мотивы. В восточной традиции священные горы считаются местами обитания богов и в частности верховного бога и его супруги [9], с небесным раем или мифами творения.

Что касается веры Минойцев в загробную жизнь, то тут нам следует обратиться к росписям на саркофагах. Судя по всему, в них находились останки элиты минойского общества. Наиболее часто на саркофагах изображены растительные мотивы и грифоны. На вышеупомянутом саркофаге из Айя-Триады, грифоны запряжены в колесницу, которая может являться транспортом для перевозки душ покойных в небесный или загробный мир [1], играя роль мифической лодки Харона в древнегреческой традиции.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем создать картину минойских верований и культов. Религия Минойцев, судя по всему, базировалась на пережитках неолитических верований, свойственных всему Восточному Средиземноморью, Ближнему Востоку и Древнему Египту. В основе лежало почитание природы и, как следствие, великой Богини-матери, которая и олицетворяла её. Именно

это способствовало тому, что основу жречества составляли женщины, повторяющие облик богини, и занимающиеся подношением даров. Но так же, как и в соседних регионах, минойская мифология проявляет дуалистические черты, где существовал некий небесный бог, являющийся либо отцом, либо супругом богини. Его атрибутами являлись двойная секира и бык, как священное животное. С богиней же связаны такие персонажи, как грифон и обезьяны, изображавшиеся зачастую синего небесного цвета. Минойцы использовали различные статуэтки, цветы шафрана и церемониальное оружие в качестве подношений богам. У них было представление о том, что эти боги жили в неком небесном царстве – на горе или острове среди небесного океана. У них было понятие и о загробном мире, куда можно попасть только по воле богов и благодаря божественному посредничеству таких существ, как грифоны. Появление человекоподобных существ с головами животных говорит о том, что религия Минойцев испытала влияние извне. Об этом говорит так же и появление в Раннедворцовый период изображений аналогичных образам древнеегипетских божеств, таких как Таурт и Бес, печатей в форме скарабеев (рис. 9) [8]. Несмотря на то, что древние греки очень часто связывали свои мифы с островом Крит, мы можем заметить, что атрибуты и образы исконных божеств Минойцев имеют куда большие аналогии с культурами Востока. И хотя мы не имеем письменных свидетельств о минойских верованиях и культах, восстановление мифологической картины и образов возможно, благодаря изучению предметов искусства этой древней цивилизации.

Список литературы

1. Андреев Ю.В. Минойские божества смерти на цилиндрической печати из Астракуса // Σισσιτια. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетейя: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 436-445.

2. Андреев Ю.В. Минойский матриархат (Социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита) // Вестник Древней Истории. 1992. № 2. С. 3-14.

3. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III—начало I тыс. до н. э.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 862 с.

4. Бадж Э.У. Легенды о египетских богах. Нажель, Ж. «Мистерии» Осириса в Древнем Египте. Шваллер де Любич, Р. О символе и символическом. Древний Египет, наука и эволюция сознания / пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2018. 208 с.

5. Гютербок Г.Г. Хеттская мифология // Мифологии древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 161-198.

6. Думас Х.Г. Акротири. Археологический заповедник и музей доисторической Фиры / Пер. с греч. О.Патрунова. - А.: Общество поддержки изучения доисторической Фиры, 2019.

7. Монте П. Вечный Египет. Цивилизация долины Нила с древних времен до завоевания Александром Македонским / пер. с англ. А.Б. Давыдовой. М.: Центрполиграф, 2017. 415 с.

8. Пендлбери Дж. Археология Крита/ Пер. с англ. Я.М. Боровского, под общ. ред. В.В. Струве. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. 416 с.

9. Циркин Ю.Б. Мифы Финикии и Угарита. М.: АСТ: Астрель, 2003. 479 с.

Иллюстрации

Рисунок 1. Изображения прыжков через быка, печать из Кносса (слева-сверху); оттиск на глине из Акротири (справа-сверху); реконструированная фреска из нового дворца в Кноссе (снизу).

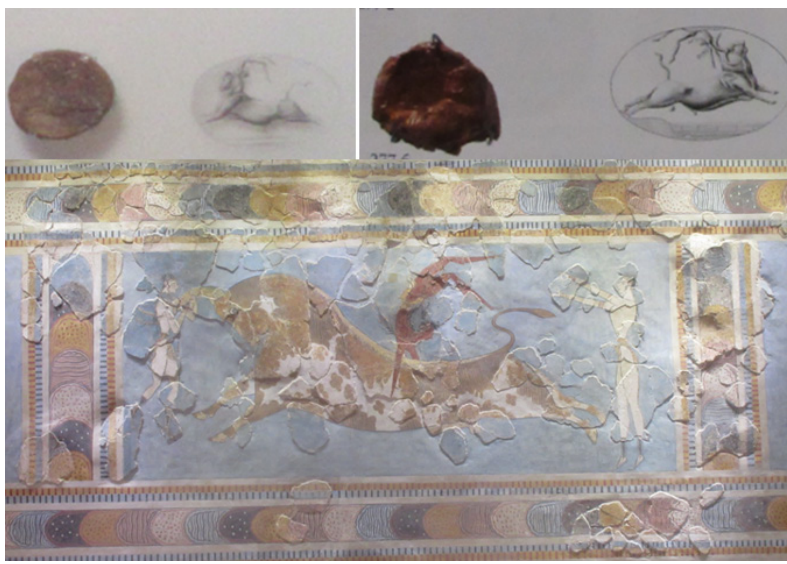

Рисунок 2. Церемониальные секиры, оставленные в святилищах в качестве подношений (сверху-слева); символ двойной секиры на стене Кносского дворца (сверху-справа); оттиск печати с изображением жрицы, несущей секиру (снизу-слева); двойная секира в качестве декоративного элемента сосуда из Акротири (снизу-справа).

Рисунок 3. Синие обезьяны, собирающие цветы. Реконструированная Фреска из Кносского дворца.

Рисунок 4. Оттиск печати из Айя-Триады (слева-сверху); золотое кольцо-печатка из Кносса (слева-снизу); статуэтка «Богиня со змеями» из Кносса (справа).

Рисунок 5. Фреска с изображением сборщицы шафрана, обезьяны и богини с грифоном позади трона. Фреска из Акротири.

Рисунок 6. Женщина-птица на оттисках печатей

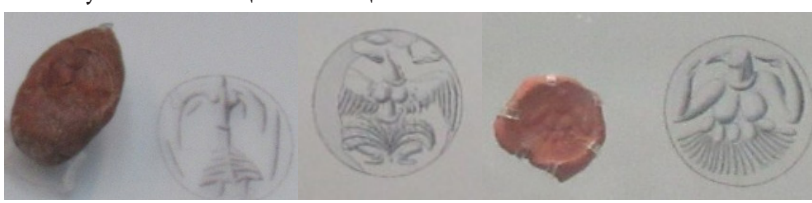

Рисунок 7. Кольцо-печатка с изображением грифона (слева-сверху); печать с изображением грифона и звезды (слева-снизу); саркофаг с изображением грифонов, запряжённых в колесницу (справа).

Рисунок 8. Кольцо-печатка из Кносса

Рисунок 9. Скарабеи в египетском стиле из Кносса. Изображение карликового божества, аналогичного древнеегипетскому Бесу.

Прусакова Ольга Павловна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Жестоканов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

Теория дорийского вторжения в античной традиции

Dorian invasion theory in ancient tradition

Аннотация. *В данной статье рассматриваются некоторые проблемы, касающиеся дорийского завоевания. Мнение, что именно оно являлось причиной гибели Микенской цивилизации, основывалось прежде всего на античной мифологической традиции. Однако она представляется довольно неполной и противоречивой: сведения античных авторов не современны освещаемым событиям, неизвестным остается происхождение дорийцев и причины их переселения, ненадежна хронология событий, а также не раскрыт точный маршрут захватчиков и конец их похода. В настоящее время выдвигается теория, согласно которой дорийцы появились на территории Пелопоннеса уже спустя столетие после гибели Микенской Греции. Разрушения и опустошения последней, вероятно, произошли вследствие других факторов и причин.*

Ключевые слова: *дорийское завоевание; гибель Микенской цивилизации; Южная Греция XIII-XII вв.; возвращение Гераклидов.*

Abstract. *This article discusses some issues regarding the Doric conquest. The opinion that it was it that caused the death of Mycenaean civilization was based primarily on the ancient mythological tradition. However, it seems rather incomplete and contradictory: the information of ancient authors is not up-to-date on the events covered, the origin of the Dorians and the reasons for their relocation remain unknown, the chronology of events is unreliable, and the exact route of the invaders and the end of their campaign are not disclosed. At present, a theory is being advanced according to which the Dorians appeared on the territory of the Peloponnese a century after the death of Mycenaean Greece. The destruction and devastation of the latter probably occurred as a result of other factors and causes.*

Key words: *Dorian conquest; death of Mycenaean civilization; Southern Greece XIII-XII centuries; Heraclides return.*

С конца XIX века и вплоть до конца 60-х гг. XX века казалось очевидным и простым, что именно дорийское нашествие является причиной гибели Микенской цивилизации. Было принято считать, что дорийцы, спустившиеся в XIII или в XII в. до н. э. с горных пастбищ Эпира и Македонии, прошли «огнем и мечом» всю Северную и Среднюю Грецию и ворвались на Пелопоннес, беспощадно опустошая оказавшиеся на их пути микенские государства, уничтожая их дворцы и цитадели. Историки также полагали, что широкомасштабное дорийское завоевание положило конец Греции эпохи бронзы и открыло начало Греции эпохи железа. Основная источниковая база данной версии – это мифологическая традиция, сохранившаяся в более поздних античных трудах.

Задача этой статьи – в общих чертах охарактеризовать основные моменты, связанные с дорийским переселением, рассмотреть возможность отражения античной традицией исторической действительности дорийского завоевания и определить, можно ли считать сведения античных авторов достоверными.

Как правило, ни у одного автора не встречается рассказа, излагающего предание во всех подробностях. Имеются лишь краткие сведения у Геродота и Фукидида, Диодора Сицилийского, Страбона и других авторов. Данные этих источников отличаются друг от друга как по характеру содержащейся в них информации, так и по степени достоверности. Они могут быть искажены хотя бы потому, что не современны освещаемой эпохе. Большинство античных авторов жили намного позже описываемого ими времени: Геродота относят к первой половине V в. до н.э, Фукидида ко второй половине V в. до н.э., а некоторых историков еще позднее.

Появление дорийцев на Пелопоннесе в мифологической традиции связано с так называемым возвращением Гераклидов, потомков Геракла. Уже в древнейшем источнике, относящемся к VII в. до н.э., можно встретить краткую версию этого предания. Стихотворный фрагмент «Евномии» Тиртея упоминает о даровании Зевсом будущей Спарты дорийцам во главе с Гераклидами, которые покинули Эриней[1] и прибыли на Пелопоннес (fr. 2, 12-5). Переселение пока-

[1]Эриней (в историческое время) – одна из сельских общин Дориды.

зано поэтом как хорошо известное всем событие. Конечно, дарование Спарты Зевсом - элемент вымысла. Однако из этого сообщения следует очень важный вывод: уже в VII в. до н.э. спартанцы считали себя выходцами из Дориды, маленькой горной области в Средней Греции между хребтами Парнаса и Эты [10, с. 15]. Во всей последующей традиции предводителями дорийцев в их военном походе признаются потомки Геракла. По упоминанию о них Тиртеем можно понять, что сведения о дорийцах дошли до него уже в виде легенды о так называемом «возвращении Гераклидов». Однако определить время и обстоятельства возникновения легенды до сих пор не представляется возможным[1]. Несмотря на то, что древнейшие упоминания о борьбе Гераклидов за земли, принадлежащие их предку, прямо связаны со Спартой, всё же основным центром, в котором предание обрело свою первоначальную форму, признан Аргос [10, с. 16].

На данный момент нам известны разные локальные варианты традиции, которые получили распространение уже в V в. до н.э.: спартанская, аргосская, коринфская, аркадская, фиванская, афинская и другие версии, причем в некоторых из них важную роль играла политическая составляющая. Так, Геродот противопоставляет аркадскую и афинскую версии (IX, 26-27), а также пишет об отличиях спартанской версии от каких-либо других известных ему от «всех поэтов» (VI, 52). Однако основная часть предания в более полном и связном виде дошла до нас от историков и хронографов IV в. до н.э. и эллинистическо-римского времени: Аполлодора (II, 8, 1-5), Диодора (IV, 37, 3; 57-58, 6), Павсания (I, 41, 2; II, 18, 6-9; IV, 3, 3-6; VIII, 5, 1). Не приходится сомневаться в том, что легенда за все это время могла подвергнуться многочисленным поправкам.

[1]Если предание было известно в Спарте и других дорийских центрах уже в VII в. до н.э., то можно предположить, что оно существовало и даже обрабатывалось и столетием раньше. В позднейшем гомеровском эпосе указывется на связь Гераклидов с дорийцами, но ничего не говорится об их “возвращении” в Грецию (Il.II, 653 sq.; 676 sq.). У Геродота есть намек на то, что это предание разрабатывалось в поэтической традиции в течение ряда поколений (Hdt. VI, 52), но выявить конкретные источники легенды по этому намеку можно лишь с помощью догадок.

Примером попытки привести отдельные версии легенды к общему сюжету может служить отрывок из II книги «Мифологической библиотеки» Аполлодора, согласно которому после смерти Геракла его сыновья во главе с Гиллом были вынуждены скитаться по всей Греции, скрываясь от преследовавшего их Эврисфея. Сумев дать отпор своему преследователю в Аттике, Гераклиды вторглись на Пелопоннес и захватили его, однако из-за чумы были вынуждены вернуться обратно и отказаться от своих завоеваний. Через какое-то время Гилл получил предсказание Дельфийского оракула о том, что полностью захватить власть на Пелопоннесе удастся лишь «после третьего плода». Неверно поняв ответ оракула, он повторил попытку вторжения через три года, и в результате битвы Гераклиды были разбиты[1]. В дальнейшем выяснилось, что оракул имел в виду не третий сбор урожая, а третье поколение. Темен, старший из представителей третьего поколения Гераклидов, с помощью этолийца Оксила привел войско на Пелопоннес, и была наконец одержана решающая победа над Тисаменом. Далее Гераклиды поделили между собой захваченные земли - Мессению, Аргос и Лакедемон - с помощью жеребьевки (Apollod. II, 8, 1-5).

Основная сюжетная линия предания соединяет в себе два изначально не связанных между собой предания [10, с. 19]. Одно из них имело своей целью обосновать легитимность власти царей Аргоса и Спарты их кровным родством с самим Гераклом и тем самым поднять их авторитет, поэтому в центре предания были правнуки Геракла Темен, Аристодем и Кресфонт. Другое предание подтверждало исконно дорийское происхождение важнейших социальных и политических институтов и Аргоса, и Спарты. Ведущую роль в этом предании играли царь и родоначальник всех дорийцев Эгимий с его сыновьями Гиллом, Диманом и Памфилом, которые являлись эпонимами трех дорийских фил. Чтобы примирить эти противоречащие друг другу сюжеты традиции, и возникла версия легенды, объединяющая эти два предания, причем так тесно, что отделить их друг от друга порой невозможно.

---

[1]Согласно более ранней версии Геродота (Herod. IX, 26) и некоторых других авторов, исход сражения предопределил поединок Гилла с аркадским героем Эхемом, в результате которого Гилл был убит.

Из этого следует, что хоть изначально предание о возвращении Гераклидов и создавалось с целью исторически оправдать и обосновать власть дорийцев на Пелопоннесе, в результате сами дорийцы оказались в ней вытеснены на второй план. Уже Геродот приводит афинскую версию легенды, которая исключает участие этого народа в возвращении Гераклидов, а у Аполлодора, Диодора и Павсания они практически не упоминаются.

Итак, попытаемся же на основе традиции дать общую картину и основные моменты дорийского завоевания. Память об их происхождении, по-видимому, была утрачена традицией. Сам термин «дорийцы» толкуется в преданиях по-разному. В некоторых источниках их именуют племенем или родом, спустившимся с области Дориды и других северных территорий. Геродот называет их племенем македнов, только на Пелопоннесе переименованным в дорийское племя (I, 56; VIII, 43). Некоторые считали дорийцев ахейцами, поменявшими название по прибытии на Пелопоннес (Plat. Leg., III, 682 d.). Иногда встречается выражение «предки лакедемонян» (Isocr. VI, 20). Порой термин «дорийцы» означал и более широкое понятие, охватывающее население большей части Пелопоннеса, Арголиды, Мессении, Лаконики, Крита, юго-западной части Малой Азии и др.

Значительную трудность составляет то, что традиция не связывает начало похода с одним каким-либо местом. Одной из отправных точек, из которых предположительно начался путь дорийцев на Пелопоннес, считается Пинд, на который указывает Пиндар в I Пифийской оде (66), однако чаще всего называется другое место - Дорида, упоминаемая Тиртеем, а затем Фукидидом и Страбоном (Tyrt. fr. 2.; Thuc. I, 107; III, 92., Strab., IX, 427). Иногда упоминается Дриопида, позднее переименованная в Дориду (Herod., VIII, 31). Однако определить точное местоположение Дориды с помощью традиции невозможно: большинством авторов она помещается в Средней Греции возле Парнаса, другими в Фессалии, в Гестиэотиде (Strab. X, 437, 475). Таким образом, традиция в качестве самого северного пункта местопребывания дорийцев указывает Гестиэотиду в Фессалии, западным — район Пинда и южным — Дориду, откуда они направились на Пелопоннес [13, с. 53]. Эти сообщения, вероятно, дополняют друг друга, если предположить, что под Пиндом понимался

горный край между Фессалией и Эпиром, где древние и помещали родину дорийцев, Дорида же, возможно, служила дорийцам местом последней зимовки или ряда зимовок перед их началом движения в сторону Греции [10, с. 24].

Ненадежной кажется и встречающаяся у некоторых античных авторов хронология произошедших событий. Неясна уже датировка Троянской войны, которая принимается как точка отсчета, сомнительна и система летоисчисления по поколениям с разной продолжительностью [10, с. 23]. Так, вряд ли может быть принята хронология, представленная в «Археологии» Фукидида, согласно которой «беотийцы, вытесненные фессалийцами из Арне, заселили теперешнюю Беотию… на шестидесятый год после взятия Илиона», а дорийцы овладели Пелопоннесом на восьмидесятый год после этого (I, 12, 3). Хаммонд замечает, что если точкой отсчета для Фукидида был 1200 год до н.э (ср.: V. 112, 2), то беотийцы должны были заселить Беотию, а фессалийцы вторгнуться в Фессалию около 1140 г. до н.э., тогда как дорийцы пришли на Пелопоннес двадцатью годами позже [10, с. 23]. Но эта датировка Фукидида никак не согласуется с археологическими данными: наиболее значительные разрушения на микенских территориях относятся к более раннему времени - концу XIII в. или первой половине XII в. до н.э. Предлагались в работах античных авторов и другие варианты: Тимей датировал возвращение Гераклидов 1154/53 г [13, с. 59]. Исократ и Эфор дают для основания дорийского поселения в Лаконике 1069 г. Таким образом, большинство античных авторов относили приход дорийцев к XII—XI вв., что не соответствует археологическим данным, поэтому датировка античных писателей является довольно произвольной.

Причины передвижения дорийских племен на юг остаются неясны, если в этом вопросе опираться лишь на традицию. Наиболее часто освещаемая ей причина, связанная с возвращением Гераклидов, безусловно, мифологизирована и вряд ли может приниматься как реальный факт. Наиболее рационально к этому вопросу подходит Фукидид: «В древнейший период страна, называемая Элладой, не была прочно заселена, но в ней происходили переселения, и все легко покидали свою землю, будучи теснимы кем-нибудь другим, всякий раз более многочисленным» (I, 2. – Пер. Г. А. Стратановско-

го). По мнению Фукидида, передвижения были легкими из-за малой развитости земледелия, отсутствия избытка продовольствия. Еще одна причина заключалась в том, что племена становились более могущественными благодаря плодородию земли, которую они заселяли. Фукидид указывает и на внутренние социальные причины, связанные с зарождением межплеменных противоречий (I, 2.). В целом причины передвижения племен хорошо раскрыты Фукидидом, но представляются довольно обобщенными и потому недостаточны для решения этой проблемы. Причиной мог быть недостаток плодородных земель: Дорида была малоплодородной страной и при росте населения она не могла его прокормить. К тому же большие переселения для населения Греции ранних периодов не были невероятным явлением: они происходили крайне часто, и в подтверждение этого есть множество примеров. Следует также отметить, что в античной традиции дорийское переселение, в сущности говоря, никогда не рассматривалось как большая миграция, но трактовалось, скорее, как военный поход дорийцев, возможно даже части племени, так как Дорида и впоследствии оставалась дорийской [13, с. 54].

Некоторые античные авторы пытались связать возвращение Гераклидов с социальными причинами: междоусобицами и изгнаниями, появившимися после возвращения на родину героев Троянской войны (Thuc., I, 12; Plat. Leg., III, 682 d.): некоторые из ее участников были убиты, свергнуты или сосланы по прибытию домой, другие по тем или иным причинам решили отправиться в другое место. Традиция также фиксирует послевоенную вражду между соперничающими группировками в Афинах, Микенах, Аргосе и других местах. Тяжелые потери ахейцев в Малой Азии после завершения Троянской войны, возможно, были причиной возникновения опасной ситуации в Греции в конце XIII века: восстания местного населения и семейная вражда в высших кругах нанесли тяжелый урон всему микенскому миру, а он, в свою очередь, привел к застою на несколько поколений.

Что касается маршрута, по которому следовали дорийцы, традиция также даёт разные варианты. В аркадском варианте традиции говорится о пути, который проходил через Истм, однако дорийцы встретили сопротивление пелопоннесцев и потому не смогли за-

вершить свой поход. Павсаний и Полибий предлагают другой путь - через Навпакт (Polyb., XII, 12; Paus., V, 3, 5; X, 38, 10). Некоторые исследователи указывают на вариант, непосредственно в предании не переданный - на морской путь, доказательством которому служат свидетельства о захвате прибрежного Солигея, откуда велось наступление на Коринф (Thuc., IV, 42), и Темения, откуда велась осада Аргоса (Paus., II, 38, 1). Путь через Истм и морской путь наиболее приемлемы для захвата Арголиды, чем путь через Навпакт. Некоторые исследователи высказывают предположение, что захват Лаконики проходил через Арголиду, после ее завоевания, но об этом традиция умалчивает [13, с. 55].

Геродот устанавливает следующий маршрут передвижения дорийцев; сначала он их локализирует в Офтиотиде, затем в Гестиэотиде, затем у Пинда и, наконец, в Дриопиде, откуда они двинулись в Пелопоннес (I, 56). Дальнейший маршрут следования дорийцев в самом Пелопоннесе неясен. Согласно элидской версии традиции, дорийцы прошли через Аркадию (Paus., V, 3, 5), но никаких других, более ясных и подробных, сведений нет. Таким образом, детальный маршрут похода дорийцев, если придерживаться античной традиции, проследить невозможно. Здесь можно только выдвигать более или менее правдоподобные, но недостаточно обоснованные предположения.

Возникает также вопрос, каким образом был осуществлен захват микенских центров. Если о предыстории похода и попытках «возвращения» античные авторы повествуют во всех деталях, то конец похода так и остается до конца не раскрытым. В частности, неизвестно, каким образом Гераклиды овладели ахейскими цитаделями и рядовыми поселениями. Например, у Аполлодора повествование об этом сведено к одной-единственной фразе: «Сразившись с врагами на суше и на море, они одержали победу и убили Тисамена, сына Ореста» (II, 8, 3. – Пер. В. Г. Боруховича). У Пиндара в I Пифийской оде упоминается, что предки спартанцев во главе с Гераклидами, «устремившись от Пинда, овладели Амиклами», важным ахейским поселением в долине Еврота, и стали «соседями белоконных Тиндаридов» (65-67). Здесь явно приход дорийцев на Пелопоннес соединяется с таким событием, как борьба Спарты за Амиклы, которая

произошла уже много лет спустя после появления самой Спарты, не ранее VIII в. до н.э.

Таковы в общих чертах основные моменты, из которых складывалось предание о дорийском походе и которые выступают в различных вариантах античной традиции. Все авторы, обращавшиеся к легенде, признавали ее как бесспорный исторический факт, но для современных историков, конечно, этого далеко недостаточно.

Подавляющее большинство сообщений традиции свидетельствует лишь о дорийском переселении, в то время как более объективных данных, независимых от традиции и подтверждающих дорийское вторжение, еще слишком мало в распоряжении историков, археологов и лингвистов.

В целом же о том, что античная традиция искажает реальную историческую картину периода, свидетельствует уже тот факт, что она практически игнорирует основной процесс конца микенской эпохи – столкновение племенного мира Северо-Западной Греции с постепенно приходящей в упадок микенской дворцовой цивилизацией. То есть такой сложный процесс, имеющий своим результатом смену значительной части населения Греции, просто сведен к обычному конфликту двух-трех ахейских династических кланов. К тому же, если придерживаться лишь античной традиции, мы не можем сказать ничего определенного и правдоподобного о происхождении дорийцев, о причинах их передвижения на юг, об их приходе, захвате и переселении за пределы Пелопоннеса. Поэтому данные античной традиции стоит принимать скорее как дополнительные источники и как вспомогательные аргументы к уже установленным фактам. Разобраться же в подлинных масштабах катастрофы и возможных ее причинах, не связанных с античной традицией, помогут археологические данные.

Список литературы

1. Аполлодор Мифологическая библиотека. / Пер. В. Г. Боруховича. СПб.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 214 с.

2. Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

3. Диодор Сицилийский Историческая библиотека / Пер. В.М. Строгецкого. М.: Лабиринт, 2000. 750 с.

4. Павсаний Описание Эллады: в 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева, под ред. Е. В. Никитюк. СПб.: Алетейя, 1996. Т. 1. 336 с.

5. Пиндар Вакхилид. Оды. Фрагменты / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1980. 503 с.

6. Платон Законы / Пер. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 731 с.

7. Страбон География / Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 957 с.

8. Тиртей Фрагменты // Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э./Пер. В.В. Латышева. М.: Ладомир, 1999. 515 с.

9. Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1981. 543 с.

10. Андреев Ю. В. Дорийское завоевание: Историческая проблема в свете археологии / Под ред. В. С. Бочкарева. СПб.: Нестор-История, 2015. 225 с.

11. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н. э. СПб.: Нестор-История: СПбИИ РАН, 2004. 494 с.

12. Бартонек А. Златообильные Микены. М: Наука, 1991. 352 с.

13. Шмидт Р. В. Античное предание о дорийском переселении // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 50-65.

14. Buck. R. J. The Mycenaean Time of Troubles // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 18, 1969, H. 3. P. 276-298.

Чугунов Алексей Алексеевич,
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Научный руководитель:
Кащеев Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор

Крез и священный огонь

Croesus and the Sacred Fire

Аннотация. *В статье предпринята попытка выяснить достоверность сведений о казни лидийского царя Креза у Геродота. Для достижения цели исследуется основная нарративная традиция о падении Лидии. Особое внимание уделяется мотивам и идеологической стороне повествования Геродота. Можно предположить, что при помощи описания казни и избавления от нее Геродот в своей «Истории» создает некий образ царя Креза.*

Ключевые слова: *Геродот; Крез; Лидия; Кир; огонь; Аполлон; Дельфы; жертва; образ.*

Abstract. *The article attempts to find out the reliability of information about the execution of the Lydian king Croesus in Herodotus. To achieve the goal, the main narrative tradition of the fall of Lydia is investigated. Particular attention is paid to the motives and ideological side of Herodotus' narrative. It can be assumed that in his "Histories" Herodotus, using the description of the execution and disposal of it, creates a certain image of King Croesus.*

Key words: *Herodotus; Croesus; Lydia; Cyrus; fire; Apollo; Delphi; victim; image.*

Огонь (πῦρ) [4, с. 1442] с древнейших времен олицетворял солнце и неукротимую силу, считался божественным даром. Тема огня встречается в различных мифологических традициях, поэтому неудивительно, что Геродот Галикарнасский, который известен своей любовью объяснять действительность с помощью различных образов и символов, использует огонь для раскрытия одного из важнейших персонажей своей «Истории».

Падением Сард, лидийской столицы, и пленением царя Креза [2, с. 38-39] (Hdt. I.86.1) начинается интересующий нас сюжет. Согласно Геродоту, лидийский царь был возведен на погребальный костер по приказу персидского правителя Кира Великого, желавшего либо принести царя в жертву некоему божеству, либо выяснить, нет

ли у Креза небесного покровителя, готового спасти своего подопечного (Hdt. I.86.2). Однако Кир изменил свой замысел, задумавшись над словами Креза о переменчивости человеческого счастья. Персидский царь решил прекратить казнь, однако его подданные никак не могли усмирить пламя, и только Аполлон, призванный молитвами Креза, спас осужденного царя (Hdt. I.87.2). Завоевателя так впечатлило божественное вмешательство, что он освободил Креза и даже сделал его своим советником, о чем Геродот напоминает при описании более поздних событий. Таков переломный момент в жизни Креза, сраженного царя, ставшего союзником своего победителя.

Итак, наша задача заключается в том, чтобы выявить достоверность описанных Геродотом событий с помощью анализа других памятников античности. Для этого важно помнить, что сведения о Лидии первый историк, в основном, почерпнул из общения с местными жителями и из дельфийской традиции, доступной Геродоту и во многом повлиявшей на его творчество.

Ритуал Креза с огнем не был для Геродота единичным случаем. В следующих книгах его труда жертвенный костер играет важную роль в судьбе нескольких героев «Истории». Можно вспомнить Бога из Эиона, военачальника Ксеркса, не сдавшегося на милость грекам и погибшего в сложенном по его приказу погребальном костре (Hdt. VII.107), а также Амилку, карфагенского царя, убившего себя на жертвенном костре после поражения от сиракузцев (Hdt. VII.167). Более того, нам известно, что погребальный костер и самопожертвование героя или царя имеет мифологические корни. Согласно распространенному мифу, так погиб Геракл [6, с. 76]. Некоторые ученые склонны видеть в этом ритуале попытку царя-жреца войти в сонм бессмертных [3, с. 611].

Эта поправка о самопожертвовании, похоже, способна пролить свет на мотивы появления костра в иной версии событий, происходивших в середине VI в. до н.э. Обращаясь к другим источникам той эпохи и более позднего времени, мы не найдем единства мнений. Здесь все достаточно противоречиво, начиная от реальности существования костра и кончая дальнейшей судьбой царя.

К первой группе источников стоит отнести те дошедшие до нас памятники, в которых Крез погибает. Наиболее древним из дошедших до нас источников, согласно У. У. Хау и Д. Уэллсу [11, p. 86], являет-

ся аттическая краснофигурная роспись на амфоре, которая хранится в Лувре и датируется 500 г. до н.э. На ней изображен Крез, который, как полагает О.В. Кулишова, приказывает слуге поджечь себя [8, с. 249]. Эта сцена красочно воспета Вакхилидом, старшим современником Геродота, в его третьей оде. Согласно поэту, Крез взошел на костер вместе со своей семьей, однако от мучительной смерти его спас Аполлон, который за благочестие лидийского царя перенес его в страну гипербореев (Bacchyl. III. 23-63) [9, с. 230-231]. Божественное вмешательство, характерное и для Геродота, становится воздаянием царю за его заслуги перед дельфийским жречеством, которое Крез осыпал золотом всякий раз, когда обращался к оракулу. Здесь нам важно, что оба источника указывают на самосожжение царя, весьма вероятно, исходящее из древней мифологии, о чем уже говорилось ранее.

Вторая группа источников, представленная «Персикой» Ктесия Книдского и «Киропедией» Ксенофонта, сходна в том, что оба автора отвергают эпизод с костром и считают спасение жизни Креза вполне возможным. Однако Ктесий в свойственной ему манере оттесняет костер и чудеса, приведенные Геродотом, и заменяет их не менее чудесными обстоятельствами помилования Креза. Согласно «Персике», Крез трижды был закован в цепи и трижды незримо освобождался, находясь в опечатанном храме под неусыпным контролем. По приказу Кира попавших в опалу охранников обезглавили, а Креза стали охранять еще строже. Однако и в этом сюжете появляется божественная сила, которая для спасения свергнутого царя прибегла к громам и молниям (Ctesias. Persica. F. 4). После этого Кир, впечатлившись божественным покровительством Крезу, помиловал его и даже дал в управление большой город Барену. Ксенофонт противопоставляет свою версию событий, в которой жертвенный костер также отсутствует, однако спасение Креза раскрывается в его мудрых советах, благодаря которым он и становится советником персидского царя [7, с. 189] (Xen. Cyr. VII. 2). Возможно, отсутствие эпизода с костром мы можем отнести к стремлению Ксенофонта к рациональности. Вполне вероятно, что, не удовлетворившись божественным характером спасения Креза, он решил отвергнуть этот эпизод.

Наконец, третья и самая многочисленная группа источников лишь незначительно расходится с позицией Геродота. Сюда отно-

сится «История» Николая Дамасского (Nic. Dam. Fr. 68), который, по мнению некоторых ученых [1, с. 240], в лидийской части своей работы подражал старшему современнику Геродота Ксанфу Лидийцу, близкому к лидийской традиции, от чьего труда до нас дошли лишь отрывки. Следовательно, если допустить компиляцию из работы Ксанфа, мы можем предположить, что сюжет с костром и помилованием Креза присутствует и в лидийской традиции, то есть в той самой, к которой Геродоту был закрыт доступ из-за языкового барьера. Также этот список можно продолжить «Исторической библиотекой» Диодора Сицилийского [5, с. 50] (Diod. IX. 2, 34) и Плутарховой биографией Солона [10, с. 123] (Plut. Sol. XXVIII). В обоих трудах прослеживается сильное сходство с версией Геродота, доверие к ней, несмотря, к примеру, на явное недовольство отцом истории, свойственное Плутарху. Единственное замечание сводится к отсутствию у обоих авторов намека на божественное вмешательство – мотив, безусловно, важный для Геродота, больше не играет той роли, что играл в эпоху Классической Греции. В итоге мы получаем сюжет, который практически полностью совпадает в указанных источниках, опиравшихся на разные традиции, что доказывает достоверность появления жертвенного костра для казни лидийского царя.

Итак, изучив разноречивую традицию о падении Лидийского царства, мы, с некоторыми оговорками, можем принять версию Геродота и даже выделить ее основу – казнь побежденного и неожиданная милость победителя. При этом какими-либо рациональными сведениями о том, как царь смог избежать казни, мы не обладаем. Главная ценность этого свидетельства проявится, если учесть политический и идейный подтекст, который имеет данный эпизод в труде Геродота. Можно говорить о том, что используя ритуал казни и спасение Креза божеством, Геродот с успехом выполнил сразу две задачи, а именно: 1) отдать дань уважения Дельфам, которые смогли, полемизируя с Крезом после его спасения, отвести от себя подозрения в неправильных оракулах; 2) подвести героя своей «Истории» к событию, которое в корне изменило его отношение к жизни и к мудрости. Если рассматривать Креза в труде Геродота как некий «образ», в который историк вложил собственные представления о человеке и мире, то все повествование о нем находит идеальное

дополнение в виде жертвенного костра, пройдя через который, Крез смог очиститься от своих прошлых недостатков и предстать в дальнейшем повествовании совершенно другим человеком. Именно поэтому, можно говорить о том, что для Геродота жертвенный огонь является одним из «украшений», которыми отец истории мастерски обрамляет повествование о лидийском царе, вылившееся, по мнению Дж. Киндт, в отдельный «Крезов логос» [12, p. 35].

Список литературы

1. Веселаго Е.Б. Николай Дамасский // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 235-244.

2. Геродот. История: в 9-и кн. / пер. Г.А. Стратановский; отв. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1972. 600 с.

3. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: «Азбука-Аттикус», 2014. 832 с.

4. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. / Под ред. С.И. Соболевского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 2. 1904 с.

5. Диодор Сицилийский Историческая библиотека. Книги VIII—X: Фрагменты. Архаическая Греция. Рим эпохи царей / изд. подгот. О.П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2012. 136 с.

6. Камад И. М. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 176 с.

7. Ксенофонт Киропедия / изд. подгот. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. М.: Наука, 1976. 334 с.

8. Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. 432 с.

9. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. 503 с.

10. Плутарх Солон / пер. С.И. Соболевского // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3-х т. М.: АН СССР, 1961. С. 102–126.

11. How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus: in 2 vols. Oxford, 1967. Vol. I.

12. Kindt J. Delphic Oracle Stories and the Beginning of Historiography: Herodotus' Croesus logos // Classical Philology. Chicago, 2006. Vol. 101. P. 34–51.

Соловьева Александра Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Кулишова Оксана Викторовна, доктор исторических наук, профессор

К вопросу о роли Гармодия и Аристогитона в свержении тирании в Афинах

To the question of the role of Harmodius and Aristogeiton in the overthrow of tyranny in Athens

Аннотация. *В работе рассматривается один из самых важных и необычных сюжетов истории афинского полиса – свержение старшей тирании в Афинах. Данный сюжет уже с античных времен связывался с именами Гармодия и Аристогитона – знаменитыми «тираноборцами». Автор работы исследует вопрос о том, можно ли связывать убийство одного из тиранов –Гиппарха, и свержение старшей тирании. В работе делаются выводы о том, что убийство Гиппарха – прецедент личного характера, в то время как свержение Писистратидов – политическое явление, связанное с борьбой аристократических родов.*

Ключевые слова: *старшая тирания; Афины; Писистрат и Писистратиды; Гармодий и Аристогитон.*

Abstract. *The work considers one of the most important and unusual stories of the history of Athens – the overthrow of the oldest tyranny in Athens. Since ancient times, this story has been associated with the names of Harmodius and Aristogeiton. The author explores the question is it possible to connect the murder of one of the tyrants - Hipparchus, and the overthrow of the oldest tyranny. The work concludes that the homicide of Hipparchus is a precedent of a personal nature, while the overthrow of the Peisistratids is a political phenomenon associated with the struggle of aristocrats.*

Key words: *the oldest tyranny; Athens; Peisistratos and Peisistratids; Harmodius and Aristogeiton.*

Свержение тирании в Афинах – один из центральных сюжетов в истории аттического полиса. Образ Гармодия и Аристогитона как тираноубийц и защитников полиса прочно утвердился в Афинах уже в классическую эпоху античности [3, с. 64]. Однако вряд ли можно говорить о том, что данная тема исчерпана для обсуждения, ведь разные авторы, повествуя о событиях того времени, упоминают разные детали происходящего. Мы хотели бы попробовать собрать сведения античных источников, в которых содержится информация о сыновьях Писистрата и о том, как была свергнута тирания в Афинах.

По словам Геродота, было предпринято две основные попытки свергнуть тиранию в Аттике, обе были инициированы Алкмеонидами. Историк сообщает, что после своего очередного изгнания[1] Алкмеониды взяли на себя у амфиктионов подряд отстроить храм в Дельфах, тем самым подкупили пифию (Hdt., V, 62). Все время, когда лакедемоняне обращались, вопрошая оракул, они получали ответ – освободить Афины от тирании. Это стало причиной двух попыток совершить военное вторжение в Аттику. Первая попытка, по словам Геродота, закончилась неудачно. Военный поход возглавил Анхимолий[2]. Однако Писистратиды проведали об этом походе, заключив союз с фессалийцами [2, с. 83], и сумели отбить спартанцев[3]. Вторая попытка была весьма удачной, военный поход возглавил спартанский царь Клеомен. Сыновья Писистратидов, пытаясь сбежать, попали в плен. Вынужденные согласиться в течение пяти дней удалиться из Аттики, они отправились в Сигей на Скамандре, как сообщает Геродот, к своим родственникам Нелидам, которые вели свой род от Кодра и Меланфа (Hdt., V, 65).

Так, «отец истории» Геродот приписывает освобождение Аттики Алкмеонидам: «Таким образом, они (Алкмеониды) были более освободителями Афин, чем Гармодий и Аристогитон, как я могу судить, ведь стали более суровыми оставшиеся в живых Писистратиды после убийства Гиппарха, никто из них не покончил с тиранией, Алкмеониды же действительно освободили (Афины), если же, правда, они склонили Пифию предсказать лакедемонянам освободить Афины… (Καὶ οὕτω τὰς Ἀθήνας οὗτοι ἦσαν οἱ ἐλευθερώσαντες πολλῷ μᾶλλον ἤ περ Ἁρμόδιός τε καὶ Ἀριστογείτων, ὡς ἐγὼ κρίνω· οἱ μὲν γὰρ ἐξηγρίωσαν τοὺς

[1]Род Алкмеонидов изгонялся из Афин несколько раз, сперва как нечестивый род после Килонова мятежа (Ath. pol., 1, 1), но, по-видимому, Алкмеониды смогли вернуться в Аттику после реформ Солона (Ath. pol., 13, 4). Еще одно изгнание произошло после второй попытки Писистрата укрепиться у власти, заручившись поддержкой Мегакла, взяв в жены его дочь. По сведениям Геродота (I, 61), после прихода к власти между Мегаклом и Писистратом произошла ссора, что стало причиной их разлада, а род Алкмеонидов удалился из Аттики.

[2]У Аристотеля в Афинской политии он именуется Анхимол (Ath. pol., 19, 5).

[3]По сведению Аристотеля, у Писистрата был сын по прозвищу Фессал от второй жены, что может объяснить контакты Писистратидов и Писистрата с фессалийцами.

ὑπολοίπους Πεισιστρατιδέων Ἵππαρχον ἀποκτείναντες, οὐδέ τι μᾶλλον ἔπαυσαν [τοὺς λοιποὺς] τυραννεύοντας, Ἀλκμεωνίδαι δὲ ἐμφανέως ἠλευθέρωσαν, εἰ δὴ οὗτοί γε ἀληθέως ἦσαν οἱ τὴν Πυθίην ἀναπείσαντες προσημαίνειν Λακεδαιμονίοισι ἐλευθεροῦν τὰς Ἀθήνας – Hdt., VI, 123 – перевод наш – А.С.).

Неоднократно было отмечено, что Геродот в своих трудах симпатизирует роду Алкмеонидов и уделяет ему особое внимание [8, 9]. Однако подтверждающие сведения мы находим также у Аристотеля. Античный автор описывает те же походы спартанских военачальников (Ath. pol., 19, 5), после которых Писистратиды вынуждены были оставить власть и их тираническое правление завершилось. Для того, чтобы более точно описать произошедшее свержение тирании обратимся также к сведениям Фукидида, который рассудительным путем устанавливает старшинство Писистратидов и пытается более точно передать детали правления афинских тиранов [11, p. 168; 13, p. 208]. Историк упоминает, что лишь у старшего из них, т. е. у Гиппия было пятеро сыновей от Мирсины, дочери Каллия, которые, по-видимому, и попали в плен к спартанцам (Thuc., VI, 54). В данном случае сведения Геродота дополняются ценной информацией Аристотеля и Фукидида, и, на наш взгляд, позиция Геродота здесь вполне достоверна. Тирания как режим была свергнута из-за политических перипетий и борьбы аристократических группировок. Нам же необходимо остановиться на еще одном сюжете, который описывается античными авторами.

Начнем с того, что в «Афинской политии» Аристотеля даются сведения о том, сколько сыновей было у Писистрата. По словам историка, у него было два сына – Гиппий и Гиппарх – от законной жены, имя которой неизвестно, и двое от аргивянки – Иофонт и Гегесистрат, у которого было прозвище Фессал (Ath. pol., 17, 3). Фукидид называет трех сыновей Писистрата – Гиппий, Гиппарх и Фессал (Thuc., VI, 55). При этом оба автора солидарны в том, что старшим был Гиппий, к которому и перешла власть после Писистрата. Отметим также, что Геродот пишет, что после смерти Гиппарха остались Писистратиды, возможно, упоминая в данном контексте других сыновей Писистрата (οἱ μὲν γὰρ ἐξηγρίωσαν τοὺς ὑπολοίπους Πεισιστρατιδέων Ἵππαρχον ἀποκτείναντες – Hdt., VI, 123).

Если про Иофонта мы находим сведения лишь у Аристотеля, и, по-видимому, данная фигура не играла значительной роли в проис-

ходящих событиях, то обратимся к трем историческим фигурам. Аристотель упоминает, что двое сыновей Гиппарх и Фессал были крайне ветреными юношами, но вину за все происшествия с братьями возлагает именно на Фессала: «Фессал же был намного моложе и в жизни был дерзким и наглым, что, как случилось, стало причиной их всех несчастий» (Θέτταλος δὲ νεώτερος πολὺ καὶ τῷ βίῳ θρασὺς καὶ ὑβριστής, ἀφ᾽ οὗ καὶ συνέβη τὴν ἀρχὴν αὐτοῖς γενέσθαι πάντων τῶν κακῶν – Ath. pol., 18, 2). История, которую впоследствии повторяет также и Фукидид, о том, что юноша был влюблен в Гармодия и не добившись его дружбы, оскорбил его сестру, сняв с нее обязанности канефоры на Панафинеях, приписывается Фессалу. Аристотель винит незаконного сына Писистрата в случившемся с Гиппием и Гиппархом (Ath. pol., 18, 4). У Фукидида повествование строится немного иным образом. По мнению историка, Гиппарх был влюблен в Гармодия, друга Аристогитона. И когда сын Писистрата не смог снискать его расположения, то решил нанести оскорбление его сестре (Thuc., VI, 56). Привлекая сведения Диодора Сицилийского, попробуем ответить на вопрос, кто же в кого был влюблен. Диодор сообщает, что Фессал, сын Писистрата, как благоразумный человек, отказался от власти тирана, стремясь к равенству, и пользовался большим уважением среди граждан, чем Гиппий и Гиппарх (Diod., X, 16). Отметим также то, что Аристотель в дальнейшем пишет о том, что Гармодий и Аристогитон ополчились все-таки на Гиппия и Гиппарха, а имя Фессала более не упоминает (Ath. pol., 19, 5). Исходя из приведенных свидетельств, складывается впечатление, что все-таки именно Гиппарх был влюблен в Гармодия, за что на него ополчился и сам Гармодий, и Аристогитон.

Еще один мотив убийства Гиппарха представлен в диалоге Платона «Гиппарх», в котором говорится, что не обида сестры послужила причиной раздора, но то, что Гармодий был любимцем Аристогитона и его учеником. Аристогитон не смог стерпеть поведение Гиппарха, за что и решил его убить (Platon. Hipparch. 228b-229e). Заметим, что данный диалог не все признают подлинным, однако в диалоге Платона «Пир» говорится о том, что любовь Аристогитона к Гармодию стала причиной гибели Гиппарха [14].

Таким образом, у нас есть достаточно свидетельств, чтобы прийти к выводу о том, что смерть Гиппарха во время праздника являла

собой личный мотив убийства, по-видимому, не связанный с тираническим режимом братьев. К этому всему дополняются сведения Аристотеля, Фукидида и Геродота, которые говорят, что правление Писистрата и Писистрадитов носило вполне благоразумный характер. Аристотель упоминает, что тираны старались ничем не раздражать простой народ, оказывая помощь при необходимости (Ath. pol., 16, 7), а Фукидид сообщает, что сам Гиппий пользовался популярностью в народе тем, что воздвиг алтарь Аполлона на площади (Thuc., VI, 54) [7, с. 41]. Мы солидарны с мнением И. А. Макарова, что старшая тирания во многом опиралась на институт аристократических гетерий, на военную доблесть тиранов, вооруженные отряды и тиранов других полисов1, также присутствовала идеология, которая обосновывала власть тирана [1, с. 3]. В случае с Писитратом и его сыновьями нет сомнений, что все вышеперечисленное у них было. Так, вспомним, что Писистрат и его сыновья, по-видимому, имели отряд скифских лучников [10, с. 137]. Также Гиппий выдал свою дочь Архедику замуж за Аянтида, сына Гиппокла, тирана Лампсака [2, с. 83]. Помимо прочего, власть Писистратидов подкреплялась их принадлежностью к аристократическому роду Нелеидов, а также участием в военных походах, например, в войне против Мегар за остров Саламин2.

Однако ситуация значительно изменилась после случившегося инцидента с Гиппархом, и тиранический режим стал действительно суровым [12]. Гиппий казнил многих граждан и стал более внимательно следить за происходящим, боясь новых заговоров (Thuc., VI, 59). А на четвертый год после случившегося он начал укреплять Мунихию, собираясь туда переселиться в случае мятежа (Ath. pol., 19, 1). По-видимому, дальнейшее ожесточение режима и послужило началом военной экспедиции спартанцев на территорию Аттики.

Заметим, что в античной историографической традиции существовали две полярные точки зрения. Первая – о том, что именно Аристогитон и Гармодий стали инициаторами свержения тирании.

---

[1]Подробнее см. [4].

[2]Л. А. Пальцева упоминает свидетельства Полиэна, Энея Тактика, Юстина, где главным действующим лицом в борьбе за Саламин выступает Писистрат. Подробнее см. [5, с. 253].

Данная точка зрения в большей степени выражена у Фукидида. В то время как Аристотель и Геродот более последовательно передают информацию о личном мотиве убийства, а падение тирании связывают с приходом спартанцев. Заметим, что описанные Аристотелем и Фукидидом последствия убийства Гиппарха наводят на мысль, что в афинском полисе действительно было не мало сторонников свержения тирании. Еще одним подтверждением данного тезиса является эпиграмма, приписываемая Симониду Кеосскому: «День, в который Гиппарх убит был Аристогитоном и Гармодием, был светлым по истине днем» [14]. Данная надпись была начертана на памятники тираноубийцам в 509 г. до н. э., а затем похищена во время греко-персидских войн. Однако в 30-х гг. XX в. была обнаружена стела. На постаменте ныне читаются заключительные слова следующего дистиха — «…сделали землю родную» [14]. Таким образом, наши древнейшие свидетельства не сообщают никаких подробностей произошедшего в 514 г. до н. э. Важно, однако, что и эпиграмма Симонида, и отрывок более поздней надписи ясно показывают, как оценивали афиняне поступок тираноубийц. Отметим также и то, что отрицательное отношение к тираническим режимам существовало и раньше. К примеру, Солон и Феогнид в своих элегиях негативно относятся к тираническому правлению[1].

По-видимому, две полярные точки зрения продолжали существовать в Аттике во время тирании Писистратидов и после ее свержения. Античная традиция, связывая между собой инцидент личного характера и общую нелюбовь к тирании, создавала миф о том, что убийство Гипппарха было политически ангажированным. Данная точка зрения в большей степени нашла свое отражение в трудах Фукидида. Тем не менее, на наш взгляд, необходимо разделять оба события. Смерть Гиппарха – инцидент, произошедший из-за ревности и любви Аристогитона к Гармодию, но, по-видимому, ничего не имеющий общего с освобождением Афин от тирании. Однако накопившееся недовольство тиранами, общая неприязнь к данному режиму, а также ухудшение положения в полисе после смерти Гиппарха привели к политическому инциденту – походу спартанцев

[1]Подробнее см. [6].

на Афины, который во многом был подготовлен политической группировкой Алкмеонидов.

Список литературы

1. Андреев Ю. В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 3–7.

2. Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 626 с.

3. Латышев В. В. Очерк греческих древностей: в 2-х ч. Ч. I. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1888.

4. Макаров И. А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 25–42.

5. Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 302 с.

6. Соловьева А. С. Социально-политические категории в элегиях Солона и Феогнида // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 101–113.

7. Строгецкий В. М. Фукидид о возникновении тирании в Древней Греции, об особенностях афинской тирании Писистратидов и заговоре Гармодия и Аристогитона // Мнемон. 2015. № 15. С. 34–48.

8. Суриков И. Е. Геродот, Филаиды и Алкмеониды (несколько слов о старой теме в связи с ее нынешним состоянием) // Метаморфозы истории. 2017. № 10. С. 9–34.

9. Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М.: ИВИ, 2000. 282 с.

10. Фролов Э. Д. Скифы в Афинах // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 135–152.

11. Finley J. H. Three Essays on Thucydides. Cambridge, 1967.

12. Meyer E. A. Thucydides on Harmodius and Aristogeiton, Tyranny, and History // CQ. 2008. Vol. 58.1. P. 13–19.

13. Romilly J. Thucydides and Athenian Imperialism. Oxford, 1963.

14. Изгнание Писистратидов // Студенческое научное общество: [сайт]. URL: http://sno.pro1.ru/projects/pisistratides/liberII.htm. (дата обращения 30.09.2019).

Цветкова Ангелина Филипповна,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Античная традиция о Фульвии: расстановка акцентов

Ancient tradition about Fulvia: emphases

Аннотация. *Данное исследование посвящено античной традиции о Фульвии, жене триумвира Марка Антония. В статье предпринята попытка предложить некоторые соображения к объяснению специфики отражения личности Фульвии и её деятельности в рамках Перузинской войны на основе сочинений Плутарха и Аппиана Александрийского. В ходе исследования выявляется влияние сюжета и итогов последней гражданской войны Римской республики на традицию о Перузинской войне и самой Фульвии.*

Ключевые слова: *Фульвия; Перузинская война; политическая деятельность женщины; Поздняя республика; Марк Антоний; Октавиан Август; Плутарх; Аппиан.*

Abstract. *This study aimed at the ancient tradition about Fulvia, the wife of the triumvir Mark Antony. The article attempts to offer some ideas for explaining the specifics of the reflection of the personality of Fulvia and her activities in the framework of the Perusine war based on the writings of Plutarch and Appian of Alexandria. The study reveals the influence of the plot and results of the last civil war of the Roman Republic on the tradition of the Perusine war and Fulvia herself.*

Key words: *Fulvia; Perusine War; political activities of women; Late Republic; Mark Antony; Augustus; Plutarch; Appian of Alexandria.*

В данной работе мы обратимся к античной традиции о Фульвии и предложим некоторые соображения к объяснению оной, что и будет являться целью исследования. Задачами исследования в таком случае будут анализ упоминаний Фульвии в источниках; сопоставление их с представлением о социально-политической жизни Поздней республики; выявление общей тенденции в подаче информации в источниках.

Мы привыкли, что история древнего мира, как правило, пишется мужчинами, о мужчинах и для мужчин, однако в истории древнего Рима есть примечательные исключения из общей тенденции. Одно из таких – традиция о Фульвии, жене Марка Антония. Это можно назвать необычным примером изображения женщины как активного публичного действующего лица политических и военных событий. Античная традиция отдает Фульвии, супруге триумвира Марка Антония, главную роль в развязывании Перузинской войны. Без сомнения, современный научный интерес к роли женщины в истории древнего мира предоставляет нам благоприятную возможность вновь обратиться к данному сюжету и свидетельствует об актуальности исследования.

Сведения об указанной войне приведены в различных источниках, в том числе в биографии Марка Антония в "Сравнительных жизнеописаниях" Плутарха и в "Гражданских войнах" Аппиана. Плутарх упоминает о данном сюжете вскользь, в одном лишь параграфе (Plut. Ant. 31), в то время как значительная часть V книги труда Аппиана посвящена причинам, основному течению войны, ее итогам и последствиям (App. Bell. Civ. V. 14-65). Нельзя не отметить наличие временного промежутка в 150 и более лет между описываемыми событиями и созданием источника; мы должны учитывать возможность того, что оба автора "попали под обаяние" личности первого принцепса и идеологии Империи, у истоков которой стоял Октавиан. Это могло осуществиться как косвенным, так и самым непосредственным путем: через знакомство Плутарха (Plut. Ant. 22; Comp. Dem. Cic. 3; Brut. 27; 41) и Аппиана (App. B. C. IV. 110) с утраченными мемуарами Августа. Последнее подчеркивается в статье И.Л.Маяк [8, с. 625].

Чем же особенно выделяется традиция о Фульвии? М.Е. Сергеенко указывала, что роль римской матроны была значима в хозяйственных вопросах: эта женщина хранит ключи от всех помещений и в целом является полноправной хозяйкой дома [11, с. 202]. Такова мать М. Антония, Юлия, которая "стояла на страже" семейного имущества и, по выражению Плутарха, "зорко следила" (Plut. Ant. 1), чтобы ее муж, владеющий скромным состоянием, не давал воли доброте. Фульвии же в упрек биограф ставит то, что "на уме ее была

не пряжа и не забота о доме" (Plut. Ant. 10), как ожидается от женщины. По мнению И.П. Портнягиной, римская familia была той неформальной средой, где женщина могла быть допущена к политической дискуссии [10, с. 264]. При этом, даже если женщина имела влияние на домочадцев в этой сфере, она была полностью отстранена от прямого участия в политической жизни civitas (в силу самого устройства классического античного общества). Тем удивительнее репрезентация Фульвии как активного действующего лица военно-политической истории.

При каких обстоятельствах и в каком контексте Фульвия появляется в источниках? Во время отсутствия М. Антония в Риме и в ситуации назревающего конфликта по поводу инициирования Октавианом раздачи земель, брат триумвира, консул Л. Антоний, Фульвия и некто, названный Аппианом лишь по praenomen, Маний обеспокоились, что Антоний потеряет расположение легионеров-цезарианцев, если Октавиан представит раздачу земель как лично осуществленную инициативу (App. Bell. Civ. V. 14). Аппиан пишет: "*Приведя* (курсив мой - А.Ц.) к войску Фульвию и детей Антония, они (Л.Антоний и Маний - А.Ц.) горячо просили солдат не допускать, чтобы Антоний пожертвовал славою и благодарностью, которую он заслужил" (Ibid). Это описание укладывается в парадигму приемлемого и обычного поведения римлянки. Обратим внимание, что Фульвия именно *была приведена*, а не пришла самостоятельно, таким образом подчеркнута ее пассивность. И здесь, и (как мы вскоре покажем) далее античные авторы путем выбора соответствующего залога и особого образа конструирования фразы расставили акценты и дали оценку активности того или иного персонажа.

Далее в источниках приводятся описания военного конфликта. Плутарх в первый раз упоминает войну в контексте отъезда Антония в Александрию, говоря, что Антоний "*был увлечен* (здесь и далее курсив мой - А.Ц.) до такой степени, что *позволил* Клеопатре *увезти себя* в Александрию - и это в то самое время, когда <…> Фульвия *отстаивая* его дело, *вела войну*" (Plut. Ant. 28). Здесь Плутарх представляет двух женщин активными участниками событий, противопоставляя их пассивному Антонию. Затем, кратко сообщив о войне как о пришедшем к забавляющемуся в Египте

триумвиру известии, биограф сразу говорит о поражении, которое потерпели "его (М. Антония - А.Ц.) брат Луций и супруга Фульвия, сперва *боровшиеся* друг с другом, а затем *вместе воевавшие* (курсив мой - А.Ц.)" (Plut. Ant. 30) против Октавиана. Виновницей войны, как передали Антонию его друзья, являлась Фульвия, "беспокойная и дерзкая *от природы* (курсив мой - А.Ц.), она вдобавок надеялась, раздув войну в Италии, оторвать Антония от Клеопатры" (Ibid). Здесь, несмотря на мужские черты в описании Фульвии, подчеркиваются "типично женские" качества - эмоциональность, превалирование чувств над разумом.

Аппиан излагает происходящее более детально. Согласно ему, хотя Фульвия изначально была против начала войны, как несвоевременной, она вскоре (sic!) была переубеждена "хитрецом Манием", который подал надежду на скорое возвращение Антония от египетской царицы (App. Bell. Civ. V. 19). Таким образом, Аппиан также выделяет "чисто женские побуждения" Фульвии (Ibid.; ср.: 59) как главную причину ее действий. Тем не менее, как справедливо замечает М. Грант, "ревность ревностью, но положение в Италии было настолько серьезным, что для его объяснения таких личных мотивов было совершенно недостаточно" [4, с. 181].

Далее Аппиан приводит, пожалуй, беспрецедентную информацию о том, что Фульвия не только торопила полководцев идти на помощь осажденному в Перузии деверю, но и самостоятельно, "собрав еще одну армию, послала ее Луцию" (Ibid. 33). Некоторые исследователи на основании этого делают вывод о, во-первых, широких возможностях и высоком положении лично Фульвии, во-вторых, о значительном масштабе политической деятельности римлянки вообще [10, с. 274]. Мы бы не торопились с выводами, поскольку существуют важные обстоятельства, обретающие ясность лишь в свете дальнейших перипетий судьбы жены М. Антония.

От античных авторов мы узнаем, что Фульвия бежала с детьми в Грецию, где умерла (Plut. Ant. 30; App. Bell. Civ. V. 50-52). Обстоятельства ее кончины описываются несколько по-разному, гораздо важнее другое. Парадоксально, но смерть Фульвии, как последний акт ее участия в политической жизни государства, представляется не менее важной, чем ее жизнь и деятельность. Это позволило пере-

нести ответственность за войну на нее, а сторонам облегчило приход к согласию, что отмечают оба источника: “Фульвия умерла, что сильно помогло Антонию достигнуть согласия с Октавианом” (Plut. Ant. 30); “в смерти Фульвии обе стороны увидели благоприятное обстоятельство” (App. Bell. Civ. V. 29). Между вчерашними врагами состоялось “забвение всего происшедшего, примирение и устроилась дружба на будущее время” (App. Bell. Civ. V. 64). Одним из последствий данного примирения, на наш взгляд, стало закрепление в более поздней традиции роли Фульвии как активного действующего лица военного конфликта.

Существенно, что Плутарх и Аппиан писали после исторического события большой исторической важности. Итогом жизни М. Антония явилось сражение при Акции, суть битва за право стать во главе рождающейся Римской империи. Общеизвестно, что историю пишут победители. Противостояние М. Антония и Октавиана, бывшее по сути гражданской войной, изображается в римской традиции как война между Римом и цивилизацией Востока во главе с последней из Птолемеев Клеопатрой VII (Verg. Aen. VIII. 675-714; Flor. II. 21). На наш взгляд, это восходит к желанию будущего Августа оправдать развязывание конфликта. Требовалось представить Антония не полноценным актором войны и опасным соперником, а человеком, полностью утратившим волю.

Данная мысль прослеживается и в сочинении Плутарха, знакомого с мемуарами победителя: “Когда Цезарь (Октавиан – А.Ц.) счел свои приготовления достаточными, было постановлено начать войну против Клеопатры и лишить Антония полномочий, которые он уступил и передал женщине. К этому Цезарь прибавил, что Антоний отравлен ядовитыми зельями и уже не владеет ни чувствами, ни рассудком, и что войну поведут евнух Мардион, Потин, рабыня Клеопатры Ирада, убирающая волосы своей госпоже, и Хармион — вот кто вершит важнейшими делами правления” (Plut. Ant. 60). Биограф отказывает Антонию в рассудке и возможностях, именуя его “бабьим прихвостнем” (Ibid. 62) и утверждая, что тот “не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, и вообще не владеет собственным разумом, но словно бы сросся с этою женщиной и должен следовать за нею везде и повсюду” (Ibid. 66).

Плутарх (или его источники) напрямую сопоставляют римлянку и египтянку, говоря, что “Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смирным и привыкшим слушаться женщин” (Ibid. 10). Биограф в начале повествования задает нужную интенцию рассказу о герое, зная, каков будет его финал.

С учетом всего вышеизложенного оправдано искать истоки античной традиции о Фульвии, руководствуясь вопросом cui prodest? Позиционирование этой женщины как виновницы войны первоначально связано с необходимостью освободить Антония и Октавиана от ответственности в развязывании Перузинской войны, а затем хорошо “встроилось” в пропаганду первого принцепса. Отсюда следует, что необходимо соблюдать осторожность при анализе политической деятельности Фульвии. Мы не можем отказать ей в неформальном влиянии на мужа – известен эпизод, когда богатые римлянки искали защиты у родственниц триумвиров (App. B.C. IV. 32), – но утверждение Н.А.Машкина об исключительном авторитете супруги М. Антония нуждается в уточнении [7, с. 233].

Бесспорно Фульвия причастна к Перузинской войне; вопрос в том, насколько оправдано говорить о “матроне-воительнице” [2, с. 274] или о том, что Фульвия стала наиболее сильной “пружиной восстания” [5, с. 191]? Меньше всего вопросов к эпизоду, когда Фульвия вместе с детьми была приведена к войску (что представляется естественным и вполне приемлемым в контексте эпохи), в то время как сообщения о женщине, собирающей армии, напротив, вызывают сомнения. Тенденциозность исторической традиции связана как раз с преувеличением самостоятельной деятельности Фульвии, противопоставлении ее поведения желаемому и ожидаемому от матроны. Как бы то ни было, в известной характеристике нашей героини (“Фульвия принадлежала к тому типу римских женщин, которые жили всякого рода политическими интригами и употребляли все средства, чтобы упрочить влияние тех или иных фамилий или же политической котерии” [7, с. 223]) мы хотим обратить внимание на последнее обстоятельство. Женщина могла действовать лишь в интересах мужчин, двигая их к вершинам власти,

вынужденная смириться с невозможностью занять официальную должность (кроме жреческой). Возросший авторитет мужчины, в свою очередь, сказывался на общественном положении женщины.

Наша героиня стоит в ряду своих современниц – Семпронии, которой приписывали участие в заговоре Катилины, матери Брута Сервилии. Но можно говорить об уникальности Фульвии как минимум в одном отношении: перед нами, пожалуй, уникальный случай формирования традиции о женщине под влиянием обстоятельств государственной важности, произошедших после ее смерти.

Список литературы

1. Аппиан Александрийский Гражданские войны. Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1935. 351 с.

2. Белкин М.В. Фульвия – матрона-воительница // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 274 – 281.

3. Вергилий Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. Лит., 1979. 550 с.

4. Грант М. Клеопатра. Последняя из Птолемеев. М.: Центрполиграф, 2004.

5. Егоров А.Б. Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та: Нестор-История, 2012. 257 с.

6. Луций Анней Флор Две книги римских войн. М.: Ладомир, 1995. 389 с.

7. Машкин Н.А. Принципат Августа, М.; Л.: АН СССР, 1949. 687 с.

8. Маяк И.Л. Аппиан и его «Римская история» // Аппиан. Римская история. Серия «Памятники исторической мысли». М.: Наука, 1998. С. 624 – 638.

9. Плутарх Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994.

10. Портнягина И.П. Знатная римлянка в период Поздней республики // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2005. № 4. С. 259 – 287.

11. Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб.: Летний Сад: Нева, 2000. 368 с.

Техов Денис Антонович,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Никитюк Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент

Гости греческого симпосиума. (На примере двух «Пиров» Ксенофонта и Платона)

Guest of Greek symposium (on Xenophon's and Plato's «Symposium»)

Аннотация. *В статье рассматривается состав гостей греческого симпосиума на примере диалогов с одноименным названием «Пир» Ксенофонта и Платона. Подход к подбору гостей различен: в первом случае афинский богач Каллий собирает разнородную кампанию для своего возлюбленного Автолика; во втором трагик Агафон пирует в окружении городской элиты, где только Сократ и его друг Аристодем имеют определенно более низкий социальный статус.*

Ключевые слова: *Платон; Ксенофонт; симпосий; греческий пир.*

Abstract. *This report examines guest list of Greek symposium in dialogues named "Symposium" of Xenophon and Plato. Approach for guest selection is different: on the one hand Athenian rich man Callias gathers heterogeneous public for his beloved Autolykos; on the other tragic Agathon feasting surrounded by city elite where only Socrates and his friend Aristodemus unquestionably have lower social status.*

Key words: *Plato; Xenophon; simposium; Greek feast.*

Период рубежа V-IV веков насыщен событиями, процессами и историческими личностями. Но что мы можем сказать о людях, которые жили в это время? В моей статье я попытаюсь проследить короткие биографии гостей греческих симпосиев на примере одноименных диалогов Платона и Ксенофонта, двух «Пиров». Другие сочинения Платона и Ксенофонта, речи Лисия и Андокида, а также исследовательская литература, в частности, монографии Кирхнера Иоганна «Аттическая просопография» и Нейлс Дебры Кирхнера «Люди Платона» позволяют пролить свет на этот вопрос.

Начнем с Пира Ксенофонта. Присутствующих на пиру можно разделить на три группы. Первую составляют хозяин дома Каллий и три гостя – юный чемпион Автолик, его отец Ликон и его друг Никерат. Вторую составляют Сократ и четыре его ученика – киник Антисфен, Критобул, Хармид и Гермоген. Для развлечения гостей присутствует третья группа – парасит Филипп и сиракузская труппа.

Речи идут в два круга: по предложению Сократа сначала гости называют предмет своей гордости, а на следующем объясняют почему им гордятся. Благодаря многозначности темы никто не остается без участия.

Каллий, хозяин дома, характеризируется современниками как человек тщеславный, развратный и проводивший жизнь в пустых развлечениях. Каллий относился к ветви Каллиев-Гиппоников рода Кериков. Этот род происходил, если отбросить версию с Гераклом, от сына царя Элевсин Эвмолпа и в качестве Дадухов, т. е. факелоносцев, принимал активное участие в знаменитых элевскинских мистериях (Andoc. I, 110). От отца Каллий унаследовал огромное состояние, но к концу жизни его потерял, что отражено у Андокида (I, 131) и Аристотеля (Arist. Rhet. III, 2). Первый говорит о нем следующее: «Гиппоник, думая, что он кормит сына, вскормил себе *злого духа,* который погубил его богатство, его целомудрие, всю его остальную жизнь». Предметом своей гордости он называет богатство. Он утверждает, что многие преступления совершаются от бедности, а он может избавить угодного ему человека от нее. (III, 4; IV, 1-4) Сократ не отвергает кампании такого человека и даже пытается его образумить.

Ликон говорит первый, что гордится сыном Автоликом и тот, сидящий на клине возле отца отвечает, что гордится своим отцом (III, 12-14). Умиленный Каллий хвалит молодого человека. Известно, что мальчик был казнен во время правления тридцати тиранов (404-403 года до н. э.). Есть мнение, что это тот же самый Ликон, который обвинял Сократа на суде. Дебра Нейлс, например утверждает, что Сократ, акцентируя внимание граждан на своих обвинителях, Ликона обходит стороной и делает он это якобы потому, что спорить с человеком, потерявшим ребенка, бессмысленно ([11, p. 188-9].

Правда, никаких указаний в тексте, говорящих прямо в пользу того, что это тот же самый Ликон, нет.

Никерат – сын знаменитого полководца Никия. Объектом его гордости является знание всего Гомера наизусть, следуя советам которого, он считает возможным разобраться с любым вопросом. Это вызывает у Антисфена и Сократа отрицательную ассоциацию с глупостью рапсодов - профессиональных исполнителей эпических поэм (III, 5-6; IV, 6-10). Об их глупости так же упоминается в «Воспоминаниях» Ксенофонта (IV, 2,10).

Критобул сын Критона, друга Сократа (Plat. Apol. 33e). Человек не бедный, хотел выкупить Сократа из заключения, когда того обвинили в нечестии. Он гордится тем, что своей красотой может вдохновлять других на хорошие дела (III, 7; IV, 10-18). Является героем «Домостроя» Ксенофонта, сочинения по экономике, где Сократ объясняет ему основы ведения хозяйства.

Хармид говорит о бедности, которую называет своей гордостью (III, 9; IV, 29-32). Раньше он был богат и не мог ни выехать из Афин, ни спокойно спать ночью, ежечасно опасаясь за свое богатство. Постигшая его бедность стала избавлением от тягот. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта (III, 7) Сократ уговаривает его заняться политической карьерой. Вместе с родственником Критием погиб, сражаясь за дело Тридцати тиранов в битве при р. Кефиссе. Его именем назван диалог Платона «О благоразумии», где он вместе с Критием критикует σωφροσύνη.

Антисфен, посмеиваясь над предметами гордости других людей, собственным называет умеренность, т. к. человек, не желающий лишнего, никогда не оказывается в нужде – он доволен тем, что у него есть (III, 8; IV, 34-44). Антисфен не утверждает, что умеренность — это обязательно отказ от всех удовольствий. Этот Антисфен, горячий приверженец Сократа, впоследствии станет основателем кинической школы.

Гермоген вместе с Антисфеном, Хармидом и Критобулом составляют окружение Сократа в начале диалога. Устами Гермогена Ксенофонт объясняет, почему Сократ отказался говорить на суде в свою защиту и из этого же фрагмента известно, что Гермоген был сыном Гиппоника, может быть, того самого, который был отцом Каллия,

что делает их братьями. Он утверждает: из-за того, что он регулярно приносит жертвы богам и относится к ним с большим почтением, те благосклонны к нему, и он всегда находится на их попечении (III, 14; IV, 47-51).

Парасит Филипп стучится в дверь и велит сказать, что «он пришел, собравши все нужное, чтобы обедать на чужой счет; да и слуга его отягощен оттого, что ничего не несет и оттого, что не завтракал» (I, 11). Присутствие Филиппа соответствует шутливой атмосфере. По его словам, он гордится своим делом, благодаря которому он всегда желанный гость в доме (III, 11). Он начинает плакать от того, что его шуткам не смеются, чем действительно вызывает смех.

Сократ рассказывает о своем таланте сводить людей между собой (III, 10). Он начинает вести беседу в своей обычной манере, но аудитория впадает в скуку. Тогда он обращает все в шутку (IV, 51-64).

Сочинение Ксенофонта описывает дружеские посиделки в то время, как «Пир» Платона напоминает философское состязание. Беседа ведется не в духе сократического диалога, в форме вопрос-ответ, но гости по очереди выступают с речами на заданную тему. Сократ, когда до него доходит очередь, рассказывает историю своей молодости, в частности о своих беседах со жрицей Диотимой.

Диалог Платона начинается с бытовой встречи. *Главкон* нагоняет *Аполлодора* и просит его рассказать о пире у Агафона, произошедшем много лет назад. Тот отвечает, что история эта произошла очень давно и он может пересказать ее только со слов некоего *Аристодема* из Кидафин, бывшего там. Пересказом в некоторой степени автор извиняется за то, что его самого на этом пире не было. Самому Платону было в этот момент только 12 лет.

Однако кто все эти быстро исчезающие из повествования персонажи? Главкон, вполне возможно, брат Платона, однако точно этого сказать нельзя, Аполлодор – богатый почитатель Сократа, один из тех, кто пытался также, как и Критобул, внести за него деньги [11, p.243, 39]. Аристодем, видимо, являлся человеком бедным, ведь ходил босиком, но не совсем безвестным и безродным, т.к. Агафон с радостью его у себя принимает. В «Пире» он появля-

ется ненадолго и быстро уходит на задний план. Кроме босых ног и большой любви к Сократу Аполлодор характеризует его как «такого маленького» человека. Такого Аристодема с прозвищем «Малый» мы встречаем у Ксенофонта в «воспоминаниях о Сократе». Там он не почитает богов. Сократ, заметив это, обращается к нему с поучительной речью (Xen. Mem, 1.4.1-1.4.19).

Первую речь на симпосионе произносит Федр. Этому Федру посвящён также одноименный диалог, «Федр». В нем молодой человек встречается с Сократом, держа в руках свиток с записанной речью известного ритора Лисия о любви. Против содержания этой речи Сократ составляет две собственные речи, в первой из которых он говорит, что есть низменная и высокая любовь, во второй обвиняет риторов в красоте слова, вредящей истине.

Об этом молодом человеке нам известно больше, чем об остальных. Он фигурирует в XIX речи Лисия. Она посвящена Никофему и его сыну, с которыми Федр был связан родственными узами через жену (Lys. 19.15). После недачного похода на Кипр в 390 году Афины стали искать виноватых, в результате чего отец и сын были казнены, а имущество отошло в казну. Так как вырученная от продажи имущества сумма, 4 таланта, оказалась ниже ожидавшейся, то пало подозрение на родных, главным образом, на человека, за которого вышла замуж вдова Федра. Тесть выдал, указывая на благородство Федра, за дочерью приданное в 40 мин. Доказать, что это наш Федр, достаточно сложно. Федр с Эриксимахом представлены в качестве гостей у Гиппия Элидского в «Протагоре». Здесь же находим указание на его происхождение – «…Вкруг него сидели на скамейках Эриксимах, сын Акумена, Федр мирринусиец…» (315c), из которого понимаем, что перед нами все тот же Федр.

В речи Андокида «О мистериях» говорится, что некий Федр, среди прочих, обвиненный в профанации мистерий, бежал из полиса в 415 году (Andoc. 1.15). Дом, оставленный Федром, упоминается в XXXII речи Лисия. Заметим, что по доносу Тевкра он не обвинялся в разрушении герм. В этом обвинили Эриксимаха. Можно усомниться в том, что это наш Федр, ведь как бы он в одноименном диалоге шел бы с выступления Лисия, который переехал в Афины только в 412 году? Федр за эрудированность, приобретенную уже в моло-

дости, был любим многими (Diog. Laert. 3.31). Так и здесь его речь посвящена происхождению Эрота из Хаоса (178b-180b). Это традиционное представление, например, изложено в «Теогонии» Гесиода.

После неназванных гостей, чьи речи Платон пропускает, очередь доходит до Павсания, который говорит об двойственной природе Эрота (180c-185e). Он упоминается в «Пире» Ксенофонта (8.32-33), и в «Протагоре» Платона (315e). Кроме этих несодержательных свидетельств, более нам о нем ничего не известно, кроме того, что он происходил из Афинского Керамика.

Дальше должен говорить Аристофан, но пораженный икотой, он уступает свое место врачу *Эриксимаху*. Пока тот читает серьезную и софистическую речь, мастер комедии задерживает дыхание, полощет горло и щекочет у носа, чтобы унять икоту. Эриксимах присутствует еще в двух диалогах Платона, в «Федре» и в «Протагоре». В первом Сократ упоминает его как профессионала, обладающего глубоким знанием своего дела (268a), а во втором он упоминается лишь как гость Гиппия Элидского (315c). Этот профессионализм сказывается и на речи, ведь он приравнивает двойственность Эрота к больному и здоровому началу в человеке (186a-189c). В списке обвиненных в осквернении герм находим и Эриксимаха (Andoc. 1.35).

Наконец, очередь снова доходит до *Аристофана*. В то время, как комедиограф написал целую комедию «Облака» о Сократе, это единственный засвидетельствованный источниками случай его общения с Сократом лично: в конце диалога, когда все уже стали засыпать, лишь Сократ, Агафон и Аристофан оставались в бодрствовании. Более того, некоторых читателей может заинтриговать речь Аристофана, который утверждает, что любовь не что-то хорошее, а наказание за человеческую дерзость по отношению к богам (189d-193d).

Агафон, устроитель пира, говорит предпоследнюю из запланированных речей. Симпосий устраивается по поводу победы Агафона в театральных состязаниях, на основе чего Афиней в своем «Пире мудрецов» устанавливает, что все происходит в архонство Аристиона (416 год до н. э.) (216f-217a). Он, во-первых, ясно говорит, что «Пир» Ксенофонта написан позже «Пира» Платона, а во-вторых, что Ксенофонт был маленьким ребенком во время пира у Каллия.

Агафон славился миловидной внешностью, что в комедии «Женщины на празднике Фесмафорий» высмеял Аристофан. По сюжету Эврипид опасается, что собравшиеся на праздник женщины осудят его на смерть за насмешки над ними. Для выяснения обстановки он хочет послать кого-нибудь из своих знакомых, кого женщины не знают в лицо. Его выбор падает на Агафона, чья красота носит женоподобный характер. Подбираясь к дому Агафона, двое застают его раба, приносящего жертвы за поэтические успехи хозяина, за которым вскоре следует и сам поэт. Чтобы наглядно продемонстрировать женственную красоту Агафона перед зрителями, поэт выходит в женском облачении, «вживаясь» в роль жрицы и хора, для которого пишет строки нового произведения. Сам Агафон в авантюре участвовать отказывается, но предоставляет Мнесилоху необходимую одежду (Aristoph. Thes., 30-265).

У Платона в «Протагоре» Агафон, совсем еще мальчик, «безупречный по природным достаткам», и «на вид очень красивый», лежит на соседнем с спящим Продиком клине совместно с Павсанием (315e).

Все, кто присутствует на симпосиуме – либо друзья, либо коллеги Агафона. Трагик приглашает Сократа, чтобы подискутировать с ним, но проигрывает ему в споре. Агафон приписывает Эроту власть над богами, за что и цепляется Сократ (194e-199c). Когда философ начинает вразумлять молодого человека, тот уходит от разговора, и Сократ начинает излагать свое видение Эрота. В отличие от традиционного понимания Эрота, он считает, что Эрот — это постоянно неудовлетворенное желание прекрасного (199d-212d).

Когда он заканчивает, в гости вваливается *Алкивиад*, и. увидев Сократа, концентрирует на нем все свое внимание. Стратег рассказывает историю совместной службы с философом, о том, какое впечатление тот произвел на него и о том, какой это замечательный человек (213a-222b). На момент симпосиума Алкивиаду 34 года и скоро он отплывет в сицилийский поход. Его приход и последовавшая речь повергает интеллигентное собрание в бесконтрольную попойку.

Что мы можем сказать на основе этих сведений? Безусловно, подобного рода собрание — это удел городской элиты, имеющей воз-

можность проводить свое свободное время в беседах на отвлеченную тематику. Это как богатые граждане, так и лица, занимающиеся не физическим, а интеллектуальным трудом. Среди них мы видим учащихся у ученых мужей молодых людей, философов, врачей, комиков и трагиков.

Как Платон, так и Ксенофонт описывают собрания, на которых они не могли быть. В то же время авторы привязывают свои творения к реально произошедшим событиям. Более того, своих персонажей используют в других своих работам, видимо, потому, что те были хороши известны если не всем афинянам, то по крайней мере тому кругу лиц, которые обычно интересуются гуманитарным знанием. Два диалога по вкладываемому в них смыслу совершенно различны. «Пир» Платона — это определенный триумф философа на импровизированном философском состязании. «Пир» Ксенофонта — своеобразный взгляд писателя на то, каким был Сократ в непринужденной атмосфере – шутливым, не чванливым и скромным. Кажется, что здесь присутствует осознанное противопоставление с трактатом Платона, где Сократ серьезен и где автор показывает, насколько выше он находится в интеллектуальном плане относительно своих собеседников.

Неслучайно многие гости «Пира» Платона на следующей год были обвинены в религиозном нечестии. То, что они говорят на пиру — весьма вольная интерпретация существующих представлений. Более того, эта вольная интерпретация сильно отличается от рассказчика к рассказчику. Разнополярность мнений мы видим и у Ксенофонта, у которого, правда, затронута не сакральная тема. Все это говорит о вольных представлениях о мире элиты Афин рубежа конца V в до н. э.

Список литературы

1. Андокид Речи, или история святотатцев / пер. Э.Д. Фролова. СПб.: Алетейя, 1996. 249 с.

2. Афиней Пирующие софисты / пер. Т..А. Миллера и М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 2003. 656 с.

3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов М.: Мысль, 1986. 570 с.

4. Ксенофонт Пир // Сократические сочинения / пер. С. И. Соболевского. М.; Л.: Academia, 1935. С. 201-207.

5. Лисий Речи / пер. С. И. Соболевский М.: Ладомир, 1994. 394 с.

6. Платон Пир / пер. С.К. Апта // Платон Диалоги. М.: «Э», 2017. С. 430-491.

7. Платон Протагор / пер. В. С. Соловьева // Платон Диалоги. М.: «Э», 2017. С. 199-264.

8. Платон Федр / пер. А. Н. Егунова // Платон Диалоги. М.: «Э», 2017. С. 492-558.

9. Robinson S. Drama, dialogue and dialectic: Dionysos and the dionysiac in Plato's Symposium. Ottawa, 1998. 309 p.

10. Jazdzewska K. Laughter in Plato's and Xenophon Symposia// Plato and Xenophon: Comparative studies. Boston, 1961. P. 187-207.

11. Nails. D. The People of Plato. Indianapolis, 2002. 463 p.

12. Huss B. The Dancing Soktates and the laughing Xenophon, or the other Symposium // Xenophon. Oxford, 2010. p. 257-282.

13. Danzig G. Xenophon's Symposium // The Cambridge companion to Xenophon. Cambridge, 2017. p. 132-151.

14. Kirchner I. Prosopographia Attica. Berlin, 1901. 634 s.

Осокина Светлана Александровна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Холод Максим Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

Заговор против Александра Великого (330 г. до н. э.): к вопросу о виновности Филоты

A comspiracy against Alexander The Great (330 B.C.): on Philotas' Gult

Аннотация. *В очерке рассматривается вопрос о причастности Филоты, сына Пармениона, к заговору Димна против Александра Великого (330 г. до н.э.). Доказывается, что Филота не был вовлечен в этот заговор. По мнению автора, македонский царь воспользовался им как поводом, чтобы ликвидировать Филоту и его отца Пармениона – видных полководцев, которые более не вызывали у него доверия и могли быть для него опасны в дальнейшем.*

Ключевые слова: *Александр Великий; македонская оппозиция; Филота; Димн.*

Abstract. *The essay considers the involvement of Philotas son of Parmenio in Dimnus' conspiracy against Alexander the Great (330 B.C.). It is argued that Philotas did not participate in this conspiracy. In the author's opinion, the Macedonian king used it as an excuse in order to eliminate Philotas and his father Parmenio, prominent commanders whom he did not trust any more and who could be dangerous for him in the future.*

Key words: *Alexander the Great; Macedonian opposition; Philotas; Dimnus.*

Известно, что после победы над персами и гибели Дария III македонский царь Александр стал широко использовать и даже вводить в повседневный быт восточные традиции. Новый курс, направленный на сближение с Востоком, встретил резкое недовольство со стороны македонян. Это недовольство вылилось в том числе и в заговор, имевший место осенью 330 г. до н.э. во время пребывания войска во Фраде (Дрангиана).

Один из македонян по имени Димн (у Диодора названный Лимн) (Diod., XVII, 79, 1) замыслил совершить покушение на царя, выступив таким образом против восточной политики Александра. Курций, единственный из источников, называет и других заговор-

щиков: Деметрий, телохранитель Александра, Певколай, Никанор, Афобет, Иолай, Диоксен, Архиполис и Аминта (VI, 7, 15). Димн, возглавлявший заговор, открыл замысел своему любовнику Никомаху, а тот, в свою очередь, не смог умолчать и рассказал об этом брату Кебалину (Curt., VI, 7, 4–5). Последний тотчас решил доложить обо всем Александру (Diod., XVII, 79, 2; Curt., VI, 7, 16). Он встретил Филоту, сына Пармениона, одного из ближайших соратников Александра, который возглавлял конницу гетайров [8, s. 393; 10, p. 216-219], и обратился к нему с просьбой передать царю о готовящемся заговоре (Diod., XVII, 79, 3; Curt., VI, 7, 18). Естественно, Кебалин полностью доверился в этом деле Филоте, поскольку тот входил в ближний круг Александра. Филота выразил свою готовность передать сведения царю, но так в течение некоторого времени и не сделал этого. Свое бездействие он объяснял Кебалину чрезмерной занятостью Александра. Поэтому Кебалин был вынужден обратиться к Метрону, начальнику арсенала, чтобы тот незамедлительно передал царю опасную для него весть (Curt., VI, 7, 22). Метрон это исполнил. Самого Димна по приказу царя немедленно арестовали. Согласно сведениям одних источников, он сам лишил себя жизни (Diod., XVII, 79, 6; Curt., VI, 7, 29), согласно другим данным, Димн был убит, оказывая сопротивление при задержании (Plut. Alex., 49). Так или иначе, он был мертв, и это значительно осложнило Александру проведение дальнейшего расследования заговора.

Несомненно, Александр был серьезно обеспокоен донесением. При этом ему стало известно, что Филота знал о существовании заговора Димна, однако не предпринял никаких действий, чтобы сообщить о нем, скрыв тем самым смертельную для царя угрозу. Проявленное Филотой бездействие не могло не наводить на мысль о его соучастии в заговоре; оно казалось явно подозрительным [9, p. 23].

Здесь мы переходим к вопросу о возможной причастности Филоты к заговору Димна. В его поддержку можно сказать, что он сравнительно недавно вернулся в армию, так как вынужден был провести печальную церемонию – похоронить своего брата Никанора, прежнего командующего гипаспистами. К тому же его отец Парменион был оставлен Александром в Экбатанах. Как видно, в данной ситуации Филота оказался совершенно без поддержки. Сейчас его

позиция была естественным образом ослаблена и, видимо, именно поэтому он не проявил должного интереса к сведениям Кебалина, посчитав их не представляющими никакой угрозы царю [13, p. 217]. Кебалин же, встретивший на своем пути Филоту, был уверен, что ему, как приближенному Александра, можно всецело доверять: вряд ли Кебалин прибег бы к его помощи, если бы знал о каких-то скрытых намерениях сына Пармениона [7, p. 101]. К тому же, если обратиться к именам заговорщиков, приводимых Курцием, Филота не назван среди них. Кажется, нет оснований полагать, что Филота был связан с идеей заговора, а следовательно, не может идти речи о его соучастии в плане Димна [6, p. 40]. Впрочем, Филотой была продемонстрирована небрежность в данном деле, что не исключает его надежду на успешное осуществление заговора [9, p. 24].

Говоря о взаимоотношениях Александра и Филоты, стоит отметить, что последний ранее остро критиковал восточную политику царя. Если в присутствии Александра Филота не решался высказываться, то, находясь в своем личном окружении, давал волю критике. Кратер, один из наиболее преданных царю полководцев, воспользовался случаем и убедил Антигону, любовницу Филоты, рассказывать ему все, что исходило из уст Филоты и могло быть использовано против него (Plut. Alex., 48). Если верить ее словам, то Филота объяснял все достижения царя собственными заслугами и результатами деятельности своего отца; кроме того, им высмеивалась предполагаемая связь Александра с богом Амоном. Таким образом, через Кратера Александру было известно о резких высказываниях Филоты. Конечно, этих сведений было недостаточно, чтобы царь мог обвинить приближенного в измене. Но он был осведомлен о дерзком поведении Филоты и, вероятно, намеревался использовать это против него в подходящий момент, каковым теперь и стал заговор Димна.

Филота был арестован и передан на суд македонского войскового собрания. Арриан сообщает, что в начавшемся судебном разбирательстве сам Александр яростно обвинял Филоту в заговоре (Anab., III, 26, 2). При этом отмечается активная роль его приближенных: Кратера, Кена, Аминты и Болона. Заметим, что в командном составе македонской армии шла острая борьба за ведущие места подле царя. И ошибка, допущенная Филотой, была умело использована

его оппонентами, которые убедили Александра не допускать в сложившейся ситуации прощения [13, p. 166-167]. Царь вполне разделял их мнение, ведь его собственная безопасность теперь требовала устранения Филоты: если заговорщики сейчас не посвятили Филоту в свои планы, то в другой раз они вполне могли бы это сделать.

Сам Филота на суде в свою защиту представил развернутую речь (Curt., VI, 10). Филота признался, что ему действительно было известно о заговоре, но он не предпринял никаких действий, посчитав это лишь результатом размолвки между двумя любовниками; поступившие сведения о заговоре Димна были сочтены им ненадежными и туманными, не заслуживающими того, чтобы об этом докладывать царю. Как нам кажется, в этом и только в этом состояла главная вина Филоты.

Однако войсковое собрание признало Филоту соучастником заговора против Александра, осудив его на смерть. На этом Александр не остановился: последовала ликвидация отца Филоты – Пармениона, с которым у монарха прежде возникали размолвки по военно-стратегическим вопросам. Царь посчитал невозможной непричастность Пармениона к раскрытому заговору (Arr. Anab., III, 26, 4). При этом важно отметить, что старый полководец пользовался особым влиянием и авторитетом в армии, что, конечно, внушало Александру опасения.

Неоспоримых доказательств участия Филоты в заговоре Александр не имел. Думается, что уничтожение его вместе с отцом было следствием заранее спланированных действий Александра и поддерживающего его окружения [11, p. 267]. Устранение Филоты вместе с Парменионом диктовалось исключительно политическими соображениям самого Александра, пытавшегося обезопасить собственное положение. Царь предвидел дальнейшее сопротивление своим планам со стороны Филоты и Пармениона, которые были способны возглавить оппозицию и повести за собой часть армии, не разделявшей восточной политики царя. С ликвидацией же их обоих царь лишил эту оппозицию ее возможных лидеров в дальнейшем. Заговор Димна стал лишь удобным поводом, используя который царь смог ликвидировать опасных для него военачальников [13, p. 284-285].

Таким образом, говорить о какой-либо причастности Филоты к заговору Димна, на наш взгляд, не приходится. Критика Фило-

той восточной политики македонского монарха, его умалчивание о самом заговоре и последовавшие на суде обвинения со стороны Александра и соратников царя – все это привело в конечном счете к падению сына Пармениона. Стоит полагать, что реально существующий заговор Димна предоставил тогда Александру благоприятную возможность для устранения тех лиц, которые более не вызывали у него доверия.

Список литературы

1. Арриан Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеенко. М.;Л.: АН СССР, 1962.

2. Диодор Историческая библиотека. Книга XVII / Пер. М.Е. Сергеенко. М.: Изд-во МГУ, 1993.

3. Квинт Курций Руф История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. редактор А.А. Вигасин. М.: Изд-во МГУ, 1993.

4. Плутарх Александр / Пер. М.Е. Сергеенко. М.: Изд-во МГУ, 1993.

5. Юстин Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деканского и М.И. Рижского. М.: Изд-во МГУ, 1993.

6. Badian E. The Death of Parmenio // Badian E. Collected Papers on Alexander the Great. London: Routledge, 2012. P. 36–47.

7. Bosworth A.B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge: University Press, 1993.

8. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München: Beck, 1926.

9. Heckel W. The Marshals of Alexander's Empire. London: Routledge, 1992.

10. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. London; New York: Blackwell, 2006.

11. Nawotka K. Alexander the Great. Cambridge: Scholars Publishing, 2010.

12. Worthington I. Alexander the Great. Man and God. Harlow; London: Pearson & Longman, 2004.

13. Worthington I. By the Spear. Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford: University Press, 2014.

Тимофеев Григорий Михайлович,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Александров Борис Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент

Цицеронова Старость, или Представления о старости и дидактика в трактате Цицерона «Cato Maior de Senectute»

Cicero's Old Age, or Concepts of old age and didactics in the treatise of Cicero "Cato Maior de Senectute"

Аннотация. *В статье проанализированы представления о старости и способы подготовки к ней, отраженные в трактате «De Senectute» римского оратора и философа Марка Туллия Цицерона. Старость носит смешанный характер, ее негативная составляющая обусловлена предыдущей жизнью человека, однако при соблюдении ряда условий это может быть активный период жизни, имеющий высокую персональную и общественную значимость. Сделан оригинальный вывод о том, что «De Senectute» можно охарактеризовать не как зеркальное отражение воззрений массового римского общества на старость, а как дидактическое наставление философа-стоика для образованной римской элиты.*

Ключевые слова: *Цицерон; старость; психология старения; философская модель старости; подготовка к старости; характер человека в старости; занятия в старости.*

Abstract. *The article analyzes the ideas about old age and ways of preparing for it, reflected in the treatise "De Senectute" by the Roman orator and philosopher Mark Tullius Cicero. The concept of "old age" is ambiguous: its negative component is due to the previous life of a person, however, subject to a number of conditions, this can be an active period of life, having a high personal and social significance. An original conclusion is drawn that "De Senectute" can be characterized not as a mirror image of the views of mass Roman society on old age, but as the didactic instruction of the Stoic philosopher for the educated Roman elite.*

Key words: *Cicero; old age; psychology of aging; philosophical model of old age; preparation for old age; character of a person in old age; occupations in old age.*

Введение. Что такое старость? Когда она наступает? Чего она лишает человека, а что даёт? Эти и многие другие вопросы волнуют человечество на протяжении всего его существования. Не остался в стороне от этого извечного вопроса и один из ярчайших философов и ораторов – Марк Туллий Цицерон.

В данной статье будет предпринята попытка реконструкции на основе трактата Цицерона «Катон Старший, или О старости» (Cato Maior de Senectute) его представлений об этом периоде жизни человека, а также будут рассмотрены некоторые дидактические аспекты произведения.

Анализ «De senectute» позволяет, с одной стороны, определить особенности взглядов части римского общества эпохи Поздней Республики на проблему старости, отраженные в творчестве известного мыслителя и политика, а с другой, выявить методику «подготовки» человека к этому периоду жизни.

В отечественной историографии трактат «О старости» долгое время практически не изучался. Исследователи античности и античной литературы ограничивались в основном лаконичной передачей основных позиций Цицерона о старости (например, в курсе литературы Б.А. Гиленсона [2, с. 116][1]) или акцентировали внимание на биографии и исторической эпохе. Даже советский исследователь жизни и деятельности философа С.Л. Утченко в своей классической работе «Цицерон и его время» не уделял внимание этому произведению, лишь кратко заметив, что философское значение трактата невелико, да и политическая его направленность выражена слабо [7, с. 314].

Диалог «О старости» стал привлекать к себе внимание российских и западных историков, психологов и геронтологов (в связи с актуальной возможностью использования идей трактата в социальной работе) только в конце XX века. Отечественные исследователи акцентируют своё внимание или на социальных аспектах трактата, связанных с проблемой адаптивной старости, например, В.В. Лемиш

[1]Хотим отметить, что в классическом курсе «Античной литературы» под редакцией А.А. Тахо-Годи этот текст даже не упоминается [5].

[4, с. 9], или на этическом аспекте в контексте практической этики, например, А.М. Брагова [1, с. 25-31].

В зарубежной традиции при изучении трактата исследователи делают акцент в основном на следующих моментах: следовании Цицероном греко-римской литературной и культурной традиции и предвосхищении им современных вопросов геропсихологии – психологии старения, и в целом схожесть современного и цицероновского описаний старости. Эти идеи выражены в работах американских исследователей Dean Rodeheaver [9, p. 353-359], Judith de Luce [8, p. 361-371] и Mildred Seltzer [10, p. 373-381].

Однако исследователи оставили практически без внимания ряд основополагающих моментов. Во-первых, вопрос о том, кому был адресован трактат? На какого читателя было рассчитано произведение? Ответить на этот вопрос однозначно и безапелляционно не представляется возможным. Однако привлечение Цицероном на протяжении всего диалога обширного материала, связанного с историей и жизнью знаменитых греков и римлян(писателей, философов, общественных деятелей и др.), и различных подробностей фактического характера (например, годы консулата или цензорства тех или иных деятелей), свидетельствует, по нашему мнению, о наличии достаточно высокого образовательного ценза у читателя трактата, который бы владел знаниями (об истории, литературе и политике), необходимыми для прочтения и понимания работы Цицерона. То есть произведение явно носит элитарный характер и не рассчитано на широкий круг людей.

Во-вторых, трактат «О старости» представляет собой многогранное произведение, затрагивающее различные вопросы: морали и нравов, добродетели и порока, жизни и смерти. Однако собственно представления о старости не являются его основной темой. Это обусловлено прежде всего дидактико-философским характером «De Senectute». Мы должны отметить, что данный аспект произведения также остался практически вне поля зрения исследователей. По нашему мнению, в «О старости» Цицерон стремится дать те идейные установки (своеобразную «инструкцию»), руководствуясь которыми человек, по его мнению, должен прийти к «правильной» старости – счастливой, спокойной, мудрой и почитаемой.

Интересующие же нас представления о старости содержатся в самом произведении в качестве примеров, контрпримеров и аргументов, которые приводятся в контексте дидактических установок и философских размышлений.

Основная часть. Представления о старости в произведении Цицерона «De Senectute» можно разделить на две группы – «положительные» и «отрицательные».

Перед тем как приступить к непосредственному рассмотрению черт старости в произведении, необходимо выделить главные философско-дидактические установки Цицерона в трактате, о которых мы говорили выше. Это важно сделать по той причине, что так или иначе им подчинены все мысли и идеи. Их четыре.

Во-первых, старость – неизбежна, так как это закон природы *(Cic. De Sen. II. 4)*. Во-вторых, всему своё время. Молодости – свои увлечения и стремления, занятия и досуг, пожилому возрасту – свои. В-третьих, каким человек будет в пожилом возрасте, зависит от него самого, т.к. нужно всё время работать, трудиться, совершать упражнения как умственные, так и физические. Из этого следует четвёртая установка: все черты, присущие старости, приобретены за время молодости и взрослой жизни, то есть, если человек был скуп в молодости, то он будет скуп и в старости, но если же он таковым не являлся, то и в старости будет оставаться щедрым.

Отрицательные черты. Основные отрицательные черты пожилого возраста собраны Цицероном в отдельный абзац. Всего их четыре: 1) препятствие деятельности (что интересно, сюда же философ относит ослабление умственной активности); 2) ослабление физического здоровья и сил; 3) лишение человека всех наслаждений; 4) близость смерти *(Cic. De Sen. V. 15)*. Американский историк Дин Родхивер считает, что Цицерон таким образом обобщает мнение рядовых людей на улицах Древнего Рима (the average man on the street in ancient Rome), то есть простого народа, о старости (9, 355). Видимо, данный вывод основан на утверждении философа о том, что «большинству стариков (старость – Г.Т.) столь ненавистна, что они утверждают, что несут на себе бремя тяжелее Этны» *(Ibid. II. 4)*, а также на том, что, Цицерон (от лица Катона) относит старость к тяжелейшему бремени, ставя её в один уро-

вень с бедностью *(Ibid. V. 14)*. О верности данного тезиса мы скажем ниже.

Дополнительные штрихи к «отрицательному» портрету старости содержатся и далее, в раскрытии Цицероном четырёх причин негативного восприятия пожилого возраста. Так, например, рассуждая о роли стариков для будущих поколений, оратор обращается к мнению поэта Цецилия. Последний приводит следующие черты старости: 1) слишком долгая жизнь, в которую человек видит уже то, что не хочет; 2) противность стариков другим людям *(Ibid. VIII. 25-26)*; 3) доверчивость, расслабленность и забывчивость, свойственные пожилым *(Ibid. XI. 36)*. Цицерон сразу же опровергает эти положения, говоря о том, что, во-первых, и в молодости часто сталкиваются «с тем, что не хотят видеть» *(Ibid. VIII. 25)*, во-вторых, общение со стариками приятно ввиду их мудрости *(Ibid. VIII. 26)*[1], а в-третьих, указанные недостатки – свойственны лишь «праздной, ленивой и сонливой» старости и «пустым старикам» *(Ibid. XI. 36)*. Также, размышляя об упадке сил пожилых людей (второе положение о негативных последствиях старости), философ отмечает, что мнение о том, будто старики настолько слабы, что не могут «выполнить ни одной обязанности и вообще никакого дела, полезного для жизни» *(Ibid. XI. 35),* неверно, т.к. слабость сил присуща любому возрасту.

Не все, однако, положения о негативном характере старческого возраста подвергаются безжалостной критике оратора. Три раза Цицерон всё же признаёт некую жизненную правдивость суждений о старости. Так, например, по его мнению, «еще как-то заслуживают оправдания» присущие пожилым людям ворчливость, беспокойность и раздражительность *(Ibid. XVIII.65)*. Однако для философа это всё «недостатки характера, а не старости» *(Ibid.)*. Также признаётся Цицероном и присущая старикам излишняя болтливость *(Ibid. XVI. 55)*.

Второе положение, полностью отвергнуть которое не представляется возможным для оратора, – приближение смерти (четвёртая причина). Тем не менее, он призывает бороться с ней и призирать

[1]Однако это уже один из положительных аспектов пожилого возраста по Цицерону, которые будут рассмотрены немного ниже.

её *(Ibid. XIX. 66)*, а также, как и в прошлые разы[1], отмечает, что уход из жизни – «общий удел всякого возраста» *(Ibid. XIX. 68)*.

В итоге, перед нами - представление о старости как об отрицательном, тяжёлом, ограниченном периоде жизни, в котором практически все радости сведены к нулю. Такие воззрения, по утверждению Цицерона, преобладали в римском обществе того времени. Было ли так в действительности — сказать трудно, так как в данном случае не совсем понятно, что подразумевает автор под «большинством стариков». С одной стороны, можно согласиться с Родхивером по поводу простого народа, с другой стороны, Цицерона и, тем более, Катона нельзя отнести к людям «с улиц города». Более того, в качестве примера приводятся не простые граждане, а консулы, проконсулы и другие магистраты и философы, которых нельзя отнести к «большинству».

Положительные» черты. В то же самое время, дав картину того, как старость представляется «большинству», Цицерон последовательно отвергает «отрицательные» её черты, привлекая для этого судьбы и жизнь «древних» - философов, ораторов, политиков, военачальников (как римских, так и греческих) и формирует блок «положительной» старости.

Сам круг приводимых в пример личностей подтверждает тезис о том, что представление о пожилом возрасте, которое будет дано философом, относится к небольшому числу людей. Также это является прямым доказательством эклектичности мнения автора трактата, которое отмечается всеми исследователями.

Основные позитивные черты пожилого возраста, как уже отмечено выше, формулируются Цицероном в качестве антитезы отрицательным характеристикам. Однако последние проигрывают в «весе» положительным. Так, старость представляется временем, когда, утратив проворность и резвость молодых, пожилые своей возросшей мудростью и дальновидностью управляют государством

[1]Отмечаем этот факт ввиду того, что аргументация Цицерона очень ярко иллюстрирует то, что он идёт в рамках обозначенных выше философско-дидактических установок, без объяснения которых его аргументация, отсылающая к идее того, что все изменения не зависят от возраста, а зависят от самого человека, была бы не ясна.

(Ibid. VI. 17,20). Она – источник положительного в воспитании гражданина. Старики передают бесценный опыт следующим поколениям, которые «ценят наставления […], ведущие их к упражнениям в доблести» и долге *(Ibid. VIII. 25-26, IX. 29)*. Также оратор представляет старость временем трудоспособности и постоянных дел, отвергая тем самым тезис о бездеятельности и слабости человека в этот период жизни. В пример он приводит жизнь Сократа, Солона, «себя» (Катона) *(Ibid. VIII. 26)* и многих других *(Ibid. IX. 27-29)*, так как они продолжали активные занятия и деятельность уже будучи стариками[1].

Для Цицерона старость – это и период, лишённый порочных плотских влечений и их последствий, что позволяет уделять больше времени и сил «правильным» занятиям. Для подтверждения своей позиции он апеллирует к мнению Архита Тарентского[2], по мнению которого, плотское наслаждение – «самый губительный бич, какой природа только могла дать людям» *(Ibid. XII. 39)*. Здесь, кстати, ярко проявляются стоические взгляды философа. Более того, ослабление интереса к плотским наслаждениям, по мнению Цицерона, усиливают в старости желание к общению и беседе *(Ibid. XIV. 46)*, которые, несомненно, более полезны, чем «общие попойки» *(Ibid. XIII. 45)* и удовлетворение сексуальных влечений. Старость же в данном случае, уже не нуждаясь сильно в вышеуказанных вещах, смотрит «на них [наслаждения] издали» *(Ibid. XIV. 48)*, находя себе «пищу в занятиях и знаниях» *(Ibid. XIV. 49)*.

Следующим аспектом, на который обращает внимание Цицерон, является земледелие – единственное физическое занятие, которое он отводит старости. Такой выбор обусловлен, не только тем, что Катон Старший известен как автор труда «Земледелие», но и тем, что исторически земля и работы на ней, по выражению известного историка Теодора Моммзена, «служили главной основой для всех италийских общин» [6, с. 158] и в том числе Рима. В ярких красках описывая преимущества и прелести сельской жизни и ра-

[1]В этом фрагменте трактата вновь красной нитью проходит одна из идей Цицерона, а именно – всему своё время, и в своё время надо делать то, что по силам.

[1]Архит Тарентский (428 – 347 годы до н.э.) – друг Платона, математик, геометр, философ-пифагореец, теоретик гармонии в музыки.

бот по усадьбе, философ приходит к выводу, что старость не только «не препятствует, но даже призывает и всячески приманивает» *(Ibid. XVI. 57)* к занятию земледелием, которое не только делает это время счастливым, но и приносит пользу людям и богам *(Ibid. XVI. 56)*. А следовательно, можно «примириться с отказом от наслаждений» *(Ibid.)*[1].

Однако следует отметить, что, по нашему мнению, для Цицерона земледелие – категория скорее абстрактная, нежели реальная. Он смотрит на весь процесс обработки земли в первую очередь с позиции философа, знакомого с трудами римских писателей об этом занятии. При этом работал ли оратор на земле сам, доподлинно неизвестно, но, скорее всего, нет, да и достаточно обширное описание земледелия в трактате выглядит чрезмерно идеализированным и очень философичным.

По-видимому, основная характеристика и главный плюс старости для Цицерона – авторитет. Он называет его «венцом» пожилого возраста, вновь обращаясь за подтверждением своих представлений к историческим личностям и событиям. Размышляя о значении стариков в Спартанском обществе, в котором старость окружена наибольшем почётом, нежели где-либо еще *(Ibid. XVIII. 63)*, оратор приходит к выводу, что авторитет старости не только «ценнее всех наслаждений юности» *(Ibid. XVII. 61)*, но и его достижение является достойным завершением «драмы жизни» *(Ibid. XVIII. 64)*.

Последняя характеристика старости – приближение смерти – является, по нашему мнению, самой тяжёлой для Цицерона, так как отрицать её полностью он не может, однако и здесь философ находит способ найти «положительную» трактовку. Перед читателем предстаёт длинный, почти до конца трактата, монолог-рассуждение о продолжительности человеческой жизни и смерти как таковой. Безусловно, эти размышления являются любопытным материалом для исследования, однако в рамках темы статьи нас интересует вопрос: какие положительные штрихи к портрету старости мы можем здесь выявить. Надо отдать должное удивительному таланту и ге-

[2]Здесь Цицерон мастерски закольцовывает мысль об отказе стариков от наслаждений. Вообще, философ прибегает к этому приёму не раз, что вместе с приёмом антитезы осложняло в процессе работы упорядочивание и типологизацию материала.

нию Цицерона, который находит позитивные моменты и в приближении к смерти. Оратор применяет аргумент, который он использовал и в предыдущих своих рассуждениях – смерть может наступить в любом возрасте, и поэтому она не является прерогативой старости, хотя и следует за ней, органично завершая, по мнению философа, естественный ход жизни человека. *(Ibid. XIX. 71-72)*. Но вместе с тем inter senectutem et mortem[1] существует более тесная связь: смерть неизбежно наступает тогда, когда пожилой человек теряет любые стремления, перестаёт вести активную жизнь, даже в том объёме, который ему позволяет старость *(Ibid. XX. 76)*. По мнению Цицерона, смерть в преклонном возрасте не вызывает вопросов и является более «приемлемой» потому, что к этому моменту человек уже достигает удовлетворённости жизнью, которая «делает своевременным приход смерти» *(Ibid. XX. 76)*. Таким образом, «положительной» стороной старости является то, что наступление смерти в этот период существования человека не является насильственным «срыванием недозревшего плода», но является своевременным и предписано самой природой.

Таким образом, мы видим, что Цицерон рисует перед нами в определённой степени модель идеальной старости, полной дел, соответствующих возможностям человека, одарённой уважением и почтением общества, имеющей авторитет и, ввиду необременённости быстрым темпом жизни и проблемами более ранних возрастов, посвящающей себя спокойным и размеренным упражнениям в науках, земледелии и так далее. Но всё это, конечно, возможно, только при соблюдении человеком тех философско-дидактических установок, о которых не раз уже было написано выше.

Заключение. В заключение, подводя итог всему вышеизложенному, нужно отметить, что Цицерон представляет нам два «лагеря» представлений о старости. Взгляды людей первого из них, гласящие о том, что старость – это гнетущее человека бремя, более распространены (хоть это и спорно). Второй же менее крупный лагерь, к которому, судя по всему, принадлежали философы, известные

[1]Перевод: между жизнью и смертью.

деятели и так далее, рассматривает старость как время спокойное, счастливое и почитаемое.

В то же время, мы наглядно показали, что с помощью этих примеров, Цицерон создаёт дидактическое «пособие» по достижению «идеальной» или, как отмечала в своей работе В.В. Лемиш, «адаптивной» старости [4], предназначенное для культурной части римской элиты, придерживающейся стоицизма.

Список литературы

1. Брагова А.М. Этический аспект старости в оценке Цицерона // Метаморфозы истории. 2016. Вып. 8. С. 25–31.

2. Гиленсон Б.А. Античная литература. Кн. 2. Древний Рим. М., 2002.

3. Горенштейн В.О. О старости // Цицерон О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. С. 7–30.

4. Лемиш В.В. Социально-психологические аспекты представлений Цицерона о культуре старения // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29.

5. Лосев А.Ф. Античная литература / под ред. А.А. Тахо-Годи. 4-е изд., дораб. М., 1986.

6. Моммзен Т. История Рима в 4 томах. СПб., 1997. Т. 1.

7. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 314.

8. De Luce J. Theme and variations in the De Senectute // Journal of ageing studies. 1993. Vol.7. № 4. P. 361–371.

9. Rodeheaver D. Psychological adaptation and virtue: Geropsychological Perspectives on Cicero's De Senectute // JAS (Journal of ageing studies). 1993. Vol.7. №4. P. 353–359.

10. Seltzer. Mildred M. Via de senectute: from Multi to interdisciplinarity // Journal of ageing studies. 1993. Vol.7. № 4. P. 373–381.

Стукушина Елизавета Вадимовна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Климов Олег Юрьевич, доктор исторических наук, профессор

Cursus honorum членов императорской семьи династии Юлиев-Клавдиев

Cursus honorum of members of the imperial family of the Julio-Claudian dynasty

Аннотация. *Императорская семья, как и представители других знатных фамилий, в период Ранней Империи занимала должности cursus honorum. В данной статье мы рассмотрели, имелись ли какие-либо привилегии у членов императорской семьи и у лиц приближенных к императору в прохождении карьерной лестницы. Также нам были любопытны причины, по которым им приходилось проходить cursus honorum.*

Ключевые слова: *Cursus honorum; император; карьера; Юлии-Клавдии; императорская семья.*

Abstract. *The imperial family, as representatives of other noble families, occupied the posts of cursus honorum during the early empire. In this article, we examined the issue of the availability of privileges for members of the imperial family and persons approaching the emperor in taking of a career ladder. Also were the curious reasons they had to go through cursus honorum.*

Key words*: cursus honorum; emperor; career; Julio-Claudian; imperial family.*

Как известно, *Cursus honorum*, порядок прохождения должностей в древнем Риме, зачастую занимали представители известных родов. Подобное продолжалось и во времена раннего принципата, а представители семьи принцепса не были исключением. К тому же, стоит сказать и о таком факторе как личная симпатия императора, которая во многом способствовала продвижению по карьерной лестнице.

В данной статье нам бы хотелось рассмотреть, как оставшимся со времён Республики *Cursus honorum* пользовалась императорская семья, а также люди, близкие ей. Во многом любопытна причина использования ими магистратур, а также возможное выявление определённых особенностей прохождения ими *Cursus honorum*.

По всей видимости, для будущего императора была важна предшествующая военная и политическая карьера. Как известно, война имела огромное значение для римлян, потому со времён республики военная деятельность политика играла большую роль. Август начинает свои «Деяния» с военных действий 44 года до н.э., когда он «снарядил войско, с помощью которого я вернул свободу государству, угнетенному господством клики» (Aug. R.G.D.A.1). Первые два консульства, а также должность военного трибуна Тиберий принял ещё до становления принцепсом и сделал достаточно неплохую военную карьеру. Когда же он остался практически единственным наследником, его пытались возвеличить ещё больше с помощью военной карьеры. Однако, Калигула не построил военной карьеры, как впрочем и Клавдий, и Нерон. Вероятно, ко времени Калигулы принципат уже настолько укрепился как форма управления, что последующим принцепсам она не понадобилась. Хотя, пожалуй, стоит сказать, что в дальнейшем принцепсы (Флавии и Антонины) старались, по мере возможности, проходить республиканский *cursus honorum*.

Во времена Римской Республики *Cursus honorum* состоял из должности квестора, эдила, претора, консула и цензора. Однако, при Августе такая магистратура как цензура была убрана из *Cursus honorum* и присоединена к полномочиям принцепса [3, с. 154]. Впрочем, в остальном, как пишет Дион Кассий, должности, установленные законами, сохранялись (Dio. LIII, 17).

Обычно прохождение *cursus honorum* было необходимо для членов семьи императора и наследников. Так, он был пройден полностью или частично Тиберием, Клавдием, Нероном и последующими императорами, что продолжалось до II – III вв. н.э. Конечно, существовали исключения, однако, обычно это являлось следствием получения власти в очень молодом возрасте. Пожалуй, можно это связать с тем, что память о республике была ещё свежа, а потенциальным наследникам было необходимо оправдать своё пребывание во главе государства.

Так, Октавиан становился консулом тринадцать раз (Aug. R.g.a., 4): в 44-м и 33-м годах и ежегодно в период с 31 по 23 гг. до н.э. Впервые Октавиан стал консулом в 19 лет в 43 году до н.э., причём магистратура была дарована в результате угрозы Риму со стороны его легионов (Suet. Aug. 26; Plut. Cic.53; Dio. XLVI, 43-45; App. B.C. III, 89).

Следовательно, Октавиан нарушил установленный возрастной ценз, а также иерархию должностей. Помимо этого влияние и власть молодого Цезаря и его коллеги по должности, Квинта Педия, была различной, как отмечает Дион Кассий, и сложно сказать, был ли он «коллегой» или же «подчиненным» (Dio. XLVI, 46). Впрочем, формально власть консулов, безусловно, одинакова, а различие было в реальном положении двух носителей власти. К тому же, как мы упоминали выше, к власти принцепса была присоединена цензура.

Что касается его преемника, Тиберия, то ни один из императоров династии Юлиев-Клавдиев не занимал должности военного трибуна, разве что Тиберий, который в этой должности отправился вместе с Августом на войну в Испании (Suet. Tib. 9). Был он и квестором (Dio. LIII, 28; Vell. II, XCIV), а также Тиберий вместе с другим претендентом в наследники Марцеллом устроил в качестве курульного эдила игры (Dio. LIII, 26, 1). Что касается претуры, Тиберий занимал эту должность, по словам Диона Кассия, не один раз (Ibid. LIV, 19). Консулом Тиберий был дважды при жизни Августа в 13 и 7 гг. до н.э. и трижды после его смерти (Suet. Tib. 26). Таким образом, он, как мы увидим далее, был также единственным, кто из династии Юлиев-Клавдиев прошёл cursus honorum от начала и до конца.

Калигула был обладателем достаточно небогатой карьеры: квестура 33 г. н.э. была единственной магистратурой, которая занималась им до становления в качестве принцепса. Уже после смерти Тиберия Калигула был консулом четыре раза, причём он занимал данную должность практически каждый год (37, 39, 40 и 41 гг. н.э.): первый раз в течение двух месяцев, второй раз – 30 дней, третье и четвёртое длились ещё меньше (Ibid. Cal. 17).

Следующий император, Клавдий, являлся консулом пять раз: в 37, 42, 43, 47 и 51 гг. н.э., причём все консульства, кроме последнего, длившегося полгода, он занимал в течение двух месяцев. Примечательно его третье консульство, во время которого он замещал умершего коллегу, чего до него императоры не делали (Ibid. Claud.14).

Нерон также являлся пятикратным консулом: в 55 году н.э. – два месяца, в 57 и 60 году – шесть месяцев, а в 58 году – четыре месяца (Ibid. Nero. 14). Отдельно стоит отметить его последнее консульство, когда он сменил двух консулов раньше срока (Ibid. 43).

Как мы можем заметить, из императоров военным трибуном, являлся лишь Тиберий, хотя обычно с этой должности сенаторы начинали свою карьеру. Впрочем, из возможных преемников Августа он был не единственным. Тиберий и Марк Клавдий Марцелл вместе занимали данную должность и сопровождали Августа в походе в Испанию, что позволило представить их войскам.

Квесторами в императорской семье становились более часто: таковым был Тиберий, его брат Друз Старший (CIL. VI. 40330). Тиберий в свою квестуру занимался хлебными поставками в Рим и, как отмечает С.Э.Таривердиева, это во многом могло способствовать поднятию его популярности среди римлян [6].

Должность эдила, как устроителя игр, также во многом могла способствовать признанию магистрата среди народа. По всей видимости с той же целью стали эдилами Тиберий и Марцелл (Vell. II, XCIII).

Преторами, ведавшими судопроизводством, были некоторые из претендентов в наследники Августа. Наиболее примечательно то, что Друз Старший, став городским претором, оставил Рим и уехал к своим войскам, хотя был должен оставаться в нем.

Консульством, как наиболее почетной должностью, пользовались все императоры без исключения, хотя роль и функции магистратуры уменьшались в течение всего I века до н.э. В данной должности любопытно, что в отличие от других входящих в cursus honorum, которые сохраняли свои временные ограничения (1 год), консульство императора могло длиться совершенно незначительное время. Принцепсы использовали данную должностью с разными целями, в том числе и чтобы представить своего возможного наследника: так поступил Август со своими внуками Гаем и Луцием. В остальном, как нам кажется, консульство принимали с целью поднятия своего авторитета.

Любопытно то, что многие претенденты в наследники занимали должности, во-первых, ускоренно (т.е. пропуская некоторые магистратуры *cursus honorum*), во-вторых, раньше срока: принцепс мог попросить такую привилегию для кого-то (например, Август для Друза), а также это было возможно в том случае, если сам император был слишком молод для должности (как, например, Калигула).

Цензура со времени принципата Августа перестаёт быть постоянной должностью. Сам принцепс лично контролировал ценз и не раз. Далее эту магистратуру использовал Клавдий в 47-48 гг.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что республиканские должности зачастую использовались в качестве средства продвижения кандидата в наследники. Создаётся впечатление, что, чем более долгой была карьера претендента, тем менее желанным он являлся (как в случае с Тиберием). В целом, императорская семья проходила *cursus honorum* как и прочие сенаторские, с тем лишь отличием, что им были доступны некоторые привилегии: прохождение его ускоренно (пропуская некоторые магистратуры), а также досрочно (причём это могло быть значительно раньше, как в случае с Луцием Юлием Цезарем, внуком Августа, который стал консулом в 19).

Таким образом, мы можем заметить, что в большинстве своём императоры проходили *cursus honorum* ускоренно. В основном они занимали должность консула, которая была наиболее почетной. Единственный принцепс, который прошёл путь чести с самого начала и до конца – Тиберий.

Список литературы

1. Аппиан Гражданские войны / Под ред. С.А.Жебелева и О.О. Крюгера. Л.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1935. С. 351.

2. Веллей Патеркул Римская история / Немеровский А.И., Дашкова М.Ф. // Римская история. Веллий Патеркул. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 211.

3. Егоров А.Б. Рим: От республики к империи. СПб: Наука, 2017. С. 311.

4. Октавиан Август. Деяния Божественного Августа / пер. И.Ш. Шифмана // Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. С. 189-190.

5. Светоний Транквилл Гай Жизнь двенадцати цезарей / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1993. С. 368.

6. Таривердиева С.Э. Место Тиберия в династической политике Августа до 23 г. до н.э. // Вестник древней истории. 2015. № 3. С. 79-90.

7. Cassius Dio. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio/home.html (дата обращения28.10.2019).

Буздалина Екатерина Артёмовна,
Челябинский государственный университет
Научный руководитель:
Скворцов Артём Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

О происхождении совета принцепса (по данным античных авторов)

On the origin of the Council of Princeps (according to ancient authors)

Аннотация. *Происхождение Consilium principis, или совета принцепса, берет свое начало задолго до своего формального закрепления в структуре власти Октавианом Августом. По мере развития древнеримского государства consilium в политической практике претерпевал изменения своих функций, являясь сначала фактом соблюдения древней традиции – совет трансформировался в способ продвижения по политической карьере, источником которого выступала власть патрона.*

Ключевые слова: *consilium principis; традиция совещания; pater familias; совет; совещание; consilium publicum; институт патроната-клиентелы; Октавиан Август; auctorias.*

Abstract. *The origin of Consilium principis originates long before its formal consolidation in the power structure by Octavian Augustus. With the development of the ancient Roman state, consilium in political practice underwent changes in its functions, being at first a fact of observing the ancient tradition - the council was transformed into a way of advancing through a political career, the source of which was the power of the patron.*

Key words: *consilium principis; tradition of use; family of paters; council; meeting; consilium publicum; institute of patronage-clientele; Octavian August; auctorie.*

В последнее время особую популярность приобрели междисциплинарные направления в науке, предмет исследования которых находится на стыке различных дисциплин. Исследование Consilium Principis, укладываясь в русло новейших научных тенденций, вместе с тем является недостаточно изученным с точки зрения его основ и первоначальных принципов реализации.

Совещательный орган, законодательно закрепившийся только с началом эпохи домината, подвернут всестороннему изучению

британским ученым XX века Дж. Круком [6]. Морально-этическая значимость советов рассматривалась в работах В. Либенама [7] и Г.С. Кнабе [2]. В свою очередь, А.Б. Егоров [1] и А. Ю. Маркелов [3] уделили особое внимание политическому аспекту обычая консилиумов. А идеологические и личностные характеристики правления создателя consilium principis Октавиана Августа на современном этапе были исследованы Я. Ю. Межерицким [4] и И.П. Портнягиной [5].

Однако в статье мы сосредоточим внимание лишь на истоках этого органа власти, изучении происхождения совета принцепса, чтобы впоследствии выявить механизмы его распространения в политической жизни Древнего Рима. Для этого необходимо разобрать исторические предпосылки возникновения совета принцепса, а также раскрыть основные обстоятельства его создания во время правления Октавиана Августа.

Традиция совещания, по мнению В. Либенама, связана с концепцией римского традиционализма (mos maiorum) [7, p. 915] – в глазах римлян только коллектив есть носитель мудрости и опыта [2, с. 49]. Первым проявлением consilium считался совет pater familias (отца семейства) [6, p. 4] во времена царей. По своей природе, советы фамилии не носили никакого формального статуса. Консилиумы проводились pater familias в качестве обычая, необходимого для выполнения обязательств перед «добрыми нравами предков». Такие советы не позволяли решать ответственные дела в одиночку [6, p. 4]. Они всего лишь легитимизировали власть отца семейства над домочадцами (Liv., XXXIX, 18,6).

С усложнением общественных отношений совещание из частной жизни переносится в жизнь политическую. Со временем преобладающей формой совещания становился совет старейшин (Cic. De re p., II,8,14). В его основу ложились мудрость и авторитет отцов как выразителей «добрых нравов предков» (Vell.,I,8,6; Sall. Cat.,VI,6). Даже в греческой нарративной традиции совещание de facto оставалось актом выражения воли царя (Dionys., IV, 42).

Можно сказать, что первоисточником совещания в управлении государством являлась фамильная традиция, но ее распространение не меняло формат – теперь царь выступал в роли патрона, а мудрые старцы, как представители patres familiarum, поддержи-

вали ее. Впоследствии именно этот совет стал называться сенатом. В таком случае consilium или consilium publicum выступал все еще как традиция, выраженная компетенцией сената. В царский период consilium publicum означался как совет в общественном месте (от лат. «publicum» – общественное место, общество), в период Республики как совет общества, т.е. совет отдельного магистрата (Cic. In Verr. II. 70). В республиканское время ключевые для римской политики полномочия находились в руках магистратов, которые ввиду традиции совещания созывали так называемые «советы общества», т.е. советы отдельного магистрата.

Римляне считали, что магистрат или промагистрат морально обязан советоваться с лицами, входившими в его круг доверия (Cic. In Verr. II. 70), поэтому такие советы создавались магистратами для управления провинциями. Их состав включал в себя легатов (лиц сенаторского ранга и главных советников магистрата), преторов, сенаторов, эдилов и народных трибунов (Liv., XXIX, 20, 4). На таких консилиумах решались административные вопросы [3, с. 128], а также осуществлялось принятие законодательных (Cic., de Or., I, 37, 168) и судебных решений (Cic., de Am. XI, 37).

Сенаторы, по мнению Дж. Крука, требовали созыва магистратами consilium publicum, поскольку они не могли ежедневно консультироваться с сенатом по поводу управления провинциями [6, p. 7]. Наставления сенаторов выполнялись в связи с тем, что дружественные связи с сенаторами и магистратами могли позволить по истечению срока службы войти в их состав [2, с. 204]. Мнения друзей играли важную роль при получении магистратуры, при этом приветствовалось продвижение друзей по карьерной службе, в частности, в политику (Plin., Paneg. 70).

Таким образом, в период Республики советы магистрата строились на такой же основе, что и в предыдущий период, поскольку существование consilium зависело от авторитета сенаторов (auctorias), а отношения в них строились на основе отношений патроната-клиентелы и появлению обязательств перед «клиентами», выраженных в продвижении по карьерной лестнице.

Из-за непрекращающихся Гражданских войн I в. до н.э. для легитимизации власти традициям mos maiorum придавалось особое

значение. Гибнущие республиканские традиции трансформировались в идеалы [4, с. 174]. Поэтому традиционность совещания должна была стоять в лице сенаторского сословия (Cic., pro Sest., 65, 137), т.е. дела должны решаться с помощью упорядоченных консилиумов с приближенными лицами. Но на деле, консулы, старавшиеся сконцентрировать власть в своих руках, чаще всего, создавали свои советы в обход сенату. Дж. Крук обращает свое внимание на то, что великие полководцы привыкли работать с консилиями по своему выбору. Они находили утомительным иметь дело с сенатом, который не слышал круг поднимаемых на совете вопросов [6, p. 5]. К примеру, коллективное совещание по вопросу выбора провинций проводилось среди семьи Юлия Цезаря – в кругу зятя и тестя (Suet. Iul., 22).

Нужно отметить, что в период Гражданских войн совещание было необходимо для концентрации личной власти в обход сената – важнейшего органа власти Римской республики.

С установлением системы принципата Август для легитимизации своих полномочий использовал именно идеализированные республиканские обычаи. Поэтому первый принцепс значительно сокращал роль сената в управлении государством. Теперь Октавиан самостоятельно выбирал себе советников по жребию, создав сенатский комитет из 15 сенаторов (Suet. Aug., 35.3) в 4 г. до н.э.

Сенатский совет являлся предварительной ступенью рассмотрения дел до их разбора в сенате (Dio., LIII, 21.6), которые рассматривали законодательную инициативу Августа (Dio., LIII, 21.5). Как известно, Октавиан имел выраженную власть auctorias, поэтому в составе его совета, как нам представляется, Август доводил собственные инициативы до совета, а затем и до самого сената.

Вдобавок он способствовал становлению своей «личной партии» [5, с. 229]. Члены, т.е. приближенные Октавиана, стали занимать важные государственные посты (верховный жрец, курульный эдил, консул и др.) (Tac., Ann., I, 3,1-3). Как говорилось ранее, дружественные связи имели взаимные обязательства, выраженные в неком институте – amicitia principis. Август наделял своих друзей полномочиями, а они, входя в состав его совета, выражали его волю.

Благодаря этому широкие полномочия появились у ближайших сподвижников (Dio., LI, 3.5), вошедших в состав совета прин-

цепса с реформой 13 г. (Dio., LIII, 28. 1-3). Тогда и появился consiliium principis, поскольку его решения постановлением Августа ввиду его старости стали приравниваться к постановлениям сенатских заседаний (Dio., LVI, 28.2-3). Причиной появления совета принцепса, со временем заменившего многовековой сенат, являлась давняя традиция, запрещавшая решать дела в одиночку, поэтому появилась необходимость в создании совета приближенных, наделенных полномочиями и личной преданности патрону Августу, для недопущения видимости единоличной власти и продолжения Гражданских войн.

Таким образом, происхождение consilium principis неразрывно связано с выражением древней традиции совещания, источником которой выступали отношения патроната-клиентелы. Добрые нравы предков трансформировались в иерархизированный институт становления политической карьеры, в которых патронами выступали цари, сенаторы и отдельные магистраты, способствующие наделению полномочий своим друзьям, преданным выразителям его воли. С установлением системы принципата Октавианом Августом, созданием сенатского комитета в 4 г. до н.э. и появлением института amicitia principis (друзей принцепса) появляется в известном виде consilium principis для недопущения видимости единоличной власти и продолжения изнуряющих Гражданских войн.

Список литературы

1. Егоров А.Б. Рим: от республики к империи. СПб., 2017. 311 с.

2. Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. 528 с.

3. Маркелов А.Ю. Римский сенат в период принципата Августа (30 г. до н.э.–14 г. н.э.): дисс. … канд. ист. наук. Самара, 2018. 346 с.

4. Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994 г. 442 с.

5. Портнягина И.П. Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата: совет друзей принцепса // Исследования и публикации по истории античного мира / под. ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. Вып. 2. С. 227-240.

6. Crook J. A. Consilium Principis. Imperial Councils and Counselors from Augustus to Diocletian. Cambridge, 1955. 198 p.

7. Liebenam W. Consilium // RE. 1900. Bd. IV. Hbd.7. Sp. 915-917.

Соловьев Владлен Александрович,

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Шубин Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент

Отсечение головы противника как часть военной традиции кельтов в интерпретации античных авторов I в. до н.э. – I в. н.э.

Cutting off the enemy's head as part of the military tradition of celts in the interpretation of antique authors first cent. bc. to first cent. ad.

Аннотация. *В представленном исследовании предпринимается попытка обоснования необходимости в отсечении и сохранении головы противника после сражения со стороны кельтских воинов посредством анализа содержания греческих и римских нарративных источников I в. до н.э. - I в. н.э. На основе интерпретации письменных источников и данных археологии, автор приходит к выводам о первостепенной важности отсечения и сохранения головы противника – вместилища его жизненной силы в контексте сакрального аспекта, не исключая при этом и практический смысл данной практики.*

Ключевые слова: *кельты; военное дело; культ отсеченной головы; военный трофей.*

Abstract. *The study attempts to justify the need to cut off and preserve the enemy 's head after a battle by Celtic warriors based on an analysis of the content of Greek and Roman narrative sources of the I century BC. - I century A.D. On the basis of the interpretation of written sources and data of archaeology, the author comes to conclusions about the paramount importance of cutting off and preserving the head of the enemy - the capacity of his life force in the context of the sacral aspect, without excluding the practical meaning of this practice.*

Key words: *Celts; military business; cult of cut-off head; military trophy.*

Относительно недавно, в 2018 году, археологи обнаружили на юге Франции кости черепа, на которых сохранились следы смолы хвойных деревьев. Всего за время раскопок археологи нашли 2,7 тысячи фрагментов человеческих костей. В основном это были кости

черепа и части шейных позвонков. На многих черепах остались следы порезов, которые свидетельствовали о том, что голову сначала отрубали, а потом готовили к показу – убирали оставшиеся куски шейных позвонков и, по-видимому, вынимали язык и мозги [9]. Новые находки французских и ирландских археологов служат не только еще одним археологическим подтверждением сообщений античных авторов о кельтской практике отсечения голов противников, но также помогают с большей точностью произвести историческую реконструкцию важнейшей части повседневной жизни кельтов – военного дела. Тем не менее, несмотря на наличие материальных исторических источников, вопрос о практическом или сакральном смысле практики отсечения головы остается не до конца решенным.

Диодор Сицилийский в своей знаменитой «Исторической библиотеке» приводит следующий любопытный фрагмент: «Головы наиболее выдающихся из врагов они (кельты – прим. В.А.) бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего – зверство» [4, кн. V, 29]. Если верить Диодору, кельты отсекали головы весьма избирательно. Автор использует словосочетание «выдающихся из врагов», что может означать либо принадлежность к благородному семейству, либо же характеризовать наиболее искусных, удачливых воинов, проявивших свой талант в сражении. Пока упуская информацию о хранении столь ценной реликвии, обратимся к тому, что Диодор акцентирует особое внимание на возможном выкупе столь ценного трофея. По-видимому, существовали прецеденты, допускающие возвращение отсеченной головы родственникам за серьезное вознаграждение. А если существовали подобные случаи, это, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что голова убитого являлась не просто трофеем для её обладателя, но и важной ценностью для родственников убитого. Если мы допустим возможность того, что головы

убитых воинов могли быть возвращены его семье, появляется вопрос – для чего? Некоторые современные исследователи-кельтологи дают ответ на вопрос, основываясь на представлениях кельтов о душе и ее вместилище, коим и являлась голова человека [1, с. 105]. Обладатель головы выдающегося врага в этом ключе являлся и обладателем его души, что могло означать не только «доказательство доблести» в проявленной битве [4, кн. V, 29], о которой пишет Диодор, но и даровать обладателю отсеченной головы силу и мужество, необходимые в грядущих сражениях. Подобную версию высказывает отечественный кельтолог Г.В. Бондаренко, со ссылкой на содержание ирландских сказаний, избегая при этом слова «душа», используя нейтральное словосочетание «жизненная сила» [2, с. 114].

Современник Диодора, греческий географ и историк Страбон фактически пересказывает сообщение Диодора: «Кельты не отдавали врагам головы самых знаменитых и доблестных воинов, даже если за них предлагали равное по весу количество золота. Чтобы сохранить головы, кельты держали их в масле хвойных деревьев» [7, кн. IV, IV, 5]. Несмотря на отсутствие новой для нас информации в этом отрывке, Страбон сообщает нам о начальной стадии присвоения головы противника в другом фрагменте: «Кроме того, к их глупости присоединяется еще варварский и экзотический обычай, свойственный большинству северных народов, возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибивать их гвоздями напоказ перед входом в дом. Посидоний говорит, что ему самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его» [7, кн. IV, IV, 5]. Здесь стоит остановиться подробнее. В новом фрагменте появляется лошадь, на шею которой вешается голова противника, роль которой в рамках текущего исследования определить сложно. Нас же интересует новый способ обращения с головой. Теперь голова врага находится не внутри дома в специальном ларце, но прибивается гвоздями перед входом в жилище. Ссылаясь на Посидония, Страбон, видимо, тем самым старается укрепить свою аргументацию посредством более раннего свидетельства очевидца, но, вместе с этим, этот фрагмент вступает в некоторое противоречие с сообщением Диодо-

ра. Если в первом случае голова – особый предмет, доказательство доблести и, возможно, вместилище души погибшего имеет скорее сакральный смысл, то во втором случае голова выступает в большей степени именно военным трофеем, признанным показать другим кельтам доблесть и отвагу победителя.

Еще одно свидетельство, но уже римского автора, не добавляет ясности в вопросе о том, каков же был истинный смысл в сохранении головы убитого противника. Тит Ливий сообщает об эпизоде, произошедшем в 216 г. до н.э. В ходе засады в лесу кельты уничтожили два римских легиона. Луций Постумий, командующий римским войсками бился, как сообщает Ливий, до самого конца, чем и заработал следующую участь: «Бойи (одно из кельтских племен – прим. В.А.) с торжеством внесли его доспехи в храм, наиболее у них почитаемый: с отрубленной головы счистили все мясо и по обычаю своему обделали череп в золото: из него, как из священного сосуда, совершали по праздникам возлияния и пили, как из чаши, жрец и предстоятели храма» [5, кн. XXIII, 24]. Во многом этот отрывок вносит неопределенность и в без того разрозненную информацию о кельтской практике отсечения головы. Для начала стоит сказать, что, по-видимому, «выдающийся» враг, о котором говорил Диодор ранее – это именно представитель знати. Сообщение Ливия в большей степени склоняет именно к этой трактовке. Совершенно в тупик ставит дальнейшее применение головы – с нее полностью убирают кожу и мясо, оставляя лишь череп, который далее подвергается обработке, в конечном итоге становясь сосудом для питья неких напитков (видимо, речь о вине). Можно было бы попытаться найти объяснение в принадлежности племени бойев к северным, наиболее диким кельтским племенам, однако это не так. Бойи расселялись преимущественно в центральной и юго-восточной части Галлии – достаточно близко, чтобы ощутить влияние цивилизованных римских и греческих колоний. Однако свидетельство Тита Ливия, относящееся к началу III в. до н.э. все же имеет одну ценность – оно доказывает тот факт, что как минимум на протяжении двухсот лет кельты осуществляют практику отсечения голов противников, что, в свою очередь, говорит о наличии некой традиции или ритуала, соблюдаемого кельтскими воинами несколько веков.

Вновь вернемся к археологии. Любопытно, что ранее исследователи обнаружили на территории южной Галлии (Франции) в местечке Рокепертюзе (департамент Буш-дю-Рон), на месте древнего кельтского святилища каменное изваяние, напоминающее арку, по периметру которой крепились человеческие черепа, встроенные в арку посредством специальных ниш [1, с. 106]. Известный кельтолог Т. Пауэлл, комментируя находку, высказывает предположение о том, что наличие человеческих черепов в арке – есть проявление религиозных кельтских практик, целью которых было принести в дом богатство и изобилие, а также залучить духов на службу к хозяину [6, с. 58].

Современный французский историк Жан-Луи Брюно, напротив, отрицает существование культа отсеченной головы, отводя этой практике чисто практическую функцию единицы счета при распределении добычи, так как часто большая часть трофеев (трупы и доспехи) посвящалась богам, было важно, чтобы воин сохранил свидетельства своей храбрости [3, с. 253]. Любопытно и то, что подобная позиция сильно напоминает практику срезания скальпов с убитых жертв индейцами Северной Америки, целью которой было доказать свою военную доблесть.

Исходя из представленной информации, сформулируем собственную позицию о том, для чего кельты осуществляли практику сохранения отсеченных голов противников. Благодаря данным археологии и письменным сообщениям античных авторов был установлен факт продолжительной длительности этой практики, что может говорить о ее ритуальном характере. С большой долей вероятности можно утверждать, что убитые воины, чьи головы были отсечены, являлись представителями знати, известными и выдающимися вождями. Принимая во внимание наличие историографических дискуссий по столь узконаправленному вопросу, позволим себе сформулировать свою точку зрения на вопрос исследования.

На наш взгляд, практика отсечения и сохранения на длительный период голов убитых противников в первую очередь выполняла религиозную функцию, при этом, сохраняя функцию военную (голова в качестве трофея). В «Записках о Галльской войне» Цезарь сде-

лал большой акцент на двух аспектах, описывая жизненный уклад кельтов.

1) Большинство галлов привержено соблюдению религиозных ритуалов.

2) Особым влиянием в галльском обществе обладают друиды, учение которых основывается на вере в бессмертие и переселение души. Такая вера устраняет страх перед смертью и является мощным стимулом проявления боевой отваги [8, кн. VI, 14, 16]. Беря во внимание общий контекст мифологического сознания античного периода, можно предположить наличие культа отсеченной головы, который вполне соотносится с версией историков о черепе – как о вместилище человеческой души или жизненной силы, необходимой обладателю отсеченной головы. Несмотря на то, что отрывок Тита Ливия о превращении головы в сосуд для питья несколько выбивается из общего контекста, он вполне может констатировать еще одну форму передачи жизненной силы или души от погибшего воина к победителю, посредством питья из черепа.

С другой стороны, столь бережный уход за реликвией, выставление головы напоказ и нежелание расставаться с ней даже за большой выкуп одновременно с сакральным смыслом может нести смысл вполне практический – доказательство собственной доблести и славы или же доблести и славы своих предков. Другой вопрос, почему в одних случаях голова хранится в доме (в ларце), а в других прибивается на всеобщее обозрение вне жилища. Думается, этот и многие другие исследовательские вопросы по этой теме нельзя разрешить, основываясь только на данных античных писателей. Дальнейшее исследование проблемы должно учесть ранее не заявленные, но весьма информативные источники – ирландские саги и сказания. Предполагается, что эти источники дополнят уже приоткрытую картину, дающую нам представление о связи военного дела кельтов с их мифологизированным сознанием.

Список литературы

1. Аллен С. [Allen S.] Кельты. Властители битв: пер. с англ. М.: Эксмо, 2010.

2. Бондаренко Г.В. Повседневная жизнь древних кельтов. М.: Молодая гвардия, 2007.

3. Брюно Ж-Л. [Bruno J-L.] Галлы: пер. с фр. М.: Вече, 2011.

4. Диодор Сицилийский Историческая библиотека. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/diodoros/index.htm (дата обращения: 15.05.2019).

5. Ливий Тит История Рима от основания города. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/livius/index.htm (дата обращения: 15.05.2019).

6. Пауэлл Т. [Powell T.] Кельты. Воины и маги: пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2009.

7. Страбон География. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/strabo/index.htm (дата обращения 15.05.2019).

8. Цезарь Гай Юлий Записки о Галльской войне. URL: http://xlegio.ru/sources/caesar/bellum-gallicum/ (дата обращения 15.05.2019).

9. Embalmed heads of the Celtic Iron Age in the south of France. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305440318303194?via=ihub (дата обращения 15.05.2019).

Крылов Михаил Олегович,

Муниципальная бюджетная образовательная организация средняя общеобразовательная школа № 6 им. В.И. Сахнова

Влияние образа бога Одина на формирование культа вождя у народов Скандинавии в раннее Средневековье

The influence of the image of Odin on the formation of the cult of the chief among the peoples of Scandinavia in the early Middle Ages

Аннотация. *В данном исследовании поднимается проблема формировании культа вождя в Скандинавии, который формируется через мифологические образы богов. В статье анализируется образ бога Одина и его влияние на формирование культа вождя. Выявляются основные качества, которые легли в основу культа.*

Ключевые слова: *Культ; конунги; Один; средневековье; Скандинавия.*

Abstract*. This study raises the problem of the formation of the leader's cult in Scandinavia, which formed through the mythological images of the gods. The article analyzes the image of the god Odin and his influence on the formation of the cult of the leader. The main qualities that underlie the cult are revealed.*

Key words: *Cult; konung; Odin; Middle Ages; Scandinavia.*

Введение

В современном быстроменяющемся мире существует большой интерес к мифологическим памятникам разных народов. Мы наблюдаем множество продуктов массовой культуры, где используют мифологические сюжеты. Но, к сожалению, опыт показывает, что этот интерес не всегда является положительным. Сегодня мы можем наблюдать активизацию неоязычества, особенно среди молодежи [4]. Не секрет, что для привлечения в данную деятельность, ее руково-

дители обращаются к материалу Скандинавской архаической традиции.

Аналогичное обращение к Скандинавской мифологии можно наблюдать в XX веке. Происходило активное изучение и применение на практике оккультных знаний, содержащихся в древней мифологической традиции Скандинавии. Особое внимание к возрождению древней языческой культуры было уделено национал-социалистами Германии в 30-х годах XX века, о чем говорит создание таких организаций как «Общество Туле» и «Аненербе». Свойственная нашей эпохе активизация неоязычества заслуживает серьезного исследования, немыслимого без анализа архаической скандинавской традиции.

Рассматривая данную традицию, больше всего привлекает внимание формирование культа вождя. Так как разработка данного материала напрямую подводит нас к решению ряда научных вопросов. Среди них, например, вопрос земли и власти, т.к. мифологические системы во всем мире всегда играли важную роль в обеспечении единства политической системы общества [25, с. 296-302].

Работа базируется на принципе историзма и историко-аналитическом методе. В исследовании применялись такие методы как компаративистский анализ, метод сравнительного исторического анализа, лингвистический метод.

Цель исследования: проанализировать влияние образа бога Одина на формирование культа вождя.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить ряд задач:

1. Рассмотреть мифологическое мышление
2. Выявить из образа Одина идеальный прообраз вождя
3. Рассмотреть образ вождя из саг

В раннее средневековье в Скандинавии власть конунга была весьма ограничена, основные вопросы в обществе решал тинг – народное собрание. Это, например, было замечено в «Житии Святого Ансгария: «Ибо таков у них обычай, что любое общественное дело более зависит от единодушия воли народа, чем от королевской власти» [4, с. 60]. Конунг выполнял ограниченный круг функций: военные, религиозные. Если же со своими функциями он не справлял-

ся, то его могли и убить, как это случилось, например, с конунгом Домальди: «Вожди их стали совещаться и порешили, что в неурожае виноват Домальди и что надо принести его в жертву — напасть на него, убить и обагрить алтарь его кровью. Это и было сделано» [18, с. 20]. Однако уже в конце IX века мы наблюдаем появление конунгов, которые смогли объединить страны под своей властью, а в дальнейшем крестить. Конунги становятся героями саг, создается целый жанр «королевские саги». Некоторые конунги заказывали у скальдов себе хвалебные песни или саги, как например конунг Сверрир: «это едва ли не единственная сага, созданная по прямому заказу и при непосредственном участии ее главного протагониста, самого короля Сверрира» [23, с. 86]. Из этого становится очевидным, что был сформирован культ вождя, и вероятнее всего, он формировался сверху – от конунгов.

Основным источником формирования данного культа выступала мифология. Так как в Скандинавии раннего средневековья сохранялись архаические традиции, основанные на мифологическом мышлении, которое, как писал Мелетинский Е.М., было: «доминантой духовной культуры, господствующим способом глобального концептуализирования» [7, с. 9], то есть основным способом познания мира вокруг. Миф передает через простые понятные формы сложное устройство мира. Например, космогонические мифы, которые повествуют о создании мира. При этом, ученые отмечают, что миф создает идеальный прообраз вещей, которые окружают человека: «миф создает некую новую фантастическую «высшую реальность», которая парадоксальным образом воспринимается носителем соответствующей мифологический традиции, как первоисточник и идеальный прообраз этих жизненных форм» [8, с. 201]. Из этого следует, что через миф можно пронести идеальный образ власти, который и лег в основу культа вождя. Анализ мифологии Скандинавов приводит нас к двум образам богов, которые вероятнее всего, легли в основу культа: Один и Фрейр. С Фрейром все достаточно очевидно: его имя трактуется как «Мой Господин». В Старшей Эдде есть кеннинги Фрейра, где его называют «Владыкой богов» [12, с. 41]. А в «Саге об Инглингах» Фрейр является мифологическим предком всех Шведских конунгов. Более того, в самой Швеции культ

Фрейра становится официальным, общегосударственным культом, а главным жрецом Фрейра сам конунг, как пишет Пекарчик С.: «божество уже не предок и покровитель всего народа, а родоначальник королевского рода» [9, с. 175]. Таким образом, благодаря формированию культа вождя, Фрейр становится не только богом плодородия, но и покровителем конунгов, родоначальником их рода.

Образ Одина в этом плане более сложный. Стоит хотя бы проанализировать его имя. Якоб Гримм, анализируя германские языки, находит несколько значений данного имени. Так это слово обозначает «Стремительно двигаться», также, как и «Разум», «нрав», «буйство». В своем исследовании данного имени Я. Гримм приходит к выводу о том, что Один: «формирующаяся сила, придающая всем людям и вещам облик и красоту, породившая поэзию, управляющая войной и победой, в тоже время от Вотана зависит плодородность земли, в нем коренятся человеческие желания, от него исходит всевозможные блага и дары» [2, с. 331].

Адам Бременский, описывая Одина, пишет следующее: «Водан, что означает "ярость", ведет войны, даёт людям мужество в битвах с врагами» [1, с. 128].

Он бог войны и смерти, покровитель героев. Существовало предание, что Один приносит воинам удачу: «Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно, сперва, возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен» [18, с. 11].

Однако стоит обратить внимание на замечание М.И. Стеблин-Каменского, который пишет, что: «Он помогает героям одержать победу вовсе не потому, что он поборник добра и справедливости, но потому, что он вообще любит, когда сражаются, и подчас он сам убивает тех, кому он раньше помогал» [22, с. 73]. Неслучайно один из кеннингов называет Одина: «сеятель раздора». М.И. Стеблин-Каменский, также писал об Одине: «Один – бог повешенных, т.е. казненных через повешение или принесенных так в жертву. Он их оживляет, и они сообщают ему потусторонние тайны» [9, с. 68].

О культе Одина нам практически ничего не известно. Лишь только сообщение Адама Бременского о жертвоприношениях, судя по обряду, явно связанных с Одином: «Пиры и подобного рода

жертвоприношения справляются в течение девяти дней. Каждый день вместе с животными в жертву приносят одного человека, так что всего за девять дней в жертву приносятся 72 живых существа. Это жертвоприношение происходит около дня весеннего равноденствия. А тела этих животных развешивают в ближайшей к храму роще» [1, с. 128]. Также в Скандинавии и находят фигурки, изображающие Одина, например, Бронзовая фигурка Одина и Сконе [27]. А также миниатюры, изображающие культовое копье Одина. Например, бронзовая миниатюра копья из Гудхейма [26]. Эта миниатюра имеет очень длинный стержень, который закруглен и вокруг вершины лезвия четырехсторонний. Клинок плоский, тонкий и широкий посередине.

Вероятнее всего, культ Одина был достаточно закрытым и распространен только среди воинов. Как писал Труве-Петри: «Это не культ землевладельцев, наследственной аристократии, связанной узами крови. Это культ безземельных людей и тех, кто не связан семейными узами, таких людей, как Старкейд и солдаты удачи, даже берсерков, которые присоединяются к королевскому двору в надежде на прибыль» [28, p. 68].

Однако уже в III – IV веках выдвигается на первый план «Одинический пантеон» [6, с. 137]. Один встает во главе пантеона и приобретает качества идеального вождя. Которые мы можем проследить в мифологии, например, в Старшей Эдде встречаются кеннинги, которые связывают Одина с представлениями о военном вожде: «отец побед» [13, с. 14], «рати отец» [14, с. 30]. А в «Песни о Хюндле», мы находим эпизод, в котором Один дарит оружие воинам. Судя по всему, данное действие является одной из традиций вождя:

«Сигмунду меч
Разящий вручил он» [11, с. 163].

А уже в другой песне, в «Речах Высокого», Один выступает как наставник и авторитет, на который опираются конунги. В песне он дает советы, по всей видимости, будущему конунгу:

«Осторожен быть должен
Конунга отпрыск
И смелым в сраженьи» [15, с. 18].

Таким же авторитетом, на который опирается Конунг, Один является и в другой песни «Речи Гримнира». В ней Один лишает конунга прав на престол и передает эти права и соответственно свою поддержку его сыну:

«Пьян ты, Гейррёд!
Пил ты не в меру,
Отныне лишен ты
Подмоги моей,
Эйнхериев помощи,
Милости Одина» [16, с. 40].

В Младшей Эдде «Видение Гюльви», мы находим Одина сидящего на троне – один из символов власти. В этом эпизоде, божество представлено в виде трех ипостасей: «на самом низком троне сидит конунг, а имя ему – Высокий. На среднем троне сидит Равновысокий, а на самом высоком – Третий» [20, с. 14]. Таким образом, в Младшей Эдде Один представляется уже в виде не просто военного вождя, наставника и авторитета власти, но и как великий правитель.

Один, в мифологии является идеальным вождем, как пишет А.Я. Гуревич: «Образ идеального вождя дан уже при рассказе об Одине. Он красив и благообразен, ловок и воинственен, способен изменять свой облик, сведущ в магии, обладает такой силой слова, что все ему верят, и говорит стихами, как скальды, перенявшие от него это искусство. Один защищает страну от нападений врагов и совершает жертвоприношения для того, чтобы в ней царили мир и урожаи, а свеи платят ему налоги» [3, с. 83].

Через мифологию прослеживается связь Одина с конунгами. Хотя мы не всегда в них видим самого Одина. Например, в мифе «Песнь о Риге» один из героев является юный Кон «kon ungr». Что созвучно с конунгом – «konungr». Вероятнее всего, данная песнь была создана для того, чтобы возвеличить какого-то конунга. Юный Кон представлен как искусный воин, владеет магическими способностями, тайными знаниями – рунами [10, с. 164]. Образ Кона очень сильно похож на образ Одина, который был владыкой воинов, и как указывает Фадеева Т.Ф.: «очевиден факт закрепления за Одином образа

личности, адекватно владеющем магическим искусством – колдовством» [24, с. 117].

Через образ Одина формируется идеальный прообраз вождя. По этому образу конунг является профессиональным воином, мудрым правителем и обладателем сверхъестественных способностей – колдовством.

Анализ королевских саг показал, что такие образы конунгов существуют, например, в Саге об Инглингах, конунг Скьельд был идеальным воином и владел колдовством: «Когда Скьельд конунг вышел на берег со своим войском, Эйстейн конунг уже переплывал фьорд. Скьельд еще видел их паруса. Он взял свой плащ, развернул и дунул в него… Эйстейн конунг сидел у руля, а другой корабль плыл рядом. Были волны и рея другого корабля сбросила конунга за борт» [18, с. 11].

Встречаются эпизоды, когда конунги передавали своим воинам удачу – то есть выполняли ту же функцию, что и Один, например, в «Саге о людях из Лососьей Долины: «Конунг Харальд и Гунхильд проводили Олава на корабль и сказали, что к той дружбе, которую они к нему питали, они добавляют еще пожелание, чтобы их удача сопровождала его» [17, с. 258].

Стоит отметить, что вера в способности конунга выходила за пределы саг в реальную жизнь, в частности, вера в передачу удачи. Гуревич А.Я. писал: «Человек, заслуживший дар знатного лица - гривну, кольцо, меч, дорогой плащ, корабль, - гордился этим подарком как знаком отличия, вместе с тем, в драгоценном предмете, полученном от конунга, таилась, как тогда верили, некая магическая сила, воплощение «удачи», «везенья», «счастья» конунга, и к этой «удаче» приобщался тот, кому был вручен дар» [19, с. 77].

Заключение

Таким образом, проанализировав образ Одина, мы пришли к выводу, что через данный мифологический образ моделируется идеальный образ вождя, который лег в основу рассматриваемого нами культа. Этот идеальный прообраз зафиксирован в качествах конунгов саг и распространялся во всей жизни Скандинавского общества.

Список литературы

1. Адам Бременский // Шведы и Швеция в средневековых источниках / отв. ред А.Д. Щеглов. М.: Наука, 2007. 367 с.

2. Гримм Я. Германская мифология: в 3 т. / пер., коммент. Д.С. Кольчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. Т. 1. 832 с.

3. Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972. 202 с.

4. Житие Святого Ансгария // Шведы и Швеция в средневековых источниках / отв. ред А.Д. Щеглов. М.: Наука, 2007. 367 с.

5. Красная весна. Язычество завоёвывает позиции в среде спортсменов и спецназовцев, 06.06.2018. URL: https://rossaprimavera.ru/news/c9ae814d (дата обращения 01.10.2019).

6. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия. 2005. 640 с.

7. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2008. С. 9 – 33

8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 478 с.

9. Пекарчик С. Сакральный характер королевской власти в Скандинавии и историческая действительность // Скандинавский сборник. Вып. 10. Таллин: Ээсти раамат. 1965. С. 171 – 201.

10. Песнь о Риге // Старшая Эдда / пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука. 2005. 259 с.

11. Песнь о Хюндле // Старшая Эдда / пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 259 с.

12. Поездка Скримнира // Старшая Эдда / пер. А. И. Корсуна; под. ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 259 с.

13. Пророчество Вёльвы // Старшая Эдда / пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 259 с.

14. Речи Вафтруднира // Старшая Эдда / пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 259 с.

15. Речи Высокого // Старшая Эдда / пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 259 с.

16. Речи Гримнира // Старшая Эдда / пер. А.И. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 259 с.

17. Сага о людях с Лососьей Долины // Исландские саги: в 2-х т. / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Журнал «Нева»: «Летний сад», 1999. Т. 1. 829 с.

18. Сага об Инглингах // Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Наука, 1980. 691 с.

19. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2007. 623 с.

20. Снорри Стурлусон Младшая Эдда / отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. СПб.: Наука, 2005. 144 с.

21. Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.

22. Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.

23. Успенский. Ф.Б. Под мухой победы. Конунг Сверрир и его знамя // Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М.: Издательский дом ВШЭ. 2017. С. 86 – 108.

24. Фадеева Т.В. Один: структуризация образности главы древнескандинавского пантеона в мифологической традиции и социокультурной сфере: дисс. … канд. ист. наук. СПб, 2005. 214 с.

25. Элиаде М. Священное и мирское // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.

26. Miniatyrlans. Odaterad. URL: http://mis.historiska.se/mis/sok/fid.asp?fid=266723&g=1 (дата обращения 10.10.2019).

27. Statyett odenfigur. URL: http://mis.historiska.se/mis/sok/fid.asp?fid=109043&g=1 (дата обращения 10.10.2019).

28. Truville-Petre G. Myth and Religion of the North. L., 1964. 340 p.

Главатских Кирилл Владимирович,
Казанский федеральный университет

Rex Theodericus: смысловое значение титула Теодориха Великого (историографический аспект)

Rex Theodericus: the meaning of the title of Theodoric the Great in (historiographical aspect)

Аннотация. *Статья освещает историографические традиции в понимании значения титула «rex» в контексте конституционного положения правителя Отсготского королевства Теодориха Великого. На основе английской, американской, немецкой и польской историографии выделяются основные тенденции в понимании проблемы.*

Ключевые слова: *Теодорих Великий; Остготское королевство; Одоакр; Византия; титулатура.*

Abstract. *The article denotes the historiographical traditions in understanding the meaning of the title "rex" in the context of the constitutional position of the ruler of the Ostrogothic Kingdom Theodoric the Great. Based on the English, American, German and Polish historiography, the article shows main tendencies in understanding the problem.*

Key words: *Theodoric the Great; Ostrogothic Kingdom; Odoacer; Byzantium; titulature.*

Традиционно вопрос конституционного положения остготских правителей привлекал большое внимание историков. В попытках раскрыть обозначенную проблему исследователи, как правило, пытаются ответить на ряд вопросов. Во-первых, каким статусом обладал Одоакр до его свержения Теодорихом? Во-вторых, ряд свидетельств того времени упоминают о том, что Теодорих был послан Зеноном, чтобы сместить Одоакра и править вместо него. Соответственно, возникает вопрос, был ли связан Теодорих каким-либо договором с императором, определяющим его власть в Италии? В-третьих, существует ли в таком случае различие между положением Одоакра и Теодориха?

Титулатура является наиболее красноречивым маркером, отражающим правовое или же конституционное положение правителя. «Rex» - это основной и, пожалуй, один из самых часто встречающихся титулов Теодориха. Он фигурирует в большинстве известных нам письменных и эпиграфических источников этого периода. Понимание того, какое значение имел титул «rex» в этот период, и каким образом он воспринимался, позволяет определить характер власти самого Теодориха. В исследованиях, посвященных этой проблеме, намечаются несколько тенденций.

Согласно традиционному взгляду, сложившемуся в историографии, титул rex был ненавистен римлянам [5, p. 727] поскольку отсылал к изгнанию римлянами последнего царя Тарквиния и избавлению от тирании. В этой связи обладание титулом rex как бы выносило Теодориха за рамки установившейся римской политической традиции. Другими словами, правители до 476 г. не называли себя rex, они были правителями Римской империи и называли себя imperator. Соответственно приход к власти королей Одоакра, а затем Теодориха вместо императоров обозначили «Падение Западной Римской империи».

Исследователи часто основываются на противопоставлении rex и imperator. Rex – это титул варваров. Поэтому признание власти Теодориха, как правителя над римлянами основывалось на том, что она была ему делегирована императором. Т. Моммзен высказал мнение, что Теодорих был королем готов, в то время как римлянами он правил на правах своего рода имперского чиновника [9, p. 126]. Этого же мнения придерживался и Г. Пфайльшифтер, писавший в первой половине XX в. [2, с. 67].

Э. А. Томпсон утверждал, что, несмотря на свержение последнего императора Запада, Италия оставалась частью Римской империи. Формально ей продолжал править византийский император. Теодорих в свою очередь «присматривает» и «управляет» Италией от имени Зенона. В этом смысле, положение Теодориха было неопределённым: он был королём остготов, но не был королём италийцев. Поэтому он называл себя просто «королём» (Rex Theodericus), чтобы не ограничивать свою власть варварами «исключив из неё италийцев» [3, с. 67].

Иначе трактует положение Теодориха австрийский историк Х. Вольфрам. Если Томпсон не различал королевский статус Одоакра и Теодориха, то Вольфрам видит в его правлении совершенно другую картину. Власть Теодориха, в отличие от Одоакра, была признана императором Византии. Он подчеркивает, что «Теодерих в своем италийском королевстве соединил две разные политические традиции: власть короля (regnum) над своим народом (gens) и принципат над римским народом (populus)». Он был королем войска ещё до похода в Италию и был заново провозглашен после победы над Одоакром уже как «властитель Западной империи». В 497 г. его избрание было подтверждено императором Анастасием. Он носил титул «Flavius Theodericus rex», подчеркивая, что основал третью династию Флавиев. То есть он одновременно остается независимым правителем и подчиненным «старшему» императору Византии [1, с. 403-413].

Похожего подхода придерживаются Т. С. Бёрнс и Т. Мурхед. Бёрнс говорит, что Теодорих был поднят на щит и провозглашен королём в 493 г. (ceremony of kingship in 493 to declare his position over Italy; king of Italy). С правовой точки зрения остальные варварские короли были королями федеративных племен (heads of federate tribes). Корлевская власть Теодориха предполагала «особый союзный статус» (peculiar allied status), позволявший ему осуществлять власть над римлянами и готами. Однако для этого нужно было подтверждение его статуса императором, которое он получил лишь в 497 г. (Theodoric as king and as the official representative of the imperial authority) [7, p. 108]. В отличие от Теодориха Одоакр правил как magister militum, и император не признавал его, как rex. Мурхед так же выстраивает свои рассуждения вокруг того, что титул rex Теодориха сам по себе был не приемлем для римлян. Его власть была легитимной постольку, поскольку она исходила от императора [10, p. 266].

В отличие от вышеупомянутых авторов, мы можем увидеть, что часть исследователей склонны рассматривать титул rex Теодориха, как свидетельство его независимости. П. Хизер связывает пришествие Теодориха в Италию с договором между ним и Зеноном. Однако власть он осуществлял как полноправный правитель,

независимый от авторитета византийского императора. Единственное, что останавливало его от принятия титула imperator – боязнь обострения отношений с Византией [4, с. 60-65].

А.Х.М. Джонс, наоборот, выступает против характеристики власти Теодориха в качестве «римского правителя». Джонс видит в нём лишь «очередного варварского короля» (Odoacer and Theoderic were kings pure and simple, in the same position as the other barbarian kings) [9, p. 126]. Он снова обращается к свидетельству Иордана о провозглашении Теодориха королём, когда войско подняло его на щит. К этому моменту он уже был королём остготов, и «новое» провозглашение означало расширение его полномочий до управления римлянами. Вместе с тем он добивался признания этого статуса со стороны Византии. Однако приобретение этого признания означало утверждение независимости Теодориха от власти императора и принятие того, что Италия больше не являлась частью Империи.

За последние три десятилетия в трудах историков наметился новый поворот в понимании этого вопроса. Исследователи утверждают, что rex и regnum не следует понимать в качестве терминов, которые отождествляют власть Теодориха с «варварской» или «не римской». Польский историк Ян Простко-Простыньский обращает внимание, что с конца IV в. наряду с imperium и res publica начинает использоваться формулировка regnum Romanorum [11, p. 82]. В текстах V в. rex и regnum часто относятся к императорам. В этом смысле дихотомия rex/imperator размывается, и потому понимание титула rex, как чуждого римской политической терминологии – неверно. Ян Простко-Простыньский приходит к выводу, что по договору с Анастасием Теодорих был скорее императорским коллегой, нежели его подчиненным или совершенно не связанным с императором варварским королём. Он был правителем западной части единой Imperium Romanum, признавая старшинство Восточного коллеги [11, p. 282].

В этом же контексте С. Фэннинг объяснял приход к власти Одоакра и Теодориха. Он оспаривал подход, согласно которому Рим пал тогда, когда на Западе стали править короли [8, p. 48]. Фэнниниг обращает внимание, что титул rex был в ходу задолго до прихода Одоакра и был серди императорских апеллятивов начиная с I в.

Пожалуй, наиболее «радикальное» мнение принадлежит британскому учёному Дж. Арнольду. В своей работе он настаивает на взаимозаменяемости титулов «rex», «princeps» и «imperator». К моменту начала правления Теодориха сложилась дихотомия в принципах правления между Востоком и Западом. На Востоке был basileus, чья власть скорее напоминала власть эллинистических правителей. В свою очередь на Западе глубже сохранились республиканские традиции, и император представлял себя как princeps, первый гражданин [6, p. 74]. Таким образом, в V в. на Западе princeps становится синонимом imperator (In Italy, therefore, to be princeps was to be emperor). В титулатуре Теодориха princeps встречается едва ли не чаще, чем rex. В свою очередь использование rex, наряду с прочими имперскими титулами, например, august или dominus ассимилировало Theodericus rex к восточному пониманию титула basileus. Таким образом, при Теодорихе происходит совмещение противоположных понятий res publica во главе с princeps и regnum во главе с rex [6, p. 88]. Это делает Теодориха независимым от Византии правителем, который, вопреки традиционному взгляду, уже не «варварский король», а «император».

Я думаю, здесь вырисовываются две основные исследовательские тенденции. Их разделяет представление о том, что означал титул rex в V в. Согласно «классическому» мнению титул rex традиционно, ещё со времён царской эпохи, был неприемлем для римлян. В период становления варварских королевств rex – это то, как варвары называют своих правителей. Однако власть Теодориха была легитимной постольку, поскольку ему даровал её император. Современные исследования, напротив, указывают, что rex и regnum в течение долгого периода Римской истории были обращены, в том числе, и к императорской власти. Привычное разделение на варварскую regnum и римскую imperium не раскрывает характера развития властных институтов в Позднюю античность. Власть т.н. варварских королей выросла и развивалась в контексте эволюции римских политических институтов.

Список литературы

1. Вольфрам Х. Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов; под ред. Н.А. Бонадренко и П.В. Шувалова. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

2. Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий / Пер. с нем. Певчева В. А. СПб.: Евразия, 2017. 272 с.

3. Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / пер. с англ. Т.О. Пономаревой; под ред. М.Е. Килуновской. СПб.: «Ювента», 2003. 288 с.

4. Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М.: Центрполиграф, 2013 307 с.

5. Adcock F. E. Caesar's dictatorship // The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1932.

6. Arnold J. J. Theoderic and the Roman Imperial Restoration. New York: Cambridge University Press, 2014.

7. Burns T. S. Theodoric the Great and the Concepts of Power in Late Antiquity // Acta Classica. 1982. Vol. 25. P. 99 – 118.

8. Fanning S. Odovacer rex, Regal Terminology, and the Question of the End of the Western Roman Empire // Medieval Prosopography. 2003. Vol. 24. P. 45-54.

9. Jones A. H. M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // The Journal of Roman Studies. 1962. Vol. 52. Parts 1, 2. P. 126 – 130.

10. Moorhead J. Theoderic, Zeno and Odovacer // Byzantinische Zeitschrift. 1984. № 77. P. 261 – 266.

11. Prostko-Prostynski J. Utraeque res publicae: The Emperor Anastasius I's Gothic Policy (491–518). Poznan: Instytut Historii UAM, 1994.

Ермолаева Анастасия Вячеславовна,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель:
Бойцов Михаил Анатольевич, доктор исторических наук, ординарный профессор

Новая Елена для франков: королева Радегунда и обретение частицы Святого Креста

New Elena for the Franks: Queen Radegund and the Finding of the Particle of the Holy Cross

Аннотация. *Легенда об обретении реликвии Святого Креста императрицей Еленой существенно повлияла на формирование образов последующих правительниц. В статье на основе жития королевы Радегунды, написанного монахиней Баудовинией, рассматриваются причины выбора агиографом данного прототипа. Благодаря обращению к образу Елены, Баудовинии удалось превратить скандал, связанный с обретением Радегундой частицы Святого Креста, в триумф и поднять престиж монастыря в Пуатье, который существенно пострадал из-за многочисленных конфликтов.*

Ключевые слова: *святые королевы; императрица Елена; Радегунда; франки; меровинги; агиография; Раннее Средневековье.*

Abstract. *The legend of the acquisition of the relics of the Holy Cross by Empress Helena significantly influenced the formation of images of subsequent female rulers. Based on the vita of Queen Radegund, written by the nun Baudovinia, the article examines the reasons for choosing this prototype by the author. Due to the appeal to the image of Helena, Baudovinia managed to turn the scandal related to the acquisition of the particle of the Holy Cross by Radegund into a triumph. Moreover, the new image of Radegund raised the prestige of the monastery in Poitiers, which was significantly damaged by numerous conflicts.*

Key words: *Holy Queens; Empress Helena; Radegund; Franks; Merovingians; Hagiography; Early Middle Ages.*

Образ Елены как идеальной христианской правительницы получил большое распространение в период поздней Античности и Средневековья. Наиболее ранняя версия легенды, приписываю-

щая императрице паломничество в Иерусалим с целью поиска Святого Креста, по-видимому, сформировалась в середине или конце IV в. [2, p. 9]. Многие христианские авторы, создавая образ святой правительницы, ориентировались на пример Елены. В их числе был Григорий Нисский, сравнивавший с первой христианской императрицей Элию Флациллу, жену Феодосия I [6, p. 216]. Елене уподоблялась и дочь Феодосия II — Пульхерия: отцы Халкидонского собора, желая польстить императорской чете, приветствовали Маркиана как нового Константина, а Пульхерию — как новую Елену [6, p. 216].

Франкская королева Радегунда (ок. 518 — 587), еще при жизни признанная современниками святой, также была уподоблена Елене. Вскоре после смерти Радегунды в 587 году, Венанций Фортунат (ок. 530 - 609), ее близкий друг и духовный наставник, создал первую версию Vita St. Radegundis [9], в которой он изобразил ее как королеву-монахиню и уподобил святому Мартину (316/7–397). Однако в начале VII в. появилась другая версия жития Vita St. Radegundis. Ее автором стала монахиня монастыря Святого Креста — Баудовиния, которая написала текст по поручению аббатисы Дедемии. Поручить Баудовинии написание новой версии Vita St. Radegundis аббатису, вероятно, побудили беспорядки [1], которые начались через два года после смерти Радегунды [4, p. 473-475].

В отличие от первой версии жития, в сочинении Баудовинии аскетизм Радегунды отходит на второй план, тогда как поиски реликвий, в особенности реликвии Святого Креста, становятся делом жизни святой королевы. Так, благочестивая королева начала собирать святые реликвии еще до ухода в монастырь. По ее просьбе пресвитер Магнус привез ей реликвии, среди которых были мощи святого Андрея [1, p. 386]. Добровольно оставив королевский двор и удалившись в монастырь, Радегунда продолжила собирать реликвии. Баудовиния подробно описывает два посольства в Иерусалим и в Константинополь, которые были организованы по повелению королевы. В первом случае она отправила к иерусалимскому патриарху пресвитера Реовала с просьбой выслать ей мощи святого мученика Мамаса. Патриарх удовлетворил ее просьбу и отправил Радегунде мизинец правой руки святого, который был выбран с помощью божественного указания [1, p. 386-387]. Однако, по мнению

Морейры, мощи св. Мамаса никогда не были в Пуатье, а эпизод с первым посольством, организованным Радегундой, был полностью выдуман Баудовинией [8, p. 291-298]. Во втором случае королева, заручившись согласием Сигиберта, отправила посольство к императору Юстину II и его супруге Софии в Константинополь с просьбой прислать ей фрагмент Святого Креста. Ее просьба была удовлетворена, и частица Креста прибыла к ней в реликварии с изображением императора Юстина и Софии [5, p. 270], украшенном золотом и драгоценными камнями [1, p. 388].

По словам Баудовинии, начать поиски Святого Креста королеву побудило именно ее желание подражать действиям первой христианской императрицы: «божественное милосердие явило себя и свою доброту той, в чьем сердце Он пребывал и день и ночь, [и она подумала], что могла бы сделать то же, что совершила благословенная Елена» [1, p. 388]. Далее агиограф проводит еще одну прямую аналогию между Радегундой и Еленой, говоря, что «то, что другая [т.е. св. Елена] совершила на востоке, благословенная Радегунда сделала для Галлии» [1, p. 388].

Несмотря на то, что Радегунде удалось получить столь ценные реликвии, Венанций Фортунат ни разу не упоминает о них в своем житии Радегунды. Его молчание легко объяснимо, так как история со Святым Крестом была связана с большим скандалом, разразившимся в Пуатье. Подробное описание этого эпизода приводит Григорий Турский в «Истории франков». Так, «когда они [часть древа креста господня и мощи святых апостолов и других мучеников] были привезены, королева попросила епископа [Пуатье Меровея], чтобы их поместили в монастыре с должными почестями и под громкое пение псалмов. Но он пренебрег ее просьбой, сел на лошадь и уехал в виллу» [4, p. 464].

В житии, написанном Баудовинией, также встречается упоминание об этом событии [1, p. 388]. Точные причины отказа Меровея принять частицу Святого Креста неизвестны. Вероятно, реликвия такой ценности нарушала баланс духовного авторитета в Пуатье и подрывала авторитет самого епископа [8, p. 299]. Частица Святого Креста была одной из немногих реликвий, связанных с Христом и почитаемых всеми христианами, тогда как мощи святого Илария,

хранителями которых выступал епископ Меровей, и места, связанные с его жизнью, были объектами ограниченного регионального паломничества [7, p. 113]. Кроме того, союз Радегунды с византийским императором мог также негативно отразиться на авторитете и властных полномочиях епископа Пуатье [7, p. 112].

Радегунда, получив отказ, была вынуждена просить у короля Сигиберта о том, чтобы реликвии были помещены другим епископом в монастырь в Пуатье, впоследствии названный монастырем Святого Креста. Это дело было поручено Ефронию, епископу города Тура [4, p. 464]. Сам Григорий, став епископом Тура, подобно Ефронию, продолжил покровительствовать монастырю в Пуатье. Он даже руководил похоронами Радегунды в 587 г., так как Меровей не смог присутствовать на церемонии, якобы будучи задержанным пастырскими обязанностями в близлежащих приходах [3, p. 68].

Таким образом, Баудовинии удалось преобразовать скандал, связанный с получением реликвии Святого Креста, который привел к ссоре с епископом Меровеем, в триумф Радегунды. Житие, написанное Баудовинией, оказалось полностью ориентированным на легенду о первой христианской императрице Елене, так как агиограф сделала обретение реликвии Святого Креста смыслом жизни Радегунды. Монахиня подробно описывает все детали двух посольств, отправленных Радегундой, не оставляя сомнений у читателя в важности приобретенных королевой реликвий. Через собирание реликвий Радегунда вновь обрела ту политическую роль, от которой она отказалась, уйдя в монастырь.

Список литературы

1. Baudovinia. Vita Sanctae Radegundis / Ed. B. Krusch // MGH. SS rer. Merov. T. II. Hanoverae: Impose Bibliopolii Hahniani, 1888. P. 377-395.

2. Borgehammer S. How the Holy Cross was Found: From Event to Medieval Legend // Bibliotheca Theologiae Practicae. Vol. 47. Stockholm: Almqvist & Wiksell Internat, 1991. 336 c.

3. Dailey E. T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden; Boston: Brill, 2015. 202 p.

4. Gregorii Turonensis. Libri historiarum X / Ed. B. Krusch; W. Levison // MGH. SS rer. Merov. T. 1. P. 1. Hanoverae: Impose Bibliopolii Hahniani, 1937. 641 p.

5. Hahn C. Collector and saint: Queen Radegund and devotion to the relic of the True Cross // Word & Image: A Journal of Verbal/Visual Enquiry. 2006. P. 268-274.

6. Holum K.G. Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. 245 p.

7. Jones L. Perceptions of Byzantium: Radegund of Poitiers and Relics of the True Cross // Byzantine Images and their Afterlives: Essays in Honor of Annemarie Weyl Carr. Farnham. Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. P. 105-125.

8. Moreira I. Provisatrix optima: St. Radegund of Poitiers' relic petitions to the East // Journal of Medieval History. №19. 1993. P. 291-298.

9. Venanti Fortunati. Vita Sanctae Radegundis / Ed. B. Krusch // MGH. SS rer. Merov. T. II. Hanoverae: Imposis Bibliopolii Hahnian, 1888. P. 364-377.

Гайворонский Игорь Дмитриевич,
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Король франков Пипин Короткий: образ власти, её репрезентация и становление новой династии в зеркале каролингского историописания VIII века

King of the Franks Pepin the Short: image of the power, its representation and rise of new dynasty in the mirror of the Carolingian historiography in the VIII century

Аннотация. *Статья представляет собой попытку проследить восприятие во франкских нарративных источниках VIII века прихода к власти династии Каролингов, становление образа христианского правления Пипина Короткого. Автор выдвигает проблему конструирования образа власти первых лет правления новой королевской фамилии и различных взглядов на Пипина Короткого как христианского монарха, которые предлагались анналистами, историками и другими идеологами династии второй половины VIII века.*

Ключевые слова: *Пипин Короткий; анналы; Продолжатели Фредегара; королевство франков; Каролинги; Стефан II; образ власти; королевская власть.*

Abstract. *The article is an attempt to trace the perception in Frankish narrative sources of the VIII century of the Carolingian dynasty ascension, the formation of the image of the Christian ruling by Pepin the Short. The author bring up the concern to designing the image of power in a first years of the reign of the new royal family and to various views on Pepin the Short as a Christian monarch, which were proposed by annalists, historians and other ideologists of dynasty in the second half of the VIII century.*

Key words: *Pepin the Short; annals; Continuators of Fredegar; Frankish kingdom; Carolingians; Stephan II; image of the power; royalty.*

Правление первого представителя династии Каролингов, Пипина III Короткого (751-768 гг.), майордома, ставшего королем, традиционно находилось в тени величия его сына Карла Великого. Однако уже историография XIX – первой половины XX века пыталась усмотреть в политических мероприятиях фундамент будущей Каролингской Империи. Ф. Гизо, Н.Д. Фюстель де Куланж, Д.М. Петрушевский, Г. фон Белов, Х. Миттайс [2, 12, 6, 14, 24] видели в правлении Пипина закладывание некоторых основ будущей деятельности его

отпрыска: союз с папством, церковную реформу и определение направлений франкской экспансии. Представители позитивистского, академического, правового и институционального подходов, таким образом, рисовали преемственность между политическим курсом Пипина Короткого и Карла Великого. Однако, если говорить о конструировании идеологии власти, формировании образа христианского правления, репрезентации власти и, тем более, политического символизма эпохи Пипина Короткого, то серьёзных попыток исследования этих аспектов правления первого Каролинга не предпринималось вплоть до последних двух десятилетий [17, 27, 19].

В данной статье ставится цель исследовать конструирование идей власти, легитимности династии, а также образ монарха, которые были предложены авторами нарративных источников второй половины VIII века, описывавших правление Пипина Короткого. В ходе исследования автор стремится ответить на два вопроса: а) насколько по сообщениям анналов и других источников можно судить о восприятии образа Пипина и его политики современниками; б) были ли представления о христианском правлении Пипина однородными или разбивались на несколько течений? В качестве основных источников автор статьи использует Хронику Продолжателей Фредегара, Анналы королевства франков, «Clausula de unctione Pippini» 767 г., а также «Деяния мецких епископов» Павла Диакона и «Liber Pontificalis» [18, 13, 16, 25, 22].

Воспринимавшееся в качестве «предыстории» правления Карла Великого, царствование Пипина Короткого стало приобретать самостоятельное значение лишь во второй половине XX века. Уже в 1950-е гг. американский историк Дж. Уоллес-Хедрилл отметил рецепцию библейских идей в переписке папы Захария I и майордома Пипина в 750 году, в которой понтифик сравнил главу дома Арнульфингов с пророком Моисеем [11, с. 127]. Исследователь также подчеркнул роль папского престола, закрепившего право Пипинидов наследовать трон Франкского королевства [11, с. 129]. Также исследователь предположил, что во время встречи 754 года папа Стефан II (III) мог предъявить Пипину «Константинов дар», таким образом внедряя в идею королевской власти франкского короля римско-куриальный элемент и определённую зависимость от власти папы [11, с. 128].

Французский специалист Р. Мюссо-Гулар также коснулся вопросов политического символизма в начале царствования Пипина: ключевым моментом в идеологии королевской власти начала 750-х годов было помазание священным елеем в 751 году, которое было подтверждено и повторено папой Стефаном II над Пипином и его двумя сыновьями [5, с. 18]. Дарование же титула римского патриция Р. Мюссо-Гулар рассматривал как укрепление власти Пипина в глазах папства и усиление влияния последнего – не без помощи того же самого «Константинова дара» [5, с. 18].

Особую роль династической стратегии дома Пипинидов, способствовавшей укреплению их авторитета среди знатных домов, а затем и обретению власти в 751 году, уделили внимание Х. Боннел, Р. Гербердинг и Д.Н. Старостин [15, 20, 10]. Ещё классический историк XIX века Х. Боннел отметил, что начиная с майордома Пипина I Ладенского и заканчивая Пипином III представители этой династии увеличили своё влияние благодаря союзу с австразийской знатью [15, s. 125]. Р. Гербердинг особую роль отводит союзу Пипинидов с монастырями, расположенными в области австразийско-нейстрискоro пограничья, чья лояльность способствовала укреплению сакральности рода Пипина [20, p. 96-104]. В то же время, Д.Н. Старостин подчёркивает, что особую сакральную роль передавал Пипинидам Мец – священная вотчина епископа Арнульфа, прародителя Каролингов [10, с. 320-321]. Одновременно, исследователь отмечает, что концепция «ленивых королей», описывавшая Меровингов начала-середины VIII столетия, была создана уже более поздними, каролингскими источниками и имела мало отношения к исторической действительности. Реальная же ситуация заключалась в том, что Пипиниды действовали в условиях жёсткой конкуренции с правящей фамилией [10, с. 316].

Изучению династической политики Пипина Короткого в переплетении с вопросами становления идей королевской власти посвятил несколько глав своей работы С. Лебек [4, с. 233-252]. Французский исследователь отметил гибкость последнего майордома-Каролинга в отношениях со сводным братом Грифоном, претендовавшим на ряд южных территорий Франкии: Пипин отдал Грифону графство Мэн, надеясь тем самым остудить его амбиции [4, с. 238]. Позднее, после смерти Грифона, аквитанскую оппозицию возглавит его прежний союзник

герцог Вайофар, и здесь Пипин вынужден будет применить силовой вариант политики: в результате ряда походов 752-768 годов король франков подчинит Аквитанию и Септиманию [4, с. 245-246]. Решив, как он считал, проблемы на Юго-Западе, Пипин поставит целью перетянуть на свою сторону нейстрийскую знать, используя в отношениях с ней авторитет Апостолького престола [4, с. 243-244]. С. Лебек, вслед за академической наукой XIX-XX вв. выстроит классическую хронологию событий: за письмом к папе Захарию I о правомерности нахождения безвластного меровингского короля на троне последует нужный ответ понтифика, после чего состоится переворот 751 года и повторное освящение власти Стефаном II в 754 году вместе с сыновьями Карлом и Карломаном, в результате чего начинаются лангобардские войны и получает оформление «Дар Пипина» [4, с. 241-242]. Однако при этом С. Лебек отметил, что в обретении Пипином королевского титула решающее значение имела поддержка франкских, а не римских кругов: избрание сына Карла Мартелла королём в 751 г. состоялось на ассамблее франкской знати [4, с. 241-242]. Лишь затем, отмечает автор, во Франкское королевство прибывает новый папа Стфан II и совершает второй ритуал елеопомазания над Пипином и его сыновьями. С. Лебек, таким образом, разрушает традиционную точку зрения историографии о коронации Пипина как результата сакральной санкции, принадлежащей исключительно Святому престолу [4, с. 242-243]. Вместе с тем, историком была поднята проблема укрепления Пипином своей сакральности и христианского статуса его королевства: вместе с епископом Меца Хродегангом, Пипин Короткий продолжает церковные реформы во франкских землях: вводит римскую литургию, десятину в пользу церкви, строит новые храмы, подтверждает высокий статус епископов и архиепископов, т.е. продолжает дело христианизации, начатое св. Бонифацием, но делает это уже в фарватере, полностью подконтрольным Риму [4, с. 247-249]. Однако решающее значение в утверждении Пипина и его отпрысков на престоле получает вновь не санкция Святого престола, а документ, созданный в самом сердце Франкии, в одном из значимых духовных центров Нейстрии: в 767 году в Сен-Дени создаётся документ «Clausula de unctione Pippini», в котором говорится об избрании Пипина королём не только с санкции папы, но и с одобрения собрания знати и после

подтверждения этого акта галльскими епископами [4, с. 240-241]. Таким образом, С. Лебек поднимает важнейшую проблему неоднородности представлений о власти Пипина Короткого и его легитимации во франкских источниках: если анналистика уделяет достаточно внимания и папской санкции, и желанию самого Пипина и его верных, то «Clausula de Pippino» серьёзную роль отводит франкскому клиру.

На самом современном этапе изучения проблемы свои ответы на вопрос о путях легитимации и сакрализации власти Пипина Короткого и его рода предложили Й. Фрид и А.И. Сидоров [19, 8]. Немецкий специалист отметил влияние войн против герцога Аквитании Вайофара, чью нечестивость отмечает анналистика, на будущую легитимацию королевского титула Пипина [19, p. 19]. Кроме того, по мнению Й. Фрида, важным моментом в скреплении сакрального союза Пипина и Стефана II играло присутствие на встрече 754 года юного Карла Великого [19, p. 20]. Победы Карла Мартелла над сарацинами, справедливое противоборство его сына с Вайофаром и, наконец, освящение власти папой, придало правлению Пипина сакральный характер – божественная благодать отныне будет сиять над первым королем из рода Арнульфингов и его юным отпрыском Карлом [19, p. 23]. В то же время, упомянутую «Clausula de Pippino» Й. Фрид рассматривает как документ, придававший решающее значение папскому благословению, наложенному на Пипина, его супругу Бертраду и их потомство [19, p. 47].

А.И. Сидоров видит в помазании 752 и 754 годов совершенно определённую сакральную логику. Первый обряд помазания совершает святой Бонифаций незадолго до своей мученической смерти, затем его повторяет Стефан II в Сен-Дени, после чего, согласно «Clausula», вводит запрет на наследование трона представителями других родов [8, с. 105-106]. В этом «двойном помазании» отечественный исследователь усматривает отсылку к царю Давиду, который также был помазан дважды [8, с. 106]. Таким образом, Пипин становится преемником Давида, а Франкское королевство превращается в Новый Израиль, землю избранных, сакральное пространство, «ковчег истинного спасения» [8, с. 106].

Обобщив основной историографический опыт, попытаемся теперь ответить на два основных вопроса нашего исследования: можно ли на материале нарративных источников и описанных в них ритуалов реконструировать образ и идеологию власти Пипи-

на и насколько однородными, концептуально целостными являются эти представления во второй половине VIII? Являются ли они хоть сколько-нибудь зрелыми и объясняют ли дальнейший путь политической мысли Каролингской эпохи?

Хроника «продолжателей» Фредегара, охватившая крупный временной отрезок с 657 по 768 гг., достаточно подробно осветила правление Пипина Короткого. Говоря о восхождении на трон Пипина III, хроника «продолжателей» Фредегара воспроизводит расхожую в источниках того периода формулировку, согласно которой будущий король «с согласия и по совету всех франков… покорился предложению Апостольского престола», а затем, уже став королём, «принял присягу от всех лучших людей» [18, s. 182; 7, IV. 33]. После этого Пипин вместе с сыном Карлом встречается с папой, затем провожает его на зиму в Сен-Дени [18, с. 183]. Победив угрожавшего папскому Риму короля лангобардов Айстульфа, Пипин, согласно хронике, «восстановил папу на его Апостолическом престоле, со всей его прежней властью» [18, s. 186; 7, IV. 39].

В лице Пипина Короткого мы обнаруживаем образцового христианского короля – защитника церкви – эта миссия была сформулирована ещё в трудах Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Орозия и затем была продолжена Григорием Турским, создавшим образ короля Хлодвига как «нового Константина». «Продолжатели Фредегара» показывают нам «разного» Пипина, способного как на бранные подвиги во имя Христовой веры, так и заботящегося о церкви во время мира. Власть Пипина, кроме того, уже начинает выходить за пределы собственно франкских земель: «продолжатель» без обиняков даёт понять, что новый король лангобардов – Дезидерий – является ставленником Пипина [18, s. 186]. Как и в случае с образами Константина в «Vita Constantini» Евсевия Кесарийского и Хлодвигом в «Истории» Григория Турского, по другую от Пипина сторону баррикад действуют ярко выраженные антигерои: Айстульф и уже известный нам герцог Аквитании Вайофар, отличающийся особой нечестивостью [18, s. 197; 7, IV. 52].

Другой источник, Анналы королевства франков, описывая царствование Пипина, сосредотачивают своё внимание на военных походах первого короля-Каролинга и его взаимодействии с церковью. Однако анналист заставляет нас думать, что военные сюжеты интере-

совали его гораздо больше. По меткому выражению анналиста, душа короля Пипина разрывается «в разные стороны из-за двух войн» (10. S. 23; 22. I. 764) - аквитанской и баварской. На самом же деле, «театров военных действий» у Пипина III было не меньше, чем позднее у Карла Великого. Восемь лет (с 760 по 767 гг.) Пипин посвятил войнам в Аквитании, с приснопамятным герцогом Вайфаром (10. S.18-26), в пяти записях – за 741, 747, 748, 753 и 758 годы – упоминаются походы против саксов [13, s. 3, 8-9, 10, 16], дважды описываются крупные экспедиции против лангобардов (755-756 гг.), и столько же раз имели место войны с Баварией (743, 748 гг.) [13, s. 14-15, 5, 6-7], в то время как «безоговорочным» годом без походов указан лишь 759 [13, s. 16-17]. Таким образом, в совокупности Пипин провоевал 17 из 27 лет своего правления в качестве майордома и, затем, короля, что вполне сопоставимо с динамикой царствования его сына Карла Великого, известного кипучей военной деятельностью. Более того: данный «послужной список» Пипина почти в деталях предвосхищает судьбу его сына-воителя: к четырём «сложившимся» в эпоху Пипина направлениям «внешней политики» царствование Карла добавило лишь войны в Испании, аварскую проблему, столкновения с норманнами и византийские перипетии, которые вообще сложно назвать войнами в средневековом их понимании. Таким образом, по мнению автора части Анналов за 741-795 годы, основные направления экспансии Франкского королевства в последней трети VIII – начале IX века будто бы складываются, как под копирку, уже в правление первого Каролинга. А поскольку повествующая о Пипине часть Анналов написана как раз в разгар войн Карла Великого [26, p. 5], всё это наводит на мысль, что образ Пипина-воителя был актуален для анналиста конца VIII века, который видел перед собой пример его великого сына. Под влиянием экспансии Франкского королевства во главе с Карлом Великим, автор Анналов королевства франков мог «подогнать» образ Пипина под его более выдающегося преемника. Косвенным подтверждением этого является то, что те же «Продолжатели Фредегара» не упоминают такого количества военных походов, как это делают Анналы (хотя и написаны, скорее всего, в одно время с ними) [23, p. 100].

В то же время, автор Анналов королевства франков последовательно выстраивал образ короля Пипина как защитника церкви и христиан-

ского монарха. Согласно Анналам, ещё в 749 (или 750 году) пока что ещё майордомом Франкского королевства Пипином к папе римскому Захарию были посланы епископ Вюрбурга Бурхард и капеллан Фулрад «чтобы просить совета понтифика по делу королей, которые в то время были во Франкии, которые носили лишь королевское имя, но [не имели] никакой королевской власти» [13, s. 8; 1, I. 749 (750)]. Разумеется, римский первосвященник ответил им, что королевское достоинство должно принадлежать подлинному носителю высшей власти, после чего «своим авторитетом приказал поставить королём Пипина» [13, s. 8; 1, I. 749 (750)]. Данный фрагмент анналов – самое прямолинейное сообщение франкских источников о санкции папы на смещение Хильдерика III с престола и ритуал священного елеопомазания, который провёл «святой памяти архиепископ и мученик Бонифаций» [13, s. 9-10; 1, I. 750 (751)].

Затем, в 753 году новый папа Стефан II и Пипин встретились в Кьерси, где понтифик убеждал короля защитить Римскую церковь [13, s. 11]. В следующем году Пипин дал необходимое папе «клятвенное обещание о защите Римской церкви», вслед за чем состоялось второе помазание Пипина уже новым понтификом, к которому добавилось помазание на царство двух королевских сыновей - Карла и Карломана [13, s. 11]. По мысли анналиста, не менее последователен Пипин и в защите церквей божиих в Аквитании, где он успешно противостоял притеснениям герцога Вайофара, но в конце концов примирился с ним на королевских условиях, воплотив ещё одну функцию христианского монарха – функцию миротворца [13, s. 18]. Противостояние с нечестивым аквитанским магнатом было столь важным для исторической памяти Франского королевства, что автор написанных в 772 году «Деяний мецких епископов» Павел Диакон сделал аквитанскую войну единственным упоминанием конкретной деятельности Пипина, подтверждающим храбрость этого потомка святого Арнульфа, помимо наличествовавшей у него мудрости [25, s. 265].

Однако если образ Пипина как христианского монарха вписан в анналистику «задним числом», то каковы были мотивы его создания, кроме того, что Пипину удалось завоевать королевский титул и встать во главе системы многочисленных личных связей между различными социальными силами Франкского мира? Действительно ли все источники стремились к созданию единого образа короля Пипина?

В «создании» Пипина как персонифицированного фундамента обновлённого Франкского королевства принимали участие персоны различной степени влиятельности: папы Захарий I, Стефан II, «продолжатели» Фредегара, неизвестный автор первой части Annales regni Francorum, советники Пипина Фулрад и Хродеганг. Позиция папской канцелярии будет выражена в обширном собрании жизнеописаний римских понтификов – Liber Pontificalis [22]. Жизнеописание Стефана II (752-757 гг.) подчеркнёт, что только после помазания Пипина в 754 году он «отныне поистине наречён королём» (vero iamfatus rex) [22, p. 448], т.е. подчёркивается примат папской санкции на обретение Пипином королевского титула. Казалось бы, этой версии вторят обе крупные хроники VIII в.: «Продолжатели Фредегара» и Анналы королевства франков: оба источника, никак не связанные с римской курией, настаивают на санкции папы как решающем моменте в изменении статуса Пипина и его сыновей [13, 18]. Тем не менее, и «продолжатели», и автор Больших Анналов упоминают, что после одобрения Захария в 751 году, Пипин был возведён на престол «всеми франками» или «по обычаю франков» [13, s. 11; 18, s. 182]. Последний акт, подтверждавший сакральный статус Пипина как короля франков, имел место в 754 году, когда елеопомазание осуществлял непосредственно папа Стефан II. Повествует об этом единственный документ, посвящённый непосредственно этому ритуалу, и единственный, написанный при жизни Пипина – «Clausula de unctione Pippini» 767 г.

Помимо упомянутых взглядов С. Лебека, Й. Фрида и А.И. Сидорова на роль «Clausula», стоит привести позицию французского исследователя А. Стокле, который показал, что основные идеи этого документа сложились под влиянием Апостольского престола – конкретнее, под влиянием «Деяний Стефана» из Liber Pontificalis и даже с элементами готского и византийского влияния на описания самого ритуала помазания [27, p. 750]. Огромную роль папской легитимации власти Пипина отводит и его коллега Ф. Клоз [17, p. 851-852]. Однако его позиция более интересна с точки зрения анализа действий других участников процесса «превращения» Пипина в короля. Французский историк подчёркивает, что обе церемонии 751 и 754 году вместе с санкциями Захария и Стефана имели смысл только когда были живы два других претендента на франкский трон – братья Пипина

Грифон и Карломан. С их смертью в 747 и 753 гг. соответственно, папское вмешательство, необходимое для реализации Пипином конкретных политических целей, более не требовалось [17, p. 851-852].

В тексте «Clausula» чётко прослеживается последовательность этапов легитимации: Пипин был коронован и благословлён 1) Апостольским престолом; 2) властью Захария; 3) «руками» (per manus) галльских священнослужителей (sacerdotum Galliorum) и «выбором всех франков» (electionem omnium Francorum) [16, s. 1]. Затем следует торжественное объявление того, что никто, кроме сыновей Пипина от королевы Бертрады, не имеет права наследовать престол Франкского королевства под угрозой папского отлучения [16, s. 1].

Примат папской санкции на помазание Пипина как будто бы очевиден: в «Clausula» Апостольский престол упоминается дважды: как сам по себе, так и в лице занимающего его Захария, и не случайно Апостольская власть и её обладатель упомянуты перед галльскими епископами и «всеми франками». Однако само происхождение «Clausula de unctione Pippini» в одном из значимых религиозных центров Франкии – Сен-Дени, наличие в документе санкции франкского (галльского) епископата и франкской аристократии наводит на мысль, что «Clausula» явилась не триумфом папской санкции на возведение Пипина на престол, а компромиссом между Пипином Коротким и теми, кто способствовал перевороту 751 года: папой, франкскими магнатами и клиром. Возведение Каролингов на трон, таким образом, становилось общим делом, а не результатом сговора майордома с двумя понтификами.

Подводя итоги исследования, очертим основные аспекты образа власти короля франков Пипина, который потребовался новоиспечённому правящему дому во второй половине VIII века.

Даже несмотря на позднее оформление текстов всех основных источников по эпохе Пипина Короткого, мы можем утверждать, что конструирование образа этого монарха, идеологии его власти имело совершенно конкретную цель: создать портрет идеального правителя, который будет положен у фундамента христианской империи, созданной уже его сыном Карлом Великим[1]. Требовалось создание чёткой, непротиворечивой преемственности между двумя

[1]Об идеях власти его правления и в последующий период см. [21, 9].

первыми Каролингами, где один следовал политике другого. Образ отца, стоящего у истоков нынешнего величия, прекрасно удался каролингскими историкам: Пипин Короткий оказался идеальным христианским королём, положившим начало великим деяниям его сына. Кроме того, король Пипин получил продуманную и яркую репрезентацию своей власти: был коронован и дважды помазан по обычаю библейских царей, что придавало его правлению большую сакральность, чем имели до этого Меровинги.

Однако образ Пипина не был «фальшивкой», искусственно состряпанной каролингскими идеологами правления его сына. Об этом говорит его неоднородность. Каждый из источников (созданных, при этом, независимо друг от друга и в разное время) транслировал различные варианты образа власти и легитимации новой династии, хотя все они базировались на принципах позднеантичной «политической теологии» (о термине см. [3]). Если «Liber Pontificalis» транслировали папский взгляд на Пипина как «защитника церкви» (defensor ecclesiae), то франкская анналистика предложила более компромиссный вариант, где королевский титул «оформляли» одновременно папа, франкская аристократия и духовенство. «Clausula de unctione Pippini» показала: в конце правления Пипину Короткому было необходимо полное согласие всех основных фигур на «шахматной доске» с его новым, королевским статусом.

Причины этого стремления Пипина противоречивы. В условиях сопротивления аквитанской, нейстриской аристократии усилению Пипинидов, потенциальные угрозы в лице Грифона и Карломана, лангобардского фактора и регулярных просьб со стороны папы о поддержке, Пипину важно было найти любые способы своей собственной легитимации. В конце концов, ему удалось успешно использовать их всех – от военных до идеологических. Однако здесь есть и другая сторона вопроса: с первых лет королевского правления Пипина папский престол, франкский клир, и знать, и авторы текстов начали своеобразную «борьбу за легитимацию» Пипина. Каждая из сил стремилась занять место подле нового властителя Франкского королевства. Отсюда и разногласия источников в деталях, но согласие в главном – Пипин был образцовым христианским монархом. Миссию легитимации и сакрализации Пипина и его династии

завершили каролингские авторы конца VIII века. Пипин Короткий станет достойной предтечей Карла Великого – начнётся новый период конструирования идей власти и её сакральности, повлиявший на всю политическую теологию раннего Средневековья.

Список литературы

1. Анналы королевства франков 741-829 гг. (741-801 гг. – в редакции псевдо-Эйнхарда) / Пер. А. Волынца // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info (дата обращения - 29.10.2019).

2. Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2-3. М.: Издательский дом Рубежи XXI, 2006.

3. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 752 с.

4. Лебек С. Происхождение франков. V-IX века / Пер. с фр. В. Павлова. М: Скарабей, 1993. 352 с.

5. Мюссо-Гулар Р. Карл Великий / Пер. с фр. Е.В. Морозовой. М.: Весь мир, 2003. 176 с.

6. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2003. 448 с.

7. Продолжатели Фредегара / Пер. с англ. Д.Н. Ракова // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/ContFredegar/frametext.htm (дата обращения: 29.10.2019)

8. Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII-X века. СПб.: Наука, 2018. 223 с.

9. Сидоров А.И. Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе (вторая половина VIII – начало X в.): автореф. дисс. … д-ра ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2011. 46 с.

10. Старостин Д.Н. От Поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и е образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V-VIII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 488 с.

11. Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000 / Пер. с англ А.П. Санина. СПб.: Евразия, 2002. 224 с.

12. Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6. Пг.: тип. М. Стасюлевича, 1916. 852 с.

13. Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1895. S. 1-178.

14. Below G. Der deutsche Staat des Mittelalters. Bd. 1. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914. 387 S.

15. Bonnell H. Die Anfange des Karolingischen Hauses. Berlin: Dunker & Humblot, 1866. 223 S.

16. Clausula de unctione Pippini regis nota monachi sancti Dionysii // MGH. Scriptores rerum Merowingicarum. T. XV. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1887. S. 1.

17. Close F. Le sacre de Pepin de 751? Coulisses d'un coup d'Etat // Revue belge de philology et d'hisoire. T.85, fasc. 3-4. 2007. P. 835-852.

18. Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. 168-193.

19. Fried J. Charlemagne / Tr. By P. Lewis. Cambridge MA; London: 2016. 674 p.

20. Gerberding R. Rise of the Carolingian and the Liver historiae Francorum. Oxford: Clarendon Press, 1992. 209 p.

21. Haripzanov I.H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden; Boston: Brill, 2008. 394 p.

22. Le Liber Pontificalis / Texte, intr et comm. Par L. Duchesne. T.1. P.: Ernest Thorin, 1886. 540 p.

23. McKitterick R. History and memory in the Carolingian World. New-York: Cambridge University Press, 2004. 328 p.

24. Mitteis H. Die Rechtsidee in der Geschichte. Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1957. 752 S.

25. Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1829. S. 260-270.

26. Scholz B. Carolingian chronicles: Royal Frankish annals and Nithard's Histories. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. 248 p.

27. Stoclet A. La Clausula de unctione Pippini regis, vingt ans apres // Revue belge de philology et d'hisoire. T.78, fasc. 3-4. 2000. P. 719-771.

Шимгаева Людмила Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Старостин Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Взаимоотношения между франками и бретонцами во время правления Людовика Благочестивого

The relationships between the Franks and the Bretons during the reign of Louis the Pious

Аннотация. *Подчинение бретонского региона было одной из задач Каролингов. Однако если при Карле Великом эти попытки были достаточно редки, так как его внимание было прежде всего сосредоточено на других регионах, то во время правления его преемника, Людовика Благочестивого, покорение Бретани стало основным направлением его внешнеполитических действий. В данной статье будут рассмотрены его способы взаимодействия с бретонцами, попытки установить над данным регионом каролингскую власть, которые во многом претерпели изменения за время его правления.*

Ключевые слова: *Каролингская империя; франки; Людовик Благочестивый; бретонцы; Номиноэ.*

Abstract. *The subjection of the Breton region was one of political problems of Carolingians, who came to the reign in the middle of the 8th century. However during the reign of Charlemagne these attempts of submission was quiet rare, due to the fact that his attention was concentrated on other regions, during the reign of his successor Louis the Pious the subjection of the Brittany became the main problem of his foreign policy. This article shows how Louis the Pious tried to subject the Breton regions to the Carolingian rule, his methods of interactions and changing of these methods during his reign.*

Key words: *the Franks; the Bretons; Louis the Pious; Nominoe.*

Распространение королевской власти над бретонцами, которые граничили с франками, было одной из задач для представителей Каролингской династии. В течение VIII-IX веков был совершен ряд походов в данный регион, однако очень долгое время Бретань оставалась независимой от франкского господства. Ко времени

восшествия на престол единственного наследника Карла Великого, Людовика Благочестивого, большая часть полуострова Арморика все еще находилась вне влияния каролингской династии, несмотря на то, что многие каролингские источники сообщают об обратном. Если при Карле Великом было совершено лишь несколько походов на Бретань, так как подчинение данного региона не было основополагающей проблемой для императора, то при Людовике Благочестивом частота походов становится больше, Бретань становится важным объектом во внешней политике императора.

Она проводилась прежде всего в духе укрепления и объединения большой империи, который стал основным «лозунгом» правления Людовика. Однако несмотря на то, что в большинстве своем политика императора Людовика подразумевала прежде всего действия через проведение мирных переговоров, взаимоотношения с Бретанью выбивались из общего вектора его политики, так как здесь она прежде всего опиралась на военные походы [5, p. 18]. Только в Бретани Людовик сменил свою оборонительную внешнюю политику на агрессивную и наступательную. При этом, в отличие от своего отца, при котором походы осуществлялись прежде всего под руководством графов Бретонской марки, император Людовик сам возглавлял походы в Бретань.

Первое взаимодействие Людовика Благочестивого с бретонцами произошло в 818 году, когда им был совершен поход в Бретань. Для подготовки к походу весной 818 года императором было созвано собрание в Ванне, который в этот период продолжал оставаться самом западным городом, находившемся под властью Каролингской династии [5, p. 20]. Оттуда был совершен поход, и, как сообщают источники, без особых трудностей вся Бретань была покорена и опустошена. Сообщается и имя бретонского предводителя, Морвана, который был убит в результате заговора [1]. Однако, как и в случае с более ранними походами при Карле Великом, в этом случае также вряд ли в действительности можно полагать, что поход был и правда настолько успешен, насколько об этом говорят франкские источники, и даже можно предположить, что данный поход Людовика закончился для франков неудачей, либо же успех носил кратковременный характер. Главной причиной вывода о таком исходе похода является

то, что франкские источники, хотя и рисуют в целом благоприятную картину в Бретани после похода Людовика 818 года, при этом не сообщают ни об установление дани в данном регионе, ни о назначении наместника, что также свидетельствует о том, что поход не позволил достичь поставленной цели.

Кроме того, о неудачном походе свидетельствует также то, что уже в 822 году, всего четыре года спустя, в Бретани вновь вспыхнуло восстание, которое возглавил Виомарк и которое было подавлено графами Бретонской марки. Также, как и о походе 818 года, источники сообщают, что Бретань была «разорена огнем и мечом» [1]. Такое описание вновь не дает возможности с уверенностью говорить об итоге кампании, которая вероятнее всего, как и в предыдущем случае никаких значимых результатов не принесла.

Однако в 822 году полностью подавить вспыхнувшее восстание не удалось, и следующие действия франков в Бретани развернулись уже в 824 году вновь против Виомарка, поднявшего новое восстание. Первоначально кампания планировалась на начало года, однако действия были отложены из-за начавшегося голода. Кампания началась лишь в сентябре с собрания в Ренне, что подтверждает, что эпицентром восстания была северо-восточная Бретань, и длилась более 40 дней, что было дольше других походов Людовика [1]. Армия императора была разделена на три части, которыми также командовали его сыновья, Пипин и Людовик [1]. Вновь источники рисуют картину полного опустошения и разорения Бретани [1]. Однако исследователями подвергается сомнениям такой результат похода, и существует предположение, что особых результатов данный поход франкам не дал [5, p. 25; 6, p. 66]. Об этом же свидетельствуют события следующего года, когда Виомарк появился на собрании в Ахене, где «принес присягу верности императору». Виомарк признал Людовика как императора, Людовик же одарил его в ответ подарками [1]. Однако эти клятвы вскоре были преданы Виомарком, в этом же году, как свидетельствует источники, он вновь занялся грабежами, однако в том же году был убит графом Ламбертом Нантским [1].

Однако и после этих событий нельзя говорить об установлении господства франков в Бретани. В 830 году была проведена новая кампания Людовика Благочестивого в данный регион. Этот поход

стал последним походом в Бретань при Людовике Благочестивом. Идея похода сначала обсуждалась на собрании в Аахене в начале 830 года, затем анналы упоминают о планировавшемся собрании в Ренне непосредственно перед кампанией [7, p. 21]. Этот поход был вызван прежде всего стремлением Людовика Благочестивого исправить военные поражения, с которыми столкнулись франки во второй половине 820-х годов (например, поражения в Испании, Паннонии), которые вызывали недовольство среди франкской аристократии [5, p. 27]. Также целью похода можно назвать стремление Людовика и Бернарда Септиманского провести прежде всего демонстрацию военных сил вблизи владений Ламберта Нантского и Видо, графа Ванн, которые после неудачной кампании 828 года в Испанию, попали в немилость императора. Однако еще во время подготовки к самому походу, по пути императора в Ренн, где должно было проходить собрание, франкская знать, возглавляемая Ламбертом и Манфредом, к которой также присоединились и сыновья Людовика, восстала против императора.

К концу лета 830 года восстание знати было подавлено, однако ослабленный внутренними междоусобицами в это время Людовик Благочестивый, понимая, что ведение военных кампаний против бретонцев не позволяет ему установить власть над этим регионом, меняет свою политику. В результате, в 831 году на съезде в Ингельхейме Людовик Благочестивый делегировал одному из бретонских графов, по имени Номиноэ, полномочия управления Бретанью с титулом Missus Imperatoris в Бретани [3, p. 38]. Институт императорских посланцев, как наместника Каролингов в пограничных регионах, известен еще во время правления Карла Великого. Однако в то время, как в другие регионы отправлялись посланцы прежде всего франкского происхождения, нужно отметить, что Номиноэ являлся представителем бретонской знати, что также позволяет нам говорить о том, что влияние Каролингов в данном регионе было очень слабым.

Очень мало сведений дошло до нас о происхождении Номиноэ, однако можно предположить, что он был графом Ванн, а также, что в результате одного из предыдущих договоров Карла Великого или Людовика Благочестивого с бретонцами он мог бы быть одним

из пленников, захваченных императором [6, p. 82]. Однако существует и другая точка зрения на происхождение Номиноэ. Её выдвигает исследователь М. Гильотель, который считал, что Номиноэ, так как в течение своей жизни он не делал многочисленных пожертвований Редону, как было бы ему свойственно, если бы он являлся графом Ванн, мог бы быть уроженцем графства Поэр [4].

Из-за недостатка сведений трудно точно сказать, какую именно власть имел Номиноэ над Бретанью. Однако можно предположить, несмотря на то, что иногда встречается упоминание о Номиноэ, как о вожде Бретани, что Номиноэ не имел власти над всем регионом Бретани, которая в то время представляла собой множество разрозненных местных сообществ, не всеми из которых была принята власть Номиноэ. Скорее всего его власть ограничивалась графством Ванн, где он обычно и проживал [4].

Положение Номиноэ было отличным от ситуации в других пограничных зонах Каролингской империи, где графы-наместники были назначаемы императором из франков. Номиноэ же стал управляющим данным регионом, будучи бретонцем по происхождению, однако при этом важно осознавать, что его положение в сравнении с другими маркграфами Каролингской империи было не одинаковым, что было связано прежде всего с его происхождением [4].

По итогу съезда в Ингельхейме Номиноэ, имевший власть над бретонцами, стал союзником императора в данном регионе. И в целом достаточно спокойная обстановка в данном регионе сохранялась вплоть до смерти Людовика Благочестивого в 840 году. Несмотря на то, что анналы упоминают о восстании бретонцев в 837 году, вероятнее всего, оно было незначительным и было быстро подавлено императором [7, p. 37].

Однако так как этот союз был непрочным и прежде всего основывался на личной верности Номиноэ императору Людовику Благочестивому, то после смерти последнего, клятвы были нарушены. Выступая как союзник императора Людовика, Номиноэ при этом не считал себя обязанным его сыновьям. Поэтому таким образом, когда в Западно-франкском королевстве к власти пришел Карл Лысый, ему вновь пришлось заниматься возрождением связей с бретонцами сначала и бороться за их лояльность. Поэтому мы не можем

считать, что Людовик Благочестивый в результате своей политике по отношению к Бретани подчинил данный регион власти каролингской империи.

Список литературы

1. Анналы королевства франков. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext2.htm (Дата обращения: 04.06.2019)

2. Аноним. Жизнь императора Людовика / пер. Тарасова А.В. // Историки эпохи Каролингов, М., 2000. 37 – 94 с.

3. Cassard J-Ch. La basse Vilaine, une marche de guerre au haut Moyen Âge. // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. T. 10. № 1. 2003. 29 – 47 p.

4. Cassard J-Ch. Les Bretons de Nominoe. URL: https://books.openedition.org/pur/21448#ftn1 (дата обращения 05.06.2019)

5. Demeulenaere A. Against the currents of his day Brittany, Louis the Pious, and elite insurrection. // Brown Journal of History. 2015. Vol. 9. 19 – 29 p.

6. Smith J.M.H. Empire and province. Brittany and Carolingians. Cambridge University Press. 1992. 239 p.

7. The annals of St-Bertin / translated by Janet Nelson // Ninth century histories. Vol. I. Manchester, 1991. 248 c.

Никитин Антон Андреевич,

Казанский федеральный университет

Научный руководитель:

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент

Функциональные обязанности магистра оффиций на основе источника Петра Патрикия

Functional duties of a magister officiorum on the basis of Peter Patrician's source

Аннотация. *В данной статье рассматриваются обязанности магистра оффиций на основе источника Петра Патрикия (87-90 главы). Актуальность данного исследования состоит в использовании переведенного автором статьи на русский язык трактата Константина Багрянородного «De cerimoniis aulae Byzantinae», дающего наиболее полные представления о магистре оффиций, его статусе и обязанностях. Анализ первоисточника демонстрирует многообразие функций магистра оффиций.*

Ключевые слова: *магистр оффиций; Петр Патрикий; «De cerimoniis».*

Abstract. *This article discusses duties of a magister officiorum on the basis of the source of Peter Patrician (87-90 chapters). The relevance of this study is to use translated into Russian a treatise of Konstantinos Porphyrogennetos by author of this article, which gives the most complete understanding of the magister officiorum, his status and duties. The analysis of the source demonstrates the multidimensional functions of a magister officiorum.*

Key words: *magister officiorum; Peter Patrician; «De cerimoniis».*

Магистр оффиций – глава центральной гражданской администрации в поздней Римской империи. Должность была учреждена Константином I (впервые упоминается в 320 году). Изначально в ведение магистра оффиций входили 3 скринии (scrinia), подразделения дворцовой стражи (Scholae Palatinae) и тайная полиция (agentes in rebus) [6, p. 1267]. Усиление роли полиции и императорской стражи позволило магистру стать центральной фигурой при дворе, членом Консистории, взять контроль над транспортной системой империи (cursus publicus) и оружейными мастерскими [6, p. 1267].. Авторитет

магистра оффиций значительно возрос после того, как он стал инспектором лимесов на Востоке [2, p. 488].

В дальнейшем круг полномочий магистра еще больше расширился. Магистр принял обязанности координации иностранных посольств (уже в конце IV века имел в своем подчинении переводчиков) [5, p. 26]. Магистр оффиций стал вести переписку с иностранными державами и принимать послов [1, p. 51]. Магистр оффиций согласовывал все императорские аудиенции, как частных лиц, так и послов иностранных [1, p. 92]. В ведении этого чиновника находились представители иностранных государств. Он обеспечивал их сопровождение, принимал и устраивал их, представлял императору, дарил им подходящие подарки, обеспечивал их безопасность [1, p. 93]. Большая часть церемониальных обязанностей проходила в связи с аудиенциями, проводимыми в Консистории, где иностранцы принимались императором [1, p. 98].

Одним из тех, кто занимал данную должность, был Петр Патрикий, бывший магистром оффиций с 539 по 565 годы и принявший ряд дипломатических миссий при Юстиниане Великом [3, p. 1257]. Этот человек оставил после себя несколько сочинений, включенных Константином Багрянородным в свой легендарный трактат «De cerimoniis aulae Byzantinae». В 87-90 главах этого Устава подробно описываются приемы послов Западной империи и державы Сасанидов.

В 87-88 главах 1 книги Устава описываются приемы восточным императором послов с Запада. Мы же выделим только обязанности магистра.

Магистр должен заранее узнать о приезде послов и подготовить жилище для них [4, p. 393]. Он посылает лицо, выдающее деньги на постельное белье и расходы [4, p. 393]. Через несколько дней после прибытия послов в Константинополь магистр принимает их у себя, беседует, обещает представить императору [4, p. 393]. После первой аудиенции магистр должен сообщить комиту щедрот о том, что послы хотели бы получить в дар [4, p. 397]. После последнего приема императором магистр вручает письма о признании восточным императором императора на Западе послам и прощается с ними [4, p. 398].

Из этого отрывка нами делаются выводы об исполнении нескольких функций магистром оффиций: хозяйственной (подготовка

жилья для послов) и посреднической (передача желаний послов комиту щедрот, вручение писем послам).

89-90 главы источника сообщают нам дипломатический протокол при приёме старшего персидского посла (πρεσβευτοῦ μεγάλου Περσῶν) восточным императором.

При появлении у границы посла магистр посылает архонта с письмами от царя, себя или только инструкцию (содержащую обязанности архонта). По прибытии посла в Антиохию, магистр посылает магистриана (μαγιστριανὸν), чтобы узнать об обращении с послом и поприветствовать его. В Халкидоне магистр готовит жилье для посла и его людей и выделяет через квартирмейстера (τὸν ὀπτίονα τῶν βαρβάρων) деньги на проживание в Халкидоне на 1 или несколько дней и подарки. Магистр обязан послать кого-либо, чтобы спросить посла о поездке. В это же время магистр шлет записки комиту частного имущества и эпарху с повелением выдать послу вещи. Как только посол прибывает в Халкидон, магистр присылает за ним царских лошадей. По приезде посла в его дом магистр спрашивает через своего помощника, как обращались с послом во время его путешествия. Если посол пишет в ответ, то магистр обязан ответить через своего человека послу: «Отдохни, и когда ты сочтешь нужным, я приветствую тебя» (ἀνάκτησαι σαυτὸν, καὶ ὅτε ουνορᾷς, ἀσπάζομαί σε). Через 1 или 2 дня посол идет к магистру, и магистр спрашивает его о царе, его детях царя, знатных персах, о здоровье посла, о семье посла, а также о его путешествии. Сообщает послу, когда царь готов его принять: «Правитель приказал тебе войти» (ἐκέλευσέν σε ὁ δεσπότης εἰσελθεῖν). И всегда накануне приемов царем магистр сообщает послу: «Царь приказал тебе прийти к нему, так приди» (ἐκέλευσέν σε ὁ βασιλεὺς προελθεῖν, καὶ πρόελθε).

В день приема посла царём магистр принимает посла в своей Схоле и спрашивает о дарах, которые тот привёз для царя. Затем магистр идет к царю сообщает о дарах. Далее магистр готовит вооруженную охрану, а посол ждет в летней Консистории. После прихода всех архонтов магистр вызывает посла: «Пусть будет вызван Иесдекос, посол Хосрова, царя персов и сопровождающие его лица и пусть (декурион) приведет вооруженных людей» (κληθήτω Ἰέσδεκος ὁ πρέσβης Χοσρόου τοῦ βασιλέως Περσῶν καὶ οἱ σὺν αυτῷ ἐλθόντες, καὶ ἐπάγει ἀρμάτους). Во время приема магистр посылает силенциариев отне-

сти дары в ризницу. Служители ризницы сразу дают оценку даров для магистра. По окончании приема магистр приказывает: «переходите» (LEBA). Затем прощается с послом в Схоле и отпускает его.

В другие дни царь сообщает магистру, когда посол должен прийти. Магистр может сообщить послу через силенциария. Магистр принимает посла в своей Схоле. Если у посла есть личные дары, он сообщает магистру, а тот – царю. Магистр заранее сообщает об этом царю. После приемов магистр прощается с послом. Если царь считает нужным, то магистр ведёт разговор с послом за пределами дворца.

На основе вышеприведенных выдержек мы выделяем хозяйственную (подготовка жилья для посла и его людей, выделение им средств на проживание) и посредническую (сообщение о предстоящем приёме царём, оценивание даров) функции магистра оффиций. Кроме того, нами была определена церемониальная функция (вызов посла на прием к императору в другой зал Дворца).

Таким образом, на основе изученного источника мы рассмотрели несколько функций, исполняемых магистром оффиций. Эти функции можно разделить на хозяйственные, посреднические и церемониальные. Источник даёт информацию о взаимосвязи магистра с другими должностными лицами в ранней Византии, позволяет выстроить систему отношений между ними, глубже изучить компетенции данного должностного лица.

Список литературы

1. Boak, A. E. R.; Dunlap, J. E. The Office of the Grand Chamberlain in the Later Roman and Byzantine Empires. Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration. New York, 1924.

2. Jones, A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Baltimore, 1986.

3. Martindale, John R., ed. The Prosopography of the Later Roman Empire: Vol. II, AD 395–527. Cambridge, 1980.

4. Moffatt A. tr., eds. Konstantinos Porphyrogennetos: The book of ceremonies in 2 volumes. Vol. 1. Byzantina Australiensia (Reiske ed.). Canberra, 2017.

5. Notitia Dignitatum. Berolinum, 1876.

6. The Oxford Dictionary of Byzantium. New York and Oxford, 1991: 3 vol. Vol 2.

Наумова Ангелина Евгеньевна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Виноградов Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент

Образ монашества в трудах византийских историографов VIII–IX вв. (Феофан Исповедник, патриарх Никифор, Георгий Амартол)

The Image of Monasticism in the Works of Byzantine Historiographers of the 8–9th Centuries (Theophanes the Confessor, Patriarch Nicephorus of Constantinople, George the Monk)

Аннотация. *В данной статье предпринимается попытка выявления особенностей образов монашества, представленных в трудах Феофана Исповедника, патриарха Никифора и Георгия Амартола (Монаха) – византийских историографов VIII-IX вв. Для достижения поставленной цели анализируются и сопоставляются части текстов, посвященные событиям «темных веков» и, главным образом, иконоборчества.*

Ключевые слова: *образ монашества; византийская историография; VIII-IX вв.; «темные века»; иконоборчество.*

Abstract. *The article examines characteristics of the images of monasticism presented in the works of Byzantine Historiographers of the 8-9th Centuries: Theophanes the Confessor, Patriarch Nicephorus of Constantinople and George the Monk. For achieving this goal parts of the texts, that are devoted to the events of the Dark Ages, and iconoclasm, in particular, are analyzed and compared.*

Key words: *the image of monasticism; Byzantine historiography; 8-9th centuries; Dark Ages; iconoclasm.*

«Хронография» Феофана Исповедника, «Краткая история» патриарха Никифора и «Хроника» Георгия Амартола относятся к числу наиболее важных источников для исследования Византийской империи эпохи «темных веков». Данные исторические сочинения хорошо изучены в отечественной и зарубежной науке, как и история

монашества в названный период, однако само присутствие монашества в вышеуказанных трудах ранее не выступало темой отдельного научного исследования. Между тем, подобная работа представляется полезной, поскольку способствует лучшему пониманию восприятия иночества в контексте событий «темных веков» представителями церковной и монашеской организации Византийской империи VIII-IX вв. В данной статье будет уделено внимание непосредственно образам монашества, представленным на страницах вышеупомянутых трудов, их изучению и сравнению для выявления особенностей каждого из них.

Все три автора строят своё повествование, исходя из позиции поддержки монашества, которое является у них носителем ортодоксии и противником еретической, монофелитской или иконоборческой политики императора. Конечно, не только монашество находилось в оппозиции, однако эпизодам преследования монахов авторами уделяется большое внимание. Впрочем, количество упоминаний монашества в источниках разнится, как и их характер.

Так, Феофан Исповедник, более других упоминающий о монахах, в целом положительно относится к инокам-иконопочитателям и осуждает иконоборцев – императоров, государственных служащих, священнослужителей и других жителей империи. Монахов-иконоборцев он называет «лжемонахами» [3, с. 503, 672], то есть для него иноческий образ жизни и позиция отвержения икон несовместимы, а следование ереси как бы автоматически лишает монаха его сана. Впрочем, Феофан мог и негативно отзываться о монахах, что иллюстрируют эпизоды с Феодором Студитом и главным логофетом Феодотом, причем подобное отношение вызвано их действиями светского порядка, а не богословского [3, с. 661-665]. Феофан, таким образом, не идеализирует образ монашества, а принимает то, что и среди иноков есть люди, чьи поступки не заслуживают уважения.

Патриарх Никифор, во многом использовавший те же источники, что и Феофан, конструирует образ монашества несколько иначе. Его упоминания монашества, все также в большинстве своём затрагивающие гонения на иноков, носят более выраженную субъективную окраску: противопоставление благочестивых монахов-и-

конопочитателей и их гонителей-иконоборцев просматривается чётче, в том числе и за счёт немногочисленности самих упоминаний. У Никифора присутствует так же, как у Феофана, эпизод с монахом Феодотом, ставшим главным логофетом, но не упоминается «лжемонах»-иконоборец. Тем не менее, можно сказать, что эпизоды с вызывающими осуждение поступками со стороны монахов у Никифора есть, он не избегает их полностью. Кроме того, монашество у Никифора является тем элементом Церкви, который стремился опорочить Константин V, нанося, таким образом, урон всей Церкви [2]. У Феофана связь «монашество-духовенство», которая бы сливала эти элементы воедино, не прослеживается.

У Георгия Амартола монашество показано в исключительно положительном ключе: моменты, показывающие его с негативной стороны, отсутствуют совершенно [1]. Особенно важно отметить этот односторонний взгляд в связи с тем, что «Хронология» Феофана Исповедника была для Георгия Монаха важнейшим источником. Получается, Георгий Амартол сознательно исключает или видоизменяет те фрагменты, которые могли бы бросить тень на монашество, стремится усилить праведность монахов и ожесточить, обесчестить их преследователей.

Итак, в своих текстах авторы конструируют в целом похожие образы монашества. Основная линия их различия заключается в более или менее ярко выраженном субъективном отношении к монахам-иконопочитателям и иконоборцам, от чего зависят и угол подачи материала, и сам выбор фрагментов, которые включаются в труд. Это, конечно, обусловлено и особенностями личности авторов, но вместе с тем определяющим моментом представляется дата создания текста — исторический контекст, в котором они находились. Так, патриарх Никифор написал «Краткую историю» в промежуток между 775 и 787 гг., то есть он застал конец первого периода иконоборчества, прекращение гонений на монахов после смерти Константина V и, возможно, восстановление иконопочитания (на Седьмом Вселенском Соборе, в котором сам принимал участие), что, безусловно, отразилось в тексте: монашество и Церковь представляют одно целое, выступающее против еретических учений. «Хронография» была создана в промежуток с 810 до 813 г., до начала второго периода

иконоборчества. Феофан Исповедник написал труд в то время, когда иконопочитание считалось ортодоксией на протяжении более двадцати лет, что оказало влияние: хотя в «Хронографии» иконоборцы осуждаются автором, антитеза иконоборцы–иконопочитатели так ярко не выражена, поскольку само противостояние между ними не было столь сильным. Свою «Хронику» Георгий Монах завершил между 846 и 847 гг. [4, с. 27], то есть спустя всего несколько лет после окончательного восстановления инонопочитания, что, безусловно, нанесло свой отпечаток на характер текста: он имеет ярко выраженный иконофильский окрас, в нем идеализируется образ монашества (которое, как упоминалось выше, выступало главным носителем ортодоксии), а образ иконоборцев создается исключительно темными красками.

Список литературы

1. «Лѣтовникь ськращень от различнїихь лѣтописьць же и повѣдателїи избрань и сьставлень от Георгїа грешнаа инока» // Издания Общества любителей древней письменности. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1881. Вып. 3. 434 с.

2. Патриарх Никифор. Краткая история со времени после царствования Маврикия // Византийский временник / пер. Е. Э. Липшиц. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 3. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor_Konstantinopolskij/kratkaja-istorija-so-vremeni-posle-tsarstvovanija-mavrikija/ (дата обращения 19.08.2019).

3. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 282-813 / transl., intr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford: Clarendon Press, 1997. 848 p.

4. Афиногенов Д. Е. Рукопись coislinianus 305: первоначальная версия хроники Георгия Монаха // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем / под ред. Б. Н. Флори. М: Индрик, 2004. Т. 11. С. 19-29.

Клевенская Елизавета Сергеевна,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Борьба Никеи за объединение византийских земель

The Nicene Empire in the fight for the Byzantium grounds consolidation

Аннотация. *В работе иллюстрируются некоторые важные аспекты борьбы Никеи за объединение византийских земель. Предпринимается попытка представить целостный образ Никеи в системе международных отношений конца XII в. — 1261 г., а также отразить специфику обстоятельств, обусловивших возвышение Никейской империи. Показывается динамика взаимоотношений Никейской империи с Латинской империей, Эпирским царством и Трапезундской империей.*

Ключевые слова: *Никейская империя; Византийская империя; власть; династия; государство; император.*

Abstract. *The paper deals with the analytical review of several most important aspects of the fight of the Empire of Nicaea for the Byzantium grounds consolidation. The author examines in a holistic way the role Nicaea played in general context of international relations from the end of XIIth century to 1261, the face of complicated policy that raised Nicaea as the Empire. The author also shows the dynamics of relations between the Nicene Empire and the Latin Empire, the Despotate of Epirus, the Empire of Trebizond.*

Key words: *Empire of Nicaea; Byzantium Empire; authority; dynasty; polity; emperor.*

В сентябре 1185 г. в Константинополе произошёл переворот, в результате которого от власти были отстранены представители семейно-родственного клана Комнинов. Убийство императора Андроника I Комнина (1183-1185) представителем династии Ангелов Исааком столкнуло Византийскую империю с ростом сепаратизма в провинциях, где местная знать оказалась неготовой принять возвышение новой правящей династии.

События 1204 г. стали закономерным исходом политического курса, проводимого правительством Исаака II (1185-1195; 1203-

1204) и Алексея III (1195-1203) Ангелов. На Балканском полуострове проявлялись тенденции к независимости. Борьба за византийское наследство разразилась между Латинской империей крестоносцев, Эпирской державой, Никейской и Трапезундской империями. Победа досталась Никее, правитель которой, Михаил Палеолог, перехватил власть у правящей династии Ласкарисов и в 1261 г. освободил Константинополь от латинской власти, став новым византийским императором под именем Михаила VIII (1259-1282).

Каковы причины передачи механизма власти от Византийской империи к империи Никейской? Что предопределило чрезвычайное влияние Никеи на формирование иной политической реальности? Этими вопросами до сих пор задаётся современная историческая наука.

После захвата Константинополя в 1204 г. происходит выдвижение на первый план нескольких центров, каждый из которых считал себя наследником ромейского государства. Три из них — Никея, Эпир и Трапезунд — стали греческими претендентами на византийское наследство. Сущность борьбы между Никейской империей, Трапезундским государством и Эпирским царством заключалась в стремлении правителей подтвердить правомерность своих притязаний на престол Константинополя. Для этого в греческих центрах важное значение придавалось церемониалу, строительной политике, получившей выражение в сооружении храмов-моделей св. Софии — жемчужины православного мира в захваченном Константинополе [1].

Исследуя происхождение и особенности трёх государств-осколков Византийской империи, отмечаем стремление правительствующих династий к универсалистским монархическим идеям, что нашло выражение в превращении этих государств в т. н. «мини-монархии» [2]. Заметим только, что Эпирское царство выделялось своей некоторой индивидуальностью: василевс воспринимался как «первый среди равных», он выступал в роли предводителя слоя высшей аристократии, т. е. фигура царствующей особы не была возвышающимся над подданными авторитетом, самостоятельно вершившим государственное управление [3].

Никея, территориальное положение которой не было стратегически преимущественным, стала ядром борьбы за объединение

византийских земель. Северо-восточный сосед в лице Трапезундской империи, владения независимых греческих архонтов на юге, латинский Константинополь на западе, династия Сельджукидов в Иконии на востоке — кольцо территориально-политических объединений, плотно обвившее границы новоявленной Никейской империи. Тем не менее Ласкарисы сумели создать мощный центральный административный аппарат, благодаря которому персонифицированный вид политической интриги был сведён к минимуму [4].

Никейская империя обязана своей трансформации в ведущую державу личностному фактору, о чём свидетельствуют немало источников и сложившаяся историографическая традиция. Никея, однажды адаптировавшись к условиям новой геополитической ситуации, не снижала той планки, которую обозначил для неё первый никейский император Феодор I Ласкарис (1208-1221). На протяжении более полстолетия непрерывных войн не было такого события, после которого Никея бы потеряла желание выживать ради того, чтобы греки снова обрели государственность. Безусловно, политическая история Никеи не обходилась без периодов, когда обстоятельства на международной арене не складывались в пользу державы Ласкарисов, однако правительство неизменно продолжало настаивать на избранном политическом курсе: на том, что Никейская империя — безоговорочный лидер в процессе реставрации былого Византийского могущества.

С 1261 г. геополитическая реальность меняется, поскольку на карте появляется восстановленная Византийская империя, которая включала в себя области Македония, Фракия, в том числе окрестности г. Фессалоники, однако не включая отдельные районы центральной Греции (например, г. Афины). Также власть византийского императора распространялась на бывшие владения Трапезунда, Никейской империи, на греческие острова Эгейского моря. Отметим также, что Византийская империя Михаила VIII Палеолога представляла собой самую настоящую конституционную монархию, что было исключительным фактом в истории Восточной Римской империи. Однако сам Михаил Палеолог всячески стремился не допустить ограничения собственной власти.

Список литературы

1. Литаврин Г. Г. Этапы эволюции верховной власти и её репрезентации в Византии VII-XII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная и Восточная Европа). Тез. XXII научной конференции «Славяне и их соседи». Москва. 14-16 мая 2004 г. / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2004. С. 49-50.

2. Карпов С. П. Причерноморье и Византия до и после IV Крестового похода // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 26-27 мая 2004 года. М., 2004. С. 81.

3. Angold M. Byzantine Government in Exile (Government and Society under the Laskarids of Nicaea, 1204-1261). Oxford, 1975. P. 5.

4. Денисов С. А. Очерки политической истории Эпирского царства (1204-1261). Саарбрюкен, 2017. С. 127.

Литвин Макар Павлович,
Южноуральский государственный университет
Научный руководитель:
Кривоногова Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

Янычарский корпус. К вопросу об особенностях формирования военно-политической элиты в Османской империи

Janissaries. To the question of formation features military-political elite in Ottoman Empire

Аннотация. *В статье анализируется янычарский корпус, с точки зрения военно-политической элиты. Рассматриваются особенности механизмов наборов янычарского корпуса, а также процесс обучения новобранцев. Так же оценивается вклад янычарского корпуса в определение внутренней и внешней политики Османского государства. В итоге, исследование создает целостный образ янычар как военно-политической элиты Турецкого государства.*

Ключевые слова: *Османская империя; Янычары; Военно-политическая элита.*

Abstract. *In the article, author analyzes Janissariy, as military-political elite. Also considered are the features of the mechanisms for the recruitment of the Janissary corps and process of training recruits. Estimated influence janissary in definition of domestic and foreign policy of Ottoman Statement. As a result, the article allows you to create a holistic image of the Janissaries, as the military-political elite of the Turkish state.*

Key words: *Ottoman Empire; Janissariy; military-political elite.*

Вопрос о политической элите, ее характере, функционале и путях формирования стоит перед человечеством весь период существования общества. Начиная с античности[1], философы размышляли о том, какие качества должны быть у представителей политической элиты, кто должен управлять государством и т.д. Наибольший рас-

[1]Над политической элитой размышляли такие философы, как Платон, Аристотель и др.

цвет исследований политических элит наступает в XX веке, где такие исследователи как Г.Моска [14], В. Парето, Р. Михельс [11] определяли основные элементы политической элиты, а также выявили ее виды. Особо важным для элит авторы определяли виды каналов поступление новобранцев.

Государства Востока характеризуются особой ролью военно-политических структур в жизни общества и, как следствие, особыми традициями формирования элит в военной среде[1], что обуславливает особый интерес к военно-политической элите, как доминирующей в восточных обществах. Особое место занимает Османская Империя, огромный военный гегемон, проявлявший свой экспансивный интерес, как на востоке, так и на западе.

В политической системе Турок, в связи с милитаризированным характером государственности османов, существовало несколько военных подразделений, которые «питали» военную элиту Турецкого государства: Сипахи и Янычары. И если первые были типичной для средневековья «феодальной» верхушкой, то вторые имели целый ряд особенностей, которые и будут проанализированы в этой статье.

Целью исследования стало изучение янычарского корпуса как военно-политической элиты. Рассмотрены основные механизмы их набора, функционал и степень влияния на государственный аппарат.

Источниковую базу исследования составили документы различного характера, имеющие различное происхождение. Во-первых, это законодательные акты (Канун-Наме Фатих), которые позволяют зафиксировать место янычарского корпуса в системе управления Османской империи, а так же эволюцию их положения в данной структуре. Во-вторых, источники личного происхождения («Мебеде-и-канун-и-йеничери оджагы тарихи», «Записки янычара» Константина из Островицы и т.д.). Этот наиболее важный для исследования блок документов позволяет нам изучить «внутренности» янычарского корпуса: особенности набора рекрутов в янычарский корпус, прохождение службы янычар и их иерархию внутри корпорации. В-третьих, это фольклорные песни (Крепость Эстергон,

[2]Примерами таких государств являются: Персидские державы (Ахеменидов и Сасанидов), Мамлюкский султанат, Сельджукский султанат и т.д.

Радостный конец жизни), которые позволяют нам заглянуть в мировоззренческие установки членов корпуса, а также рассмотреть основной спектр ценностей, важных для корпорации в целом. В-четвертых, это документы дипломатических миссий, которые показывают взгляд иноземцев на место янычарского корпуса в системе отношений политических институтов Османской империи. К этой группе относятся: капитуляции между Османской империей и Британским и Голландским правительствами. Таким образом, источниковая база позволит провести обширный анализ янычар, как политического института, формирующего, ко всему прочему, и военную элиту Османов.

Причин появления янычарского корпуса было множество, но самой главной нужно считать потребность военного аппарата Мурада I в профессиональной военной силе, которая смогла бы успешно вести не только боевые действия в поле, но и вести «правильную» осаду и наоборот, оборонять уже захваченные крепости. Янычары отлично справлялись с этими задачами, о чем говорить, именно они завоевали Константинополь «Со стороны стены, обращенной к заливу, эллины защищались всего решительнее, отбили врагов и, отрубив головы у поднявшихся кое-где по лестницам турок, удерживали стену. В том месте, где наступал сам царь, янычары в стремительном натиске стали теснить генуэзцев. И сам Лонг был ранен пушкарем в руку, и были легко ранены другие гоплиты. Они оставили место, где стояли. Тотчас, пробиваясь сквозь ряды защитников, турки стали врываться в город, отражая нападение [противников, нападая на] генуэзских гоплитов, наседая на них и убивая [их]. Итак, Лонг ушел. За ним стали уходить гоплиты, так как янычары теснили их. Цзрь эллинов, заметив, что генуэзцы покидают свои места и дают проход врагу, тотчас подбежал и спросил Лонга, уходит ли он. А когда [тот] ответил, что турок ведет здесь бог, царь, обратившись к Кантакузину и тем немногим, кто был с ним, сказал: «Пойдемте, друзья, на этих варваров». И Кантакузин погиб, как герой, и царь был вынужден отступить. А янычары, наступая, преследовали и ранили царя Константина в плечо. И он умер» [16, с. 440-441]. Очень скоро янычарский корпус начинает играть все большую политическую роль, становясь важным политическим институтом, способным влиять на внутрен-

нюю и внешнюю политику. Но почему именно янычары, а никто другие стали играть такую роль? Для этого нужно проанализировать янычар, как военно-политическую элиту.

Первая важная составляющая любой политической элиты – это механизмы формирования и набора рекрутов.

Существовало всего две системы набора янычар: пенчик и девширме. Первоначально пенчик подразумевался, как сбор пятой части от всей добычи, полученной акынджы султана, во время завоевательных походов первых.

На ранних этапах Османской истории она выражалась в денежном эквиваленте, но после появления янычарского корпуса, султан стал требовать хумс (то же, что и пенчик) в «кровавом» эквиваленте. Девширме – налог, которым облагалось большинство христианского населения Османского султаната, причем платой за этот налог был отбор молодых мальчиков (от 14 до 17 лет, при этом возраст мог быть и моложе или старше, хоть это и было нарушением приказа султана). Со временем девширме станет основным способом комплектования янычарского корпуса, хоть в экстренных случаях, султан мог применить и пенчик, как это было после сражения при Никополе: «Уже кровопролития эти продолжались с утра до вечера, когда советники короля, видя, что они все еще не прекращались, преклонили колена пред королем, умоляя его, чтобы он забыл о своем гневе ради Бога, дабы сам не был наказан за чрезмерное кровопролитие. Внимая их просьбам, король дал приказание перестать, велел собрать остальных воинов, взять из них часть для себя и предоставить прочих тем, которые их взяли в плен. Так, я достался на долю короля» [18, с. 13-14]. При наборе рекрутов, существовал целый комплекс критериев, по которым и проводился сбор «Когда необходимо набрать детей неверных, берут сыновей знатных лиц, детей священников, детей самых лучших среди неверных. У тех, кто имеет двоих детей, берут [лишь] одного ребенка. Обоих сразу не берут. Берут того, кто производит лучшее впечатление. Не забирают единственного ребенка, потому что он является помощником отцу в крестьянском хозяйстве, — [чтобы] из-за отсутствия людей не чинился ущерб в ашаре сипахи той деревни. Не забирают мальчика-сироту, потому что он жаден и неотесан… Не берут оглана, который от природы таков, словно уже

обрезан. При проверке, поскольку он [как бы] обрезан, подумают, что это сын турка. Возникнут сомнения. Пусть подозрение не падает на других. Не берут оглана, который женился, еще будучи неверным, потому что он будет бесстыдным. Женатый — падишаху не слуга. Пусть не берут оглана, владеющего ремеслом, потому что ремесленник не станет переносить тягот [военной службы] ради жалованья. [Набор ремесленников] ведет к тому, что [жалованье] платится тем, кто не несет никакой службы… Он будет человеком без стыда. Не берут оглана очень высокого роста; Он окажется глуп. Разве что он внушительного вида, [тогда берут], для того чтобы, став солаком падишаха, он устрашал врага. Не берут оглана слишком маленького роста — неизбежна смута» [5]. После, будущие янычары попадают в султанский диван, где их осматривает лекарь, который так же распределяет рабов либо в дворец султана (будущие чиновники), либо в бостан (военные). В итоге, кулов продают туркам «за золотой дукат…» [1, с. 4-6] туркам из Рума (Балкан) или Анадолу (Анатолии), где они постигали в семье хозяина турецкий язык и основы исламской веры. После долгой службы (от 10 лет) новобранцев распределяли по одам (казармам), где проходило их обучение военным искусствам (владение копьем, ятаганом, огнестрельным оружием и т.д.) и только тогда они становились янычарами. Проходя столь долгий путь отбора и подготовки, янычары были не просто войском на службе у султана, а были элитным подразделением, готовым действовать в любой ситуации, как военной, так и политической.

Султаны всегда выделяли янычар, как их личную «Рабскую» гвардию. Поэтому не удивительно, что корпус обладал огромной политической властью, в определении внутренней и внешней политики империи. О том, какое место занимает корпус в политической системе Османского государства говорит нам Канун-Наме Мехмеда II Фатиха: «Янычарский ага — старший над другими военачальниками, Ниже главного военачальника сидит миралем, ниже его — капыджы башы, ниже — мирахор, да еще в государстве падишаха стало два мирахора. Ниже мирахора сидит чакырджы башы, ниже его — чашнигир башы, ниже — начальники других подразделений, ниже — капыджылар кетхудасы: ниже — джебеджи башы, ниже — топчу башы» [10, с. 2]. Янычарский ага – глава янычарского войска, был одновре-

менно и руководителем всей военной структуры Османов. Он близок к султану и визиру. В период пика своего могущества, янычары могли вызвать беспорядки по всей империи, лоббируя свои интересы перед султаном (повышение жалования, начало или задерживание военной кампании, смена великого везира и других должностных лиц). Но самый пик сил янычар наступил в то время, когда корпус сможет смещать неугодных им султанов (Мехмед II Фатих, Осман II и т.д.). Особенно видно вес янычар в политической системе в их «особых» взаимоотношениях с дипломатами из разных стран. «Действительно, я получил предостережение от своих [осведомителей], что янычары собирались выразить свое презрение ко мне, когда я поеду мимо их казарм… Ворчали, но не били. Хорошо уже и это» [4]. Большинству стран приходилось в отдельных договорах требовать невмешательство янычар во внутренние дела дипломатических миссий: «Янычары и прочие, какого б звания они ни были, не должны ничего насильно от них требовать и их беспокоить» [6].

В заключении исследования были сформулированы следующие выводы:

Янычарский корпус – передовой политический институт, который подготавливал военно-политическую элиту Османской империи.

Благодаря своей профессиональности, янычарский корпус сыграл одну из важнейших ролей в проведении успешной экспансионистской политики Османов.

Нетипичные для феодального общества методы набора янычар (пенчик и девширме) позволили корпусу собрать в своих рядах лучших из лучших, что говорит об особом элементе меритократии, что и помогало создавать подготовленную элиту.

Так же, янычарский корпус стал важным и престижным социальным лифтом в структуре Османской империи.

Список литературы

1. Вратислав В. Приключения // Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок. СПб., 1877. С. 4 – 6.

2. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. 296 с.

3. Донесение о посольстве Князя К. Збражского в Турцию в 1622 – 1623 г. // Османская империя в первой четверти XVII века. М., Наука. 1984. 296 с.

4. Збражский К. Донесение о посольстве. М., 1984. 296 с.

5. История происхождения законов янычарского корпуса. М, 1987.

6. Капитуляции пожалованные Елизавете, королеве Английской в 1601 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/turk.htm. (дата обращения 10.10.2019).

7. Капитуляции, пожалованные Елизавете, королеве Английской 1601г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/turk.htm (дата обращения 10.10.2019).

8. Константин из Островице «Записки янычара» / пер. А.И. Рогова. М.,1978. 138 с.

9. Мебеде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVII/1600-1620/Janyc_korp/frametext1.htm. (дата обращения 10.10.2019).

10. Мехмед II Фатих «Канун-Наме» / под ред. П.Н. Грацианова, С.Д. Сказкина. М., 1950. 8 с.

11. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социс. 2000. № 1. С. 107-116.

12. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. СПб.: Наука, 2017. 350 с.

13. Петросян, И.Е. К истории создания янычарского корпуса // Тюркологический сборник. М., 1984.

14. Правящий класс // Социс. 1994. № 10, 12.

15. Саад-эд-дин о взятии Константинополя // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. П.Н. Грацианова, С.Д. Сказкина. М., 1950. Т. II. С. 294 – 297.

16. Халкокондил Л. История // Византийский временник. 1953. Т. 3. С.440-441.

17. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger_3/frametext1.htm. (дата обращения 10.10.2019).

18. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1978. С. 13-14.

Сироткина Анастасия Андреевна,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Научный руководитель:
Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор

Образ англосаксонской королевы в героическом эпосе и в работах церковных авторов VII – IX в.

The image of the Anglo-Saxon queen in the heroic epic and in the works of ecclesiastical authors of the VII – IX centuries

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности интерпретации образа королевы в англосаксонских письменных источниках VII – IX веков. Проводится сравнительный анализ образа королевской супруги в англосаксонских эпосах и работах церковных писателей. Выявляются характерные отличия интерпретации образа королевской супруги в разных жанрах англосаксонской литературы. Выявляются эпитеты для передачи образов англосаксонских королев. Выявляются характерные составляющие положительного и отрицательного образов королев.*

Ключевые слова: *Англосаксонская королева; литературный образ англосаксонской королевы; «Беовульф»; «Житие Альфреда Великого»; «Церковная история народа англов»; англосаксонское общество.*

Abstract. *The article discusses the features of the interpretation of the image of the queen in Anglo-Saxon written sources of the VII – IX centuries. The images of the royal wife in Anglo-Saxon epic poem and in the works of ecclesiastical writers are analysed and compared. The differences in the interpretation of the image of the royal wife in different genres of Anglo-Saxon literature are revealed. Epithets of the transmission of images of Anglo-Saxon queens are revealed. The components of the positive and negative images of queens are revealed.*

Key words: *Anglo-Saxon queen; literary image of the Anglo-Saxon queen; «Beowulf»; «Life of Alfred the Great»; «Ecclesiastical History of the English People»; Anglo-Saxon society.*

Англосаксонский период считается одним из ключевых в истории Англии. Именно на этот этап приходится складывание государствен-

ности и формирование королевской власти. До недавнего времени исследователи акцентировали свое внимание именно на особенностях становления королевской власти и соответствующих прерогатив. Однако, не менее важным станет рассмотрение статуса англосаксонской королевы, а также интерпретации ее образа в источниках разного характера и содержания. Литературные источники позволяют нам выявить особенности восприятия англосаксонской королевы в средневековой культуре и обществе. Так, цель данной статьи – рассмотреть образы королевских жен в разножанровых литературных произведениях раннего англосаксонского периода для выявления особенности восприятия их образа в средневековой культуре.

В отечественной и зарубежной науке поставленный вопрос был широко рассмотрен. Исследователи изучали литературный образ англосаксонской королевы в качестве культурного идеала и социального эталона женщины [12, 9]. Также на основе литературных произведений рассматривались особенности социального положения, функции и прерогативы королевской супруги [5]. Настоящая же статья обращает внимание на особенности интерпретации королевы в литературе разных жанров. Работа посвящена сравнению образа королевской супруги в англосаксонском эпосе и работах церковных авторов, с целью выявить аспекты, на которые обращали внимание разные литературные традиции. Также, будет выявлена специфика презентации положительного и отрицательного образа королевской жены.

Источники, используемые в работе, можно разделить на две группы. Первая – поэзия, или эпос. Основное внимание уделено произведению «Беовульф» в связи с его особым значением для изучения мировоззрения англосаксонского общества. Вторая группа – работы, составленные церковными писателями – «Церковная история народа англов», «Жизнеописание короля Альфреда».

Для начала углубимся в памятник англосаксонской поэзии «Беовульф». Изучая внутреннее содержание произведения, отметим, что королевские супруги представляют собой некий социальный эталон женщины, поскольку их образы демонстрируют только лучшие качества, которыми, видимо, были наделены королевы в представлениях современников.

Американская исследовательница Дороти Портер разделила героинь поэмы «Боевульф» на три группы: хозяйки, миротворицы и монстры [11]. К хозяйкам относятся супруга датского конунга Хродгара Вальхтеов и жена гаутского конунга Хигелака Хюгд. Миротворицами являются Фреавару - супруга главы племени хадобардов Ингельда и Хильдебург – супруга правителя фризов Финна. К так называемым «женщинам-монстрам» относятся мать антагониста Гренделя, чье имя поэма не указывает, и Модтрюд, супруга конунга Оффы.

Вальхтеов и Хюгд характеризуются как хозяйки из-за их главенствующего положения в доме. Об этом свидетельствуют сцены пиршеств, где героини выполняют особый ритуал или «queen's cup carrying practice», что означает их непосредственное участие в обслуживании гостей посредством подношения чаши и их потчевания.

Для описания Вальхтеов и Хюгд используются только положительные эпитеты: Вальхтеов «высокородная» [3, строка 615], «многоразумная» [3, строка 625]. Хюгд «юна, разумна и ласкова» [3, строка 1926-1927].

Следующая группа героинь «Беовульфа» - миротворицы Фреавару и Хильдебург. Они представлены в амплуа «прях мира». Словосочетание «пряха-мира» (в оригинале freothuwebbe) обычный для германского эпоса кеннинг или метафора. Однако сам термин freothuwebbe спорный – исследователи видят в нем указание на человека (не обязательно женщину), чья функция заключается в том, чтобы открыто содействовать примирению между конфликтующими сторонами. В контексте «Беовульфа» freothuwebbe является прямым указанием на роль королевы в качестве инструмента, объединяющего враждующие племена и кланы [11]. Так, каждая из героинь сыграла роль миротворицы. Брак Фреавару с Ингельдом примирил данов и хадобардов. В свою очередь, союз Хильдебург и Финна прекратил распри между данами и фризами. Поэт, проявляя уважение и отражая важность роли этих героинь в качестве миротвориц, описывает их исключительно положительно. Большая роль отдана Фреавару, поэтому ее образ более раскрыт автором – она «хозяйка державная» [3, строка 2016], «миротворица» [3, строка 2016] и «пряха мира» [3, строка 2023].

Последняя группа героинь поэмы – так называемые «женщины-монстры» - Модтрюд и мать Гренделя. Они явные противоположности других женских персонажей. Героини не гостеприимны и добры, но жестоки и действуют, применяя насилие против неповинных мужей.

Можно провести параллель между статусом этих персонажей с отношением автора к ним. Так, например, Модтрюд, как дочь короля, имеет определенный социальный статус, и хоть ее действия непростительны, автор не порицает героиню. В ее сторону не используются оскорбительные эпитеты как в сторону матери Гренделя. Модтрюд была усмирена конунгом Оффой, взявшим ее в жены и «укротившим» ее. После брака героиня, в качестве королевы, непристойных поступков больше не совершала. В свою очередь, мать Гренделя, как и ее сын — изгои, что означает их исключение из общественных отношений. В сторону героини используются негативные эпитеты, показывающие ее отличие от других деятельных женщин поэмы – «женочудовище» [3, строка 1259], «тварь зломрачная» [3, строка 1277], «зломыслая» [3, строка 1339], «врагиня кроваворукая» [3, строка 2129]. Таким образом, можно сделать вывод, что особенности интерпретации той или иной героини базируются на наличии или отсутствии королевского статуса. Ведь, например, Модтрюд до брака с королем описывалась как «злочинная» [3, 1946], после – как «добронравная» и «благоденственная» [3, строка 1951, 1952]. Однако, данная трактовка не совсем верна, рассмотрим это на примере образа матери Гренделя.

В сторону героини используется словосочетание ides aglæcwif [3, строка 1259], переведенное В.Г. Тихомировым как «женочудовище». Ides aglæcwif трактуют неоднозначно – «женщина-монстр» или «женщина-воин». Большинство исследователей склоняются к трактовке «женщина-воин» – Хелен Домико отмечает, что образ героини воплощает раннюю концепцию валькирии [10, p. 176, 178]. Также, устоялось мнение, что мать Гренделя не осуждается обществом за стремление отомстить за сына, так как практика кровной мести весьма распространена в германском обществе [11]. Таким образом, общество видит в матери Гренделя женщину-воительницу, мстящую за сраженного сына. Однако «женщина-воин» не укладывается в представления «Беовульфа» о добродетельной королеве.

Наоборот, идеализированная поэмой королевская жена миротворица, она не принимает участие в военных действиях. И мать Гренделя, и Модтрюд поступали отлично от добродетельных королев: «страшной каре повинный подвергнется, смертным узам, и меч, не мешкая, огласит над злосчастным приговор Судьбы —и без жалости смертоносное лезвие сокрушало жизнь. Не к лицу то властительнице, не пристало то женщине, даже лучшей из жен, прях согласья, по злобе, наветами лишать жизни мужей неповинных!» [3, строка 1936-1943, описание Модтрюд]. Таким образом, отрицательные героини поэмы являются таковыми, поскольку их манера поведения не вписывается в представления об идеальной королеве. Модтрюд и мать Гренделя приобщены к оружию, а также применяют насилие в сторону неповинных мужей.

Далее рассмотрим особенности интерпретации королевских особ в работах церковных писателей. В «Церковной истории народа англов» Беда ставит цель показать христианизацию Англии в период складывания англосаксонской государственности. Соответственно, в его работе женщины рассматриваются с данной позиции. Особенность передачи женских персонажей в работе епископа – их фактически эпизодическая роль. Также, «Церковной истории народа англов» не присуща передача образов героинь с помощью восторженных или уничижительных эпитетов, как это было характерно для «Беовульфа».

Королевы в труде Беды играют разные роли. Одна из таких – определение вектора церковно-государственного развития Англии. Такая функция предписывается иностранным правительницам, таким как Елена мать императора Константина; Плацидия мать императора Валентиниана; Сильвия мать папы Григория; Фара (или Бургундофара) дочь короля бургундов; Плектруда супруга франкского майордома Пипина. Гвоздецкая Н.Ю. отмечает, что хоть перечисленные героини упоминаются Бедой вскользь, их отбор характерен для той версии англосаксонской истории, которую создает автор [7, с. 26]. Исследователь делает вывод, что упомянутые героини намечают не только вехи церковно-государственного развития Европы, соотносительные с историей Англии, но прежде всего характерные черты образа женщины в эпоху крещения страны [7, с. 26].

Другая отведённая королеве роль в работе Беды – распространение христианства среди своих мужей и народа. Подобный пример – Этельберга, супруга Эдвина Нортумбрийского. В их союзе прослеживается мотив христианского брака. Так, римский миссионер Паулин «явился ко двору Эдвина вместе с девой, дабы подготовить ее к плотскому браку. Однако его душа была сильнее устремлена к ознакомлению народа, среди которого он оказался, с истинной верой; он желал, говоря словами апостола, весь его представить чистою девой единому мужу, а именно Христу» (Беда Достопочтенный, книга 2, глава 9). Также, образ Этельберги аллегоричен, так как с ее фигурой связано определенное стечение счастливых обстоятельств – ее успешные и безболезненные роды совпали со спасением короля от рук убийцы. Все это произошло в праздник Пасхи, что в свою очередь впечатлило правителя (2.9), и подтолкнуло к принятию новой веры. Интересным станет и посланное королеве папой Бонифацием письмо, в котором он указывает на ее роль в приобщении мужа и народа к христианству («Он разными путями являет себя язычникам, и они могут узнать своего Творца, приняв таинства христианской веры. Примером тому служит ваша душа, таинственно очищенная и обновленная с помощью Божьей. Наше сердце радуется великой доброте и щедрости Господа, который зажег вашим обращением искру истинной веры, и с вашей помощью сможет теперь воспламенить Своей любовью не только душу вашего славного супруга, но и весь подвластный вам народ» (2.10)), а также наставляет, как убедить короля в необходимости крещения.

Следующий подобный пример – франкская принцесса Берта, супруга короля Кента Этельберта. Ее заслуга в приобщении народа к христианству отмечается Болдыревой И.И. Однако в работе Беды роль Берты неоднозначна. Автор связывает распространение христианства в Кенте с миссией святого Августина (1.25). Так, у Беды христианство распространяется не через брачные союзы, а через преемственность от Римской апостольской церкви [6, с. 77]. Та же идея передается через епископа Паулина. Берте же отдана роль ознакомительная – своим примером она лишь познакомила супруга с верой, но не привела его к крещению. То же можно сказать и в сторону Этельберги, ведь основная роль в распространении новой веры

предписывается Паулину и его стремлениям, а не личному участию королевы.

Отметим, что Беда, в отличие от англосаксонского эпоса, не идеализирует королевскую супругу. Иногда епископ видит в ней источник зла и пагубного влияния. Такая идея заключена в истории короля Восточной Англии Редвальда, что «отпал от веры, соблазненный женой и дурными советниками» (2.15). Однако отметим достаточную степень влияния королевских жен на своих супругов, раз они могли непосредственно способствовать принятию определенной веры. В таком случае, роль королев Берты и Этелберги неоднозначна. Возможно, Беда принижает значение королев и их влияния на мужей, так как его цель показать преемственность христианства именно от Римской церкви.

В целом, можно говорить об уважительном отношении Беды к королевам, способствующим распространению христианства среди народа. Однако наибольшая степень уважения, и даже восхищения, в «Церковной истории народа англов» отдана принцессам-монахиням. Одна из таких героинь – Эдильфрида (она же Этельфрита), супруга короля Нортумбрии Эгфрида. Еще при жизни супруга она ушла в монастырь, где упорно и аскетично служила на благо церкви и воспитывала молодых монахинь. Беда с уважением описывает, как Эдильфрида стойко приняла образовавшуюся на шее опухоль: «она с радостью принимала эту боль и много раз говорила: "Я хорошо сознаю, что заслужила тягость этой болезни на своей шее, ибо в юности я носила на шее избыточную тяжесть ожерелий. Верю, что Бог в Его благости послал мне эту боль, чтобы освободить от греха бесполезной суетности. Теперь вместо злата и жемчугов на шее моей горит эта красная опухоль» (4.19). Особенное значение Беда придает девственному положению Эдильфриды. Для Беды девственность – верный способ достижения святости: «И Божье чудо нетления ее плоти после смерти свидетельствует о том, что она при жизни осталась не оскверненной связью с мужчиной» (4.19).

Подводя итог, отметим, что «Церковная история народа англов» выстраивает свой образ добродетельной королевы. Главная его особенность –служение на благо церкви. Своеобразным идеалом королевы для Беды является королева-монахиня, что полностью посвящает себя церкви несмотря на свой статус.

Следующее произведение – «Житие Альфреда Великого», составленное епископом Ассером. Эта работа – ценный памятник для изучения особенностей статуса королевы. Так, например, исходя из текста, королева занимала приниженное положение по сравнению с королем – она не имела права восседать рядом с супругом, у нее отсутствовал королевский статус, так как Ассер отмечает несвойственность процесса коронации для королевских жен [1, с. 227-228]. На приниженное положение королевской супруги указывает отсутствие имени супруги Альфреда в его биографии. Однако Ассер отмечает, что подобные обычаи для саксов не свойственны, и главная причина подобной ситуации – история супруги уэссекского короля Беортрика Эадбурги. Ассер описывает ее как тираничную и недалекую женщину, которая из-за своей меркантильности погубила множество мужей и собственного супруга. Король Карл Великий отправил Эадбургу в монастырь, однако и эта мера не исправила героиню: «Но как рассказывали о безумном образе ее жизни в своей стране, так еще более пришлось ее упрекать в распущенной жизни среди чужого народа. Находясь в предосудительной связи с одним из своих соотечественников и, наконец, явно в том уличенная, она была по приказанию короля Карла изгнана из монастыря и влачила свою преступную жизнь в крайней бедности и презрении» [1, с. 228-229]. Свою жизнь она закончила «самым жалким образом» [1, с. 229]. Исходя из логики автора, ее неправедная жизнь побудила последователей Беортрика ограничить права королевской супруги.

Образ Эадбурги позволяет нам определить черты презираемой обществом королевы – собственные интересы для нее превыше общественных, ради выгоды она прибегает к насилию, также она негативно влияет на супруга короля. Даже монастырь не исправил героиню, и до конца своей жизни она вела неправедную, распущенную жизнь.

В противоположность Эадбурге можно поставить мать Альфреда Осбургу. Ассер описывает ее с уважением, видимо, сам заказчик произведения Альфред Великий относился к ней благосклонно. Она «благородна по качеству души» [1, с. 225], религиозна и образованна. Исходя из повествования, одной из главных функций королевы

было воспитание наследников, о чем свидетельствует сцена занятий Осбурги с сыновьями [1, с. 230]. Делаем вывод о значительной степени образованности королевских жен, раз они занимались воспитанием наследников.

Подводя итог, отметим особенности передачи образа королевы в англосаксонской литературе VII – IX веков. Для эпических поэм характерна передача образов посредством различных эпитетов. «Беовульф» показывает свое видение идеальной королевы, которая реализуется либо в амплуа хозяйки, либо в роли миротворицы. Такие королевы добродетельны, благородны, действуют на благо бравых мужей и своего народа. В «Беовульфе» встречаются и отрицательные героини. Они действуют отлично от добродетельных героинь поэмы. Они применяют оружие, губят неповинных мужей. Насилие – отличительная черта отрицательной героини.

Церковные произведения акцентируют внимание на том, насколько королева набожна и служит на благо христианской церкви. В соответствии с этой идеей, добродетельная королева та, что действует ради распространения и укрепления христианской церкви. Своеобразным идеалом является королева-монахиня, которая оставила свой статус и посвятила себя служению церкви. Соответственно, та королевская супруга, что действует противоположным образом, как например Эадбурга, достойна порицания. Также, порицания заслуживает та королева, что применяет насилие. Здесь мы можем пронаблюдать схожесть с идеей поэтической традиции.

Таким образом, поэтические и церковные произведения смотрят на королевскую супругу с разных сторон. В поэзии образ королевы идеализирован. Добродетельная королева та, что служит на благо народу и мужу. Такая королевская супруга – социальный идеал женщины. В работах церковных авторов на первый план выдвигается религиозный аспект. Добродетельность королевы определялась степенью вовлеченности ее в укрепление и распространение христианства. На высшей ступени подобной иерархии стоят королевы-монахини. Таким образом, отход от специфики передачи образа королевской супруги в эпосе характеризуется преобладанием религиозного фактора в ее амплуа.

Список литературы

1. Ассерий. Жизнь Альфреда Великого. 849–888 гг. (в 893 г.). История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.) / сост. М. М. Стасюлевич. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2001. С. 225-247.

2. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. статья, комментарии В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.

3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худ. л-ра, 1975. С. 29-180.

4. Бикеева, Н.Ю. Роль святых королев в системе патроната раннего средневековья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6.

5. Болдырева, И.И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX-сер XI вв.: дис. … канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2009. 227 с.

6. Болдырева, И.И. Образ жены правителя в сочинениях англосаксонских церковных писателей и биографов VIII–IX веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 74-80.

7. Гвоздецкая, Н.Ю. Женщины в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2008. № 1. С. 24-44.

8. Мельникова, Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.

9. Chance J. Woman as Hero in Old English Literature. Syracuse, N.Y..: Syracuse University Press, 1986. 156 p.

10. Damico H. The Valkyrie Reflex in Old English Literature.” New Readings on Women in Old English Literature. Eds. Helen Damico and Alexandra Hennessey Olsen. Bloomington: Indiana University Press, 1990.- 270 p.

11. Porter D. The Social Centrality of Women in Beowulf: A New Context // The Heroic Age: A Journal of Early Medieval Northwestern Europe. 2001. Issue 5. URL: https://www.heroicage.org/issues/5/porter1.html. (дата обращения 5.10.2019)

12. Klein S.S. Ruling Women: Queenship and Gender in Anglo-Saxon Literature. University of Notre Dame Press, 2006. 282 p.

Алиева Марина Игоревна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Кондратенко Сергей Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент

Истоки концепта выборной монархии в политической теории Марсилия Падуанского

The origins of the idea of elective monarchy in Marsilius of Padua's political theory

Аннотация. *Наиболее полно Марсилий Падуанский (прим. 1275 – 1342) изложил свои взгляды на сущность государства в трактате «Защитник мира», написанном в 1324 году. Согласно его политической теории, источником власти является народ, который избирает правителя: идеальной формой правления Марсилий полагает выборную ненаследственную монархию. В статье рассматриваются идейные истоки политической мысли схоласта, которые сформировали его политические взгляды, в частности – концепцию выборной монархии.*

Ключевые слова: *Марсилий Падуанский; «Защитник мира»; выборная монархия; средневековая политическая теория.*

Abstract. *Marsilius of Padua (c. 1275 – 1342) presented his political theory, which was represented in his masterwork "Defensor pacis" (1324). According to "Defensor pacis", the origin of power is the people, and corporation of citizens should elect the ruler. Marsilius believes the ideal form of government is an elected non-hereditary monarchy. The article examines the ideological origins of Marsilius of Padua's political thought, and the idea of elective monarchy in particular.*

Key words: *Marsilius of Padua; "Defensor pacis"; elective monarchy; medieval political theory.*

Наиболее полно Марсилий Падуанский изложил свои взгляды на сущность государства в трактате «Защитник мира», написанном в 1324 году. Согласно его политической теории, источником власти является гражданское сообщество (universitas civium), именуемое «человеческим законодателем» (legislator humanus), которое избирает pars principans, то есть правящую часть. Идеальной формой

правления Марсилий полагает выборную ненаследственную монархию, при этом право избирать монарха принадлежит valencior pars, что можно понимать как наиболее значительную часть граждан. Схоласт провозглашал главной целью «Защитника мира» опровержение доктрины папской теократии (plenitudo potestatis), и фигура императора Людовика IV Баварского, который вступил в открытую конфронтацию с папой Иоанном XXII, представлялась ему примером идеального правителя.

На формирование концепта выборной монархии у Марсилия Падуанского оказало влияние несколько факторов. Особое значение имеет политический контекст XIII-XIV веков.

Считается, что Падуя была главной поборницей республиканских ценностей на севере Италии [14, с. 42]. Устройство города и история его политического развития во многом схожи с теми процессами, которые происходили в других частях Ломбардии. Номинальным главой города назначался подеста. Это была выборная должность, занимать которую можно было только строго определенный срок. Подеста обладал верховной властью в исполнительных и судебных делах, однако нельзя сказать, что эта власть была безраздельной или абсолютной. В статутах коммуны Падуя четко прописываются обязанности подесты, а также санкции, которые к нему применяются за их несоблюдение [14, с. 24]. Аналогично в «Защитнике мира» Марсилий прописывает санкции, которые могут накладываться на избранного монарха [3, с. 183].

Принцип выборности использовался и в Священной Римской империи. Император избирался коллегией из семи курфюрстов. Интересно, что в «Защитнике мира» Марсилий не отрицает возможность преемственности трона при установлении выборной системы [20, p. 113]. Действительно, в Священной Римской империи император мог добиться благосклонности курфюрстов, чтобы они избрали следующим главой сына-наследника [13, с. 49].

Однако политическая аргументация Марсилия Падуанского опирается на большое многообразие интеллектуальных традиций, которые господствовали в средневековой Европе.

Так, как отмечал Жак Ле Гофф, схоластическая традиция опиралась на все прошлое западной цивилизации [9, с. 83]. Наиболее авто-

ритетными были религиозные тексты, такие как Библия и труды Отцов Церкви. Средневековые учения воспринимали идеи античных мыслителей – Платона, а затем и Аристотеля. Стоическая мудрость и римская правовая традиция также оказались вплетенными в теологию и практическую жизнь Средних веков.

С XIII века учение Аристотеля было особенно популярно в Парижском университете, что проявилось в политической концепции Марсилия. Текст «Защитника мира» изобилует ссылками на «самого великого из философов» [3, с. 67] и «Мудрого Язычника» [3, с. 166]. Самого же Марсилия уже в XVI веке даже назвали homo magis aristotelicus quam christianus, желая показать, что он будто вобрал в себя больше аристотелевских идей, чем христианских доктрин [21, p. 184].

Марсилий соглашается с Аристотелем в том, что государство существует для общего блага. «Таким образом, государство предназначено для жизни, и в конечном счете для жизни хорошей» [3, с. 79]. Это положение Марсилия резонирует с определением, которое дает сам Аристотель: «общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» [1, с. 378]. Марсилий заимствует у Аристотеля аппарат анализа политических устройств, например, классификацию правильных и неправильных форм правления, типологию царской власти и членение государства на основные части (земледельческую, ремесленническую, финансовую, судебную, священническую и военную).

В. Сирос выявляет интересную связь между воззрениями Марсилия на аристотелевскую типологию видов царской власти и средневековой астрологией: представление о «героических временах» — это отголосок идеи о влиянии небесных тел на политические дела, что обнаруживается ещё в учении Петра Абанского [22, p. 103]. Исследователь замечает, что подобные астрологические мотивы были широко распространены в позднесредневековой мысли Падуи.

Несмотря на то что в Средневековье было распространенной практикой ссылаться на авторитетные источники и принимать их положения за безусловно истинные, нередко целью такого приема

было подтверждение собственных воззрений мыслителя [18, p. 31]. Если средневековый схоласт не обнаруживал в «Политике» аргументов, чтобы подкрепить ими свои положения о социально-политическом устройстве общества, он обращался к иным работам Философа на другие тематики [18, p. 32].

Другая традиция, о которой стоит сказать, уходит корнями в историю Древнего Рима. По замечанию К. Скиннера, в схоластическом представлении наивысшего расцвета Рим достиг в свой республиканский период [14, с. 101]. Так, К. Нидерман уделил особое внимание цицероновскому наследию в «Защитнике мира» [19, p. 615-637].

Марсилий цитирует отрывок из сочинения Цицерона «Об обязанностях»: «одну часть мы должны посвятить отчизне, а другую – друзьям» [3, с. 68]. Цицерон был убежден, что люди по природе обязаны служить друг другу и «общим интересам, обмениваясь услугами, давая и получая, и знаниями своими, трудом и способностями накрепко связывать человеческое общество» [5, с. 61]. Нидерман полагает, что рецепция цицероновских идей Марсилием несла практический характер: она предоставляет теоретическую основу для согласованной программы «трансъевропейского» противодействия вмешательству папства в дела итальянских городов [19, с. 632].

Категория «мир» также обнаруживается ещё у римского деятеля. Цицерон понимал её как «спокойную свободу», а впоследствии она была перенята Блаженным Августином в виде максимы pax est tranquillitas ordinis [8, с. 11]. Стремление к миру через установление порядка, которое может быть достижимо только в государстве – следствие усвоения Марсилием идеи греховности человека [8, с. 11]. Марсилий увязывает учения Аристотеля и Августина: люди стремятся к политическому общению, так как после грехопадения, изгнания из рая, им необходимо заботиться об удовлетворении своих потребностей, что возможно сделать только сообща [6, с. 53]. Грех, лежащий в основе августиновского воззрения на природу человека и государства, является причиной раздоров, а социальные расколы и междоусобицы для Марсилия – болезнь, поразившая Италию.

Преемственность между Августином и Марсилием прослеживается и в представлениях о сущности церкви: оба считают,

что она являет собой сообщество верующих, во главе которого стоит сам Христос, а земное государство есть только временное учреждение [2, с. 50]. Однако по Августину государство не способствует достижению блаженной жизни после смерти. Марсилий же, встраивая «священническую часть» в государственную систему, связывал политическое сообщество с высшей целью христианина.

Однако безукоризненным авторитетом для Марсилия является Священное Писание. Он завещает священникам вернуться к идеалу Апостольской церкви, оставив притязания на светскую юрисдикцию, так как сам Иисус никогда не властвовал, но подчинялся суду. Цитируя Евангелие от Матфея, схоласт призывает воздать кесарю кесарево, а в подтверждение он ссылается на Отцов Церкви – Августина Блаженного и Амвросия Медиоланского.

В XIII веке Фома Аквинский синтезировал аристотелевское учение с христианской доктриной, выведя формулу, согласно которой государство существует, чтобы люди могли «обеспечить себя всем жизненно необходимым» [4, с. 235], однако высшая цель – спасение души. В этом Аквинат предшествует доктрине папской теократии, которая была наиболее выражена в булле папы Бонифация VIII Unam Sanctam. Однако, Unam Sanctam провозглашает полное превосходство церковной власти над светской. Согласно ей, Империя как политическая структура оказывается встроенной в церковную иерархию, во главе которой восседает папа римский, как во главе мистического тела Церкви – Христос [12, с. 134]. Марсилий с этим согласиться не мог.

Принципиальная разница между Фомой и Марсилием в вопросе о соотношении Града Земного и Града Божьего состоит в том, что Фома подчинял государство Церкви: «обязанностью царя является подчинение священнослужителям» ([4, с. 242], в то время как Марсилий лишал её какой-либо мирской власти. В то же время, оба мыслителя сходятся в предназначении монарха – заботе о земных условиях достижения блаженной жизни, для чего нужно правильно организовать работу государства: «заботиться о преемственности людей и назначении тех, кто возглавляет различные службы» [4, с. 243].

Нельзя исключить из факторов, повлиявших на политическую теорию Марсилия Падуанского, принципы и практики правоприменения и законотворчества, господствовавшие в средневековую эпоху. Так, Б. И. Ключко, анализируя роль legislator humanus, заостряет внимание на том, что законодательная власть в «Защитнике мира» основана на концепции согласия, по которой гражданское участие необходимо не столько для создания «лучших законов», сколько для обеспечения всеобщего подчинения установленным правилам [11, с. 7, 138]. Отмечается, что эта идея восходит к распространенному средневековому принципу Quod omnes tangit ab omnibus approbari debet («Что касается всех, должно быть одобрено всеми») из Кодекса Юстиниана [11, с. 134]. Берман пишет, что эта максима налагала ограничения на единоличные действия церковных и светских правителей [7, с. 215]. С другой стороны, принцип q. o. t. не подразумевал активного вовлечения каждого отдельного взятого индивида – на практике подразумевалось, что люди должны знать о принятом законе [17, с. 41].

Хотя Марсилий и не создал анатомической метафоры, подобно той, что была представлена Иоанном Солсберийским, медицинское образование схоласта всё же находит выражение в его политической теории, когда схоласт представляет государство как тело, страдающее от болезни [16, с. 94]. Средневековые представления о здоровье человека восходят к Гиппократу, но Марсилий вновь обращается к Аристотелю, на этот раз – к его натурфилософии [15, p. xiv]. В Средние века схоласты полагали, что врач, излечивая больного, восстанавливает баланс внутри тела, что схоже с предназначением правительства в теории мыслителя [10, с. 193].

Подводя итог, политическая теория Марсилия Падуанского являет собой синтез предшествующих воззрений на сущность государства и Церкви и на соотношение этих двух структур. В его учении нашла отражение и республиканская традиция, идеология родных ему итальянских коммун. В мысли Марсилия обнаруживается влияние философских школ, берущих свое начало в Античности, но вместе с тем его трактаты были следствием актуальных политических конфликтов XIV века, противостояния Людовика Баварского и Иоанна XXII, междоусобиц в Северной Италии.

Список литературы

1. Аристотель Соч. Т. 4. М.: «Мысль», 1983. 832 с.

2. Блаженный Августин. О Граде Божьем // Блаженный Августин. Творения. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 3. 595 с.

3. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. 656 с.

4. Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л.: Наука, 1990. 250 с.

5. Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях. М.: Наука, 1974. 249 с.

6. Афанасов Н.Б., Павлов А.В. Секулярная политическая теология Марсилия Падуанского // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 44–67.

7. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 624 с.

8. Гладков А.К. “Pacis civilium” Марсилия Падуанского: социальное благоденствие, «здоровье» государства и функции власти в политической мысли XIV в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 7–12.

9. Гофф Жак Ле. Интеллектуалы в Средние века. СПб: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2003. 160 с.

10. Ключко Б. И. Антропология Марсилия Падуанского // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2017. Вып. 78 (1-2). С. 189-208.

11. Ключко Б.И. Законодатель в трактате Марсилия Падуанского «Защитник мира» // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 133-140.

12. Кондратенко С.Е. Политическая аргументация Бонифация VIII и Эгидия Римского о сущности власти // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 130-144.

13. Наумов Н. Н. Политический язык Эберхарда Виндеке // Vox medii aevi. 2018. Vol. 1(2). С. 46–70. URL: http://voxmediiaevi.com/vol-2-naumov (дата обращения: 05.09.2019)

14. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1.: Эпоха Ренессанса, М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. 464 с.

15. Brett A. Introduction // Marsilius of Padua: The Defender of Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. ix-xxxvi.

16. Canning J. Ideas of Power in the Late Middle Ages, 1296–1417. Cambridge: Cambridge University Press., 2011. 232 p.

17. Lee Hwa-Yong. Political Representation in the Later Middle Ages: Marsilius in Context. New York: Peter Lang Publishing, 2008. 219 p.

18. Nederman Cary J. Aristotle as authority: Alternative Aristotelian sources of late mediaeval political theory // History of European Ideas. 1987. Vol. 8(1). P. 31-44.

19. Nederman Cary J. Nature, Justice, and Duty in the Defensor Pacis: Marsiglio of Padua's Ciceronian Impulse. // Political Theory. 1990. Vol. 18(4). P. 615-637.

20. Nederman, Cary J. Community and consent: the secular political theory of Marsiglio of Padua's Defensor pacis. L.: Rowman & Littlefield Publishers, 1995. 164 p.

21. Oakley F. The Watershed of Modern Politics. Law, Virtue, Kingship, and Consent (1300-1650). Yale University Press, 2015. 415 p.

22. Syros V. Marsilius of Padua at the intersection of ancient and medieval traditions of political thought. Toronto: University of Toronto Press, 2012. 320 p.

Борискина Анастасия Алексеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Прокопьев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор

Погребение курфюрста Морица Саксонского (1553 г.)

The Funeral of the Elector of Saxony Maurice (1553)

Аннотация. *Статья посвящена анализу похорон саксонского курфюрста Морица с точки зрения становления погребальной обрядности евангелической знати в Германии Раннего Нового времени. Автор указывает на переходный характер этих церемоний между аскетичными образцами эпохи М. Лютера и нормированной сословной обрядностью последней четверти XVI века.*

Ключевые слова: *курфюрст Мориц Саксонский; лютеранский погребальный церемониал; 1553 год; заупокойные проповеди.*

Abstract. *The article analyses the burial of the Elector of Saxony Maurice in the view of the formation of the funeral ritual of Lutheran nobility in Early Modern Germany. The author points out the transitional character of these ceremonies between the ascetic examples in the era of Martin Luther and the normalized class ritual of the last quarter of the 16th century.*

Key words: *Elector of Saxony Maurice; Lutheran funeral ceremony; 1553; funeral sermons.*

Смерть курфюрста Саксонии Морица 11 июля 1553 года, последовавшая в результате ранения, полученного в битве при Зиверсхаузене, с точки зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей имела значение для расстановки политических сил внутри Священной Римской империи: так, целый ряд историков (К. Э. Борн, Ю. Е. Ивонин, А. Ю. Прокопьев) указывает, что после гибели Морица, ставшей платой за восстановление земского мира в Центральной Германии, усилилось уже наметившееся ранее сближение Альбертинских Веттинов с Габсбургами [4, s. 66; 2, с. 126-127; 3, с. 10]. Самой же смерти князя и его похоронам в контексте их значимости как для продвижения лютеранских идеалов в обществе, так и для демонстрации статуса Альбертинской династии Веттинов и их близо-

сти к дому Габсбургов, до сих пор не уделялось должного внимания. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть имеющиеся в нашем распоряжении источники по теме, определить место похорон Морица в процессе формирования лютеранского княжеского погребального церемониала.

Наиболее полные и в то же время эмоционально окрашенные сведения о смерти курфюрста предоставляет проповедник Иоганн Вайс, непосредственно присутствовавший при кончине князя; эти сведения клирик наиболее полно изложил в заупокойной проповеди, прочитанной им 22 июля 1553 года во Фрайбергском соборе Девы Марии; проповедь была опубликована в издании Х. А. Хаузена «Gloriosa Electorum Ducum Saxoniae Busta» [8]. С точки зрения И. Вайса, курфюрст ушел из жизни так, как подобало верующему христианину: последние часы жизни он, предчувствуя скорую кончину, провел в глубоком покаянии, слушая читаемые самим проповедником отрывки из Священного Писания. И. Вайс особо упоминает о просьбе курфюрста увещевать его, если он начнет сомневаться в своей вере, о принятии князем в полночь 10 июля причастия, а также об эпизоде коллективной молитвы Морица с окружавшими его приближенными дворянами, после которой «в палатке поднялся великий плач» [8, s. 372-374]. Наконец, как утверждает И. Вайс, в свой последний час курфюрст, не имея сил самостоятельно произнести установленную формулу «Отче! В руки Твои предаю дух мой», кивком головы подтвердил твердость своей веры и тут же скончался; случилось это в восемь часов утра 11 июля 1553 года [8, s. 374].

Подобные описания последних дней жизни курфюрста можно встретить и в других заупокойных проповедях, составленных клириками Иоганном Пфеффингером и Эразмом Сарцериусом [8, s. 312-359]; все эти авторы так или иначе ссылаются на И. Вайса как на очевидца событий. По мотивам рассказанного И. Вайсом даже была составлена анонимная поэма, являющаяся также основным источником о похоронах курфюрста [5, s. 456]. Тем временем, если обратиться к материалам политической корреспонденции курфюрста, то можно обнаружить, что перед смертью Мориц, не славившийся и прежде особенным благочестием, посвящал время не только покаянию, но и делам мирским: например, писал письмо епископу

Вюрцбурга, в котором выражал надежду на свое выздоровление [7, s. 1051-1055]. Более того, показательными являются сообщения, свидетельствующие как о практичности курфюрста в духовных делах, поскольку Мориц дал И. Вайсу 100 гульденов в обмен на обязанность всякий раз увещевать его, когда он начнет сомневаться в своей вере [7, s. 1061]; так и о явной предвзятости самого проповедника: так, В. Лауэнштайн в письме герцогу Иоганну Фридриху пишет, что И. Вайс до того превозносил покойного, что впоследствии «не просто так стал суперинтендантом Майсена и каноником» [7, s. 1115]. Таким образом, можно говорить если не о полном идеализировании смерти курфюрста в проповедях, то, по крайней мере, о ее приукрашивании, что было необходимо для исправления подпорченной репутации Морица в качестве ярого лютеранина; являлся ли он таковым к моменту своей смерти на самом деле, к сожалению, узнать невозможно.

После смерти тело Морица в закрытом гробу, накрытом бархатным платом с изображением золотого креста, под звон колоколов в сопровождении представителей рыцарских родов, несущих завоеванные в битве трофеи, было на повозке переправлено из-под Зиверсхаузена в саксонские владения [5, s. 461-462]. 19 июля в 15 часов оно прибыло в Лейпциг, где под звон колоколов и пение гимнов в сопровождении иерархически построенной траурной процессии, состоявшей из представителей дворянства, школьников, преподавателей и студентов Лейпцигского университета, городского совета, простого народа и следовавшей за ними всеми женской части процессии было перемещено в церковь св. Фомы [5, s. 463-464]. В ходе процессии тело несли шесть юношей; здесь же присутствовали 13 наследственных черных знамен, включая регальный стяг. Примечательно, что в этой процессии мы впервые в саксонских траурных ритуалах XVI века встречаем олицетворение курфюрста: юношу, сидящего на лошади в черном доспехе курфюрста и с курфюрстским мечом в руках. В церкви, что в соответствии с заветами М. Лютера, изложенными богословом еще в 1525 году, была украшена геральдической символикой курфюрста и убрана черными тканями, у кафедры проповедника было установлено погребальное ложе [5, s. 463-464]; здесь уже упомянутый И. Пфеффингер прочитал очеред-

ную проповедь над телом курфюрста [6]. По своему характеру эта проповедь принципиально не отличается от прочих заупокойных проповедей лютеранского толка. С одной стороны, проповедник, следуя заданному М. Лютером в проповедях в честь Фридриха Мудрого и Иоганна Постоянного образцу, продвигает идеи пристойности скорби по умершим, восприятия смерти как сна, непременном воскрешении во плоти в день Страшного суда и т. п., опираясь на четвертую главу Первого послания Апостола Павла к Фессалоникийцам. С другой стороны, И. Пфеффингер пытается изобразить курфюрста образцовым христианским правителем, покровителем церкви и учебных заведений, защитником как своих подданных, так и всей Германии, в частности, от турецкой угрозы, умершим так, как следует умирать благочестивому князю [6, s. 316-318]. Подобная тенденция в изображении князей сохранится и в будущем: так, заупокойные проповеди в честь курфюрста Августа Саксонского в той же, если не в большей степени будут напоминать синтез богословских постулатов и панегирика умершему князю.

После проповеди состоялись пение лютеранских гимнов и надгробная латинская речь Иоахима Камерария, в которой тот прославлял деяния покойного [5, s. 465-466]. Ночь с 19 на 20 июля тело курфюрста пробыло в церкви св. Фомы в Лейпциге под охраной; затем оно через Гримму и Дёбельн в сопровождении процессии к 22 июля было переправлено в Фрайберг [7, s. 1097]. Процессию встретили жители города вместе с супругой и дочерью покойного, после чего все вместе направились в собор Девы Марии – усыпальницу Альбертинских Веттинов [5, s. 467-468]. Носилки с телом были установлены посреди собора, после чего И. Вайс прочитал заупокойную проповедь, уже рассмотренную нами выше. На следующий день состоялась еще одна проповедь, на этот раз Даниэля Грезера, пастора и суперинтенданта Дрездена, содержательно не отличавшаяся от проповеди И. Вайса; после нее шесть старейшин из дворянства перенесли гроб с телом в заранее подготовленную могилу. Возле могилы были установлены добытые в битве под Зиверсхаузеном трофеи: знамена, оружие, амуниция [5, s. 469]. На этом похороны завершились.

Итак, несмотря на относительную скудность сведений о смерти и похоронах курфюрста Морица Саксонского, мы видим, что траур-

ные церемонии, проведенные в июле 1553 года, в целом состоялись в соответствии с аскетичным лютеранским стандартом, установленным М. Лютером при похоронах курфюрстов Фридриха Мудрого и Иоганна Постоянного [1, с. 227], о чем свидетельствуют быстрая подготовка похорон, скромное убранство церквей, примерно общее смысловое содержание заупокойных проповедей, общая структура траурной процессии и отсутствие в ней представителей высшего дворянства помимо семьи покойного. В то же время, у этих церемоний были и особые черты, появившиеся в результате того, что курфюрст окончил свою жизнь на поле боя: наличие знамен, «еще красных от крови»[5, s. 469], трофейного оружия и обмундирования в процессии; знамена впоследствии станут неотъемлемым элементом похорон курфюрстов Саксонии. Более того, здесь впервые можно наблюдать новый элемент, прочно вошедший в церемониал во второй половине XVI века, а именно олицетворяющий курфюрста конный лейб-паж в доспехе и с мечом курфюрста; как и знамена, этот элемент был необходим для демонстрации власти и силы покойного курфюрста. Таким образом, можно говорить о переходном характере похорон Морица между строго аскетичными проводами 1520-1530-х гг. и более пышными церемониями последней четверти XVI века.

Список литературы

1. Борискина А. А. К вопросу о начале лютеранской погребальной традиции: похороны Фридриха Мудрого и Иоганна Постоянного// Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 ноября 2018 г.) / под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 223-228.

2. Ивонин Ю. Е. Саксония, Англия и Франция во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Удмуртского университета. Вып. 7. Ижевск, 2007. С. 123-136.

3. Прокопьев А. Ю. Как сохранить единство? О возможностях интеграции в век религиозного раскола // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени/под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 11. СПб., 2014. С. 5-41.

4. Born K.E. Moritz von Sachsen und die Fürstenschwörung gegen Karl V//Historische Zeitschrift. Bd. 191, H. 1, 1960. S. 18-66.

5. Historia des tödtlichen Abschieds und Begräbniß deß Durchlauchtigsten, Hochgebohrnen Fürsten und Herrn, Herrn Moritzen Churfürsten zu Sachsen etc. // Gloriosa Electorum Ducum Saxoniae Busta/hrsg. von Chr. A. Hausen. Dresden: J. C. Zimmermann, J. N. Gerlach, 1728. S. 456-469.

6. Pfeffinger J. Die erste Predigt gethan zu Leipzig den 19. Julii nach Mittage durch Joh. Pfeffinger D. // Gloriosa Electorum Ducum Saxoniae Busta/hrsg. von Chr. A. Hausen. Dresden: J. C. Zimmermann, J. N. Gerlach, 1728. S. 312-323.

7. Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen/ Bearb. Von J. Herrmann, G.Wartenberg, Chr. Winter. Bd. 6. 2. Mai 1552 — 11. Juli 1553. Berlin, 2006. 1252 S.

8. Weiß J. Die vierdte Predigt gethan zu Freyberg den 22. Julii durch Joh. Weiß, dazumahl Feld=Prediger, der selbst persönlich bey Sr. Chur =Fürstl. Gnaden Abscheiden gewest // Gloriosa Electorum Ducum Saxoniae Busta /hrsg. von Chr. A. Hausen. Dresden: J. C. Zimmermann, J. N. Gerlach, 1728. S. 360-379.

Коробова Юлия Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Паламарчук Анастасия Андреевна, доктор исторических наук, доцент

Английское ведомство Канцелярии: особенности судебной юрисдикции и феномен права совести и права справедливости

The English Chancery: the Characteristics of the Judicial Jurisdiction and the Phenomenon of the Law of Equity and the Law of Conscience

Аннотация. *Автор статьи рассматривает английское ведомство Канцелярии как судебный орган. Кратко освещён вопрос о границах юрисдикции Канцелярии и их изменении с течением времени. Кроме того, в статье рассмотрен феномен права справедливости и права совести.*

Ключевые слова: *Канцелярия; Канцлерский суд; право совести; право справедливости.*

Abstract. *The author of the article considers the English Chancery as a judicial authority. The issue of the boundaries of the Chancery jurisdiction and their changes over time is briefly highlighted. In addition, the article considers the phenomenon of the law of equity and the law of conscience.*

Key words: *The Chancery; the Court of Chancery; law of conscience; law of equity.*

Примечательно, что именно в англоведении сложилась уникальная традиция изучения процессов развития государства и государственного управления. И, в частности, история Канцелярии – сюжет, содержащий в себе интересные для современного историка парадоксы.

Уже с XIII-XIV вв. Канцелярия стала одним из главных органов центральной исполнительной власти в Англии наряду с Казначейством и исполнительными департаментами королевской администрации [11, p. 10]. Вплоть до начала XV столетия юрисдикция ведомства канцлера сочетала в себе как административные, так и судебные функции, что является его характерной чертой. Однако в рамках данной статьи генезис и развитие Канцелярии будут рассмотрены лишь в одной своей ипостаси – как суд.

1. Канцелярия как суд

Характерная особенность королевской Канцелярии, как уже было сказано ранее, заключалась в том, что этот институт долгое время сочетал как административные, так и судебные полномочия. Подобную ситуацию объясняют два ключевых момента. Во-первых, в средневековой Англии каждое судебное заседание начиналось со специального предписания Канцелярии. Этот факт - прямое доказательство того, что институт исполнительной власти изначально был достаточно близок к судебной ветви управления. Второй момент, более значимый: в системе управления XII-XIII веков не было чётко очерченной границы между различными сферами власти. Такая «размытость» граней административного аппарата не только не препятствовала расширению полномочий Канцелярии, но и, напротив, создавала располагающие к этому условия. Подобный порядок организации власти сложился ещё в XII веке, когда канцлером был Томас Бекет. Постепенно из этого недостатка административной системы развился феномен Канцлерского суда или суда справедливости, который осуществлялся непосредственно канцлером. Изначально юрисдикция этого ведомства была не слишком велика. В XIII веке она распространялась на штат самой Канцелярии, спорные дела, непосредственно с ней связанные, а также на дела, касающиеся вопроса о правах короны на землю. Тем не менее подобные случаи до конца XIV столетия, как правило, разрешались, основываясь на принципах общего права. При Эдуарде III (1327-1377), в 1340 году, Канцелярия была косвенно указана в статуте как суд, а в 1349 король к своим шерифам обратился с прокламацией. Из неё следовало, что монарх ссылается на решение своего канцлера, которое касалось нескольких дел и было основано одновременно и на об-

щем праве Англии, и на благодати высокопоставленного чиновника. С середины же XIV века Канцелярия переживает процесс трансформации. Институт куриально-административного характера, тесно связанный с королевской курией и ведомством Большой печати [1, с. 10], становится одним из наиболее значимых судебных органов Англии [12]. Начиная со второй половины XIV века, протоколы судебных заседаний помещаются на хранение в Канцелярии, а в конце правления Ричарда II (1377-1399) этот административный орган становится судом в его современном понимании. В течение всего периода становления Канцелярии как самостоятельного института, наделённого судебными полномочиями, границы её юрисдикции существенно расширяются. Теперь к слушанию допускались дела частных лиц, не принадлежащих к штату этого департамента. Заметно меняется и сама процедура осуществления правосудия. Роль же судьи исполняет канцлер, должность и полномочия которого были основой юрисдикции ведомства.

Несомненно, Канцелярия была одним из ключевых ведомств, обеспечивших континуитет английского средневекового права и права античного. Во многом это можно объяснить специфическим составом штаба департамента: в него входили клирики, которые в работе ориентировались на нормы канонического права и опирались на схоластическую философию [1, с. 201]. К традициям римской правовой системы восходит и многоотраслевой характер права формирующейся англосаксонской системы. В рамках классического римского права существовало три основных отрасли: jus civile, jus praetorium (jus honorarium) и jus novum. Первое регулировало отношения между гражданами города Рима, являло собой совокупность обычаев и толкований юристов. Jus praetorium – право, создаваемое магистратами, прежде всего, преторами. Его предназначение заключалось в том, чтобы скорректировать случаи применения jus civile и защитить новые правовые институты и отношения. Позднее, уже в эпоху принципата, возникает jus novum, которое формировалось на основе императорских конституций. Подобную стройную систему, элементы которой прекрасно дополняли друг друга, впоследствии переосмыслили английские теоретики и спроецировали её на современное им состояние права. Ниточки аналогий протяну-

лись от jus praetorium к юрисдикции канцлера, от jus novum - к прерогативной юстиции. Более сложным оказался вопрос об интерпретации jus civile. Ответ на него зависел от того, к какой корпорации принадлежал комментатор: цивилисты и канонисты связывали его с цивильным правом, в то время как юристы общего права ассоциировали его со своей правовой системой [1, с. 202].

По уровню официальности судебных процедур и административного контроля можно судить о той роли, которую играло ведомство на разных этапах своего существования. Изначально суду Канцелярии была присуща определённая неформальность процедур решения частных дел, а также отсутствие каких-либо отзывов о его деятельности. Это можно рассматривать как доказательство того, что суд департамента мало привлекал частных лиц, или же, напротив, что дела, связанные с коммерческой деятельностью, мало интересовали членов Канцелярии. Однако подобный вывод совершенно не допустимо применять по отношению к любому периоду после 1380-х гг. [12, p. 797]. Постепенно сложилось устойчивое мнение, что суд Канцелярии мешает нормальному развитию общего права, вмешиваясь в дела, которые изначально не попадали под его юрисдикцию.

И тем не менее юрисдикция Канцелярии продолжает расти, в то время как данный орган управления теряет своё значение как секретариат.

В результате в XV столетии некогда административный институт превращается в судебный орган. Наиболее интенсивное развитие Канцелярии как суда характерно для периода между битвой при Барнете (1471) и смертью Генриха VII (1485-1509). Основы для этого процесса были заложены ещё кардиналом Джоном Мортоном (ок. 1420-1500), а затем продолжены Томасом Уолси (ок. 1473-1530), Томасом Мором (1478-1535), а также Томасом Эгертоном (ок. 1540-1617).

2. Право справедливости и право совести

Суд Канцелярии представляет собой любопытный феномен. Одновременно он был и прерогативным, то есть предназначенным для усиления власти короны и борьбы с её противниками, и справедливым - направленным на устранение лакун в общем праве.

Ключевым моментом для нас является тот факт, что бóльшая часть дел, рассматриваемых Канцелярией с начала XVI века, относится к делам «справедливости», судебные разбирательства по которым проходили уже в соответствии с иными принципами, не относящимися к общему праву [12, p. 791].

Согласно исследованию истории развития суда Канцелярии, проведённому Маргарет Эвери [2], существенный рост рассмотрения дел, связанных с правом справедливости в Канцелярии, начался ещё при Ланкастерах (1399-1461). Возможно, уже тогда, когда канцлером был Джон Стаффорд, епископ Бата и Уэльса, а впоследствии - архиепископ Йорка (1432-1443,1443-1450). Второй важный вывод, сделанный Эвери, заключается в идее о том, что столь существенное расширение юрисдикции Канцелярии является непосредственным результатом защиты интересов «the cestui-que-use», то есть тех, кто отдавал свою землю другим людям, но лишь формально; на деле же они имели право и дальше самостоятельно ею распоряжаться; подобная система существовала для того, чтобы обойти предписания общего права касательно прав землевладельцев о завещании имущества [12, p. 792].

Однако выводы Эвери были опровергнуты другими исследователями, в частности Николасом Пронеем [10]. Он утверждает, что активное расширение юрисдикции Канцелярии приходится на период правления Йорков (1461-1485), когда количество судебных разбирательств, проходивших через суд Канцелярии, увеличилось в четыре раза. В основном это были дела, связанные с торговлей, а также многочисленные жалобы на нарушение правосудия. Именно благодаря им, по мнению Пронея [10, p. 88-89, 93-99], к концу XV столетия Канцелярия превратилась из административного органа в один из четырёх центральных судов Англии.

Спор между Эвери и Пронеем разрешил Марк Бейлби [5]. Исследователь утверждает, что по мере того, как количество дел, связанных с торговлей, росло, увеличивалось и число юристов цивильного права, которых привлекали к работе в Канцелярии. Кроме того, Бейлби особо отметил, что термин «совесть» (conscience) отсутствовал в дошедших до наших дней петициях Канцелярии вплоть до середины XV века, а после употребляется всё чаще. Это не была «совесть»

в традиционном понимании этого слова. Нет, это была «совесть», открытая юристами церковных судов и активно ими используемая, но испытавшая значительное влияние со стороны новых членов Канцелярии, которые являлись высококвалифицированными юристами, обладавшими уникальным опытом работы адвокатами в церковных и гражданских судах. Подобный синтез привёл к такому типу права справедливости Канцелярии, который комментаторы XVI века называли «справедливость, основанная на совести» (conscience-based equity) [12, p. 793].

Вообще термин «справедливость», судя по всему, фигурировал в английском суде крайне редко в течение Средних веков. Как судьи, так и тяжущиеся стороны предпочитали ссылаться на определённые типы судебных решений, не относящихся к общему праву. Обычно они говорили о решениях суда, принятых в соответствии с торговым правом или правом совести. Однако стоит особо отметить, что торговое право никак нельзя приравнять к праву справедливости так же, как ни торговое право, ни право справедливости не являлись правом совести. Ведь человек, руководимый совестью, способен отказаться от совершения того, что считается абсолютно нормальным и честным согласно коммерческим или каким-либо иным стандартам. Тем не менее право справедливости – самая широкая из этих трёх категорий. Она охватывает как торговое право, так и право совести. По предположению средневековых комментаторов, решения суда, изданные согласно этим двум наборам руководящих принципов, соответствовали праву разума (law of reason) или «естественному правосудию» (natural justice). Таким образом, «справедливость» в судебной системе средневековой Англии - общий термин для обозначения любого официального судебного решения, сделанного в соответствии с некими представлениями того времени о правосудии [12, p. 795]. Однако существуют и иные подходы к интерпретации данных понятий. В исследовании, посвящённом суду Канцелярии в раннее Новое время [9] , Д. Клинк выделяет две основные традиции. Согласно первой из них, произошла постепенная трансформация права совести в право справедливости. Иными словами, ярко выраженный персональный характер правосудия, осуществляемого канцлером в Средние века, в раннее Новое время

был нивелирован применением принципов «справедливости». Подобной точки зрения придерживаются Дж. Бейкер [3], У. Дж. Джонс [8], Дж. Л. Бартон [4], а также Кристофер Сен-Жермен. Иную позицию занимают Д. Йейл [7], М. Л. Браун [6] и Дж. Уайтт [13]. Они акцентируют внимание на трансформации самого термина «совесть»: на смену «совести канонистов», основанной на принципах канонического права и схоластического богословия, приходит «совесть евангелическая» [1, с. 203], то есть объективированная категория уступает место субъективной, которая не может служить «фундаментом» для судебного процесса. И, хотя обе теории применимы к анализу развития английского права, стоит избегать абсолютизации одного из подходов.

Таким образом, конец XV века ознаменовал упадок могущества Канцелярии как административного института. Былую власть в вопросах управления этот орган уже никогда не сможет восстановить. Сохранение формальных, но довольно-таки значимых административных функций и активная судебная деятельность – главные элементы того курса, который проводили канцлеры раннего Нового времени. С момента же вступления на должность канцлера Томаса Мора (1529) дальнейшее будущее Канцелярии определялось исключительно сферой юриспруденции.

Стоит отметить: нет доказательств, что средневековая Канцелярия или любой иной английский суд справедливости сумел разработать устойчивые «справедливые» принципы. Судьи продолжали выносить свои решения, руководствуясь тем, что казалось им здравым смыслом. Даже когда они заявляли о решении дел «в соответствии с торговым правом», вероятно, подразумевали лишь в должной степени учесть практику в существующей современной им международной торговле. Кроме того, суд справедливости был достаточно «гибким». У него не было фиксированной программы сессий, в отличие от суда общего права, а потому он мог проводить заседания «час за часом и день за днём» [12, p. 796], если это было необходимо для удобства купцов. Однако нет причин предполагать, что Канцелярия сформировала отдельные процедуры, характерные для рыночных судов и для случаев, связанных с торговым правом.

Список литературы

1. Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи / отв. ред. С. Е. Фёдоров. СПб.: Алетейя, 2015. 326 с.

2. Avery M. E. The History of the Equitable Jurisdiction of Chancery before 1460 // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1969. № 42. P. 129-144.

3. Baker J. H. An Introduction to English legal History. Oxford: Oxford University Press, 2003. 650 p.

4. Barton J. L. Equity in Medieval Common Law // Equity in World's Legal Systems / Ed. by R. A. Newman. Brussels: Bruylant, 1973. P. 139-155.

5. Beilby M. "The Profits of Expertise: The Rise of the Civil Lawyers and Chancery Equity" // Profit, Piety and the Professions in Later Medieval England / ed. by M. Hicks. Gloucester: Alan Sutton, 1990. P. 72-90.

6. Brown M. L. Donne and the Politics of Conscience in Early Modern England. Leiden: Brill, 1995. 159 p.

7. Hake E. Epieikeia, A Dialogue on Equity // Three Parts by Edwards Hake. New Heaven, 1953. 159 p.

8. Jones W. J. The Elizabethan Court of Chancery. Oxford: Oxford University Press, 1967. 546 p.

9. Klinck D. R. Conscience, Equity and the Court of Chancery // Early Modern England. Farnham: Ashgate, 2013. 319 p.

10. Pronay N. The Chancellor, the Chancery, and the Council at the End of the Fifteenth Century // British Government and Administration: Studies Presented to S. B. Chrimes / Ed. by H. Heaxder and H. R. Loyn. Cardiff: University of Wales Press, 1974. P. 87-103.

11. Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England. In 6 vols. Vol. 1. Manchester: Longman's, 1920. 352 p.

12. Tucker P. The Early History of the Court of Chancery: A Comparative Study // English Historical Review. 2000. № 115. P. 791-811.

13. Witte J. Jr. Law and Protestantism: The Legal Teaching of the Lutheran Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 337 p.

Сидоренкова Анастасия Владимировна,
Вологодский государственный университет
Научный руководитель:
Киселева Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

К вопросу об эволюции официального праздника в эпоху французской революции XVIII века

On the evolution of the official holiday in the era of the French revolution of the XVIII century

Аннотация. *В работе рассматривается эволюция революционного праздника во Франции XVIII века. Выделены отличительные черты официальных торжеств в период от крушения Старого порядка до термидорианской эпохи, определены их главные идеи и мотивы. Обозначена символика и обряды рассматриваемых праздников.*

Ключевые слова: *«Борьба против террора»; гражданское равенство; национальное единство; официальный праздник; общественные настроения; праздничная культура; сословная иерархия.*

Abstract. *The paper considers the evolution of a revolutionary holiday in France of the XVIII century. Distinguishing features of official celebrations from the collapse of the Old Order to the Thermidorian era are highlighted, their main ideas and motives are identified. The symbolism and rites of the holidays.*

Key words: *"The fight against terror"; civil equality; national unity; festive culture; official holiday; public mood; class hierarchy; Jacobin interpretation.*

История французской революции XVIII в. продолжает привлекать пристальное внимание историков на протяжении столетий. В отечественной историографии сформировались три основных подхода к ее изучению - конкретно-исторический, компаративный и теоретический [5]. К сожалению, при этом длительное время многие стороны исторического процесса не занимали должного места в трудах российских ученых, среди них - история повседневности, частью которой является праздничная культура. Цель данной статьи – проследить эволюцию официального праздника в период французской революции XVIII в. – от крушения Старого порядка до термидорианской эпохи. Отличительной чертой официальных праздников Старого порядка было то, что их полноправными участниками являлась «элита нации».

И. Тэн писал: «У господина, у герцога, у маршала, у графа, у принца – постоянные праздники» [12, с. 106], основная же масса французского населения лишь номинально участвовала в торжествах. Отечественные исследователи приводят в качестве примера королевского праздника той эпохи коронацию Людовика XVI (11 июня 1775 г): «Народ фактически присутствовал при целом ряде обрядов, сопровождавших помазание,.. хотя в сам день основного торжества его впустили в собор лишь на мессу» [11, с. 325]. Это обстоятельство вполне явно и понятно отразило ключевую идею официальных торжеств Старого порядка, вытекавшую из сохранения сословной иерархической структуры, предопределявшей положение каждого человека в обществе.

Ситуация начинает меняться по ходу развития французской революции конца XVIII в., отличавшейся особой остротой и напряженностью социально-политической борьбы, многообразием использовавшихся оппонентами методов противостояния по сравнению с другими революциями раннего нового времени [4, с. 63]. Это не могло не отразиться и на культуре официального праздника. Так, уже на первом этапе революции, в условиях конституционной монархии, на Празднике Федерации (14 июля 1790 г.) народ на торжественных мероприятиях «присутствует в качестве не столько зрителя, сколько актера» [11, с. 326]. По мере формирования новых по качеству и содержанию общественных настроений, выражавшихся в попытке создания «общей этической и эстетической культурной модели для всех» [7, с. 135], главными мотивами праздников становятся идеи национального единства французов, стирания сословных различий. Во французском обществе происходит «уравнивание внешности и манер» [12, с. 231]. Показательны начавшиеся работы на Марсовом поле, превращавшемся из площади для военных маршей и парадов в одну из главных локаций для массовых шествий и праздников. Многие современники отмечали, что «весь город пришел в движение, ..все заработали бодро и дружно» [2]. Но не все французы разделяли данный восторг. Так, радикально настроенный Камилл Демулен отрицал сам факт обладания народом свободой, в которую тот уверовал прочно и всерьез: «О как обманывают нацию! Как ошибочно этот прекрасный народ считает себя свободным» [2]. Неслучайно этот праздник ознаменовался появлением лозунга: «Братья, к оружию!», — что было

ярким внешним проявлением обозначившегося раскола внутри выступавшего в начале революции единым бывшего третьего сословия.

С установлением республики в 1792 г. идея братского единения, соединяясь с патриотическими мотивами, приводит к формированию новых традиций праздничных торжеств. Наиболее интересным праздником в этом отношении является торжество в честь взятия Тулона (30 декабря 1793 г.). М. Озуф замечала, что это был один из тех революционных праздников, который возник стихийно и был «свободен от всяких программ» [8, с. 119]. Символика и обряды праздника свидетельствовали о появлении в мироощущении французов чувства сопричастности с теми событиями, которые происходили как внутри Франции, так и за её пределами. Организовывались братские трапезы, совместные развлечения, «в этот день воцарилось чувство единства, согласия, дружбы и радости» [1]. Период наивысшей популярности якобинского правительства также ознаменован своеобразными переменами в общественных настроениях. Якобинцы пытаются соединить все предыдущие перемены, совершенные революцией в области общественного и коллективного сознания: идеи единства, патриотизма, братства с национальными мотивами и использовать их для реализации своих целей. Стремление якобинцев сделать всех французов «настоящими гражданами и патриотами» [3, с. 362], создать мир, построенный на абсолютно новых принципах, приводит к тому, что наиболее заметное положение, как в обществе, так и на торжественных мероприятиях начинают занимать самые активные сторонники радикальных революционных преобразований и методов. Отличительными чертами праздников становится их театрализованность, четкое распределение ролей между участвующими в торжествах, отсутствие импровизации и даже страх перед ней. Выразительным примером такого торжества становится праздник в честь культа Верховного существа (8 июня 1794 г.). Поиск общих и объединяющих смыслов, «любовь к справедливости и истине» [10], унификация обрядов и символов, «счастливое и трогательное единообразие царившее во внешнем убранстве домов», строгий сценарий и его блистательное исполнение – всё это было организовано с одной целью - демонстрации идеи построенного на рационалистических основаниях гражданского общества в ее якобинской интерпретации. Главную роль в таком обществе должны получить

избираемые представители нации; основой общественного сознания стать прославление революции и её героев, национальное единение на почве совместной борьбы с многочисленными врагами республики.

Переворот девятого термидора (27 июля 1794 г.), прошедший под лозунгом борьбы «против террора», способствовал проявлению и выявил новые черты общественного настроения и праздничной культуры. Часть общества пошла по пути возврата к некоторым традиционным ценностям, распространенным задолго до революции. В это время среди части населения отчетливо заметно отрицание радикальных ценностей эпохи революции, угасание революционного духа. Вместе с тем абсолютное большинство французов выступало против возврата к Старому порядку. Эти два компонента не могли не отразиться на процессе формирования нового характера официального праздника. С одной стороны, «праздник должен был изымать из общественной памяти напоминания о событиях, сопровождавшихся множеством жертв: он должен забыть о Робеспьере и тому подобных» – замечал А.И. Мазаев [6, с. 18]. С другой стороны, организаторы проводившихся в это время праздников окончательно отказываются от проявления идей свободы и самодеятельности в процессе торжеств. Ярким примером такого рода стал праздник Свободы и Искусств 9 термидора VI г. (27 июля 1798 г.) Его отличительными особенностями стали: утверждение программы и хода праздника властями «сверху», без какого-либо участия общественных или культурных сообществ; пышность и «роли» в четком соответствии с социальным статусом участников, которыми становились «все граждане, приглашенные для участия в кортеже» [9]. Другими словами, революционная идея гражданского равенства и братского единения стала достоянием прошлого, все символы и обряды революционных праздников, проведенных в предыдущие периоды, были кардинально изменены. Так, в качестве символов свободы на празднестве предстали науки и искусства; защитников революции заменяли защитники Родины, трехцветные кокарды превратились в трехцветные плюмажи.

Таким образом, эволюция праздника в эпоху французской революции была тесно связана с общей логикой и ходом социально-политической борьбы, сменой общественных настроений и поведенческих стереотипов политических элит и массовых слоев населения.

Список литературы

1. «Братские трапезы» в Париже во время праздника в честь взятия Тулона 10 нивоза II г. (30 декабря 1793 г.). // Документы по истории Великой Французской революции: учеб. пособие для вузов по спец. «История»: в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1990. 528 с.

2. Великая французская революция: два Четырнадцатых июля (свидетельства очевидцев и современников). URL: http://istmat.info/node/40817. (10.09.2019).

3. Кареев Н. И. Великая французская революция. М.: ГПИБ, 2003. 485 с.

4. Киселева О. А. Социальные революции XVII – XVIII в.: учебн. пособие по курсу «История Нового времени» для студентов ист. ф-та. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда: ВГПУ, 2013. 143 с.

5. Киселева О.А. Социальные революции Нового времени: проблемы изучения в высшей школе // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и в вузе в контексте современности. Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 7 / ред.-сост. А.Е. Новиков. Череповец: ЧГУ, 2017. С. 117 – 120.

6. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978. 392 с.

7. Мишель В. К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции (пер. А. В. Крюковой) // Французский ежегодник. 1983 г. М.: АН СССР, 1985. С. 130 – 148.

8. Озуф М. Революционный праздник 1789-1799. М.: Яз. слав. культуры, 2003. 416 с.

9. Описание в газете «Монитёр» праздника Свободы и Искусств 9 термидора VI г. (27 июля 1798 г.) // Документы по истории Великой Французской революции: учеб. пособие для вузов по спец. «История»: в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1990. 528 с.

10. Описание празднования культа Верховного существа в газете «Монитёр» // Документы по истории Великой Французской революции: учеб. пособие для вузов по спец. «История»: в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1990. 528 с.

11. Пименова Л.А. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. Сб. научн. ст. / под общ. ред. Л.С. Белоусова. М.: Исторический факультет МГУ, 2018. 410 с.

12. Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 1. СПб.: тип. П.Ф. Пантелеева, 1907. 293 с.

Мокиевский Сергей Юрьевич,
Вологодский государственный университет
Научный руководитель:
Киселева Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

Влияние пуританизма на американскую общественность в первой половине XIX в. в восприятии европейских современников

Perception of the influence of puritanism on american society in the first half of the XIXth century by european contemporaries

Аннотация. *В работе представлено осмысление европейскими современниками пуританского влияния на общественную жизнь США 1-й половины XIX века. Представлены мнения европейцев о причинах популярности пуританства, о его влиянии на национальный менталитет и общественный уклад американцев.*

Ключевые слова: *«Американские заметки»; «Демократия в Америке»; материализм; менталитет; «Новая Англия»; Просвещение; пуританизм; религия; секты; «янки».*

Abstract. *The article presents the understanding of the puritanical influence on the public life of the United States of the 1st half of the 19th century by European contemporaries. Europeans' opinions about reasons for the popularity of puritanism, and its influence on the American mentality and the social order are presented.*

Key words: *"American Notes"; "Democracy in America"; materialism; mentality; "New England"; Enlightenment; Puritanism; religion; sects; "Yankees".*

Религия является значимым фактором социального и культурного развитие очень многих стран на протяжении почти всей известной истории и чаще всего являлась одной из определяющих основ для формирования национального менталитета. Наилучшее понимание конкретных религиозных истоков в определённых странах поможет установить общее понимание этих стран и их образа жизни, что является очень актуальным из-за проблем мировой глобализации и формирования предвзятого представления о целых государствах в медиа среде. С этой точки зрения интересно влияние

пуританства на общество и менталитет людей в Соединённых Штатах Америки, и его осмысление современниками в Европе, в частности в 1-й половине XIX века, когда в самом американском обществе устанавливались первые определяющие черты и когда европейцы начали обращать внимание на США как на политическую и культурную альтернативу. Главными источниками исследования послужили работы европейских современников: «Демократия в Америке» историка и политика Алексиса де Токвиля, «Американские заметки» писателя Чарльза Диккенса и «Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и Кубе» публициста Александра Лакиера. Данные работы были созданы после путешествий по США А. де Токвиля в 1831-1832 годах, Ч. Диккенса в 1842 году и А. Лакиера в 1857-1858 годах. Главная цель данной работы – выяснить мнения европейских современников о причинах популярности пуританства в США, определить место наибольшего влияния, охарактеризовать влияние на население через общественное мнение и законы.

Религиозных течений в Соединённых Штатах благодаря общей свободе вероисповедания насчитывается очень много, уже к концу XIX в. количество религиозных организаций и сект достигнет 45 тысяч [5, с. 128-129], но А. де Токвиль подчёркивает усиленное влияние протестантизма, которое объясняется тем, что первые колонии в Северной Америке основывали люди, отрицающие верховенство католицизма и не признающие его [6]. А. Лакиер напрямую пишет, что сбежавшие от английских репрессий пуританские идеалисты отвергали «Старый свет» и хотели построить свой собственный на основе благочестия, умеренности и трезвости [4, с. 133]. Во многом последующая модель государства Соединённых Штатов стала именно продуктом американского Просвещения, имевшего «свои оригинальные корни и ставшим результатом осмысления социально-политического опыта нескольких поколений колонистов» [3, с. 42].

В усиленном виде пуританские идеи и традиции повлияли на штат Массачусетс и окружающие его штаты, образовавшие так называемую «Новую Англию», что А. Лакиер объяснял пуританским чувством исключительности, которое привело к изгнанию большинства инакомыслящих сект и обособлению данной группы северных штатов во главе с Массачусетсом от всех остальных. Но он также от-

мечал, что объявленная в Бостоне свобода учений притягивает туда мелкие религиозные течения, которые спокойно сосуществуют друг с другом без какого-либо контроля со стороны властей [4, с. 134-136].

А. де Токвиль описывает американскую религиозную духовность как радикальную и экзальтированную, объясняя это доминированием в обществе ценностей материализма, из-за которого люди, которым претит идея вечного поиска материальных благ, начинают впадать в другую крайность, посвящая себя небесам и Богу [6]. Крайняя религиозность влияет на характер американцев как народа, ожесточает нравы и прививает любовь к порядку и спокойствию. Неверие в какую-либо религию подрывает доверие к персоне, делает её подозрительной, а устоявшиеся аксиомы ограничивают любое дерзкое новаторство в творчестве, отчего распространяются такие черты как осторожность и сдержанность в характере [6]. А. Лакиер указывал, что жители Бостона, культурного и политического центра «Новой Англии», по закону отвергая господство Великобритании, на деле становятся рабами общественного мнения и привычек, зачастую подражающих английским [4, с. 133].

Когда Ч. Диккенс был в США, он назвал регион «Новой Англии» сплошной церковной епархией, за почти демонстративную набожность и отвращение ко всем развлечениям. Местами досуга считаются молитвенный дом, церковь и зал для лекций на религиозную тематику. Проповедники, читающие лекции и проповеди, пользуются большой популярностью, поскольку взяли на себя роль спасителей от однообразия обыденности [1]. На улицах Бостона к местным прохожим и к иностранцам без лишних слов подходили девушки и раздавали брошюры, призывающие соблюдать нравственную трезвость и ходить по воскресениям в церковь [4, с. 130-132]. И если в семейных делах религия устанавливает строгость, контроль и спокойствие [6], то в самой церкви проповедники позволяют себе эмоциональные выступления с аллюзиями на местную окружающую действительность и несколькими крепкими словами [1]. Такой подход можно объяснить, как желанием угодить прихожанам, так и тем, что с приходом политической культуры Просвещения, на идеалах которого построены Соединённые Штаты, больше внимания уделялось простому человеку начиная с публикаций для людей из народа,

«то есть произведений жанров, ставших своеобразным связующим звеном между “большой литературой“ и простым человеком» [2].

Но пуританизм влияет на население не только посредством общественного мнения, многие традиции вплетаются в законы «Новой Англии», которые непослушных карают преимущественно штрафами, в частности за пребывание в публичном доме или алкогольное опьянение предусмотрено 5 шиллингов штрафа. Люди в воскресенье по закону освобождаются от еженедельных дел, для богослужения и размышлений о своих обязанностях перед Господом, а невыполнение этого влечёт 10 шиллингов. В воскресенье запрещены любые путешествия, как и приём новых постояльцев в гостиницы, и по этой же причине нужно заплатить 20 шиллингов, чтобы просто выйти из гавани в воскресенье, а должностные лица обязаны следить за исполнением этих указов, останавливая и допрашивая путешественников о цели их пребывания, а также наблюдая за воскресной службой, поскольку за прогул её тоже следует штраф. А. Лакиер подчёркивал эти ограничения и считал их обременяющими и порождающими страх перед общественным мнением [4, с. 136-138]. Запреты пуританского толка влияют и на одежду местного населения, отвергая и запрещая ношение золотых и серебряных поясов, пуховых шляп, кружевных украшений на платьях, коротких рукавов, лент, бантиков, воротничков, и на хождение с обнажёнными плечами или длинными волосами [4, с. 138-139].

Данные отголоски пуританских традиций распространяются на все окружающие Бостон штаты «Новой Англии», будь то Хартфорд с запретом целовать жену в воскресенье [1], или штат Мэн с запрещёнными ромом, виски и джином, формируя, таким образом, характер «янки» - типичного жителя «Новой Англии», с постоянной строгостью, сдержанностью, молчаливостью и презрением к лености и праздности [4, с. 139-140].

Таким образом, европейские современники отмечали, что пуританизм в Северной Америке появился наряду с самыми первыми английскими колонистами в Массачусетсе и вокруг него, и оттого приобрёл обширное влияние в этом регионе, фактически обособляя его от остальных в культурном плане. Чрезмерная набожность является устоявшейся нормой, которая может терпеть мелкие рели-

гиозные течения, пока они не проявляют сильного инакомыслия. Основные рычаги религиозного влияния — это общественное мнение, критичное к новшествам, преимущественно религиозные формы досуга и вплетение пуританских норм в законы, регулирующие образ жизни местного населения. Всё это, по мнению современников, формулирует такие общие черты американского менталитета как высокая религиозность, холодность и сдержанность в характере, строгость в нравах, страх перед общественным мнением и презрение праздности.

Список литературы

1. Диккенс Ч. Американские заметки / пер. Т. Кудрявцевой. 1843. URL: https://www.e-reading.club/book.phpbook=19630 (дата обращения 10.10.2019).

2. Киселева О.А. Просвещение в политической культуре Европы // Источник. Информационно-методический и научно-педагогический журнал. Вологда: ВИРО, 2016. № 4. С. 12 -13.

3. Киселева О.А. Социальные революции XVII - XVIII веков: учебн. пособие по курсу «История Нового времени» для студентов ист. ф-та. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда: ВГПУ, 2013. 144 с.

4. Лакиер А. Б. Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и острову Кубе: в 2 т. Т. 1. СПб: тип. К. Вульфа, 1859. 376 с. URL: https://www.litres.ru/aleksandr-lakier/puteshestvie-po-severo-amerikanskim-shtatam-kanade-i-ostrovu-kube-t-1/ (дата обращения 10.10.2019).

5. Тверской (Пётр Дементьев) П. А. Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1895. 464 с.

6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. 1835. URL: http://librebook.me/democracy_in_america (дата обращения 10.10.2019).

Абрамова Анна Александровна,
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
Научный руководитель:
Николаева Софья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Образ первого денди Джорджа Браммелла в произведениях современников и писателей XIX века

The image of the first dandy George Brummell in the works of contemporaries and writers of the 19th century

Аннотация. *Статья посвящена исследованию отношения современников и литераторов XIX века к фигуре первого денди Джорджу Браммеллу. На основе анализа воспоминаний и работ современников автор статьи представляет разностороннюю обширную оценку личности и образа жизни первого денди. Автор в хронологической последовательности рассматривает распространение облика Джорджа Браммелла в прообразе главных героев литературных произведений писателей XIX века, что подтверждает проведенной аналогией с его биографическим очерком. Сделан вывод, что благодаря современникам Браммелла и литераторам XIX века дендизм был сохранен в интеллектуальном обиходе XIX столетия.*

Ключевые слова: *денди; дендизм; культура; культурный феномен; внешний вид; мужская мода.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the attitude of contemporaries and writers of the XIX century to the figure of the first dandy George Brummell. Based on the analysis of the memoirs and works of contemporaries, the author presents a comprehensive assessment of the personality and lifestyle of the first dandy. The author in chronological sequence considers the distribution of the image of George Brummell in the prototype of the main characters of literary works of writers of the XIX century, which is confirmed by the analogy with his biographical sketch. It is concluded that thanks to Brummell's contemporaries and writers of the XIX century, dandyism was preserved in the intellectual everyday life of the XIX century.*

Key words: *dandy; dandyism; culture; cultural phenomenon; external appearance; men's fashion.*

Актуальность изучения такого культурного явления как английский денди, в частности первого английского денди, заключается в том, что в современном обществе отчасти утрачено понимание этого уникального феномена культуры, получившего наивысший расцвет в Англии в XIX веке, который называется также «золотым веком дендизма» [2, с. 18].

Цель работы – раскрыть образ Джорджа Браммелла в произведениях писателей XIX века и в работах и воспоминаниях его современников.

Задачи:

1) Рассмотреть, как отображался первый денди в воспоминаниях и работах современников;

2) Проследить в хронологической последовательности распространение облика Браммелла в прообразе главных героев в произведениях писателей XIX века.

Зарождения дендизма в Англии относится к рубежу XVIII - XIX веков. Во-первых, в это время Лондон расцветает как столица моды, развивается портновское ремесло, во-вторых, происходит демократизация общества [1, с. 13] и, в-третьих, свое влияние оказывает европейский романтизм на эстетику в проявлении индивидуальной свободы личности [2, с. 55].

В словесный обиход «дендизм» начинает входить лишь в начале XIX века после письма Байрона в 1813 году к Томасу Муру, в котором он описал клубный бал: «Сезон завершился балом денди» [11, p. 81-83].

Но для того, чтобы в дальнейшем оперировать в наиболее правильной интерпретации данным термином, нужно определить и наиболее точно осмыслить это понятие не только в научном, но и в эстетическом аспекте.

Дендизм – сложное, неоднозначное явление, основателем которого считается Джордж Брайан Браммелл, который имел прозвище Beau, что означает «щеголь, красавчик». В разгар популярности, с 1799 по 1810 год, Браммелл, сын мелкого дворянина, значительно влиял на внешний облик, поведение британской аристократии.

Следы влияния Браммелла сохранились и остались осязаемы по сей день, особенно в истории мужской моды. Он выступает в роли

новатора и вводит следующие новшества, ставшие негласными канонами истинного денди: выступал за безукоризненный покрой фрака темного цвета, изящно повязанный шейный платок, наполированные ботинки, ввел моду на светлые узкие панталоны и жилеты во внешнем виде. Браммелл также ввел в обычай новые элементы ухода за собой: соблюдение гигиенических норм и стандартов. Но дендизм включал в себя не только манеру одеваться, но и манеру держаться в обществе и соблюдать кодекс поведения [2, с. 58–59].

Дендизм — целостное мировоззрение с определенным жизненным укладом и манерой поведения, результат соединения внешнего образа с внутренним состоянием.

Еще при жизни Браммелл становится фигурой, приковывающей пристальное внимание, которое отразилось во многих дошедших до нас воспоминаниях его современников.

Так, первый денди был современником романтиков и кумиром самого лорда Байрона, который проявил свое восхищенное впечатление о Браммелле в знаменитой фразе: «В XIX веке есть три великих человека — Браммелл, Наполеон и я» [9, p. 15].

Капитан Рис Хауэлл Гроноу, современник Джорджа Браммелла, был талантливым писателем: его мемуары формируют самую живую картину общества Регентства, представляют воспоминания о Регентстве в доступной форме, нацеленные как на общего читателя, так и на поклонника. Гроноу описывает первого денди, изображенного на обложке своей книги: «великий Джордж Браммелл, стоит в стиле дега (свободное состояние), с пальцами, опущенными в жилет. Его шейный платок неповторим и, должно быть, это стоило ему много времени и усилий, чтобы достичь такого совершенства» [8, p. 2].

Воспоминания Томаса Райкса примечательны тем, что в них содержатся мемуары человека, считавшегося среди своих друзей одних из самых влиятельных людей своего времени, включая Бо Браммелла, с которым он познакомился в Итонском колледже. Как свидетельствует Томас Райкс, он был «самым блеском моды и образцом» [12, p. 374], «никогда не было человека, который за свою карьеру имел такое большое влияние, а в редких случаях – такую общую популярность в обществе [12].

Но первый денди не был удостоен однозначной оценки современников. Едва он вынужденно покинул Англию, как собрание приписываемых ему острот и анекдотов последовало в обществе под названием «Brummelliana». Уильям Хэзлитт, один из классиков английской эссеистики, позаимствовал то же название «Браммеллиана», для малоприятного эссе, опубликованного в 1828 году, ссылаясь на истории из жизни Браммелла, оценивая их следующим образом: «они имеют смысл настолько ослабленный, что ничто не живет между ними и ерундой — они висят на самой грани пустоты, и в их призрачном составе близки к нулю» [3, с. 430-433].

Несмотря на все насмешки и нелестные высказывания в адрес первого денди, репутация Браммелла, как «арбитра элегантности» [2, с. 240] распространилась на Францию.

Книгой, в которой Оноре де Бальзак апеллирует к верховному авторитету в моде Джорджу Браммеллу, был «Трактат об элегантной жизни», впервые опубликованный в 1830 году. Автор решает узнать, как следует писать об элегантности у самого «принца элегантности», который становится не столько реальной фигурой, сколько символом [3, с. 145].

В следующем десятилетии еще две книги были посвящены утверждению Браммелла как культовой фигуры. В Англии капитану Джесси принадлежит два тома «Жизни Джорджа Браммелла», первая биография, посвященная первому денди [9]. Очерк, который Уильям Джесси собрал из блокнотов, писем, воспоминаний знакомых, содержит исчерпывающую информацию о юности и жизни Браммелла, содержит большое количество малейших деталей, из которых складывается полная картина жизни первого денди. Биограф так описывает Джорджа Браммелла: «Природа щедро наделила его своими дарами. Он обладал фигурой и пропорциями Аполлона… Лицо его было продолговатой формы, высокий лоб, выразительные брови, волосы светло-каштанового цвета, бакенбарды песочного оттенка… Выразительная мимика придавала его рассказам дополнительный эффект. Голос его был чрезвычайно приятным» [2, с. 59].

Во Франции появился влиятельный очерк Барбе д›Оревильи «О Дендизме и Джордже Браммелле» [3], который стремился опре-

делить сущность дендизма через изучение карьеры и образа жизни первого денди. Портрет Браммелла, нарисованный Барбе, возвышен и харизматичен: «Браммелл не был годен ни на что большее и ни на что меньшее, как быть величайшим Денди своего времени и всех времен. Он был им во всей точности, во всей чистоте, во всей наивности…» [3, с. 139].

В литературе Браммелл изображался более широко, чем в воспоминаниях и работах своих современников. Денди, олицетворяющий собой культурно-воспитанную личность, начал присутствовать как персонаж в литературе XIX века. Массовый характер это литературное явление начинает приобретать позднее, в 1820-е годы благодаря издателю Генри Коулберну начинает стремительно развиваться жанр «модного» романа – «fashionablenovel», где главный герой увлекался модными направлениями и модой [2, с. 348]. Как мы далее удостоверимся, прототипом этого главного героя нередко был Бо Браммелл.

Первый успех в стиле «модного романа» обретает «Тремэн» Уорда. Очевидный прототип Тремэна - Джордж Браммелл: недаром главный герой романа «любит сидеть возле окошка клуба Уайтс и иронизировать по поводу костюмов прохожих» [2, с. 350] - все это очевидное сходство с моментами из жизни первого денди, о которых повествует капитан Джесси [9, p. 118].

Изображение Джорджа Браммелла в образе главного героя происходит через персонаж Требека в «Гренби» Томаса Генри Листера. Автор описывает впечатление героини Кэролайн о встрече с Требеком: «она была введена в заблуждение словом своей матери «денди» и ожидала увидеть в нём целый ряд чрезмерных особенностей.. поэтому она удивилась, что он ничем не выделялся, его голова не была зафиксирована крахмалом под каким-либо углом, и его почти небрежный шейный платок ясно показывал, что он не изучал «Трактаты о завязывании шейных платков», а был его автором» [10, p. 88-89].

Немногие писатели провели более успешную аналогию своего героя с первым денди, чем Лорд Эдвард Бульвер-Литтон в своем трактате «Пелэм, или Приключения джентльмена», написанном в 1828 году, который рассматривали в то время как пособие по прак-

тике дендизма. Автор изображает образ жизни Браммелла в характере денди Мистера Расселтона. Ему приписываются такие истории из реальной жизни Браммелла, как необходимость трех портных, чтобы внести свой вклад в изготовление его перчаток [6, p. 95] и знаменитое оскорбление герцога Бедфордского «вы называете это пальто?» [6, p. 93], которые также мы прослеживаем в повествовании биографа Джесси [9, p. 63].

Но на дендизм практически уничтожающе повлияла мода, введенная взошедшей на престол в 1837 году королевой Викторией. Мода в этот период тоже стала более консервативной – императив сдержанности распространялся как на одежду, так и на мир чувств. Неудивительно, что в викторианской Англии отношение к дендизму становилось все более настороженным. Если сравнивать викторианство с эпохой Регентства, то можно отметить полный упадок дендистской традиции и в литературе [2, с. 453]. Появляются все более критические, по отношению как к дендизму, так и к Джорджу Браммеллу, сборники журналов, статей, книг.

В 1861 году выходит книга писателя Филиппа Уортона «Остроумие и изящество общества», где дана обширная саркастическая характеристика первого денди: «был предмет, к которому этот великий человек снизошел до применения принципов высокого искусства — аффектация…его аффектация была столь же велика, как и его наглость» [14, p. 148-149].

Продолжает эту линию британский корреспондент газеты «The Times» Уильям Рассел, который в своей работе «Эксцентричные люди» пишет об «эксцентричном Джордже Браммелле», начиная со слов «извращенная, потерянная жизнь знаменитого Бо Браммелла датируется 7 июня 1778 года» [13, p. 51], которые определяют весь характер главы о первом денди.

Но к концу XIX века происходит возрождение традиций дендизма, связанное с известными денди эпохи «декаданса» Робера де Монтескью, Оскара Уальда. В произведениях писателей вновь прослеживается интерес к дендизму и его основателю Джорджу Браммеллу. Так, продолжает линию исследования традиций дендизма Александр Бейли-Кокрейн, английский политик и писатель. Свою книгу «Во времена денди» [4] он посвятил изучению жизни пред-

ставителей дендизма, образа их мыслей. О Браммелле он пишет так: «Он, безусловно, обладал великим самообладанием и, прежде всего, великой добротой нрава» [4, p. 17].

Браммелл появляется под своим именем как персонаж исторического романа Артура Конан Дойла 1896 года «Родни Стоун». В романе дядя главного героя, Чарльз Треджеллис, является центром лондонского мира моды, пока Браммелл в конечном итоге не вытесняет его. «Это был мужчина хорошего роста, этот Браммелл, с длинным, светлым лицом, светло-каштановыми волосами» [7, p. 138].

Нельзя обойти вниманием и работу английского писателя Макса Бирбома «Денди и дендизм». Можно отметить, как Бирбом с восхищением повествует о первом денди: «Мистер Браммелл и в самом деле был художником. Ни поэт, ни повар, ни скульптор никогда не носили этого звания более достойно, чем он… Мистер Браммелл был денди, просто денди, с колыбели до того страшного дня, когда он потерял свою фигуру и был вынужден бежать из страны, даже до того далекого дня, когда он умер, сломленный изгнанником» [5, p. 5].

Переходя к заключению, можно сделать вывод – к дендизму, а в особенности к фигуре первого денди Джорджа Браммелла не могли оставаться равнодушными его современники и многие известные писатели и литераторы того времени. Бо Браммелл был инновационным костюмером и арбитром хорошего вкуса, заложившим не только основы пошива, которые мы знаем сегодня, но и манеру одеваться, манеру держаться в обществе и определенный кодекс поведения, что являлось основаним культурного типа человека, который не мог не отразиться в литературных произведениях этого периода.

Благодаря современникам Браммелла и литераторам XIX века дендизм был сохранен в интеллектуальном обиходе XIX столетия, чтобы позднее вновь возродиться и как стиль жизни, и как тематика произведений, которые нашли своих последователей и в XX веке. Именно из анализа их произведений мы извлекаем разностороннюю обширную оценку личности и образа жизни первого денди, которая является необходимой для изучения дендизма в целом.

Список литературы

1. Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986. 421 с.

2. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 638 с.

3. д›Оревильи Б. О дендизме и Джордже Брамелле. М.: Независимая газета, 2000. 205 с.

4. Baillie-Cochrane, A., lord Lamington. In the days of the dandies. L.: Blackwood, 1890. 132 p.

5. Beerbohm M., The works of Max Beerbohm. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1896. 165 p.

6. Bulwer Lytton E. Pelham; or, Adventures of a Gentleman. L.: G. Routledge & Sons, 1870. 339 p.

7. Doyle A., Rodney Stone. L.: Appleton, 1896. 409 p.

8. Gronow R. Reminiscences of Captain Gronow being anecdotes of the camp, the court and the clubs at the close of the last war with France. L.: Smith, Elder, 1862. 248 p.

9. Jesse W. The life of George Brummell, Esq. In 2 volumes. Vol. 1. L.: Sauders and Otley, 1844. 427 p.

10. Lister T.H. Granby: novel. L.: Henry Colburn, 1826. 348 p.

11. Notes and Queries of 29 July 1893, 8th Series. L.: G. Bell, 1893. 544 p.

12. Raikes T. France since 1830. L.: T and W. Boone, 1841. 398 p.

13. Russell W. Eccentric personages. N.Y.: American News Co, 1866. 433 p.

14. Wharton P. The wits and beaux of society. N.Y.: Harper & Brothers, 1861. 374 p.

Разгребельская Анна Вадимовна,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Горохов Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Серый Кардинал Вильсона

Wilson's kingmaker

Аннотация. *В статье говорится об Америке в преддверии и во время первой мировой войны, а также ее основных политических деятелях – президенте В. Вильсоне и его правой руки по вопросам международной политики полковнике Хаузе. Рассматривается дипломатическая карьера Хауза и его взаимоотношения с Вильсоном. Поднимается проблема роли Хауза в миротворческих миссиях США.*

Ключевые слова: *США; Первая мировая война; Вудро Вильсон; полковник Эдвард Хауз; миротворческие миссии.*

Abstract. *The article depicts the US before and during the First World War and deals with the main political figures of that time president Woodrow Wilson and his adviser Edward House. The author tells about House's political career and his relationship with Wilson. He touches upon the problem of the House's role in the US's peacekeeping missions.*

Key words: *The Unites States; the First World War; Woodrow Wilson; Edward House; peacekeeping missions.*

Первая мировая война – один из самых крупных и кровопролитных вооруженных конфликтов в истории человечества. В американской историографии она именуется «великой войной» и входит в пятерку наиболее значительных событий XX в. глазами американцев [4, с. 116].

Начавшиеся летом 1914 г. в Европе военные столкновения между двумя сформировавшимися антагонистическими коалициями быстро переросли в грандиозную по меркам того времени войну. На указанные события США ответили декларацией о нейтралитете, однако по мере продолжения войны США становились все более и более тесно экономически и политически связанными с Антантой, на стороне которой они вступили в войну в 1917 г.

Вильсон в 1914-1917 гг. искал принципы «новой дипломатии», выступая с рядом посреднических инициатив. К ним относились и вояжи в страны Европы ближайшего друга и советника президента по делам внешнеполитическим полковника Эдварда Хауза, начавшиеся еще накануне войны (май-июнь 1914 г.) и продолжавшиеся после ее начала (в январе – мае 1915 г, декабре 1915-феврале 1916 гг.).

В данной работе рассматривается деятельность полковника Хауза в предвоенный и военный периоды. Мы сконцентрируемся на взаимоотношениях президента Вильсона и Хауза в это время, а также подробно рассмотрим методы, которыми советник пользовался для достижения целей.

Полковник Хауз был крупным землевладельцем из Техаса [1, с. 3], богатым и влиятельным человеком. Его детство прошло в родном штате, где в возрасте семи лет он стал свидетелем Реконструкции Юга после Гражданской войны. Как вспоминал Хауз: после увиденного, Европейская война казалась не такой ужасной. Мальчик с детства не любил учиться, после смерти матери он был отправлен в школу-интернат на Север, где и увлекся политикой.

Настоящая политическая карьера его началась в 1886 г., когда он вернулся в родной штат для управления семейным бизнесом. Там Хауз стал неофициальным советником многих губернаторов [3, с. 25]. В частности, именно в этот период он получил звание «полковник»[1] за то, что помог победить на выборах губернатора штата Техаса Джеймсу Хоггу в 1892 г. Он был уверенным, обаятельным и располагающим к себе человеком. К началу XX столетия он вышел на общегосударственный уровень: работал на президентских кампаниях в 1900 и 1904 г. Но наибольшую роль в американской политике ему предстояло сыграть в 1914-1919 гг. при президенте Вильсоне.

Их сотрудничество началось в 1912 г., когда «Хауз участвовал во многих повседневных задачах президентской кампании 1912 года и затем помог Вильсону выбрать кабинет и сотрудников» [5]. В начале срока Вильсона полковник занимался повседневными политическими задачами, затем на него возложили еще больше обя-

[1]Такой почётный уважительный титул, принятый на американском Юге и выдаваемый решением суда и исполнительной власти, получали заслуженные граждане штата.

занностей [5]. Вскоре они стали очень близки: «Он [Вильсон] заявил, что я единственный во всем мире человек, перед которым он может высказываться абсолютно откровенно» [1, с. 137].

Однако важно отметить, что они были очень разными людьми, и с точки зрения полученного образования, и – политических взглядов: Вильсон – бывший ректор Принстонского университета, человек догматического склада ума, чопорный и высокомерный [3, с. 25], Хауз – не окончивший даже курс колледжа, но мудрый, гибкий и добродетельный политик [5]. Именно он стал главным выразителем точки зрения Америки в Европейской войне, неофициальным представителем Вильсона и наиболее влиятельным неофициальным служащим США.

Вильсон в 1914-1916 гг. больше внимания уделявший внутренней политике, в вопросах внешней всегда советовался с Хаузом, для которого внешнеполитические проблемы всегда были наиболее интересными и важными. С ним президент обстоятельно обсуждал выбор людей для Лондона, Берлина, Рима, Вены и Парижа [1, с. 8], он ограничивал его настолько, насколько сам Хауз сочтет это необходимым [1, с. 22]. Он позволял ему заниматься как панамериканскими вопросами, так и европейскими. По поводу всех этих мероприятий у Хауза было свое мнение, которое он не боялся высказывать президенту: «Я считаю необходимым предупредить» [1, с. 130], «При назначении на этот пост я бы позаботился, чтобы…» [1, с. 8]. Представляя президенту какой-нибудь план, Хауз не ждал утвердительного отзыва. Очевидно, молчание президента он принимал за знак согласия, ибо однажды выразился: «Если президент не спорит, я знаю, что можно уверенно продвигать дело, так как он редко выражает свое согласие словами, но когда он не согласен, он это всегда скажет» [1, с. 70].

У Хауза была особая тактика ведения дел: он считал важным установить тесные контакты с послами, премьер-министрами и другими официальными лицами вне зависимости от того, где он находился – в США или в командировке заграницей. Он всегда был на связи с американскими послами, «не жалел ни времени, ни энергии на то, чтобы информировать их о политическом положении на родине» [1, с. 12]. Такие же близкие и доверительные отношения он установил с иностранными дипломатами в Вашингтоне: до начала войны он был в дружеских, почти конфиденциальных отношениях с Т. Спринг-Рай-

сом[1], И. Бернсторфом[2], Ж. Жюссераном[3]. Налаженные им на родине связи очень помогли ему в выполнении специальных поручений в Европе во время войны, кроме того Хауз был исключительно хорошо осведомлен о происходящем во внешней политике, которой, как он надеялся, президент Вильсон скоро займется [1, с. 16].

Приехав за границу, Хауз продолжал налаживать контакты со всеми, кто мог оказать ему содействие или помочь информацией в выполнении его миссии: с деятелями разных партий и оттенков, с людьми делового мира и журналистами. Так, например, ему удалось договориться, чтобы его имя не попало в европейские газеты, когда ему нужно было остаться в тени [1, с. 158]. Он также стремился лично встречаться с премьер-министрами Союзников (он был близким другом британского премьер-министра Э. Грея), канцлером и кайзером Германии, послами США и другими ключевыми политическими лицами. Именно такой близкий и неофициальный контакт с официальными представителями помогал Хаузу транслировать мнение Америки по поводу европейских событий. Кроме того, в случае неуспеха какого-либо дела, никто не смог бы обвинить США или Вильсона. Ведь Хауз всегда подчеркивал, что он высказывает свою личную точку зрения и что он делится своим мнением как бы по секрету, по-дружески [1, с. 142]. Хотя все, конечно, знали, что Хауз – серый кардинал президента.

Выбор кандидатуры Хауза на роль «неофициального» представителя Америки на внешней арене был неслучайным. Это была сфера его интересов, он давно разрабатывал несколько планов сотрудничества США, Великобритании и Германии. Термин «политика» Хауз понимал в самом широком смысле слова, включая и международные отношения. Более того, он был одним из немногих в то время, кто осознавал, что отношения США с Европой глубоко изменились и сделали США и духовно, и экономически членом семьи мировых держав. Он был убежден, что вслед за этим должно народиться политическое содружество [1, с. 17]. Хауз стремился к установлению взаимопонимания, основанного на сотрудничестве с великими европей-

[1]Посол Великобритании.

[2]Посол Германии.

[3]Посол Франции.

скими державами, которое помогло бы сохранению мира во всем мире, жизненно важного для Соединенных штатов. Именно с целью предотвратить надвигающуюся войну, а впоследствии прекратить ее Хауз отправляется в Европу, где предлагает США выступить в качестве посредника между двумя противоборствующими блоками.

Таким образом, правой рукой Вильсона с 1913 г. являлся полковник Хауз, опытный и грамотный политик, у которого были свои взгляды на международные отношении и свое видение на внешнюю политику США. Он пользовался безграничным доверием президента, тот даже называл его «своей второй личностью» [5]. Ему же он доверил важные миротворческие миссии в Европу до начала первой мировой войны (так называемая «Великая затея Хауза») и во время ее. Хауз не случайно был выбран на роль транслятора американского предложения. Его ум, дипломатический талант и гибкость позволяли США долгое время маневрировать между блоками, не вмешиваясь в военный конфликт. Тесные контакты Хауза с политическими и общественными деятелями воюющих стран, а также политическая грамотность, готовность идти на уступки способствовали росту авторитета США и выдвижению ее в разряд Великих держав.

Список литературы

1. Архив полковника Хауза: в 4 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. 220 с.

2. Заостровцев Б.П., Окунев О.Н. На пути к Мировой войне: Американская дипломатия и противоречия между Европейскими державами (1908 – 1914 гг.) // Европейская политика США в конце XIX - начале XX в. Межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1989. С.102-116.

3. Кудина М.М. Вудро Вильсон и полковник Хауз в деле мирного урегулирования после Первой мировой войны // Актуальные проблемы истории Нового и новейшего времени: сб. мат-в м/н науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов по проблемам истории XVII-XX вв., С.-Петербург, апрель 2006. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 25-30.

4. Малаховский А.К. Пропаганда и цензура в журналистике США в годы Первой мировой войны: от нейтралитета к патриотизму // Вестник РУДН. 2014. № 2. С.116-123.

5. Claude R. Marx. The Man Who Helped Shape Wilson's Foreign Policy // The Washington Times. Washington, 2006. August 20. URL: https://www.questia.com/read/1G1-149785830/the-man-who-helped-shape-wilson-s-foreign-policy (дата обращения: 20.04.2019).

Попов Дмитрий Игоревич,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Новикова Ирина Николаевна, доктор исторических наук, профессор

Роль Лиги Наций в урегулировании Аландского кризиса 1918-21 гг.

The role of the League of Nations in the resolution of the Aland crisis 1918-1921

Аннотация. *В настоящей статье представлен анализ роли Лиги Наций в урегулировании Аландского кризиса 1918-1921 годов. Автор поставил перед собой задачу с помощью историко-генетического, сравнительно-аналитического метода и системного подхода рассмотреть как историю Аландского вопроса, так участие в нём конфликтовавших сторон и Лиги Наций. В результате проведённого исследования была выявлена определяющая миротворческая роль международной организации, опыт которой может быть использован и в наши дни.*

Ключевые слова: *Лига Наций; международная организация; Аландский кризис; этнополитический конфликт; Финляндия; Швеция; Аландские острова; Аландская автономия.*

Abstract. *This article presents an analysis of the role of the League of Nations in the resolution of the Åland crisis of 1918-1921. The author has set the task to consider both the history of the Åland question and the participation of the conflicting parties and the League of Nations in it using the historical-genetic, comparative-analytical method and a systematic approach. As a result of the conducted research the defining peacekeeping role of the international organization which experience can be used and today was revealed.*

Key words: *the League of Nations; international organization; the Åland Islands dispute; ethnopolitical conflict; Finland; Sweden; The Åland Islands; Åland autonomy.*

После окончания Первой Мировой войны для поддержания нового мирового порядка была создана новая международная организация – Лига Наций. Её основными целями считались пре-

дотвращение войн, любых вооружённых конфликтов, гарантия мира через систему коллективной безопасности, создание условий для сотрудничества в Европе [8]. Стоит отметить, что организация во многом не оправдала возложенных на неё задач: она не смогла предотвратить усиление Германии и Японии и спасти мир от новой войны. В то же время на её счету есть и удачно разрешённые международные конфликты 1920-х гг., в которых Лига Наций сыграла роль третейского судьи, с чем она смогла хорошо справиться.

Одним из подобных конфликтов стал спор Швеции и вновь образованной Финляндии насчёт статуса Аландских островов. Таким образом, целью настоящей статьи будет выявить ту роль, которую сыграла международная организация для разрешения данного спора. Для ответа на поставленный вопрос необходимо, во-первых, рассмотреть историю Аландского конфликта, каковы были его предпосылки и причины, после чего охарактеризовать основную фазу кризиса – 1918-1919 гг. Во-вторых, необходимо понять, каковыми были возможности урегулирования этого кризиса собственными силами двух сторон – Финляндии и Швеции, т. е. могли ли они прийти к компромиссу самостоятельно. Наконец, стоит изучить роль международной организации в окончательном прекращении кризиса, а также какие были последствия у такого урегулирования вопроса. В качестве методов исследования были использованы историко-генетический, сравнительно-аналитический, а также индукция и системный подход.

Данное исследование представляется достаточно актуальным, поскольку в настоящее время Аландскому вопросу, а также роли в нём Лиги Наций посвящено незначительное количество отдельных исследований. Конфликт 1918-21 гг. рассматривается в работах комплексного характера по истории Аландских островов или трудах, посвящённых всем кризисам Межвоенного периода. Кроме того, вопрос участия международной организации в урегулировании различных споров является очень важным в современном мире, когда существует большое количество конфликтов, подход к разрешению которых пока ещё не совсем определён.

Итак, перейдём к рассмотрению истории Аландского вопроса. Аланды – это небольшая группа островов, расположенных в центре

Балтийского моря между тремя его заливами. Архипелаг является природным мостом между современной Швецией и Финляндией, тем самым он играет важную стратегическую роль во всём регионе [9, с. 4-5]. Во времена Шведского Великодержавия, Аландские острова стали важнейшей частью империи, что отразилось на их населении, которое стало шведскоязычным.

Впоследствии в судьбе архипелага значительную роль сыграло русско-шведское противостояние. Здесь проходили знаменательные сражения Великой Северной войны и велись переговоры по её окончанию [7, с. 50]. Затронули острова и следующие войны России со Швецией. Особую роль они сыграли в кампании 1809 года, в результате которой они и вошли в состав Великого княжества Финляндского Российской империи. Не менее важная роль Аландов прослеживается в XIX веке. Можно вспомнить знаменитую оборону крепости Бомарсунд во времена Крымской войны, после которой они и были объявлены нейтральными: на Парижской конференции была подписана первая конвенция по Аландским островам [3, с. 40-41]. Однако на военно-стратегическое значение архипелага договор, стоит сказать, не повлиял, что подтверждают, например, планы России вновь построить здесь укрепления, особенно в контексте нарастающей напряжённости в международных отношениях начала Первой мировой войны [5, с. 145].

После революций 1917 года в России и обретении независимости Финляндии поднимается вопрос о статусе Аландов. С одной стороны, они в течение столетия были в составе Великого княжества Финляндского, Або-Бьёрнеборгской губернии, что не могло не отразиться на их экономических и культурных связях, с другой – шведскоязычное население составляло здесь подавляющее большинство, которое не забыло о своей исторической родине. К тому же, в независимой Финляндии происходит «возрождение» финского языка, его правительство хочет сделать единственным языком государства, а носителям шведского начинают создавать всевозможные препятствия.

В то же время сыграла свою роль и международная обстановка. Финляндское государство, образованное под эгидой Германии, не может войти в стан победителей Великой войны. Нейтраль-

ная же Швеция, наблюдая за настроениями на Аландах, стремится присоединить стратегический район, прикрывающий Стокгольм и обеспечивающий безопасность всей страны с востока, предлагая референдум 12 декабря 1918 года [2, с. 116]. Британия и Франция поддерживают её.

Попытки решить этот вопрос таким образом не удались. Провести референдум Финляндия отказалась по понятным причинам, но предложила Швеции создать на островах совместную военную базу, что не нашло поддержки уже в Стокгольме. Хельсинки занял жёсткую позицию: не желая отказываться от принадлежащих ей территорий, туда даже высадились финские войска [6, с. 190]. На проходившей в то же время Парижской мирной конференции кризис был объявлен сложной проблемой, и особые усилия для примирения сторон не прилагались. В конце концов, при участии К. Г. Маннергейма было принято решение передать Аландский вопрос на рассмотрение в новообразованную Лигу Наций.

После этого кризис стал понемногу утихать. Финляндский сейм в апреле-мае 1920 года принял законы о предоставлении Аландским островам автономии (в том числе культурно-языковой) и самоуправлении: жители архипелага могли избрать свой парламент, занимавшийся местными вопросами [9, с. 486]. Это способствовало принятию Лигой Наций заключения о государственной принадлежности Аландов.

Однако это не явилось окончательным примирением Швеции и Финляндии, поскольку выгоды получила только последняя сторона. Комиссия по Аландскому вопросу работала ещё год, и уже 20 октября 1921 года был утверждён её проект «О неукреплении и нейтрализации Аландских островов» [9, с. 488], в котором была заинтересована и Швеция [4, с. 140].

Таким образом, именно благодаря действиям Лиги Наций спор между Финляндией и Швецией удалось урегулировать, причём, на наш взгляд, эти противоречия окончательно перестали существовать. В дальнейшем мы не наблюдаем никакой напряжённой ситуации вокруг Аландского архипелага [11, p. 11]. Наоборот, две державы стали друг с другом тесно сотрудничать и в экономическом, и политическом плане. Были попытки создания и совместной

военно-морской базы [1, с. 141-145]. Швеция активно поддерживала Финляндию во время Зимней войны, отправив на фронт около 10 тысяч добровольцев, а на предложения СССР о присоединении тех же самых Аландов в обмен на помощь в войне решительно отказалась. Сами же Аландские острова до сих пор являются автономией в составе Финляндской республики, сохраняют свои язык и культуру. На архипелаге проходят разнообразные встречи, в том числе Парламентская конференция Балтийского моря 2018 г. [12, p. 6].

Итак, суммируя всё вышесказанное, мы можем заметить, что роль Лиги Наций в урегулировании кризиса была значительной (именно благодаря усилиям созданной ей комиссии стороны смогли прийти к согласию), деятельность организации оказалась полезной для всех сторон. Разрешение кризиса считается в мировой политике прекрасным образцом мирного решения национально-территориальных проблем [10, p. 196]. Наконец, нужно отметить, что опыт разрешения Аландского конфликта международной организацией может быть использован в наши дни: когда в мире насчитывается много серьёзных противоречий, необходимо помнить, что именно мирное разрешение способствует в дальнейшем плодотворному сотрудничеству бывших враждующих сторон.

Список литературы

1. Гехт А.Б. Переговоры руководства Финляндии и скандинавских государств в Стокгольме 18–19 октября 1939 г. и их внутриполитические последствия для Швеции // Клио. 2015. № 10. С.141-145.

2. Иванников Н.С. Позиция Швеции по отношению к Аландскому сепаратизму 1917-1921 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17. С. 113-122.

3. Конвенция между Россией, Францией и Великобританией об Аландских островах // Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917) / под ред. Е.А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. С. 40-41.

4. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Издательство «Весь мир», 2008. 248 с.

5. Мусаев В.И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года:

этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 144-154.

6. Рогинский В.В. Североевропейские конфликты в Новое и Новейшее время: пути преодоления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 794. С. 183-195.

7. Сорина Х. Аландский конгресс // Вопросы истории. 1944. № 6. С. 50-65.

8. Статут Лиги Наций // Версальский мирный договор. Полный перевод с французского / под ред. Ю.В. Ключникова и А.Сабанина. М.: Издание Литиздата НКИД, 1925. С. 7-15.

9. Тиркельтауб С.В. Аланды в войнах и мире. СПб.: ОРЕОС, 2008. 604 с.

10. Åkermark S.S. The Åland Islands Question in the League of Nations: The Ideal Minority Case? // Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. 2010. Vol. 13. P. 195-205.

11. Nauclér E. The neutralization of the Åland Islands // Baltic Rim Economies. 2015. №. 5. P. 11.

12. Pettersson J. From crisis to success, how Åland became the Islands of Peace // Baltic Rim Economies. 2017. №. 4. P. 6.

Смолина Анастасия Игоревна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Борисенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Характеристика женской занятости в сельском хозяйстве Великобритании (1920-е – 1930-е гг.)

Characteristics of women's employment in Great Britain agriculture (1920s-1930s)

Аннотация. *В данной статье на примере сельского хозяйства исследуется круг проблем и противоречий, связанных с работой женщин в межвоенный период. Анализируется уровень участия женщин в межвоенном сельском хозяйстве и региональные модели женского труда. Показан ряд противоречий, особенно в отношении числа женщин, занятых в сельском хозяйстве, в отношении региональных различий сельскохозяйственной деятельности. В последней части рассматривается вопрос о ставках заработной платы женщин в сельском хозяйстве.*

Ключевые слова: *Работающие женщины; сельскохозяйственные работники; занятость; экономика сельского хозяйства; гендерные роли; социальные изменения.*

Abstract. *This article examines the range of problems and contradictions associated with the work of women in the interwar period on the example of agriculture. The level of women's participation in interwar agriculture and regional models of women's labor are analyzed. There are a number of contradictions, particularly with regard to the number of women employed in agriculture, regional differences in agricultural activities. The latter part deals with the issue of women's wage rates in agriculture.*

Key words**:** *Working women; Agricultural workers; Employment; Farm economics; Gender roles; Social change.*

Часто считается, что к началу XX века сельское хозяйство было пережитком устаревшей традиции и давно перестало быть основным работодателем для женщин [1, p. 18]. Согласно данным Национальной переписи населения, в 1921 году женская занятость в сельском хозяйстве составляла лишь 2% от общего числа занятых в Англии и Уэльсе, а в 1931 году этот показатель снизился до 1%. [4, Table 8.3].

Таким образом, общие данные позволяют исследователям отказаться от анализа сельскохозяйственного труда в пользу других ведущих профессиональных категорий. Однако, если смотреть с иной точки зрения, появляется представление о довольно разных между собой сельских районах Великобритании. Оплачиваемый неполный рабочий день замужних женщин, включающий полевую работу, остается важным источником средств к существованию в отдельных сельских районах из-за нерегулярного и хрупкого характера мужского рынка труда в тех местах [7, p. 218]. Такой труд был зачастую временный и сезонный по своему характеру, и часто не регистрировался. [5, p. 82].

Установление уровня участия женщин в сельском хозяйстве Великобритании в межвоенный период сопряжено с определенными трудностями. Основными источниками статистической информации о занятости женщин являются материалы переписи населения за 1921 и 1931 годы, а также ежегодные отчеты Министерства сельского хозяйства. Они приводят совершенно разрозненные данные [12, Table №1]. В ходе переписи населения 1921 года было зарегистрировано 32265 женщин, занятых в сельском хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих (agricultural labourers) и служащих фермы (farm service) (в возрасте 12 лет и старше), тогда как в том же году Министерство сельского хозяйства зафиксировало 73180 женщин и девушек, работающих на постоянной основе (regular worker) (всех возрастов), и 52678 женщин и девушек, работающих по найму (casual worker). Хотя перепись населения указывает на то, что в межвоенный период уход женщин из данной профессиональной области был быстрым и в период с 1921 по 1931 год работницы сельского хозяйства сократились примерно на 45% (по сравнению с 15% сокращением мужской рабочей силы), цифры, предложенные Министерством сельского хозяйства, предлагали немного более сложную картину. Они отмечают сокращение на 12% среди regular worker и на 46% сокращение численности casual workers. Как и у мужчин, показатели для работающих на постоянной основе женщин быстро снижались в период депрессии начала 1920-х годов, а стабилизировались и даже росли до начала 1930-х годов, после чего они снова начали снижаться [6, p. 77].

Разницу между двумя наборами данных можно объяснить тем, что перепись населения касалась женщин, постоянно занятых

на сельскохозяйственных работах (regular workers), которые определялись как женщины, занятые на сельскохозяйственных работах от 48 до 50 часов, также, как и мужчины [9, p. 65]. Также классификация женщин-прислуг, проживающих в сельских домах, являлась источником большой путаницы в связи с двойной занятостью как внутри, так и вне дома. Данные переписи населения, таким образом, не позволяют получить четкое представление о том, в какой степени сельскохозяйственные работы в графствах выполнялись женщинами. Не проводится никаких различий между домашней прислугой на фермах и домашней прислугой в частных домах. Этот факт затмевает многогранный характер работы прислуги и может быть значительным источником искажения информации о работе женщин [5, p. 471]. Классификация женщин, работающих на фермах в качестве домашней прислуги преувеличивает преобладание домашней прислуги в межвоенной экономике в целом.

Министерство сельского хозяйства попыталось обойти некоторые из этих проблем, проводя четкую дифференциацию между штатными и временными работниками. К сожалению, данные Министерства не дают никаких разъяснений по вопросу о женщинах-прислугах. В этом отношении данные о женщинах, занятых в сельском хозяйстве, скорее всего, занижены. Однако Министерство сельского хозяйства включало в свои данные женщин, членов семьи арендатора, в то время как в переписи населения они были перечислены отдельно, насчитывая 15384 в 1921 году и 8189 в 1931 году [2, p. 315].

Несмотря на несоответствие между доступными статистическими данными, в них приводится разбивка показателей по возрасту, семейному положению и региону. Согласно переписи, типичная работница сельского хозяйства была молодой и незамужней. В 1931 году 76% работающих женщин были незамужними, 19% - замужними, а 5% - вдовами. Сельское хозяйство было «занятием, куда шли девушки после того, как они закончили школу и отказались от брака, подобно тому как это было в промышленности» [2, p. 312]. Однако наиболее важным и дифференцируемым фактором участия женщин в сельском хозяйстве был регион. На основе данных, полученных из переписи, можно сделать вывод, что общенациональные цифры

скрывают отдельные региональные особенности, в которых число работающих женщин было статистически значимым: например, крайний север Англии, юго-запад Уэльса, части восточной Англии.

Занятость женщин в сельском хозяйстве оставалась высокой в отдаленных регионах, где женский труд традиционно был обычным делом. Крупные, изолированные, пахотные хозяйства на крайнем северо-востоке долгое время опирались на широкое использование женского труда, и этот обычай сохранился и в 1920-1930-х годах. В отличие от этих регионов, удаленная экономика мелких фермерских хозяйств юго-запада Уэльса не требовала большого числа наемных работниц, поэтому и опиралась на домашнюю прислугу, которая выполняла сельскохозяйственную работу в дополнение к своим обычным домашним обязанностям, при содействии и под надзором жен и дочерей фермера [12, p. 116]. В графствах на юго-западе и севере Англии обычная практика состояла в том, чтобы домашняя прислуга тратила 3-4 часа в день на работу с молоком, разведение скота, работу во дворе и помощь в полевых работах. Нехватка свободного времени и тяжелый кропотливый домашний труд на ферме привели к снижению популярности такой работы среди молодых женщин в межвоенный период. Относительная нехватка прислуги, желающей работать на фермах, способствовала поддержанию высокой заработной платы для женщин в данной области и создала конкуренцию среди фермеров, стремящихся заручиться их услугами [10, p. 425].

Работа в молочном хозяйстве и, особенно, в птицеводстве обычно воспринималась как область женской занятости на ферме. Однако масштабы и структура этих отраслей менялись в межвоенный период. В молочном животноводстве все чаще преобладает переход к крупномасштабному производству молока для удовлетворения городского спроса, однако традиционные женские отрасли по производству масла и сыра сохранялись, производя высококачественную продукцию для узкоспециализированного рынка. Хозяйства, где сыр являлся ключевым элементом дохода, все больше концентрировались на северо-западе и юго-западе Англии. Хотя традиционные методы и процессы на фермах оставались доминирующими в межвоенный период, доярки все чаще становились частью более совре-

менной и научной рабочей силы на ферме. Различные направления межвоенной литературы способствовали тому, чтобы молочная индустрия предлагала молодым женщинам потенциально прибыльную и квалифицированную карьеру с упором на профессиональное образование и обучение. Наряду с традиционными женскими отраслями пропагандировались бактериологический анализ молока, сбыт и поставка продукции.

Птицеводство по-прежнему оставалось прерогативой мелкого производителя, который извлекал выгоду из растущего спроса в городах и поселках, на долю этой отрасли приходилась все более значительная доля сельскохозяйственной прибыли, и в межвоенный период она также постепенно переходила к крупномасштабному производству [5, p. 72]. Птицеводство по-прежнему рассматривалось в качестве особенно подходящей работы для женщин, поскольку они обладали рядом важных «женских» качеств, имеющих решающее значение для успеха в этой отрасли. Они включали в себя усердие, тонкое чувство наблюдения и естественное сопереживание.

Совершенствование методов производства открывает новые возможности трудоустройства для женщин в указанных отраслях [8, p. 32]. Аналогичный процесс является центральным и для других форм сельского хозяйства, в частности, расширяющихся областях рыночного садоводства и цветоводства. Как показывают статистические данные, большая часть этой работы проводилась в восточной и южной Англии. В Линкольншире, например, работа была сосредоточена на выращивании лука и картофеля. Фермеры свидетельствовали о достаточной опытности женщин, работающих на картофельных полях, и многие женщины могли подготовить акр в день [10, p. 158]. Однако в некоторых регионах в межвоенный период рыночное огородничество было очень структурированной отраслью. Женская работа состояла из таких операций, как обрезка молодых почек, посадка растений, сбор и упаковка урожая. В случае, например, с помидорами мужчины обычно выполняли работу по выращиванию, а женщины упаковывали, сортировали и изготавливали коробки. Таким образом, по мере расширения операций происходило и разделение процессов, в результате чего разделение труда по гендерному признаку продолжало доминировать и в сельской местности.

Фруктовые и хмелеводческие фермы также создавали много временных рабочих мест для женщин. Во многих частях Англии, где выращивается горох, фрукты или хмель, предложение мужского труда было недостаточным, и стояла необходимость в привлечении дополнительных работников [12, p. 118]. Женщины, которые могли быть работниками по найму (casual workers), находили работу на одной и той же ферме в течение года или переезжали с фермы на ферму. Такой труд считался полезным дополнением к семейному доходу и позволял женщинам выходить на местный рынок труда и выходить из него по мере необходимости. Фермеры также продолжали ввозить рабочую силу из местных городков, набираемых в пиковые сезоны как дополнение к постоянным работникам. Фермеры нанимали рабочих для сбора хмеля в сентябре, летом набирали женщин для сбора фруктов и гороха. Выращивание некоторых пахотных корнеплодов, особенно картофеля и сахарной свеклы, также обеспечивало значительную временную занятость женщин. Женщины в период с марта по апрель находили работу по выращиванию картофеля, уборке картофеля с июля по ноябрь и уборке свеклы с октября по декабрь [12, p.118]. В некоторых графствах женщины по-прежнему были заняты сезонно на уборке сена и кукурузы.

В 1924 году выходит закон о регулировании заработной платы в сельском хозяйстве (The Agricultural Wages (Regulation) Act). Были учреждены центральный совет по заработной плате в сельском хозяйстве и окружные сельскохозяйственные комитеты. Роль комитетов заключалась в том, чтобы устанавливать минимальные ставки для всех работников сельского хозяйства, в том числе сверхурочные [11, p. 28-33]. Такое государственное регулирование оказало значительное влияние на уровень заработной платы в межвоенный период. Заработная плата обычного сельскохозяйственного рабочего выросла примерно на 15% в конце 1920-х годов и на 20% в 1930-х годах [3, p. 91]. Это сопровождалось резким изменением географического распределения заработной платы, когда районы северной Англии и Южного Уэльса утратили свое превосходство над северо-восточными, восточными и юго-восточными районами [11, p. 5]. В целом заработная плата женщин не менялась также, как и мужская. Минимальная заработная плата для работающих женщин почти по-

всеместно устанавливалась по часам. Отмечалось, что средняя почасовая заработная плата взрослой женщины по стране оставалась неизменной и составляла чуть более 5 пенсов в час. К концу 1930-х годов средний показатель по стране вырос лишь до 5½ пенсов. Тяжелое положение было у несовершеннолетних работниц и выпускников школ, не достигших 18 лет, которые составляли значительную часть рабочей силы, и многим из них платили от 2 до 4 пенсов в час. Маленькая заработная плата действительно была почти повсеместной, но в других случаях, когда работающие женщины пользовались высоким сезонным спросом, заработная плата могла превышать минимальную почасовую ставку.[1] Несмотря на это, не было никаких сомнений в том, что к концу межвоенного периода уровень заработной платы женщин оставался крайне низким.

Таким образом, региональная структура занятости женщин в сельском хозяйстве была связана с рядом обстоятельств и свидетельствует как о преемственности традиционных способов женского труда, распространенных в XIX веке, так и о растущем значении новых форм работы, связанных с изменением характера сельскохозяйственного производства в стране в межвоенный период. В сельском хозяйстве спрос на определенные виды труда, связанный с молочными, огородничеством и производством пахотных земель, приводил к иногда широко распространенной занятости женщин в определенных региональных центрах. Как и в других отраслях, эта работа была разделена по полу, хотя это было характерной чертой сельскохозяйственного труда в течение нескольких столетий. Молодые одинокие женщины в возрасте до 25 лет составляли большинство. В межвоенный период женщины оставались важным нерегулярным источником рабочей силы для сельского хозяйства, особенно в районах, где заработная плата мужчин была низкой, и необходимо было пополнять семейный доход за счет временной женской занятости. Концентрация работающих женщин на определенных работах, которые часто были сезонными или случайными, их молодость и домашние обязанности, по-разному способствовали

[1]Минимальная почасовая ставка для женщин в межвоенный период варьировалась от 5½ до 6 пенсов в час в зависимости от графства.

продолжению оправдания низкой заработной платы и плохих условий для женщин, работающих в сельском хозяйстве.

Список литературы

1. Braybon G., Summerfield P. Out of cage: women's experiences in two world wars. L.: Routledge, 1987. 352 p.

2. Census Office. Census of England and Wales, 1921. L.: HMSO, 1924. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.c021237210 (дата обращения: 17.09.2019)

3. Gowers R., Hatton T. The origins and early impact of the minimum wage in agriculture // Economic History Review. 1997. Vol. 50. № 1. P. 82-103.

4. Holloway G. Women and Work in Britain Since 1840. L.: Routledge, 2005. 306 p.

5. Howkins A. The death of rural England: A Social History of the Countryside Since 1900. L.: Routledge, 2003. 272 p.

6. Howkins A., Verdon N. Adaptable and sustainable? Male farm service and the agricultural labour force in midland and southern England, 1850-1925 // Economic History Review. 2008. Vol. 61. № 2. P. 467-495.

7. Hussey S. Low pay, Underemployment and Multiple Occupations: Men's Work in the Interwar Countryside // Rural History. 1997. Vol. 8. № 2. P. 217-235.

8. Ministry of Agriculture and Fisheries and the Board of Education. Interdepartmental Committee. The practical education of women for rural life. L.: HMSO, 1928.

9. Ministry of Agriculture and Fisheries. «Employment of women in Agriculture»; Report of proceedings under the Agricultural Wages Regulation Act (for the year ending 1927). L.: HMSO, 1928. Appendix IX.

10. Ministry of Agriculture and Fisheries. Wages and Conditions of Employment in Agriculture: Vol. II (Report by investigators). L.: HMSO, 1919. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=coo.31924055476976;view=1up;se= (дата обращения: 17.09.2019).

11. Pedley W. H. Labour on the land: a study of the developments between the two great wars. L.: P. S. King & Staples limited, 1942. 198 p.

12. Verdon N. Agricultural Labour and the Contested Nature of Women's Work in Interwar England and Wales // The Historical Journal. 2009. Vol. 52. № 1. P. 109-130.

Юрасова Полина Андреевна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель

Организационная основа советско-британских культурных отношений (1953–1964 гг.)

The Organizational Framework of Soviet-British Cultural Relations (1953–1964)

Аннотация. *Статья посвящена различным обществам, организациям и учреждениям, занимавшимся культурным обменом между Советским Союзом и Великобританией в период 1953-1964 гг. Освещается процесс образования и развития организационной основы культурного обмена, предпосылки образования тех или иных организаций под воздействием политических факторов, а также даётся их описательная характеристика предназначения и деятельности.*

Ключевые слова: *Советский Союз; Великобритания; культурные отношения; культурная дипломатия; общества дружбы; ВОКС; ССОД; Британский Совет.*

Abstract*. The article describes activity of different societies and organizations of cultural exchange between the Soviet Union and Great Britain in the period of 1953-1964. It highlights the process of their development, their political background. The article describes their activity and tells about their main goals.*

Key words*: The Soviet Union; Great Britain; cultural diplomacy; friendship society; British Council.*

Введение. В истории руководства культурными связями с иностранными государствами периода 1953 – 1964 гг. можно выделить два этапа 1953 – 1956 гг. и 1956 – 1964 гг. Осуществление культурного обмена зависело от конъюнктуры политических отношений между государствами. Не обходилось и без организационных и административных преобразований.

Рубежом стали события в Венгрии 1956 г., которые повлекли за собой многочисленные структурные трансформации. Участие в восстании в качестве движущей силы венгерских студентов и интеллигенции свидетельствовало о том, что пропагандистская политика Советского Союза, в том числе и её культурная составляющая, в отношении дружественных стран, особенно Венгрии, которая считалась страной «народной демократии», оказалась недостаточно действенной, чтобы предотвратить выход на улицы интеллектуальной элиты страны. Венгерское восстание заставило советское руководство искать новые способы оптимизации культурной и пропагандистской работы с иностранными государствами вообще, а не только с Венгрией и странами народной демократии. Поиск новых организационных форм проходил как на государственном уровне, так и в форме общественного диалога.

Основная часть. С 1920-х гг. и до середины 1950-х ключевыми центрами культурного обмена являлись общественные организации [6, с. 60]. Цель этих общественных организаций состояла в укреплении авторитета и имиджа СССР на мировой арене, чему должен был служить культурный обмен.

Первой такой организацией стало Всесоюзное Общество Культурной Связи с Заграницей (ВОКС), основанное в 1925 г. и позиционировавшееся как «общественно-правовая организация», чьё создание преподносилось как инициатива общественности.

Но события в Венгрии, по мнению руководства СССР, явились результатом неудовлетворительной работы ВОКС, поэтому он был переформатирован в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Концепция ССОД заключалась в формальной интеграции более широких слоёв населения в культурный обмен между СССР и другими странами путём создания региональных отделений обществ дружбы в отдалённых областях страны, что должно было позволить широким слоям населения принимать непосредственное участие в контактах с зарубежными странами [8, p. 200]. В составе ССОД функционировал Отдел Британских стран, занимавшийся осуществлением культурных контактов с Англией, Шотландией, Северной Ирландией, Австралией. Этот отдел заведовал деятельностью Общества «СССР – Великобритания»,

созданного 8 апреля 1958 г. в процессе формирования новой модели ССОД. Своей главной задачей Общество ставило «ознакомление советского народа с историей, экономикой, наукой и культурой Великобритании» [3, т. 1, л. 45]. Также в Уставе Общества заявлено, что его «деятельность проводится прежде всего за счёт участия в ней советской общественности» [3, т. 1, л. 46]. Добиться установления каких-либо деловых контактов с британскими представителями Обществу удалось только во время приезда Г. Макмиллана в Советский Союз в 1959 г., так как после 1956 г. Советский Союз оказался в культурной изоляции.

Так как Общество должно было осуществлять культурные связи на высшем уровне с участием британской культурной элиты и повышать престиж Советского Союза в глазах рядовых британцев, то к управлению Обществом приглашались самые видные советские культурные деятели. Пост президента занимал поэт А.А. Сурков, С.А. Маршак, С.В. Образцов, Д.Б. Кабалевский, Д.И. Чулаки и многие другие.

Государственной правительственной организацией, занимавшейся культурным обменом, был Комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР (1957 – 1967 гг.). Как и ССОД, так и Комитет (ГККС) появился как реакция на события в Венгрии и неудовлетворительное состояние советской пропаганды. Главные функции ГККС заключались в планировании и координации культурной работы различных советских государственных и общественных организаций с иностранными партнёрами. Контакты СССР и Великобритании в ГККС состояли в ведении отдела стран Западной Европы. Поле деятельности ГККС было настолько широко, что к 1965 г. под его контролем находились ключевые общественные объединения и государственные органы управления наукой, образованием, искусством, радио и телевидением, печатью, социальной сферой и т.д. [7, с. 75]. Британской организацией, с которой ГККС, поддерживал деловые связи, был Британский Совет.

В Великобритании также существовали и правительственные, и общественные организации культурной связи с Советским Союзом, и общества дружбы, только с той разницей, что деятельность обществ дружбы не поощрялась и была препятствием для ведения официальной британской культурной политики в отношении

СССР, так как они имели прокоммунистическую направленность. Общество культурной связи с СССР (ОКС) возникло в результате кампании «Руки прочь от России!» в 1924 году [6, с. 75]. Его целевой аудиторией была английская интеллигенция, а его приоритетным направлением работы - широкая культурно-просветительская и образовательная деятельность. Второе Общество англо-советской дружбы, восстановленное в 1946 г., занималось в основном вопросами торговли. Его создателем и руководителем долгие годы был Джон Плэттс-Миллс (John Platts-Mills), член парламента от партии лейбористов и преданный сторонник Советского Союза.

Роль зарубежных, в том числе и британских, обществ дружбы с СССР в системе советской культурной дипломатии во многом определялась степенью их взаимосвязи с местными коммунистическими партиями, представители которых зачастую непосредственно выполняли руководящие функции по отношению к обществам дружбы с Советским Союзом. Кроме того, эти общества зависели от финансовой и материальной поддержки ВОКС/ССОД. Размеры финансирования согласовывались в ЦК КПСС и Совете министров СССР. Иногда денежная помощь оказывалась отдельным членам обществ [7, с. 75]. Само существование подобных обществ являлось серьёзной проблемой для внутренней и внешней политики капиталистических стран, так как общества пытались оказывать влияние на политику правительства. Показательным является тот факт, что лейбористская партия Великобритании до 1973 г. запрещала своим членам вступать в общества дружбы с СССР или каким-либо образом с ними сотрудничать [8, p. 198-200]. Со стороны официальной Великобритании в таких обстоятельствах закономерным было создание какой-либо организации, действовавшей в рамках правительственного курса.

В 1954 г. при Британском Совете был создан Комитет по связям с СССР. Эта структура неслучайно возникла именно при Британском Совете, так как эта организация, созданная ещё в 1934 г., была призвана распространять и популяризировать в других странах британскую историю, культуру и английский язык. Официальный Лондон позиционировал Британский Совет как неофициального проводника культуры, в то же время финансируемого правительственными

источниками [1, с. 20-21]. Активная борьба правительства с прокоммунистическими обществами дружбы за осуществление культурной политики с СССР была показателем, с одной стороны, стремления британского правительства не допустить широкого проникновения коммунистических идей в британское общество, а с другой – намерения играть ведущую роль в проведении культурного обмена с Советским Союзом. Однако этот Комитет просуществовал всего пять лет и осенью 1959 г. был упразднён [5, т. 4, л. 133]. Его деятельность была приостановлена ещё в 1956 г., после ввода советских войск в Венгрию. Создававшийся как альтернатива обществам дружбы, комитет так и не смог перехватить инициативу ведения культурной политики с Советским Союзом [8, p. 198-200].

В 1959 г. парламент Великобритании поддержал создание Ассоциации «Великобритания – СССР». Ассоциация появилась сразу после визита британского премьер-министра Г.Макмиллана в Советский Союз. Пост президента Ассоциации занял Клемент Эттли. Концепция Ассоциации предполагала более широкий охват участников в сравнении с Комитетом: в ряды Ассоциации приглашались не только правительственные представители, но и частные лица, заинтересованные в культурном обмене с СССР. Обществом «СССР – Великобритания» появление Ассоциации и дублирование названия Общества оценивалось как попытка англичан при помощи правительственных организаций ослабить деятельность традиционных прокоммунистических обществ дружбы [2, л. 7]. Тем не менее, Общество пошло на установление контактов с Ассоциацией, и в 1960 г. были проведены переговоры по налаживанию культурных контактов [4, т. 2, л.120].

Важное звено в цепи организации культурного обмена СССР и Великобритании представляли частные британские импресарио. Зачастую они выступали главными инициаторами той или иной поездки творческих коллективов или отдельных представителей культуры и искусства. С середины 1950-х гг. монополистами в этой сфере стали Виктор и Лилиан Хоххаузер. Именно они открыли британскому миру лучших представителей советского искусства.

Заключение. Таким образом, в ведении культурной политики СССР и Великобритании просматриваются следующие тенденции.

Во-первых, это очевидная зависимость от политической обстановки. Рубежным событием, повлиявшим на культурную деятельность обеих стран, стало Венгерское восстание 1956 гг. Советское руководство решило переформатировать систему управления культурных отношений с другими странами и с помощью образования новых форм искало способы повышения авторитета и улучшения имиджа СССР на международной арене, а также пути выхода из культурной и политической изоляции. События в Венгрии 1956 г. и Суэцкий кризис также повлияли и на британские организации, занимавшиеся культурными связями с СССР, чья деятельность была «заморожена» до 1959 г. как своеобразный бойкот в ответ на действия советских властей в Венгрии и их позицию в Суэцком конфликте. Только к 1959 г. стало наблюдаться взаимное сближение.

Перечисленные организации были основными проводниками культуры в СССР и Великобритании и одновременно находились в состоянии и сотрудничества, и конфронтации, вызванной борьбой за влияние в области двусторонних культурных отношений.

Список литературы

1. Валеева Р.Р. Культурная дипломатия в развитии российско-британских отношений // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 9. С. 20-27.

2. ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 7. Д. 27.

3. ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 7. Д. 67.

4. ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 7. Д. 118.

5. ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 7. Д. 135.

6. Робертс Дж. Говорите прямо в канделябр. Культурные связи между Британией и Россией в 1973-2000 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 341 с.

7. Трегубов Н.А. Не МИДом единым: организационные основы советской культурной дипломатии в послевоенный период // Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны, 1945 – 1989: колл. монография. М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия., 2018. С. 60 – 85.

8. Großman, S. Dealing with “Friends”: soviet friendship societies in Western Europe as a challenge for western diplomacy // Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe. N.-Y., Oxford: Berghahn Books, 2015. P. 196 – 217.

Храмов Илья Юрьевич,
Казанский федеральный университет
Научный руководитель:
Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент

Антивоенные акции организации «Студенты за демократическое общество» в США в 1960-е годы

Anti-war actions by Students for a Democratic Society in the United States in the 1960s

Аннотация. *В статье рассматривается проблема истории протестного движения в США в 1960-е годы. На основе историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического методов сделаны выводы об антивоенных акциях организации «Студенты за демократическое общество». Показаны существование идеологических основ выступлений, инициативность в антивоенном движении и виды акций, уровень соответствия акции целям организации. Данная тема слабо изучена в историографии и отражает важные для современного общества тенденции: антивоенные, антикапиталистические движения, борьба за гражданские права и т.д.*

Ключевые слова: *СДО; политические движения в США; антивоенные движения; «новые левые»; война во Вьетнаме.*

Abstract. *This article raises the issue of the history of the USA protest movement in the 1960s. Based on historical-genetic, historical-comparative, historical-typological methods, conclusions are presented about the anti-war actions of the organization Students for a Democratic Society. The existence of the ideological foundations of actions, the initiative in the anti-war movement and types of actions, the level of compliance of the action with the goals of the organization are shown. This topic is poorly studied in historiography and reflects important trends for modern society: anti-war movements, anti-capitalist movements, the struggle for civil rights, etc.*

Key words: *SDS; political movements of USA; antiwar movements; «New Left»; Vietnam War.*

Эпоха протестов против войны во Вьетнаме стала уникальным явлением для США в общенациональных масштабах. Американское правительство еще не знало такого движения за мир, которое угро-

жало бы всей властвующей системе. Большую роль в данных событиях сыграла организация «новых левых» «Студенты за демократическое общество» (СДО).

Интерес к истории протестного движения в США в 1960-е годы заметен в трудах историков уже с начала 1970-х годов. Однако внимание именно к деятельности СДО ограничивается лишь, как правило, краткими обзорными комментариями. То есть в историографии отсутствует должное освещение феномена СДО в протестном движении США.

Организация СДО демонстрирует общественное, студенческое политическое движение, молодежные каналы связи, что особенно актуально для политической ситуации России, с выходом на митинги преимущественно молодёжи, и для США с отклонением «влево» американской молодежи. В разработках организации поднимались вопросы социального, политического и экономического характера, озвучивающиеся и сегодня в политике и гуманитарных науках: борьба с бедностью, расизмом, сексизмом, военной интервенцией, монополизацией рынка, формирование гражданского общества на основе прямой демократии и т.п.

Движение студентов выражало антисистемные, антикапиталистические, антивоенные выступления, а также внесло вклад в развитие левой традиции Америки.

Цель данной работы: представить характер и виды участия СДО в антивоенных акциях в США в 1960-е годы. Задачами являются: показать идеологические основы СДО сопротивления войне во Вьетнаме, рассмотреть виды акций за мир, проанализировать практичность акций для организации.

СДО возникло в 1960-м году и являлось частью течения, вошедшего в историю как «новые левые». В 1962 г. организация выпускает свой первый программный документ «Порт-Гуронскую декларацию». В ней поднимаются вопросы как внутренней, так и внешней политики. Критикуется милитаризм американского правительства, антикоммунизм, стремление к наращиванию военных арсеналов [12, p. 24]. Одновременно ситуация в «Третьем мире» рассматривается, как «импульс к жизни и творчеству» [12, p. 27]. Так, пацифизм являлся одной из главных идей организации, а американский ми-

литаризм подвергался критике, в то же время зарождающиеся национальные революционные движение в Азии оценивались положительно.

Осознание молодыми американцами перспективы войны во Вьетнаме и ее порицание присутствовало еще в 1964 году. В марте в Йельском университете прошла конференция левых студенческих групп, на которой присутствовали активисты СДО. Большинством на ней были члены Прогрессивного рабочего движения – предшественника прогрессивной лейбористской партии (ПЛП), в будущем ставшей одной из фракций внутри СДО. 2 мая 1964 года тысячи студентов прошли к зданию ООН в Нью-Йорке, возле которого были слышны речи, осуждающие империализм США [11, p. 79]. В честь этого было организованно «Движение 2 мая» (M2M).

По мнению лейбористов, именно они инициировали движение против Вьетнамской войны, как массовое явление [6]. Однако вскоре движение прекратило своё существование. Основная часть ПЛП и «Движения 2 мая» стала вливаться в ряды СДО. ПЛП об этом говорят, как о необходимости ответить на «растущий отклик», направить студентов на нужный путь борьбы с капитализмом [6]. Таким образом, ПЛП, начавшая первые акции против вмешательства США в дела Вьетнама, не сохранила свое лидерство в движении, а самороспуск и вступление членов M2M в СДО в начале 1966 г. доказывает наличие инициативы в антивоенном движении у СДО.

Начавшийся расширенный призыв в США в начале 1965 г. привел к резкому росту недовольства в стране среди преимущественно молодежи, из числа которой и отбирались солдаты. Как подчеркивает Д.В. Кузнецов, война во Вьетнаме «расколола американское общество, стала для американцев началом переосмысления ценностей относительно роли Америки в мире, её возможностей вмешиваться в дела других стран, степени доверия общества к власти» [2, с. 234]. Поэтому студенты все активнее пополняли ряды СДО, видя в организации силу, способную противостоять государственной политике.

Еще 30 декабря 1964 состоялась конференция СДО, на которой было принято решение о проведении марша на Вашингтон, т.е. более чем за месяц до начала войны.

19 марта состоялась первая сидячая забастовка («sit-in») СДО у банка на Манхэттене. Присутствовало около 600 демонстрантов, 43 задержаны полицией [11, p. 120]. Присутствовавшие пели песни о свободе и держали скрещенные руки на груди в старом жесте за гражданские права. Для СДО это была «проба пера» перед крупным маршем.

17 апреля в Вашингтон стали приезжать автобусы с других штатов. На демонстрации по разным подсчетам собралось от 15 до 25 тысяч человек [11, p. 122]. Перед демонстрантами выступил президент СДО Пол Поттер. В его речи проблема Вьетнама рассматривается в контексте критики капиталистической системы, ее институтов в США и империализма [9]. Данная демонстрация послужила катализатором для обращения внимания СМИ к антивоенным настроениям граждан США.

Речь следующего президента СДО Карла Оглсби на демонстрации в Вашингтоне в ноябре того же года являлась продолжением речи Пола Поттера. В ней он называет порочную систему – американский корпоративный либерализм. Все насилие в XX веке, по мнению Оглсби, связано не с «красной угрозой», а с социальным отчаянием, порожденным системой, «которое приводит хороших людей к насилию» [5]. То есть участие США в конфликте во Вьетнаме связывалось с внутренними проблемами страны (трата ресурсов на боевые действия при наличии нищих и т.п.) и с пороками системы (богатеют одни, пока другие выживают).

Еще одним видом антивоенных акций стала организация «teach-in», в которой приняли участие часть членов СДО. 24 марта 1965 г. неравнодушные студенты и преподаватели собрались в Мичигане и стали обсуждать причины войны и рассказывать о своих чувствах. Тенденция охватила другие кампусы США. Данная стратегия была отвергнута СДО, т.к. она не способствовала привлечению обучающихся к более широкому протестному движению [11, p. 121-122].

21 декабря 1965 г. один из видных деятелей СДО Том Хейден посетил Ханой. Он изучал нанесенный ущерб американскими бомбардировками, встретился с военнопленными и позже выпустил книгу, акцентируя внимание на том, что настоящим агрессором является

США, а не коммунисты Вьетнама [4, с. 169]. Данный вид акции предстает как наследие организованных в начале 1960-х годов поездок на Кубу.

С началом призыва начались акции публичного сожжения повесток [1, с. 370]. СДО также явилось одним из вдохновителей самой крупной акции сожжения 15 апреля 1967 года. Брюс Денис сжег свою карточку в декабре прошлого года в знак протеста против войны, которая вредила как народу вьетнамскому, так и американскому, по мнению радикалов. Он был осужден судом. Инициативная группа была вдохновлена действием члена СДО и собрала пару сотен человек на акции. Единичные акты жестко карались правительством, однако они мобилизовали людей на массовые сходки: «не сжечь повестку 15 апреля было бы равносильно проживанию в Бостоне в 1773 году и не бросить чай в бостонской гавани» [11, p. 216].

Весной 1966 года системой воинской повинности США в учебных заведениях введен экзамен для оценки успеваемости и достижений мужчин. Через подобный тест хотели отбирать будущих призывников во Вьетнам. СДО решило бойкотировать экзамены правительства и провести свой. В мае команды из почти тысячи членов СДО выдавали свой вариант экзамена в центрах теста правительства по всей стране [7]. Данная акция не сумела привлечь крупные массы студентов к протестам. Ее сущность заключалась в демонстрации пагубности, неправильности войны во Вьетнаме. Для юношей же ключевой задачей стояла избежать призыва, а обращение к нравственности посредством теста эту проблему не решало.

СДО в конце года на конференции приходит к другой стратегии: создание союзов призывников под координированием национальных органов организации. Стратегия включала: «а) прямое действие во время допризывных медосмотров и во время призыва, б) антипризывное и антивоенное образование среди потенциальных призывников и их семей, в) демонстрации с акцентом на призывные комиссии и вербовочные пункты, г) поощрение молодых людей, уже военнослужащих, противостоять войне, д) распространение петиций, в которых указывается, что подписавшая сторона

отказывается служить во Вьетнаме или подчиняется призыву в армию в любой форме» [8, p. 1]. Такие действия, по пониманию самих активистов, не вели к захвату власти, но они говорили о сопротивлении населения, которое система вынуждает воевать против их воли. Именно во второй половине 1960-х годов заметна тенденция осознания радикалами сопротивления, в том числе насилия, а не протеста, как инструмента революционной деятельности [3, с. 33].

Полученные опыт и новые идеи борьбы СДО в ходе прошедших акций отразились в протестах в апреле в Колумбийском университете и на съезде демократической партии в августе в 1968 г. К тому времени большинство членов СДО отвергли партийную политику и либералов [10]. Результатом стали прямые акции сопротивления в ходе демонстраций, насилие в ответ на насилие полиции. Позже суд признал неправомерность действий полиции, из-за которых пострадали сотни демонстрантов. Организаторами этих демонстраций выступали в первую очередь радикалы из СДО: Том Хейден, Марк Радд [4, с. 171]. Так, идеи борьбы за мир во Вьетнаме и свободы выбора участия в военном конфликте стали порождением идеологии начала насилия по отношению к системе со стороны определенных лиц в СДО, а в соотношении с другими идеологическими спорами это вызвало раскол в организации в июне 1969 года.

Таким образом, СДО играла ключевую роль в организации протестного движения против войны во Вьетнаме в США в 1960-е годы. Во-первых, СДО имела идеологическую базу, в которой критиковался милитаризм, антикоммунизм, ущемление гражданских прав в Америке. Во-вторых, СДО выступала инициативной группой в организации различных акций: мирные демонстрации, марши, сидячие забастовки, демонстрации сожжения повесток, «тичин», показательные поездки во Вьетнам, создание союзов призывников, организация крупных демонстраций переросших в столкновения с полицией. В-третьих, СДО проводила рефлексию своих действий: акции, которые не отвечали ключевому параметру – мобилизация граждан на протест – отметались.

Список литературы

1. Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Алгоритм, 2014. 524 с.

2. Кузнецов Д.В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973-2009 гг.). СПб.: Нестор-История, 2016. 752 с.

3. Орлов Н.С. Методы борьбы антивоенного движения в США в 60-е гг. XX века // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 30–36.

4. Бодров О.В., А.В. Закиров. Том Хейден и «новые левые» // Новая и Новейшая история. 2019. № 1. С. 166–177.

5. Carl Oglesby's Speech. Let Us Shape the Future. URL: http://www.sds-1960s.org/oglesby.htm (дата обращения 20.10.2019).

6. CHALLENGE. 2007. Jan. 31.

7. National Vietnam Examination. Students for a Democratic Society, Inter-University Committee for Debate on Foreign Policy. URL: http://www.sds-1960s.org/exam.htm (дата обращения 19.10.2019).

8. New Left Notes. 1967. Jan. 13. 8 p.

9. Paul Potter's Speech. URL: http://www.sdsrebels.com/potter.htm (дата обращения 19.10.2019).

10. Rudd M. The Death of SDS. URL: https://www.markrudd.com/index70bc.html?sds-and-weather/the-death-of-sds.html (дата обращения 22.10.2019).

11. Sale K. SDS. New York: Vintage Books, 1973. 495 p.

12. The Port Huron Statement. Students for a Democratic Society. Ann Arbor: s.n., 1964.

Трушникова Софья Андреевна,
Челябинский государственный университет
Научный руководитель:
Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

Идеи постколониализма в сочинениях нигерийских интеллектуалов: Даниеля Фагунвы, Амоса Тутуолы, Воле Шоийнке

The ideas of postcolonialism in the works of Nigerian intellectuals: Daniel Fagunwa, Amos Tutuola, Wole Soyinka

Аннотация. *В работе выявлены способы выражения идей постколониализма в произведениях нигерийских интеллектуалов колониального и постколониального периода. Одними из них являются деколонизация сознания и проблема поиска идентичности, которые были рассмотрены на примере сочинений писателей из народа йоруба: Даниеля Фагунвы, Амоса Тутуолы, Воле Шоийнке.*

Ключевые слова: *идеи постколониализма; Нигерия; нигерийские интеллектуалы; постколониальные исследования; деколонизация сознания; идентичность; постколониализм; Даниель Фагунва; Амос Тутуола; Воле Шоийнка.*

Abstract. *The work reveals ways of expressing the ideas of postcolonialism in the works of the Nigerian intellectuals of the colonial and postcolonial period. One of them is the decolonization the mind and the problem of the search for identity, which were examined on the example of the works of writers from the Yoruba people: Daniel Fagunva, Amos Tutuola, Wole Schoijnke.*

Key words: *the ideas of postcolonialism; Nigeria; Nigerian intellectuals; postcolonial studies; decolonize the mind; identity; postcolonialism; Daniel Fagunwa; Amos Tutuola; Wole Soyinka.*

В некоторых своих колониях Британская империя проводила политику «культурного империализма», состоящую из идей превосходства англосаксонской расы и культуры, европоцентризма, культа империи и «цивилизаторской миссии». В рамках нее вводилась европейская система образования и делались попытки приобщения местного населения к английским нормам и манерам. Таким обра-

зом, всячески вытеснялись англичанами местные традиционные культуры на периферийные зоны. Это приводило к потере колонизируемыми собственной идентичности и утрате своих традиций. Одним из способов противодействия этим тенденциям стало развитие идей постколониализма. Такой процесс проявился в английской колонии Нигерия. Исходя из этого, целью данного исследования стало определение способов выражения идей постколониализма в творчестве нигерийских интеллектуалов. В качестве методов использовалось сочетание нескольких подходов. Это стандартная схема работы с художественными произведениями, как историческими источниками: анализ происхождения и анализ содержания. Также при работе с текстами применялись основные постколониальные подходы, разработанные Эдвардом Саидом, Гятрой Спивак, Хоми Бхабха, и методы постструктурализма (деконструкция и дискурс). Актуальность данного исследования заключается в перспективности выбранного направления изучения колониализма. Оно позволяет рассмотреть данное явление с новых сторон, так как в науке начинает отражаться позиция колонизируемого, как активного участника исторического процесса.

В данной статье развитие идей постколониализма рассматривается на примере произведений писателей из народа йоруба: Даниеля Фагунвы («Лес тысячи духов» [1]), Амоса Тутуолы («Путешествие в Город Мертвых, или Пальмовый Пьянарь и его Упокойный Винарь» [5], «Симби и Сатир Темных джунглей» [4]), Воле Шоийнке («Смерть и конюший короля» [3]). Вызвано это тем, что Нигерия состоит из более 250 этнолингвистических групп [2], среди которых долгое время не существовало представления о себе, как едином народе, даже сегодня это проблема не ушла из реалий страны. Поэтому антиколониальный дискурс развивался внутри каждого народа по отдельности. Йоруба является одним из многочисленных в Нигерии, и в его среде эта проблематика активно разрабатывалась. Выбранные писатели и их работы отразили разные периоды колонии, что помогло проследить развитие идей постколониализма в сочинениях нигерийских интеллектуалов. Здесь термин «идеи постклониализма» применяется к колониальному периоду условно и выражает зарождение дискур-

сов, которые окончательно оформились и стали декларироваться в постколониальном мире.

Одной из целей постколониализма стал поиск народами собственной идентичности. В этом процессе приняли участие и нигерийские писатели. Они наделяли своих героев такими чертами, которые хотели видеть у себя и у своих сородичей. При этом противопоставляли его образу идеального англичанина. Так, например, в произведениях Даниеля Фагунвы, Амос Тутуолы, Воле Шойинки герой не обладал непоколебимой храбростью. Наоборот, эти авторы акцентировали внимание на страхе, как естественном проявлении жизни. Для них героя делает не наличие отваги и непогрешимости, но способность преодолевать собственные слабости. Каждый автор предлагал свою версию необходимых йоруба черт. Даниель Фагунва на первом месте ставил честь. Поэтому его герой Аккара-огун стремится поступать в соответствии с тем, что велит ему сердце и приписывает имя. Отсюда видно, что особое место в определении человека для Даниеля Фагунвы занимает семья и община. Он несколько раз в своем произведении «Лес тысячи духов» подчеркивает важность единства и взаимопомощи. Так, именно в родной общине, в окружении знакомых и близких йоруба может обрести самого себя. У Амоса Тутуолы акценты расставлены иначе. Его герои добиваются своих целей и выживают в жестоком мире за счет собственной смекалки и предприимчивости. У него также присутствует идея возвращения домой, как место обретения собственного счастья и гармонии. Однако свою идентичность герой может найти только во время сложного, пугающего и выматывающего пути, когда он, сталкиваясь с препятствиями, узнает о своих способностях и слабостях. Воле Шойинка главной чертой своего героя в пьесе «Смерть и конюший короля» делает исполнение долга. Идея заключается в том, что необходимо принять традиционное понимание мира, которое обеспечивало его стабильность на протяжении веков. А это значит, человек сможет понять себя, когда осознает свой долг перед общиной, домом, семьей. В пьесе это смог сделать молодой Олунд, который познакомившись поближе с английской культурой, больше стал ценить традиционную культуру йоруба и осознавать ее важность.

Помимо этой темы, в данных произведениях отразились антиколониальный дискурс, выразившийся в деколонизации сознания. В каждом из них он проявился в разной степени и форме. Так «Лес тысячи духов», написанный в 1938 г., предпочитает обращать внимание читателя на истории о человеке из племени йоруба, чем заниматься прямой критикой английского колониализма. Одной из причин было то, что колониальная администрация была на пике своего развития, и далеко не все могли пойти на конфронтацию с ней. Поэтому Даниель Фагунва сосредоточил внимание на мифологии и особом традиционном мире народа йоруба. Этим он создавал пространство, которое освобождалось от прямого английского влияния и предоставляло возможность свободного выражения. Условно это можно назвать одним из первых этапов деколонизации сознания в нигерийском обществе.

Амос Тутуола также развивал антиколониальный дискурс в своих произведениях, которые были написаны в 1950-х гг. У него это выражалось в скрытом, ироническом и гротескном описании английской культуры, карикатурное изображение которой уменьшало ее воздействие на местное население. Как пример, образ «собранного джентльмена» в «Путешествие в Город Мертвых, или Пальмовый Пьянарь и его Упокойный Винарь». Внешне привлекательный герой по сути оказался пустышкой, так как всё в нем было «арендованным», не принадлежащим ему. Такое сравнение показывает, что английская культура, которая заманивала африканцев, по-настоящему не была им полезной. Так в тексте проявился следующий этап деколонизации сознания.

Пьеса «Смерть и конюший короля» Воле Шойинки отражает антиколониальные настроения уже в период независимости Нигерии. В этом произведении четко выражается чувство раздражения по отношению к империализму и колониализму англичан. Автор напрямую полемизирует с бывшими колонизаторами, высказывает свое мнение о произошедшем с его народом. Так в тексте проявляется рефлексия, одна из составляющих процесса деколонизации. В «Смерти и конюший короля» народ йоруба полностью обретает силу и самосознание, их культура сопровождает их, а не теряется в пестроте, многословности английской. Разговор колонизатора

и угнетенного происходит теперь на равных, хоть первый этого еще и не осознает.

Также в художественном тексте идеи постколониализма приобрели такие формы, как создание символических образов (таинственный, магический лес в качестве отражения традиционной культуры; дорога Смерти, как символ сложных испытаний и др.) и использование диалогов, через которые автор отражал свою позицию, обращений к читателю, слов, обозначающих традиционные вещи и явления народа йоруба (джу-джу, эгунгун, гадание на семенах колы, имена богов). Все это становилась инструментами для выражения идей постколониализма, в основе которых желание стать свободными и самодостаточными. Они показывали, что культурная зависимость была не естественным процессом в силу развитости английской культуры, а навязанным со стороны метрополии и англичан, которые в течение десятилетий усиленно пытались приобщить местное населения к своим ценностям и традициям. А текст, создаваемый нигерийскими интеллектуалами, помогал приобретать способность говорить с колонизатором наравне, ощущая собственную уникальность.

Список литературы

1. Фагунва Д.О. Лес тысячи духов // Тутуола А., Фагунва Д., Шойинка В. Заколдованные леса: Сказки. СПб.: Terra fantastica, 1993. С. 142-227.

2. Falola, T., Heaton M.M. A. History of Nigeria. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 368p.

3. Soyinka W. Death and the King's Horseman // Contemporary African Plays / M. Banham, J. Plastow. L.: Methuen publishing limited, 1999. P. 304 - 383.

4. Tutuola A. Simbi and the Satyr of the Dark Jungle. URL: https://readonlinefree.net/read-online-simbi-and-the-satyr-of-the-dark-jungle-full (дата обращения: 19.09.2019).

5. Tutuola A. The palm-wine drunkard // The palm wine drinkard and my life in The Bush of Ghosts. New York: Grove press, 1994. P. 191-307.

Проценко Станислав Евгеньевич,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Заславская Наталья Генриховна, кандидат исторических наук, доцент

Американский вектор внешней политики Германии: история и современность

The American vector of German's foreign policy: history and contemporaneity

Аннотация. *В данной статье рассматриваются взлеты и падения в отношениях ФРГ и США со времени объединения Германии, устанавливается, как изменился характер сотрудничества двух стран после прихода к власти Д.Трампа. Автор приходит к выводу, что у ФРГ, несмотря на то, что найти общий язык с США становится все сложнее, надежной замены трансатлантическому сотрудничеству пока нет.*

Ключевые слова: *Германия; США; трансатлантическое сотрудничество; международные отношения; НАТО.*

Abstract. *This article examines the ups and downs in relations between Germany and the United States since the unification of Germany, establishes how the nature of cooperation between the two countries has changed since D. Trump came to power. The author concludes that Germany, despite the fact that it is becoming increasingly difficult to find a common language with the United States, has no reliable replacement for transatlantic cooperation yet.*

Key words: *Germany; USA; transatlantic cooperation; international relations; NATO.*

Внешняя политика любой страны многогранна. Она включает в себя множество направлений и задач. Одни из них менее приоритетны, другие требуют безотлагательных решений. Федеративная республика Германия как крупнейший игрок на мировой арене имеет внешнеполитические связи почти с двумя сотнями государств. В зависимости от целей и характера отношений эти связи включают в себя экономическую помощь, партнерство в сфере бизнеса и торговли, культурный обмен, содействие в разрешении конфликтных

ситуаций и другие направления. После объединения в 1990 году ФРГ получила больше ресурсов для выстраивания самостоятельного внешнеполитического курса и нахождения своего места в изменившемся мире. Но то, насколько самостоятельна стала Германия, является предметом дальнейших дискуссия и осмысления. Логично будет рассуждать на эту тему на примере отношений ФРГ и США, в которых последние выступили «протекторатом» послевоенной Германии со всеми вытекающими из этого позитивными и негативными последствиями. Цель работы – выяснить принципы отношений ФРГ и США и определить влияние прихода к власти Д. Трампа на их развитие. Для ее достижения необходимо: дать историческую характеристику взаимоотношений двух стран, обозначить сложности сотрудничества, проследить, как изменился характер диалога с приходом к власти Д. Трампа.

История и принципы взаимоотношений двух стран

Данную тему можно рассматривать, начиная с давних времен, где, надо полагать, найдется много интересных и значимых событий, влияющих на весь сценарий развития диалога ФРГ и США. Однако в рамках настоящей работы описание истории ограничим сравнительно более близким периодом – от объединения Германии 3 октября 1990 года. Единственное, хотелось бы отметить, что по плану Маршалла ФРГ получила огромные средства на восстановление разрушенного хозяйства, вместе с тем потеряв часть своей экономической и политической самостоятельности. В 1955 году ФРГ стала членом НАТО, что предполагало ведение внешней политики, солидарной США, и соблюдение дисциплины Североатлантического блока. США были заинтересованы и в углублении процессов европейской интеграции, чтобы иметь на своей стороне не одну страну, а целую объединенную наднациональную Европу.

Идея объединения Германии была поддержана американцами. Гельмут Коль, ставший канцлером объединенной Германии, также основным приоритетом считал развитие партнерских отношений с США [4]. Однако кризис немецкой модели экономики в результате объединения страны привел к экономической стагнации и необходимости поиска внешних источников финансирования, что побудило руководство ФРГ привлекать американские инвестиционные

банки участвовать в восстановлении немецкой экономики (процессах приватизации, эмиссий акций, слияний предприятий). По мнению некоторых исследователей, это стало предпосылкой финансовой торгово-инвестиционной составляющей зависимости ФРГ от США [1, с. 140]. Таким образом, привлекательность американского рынка стимулирует конкуренцию немецких фирм и создает возможность некоего манипулирования: поощрение за экономическое сотрудничество со странами, у которых добрые отношения с США, наказание - за сотрудничество со странами, внесенными в «санкционный список».

В конце 1990-х Германия также демонстрировала союзническую солидарность с НАТО и США, например, участвуя в операции против Югославии в 1999 году, а затем в антитеррористической коалиции в Афганистане после теракта 2001 года. Ситуация изменилась в 2003 году, когда канцлер ФРГ Г. Шрёдер вместе с лидерами России и Франции осудил вторжение США в Ирак [4]. Претендуя на роль лидера европейского объединения, ратуя за углубление европейской интеграции, немцы не могли не замечать, что в США не рассматривают вариант равноправного партнерства. Такой расклад для Германии, пытавшейся за счет европейских проектов поднять свой статус на мировой арене, был не очень выгоден. В ходе кризисов в Ливии в 2011 году и Сирии в 2013 году Германия стремилась, несмотря на ухудшение отношений с США, избежать участия Бундесвера в конфликтах [5]. Тем не менее, даже с учетом описанных проявлений независимости внешней политики, многие исследователи считают, что с приходом Ангелы Меркель в Германии стал преобладать «атлантический курс».

Со стороны США выгода от сотрудничества с Германией представляется ясной: поддержание тактического лидерства Германии в Европе (под пристальным контролем) не допускает сближения Германии и России, а прибыль Германии от торговли с США идет в том числе на укрепление ЕС (что делает его альтернативным центром силы и надежным партнером Соединенных Штатов) [2]. Со стороны ФРГ, по мнению автора, главной причиной здесь является экономическая выгода Германии от торговли и инвестирования в США. Самая крупная часть немецкого экспорта приходится на США [10],

что говорит о важности американского рынка для немецких производителей. Такой рынок сбыта для Германии является, пожалуй, самым весомым аргументом не только в экономическом, но и политическом плане. Доля России, для сравнения, в 2017 году занимала лишь 2% от объема экспорта Германии, наряду с 8,4% США [9]. Если говорить об объеме прямых инвестиций, то самые большие средства Германия также вкладывает именно в экономику США [11].

Влияние прихода к власти Д. Трампа на развитие двусторонних отношений

С тем фактом, что Берлин и Вашингтон связаны тесными и партнерскими отношениями, нельзя было не согласиться еще пару лет назад. Казалось, что неразрешимых противоречий в отношениях между двумя странами нет. Однако с приходом Трампа появились разговоры о том, что трансатлантическое партнерство переживает кризис. Меркель, поздравляя Трампа с победой на выборах в 2016 году, подчеркнула, что партнерские отношения с Соединенными Штатами будут оставаться краеугольным камнем немецкой внешней политики [6]. Однако в отношениях между двумя странами не все так просто. Трамп критикует Германию по ряду вопросов. Во-первых, он настаивает на увеличении военных расходов ФРГ, которая, будучи членом НАТО, должна тратить на оборону 2% ВВП в год [12]. В противном случае президент США не исключает, что откажется следовать статье 5 НАТО о коллективной безопасности [8], а также рассмотрит идею вывода 35000 контингента армии с территории Германии [7]. Во-вторых, причиной разногласий стало недовольство США, в частности резкой позиции Трампа, сотрудничеством Германии и России по проекту Северный поток – 2. Для Соединенных Штатов это означает сближение позиций ФРГ и РФ, зависимость Германии и, как следствие, других частей Европы, от российского газа, ущерб торгово-рыночным американо-германским отношениям. Для Германии дешевый российский газ, доставляемый по дну Балтийского моря – шанс получать недорогое сырье, обеспечивая свои потребности, а также шанс заработать на перепродаже газа европейским партнерам. Таким образом, из-за разных последствий для ФРГ и США от реализации одного и того же проекта мы можем наблюдать конфликты, возникающие на этой почве.

У Германии тоже есть поводы для критики Трампа. Во-первых, из-за выхода США из ядерной сделки с Ираном, в переговорах по которой ФРГ принимала непосредственное участие. Во-вторых, масла в огонь подливает выход Трампа из Парижского соглашения по климату. В-третьих, это введение ввозных пошлин на европейский алюминий и сталь. Противоречия, возникающие по этим и другим спорным вопросам, наносят удар по оси Берлин-Вашингтон как одной из опор трансатлантической солидарности. [3]. Особенно сильно по двусторонним отношениям ударили уже упомянутые акцизы США на ввоз алюминия и стали из Европы. Действуя в рамках политики «Америка прежде всего» Трамп наносит значительный удар по Германии – одной из самых крупных производителей стали в мире [3]. Противопоставить какие-либо жесткие или хотя бы зеркальные меры для Берлина, прежде всего заинтересованного в рынке США, не представляется возможным.

Выводы

Таким образом, помогая ФРГ оживить экономику после войны, а затем после объединения, предоставляя значительные средства и открывая доступ на свои рынки, США в то же время удалось поставить в некоторую зависимость внешнюю политику Германии. Манипуляция, прежде всего, обеспечивается привлекательностью американского рынка для немецких производителей. Доля США в объеме экспорта и инвестирования Германии является преобладающей. С приходом к власти Дональда Трампа в американо-германских отношениях обострились старые и появились новые противоречия. Во многом это связано с личностью самого Трампа, его непредсказуемостью, следованию политике «Америка прежде всего», а также антиглобалистскими устремлениями. В связи с этим, несмотря на стремление к независимому внешнеполитическому курсу и лидерские амбиции, Германия вынуждена оглядываться на заокеанского партнера, хотя внешние стратегии и цели этих двух стран зачастую не совпадают.

Список литературы

1. Леонов Е. Современная Германия в фарватере концепции глобального лидерства США. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/

ia_rus/62015/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения 09.10.2019). С. 14.

2. Оганесян А. Ловушка для Германии? URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/22015/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения 30.09.2019).

3. Пименова Е.В. «Трансатлантический мост» под ударом: чем обернется кризис в отношениях ФРГ и США. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36750399 (дата обращения 06.10.2019).

4. Родович Ю.В. ФРГ и США в контексте трансатлантических отношений: история и современность. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/frg-i-ssha-v-kontekste-transatlanticheskih-otnosheniy-istoriya-i-sovremennost (дата обращения 20.10.2019).

5. Трунов Ф. Политика ФРГ в НАТО и украинские события. URL: http://www.sov-europe.ru/2016/5-2016/5.pdf (дата обращения 30.09.2019).

6. Die Bundesrigierung Zusammenarbeit auf Basis gemeinsamer Werte. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/zusammenarbeit-auf-basis-gemeinsamer-werte-411570 (дата обращения 01.10.2019).

7. DW – Что нужно знать о реакции Германии на нападки Трампа. URL: https://www.dw.com/ru/что-нужно-знать-о-реакции-в-германии-на-нападки-трампа/a-44651328 (дата обращения 05.10.2019).

8. NATO – Topic: collective defence. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_110496.htm (дата обращения 05.10.2019).

9. OEC – Germany. URL: https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/deu/ (дата обращения 30.09.2019).

10. OEC – Where does Germany export to? URL: https://atlas.media.mit.edu/en/visualize/tree_map/hs92/export/deu/show/all/2017/ (дата обращения 30.09.2019).

11. Orth M. Attractiv für Investoren. URL: https://www.deutschland.de/de/topic/wirtschaft/auslandsinvestitionen-in-deutschland-vorteile-und-nachteile (дата обращения 30.09.2019).

12. Top thema US-Truppen in Deutschland: Wer tragt die Kosten? URL: https://www.dw.com/de/us-truppen-in-deutschland-wer-trägt-die-kosten/l-47976564 (дата обращения 05.10.2019).

Ким-Истомина Луиза Вероника,
Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики» (Пермь)
Научный руководитель:
Гагарина Динара Амировна, кандидат педагогических наук, декан социально-гуманитарного факультета НИУ ВШЭ-Пермь

Отражение экономического развития Кочана в романе Ын Хи Гён «Тайна и ложь» (на примере жизни Чон Чон Ука)

Reflection of Gochang's economic development in Eun Hee Kyung's novel "Secrets and Lies" (based on the example of Jeong Jong Wook's life)

Аннотация. *Тема экономического развития Республики Корея привлекает не только исследователей, но и писателей. Одним из представителей писателей, затрагивающих тему экономического становления страны, является Ын Хи Гён. В романе "Тайна и ложь" она отразила экономическую историю своей родины, Кочана. Во многом показав его развитие на примере жизни Чон Чон Ука, который стал типичным представителем своего времени. В работе рассмотрен роман Ын Хи Гён "Тайна и ложь" и обобщена отраженная в нем экономическая история Кочана.*

Ключевые слова: *экономическое развитие; экономическая история; Кочан; Ын Хи Гён; корейская литература; Тайна и ложь.*

Abstract. *The topic of the economic development of the Republic of Korea attracts not only researchers, but also writers. One of the representatives of writers who touch on the topic of economic development of the country is Eun Hee Kyung. In the novel "Secrets and Lies", she reflected the economic history of her homeland, Gochang. In many ways, showing its development on the example of the life of Jeong Jong Wook, who became the representative of his time. The novel "Secrets and Lies" by Eun Hee Kyung is discussed in the project which also contains the description of the Gochang's economic history.*

Key words: *economic development; economic history; Gochang; Eun Hee Gyung; korean literature; Secrets and Lies.*

Экономическая история Республики Корея второй половины двадцатого века является одной из популярных тем для обсуждения кореeведов. С помощью рассмотрения экономической истории Республики Корея с позиции отдельного актора, типичного представителя, непосредственного участника событий, автор стремится показать экономическое развитие Кочана, города из провинции Северная Чолла (전라북도).

В отечественной историографии исследованием экономической истории Республики Корея занимался ряд кореeведов: М.Е. Тригубенко, Г.Д. Толорая, Г.В. Грязнов, И.С. Казакевич, В.М. Мазуров, А.А. Прошин, Ф.И. Шабшина, Б.В. Синицын, А.Н. Ланьков, Б.Д. Пак, В.М. Тихонов, А.В. Торкунов, К.В. Асмолов, С.С. Суслина и другие. К зарубежным исследователям относятся Kwon O.Y., Lee H.K., Young W.K., Jones L.P., Il S.K., Kim B.K., Vogel E.F., Song B.N., Woo M.J.E., Noland M., Mason E.S., Kim M.J., Perkins D.H., Kim S.S., Lee Y.I., Kim W.S., Clifford M.L., Amsden A.H., Kim E.M., Kim S.J., Kim K.S., Haggard S., Zang W., Baimbridge M., Miles L., Domínguez G., Mazumdaru S., Rüdiger Frank, Hoare J.E., Patrick Köllner и Susan Pares. Большинство представленных кореeведов занималось исследованием истории экономики всей страны, не углубляясь на отдельных географических единицах.

Рассматриваемый в работе роман “Тайна и ложь” написан Ын Хи Гён, которая относится к корейским писательницам 1990-х годов, впервые заговорившим о новых для их времени темах: новый стиль жизни, новые взаимоотношения между мужчиной и женщиной в семье, одиночество людей, живущих в больших городах, свобода личности [2, с. 6]. Она родилась в 1959 году в Кочане. В 1995 году дебютировала с повестью “Дуэт” (이중주) в “Восточноазиатском вестнике” [4, p. 189] (동아일보).

Роман “Тайна и ложь” (비밀과 거짓말) стал толчком для развития современной корейской прозы. В нем Ын Хи Гён отошла от “женской” темы, показав новый стиль и новое идейное содержание. Автор подчеркивает отход Республики Кореи от многовековой конфуцианской традиции, во многом благодаря которой страна добилась высокого уровня развития экономики, и потерю национального своеобразия корейской культуры [2, с. 5-6]. Основные события романа развиваются на родине автора.

Кочан является одним из ярких примеров стремительного экономического роста Республики Корея. В романе «Тайна и Ложь» Ын Хи Гён подчеркивает этот рост на примере жизни Чон Чон Ука, который сыграл важную роль в экономическом развитии Кочана. Он родился в 1930 году в семье Ким Сон Иля. Его отец являлся одним из участников Движения за независимость и провел 1 год и 9 месяцев в тюрьме. После Освобождения в 1945 году Ким Сон Иль был избран первым начальником Кочана. В городе отца Чон Чон Ука называли преемником надзирателя почтовых станций (чиновничья должность в средневековой Корее), но кто-то считал канцеляристом местного ведомства (более низкая должность). Являясь владельцем строительной компании «Синсон», Чон Чон Ук проложил в Кочане первую асфальтовую дорогу, построил здание полиции, почты и актовый зал школы, водохранилище, Большой мост Кочана и другие мосты, расширил дороги. В уездном центре Кочана Чон Чон Ук считался передовиком в строительном бизнесе в тот период, когда экономика развивалась по государственному плану. Однако Ын Хи Гён обращает наше внимание на то, что сейчас ничего не сохранилось в прежнем виде. Тем не менее, дороги стали шире, здания или заново построили, или отремонтировали, а дом, где родился Чон Чон Ук, снесли – там теперь зал для игры в боулинг [5, p. 36-37].

Во многом жизнь Чон Чон Ука является типичной для своего времени, когда все силы были обращены на экономическое становление страны и облик города менялся вместе с экономикой [1, с. 300]. Однако стоит обратить внимание, что началось это патриотическое движение, которое расширилось до движения для улучшения экономического состояния Республики Корея, с участия акторов в движении за независимость. Как и в движении за независимость, в патриотическом движении для развития экономики существенную роль играл каждый отдельный актор. Совокупность акторов и их усилий привели Республику Корею к текущему экономическому развитию [1, с. 300]. Таким образом, жизнь Чон Чон Ука отражает экономическую историю Республики Корея XX века, а Чон Чон Ук является типичным актором своего времени.

Список литературы

1. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.

2. Ын Хигён Тайна и ложь. М.: Время, 2010. 368 с.

3. Korean Writers. The Novelist. Seoul: Minumsa Publishing, 2005. 202 p.

4. 고영철 외국인을 위한 한국문학. 대구: 예스미디어, 2016. 284 p.

5. 은희경 비밀과 거짓말. 파주: 문학동네, 2005. 286 с.

Василевская Варвара Даниловна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Антипов Илья Владимирович, кандидат искусствоведения, доцент

К вопросу о стилистических особенностях фресок Антониева монастыря 1125 г. в Великом Новгороде и провинциальной греческой живописи конца XI–начала XII века

To the question of stylistic features of the frescoes of the Antoniev monastery in Velikiy Novgorod and provincial Greece painting

Аннотация. *Статья посвящена сравнению стилистических особенностей фресок Антониева монастыря с монументальной живописью Греции. Данное исследование становится весьма интересным в связи с вопросом о происхождении мастеров, украшавших росписями Храм Рождества Богородицы в Великом Новгороде. В основе работы лежит формально-стилистический анализ, позволяющий выявить общие и различный черты в памятниках аскетического искусства конца XI-XII века.*

Ключевые слова: *Антониев монастырь; фрески; XII век; византийское искусство; аскетизм.*

Abstract. *The focus of the study is on stylistic features of the frescoes of Antoniev monastery and monumental painting of Greece. The research becomes really interesting in connection with the question about origin of the artists who made the frescoes in the church of the Nativity of the Virgin in Velikiy Novgorod. The work is based on formal-stylistic analysis which gives opportunity to find general and different in monuments of ascetic art from end of the XI till beginning XII centuries.*

Key words*: St. Anthony monastery; frescoes; XII century; byzantine art; asceticism.*

Фрески собора Рождества Богородицы Антониева монастыря были созданы в 1125 г. До нашего времени росписи дошли в достаточно фрагментированном состоянии. Составить представление о памятнике можно лишь по сохранившимся изображениям в вос-

точной части храма, на стенах жертвенника и дьяконника, а также на западных гранях восточных столбов. Росписи собора Рождества Богородицы отличаются от фресок других новгородских храмов, расписанных в первой половине XII века. Долгое время считалось, что художники, работавшие в храме Рождества Богородицы, связаны с романской школой живописи [3, с.2-3]. Однако благодаря публикациям В. Д. Сарабьянова стало понятно, что истоки столь своеобразного стиля нужно искать в греческой монументальной живописи. В росписях Антониева монастыря исследователь видит черты развитого комниновского стиля, но, в то же время, некоторые моменты являются архаизирующими [4, с.60]. Таким образом, в ансамбле собора Рождества Богородицы можно отметить черты, которые сближают его со столичным искусством Византийской империи, что делает памятник чрезвычайно интересным в контексте как древнерусской, так и византийской живописи этого периода. Целью данной статьи является поиск стилистических аналогов фресок Антониева монастыря, сопоставление новгородских росписей с различными живописными ансамблями Греции, выявление общих и различных черт.

В целом росписи Антонива монастыря можно отнести к так называемому аскетическому искусству, которое в конце XI - первой четверти XII века появляется в самых разных уголках византийского мира. Для художников, создававших аскетичные образы, важно было показать глубокое внутреннее напряжение и молитвенное состояние изображаемых святых. Живопись этого направления отличается некоторой упрощенностью форм, применением локальных цветовых пятен и точной линейной проработкой. Нужно отметить, что подобными стилистическими особенностями обладают столичные памятники начала XI века. В то же время, провинциальная монументальная живопись первой четверти XII в. обладает особенностями, которые сближают ее с такими ансамблями как кафоликон Успенского монастыря в Дафни (ок. 1100 г.) или мозаиками Михайловского Златоверхого монастыря (около 1112 г.). Для искусства конца XI - начала XII века, вне зависимости от направления, свойственен психологизм, однако при этом меньше внимания уделяется индивидуальности образов.

Одним из наиболее ранних памятников, относящихся к аскетической живописи, является небольшая часовня Св. Меркурия на о. Кор-

фу. Ее фресковое убранство было выполнено в 1074/1075 г. В живописи храма сосуществуют как архаизирующие, так и новаторские черты [8, p. 79], что можно также сказать и о росписях собора Антониева монастыря, хотя они относятся к более позднему времени. В иконографической программе ансамбля на о. Корфу присутствует большое количество одиночных изображений святых (отдельные в ростовые и поясные фигуры в медальонах), что, безусловно, перекликается с собором Рождества Богородицы в Великом Новгороде. Стиль живописи этого памятника близок к аскетическому искусству конца XI - начала XII века. Для ликов характерны крупные, несколько грубоватые черты с крупными глазами, широкими линиями бровей, которые тонкой линией соединены с неровным носом (ил. 1). Как и в Антониевом монастыре, здесь нет колористического разнообразия в трактовке лиц. Их покрывает однотонная заливка, поверх которой сделаны легкие притенения, а затем графическая проработка. В соборе Рождества Богородицы такой принцип создания образа можно заметить в изображении неизвестного диакона на южной грани юго-восточного столба. В то же время лица некоторых других святых, например Флора и Лавра или волхвов из сцены «Рождества Христова» моделированы хотя и монохромно, но более тщательно и многослойно. Можно предположить, что в новгородском храме работали более искусные мастера, чем в часовне на Корфу. Между тем, К. Скавран отмечает, что зеленоватая подложка под основным тоном ликов говорит о близости мастеров к константинопольскому искусству [8, p. 79]. Следовательно, можно сделать вывод, что столичное искусство в этот период было чрезвычайно разнообразным по стилистическим решениям и упрощенная манера трактовки изображений ни в коей мере не может служить доказательством провинциальности памятника.

К памятникам монастырского направления относятся фрески церкви Елеусы в Велюсе, выполненные в 1080 г. Заказчиком обновления храма был епископ Мануил, который, до того как попал в македонские земли, жил в монастыре Св. Авксентия в Халкедоне рядом с Константинополем. Среди сохранившихся росписей присутствует уникальная сцена, которая отражает начальный этап складывания иконографии «Поклонение жертве» [1, с.31-33]. Безусловно, такой сюжет тесно связан с евхаристической темой, весьма важной

для собора Антониева монастыря. Со стилистической точки зрения ансамбль также близок новгородскому храму. Лик Спаса-Эммануила в скуфье купола (ил. 2) по проработке напоминает образ Св. Флора в Рождественском соборе (ил.3). Оба этих изображения объединяют активные притенения, которые смело моделируют достаточно высокий рельеф личного письма. Более того, новгородский и македонский лики объединяют крупные черты лица, окаймленные тонкими линиями. Однако в трактовке складок в церкви Елеусы в Велюсе преобладает линейное начало, они более мелкие и яснее соотносятся с формами человеческого тела, в то время как изгибы ткани одеяний Флора и Лавра сделаны живописнее и кажутся более мягкими.

Ученые до сих пор не пришли к единой точке зрения о времени создания фрескового ансамбля церкви Панагии Мавриотиссы в Касторье. Ряд иконографических сюжетов, располагающихся на стенах храма, говорит в пользу датировки живописи началом XIII века. В то же время стилистические особенности соответствуют памятникам раннего XII века. В целом ансамбль Панагии Мавриотиссы в Кастории настолько необычен и экспрессивен, что не имеет прямых аналогий в византийском искусстве этого времени. Однако отдельные детали и приемы непосредственно связаны с основными монументальными росписями обозначенного периода. В частности, в сцене «Успения» для придания изображения большей экспрессии использован «утрированный шаг апостолов», который также присутствует в мозаиках Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1108-1112) и в сцене «Вознесения» в Асину [2, с.189-192]. Между новгородскими фресками и вышеназванным греческим ансамблем общих черт можно найти значительно больше. Чтобы понять эту связь, нужно обратить внимание на моделировку ликов. Лики апостолов из сцены «Успения» в Кастории и преподобных в новгородском монастыре одинаково проработаны мягкими тональными лессировками, а затем основные дополнены более точно графической проработкой (ил. 4). Стоит обратить внимание, что лики также объединяет отсутствие классической утонченности и спокойствия, характерных для центральных памятников этого времени, напротив, они пронизаны сильным духовным напряжением, которое в новгородском ансамбле вылилось в аскетическую сосредоточенность,

а в греческих выразилось во впечатлении эмоционального участия в совершающемся событии. Кроме того, в антониевских фресках до нас практически не дошли сцены праздников, поэтому сложно судить о характере изображения персонажей, например в сцене «Успения». Однако, судя по сохранившимся фрагментам «Рождества Христова» в многофигурных сценах персонажи были изображены более экспрессивно, по сравнению с одиночными образами.

Важнейшим памятником Кипра являются фрески церкви Панагии Форбиотиссы в Асину, датированные 1105/1106 г. Фресковое убранство XII века сохранилось на одну треть, остальные участки живописи относятся к более позднему времени. С точки зрения стилистических особенностей фрески Асину находят много точек пересечения с ансамблем в Антоново. Для памятников характерна достаточно статичная постановка фигур даже в тех сценах, где предполагается движение. Зачастую греческий художник использует достаточно сложные позы персонажей, но при этом в фигурах чувствуется скованность движения. Например, именно такой характер носит изображение Иоанна Богослова в «Причащении апостолов». Юноша находится в очень неестественной позе: он стоит на кончиках пальцев левой ноги, подняв одновременно правую руку и ногу (ил. 5). Близким аналогом в новгородской живописи можно назвать юношу из сцены «Второе обретение мощей Иоанна Предтечи», где фигура с лопатой кажется тоже весьма неустойчивой (ил.6). Нужно отметить, что такие «недостатки» делают живопись более выразительной и не всегда связаны с отсутствие мастерства у художника. Отдельно нужно остановиться на трактовке лика в этих кипрских росписях. Моделировка лика Св. Игнатия Богоносца очень напоминает лики преподобных в Антоново. Художники, украшавшие росписями храмы, подчеркнули аскетичный характер образов святых коричневыми притенениями по линии роста бороды. Кроме того, подвижники имеют схожие черты ликов: вытянутый овал лица, тонкий длинный нос, плотно сжатые губы.

Интересно, что Д. Мурики отмечает общие стилистические особенности между фресками Мавриотиссы в Касторье и Панагии в Асину. Важно сказать, что многие из тех черт, которые отмечает исследовательница, присутствуют в новгородской живописи. В частности, она останавливается на особенностях изображения драпировок, которые

в греческой живописи не связаны с анатомическим строением человеческого тела [7, p.102]. То же можно сказать и о характере трактовки одеяний во фресках Антониева монастыря. Линии складок в росписях вышеназванных трех храмов расположены совершенно независимо от естественного положения ткани. Между тем, несмотря на все вышеназванные особенности живописи, Панагия в Асину, по мнению исследователей, является примером искусства близкого к столичному [6, p.87]. Таким образом, памятник, кажущийся на первый взгляд архаичным и провинциальным, оказывается в одном ряду с одним из самых классических и утонченных ансамблей начала XII века.

Хорошо сохранилась фресковая живопись в храме Панагии Теотокос в Трикомо. Росписи не имеют точной датировки, однако на основании стилистического сходства с Асину относятся к раннему XII веку (6, p. 490). В многофигурных композициях Панагии Теотокос отсутствует активное движение. Несмотря на то, что фигуры пастухов в композиции «Рождество Христово» изображены в различных позах, в них совершенно отсутствует эмоциональное напряжение (ил. 7). Важно отметить, что движутся у этих трех персонажей лишь руки, которыми они указывают на звезду, держат посох или играют на музыкальном инструменте. Сами тела имеют спокойные плавные контуры и никак не участвуют в действии. Важную роль в создании этих образов, несколько даже равнодушных к происходящему, играют лица, на которых совершенно не выражено отношение к случившемуся событию. Если сравнить лики пастухов и лики апостолов, то можно понять насколько важную роль играет выразительность черт лика в создании образа. Трактовка «Пира в доме Ирода» во фресках Антониева монастыря также отличается отсутствием экспрессии в движении персонажей. Со спокойствием образов тесно связана моделировка одежд персонажей. Проработка ткани во фресках Панагии Теотокос отличается некоторой условностью по сравнению даже со многими греческими ансамблями, не говоря уже о столичных памятниках этого времени. Драпировки пересекают одиночные мощные складки, контрастирующие с основной поверхностью ткани. Стоит отметить, что в одиночных образах Панагии Теотокос пропорции выверены точнее и складки проработаны более детально. В целом эту особенность можно отметить и в новгородском ан-

самбле, где фигура Богоматери из сцены «Благовещения» кажется более гармоничной по сравнению с Иродиадой из Предтеченского цикла в дьяконнике. Лики персонажей далеки от гармонии и уравновешенности, свойственных столичному комниновскому искусству. Святые изображены с утяжеленным подбородком, крупным носом, губами и широко раскрытыми глазами, что можно отметить и в образах Антониева монастыря.

К ряду памятников аскетического искусства относится живопись храма Панагии в Амазгу по времени создания можно разделить на три периода, самый ранний из которых относится к началу XII века. Росписи первого слоя дошли до нашего времени во фрагментах, которые в основном находятся в восточной части храма [5, p. 277-280]. Стиль этой живописи весьма близок убранству храма Рождества Богородицы в Антониевом монастыре. Образы дьяконов обоих ансамблей объединяют широкие лики несколько неправильной формы и моделировка охристо-зеленоватыми притенениями (ил. 8). Поверх нескольких полупрозрачных слоев, формирующих рельеф, идет линейная акцентировка основных черт. Во фресках Панагии в Амазгу эти линии имеют больше плавности и плотности. Между тем, в обоих образах темная линия объединяет правую бровь и нос, подчеркивает левую бровь, а также акцентирует небольшие губы. В греческих фресках в моделировке использовано больше оттенков, однако лик дьякона даже на фоне антониевских фресок отличается лаконичным цветовым решением. Среди образов преподобных в медальонах можно найти не менее насыщенные по количеству оттенков лики. Ансамбль в Амазгу также близок антониевским фрескам по колористическому решению. Здесь используется контрастное сочетание насыщенных и достаточно темных цветов со светлыми. Общим также для этих ансамблей является пропорциональный строй фигур, с едва заметным нарушением гармоничного соотношения разных частей тела (ил. 8). В то же время характер проработки складок в церкви Панагии Форбиотиссы совершенно иной по сравнению с Антоново. В кипрской живописи ткань формируется за счет бесконечного каскада пробелов, пронизывающих ее насквозь. Если в северных росписях драпировки пересекают мощные одиночные линии глубоких складок, то здесь вся ткань как бы трепещет на ветру.

Подолы одеяний святых не грузны и тяжеловесны как в Новгороде, а представляют собой непрерывно меняющуюся, живую линию.

Исходя из результатов сравнительного анализа памятников аскетического искусства Греции и живописи Антониева монастыря, можно сделать следующие выводы. Среди памятников вышеназванного региона насчитывается немало стилистических аналогов ансамблю Рождественского храма. Наиболее близкими по художественному решению, на мой взгляд, являются росписи церкви Панагии в Трикомо (Кипр) и Панагии Амазгу (Кипр). Для живописи этого круга характерна некоторая стилизация в трактовке ликов, которые чаще всего обладают крупными выразительными чертами, широко раскрытыми глазами и упрощенным изображением шапки волос. Моделировка драпировок обычно выполнена крупными складками, которые лепятся светотеневой моделировкой, однако при этом обладают линеарным началом. Безусловно, каждый памятник обладает своими индивидуальными особенностями, однако в большинстве из них можно найти нити, стилистически связывающие их с исследуемым новгородским ансамблем.

Список литературы

1. Джурич В. Византийские фрески. М., 2000.

2. Захарова А. Фрески церкви Панагии Мавриотиссы в Касторье // Византийский временник. Т. 59. М., 2000.

3. Порфиридов Н.Г. Новые открытия в области памятников древней живописи в Новгороде. Великий Новгород, 1928.

4. Сарабьянов В.Д. Стилистические основы фресок Антониева монастыря//Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб, 1997.

5. Boyd S. The Church of the Panagia Amasgou, Monagri, Cyprus, and Its Wallpainting // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 28. Harvard. 1974.

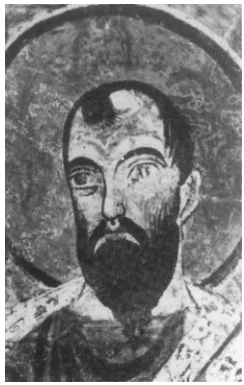
6. Megaw A. H. S. Byzantine Architecture and Decoration in Cyprus: // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 28. Harvard. 1974.

7. Mouriki D. Stylistic Trends in Monumental Painting of Greece // Dumbarton Oaks Papers. Harvard. Vol.34/35. 1980/1981.

8. Skawran K. M. Peripheral Byzantine Frescoes in Greece: // British School at Athens Studies. Vol. 8. London. 2001.

9. Stilianou A. and Stilianou J. The painted churches of Cyprus. Treasures of Byzantine art. Cyprus. 1997.

Иллюстрации

Ил. 1. Корфу. Храм Св. Меркурия. 1074/75. Св. Илия.

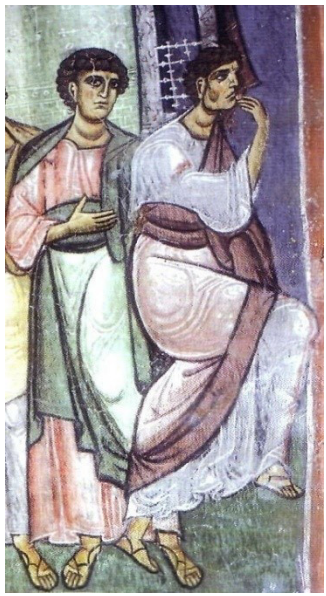
Ил. 2. Македония. Велюса. Фрески церкви Елеусы после 1080. Христос-Эммануил.

Ил. 3. Великий Новгород. Собор Рождества Богородицы Антониева Монастыря. 1125 г. Св. Флор.

Ил. 4. Церковь Панагии Мавриотиссы в Касторье. Нач XII в.

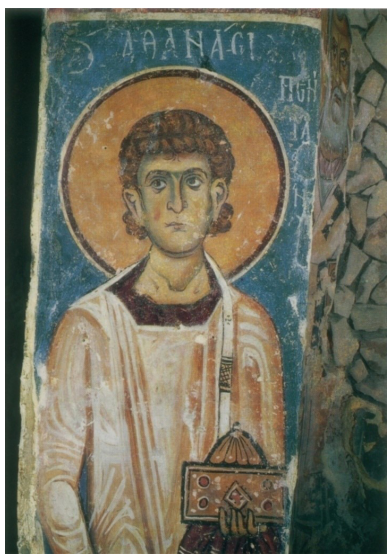
Ил. 5. Кипр. Фрески церкви Панагии в Асину 1105/6. Фрагмент сцены «Причащение апостолов».

Ил. 6. Великий Новгород. Собор Рождества Богородицы Антониева Монастыря. 1125 г. «Обретение главы Иоанна Предтечи».

Ил. 7. Кипр. Фрески церкви Панагии в Трикомо. Нач. XII в. Фрагмент сцены«Рождество Христово».

Ил. 8. Кипр. Фрески церкви Панагии в Амазгу. Архидиакон Стефан.

Щеглова Юлия Алексеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Ходаковский Евгений Валентинович, кандидат искусствоведения, доцент

Строительная история деревни Ворзогоры Онежского уезда Архангельской губернии в XIX веке

Construction history of the village of Vorzogory, Onega district, Arkhangelsk province in the 19th century

Аннотация. *Статья посвящена истории строительства Ворзогорского прихода Онежского уезда в XIX веке. Изученные архивные материалы в собрании Государственного архива Архангельской области и Института истории материальной культуры РАН позволили уточнить сведения о ремонте Введенской церкви, а также выявить факт перестройки в период с 1847 по 1850 год шатрового завершения основного объема Никольской церкви в пятиглавый, существования предыдущих построек на месте нынешней Зосимо-Савватиевской церкви и историю её создания. Статья содержит оригинальные рисунки фасадов и чертежи Никольской церкви, Зосимо-Савватиевской часовни и Зосимо-Савватиевской церкви на разных этапах строительства.*

Ключевые слова: *деревянная архитектура; Русский Север; Беломорье; Онежский уезд; Ворзогоры.*

Abstract. *The article is devoted to the history of the construction of the Vorzogorsky parish of Onega County in the XIX century. The studied archival materials in the collection of the State archive of Arkhangelsk region and the Institute of the History of Material Culture of Russian Academy of Sciense helped to determine the information about the repair of the Vvedenskaya Church and identify the fact of restructuring in the period from 1847 to 1850 hipped-roof main volume of St. Nicholas' Church in the five-domed, the existence of previous buildings in the place of the present Zosimo-Savvatievskaya Church and the history of its creation. The article contains original drawings of facades and drawings of St. Nicholas Church, Zosimo-Savvatievskaya Chapel and Zosimo-Savvatievskaya Church at different stages of construction.*

Key words: *wooden architecture; Russian North; White Sea; Onega County; Vorzogory.*

Деревня Ворзогоры расположена в Онежском районе Архангельской области на берегу Онежского залива Белого моря. Она состоит из двух поселений: Кондратьевского и Яковлевского. Первое представляет интерес в связи с тем, что в нем находятся теплая церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (1793), древняя холодная церковь Святителя и Чудотворца Николая (1636) и отдельно стоящая колокольня (1862). Эти три постройки образуют погост – целостный храмовый комплекс, являющийся центром жизни поселения, расположенный в окружении жилых построек. Кроме церквей Ворзогорского погоста на приходском кладбище в самом центре Ворзогор на окраине Яковлевского существует приписная церковь Зосимы и Савватия Соловецких. Комплексно рассматривая приходские и периферийные постройки прихода, мы получаем целостное представление о бытовании характерной поморской деревни и организации культурной и духовной жизни прихода. Актуальность данной темы заключается в том, что подобные комплексы из трех построек – распространенное явление в деревянной храмовой архитектуре Поморья, однако Ворзогоры, наряду с ансамблями в Кижах, Нёноксе и Малошуйке, представляют тот редчайший случай, когда поселение сохранило все три постройки церковного погоста. Кроме того, следует отметить, что в последние годы благодаря Ворзогорам привлекается внимание общественности к проблеме сохранения памятников деревянной архитектуры в целом, отчасти из-за того, что в 2006 году Ворзогоры стали центром волонтерского движения «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера», занимающегося спасением памятников церковного зодчества.

Особенность изучения Ворзогорского прихода связана с тем, что его постройки дошли до нас не в первоначальном виде. Со временем менялась численность прихожан, менялись и требования к храмовым сооружениям, поэтому архитектура претерпевала различные изменения, в связи с чем изменялись не только ее функции, но и внешний облик. Особенно это выразилось в более поздний период существования деревни. Однако в литературе этот вопрос практически не освещается. Цель данной работы – представить неизвестные данные о строительной истории Ворзогорского прихода Онежского уезда в XIX веке как отражении общей строительной

практики Русского Севера в тот период. В связи с поставленной целью статьи были сформулированы следующие задачи:

1. изучить исторические документы, в том числе рисунки фасадов и чертежи, о перестройке в период с 1847 по 1850 год шатрового завершения основного объема Никольской церкви в пятиглавый;

2. изучить материалы о постройке кладбищенской Зосимо-Савватиевской часовни в 1850 году, а также о преобразовании её в церковь;

3. изучить дело о ремонтных работах в Введенской церкви в 1867 году.

Деревня Ворзогоры относится к Ворзогорскому приходу некогда I-го благочиния Онежского уезда Архангельской губернии [2, С.11]. Впервые поселение было упомянуто в 1559 году [1, с.159]. Уже в XVI веке деревня включала в себя большое количество дворов [3, с.23]. Согласно летописи, сам Ворзогорский приход был образован в 1578 году [8, с.14].

Самый ранний храм Ворзогорского погоста – Никольская церковь. «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии» содержит сведения о том, что храм был построен в 1636 году, имел в конце XIX в., когда было издано описание, 5 глав и был обшит тесом. Более ранний архивный источник – метрика 1887 года – дает более подробную информацию. Церковь описывается как «одноэтажная шатровая; с левой стороны пристроена пономарня; алтарь с полукружием; длина 8 саж., ширина 5 саж., вышина 12 саж.; обшита тесом; крыша деревянная зубчатая, теремков нет; кровля шатровая на 4 ската; фонарь на сводах с пролетами; шея чешуйчатая; 6 глав; из них 5 на церкви и 1 на алтаре; покрыты чешуей при основании; деревянные окрашенные; кресты деревянные окрашенные желтой краской; в алтаре 4 окна в северном предалтарии при пономарне одно окно, под самой крышей окон нет; наличников нет … двери ведущие из паперти церкви в алтарь, другие ведут с пономарни в алтарь; церковь устроена в виде квадратной палаты; приделов и хор нет; … звонниц в арках устроенных пять; колокольня деревянная отделена от церкви, построена в 1862 году» [9, л.1-8].

Данное описание не дает нам сведений о строительной истории, однако подготовленная В. В. Сусловым справка в описании па-

мятников Онежского уезда, опубликованном в 1911 году, содержит фотографию погоста (Ил. 1), а также информацию о том, что церковь имеет завершение на 4 ската, 6 глав, 5 из которых находятся на церкви и 1 на алтаре. С левой стороны алтаря пристроена пономарня с особым входом. С западной стороны церковь имеет паперть, к ней примыкает открытая лестница. Храм ремонтировался в 1840, 1872, 1876 и 1879 гг. [7, с.95-96].

Однако выявленные архивные данные уточняют сведения В.В. Суслова. Так, в деле о постройке Зосимо-Савватиевской кладбищенской церкви вместо часовни 1843 – 1850 года сообщается о проекте поправки деревянной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая. Проблема заключалась в том, что Зосимо-Савватиевская часовня «пришла в ветхость и поправлена быть никак не может» [5, л.1]; и хотя прихожанами и были собраны средства на постройку церкви на месте этой часовни, на одном из этапов подготовки проекта перестройки ректором семинарии Архимандритом Вениамином было высказано мнение о том, что «построение новой церкви несоразмерно с их (прихожан) силами», и кроме того расстояние от приходской церкви до кладбища весьма невелико, поэтому собранные средства лучше употребить на ремонт приходских церквей [5, л.49]. В августе 1847 года в Архангельскую Духовную Консисторию исполняющим должность благочинного, священником Михаилом Павловским был написан рапорт о том, что «по выслушании» указа по предмету перестройки прихожанами было объявлено: выстроить вместо часовни при деревне Яковлевской приписную, но кладбищенскую церковь на фундаменте из камня, но так как они располагали суммой в 143 рубля, чего явно было недостаточно для строительства церкви, то было решено поправить часовню Зосимы и Савватия Соловецких за свой счёт, а собранную сумму употребить на поправку деревянной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая, на которой «крыша довольно ветха».

В этом же деле есть «репорт» Епископу Архангельскому и Холмогорскому Варлааму от правящего должность благочинного, священника Михаила Павловского, к которому приложено два чертежа Никольской церкви. Первый демонстрирует состояние церкви на 1848 год (Ил. 2) [5, л.49], а второй показывает, как планируется

осуществить ремонт (Ил. 3) [5, л. 73.], и вскоре храм был отремонтирован [5, л. 78 об.].

Работы по перестройке Никольской церкви в Ворзогорах, видоизменившие один из наиболее выдающихся памятников деревянного зодчества Русского Севера, не исчерпывают строительную историю этого известного прихода в XIX в. В 1848 году был заложен каменный фундамент новой Зосимо-Савватиевской часовни [5, л. 78-79]. К вышеупомянутому делу прилагаются фасады западной (Ил. 4) [5, л. 82 об.] и южной (Ил. 5) [5, л. 83] стен будущей часовни, которая к 6 сентября 1850 была достроена и освящена [5, л. 85]. Исходя из данных материалов, постройка должна была иметь одну главу и притвор с западной стороны. Однако в «Кратком историческом описании…» 1896 года данная постройка числится именно как церковь постройки 1850 года [8, с.14].

Часовня была перестроена в церковь до 1888 года, так как в деле о пристройке паперти и колокольни к Ворзогорской кладбищенской церкви Онежского уезда (1888 год, приурочено к празднованию Крещения Руси) [6, л.1] постройка, во-первых, уже именуется церковью, а не часовней [6], а во-вторых, на чертеже храма до перестройки есть алтарь (Ил. 6, Ил. 7).

Среди важных работ в Ворзогорском приходе в XIX столетии следует обратить внимание на ремонт Введенской церкви. Она была построена в 1793 году. На 1896 год имела три престола: Введения во храм Пресвятой Богородицы, Святого Василия Великого и Великомученика Георгия. Указывается, что церковь имела 5 глав, была обшита тесом и окрашена [8, с.14].

25 января 1864 года староста Ворзогорского прихода пишет прошение Епископу Архангельскому и Холмогорскому Нафанаилу, где сообщает, что крыша церкви, а также построенная в 1824 году ограда обветшали [4, л.1]. Далее в рапорте благочинного первой части Онежского уезда в Архангельскую Духовную консисторию от 25 ноября 1868 года сообщается, что работы в теплой церкви были закончены еще в прошлом (то есть в 1867) году.

Таким образом, XIX век многое изменил в облике архитектуры Ворзогорского прихода. Помимо не очень масштабных работ, таких как, например, ремонт Введенской церкви в 1867 году, выявлены

и довольно значимые преобразования. Так, например, соответствуя новым традициям более поздних периодов, на смену шатровому завершению Никольской церкви приходит многоглавое.

Большое значение имеет и описание ранее не изученной строительной истории Зосимо-Савватиевской церкви. Выявлено, что на ее месте до 1850 года находилась древняя кладбищенская часовня, затем стараниями прихожан в 1850 г. построена новая часовня на каменном фундаменте, которая в 1888 – 1889 годы становится церковью за счёт постройки алтарного придела, что было приурочено к 900-летию Крещения Руси.

Список литературы

1. Акты Соловецкого монастыря. 1479-1571 / Сост. Либерзон И. Часть I. Л., Наука. Лен. отд. 1988. С. 159.

2. Атлас Архангельской Епархии. Архангельск, 1890.

3. Бернштам Т. Русская народная культура Поморья в XIX – н. XX в. Л., Наука. 1983. С. 23.

4. ГААО. Ф. 29. Оп. 4 Т. 2. Д. 1764. О ремонте церкви и постройке новой церковной ограды в Ворзогорском приходе Онежского уезда.

5. ГААО. Ф. 29. Оп.4. Т. 3. Д. 137. О дозволении на место часовни во имя Преподобных Отцов Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев со стоящей Онежского уезда в Ворзогорском приходе при деревне Яковлевской выстроить новый храм.

6. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 978. О пристройке паперти и колокольни к Ворзогорской кладбищенской церкви Онежского уезда.

7. Известия Императорской Археологической Комиссии. Вопросы реставрации. СПб, 1911. Вып. 41. С. 95-96.

8. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 13-14.

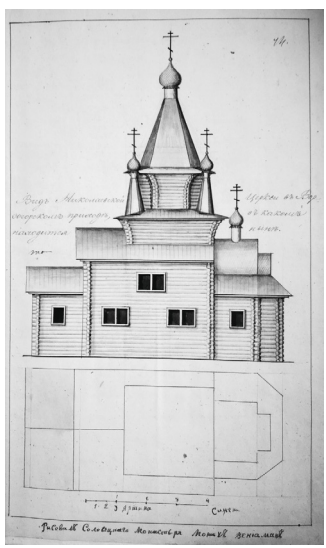
9. НА ИИМК РАН. Р. III. №117. Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божьих и художественных предметах. Архангельской губернии Онежского уезда Кондратьевской деревни церковь во имя святителя Николая Чудотворца. 1887. Л. 1-8.

Иллюстрации

Рис. 14. Ворзогорская Николаевская церковь (впереди), 1636 г.

Ил. 1. Ворзогорский погост, Никольская церковь (на первом плане). 1636 год. Источник: Известия Императорской Археологической Комиссии. Вопросы реставрации. СПб., 1911. Вып. 41. С. 96.

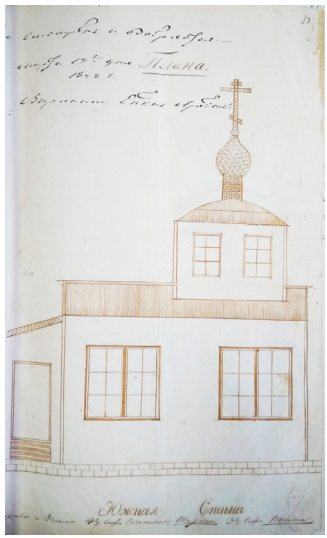
Ил. 2. «Вид Николаевской церкви в Ворзогорском приходе, в каком она находится ныне. Рисовал Соловецкого монастыря монах Вениамин». Чертеж фасада. 1848 год. ГААО. Ф. 29. Оп.4. Т. 3. Д. 137. О дозволении на место часовни во имя Преподобных Отцов Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев со стоящей Онежского уезда в Ворзогорском приходе при деревне Яковлевской выстроить новый храм. Л. 74.

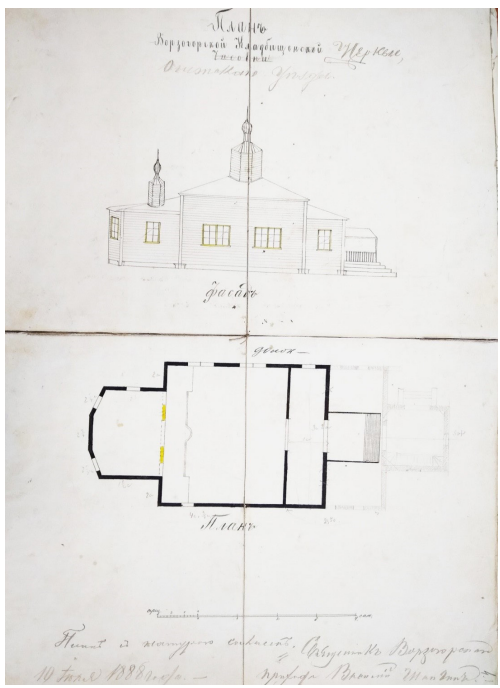
Ил. 3. «Вид Николаевской церкви в Ворзогорском приходе, в каком предполагается исправить оную. Рисовал Соловецкого монастыря монах Вениамин». Чертеж фасада. 1848 год. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 137. О дозволении на место часовни во имя Преподобных Отцов Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев со стоящей Онежского уезда в Ворзогорском приходе при деревне Яковлевской выстроить новый храм. Л. 73.

Ил. 4. Очерк западной стены будущей Зосимо-Савватиевской кладбищенской часовни с. Яковлевского Ворзогорского прихода. ГААО. Ф. 29. Оп.4. Т. 3. Д. 137. О дозволении на место часовни во имя Преподобных Отцов Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев со стоящей Онежского уезда в Ворзогорском приходе при деревне Яковлевской выстроить новый храм. Л. 82 об.

Ил. 5. Очерк южной стены будущей Зосимо-Савватиевской кладбищенской часовни с. Яковлевского Ворзогорского прихода. ГААО. Ф. 29. Оп.4. Т. 3. Д. 137. О дозволении на место часовни во имя Преподобных Отцов Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев со стоящей Онежского уезда в Ворзогорском приходе при деревне Яковлевской выстроить новый храм. Л. 83.

Ил. 6. Копия проекта на перестройку в Ворзогорской кладбищенской церкви пономарни и увеличения паперти и на постройку ограды. 1888 – 1889 гг. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 978. О пристройке паперти и колокольни к Ворзогорской кладбищенской церкви Онежского уезда. Л. 3 об.

Ил. 7. Копия проекта на перестройку в Ворзогорской кладбищенской церкви пономарни и увеличения паперти и на постройку ограды. 1888 – 1889 гг. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 978. О пристройке паперти и колокольни к Ворзогорской кладбищенской церкви Онежского уезда. Л. 5 об.

Мичурин Федор Дмитриевич,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Калиновский Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент

Спас-на-Водах – история утраченной церкви

Saved-on-the-Water – History of lost Church

Аннотация. *В статье проводится анализ истории и архитектуры Церкви Христа Спасителя в память Гефсиманского борения и святителя Николая Чудотворца («Спас-на-Водах»). Были проанализированы основные вехи истории и архитектурные особенности данного храма. Предложено рассмотреть возможность восстановления данного храма в будущем.*

Ключевые слова: *Архитектура Санкт-Петербурга; культовое зодчество; неорусский стиль; XX век; воссоздание; утрата наследия.*

Abstract. *In this article analysis of history and architecture of Church of Christ the Saviour in memory of the Gethsemane struggle and St. Nicholas the Wonderworker («Saved-on-the-Waters») is carried out. Major part of history and architectural features of this Church was analyzed. Was proposed to consider the possibility of recreation this church in future.*

Key words: *architecture of Saint Petersburg; religious architecture; Neo-Russian style; XX century; recreation; losing of heritage.*

На протяжении XVIII–XX вв. в Санкт-Петербурге было построено большое количество храмов, значительная часть которых в советское время была закрыта, а некоторые из них – уничтожены. Среди последних был шедевр русской архитектуры – Церковь Христа Спасителя, которая располагалась на Английской набережной. Для того чтобы доказать, что перед нами шедевр архитектуры, нужно выявить архитектурные особенности данного строения и узнать его историю. Кроме того, необходимо, опираясь на полученные данные, обосновать позицию, почему данный храм имеет право на воссоздание.

Во-первых, необходимо узнать, как появилась идея создания данной церкви. Церковь Христа Спасителя должна была стать сво-

его рода мемориалом и «братской могилой без погребений», посвященной всем морякам, погибшим в годы Русско-японской войны [4, с. 135]. Основной необходимостью для создания церкви было то, что, по замыслу инициаторов строительства, родственники и товарищи погибших могли прийти в храм и вспомнить их в молитвах, а остальные – преклониться перед их подвигом [7, с. 84]. Отсюда можно сделать вывод, что Храм носил мемориальную функцию, а также должен был служить местом воинской славы. Во-вторых, инициатива создания подобного храма была предпринята непосредственно во время Русско-японской войны: на территории Дерябинских казарм (на Васильевском острове) была освещена 14 июля 1905 г. временная церковь Св. Николая в честь павших моряков [1, с. 168]. Однако со временем возникла идея о создании постоянного храма.

Инициатором возведения культового строения стал министр внутренних дел Российской Империи – Петр Аркадьевич Столыпин. В 1908 году, в докладе он заявил, что необходимо создать комитет по сбору пожертвований на постройку храма, на что было дано согласие [9]. Уже в этом году был учрежден комитет, покровительство над которым взяла греческая королева Ольга Константиновна [2, с. 122]. А председателем организации стал сам П.Н. Огарёв [7, с. 84]. Таким образом, можно сказать, что строительство данного сооружения связано со многими известными людьми.

Комитет искал место для возведения храма. Морским министерством было предложено возвести храм на Английской набережной, напротив Морского Кадетского корпуса [3, с. 256]. Тем не менее в начале второго десятилетия началось строительство.

Закладка Церкви Христа-Спасителя произошла 15 мая 1910 г. Строительство продолжалось целый год по проекту архитектора М.М. Перетятковича, и уже 31 июля 1911 г. храм был торжественно открыт [7, с. 84]. На открытии присутствовал император Николай II. По свидетельствам, во время освящения вдоль собора выстроились роты Морского корпуса и Морского Инженерного училища, роты Гвардейского и Второго Балтийского флотских экипажей [3, с. 256–257]. Несмотря на то, что церковь была возведена за год, храм имел ряд художественных и архитектурных особенностей, о которых будет рассказано далее.

Прежде всего, стоит сказать, что главной особенностью храма стало его оформление, так как его прообразам были храмы домонгольской Руси, а именно церкви Владимирского княжества XII в. – церковь Покрова на Нерли и Дмитровский собор [5, с. 73]. Как можно заметить, основной тип храма был крестово-купольным, а стиль – неорусским. Сам храм был облицован старицким камнем, а купол был покрыт золотой смальтой. На восточной стороне была апсида. В постройке и оформлении Храма-мемориала принимали многие известные мастера: по фасаду можно было увидеть скульптуры мастера Б.М. Микешина, двери из медных листов изготовлены в московской мастерской О.С. Кошкиной, а перед главным входом находилось мозаичное панно, изготовленное по рисунку В.М. Васнецова [3, с. 259]. Церковь имела два храма – нижний и верхний, что подводит нас к рассказу об особенностях внутреннего убранства.

Интерьеры также имел искусное оформление в виде мозаики, созданной по рисункам Н. А. Бруни и В.М. Васнецова. В частности, именно так был выполнен запрестольный образ, который изображал Спасителя, шествующего по волнам [8, с. 127]. Возможно, поэтому и закрепилось за Церковью Христа Спасителя неофициальное название – Спас-на-Водах. Кроме того, в данной церкви также размещались мозаики «Моление о чаше» и «Несения креста». Почти все иконы – были копиями судовых икон с кораблей Тихоокеанской эскадры, написанных московской мастерской В.П. Гурьянова, однако были и оригинальные иконы, которые удалось спасти с крейсеров «Севастополь», «Варяг», «Ретвизан». Царские врата стали синтезом двух видов ремесел – резьба по камню и чеканка по металлу. Алтарной завесой стал – Андреевский флаг, который говорил, чему именно был посвящен храм [6, с. 362]. Также на стенах собора были размещены бронзовые доски с именами погибших, судном и боями, в которых оно участвовало. Всего было 12 000 имён [8, с. 127]. Также начинали расписывать храм, но к моменту его закрытия была готова только одна роспись – «Спаситель благословляет погибающих на крейсере "Светлана"». Также здесь размещалась дарохранительница в виде самой церкви [1, с. 169].

Значительно отличался Нижний храм. Он был роскошно украшен росписями сводов и стен в виде фресок старинных московских

храм, а иконостас был выполнен в технике чеканки в стиле XVI века [6, С. 364]. Также при храме имелся музей, где хранились артефакты, связанные с подвигами и гибелью моряков, а также с Русско-японской войной [7, с. 85].

Однако недолго храм радовал глаз горожан. Уже в 1918 г. храм был национализирован и закрыт, однако под давлением общества, 20 декабря 1919 г. власти сделали его приходским. Храм вновь открыл свои двери во многом благодаря тому, что приходских общины должны пройти некоторые регистрационные процедуры, при общинах были созданы самоуправленческие органы – «двацатки», которые включали как и профессоров и бывших дворян, так и рабочих. Приходским служителем стал проповедник Владимир Рыбаков. Но перед этим он получил 20 октября 1919 г. статус памятника. Тем не менее, вскоре власти опять его закрыли и опять открыли в 1924 г. Причиной стало то, что «двацатники» не заключили договор о передачи ей церкви и не передали ценности в 1922 г. Была проведена инвентаризация предметов. Всего было выявлено 664 предмета, среди которых были 33 серебряные вещи, которые не признали в них ценности, что позволило их переплавить, а другие предметы искусства удалось или оставить в храме, или отдать в музейный фонд [7, с. 86–89]. В дальнейшем многие ценности были конфискованы, часть попала в музеи [9]. Например, часть мозаик церкви оказалась в Русском Музее [2, с. 125]. Тем не менее в 1927 г. Планировался ремонт храма [7, с. 91]. Однако в начале 1930-х был разработан план реконструкции территории предприятия «Судомех» (бывшего Нового Адмиралтейства, на территории которого и стоял храм) [5, с. 73], в связи с чем в 1931 г. было решено закрыть, а потом и взорвать храм. 8 марта 1932 г. приказ был исполнен [10]. Хотя многие после этого стали считать, что храм был взорван несправедливо.

Тем не менее, после взрыва эта история не закончилась. В 1990 г. были проведены раскопки на месте церкви, а уже 22 ноября этого же года Райсовет Ленинграда, который ранее принял решение уничтожить культовое сооружение, официально зарегистрировал Устав Комитета восстановления храма Спаса-на-Водах. Данное событие послужило началом постепенного возрождения храма. Уже на следующий год возобновились панихиды в память о погибших

в Цусимском сражении. В 1995 г. некоторые мозаики из храма были обнаружены в подвалах Русского музея, что позволило в 2007 г. их перенести в часовню. В 1998 г. по приказу губернатора СПб В.А. Яковлева «О проектировании и строительстве комплекса часовни храма Спаса-на-Водах на участке при впадении Ново-Адмиралтейского канала в Неву» кроме часовни предстояло также восстановить мост через канал. 23 мая 2002 г. часовня уже была построена и освящена, а крест её напоминал тот крест, который был на старой церкви [10].

Сейчас идея о воссоздании церкви ещё жива, однако имеется ряд трудностей, например, часть фундамента Церкви Христа Спасителя находится под одним из зданий верфи [10].

Таким образом, выявив исторические и художественные особенности данного культового зодчества – храм-мемориал в честь павших моряков в Русско-японской войне, созданный благодаря многим известным людям, тем, кто инициировал, вкладывал и участвовал в постройке и оформлении храма в стиле Домонгольских церковных построек Северо-Восточной Руси, а также как хранилища реликвий, связанных с Русско-японской войной, можно выдвинуть мнение о том, что необходимо возродить данную церковь, как храм-памятник русским морякам, павшим за Родину, а также архитектурный шедевр русской архитектуры (неорусский стиль) начала XX века. Возможно, данная церковь станет частью или структурным подразделением ЦВММ, но в то же время Санкт-Петербург вновь приобретёт то, что когда-то украшало его, пусть и в воссозданном виде.

Список литературы

1. Антонов В. В., Кобак А. В., Боглачева С. В. Святыни Санкт-Петербурга: энциклопедия христианских храмов. СПб: «Лики Росси», фонд «Спас», 2010. 511 с.

2. Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб: «Паритет», 2010. 396 с.

3. Гусаров А.Ю. Утраченные храмы Петербурга. СПб: «Паритет», 2014. 365 с.

4. Длужневская, Г. В. Утраченные храмы Петербурга: историческая литература. СПб: Литера, 2003. 271 с.

5. Кириков Б.М. Архитектура Петербурга – Ленинграда. СПб: «Коло», 2014. 400 с.

6. Крюковских А. П. Петербургские Храмы. СПб: «Паритет», 2013. 429 с.

7. Шкаровский М.В. Храм Христа Спасителя (Спас-на-Водах) – памятник погибшим в Русско-японскую войну // Елагинские чтения [сб. научных статей] / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. Воен.-Мор. Флота, ИПДО «Европ. ун-т в Санкт-Петербурге»; [сост.: М. Е. Малевинская ; науч. ред. В. С. Соболев]. СПб: Остров, 2003. С. 84–96.

8. Шумский А. «За подвиг ваш..» // Памятники Отечества: Под Андреевским флагом: Альманах. 1996. С. 124–130.

9. Основные вехи истории храма-памятника морякам Спас-на-Водах. URL: http://spas-na-vodah.spb.ru/ (дата обращения 01.10.2019).

10. Санкт-Петербургский храм Спаса-на-Водах: возвращение из забвения. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/09/sankt-peterburgskij_hram_spasa-na-vodah_vozvrawenie_iz_zabveniya/ (дата обращения 05.10.2019).

Тимашова Светлана Александровна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Скворцова Екатерина Александровна, кандидат искусствоведения, доцент

Портрет принцессы Уэльской Шарлотты-Августы в русском платье. Между нарядом и его образом

The portrait of Princess Charlotte Augusta of Wales in Russian dress. Between the garment and its image

Аннотация. *В статье исследуется портрет Уэльской принцессы Шарлотты-Августы, написанный в 1817г. Джорджем Доу. Представляющее интерес платье модели в русском стиле трактуется исходя из исторических фактов и сохранившихся источников. Автором делается вывод о нескольких возможных причинах выбора костюма.*

Ключевые слова: *национальный костюм; Джордж Доу; художник; портрет; изобразительное искусство; европейское искусство; XIX в.; романтизм; русский костюм.*

Abstract. *In the article discusses the portrait of Princess Charlotte Augusta of Wales painted by George Dawe in 1817.The Russian style of the dress of the model is analyzed according to the facts and historical documents. The research shows several possible reasons for choosing such dress.*

Key words: *national dress; George Dawe; painter; portrait; Fine Art; European Art; XIX c.; romanticism; Russian dress.*

Тема портретов в национальных русских костюмах периода конца XVIII – первой трети XIX в. довольно специфическая, и посвященных ей исследований крайне мало. Зачастую костюм портретируемого рассматривается с эстетической точки зрения: изучаются цвета, материалы, аксессуары. В данной статье исследуются как объективные (художественные) качества произведения искусства, так и субъективные: личность художника и модели, обстоятельства заказа, мотивация выбора костюма для портрета и т.д. Рассматривается один из редких случаев, когда сохранился костюм изображённой на портрете модели. И мы имеем возможность сопоставить пласти-

ческую структуру «одежды-образа» с «технологической» структурой самого наряда.

Речь идёт о портрете принцессы Уэльской Шарлотты-Августы 1817 г. кисти Джорджа Доу. На большеформатном холсте, хранящемся в Нац. Портретной галерее изображена дочь Георга IV (принца Уэльского) и Каролины Брауншвейгской Шарлотта (1796-1817). Она была единственной наследницей престола после своего отца, и стала бы королевой, если бы не умерла в возрасте 21 года при родах, что стало горем для всей нации.

На портрете Джорджа Доу принцесса изображена почти в полный рост, сидящей на софе. Фигура показана в сложной позе: ноги в профиль, торс фронтально, а голова повёрнута вправо. Возможно, художник был вдохновлён античными рельефами, ведь за год до написания портрета в 1816 г. в Британском музее были выставлены «мраморы лорда Элгина» - фризы Парфенона, вывезенные им из Афин. Левая рука модели лежит на большой кожаной папке для графических работ с лентами-завязками (портфолио), из которой видны листы бумаги. Эта папка, вероятно, демонстрирует интерес принцессы к искусству и её достижения как художника-любителя. Правой рукой модель придерживает лежащую на софе тёмно-красную шаль с золотым цветочным орнаментом по краю. На заднем плане мы видим классический равнинный английский пейзаж, который отделён от модели колонной и красным занавесом, занимающим большую часть полотна в правой части картины.

Подобную композицию Доу ещё раз использует в портрете императрицы Александры Фёдоровны с детьми Александром и Марией (1823 г., Г.Э.). Похожи позы, мебель, колорит, даже высокая причёска.

Представляет интерес наряд модели. Шарлотта одета в синий шёлковый сарафан в русском стиле с золотой тесьмой и декоративными золотыми пуговицами и кружевное белое нижнее платье с глубоким декольте и широкими рукавами на жемчужных сборках.

Сейчас платье «в русском стиле», принадлежавшее принцессе Шарлотте-Августе, находится в галерее Королевы Букингемского дворца. Платье было создано в 1817 г. в Великобритании из дорогих материалов: синего шёлка и золотой тесьмы, кружева. Подол длинной юбки окаймлён золотой бахромой.

Высокий пояс «кулиской» со сборками сделан специально для удобства и скрытия беременности. В период написания портрета принцесса была беременной. Несмотря на посветлевший за 200 лет цвет ткани, сохранность предмета хорошая. Это объясняется тем, что это был чуть ли не последний наряд Шарлотты перед смертью, и он хранился в королевской семье с особым трепетом. Сарафан был передан в музей в 1927 г.

На портрете костюм принцессы украшают две небольшие броши из драгоценных зелёных камней овальной формы и два кольца на безымянном пальце левой руки. Высокая причёска украшена жемчугом (жемчуг ассоциировался с духовной мудростью, чистотой души, социальным статусом модели). О пристрастии Шарлотты-Августы к экстравагантным причёскам уже с раннего возраста писала новеллистка Шарлотта Бури (1776-1861). В дневнике фрейлины (Diary of a Lady-in-Waiting) от 24.01.1813 г. она писала: «…привлекательна, очень бледна, с причёской, уложенной менее вычурно, чем обычно, что более шло ей» (перевод Тимашова С.А.).

Это вербальное описание костюма, опирающееся на реальный предмет одежды, дополняет изображение и позволяет расшифровать визуальный код и раскрыть образ модели.

На короткий период в начале XIX века в Европе появляется интерес ко всему русскому. Это было результатом победы союзников над Наполеоном, династических браков, королевских визитов и эмигрантов, живших в Европе. В то время отношения России и Великобритании были дружескими и, возможно, этот костюм всего лишь дань этому модному тренду.

Не стоит забывать, что мужем принцессы Шарлотты был принц Леопольд Саксен-Кобург-Заальфельдский, в прошлом генерал русской армии, а в будущем первый король Бельгии. Леопольд служил императору Александру I, был в родстве с Российским императорским домом (его сестра Анна Фёдоровна была женой наследника Константина, а сестра Антония — была замужем за братом императрицы Марии Фёдоровны) и бегло говорил на русском. Таким образом, влияние русской культуры на эту семью шло еще изнутри, со стороны мужа.

Как известно, в 1816 г. Дж. Доу был удостоен расположения молодой четы – принца Леопольда Саксен-Кобург-Заальфельдского

и принцессы Шарлотты, которые вскоре после свадьбы дают сеансы художнику. На протяжении 1817 г. Доу исполнил несколько живописных портретов каждого из супругов, а также широко известный по гравюре У.Фрая рисунок «Портрет принцессы Уэльской Шарлотты-Августы и принца Леопольда в ложе театра Ковент-Гарден» (Королевское собрание, Великобритания).

Ещё одно предположение о мотивировке выбора платья модели - это орден Св. Екатерины, который мы можем видеть на груди у принцессы. Это «восьмиконечная звезда из золота и ткани, украшенная драгоценными камнями и шитьём; в центральном круге по красному полю – орденский девиз «За любовь и отечество»… Звезда и знак носились на груди слева» [9, с.84]. Орден Св. Екатерины был учреждён в 1714 г. «Большинство кавалерственных дам получали награды, как правило, за военные и гражданские заслуги своих мужей… Примером такого весьма многочисленного награждения жён, могут служить награждения времени Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1812-1814 годов» [9, с.102]. Принцесса Шарлотта была награждена 1 июля 1817 г. Марией Фёдоровной «в благодарность за гостеприимство и хорошее обхождение с её сыном Николаем, во время его визита в Лондон» [10]. Всего орденом Св. Екатерины первой степени были удостоены 68 дам, принадлежавших к российскому императорскому дому и 203 – к владетельным домам Европы.

В настоящее время известны многочисленные варианты портрета Шарлотты Дж. Доу, но с разными аксессуарами и небольшой вариацией. Все эти работы были сделаны после смерти принцессы с 1818 по 1825 г. и были разосланы в многочисленные посольства и колонии Великобритании. Известны: портрет в рост или поколенное изображение с различными вариациями нижнего платья (с кружевом и без). К тому же иконографическому типу примыкает поясной портрет, на котором модель изображена облокотившаяся на постамент колонны. Костюм почти идентичен представленному на портрете Доу (тот же декор причёски, украшения, орден Св. Екатерины), но рукава нижнего платья упрощены, цвет сарафана – жемчужно-белый. Существует и погрудный портрет Шарлотты-Августы, с повёрнутой вправо головой и розами в прическе. Зеркальное ото-

бражение свидетельствует о распространении гравюр с портрета. Одна подобная гравюра считалась изображением Великой княгини Александры Фёдоровны, и под этим именем она была опубликована Д.А. Ровинским в «Подробном словаре русских гравированных портретов» (вероятно, из-за сходства с портретом из Эрмитажа).

В заключение следует отметить, что костюм в портрете играет немаловажную роль для раскрытия личности портретируемого, а также характера автора и смысла, заложенного в произведение создателем. В данном случае очевидно, что на выбор платья модели повлиял целый комплекс причин. Портрет не лишён политической коннотации. Ведь не случайно картина и костюм демонстрировались на выставке «Россия, королевская власть и Романовы» в Лондоне и Эдинбурге в 2018 и 2019 г. соответственно. Костюм в этом случае служит верификацией искусства и подтверждает влияние русской культуры на британскую. Рассмотренный портрет может служить примером для дальнейшего изучения портретов в национальных костюмах.

Список литературы

1. Андреева Г. Б. Гении войны, блага и красоты. Писал Королевский Академик Джордж Доу: к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года. М, 2012.

2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М,2003.

3. Материалы по русской иконографии. Вып. второй. М, 2013.

4. Голлербах Э. Портретная живопись в России XVIII в. М,1923.

5. Ренне Е.П. Британская живопись XVI-XIX веков. Каталог коллекции, Государственный Эрмитаж, СПб, 2009.

6. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов, т.2, СПб,1889.

7. Bury Charlotte Campbell The diary of a lady-in-waiting London, New York, J. Lane Company, 1908.

8. National portrait gallery: Complete illustrated catalogue, London, 2004.

9. Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII-начала XX века: каталог выставки, М., 2004.

10. National Portrait Gallery. URL: https://www.npg.org.uk/collections/search/person.

Рубаник Анастасия Владимировна,
Санкт-Петербургский государственный университет

Издатель А.Ф. Маркс и художник-иллюстратор Н.Н. Каразин: история сотрудничества

Publisher A.F. Marx and illustrator N.N. Karazin: a history of cooperation

Аннотация. *Статья посвящена изучению роли издательского заказа в развитии отечественной художественной культуры на примере сотрудничества известного в свою эпоху беллетриста и художника-иллюстратора Н.Н. Каразина и издателя журнала «Нива» А.Ф. Маркса. Автор приводит ряд новых фактов из биографии Н. Н. Каразина, а также ряд новых, ранее неизвестных произведений иллюстратора.*

Ключевые слова: *Н.Н. Каразин; А.Ф. Маркс; «Нива»; журнальная графика; иллюстрация в периодической печати XIX – начала XX века.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the role of the publishing order in the development of national art culture on the example of cooperation of the well-known writer and Illustrator N.N. Karazin and the publisher of the magazine «Niva» A.F. Marks. The author gives a number of new facts from the biography of N. N. Karazin, as well as a number of new, previously unknown oeuvres of the Illustrator.*

Key words: *N.N. Karazin; A.F. Marks; «Niva»; magazine graphics; illustration in the periodical press of the XIX – early XX centuries.*

Изучение русской графики в различных ее проявлениях немыслимо без изучения журнальной графики. Одним из наиболее известных иллюстрированных журналов конца XIX – начала XX века является «Нива». Его издатель, Адольф Фёдорович Маркс, начинал свое производство неизвестным человеком. Большие денежные затраты на выпуск изданий не позволяли сделать их массовыми, тем не менее, А. Ф. Маркс остановил своё предпочтение на иллюстрированном тонком журнале, который имел лёгкость восприятия, оперативность и, самое главное, цену, доступную широкому читателю. 18 декабря 1870 г вышел первый номер «Нивы» и в первый же год издания журнал собрал 9 тысяч подписчиков. За свою жизнь А.Ф.

Маркс издал 250 млн. экземпляров «Нивы» и 50 млн. экземпляров книг [2, с. 208]. Современники в своих воспоминаниях не относили А.Ф. Маркса к типичным предпринимателям, одержимым финансовой выгодой, напротив, он получил характеристики небезразличного к культуре человека, лично изучавшего все публикуемые в его издательстве материалы [4, № 45, с. 904].

Сам А.Ф. Маркс называл своё издание «артистическим заведением» [4, № 45, с. 904], т.к. придавал особое значение иллюстрации текста. При этом необходимо понимать, что развитие журнальной графики тесно взаимосвязано с потребностями периодической печати: жесткий график выхода прессы, параллельное совершенствование техники полиграфии, ориентация на мнение читающей публики не могли не влиять на характер не только текстового, но и художественного содержания журналов. В какой-то степени эти факты ограничивали издателя и иллюстраторов, в какой-то – способствовали творческому поиску новых решений. Аспекты сотрудничества издателя и иллюстраторов освещались, в том числе, и в самой «Ниве»: «художники предлагают всевозможные рисунки пером и карандашом, фотографии и акварели. Каждую субботу в редакции собираются главные сотрудники – и здесь вместе с издателем обсуждается состав следующего номера» [4, №17, с. 266]. Гонорары художникам, по тем временам, были высокими, поскольку издатель особо заботился о художественной стороне журнала, «не считаясь с расходами» [2, с. 188]. Как отмечал И.Э Грабарь, «Маркс создал свое гигантское издательское дело не столько сам, собственными усилиями, сколько умелым подбором людей» [1, с. 92].

Одним из таких сотрудников был Николай Николаевич Каразин. Профессиональный военный, после выхода в отставку в 1865 году, он был принят в число вольноприходящих учеников императорской Академии художеств. Проучившись всего год под руководством известного баталиста Б. П. Виллевальде, Н. Н. Каразин после конфликта с ректоратом академии был исключен из нее, вновь определился в армию поручиком и отправился в Туркестан. В 1870 году Н. Н. Каразин повторно вышел в отставку [4, № 47, с. 1171], в 1871 году он начинает свою деятельность как иллюстратор, а в 1872 году становится сотрудником «Нивы».

Первым его рисунком в «Ниве» была иллюстрация к стихотворению Н. А. Некрасова «Топтыгин» [4, №25, с. 389]. В дальнейшем сотрудничество Н. Н. Каразина и «Нивы» развивалось очень динамично: с 1872 по 1874 год он исполнил 200 рисунков на дереве, помещённых в журнале. К 1901 году в журнале было помещено более 450 рисунков Н. Н. Каразина. Об узнаваемости творчества художника писало само издание: «Нет буквально угла в России, где не знали бы или не видели рисунка Каразина, типического каразинского рисунка, выдающегося из тысячи других своей яркостью, сочностью красок, широтой размаха и редким знанием русской жизни, характера нашего народа, чутким пониманием нашей то убогой северной, то пышной южной природы» [4, № 49, с. 742].

Говоря о степени индивидуального мастерства художника, нельзя не отметить многосторонность его творчества. Жанровый диапазон его иллюстраций включает в себя портреты, пейзажи (к примеру, окрестности Санкт-Петербурга – Красное Село, Токсово и др. [4, № 31, с. 616-617, 627-628]), батальные сцены (в 1876 г. Н. Н. Каразин – собственный корреспондент «Нивы» на сербско-турецкой войне [4, № 36, с. 615]), анималистику, бытовой жанр (в 1877 г. Н. Н. Каразин – корреспондент «Нивы», представляющий отдел бытовой живописи в научной экспедиции Российского Географического Общества, отправившейся исследовать бассейн реки Аму-Дарьи и возможную трассу Среднеазиатской железной дороги [4, № 2, с. 20]), исторический жанр, иллюстрации к художественной литературе, научно-технические иллюстрации, иллюстрированные репортажи ключевых событий эпохи (убийство Александра II [4, №10, с. 214; 4, №17, с. 385], коронация Александра III [4, № 21, с. 482-513]), стихийные бедствия, катастрофы, различные всероссийские выставки [4, №7, с. 148-149; 4, №23, с. 545; 4, №16, с. 414], виньетки [4, № 9, с. 216], силуэты [4, № 6, с. 132-133]. Акварели Н.Н. Каразина печатались в бесплатном художественном приложении «Нивы» [4, № 52, с. 1352; 4, № 13, с. 356].

В 1876 году сотрудничество Н.Н. Каразина и А.Ф. Маркса выходит на новый уровень: А. Ф. Маркс издаёт роман Н.Н. Каразина «Двуногий волк» с рисунками автора [4, № 27, с. 472]. Иллюстрирует Н.Н. Каразин и книги других писателей, выходивших в издательстве

А.Ф.Маркса (например, в 1901 году «Картины из жизни животных» Н.П. Вагнера [4, № 50, с. 755]).

С совершенной ясностью можно говорить о существовании добрых партнерских отношений между художником и издателем. Это подтверждается не только долголетним сотрудничеством, но и нашедшими отражение в публицистике фактами. Так, на праздновании 25-летия журнала в 1895 году при участии Н.Н. Каразина был составлен альбом с портретами сотрудников. Поздравление Н.Н. Каразина было первым, он лично вручал подарок издателю от имени редакции [4, 1895, №5, с. 75].

На праздновании 25-летия художественной деятельности Н.Н. Каразина художник получил символичные подарки сразу от издательства «Нивы» (тисненой кожи адрес-бювар, украшенный инициалами юбиляра) и от А. Ф. Маркса лично (две бронзовые группы «Борзятник» и «Хивинец на верблюде») [4, №49, с. 1221]. Хотя А.Ф. Маркс и не был коллекционером, в его небольшом собрании имелись картины Н.Н. Каразина [2, с. 206; 4, №50, с. 992-1020]. Все произведения Н.Н. Каразина в журнале сопровождались высокими оценками издательства, лестными эпитетами [4, № 30, с. 542]. Журнал акцентировал внимание на том, что мастерство Н.Н. Каразина росло вместе с «Нивой» [4, № 49, с. 742].

Говоря о взаимоотношениях Н.Н. Каразина с издательством А.Ф. Маркса, необходимо упомянуть о том, что последнее регулярно освещало деятельность художника, не связанную напрямую с деятельностью «Нивы». В журнале появлялись сообщения о выставках художника, о полученных им международных наградах на выставках Парижа и Лондона, о заказах на исполнение и о покупке его акварелей особами императорской фамилии [4, № 8, с. 227], о присвоении ему звания «почетного вольного общника» советом Академии художеств, о выходе в свет его альбомов и книг (в других издательствах) [4, № 27, с. 419; 4, № 47, с. 741], о его общественных инициативах (участии в кружке «Мюссаровских понедельников» [4, №11, с. 291]), о творческих достижениях, выраженных в новых для художника формах декоративно-прикладного искусства - оформлении тарелок фарфорового завода братьев Корниловых [4, № 14, с. 361], создании первых художественных открыток [4, №1, с. 5], проектирова-

нии украшений Петербурга к приезду президента Франции Феликса Фора [4, №32, с. 763].

В 1906 году, уже после смерти А.Ф. Маркса, Н. Н. Каразин отметил 35-летие своей художественной деятельности. «Нива» на своих страницах писала следующее: «Николай Николаевич Каразин, вот имя, которое знакомо нашему поколению с детства. Главный талант его, несомненно, был талантом иллюстратора. Произведения, которые он иллюстрировал, обычно сначала не читались, а смотрелись… Работал Каразин с изумительной быстротой: о нём рассказывались целые легенды по этому поводу» [4, № 50, с. 803].

Николай Николаевич Каразин умер 6 декабря 1908 года. В конце 1907 года за «известность на художественном поприще» Н. Н. Каразину было присвоено почетное звание академика. И, на наш взгляд, возникновению этой «известности» во многом способствовало сотрудничество художника с А.Ф. Марксом. Примечательно, что имена Н.Н. Каразина и А.Ф. Маркса были неразделимыми для некоторых критиков [3, с. 98; 5].

Проанализировав отношения А. Ф. Маркса и Н. Н. Каразина, можно сказать, что это было не простое взаимовыгодное с финансовой точки зрения партнерство – издателя и иллюстратора объединяло общее стремление к просвещению России. Широкий круг подписчиков журнала «Нива» показывает, что журнал сыграл роль первоначальной школы для многих жителей Российской Империи. А.Ф. Маркс рассмотрел в Н.Н. Каразине талант и сотрудничал с ним всю его творческую жизнь.

Список литературы

1. Грабарь И. Э. Моя жизнь. Автомонография. М.; Л.: Искусство, 1937.

2. Динерштейн Е. А. «Фабрикант читателей» А. Ф. Маркс. М.: Книга, 1986.

3. Михневич В.О. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. СПб: Тип. Эдуарда Гоппе, 1884.

4. Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. СПб: Т-во А. Ф. Маркс, 1870-1918.

5. Hoffnung Johann von Wildenradt. Litteraturbericht aus Russland // Magazin fur die Literatur des Auslandes. 1887. VI. S. 248.

Бузунова Ксения Алексеевна,
Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица
Научный руководитель:
Карпов Александр Владимирович, кандидат культурологии, доцент

Проблемы реконструкции творческой биографии Дмитрия Александровича Пахомова: источниковедческие аспекты

Problems of reconstruction of life of D. A. Pakhomov and a review of sources about his life and work

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы научной реконструкции творческой биографии Дмитрия Александровича Пахомова (1872-1924), художника, искусствоведа и писателя. Автор статьи выявляет и анализирует документальные (архивные документы, материалы прижизненной периодической печати, выставочные каталоги и др.) и визуальные (произведения живописи, графики, фотографии) источники, который могут стать основной научной реконструкции творческой биографии Д.А. Пахомова. Особый акцент сделан на искусствоведческих текстах Д.А. Пахомова, а также его литературных произведениях.*

Ключевые слова: *Дмитрий Александрович Пахомов; история русского искусства; Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица; Императорская Академия художеств, источниковедение.*

Abstract. *The article discusses the problems of scientific reconstruction of the biography of Dmitry A. Pakhomov (1872-1924), an artist, art critic and writer. The author of the article identifies and analyzes documentary (archival documents, materials of lifetime press, exhibition catalogs, etc.) and visual (paintings, graphics, photographs) sources that can become the main scientific reconstruction of biography of Dmitry Pakhomov. Particular emphasis is placed on his art texts and literary works.*

Key words: *Dmitri A. Pakhomov; History of Russian Art; Central School of Technical Drawing of Baron A.L. Stieglitz; Imperial Academy of Arts; source study.*

Художник, писатель, искусствовед Дмитрий Александрович Пахомов (1872-1924) малоизвестен в настоящее время: о нем не написано научных статей и не составлен каталог его художественных

произведений. Д.А. Пахомов обычно упоминается как автор повести «Первый художник. Повесть из времён каменного века» (1907), рассказывающей об истоках искусства. Имеющиеся в наличии сведения, в том числе из различных интернет-ресурсов, как правило, поверхностная информация без точных дат и документальных подтверждений. Вместе с тем, тщательная работа по выявлению и анализу исторических источников способна принести свои плоды.

Во-первых, это архивные материалы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), в фондах которого (прежде всего, в делах Императорской Академии художеств и Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица) можно обнаружить интересные биографические сведения. В 1892 году вместе со своей сестрой Надеждой (в качестве вольнослушательницы) Пахомов подает прошение о принятии его в число учеников Училища Штиглица [12]. В 1898 году он получает от ИАХ свидетельство на право преподавания рисования в средних учебных заведениях [13].

Во-вторых, это материалы периодических изданий России рубежа XIX-XX вв. В «Объяснительной записке», представленной Пахомовым в ИАХ, перечислены издания, в которых публиковались его художественные и публицистические работы: «… художественная деятельность моя выразилась участием как сотрудника по вопросам искусства в газ. «Мировые Отголоски», в журн. «Искусство и художественная промышленность», издаваемом Импер<аторским> Общ<еством> Поощр<ения> Худож<еств>, в журн. «Север»…» [13]. Несколько его статей были выявлены автором настоящей статьи в этих изданиях [8]. Он также работал с журналами «Всходы» [9], «Живописное обозрение» [10], «Нива» [5, 7]. Пахомов выступал как иллюстратор, создавая сопроводительные рисунки не только к своим статьям, но и других авторов. Публиковал он и собственные тексты: сюда входят путевые очерки, повести, искусствоведческие статьи. Публикации в периодических изданиях составляют основную часть информации о деятельности Пахомова.

В-третьих, интересные источниковедческие проблемы ставят перед нами и литературные произведения Пахомова, например, «Первый художник. Повесть из времен каменного века», впервые

изданная в 1907 году. Эта книга – попытка реконструкции жизни и быта первобытного общества, иллюстрированная художником и этнографом С. М. Дудиным (1863-1929). Рисунки исполнены Дудиным по коллекциям Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого и другим источникам. Дудин учился в Императорской Академии Художеств, был сотрудникам музея и участвовал в археологических и этнографических экспедициях, потому его иллюстрации выполнены «не только с мастерством, но и с проникновением в самый дух описываемой эпохи», что подмечает сам Пахомов [11, с. 9]. «Первый художник» интересен и тем, что это первое произведение подобного рода – когда в форме повести описывается жизнь первобытного человека и выдвигается научная теория происхождения искусства.

Любопытно еще одно произведение Пахомова – «Два старика: Повесть для юношества (из кавказской жизни)» [6], иллюстрированное художником В.В. Эмме (1875-1920). Эмме, как и Пахомов, был выпускником Училища барона Штиглица. Возникает вопрос: почему, будучи сам иллюстратором, Пахомов прибегает к помощи других художников? В случае с «Первым художником» причина понятна: Дудин хорошо разбирался в археологических артефактах и имел доступ к музейной коллекции. В остальных случаях это еще предстоит выяснить.

В-четвертых, это выставочные каталоги художественных объединений и учреждений России конца XIX – начала XX вв., которые позволяют говорить об интенсивной выставочной деятельности Дмитрия Пахомова. В уже упоминаемом деле из фондов ИАХ, Пахомов приводит перечень выставок, в которых участвовал. Фамилия Пахомова упоминается в справочнике «Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820-1932)» как участника выставок, организованных Кавказским Обществом поощрения изящных искусств: «С 1888 общество устраивало художественные выставки, в которых наряду с его членами участвовали художники из Петербурга и Москвы (В. К. Бялыницкий-Бируля, Д. А. Пахомов, Ф. А. Рубо, А. П. Эйснер и др.)» [4, с. 80]. В художественном отделе Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде от Санкт-Петербургского общества художников была

представлена работа Пахомова«Запущенный уголок». В персоналиях каталога он значится как «воспитанник в Центральном Училище технического рисования барона Штиглица в СПб» [1, с. 20]. Выставлялся он и на выставке 1895 года в Санкт-Петербурге: в экспозицию Третьей выставки рисунков (BlancetNoir) Общества русских акварелистов был включен рисунок Пахомова «Виды Ревеля»[14, с. 15].

В делах Академии Художеств также находится прошение Пахомова за 1911 год на открытие классов живописи и рисования в Батуми [13], куда он переезжает в 1910 году по приглашению Батумского общества сельского хозяйства. В 1911 году он становится редактором журнала «Батумский сельский хозяин» [2]. В нем освещается деятельность Общества и его членов, поэтому здесь помещаются отчеты заседаний, сметы, планы, результаты различных мероприятий, во многих из которых участвовал и Пахомов.

В 1971 году сын Дмитрия Александровича Пахомова Юрий Дмитриевич передал в Музей-усадьбу художника Н.А. Ярошенко работы своего предка. В коллекцию входит более чем 130 экспонатов: живопись, графика, фотографии, путевые заметки и выдержки из печатных изданий. Сюда же входят афиши выставок, книга «Два старика» с дарительной подписью Юрия Дмитриевича для музея, семейный альбом и др.

Возможно, на сегодняшний день это самое крупное собрание работ и мемориальных вещей Дмитрия Александровича Пахомова. Коллекция выставлялась в 2012 и 2019 годах [3, 15].

На данный момент документальной информации о жизни Пахомова в Батуми собрано мало. В кураторском тексте музея Ярошенко написано, что Дмитрий Александрович с женой Ниной Ивановной активно участвовали в культурной жизни города. Пахомов работал редактором журнала, печатался как публицист, преподавал рисование и черчение, являлся председателем Отдела российского общества деятелей искусств, членом правления Общества распространения технических знаний и кустарных ремесел, а также ряда других просветительских и благотворительных обществ. На экспозиции музея были представлены афиши событий Батуми: Первой выставки картин, этюдов, эскизов и рисунков учеников и учениц Д. А. Пахомова 1912 года и Посмертной выставки 1924 года. Еще

предстоит большая работа по исследованию деятельности Дмитрия Александровича в батумский период.

Таким образом, существует большое количество источников, на основе которых можно проследить жизненный и творческий путь Дмитрия Пахомова, что открывает значительные перспективы для дальнейших исследований в отсутствии монографических исследований о художнике.

Список литературы

1. Всероссийская промышленная и художественная выставка. Подробный указатель XVIII-го художественного отдела, с биографическими сведениями о 250 художниках и кратким обзором движения русского искусства / Сост. Н.П. Собко, секр. О-ва поощрения художеств; Всерос. пром. и худож. выставка 1896 г. в Н. Новгороде. СПб., 1896. [1], VIII, 32 с.

2. Журнал общего собрания 20 фев. 1911 г. // Батумский сельский хозяин. 1911. № 5. С. 177-1181.

3. Из кладовых музея… // Музей-усадьба художника Ярошенко. URL: http://museumyaroshenko.ru/iz-kladovyx-muzeya.html (дата обращения: 19.10.2019).

4. Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820-1932). СПб: Изд-во Чернышева,1992. 400 с.

5. Никонов Б. Грузинское царство (к столетию присоединения к России). С 10 рис. художника Д. Пахомова. // Нива. 1901. № 2. С. 31-36.

6. Пахомов Д. Два старика: Повесть для юношества (из кавказской жизни). – СПб: Издание Девриена, 1904. 238 с.

7. Пахомов Д. Девдоракский ледник (с 3 рис. на стр. 505 и 508). // Нива. 1901. № 30. С. 506-508.

8. Пахомов Д. А. Конкурсная выставка в Императорской академии художеств. // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 13. С. 57-61.

9. Пахомов Д. А. На развалинах старого царства: путевые очерки Кавказа. // Всходы. 1901. № 4.

10. Пахомов Д. Офорты, гравюры и иные способы репродукции // Живописное обозрение. 1902. № 11. С. 171-173.

11. Пахомов. Д. Первый художник: Повесть из времен каменного века. СПб.: Издание Девриена, 1913. 216 с.

12. РГИА Ф. 790 Оп. 1 Д. 79. О приеме учащихся 1892/1893 г.

13. РГИА Ф. 789 Оп. 12 Д. 70. Личное дело Пахомова.

14. Указатель III выставки рисунков BlancetNoir Общества русских акварелистов в залах Императорского общества поощрения художеств. СПб., 1895. 17 с.

15. Уникальная выставка работ Дмитрия Пахомова открылась в Кисловодске. // ГТРК «Ставрополье»: Сетевое издание «Государственный интернет-канал «Россия». 01.02.2012. URL: https://stavropolye.tv/news/40207 (дата обращения: 17.10.2019).

Савченко София Константиновна,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Научный руководитель:

Балаш Александра Николаевна, доктор культурологии, доцент

Абстрактный кабинет Эль Лисицкого и его виртуальное экспонирование

The Astract Cabinet of El Lissitzky and its visual exposition

Аннотация. *Проникновение технологий в музейную среду позволяет модернизировать методы экспонирования и музейной коммуникации, отвечая требованиям времени и ориентируясь на новый тип восприятия. Дистанция между посетителем и объектом искусства сокращается: его презентация становится одним из ключевых вопросов кураторской практики. Новые тенденции, ориентированные на вовлечённость посетителя, проявились уже в 20-х гг. XX века: кабинет Эль Лисицкого, построенный в 1926-1928 гг. для Провинциального музея города Ганновер, сконцентрировал в себе инновационные идеи проектирования выставочного пространства и основные аспекты творчества предшествующих лет самого художника – приверженца интернационального искусства.*

Ключевые слова: *музей; Эль Лисицкий; выставка; посетитель; реконструкция; медиатехнологии.*

Abstract. *The involvement of new technologies in museum environment allows for modernisation of exhibition methods and communication in museums, proving able to meet the demands of the time and corresponding to a new type of perception. The distance between the visitor and the piece of art is contracting; and the presentation of the object is now becoming one of the key issues of curator's practice. Such new trends, which orientate towards engaging the visitor, have appeared as early as the 1920s: the cabinet of El Lissitzky, built in 1926-1928 for the Provincial museum of Hannover, had concentrated within itself innovative ideas of developing the exhibition space and the main aspects of the artist's work, who was an adherent of internationalist art at the time.*

Key words: *museum; El Lissitzky; exhibition; visitor; reconstruction; media technology.*

Медиатехнологии, проникнув в музейное пространство, стали одним из методов выражения концепции выставочного проекта и средством для дальнейшего восприятия и интерпретации её зрителем. Слово «media» происходит от латинского «medium», отсылающего к образу жреца, шамана, выступающего посредником между миром духов и человеком [1, с.3]. Посредничество несёт в себе некую отстранённость, выраженную в невозможности какого- либо собственного дополнения полученному посланию. Технологические устройства, первые принявшие на себя статус «медиа» (телефон, радио, компьютер), воспринимались как инструмент, их значение ограничивалось лишь передачей информации, которая в них самих отсутствовала. Далее ситуация меняется: медиа становятся «всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания» [2, с.10]. Использование медиатехнологий в музее накладывает новые смыслы на выставочное пространство и его восприятие; применение новых методов и определение средств презентации становится неотъемлемым компонентом самого искусства [3, с.37]. Реконструкция выставок: выражение идеи, заданной автором оригинала, через совершенно иные, нежели применённые изначально, способы передачи позволяют выразить новый исторический, культурный и технологический контекст – специфику нового пространственно-временного расположения реплики.

Эль Лисицкий, крупнейший мастер русского авангарда, не ограничивал свою деятельность полной направленностью лишь на один вид искусства, называя себя универсальным художником- изобретателем: «с кистью, молотком и циркулем в руках». В своих работах он воплотил синтез искусств: ввёл объем в плоскость, архитектуру в супрематизм. Основной его задачей стал поиск методов построения нового мира, пространства. Выбранное им направление супрематизма задало поиск идеальных, возвышенных, чистых форм; воплотившиеся в его работах результаты этого поиска несут в себе эксперимент, в данном случае, не только формальный, но и социальный.

Кабинет Эль Лисицкого, созданный в 1926-1928 гг. для Провинциального музея г. Ганновер, воплотил в себе инновационные способы организации выставочного пространства, до сих пор считающиеся хрестоматийными. Ключевое положение феномена «про-

странства», обозначенное в рамках кураторской концепции Александра Дорнера, определило внешний вид и внутреннюю структуру работы Эль Лисицкого 1928 года. Основополагающий тезис А. Дорнера был сформулирован ещё в 1924 году: «Художественный музей – это в первую очередь образовательный институт для большей части публики… как образовательный институт, музей, невзирая на любые обстоятельства, должен выйти из своей пассивной функции» [4, s.123]. Эль Лисицкий также придерживался идеи вовлечённости посетителя в диалог с музейным предметом и с самим пространством экспозиции: определяя посетителя не на роль отстранённого зрителя, но открывая для него новый уровень активного участия, позволяя ему задавать внешний вид и определять визуальный нарратив пространства – стать прокладчиком иного пути, приложить руку к созданию внешнего облика кабинета. Такое взаимодействие стало возможно ввиду мобильности и возможности трансформации экспозиции, обеспечивающей оптическую динамику. Достигалось это благодаря применению подвижных планшетов, чёрно-белых и серых ширм: «Зрителю предлагается двигать эти листы. Тем самым он закрывает одни картины и открывает другие, сам создает "картину" того, что предстает его взгляду» [5, s.79]. Таким образом, кабинет задавал условия наиболее оптимального общения посетителя с искусством, его восприятия.

Во время создания кабинета и дальнейшего его открытия для публики, Эль Лисицкий, архитектор с международным опытом, был ориентирован на идею «нового советского человека», считая, что основной задачей художника является политическое просвещение; музею же, ввиду исторических фактов, требовалось освоить роль учреждения, ориентированного на воспитание масс, отвергнув ранее господствующее традиционное его восприятие как места возвышенного и недоступного. Созданная художником экспозиция была призвана нивелировать различия между посетителями: независимо от принадлежности к каким- либо социальным и национальным группам, независимо от уровня и широты их знания – в действии изменения общего пространства все становились равными.

В 1937 году кабинет Эль Лисицкого в Ганновере был разрушен в ходе акции «дегенеративное искусство», сохранившиеся хроноло-

гически разбросанные снимки кабинета стали основой реконструкции 1968 года в Федеральной галерее, позднее в качестве постоянной экспозиции в музее Шпренгеля (1979- 2016 гг.). Выставка сильно отличалась от оригинальной и представляла собой скорее памятник утраченного кабинета, наталкивая посетителя на мысль о его культурной ценности и уничтожении. Трехмерное, искусственно созданное пространство, утратив свой первоначальный контекст, приобрело совершенно новый – естественность перехода актуального искусства в раздел теории дополнено фактом его утраты, невозможностью воссоздать версию идентичную первоначальной. «Это документ, свидетельствующий об агрессивном уничтожении новаторской экспозиции в эпоху национал-социалистической культурной политики: серо-черное свидетельство утраты и скорби» [6, с.60].

Последняя реконструкция кабинета Эль Лисицкого была представлена общественности в 2016 году в музее Шпренгеля в Ганновере. Проект «demonstationsraum» создан Каролиной Анда, Ивонной Биалек, Корнелией Дурка, Александром Карписек, Наташей Польманн и Филиппом Зак, аспирантами Немецкого исследовательского общества (DFG- Graduiertenkolleg) «Фотографический диспозитив» Высшей школы изобразительных искусств в г. Брауншвейг, в сотрудничестве с Штефани Зембиль и представляет собой приложение дополненной реальности [7].

В отличие от предыдущей реконструкции, основанной на материалах 37 черно-белых фотографий, соответственно, строгом следовании спектру черного, белого и серого цветов, авторы последней, ориентируясь на чертежи художника и более поздние снимки, добавили в пространство экспозиции цвет, формирующий «оптическую механику», о которой говорил Эль Лисицкий, призванную воодушевить посетителя [6, с.59].

«Многослойный палимсест из фотографий» [8, с.12] - отображение на экране устройства года, в который была сделана фотография, позволяет посетителю отметить временные пропуски, свидетельствующих об утрате документов того периода и невозможности полностью проследить изменение кабинета различных временных отрезков (1928-1934, 1968/1979-2016, сегодняшнее время). Ощущение утраты произведения достигается также путем использования плоскостного

пространства, на котором кабинет начинает существовать в пределах экрана устройства, и за которым следует пустота комнаты. Погружение посетителя в пространство своеобразной предметности кабинета, взаимодействие с вещами проводит параллель между наследственностью идеи Лисицкого и новым типом восприятия посетителей.

Возможность тактильного контакта с экспонатом перенимается создателями новой реконструкции, но способы взаимодействия с ним иные: теперь посетитель взаимодействует с виртуальной версией объекта, всё также получая право собственного выбора, основанного на его эстетическом и интеллектуальном восприятии, но моделируя уже не общее пространство, а своё собственное – заключённое в его устройстве: телефоне или планшете. При этом контакт с предметом получается ещё более тесным: человек не заключён в рамки стеснения; отсутствие утвердившегося страха перед витринами, воспринимающимися как средство защиты и отстранённости экспоната от человека, выделение его из мира вещей, его возвышения, выливается для пользователя в полную свободу действия.

Работы Лисицкого порой напоминают раскладку современного приложения смартфона: книга В. Маяковского «Для голоса», «конструктором» которой стал Лисицкий, выступает синтезом слова и типографики. Её дизайн, удобная «раскладка» стали «предшественниками» современного интерфейса, каким мы его знаем. Ввиду этого, кажется, что выбор приложения как средства экспозиционного показа, отсылает к инновационности и самих работ Эль Лисицкого.

Таким образом, концепция работы Эль Лисицкого передана авторами реконструкции, но для её осуществления задействованы новые, соответствующие своему времени, методы. Как пишет Ирене Кальдерони, рассуждая о появлении феномена кураторства, «в результате появилось осознание того, насколько центральное место занимает презентация произведения искусства, а также представление о том, что существование произведения приурочено исключительно к конкретному месту и времени» [9, p.65].

В творчестве Эль Лисицкого время сыграло одну из ключевых ролей: родившись на стыке культур, языков, он создаёт мост между абстракцией и реальностью, между плоскостью и объемом: ПРОекта Утверждения Нового – живописные работы и сама система, за-

дача которой состоит в создании архитектуры мира. Созданное им за полтора десятилетия продолжается разрабатываться столетие.

Список литературы

1. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М.: МОО «Информация для всех», 2014. 3 с.

2. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия Основные проблемы и понятия: материалы междунар. науч. конф. СПб, 2007. 10 с.

3. Пол О'Нил. Культура кураторства и кураторство культур(ы). М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 37 с.

4. Alexander Dorner: Überwindung der Kunst. Hannover 1959. Zitiert nach Krempel 2015 (Anm. 1), S. 123.

5. Beatrix Nobis: El Lissitzky: Der «Raum der Abstrakten» für das Provinzialmuseum Hannover 1927/28, in: Die Kunst der Ausstellung. Eine Dokumentation dreißig exemplarischer Kunstausstellungen dieses Jahrhunderts. Hrsg. v. Bernd Klüser/ Katharina Hegewisch. Frankfurt am Main/ Leipzig 1991, S. 76- 83, hier S. 79.

6. Аннетта Титенберг. Пространтсво превращается в картину, картина – в пространство. Заметки о медийных и исторических аспектах реконструкции Абстрактного кабинета / пер. С. Городецкий, Е. Штерн // Политизация ауры. Абстрактный кабинет Эль Лисицкого между концепциями консервативного музея и задействованности посетителей: материалы науч. конф. Брауншвейг, 2017. С. 59- 60.

7. Демонстрацьёнсраум (демонстрационное пространство) Виртуальная выставка-реконструкция Абстрактного кабинета Эль Лисицкого. URL: http://rus.demonstrationsraum.de/vystavka (дата обращения 22.10.2019).

8. Катарина Сикора. Предисловие. Палимсест и реплика Ганноверский Абсрактный кабинет Эль Лисицкого в виртуальном варианте использования. / пер. С. Городецкий, Е. Штерн // Политизация ауры. Абстрактный кабинет Эль Лисицкого между концепциями консервативного музея и задействованности посетителей: материалы науч. конф. Брауншвейг, 2017. 12 с.

9. Irene Calderoni, Creating Shows. Some Notes on Exhibition Aesthetics at the End of the Sixties, in: Curating Subjects, ed. by Paul O'Neill, London, 2006 (p. 65).

Рубанцева Елизавета Витальевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Литвин Татьяна Анатольевна, кандидат искусствоведения, преподаватель

Государственный Русский музей и регионы России: направления межмузейного сотрудничества в 2000–2018 годах

The State Russian Museum and Regions of Russia: directions of inter-museum cooperation in 2000–2018

Аннотация. *В данной статье автором был разносторонне рассмотрен феномен межмузейного сотрудничества. В работе доказана актуальность данного направления музейной деятельности как с экономической точки зрения, так и в свете недавнего переосмысления функций музея как института, а также в силу некоторых исторических причин и современных реалий российской действительности. Кроме того, в статье изучены практические шаги Государственного Русского музея по налаживанию прочных контактов с другими музеями страны, в особенности с региональными музеями. Также были выделены и основные проблемы, с которыми сталкиваются музеи обеих сторон при организации совместных проектов. Комплексное рассмотрение всех вышеуказанных аспектов позволило автору в конце работы сделать вывод о недостаточной развитости и высокой перспективности межмузейного сотрудничества в России.*

Ключевые слова: *межмузейное сотрудничество; Государственный Русский музей; региональные музеи; виртуальный музей; культурно-выставочные центры; музеология; музееведение.*

Abstract: *The article proposed here deals with the phenomenon of inter-museum cooperation. In order to prove timeliness of the theme the investigator provides readers with various economic, historical reasons and shows the problem in light of current understanding of museum's functions as institution and contemporary reality of Russian cultural life. It is spoken in detail about the four directions of the State Russian Museum work in the field of inter-museum cooperation, especially with regional museums, to present the practical side of the subject as well. The article also touches upon some main problems which museums have to face in the process of organizing the cooperative projects. Eventually, the analysis of aspects stated above enable the author to come to the conclusion that the field of inter-museum cooperation in Russia is quite new and holds the great potential to develop.*

Key words: *inter-museum cooperation; the State Russian Museum; regional museums; virtual museum; cultural and exhibition centers; museology.*

Межмузейное сотрудничество в современной музейной практике играет очень значимую роль. Ведущие музеи мира уделяют огромное внимание установлению прочных контактов с другими музеями как внутри страны, так и за рубежом. В этой связи большой интерес для автора представляет деятельность музеев России в этом направлении, особенно в контексте сотрудничества музеев центра и музеев регионов.

Актуальность темы заключается в том, что сейчас межмузейное сотрудничество как составляющая музейного маркетинга выступает одним из главных способов ведения грамотной экономической политики в музее. Кроме того, вследствие географической протяженности нашей страны именно межмузейное сотрудничество может помочь преодолеть культурный разрыв между центром и регионами, что осознается даже на государственном уровне.

Целью данной работы является изучение деятельности Русского музея по межмузейному сотрудничеству. Задачами исследования являются изучение феномена межмузейного сотрудничества с теоретической точки зрения, определение его роли в современной музейной практике; выявление актуальности межмузейного сотрудничества в российской действительности; определение основных направлений деятельности Русского музея по сотрудничеству с музеями регионов и их исследование. Также автор видит целесообразным в рамках исследования выявить существующие проблемы в налаживании межмузейного сотрудничества между музеями центра и музеями регионов на примере деятельности Русского музея.

Отметим, что работа в отношении источников и литературы опирается на теоретические пособия по музееведению, каталоги выездных выставок Русского музея, а также информацию, предоставленную в рамках интервью сотрудниками Русского музея.

Общеизвестно, что на данном этапе развития музей и музейная практика в целом переживают глубокие изменения. По большей части, эти изменения затрагивают экономический аспект их деятельности. Ведь культура на протяжении многих лет играла просветительскую роль, и потому ее учреждения, к которым относится

и музей, существовали за счет бюджетных ассигнований. Но государство в условиях рынка стало с каждым годом всё меньше финансировать музеи, и, более того, объемы финансирования музеев государством и спонсорами стали напрямую зависеть от того, насколько музей эффективен, развит, востребован в обществе. В связи с этим меняется само представление о музее и его функциях – от «просветительской» модели музей уходит к модели «гедонистической», согласно которой музей становится учреждением досуга [5, с. 441]. Потому закономерно возникает и музейный маркетинг, а всё более актуальными для музея становятся самофинансирование, экономическое планирование, самостоятельное привлечение средств за счет имеющихся ресурсов.

С этой точки зрения, по-настоящему эффективной и перспективной маркетинговой стратегией является формирование так называемого «корпоративного предложения», которое подразумевает активное межмузейное сотрудничество, совместные программы с другими организациями и учреждениями культуры и партнерские проекты [14, с. 514]. Эффективность корпоративных стратегий заключается в том, что они позволяют привлечь ту часть аудитории, которая потребляет конкурентные товары и услуги за счет «формирования совместных проектов, программ и продукта с теми организациями, которые предлагают конкурирующие товары и услуги в сфере досуга» [5, с. 450-451]. Корпоративные стратегии позволяют завоевывать и удерживать перенасыщенные потребительские рынки сферы культуры и искусства, что очень важно для экономически эффективного функционирования музея.

В российском культурном пространстве проблема межмузейного сотрудничества приобретает еще более яркое звучание. Исторически сложилось так, что региональные музеи России располагают довольно-таки бедными и узконаправленными коллекциями, т.к. самые ценные экспонаты в свое время направлялись в центральные музеи. Принимая во внимание масштабы нашей страны, мы можем заметить возникающую из-за этого проблему недоступности сокровищ русского искусства, находящихся в музеях центральной России (преимущественно – Москвы и Санкт-Петербурга), жителям других регионов. В этой связи именно межмузейное сотрудничество мо-

жет помочь преодолеть разобщенность краев и центра посредством устойчивых культурных связей, систематических совместных проектов, выездных выставок.

К счастью, данная проблема осознана правительством, и на государственном уровне уже предпринимаются попытки ее решения. Так, по указу президента от 7 марта 2012 года началась реализация программы «Культурно-выставочные центры Русского музея» в статусе правительственной программы [12].

Таким образом, практика межмузейного сотрудничества актуальна и с позиций музейного маркетинга, и исходя из исторически сложившихся причин, современного понимания функций музея, а также реалий культурной жизни сегодняшней России.

Как же российские музеи осуществляют свою деятельность по межмузейному сотрудничеству? Рассмотрим данный вопрос на примере работы Русского музея в этой сфере, которую можно разделить на несколько основных направлений.

Центральным из них можно назвать проведение выездных выставок. Являясь богатейшей сокровищницей шедевров русского искусства различных эпох, Русский музей ведет плодотворную выставочную деятельность за пределами Санкт-Петербурга в наиболее развитых региональных музеях.

За исследуемый мной период с 2000 по 2018 год в межмузейном сотрудничестве с регионами Русский музей сделал серьезные прогрессивные шаги.

Так, основываясь на данных сайта Русского музея о прошедших выездных выставках, можно отметить, что их количество год от года растёт. Еще в 2000-2002 году выездные выставки внутри России ограничивались лишь двумя-тремя, проведенными в Москве [2]. Однако уже в 2003 году Русский музей начал реализовывать долгосрочную программу «Россия», которая заключалась в начале сотрудничества с музеями российских городов и осуществлялась в рамках Соглашения между Министерством культуры РФ и Русским музеем, подписанного 24 января 2003 года в Москве [9, с. 3]. Благодаря этой программе увеличилась как география, так и тематический спектр выездных выставок: они проводились в Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Петрозаводске, Салехарде, Иркутске, Мурманске, Барнау-

ле, Калининграде и посвящались как отдельным авторам и историческим деятелям, так и конкретным стилям и темам.

Также Русский музей занимался проведением отдельных выездных выставок вне упомянутой выше программы. Среди них – выставки «Веков связующая нить: русская живопись XVIII - XX веков из собрания Русского музея» [1], «Портрет семьи» [6], «Спасибо, Урал!» [10], «Три века русского искусства» [11], проводившиеся по всей стране. В общем и целом, с 2005 по 2016 года карта межмузейных контактов Русского музея пополнилась такими городами, как Пермь, Челябинск, Магнитогорск, Сатка, Нижний Тагил, Омск, Ульяновск, Калуга, Тамбов, Казань, Киров, Тула, Саранск, Тюмень, Ярославль, Воронеж, Белгород, Южно-Сахалинск, Курск.

Однако, несмотря на несомненный прогресс, деятельность по проведению выездных выставок в России сталкивается и с некоторыми трудностями. Во-первых, условия страхования произведений искусства и обеспечение их сохранности предъявляют жёсткие требования к будущему экспозиционному пространству, которым не всегда соответствует принимающий региональный музей. Во-вторых, зачастую проблемой является транспортировка произведений, требующая специального дорогостоящего оборудования, которое часто бюджеты музеев и регионов не могут себе позволить. Отчасти этим объясняется фактическое отсутствие выездных выставок Русского музея на Дальнем Востоке, что является важной проблемой. В конечном итоге основным препятствием выступает именно нехватка средств в бюджетах региональных музеев и бюджетах самих регионов, которая не позволяет многим из них активно участвовать в программах межмузейного сотрудничества.

Еще одним направлением сотрудничества Русского музея с музеями регионов является реализация долгосрочного проекта «Культурно-выставочные центры Русского музея». Вся актуальная информация по этой теме была взята с официального сайта проекта, где обозначены его цели, задачи, планы развития [8].

Цель проекта «Культурно-выставочные центры Русского музея» - поспособствовать созданию единого российского культурно-информационного пространства, преодолению коммуникационного разрыва между музеями столиц, больших и малых городов, обе-

спечению доступности культурных ценностей и информационных ресурсов гражданам в любой точке РФ. Достигнуть этой цели предполагается посредством использования научного, методического и организационно-творческого потенциала Русского музея – крупнейшей сокровищницы русского изобразительного искусства.

Проект «Культурно-выставочные центры Русского музея» юридически опирается на Указ Президента Российской Федерации №597 от 7 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», Основами государственной культурной политики и поддержан Коллегией Министерства культуры РФ (Решение Коллегии МК РФ от 28.05.2014 г.) [12]. Он собирает воедино все направления работы Русского музея по сотрудничеству с музеями регионов в сфере выставочной, просветительской и образовательной деятельности.

Основной задачей проекта является создание сети многофункциональных культурно-выставочных центров Русского музея, каждый из которых будет включать экспозиционно-выставочное пространство, информационно-образовательный центр «Русский музей: виртуальный филиал» и Ресурсный центр творческого развития детей с различными социальными и физическими возможностями. Предполагается, что центры будут проводить выездные и онлайн-лекции, семинары, мастер-классы, организовывать деятельность музейных клубов и творческих мастерских.

В настоящее время проект активно развивается. В общей сложности в Русский музей поступили заявки на открытие 15 культурно-выставочных центров на базе действующих музеев и имеющихся выставочных площадок в городах по всей России, а именно в Казани, Барнауле, Ярославле, Саранске, Мурманске, Самаре, Томске, Петрозаводске, Челябинске, Калуге, Красноярске, Твери, Владивостоке, Калининграде, Йошкар-Оле. В четырех из этих городов – Казани, Ярославле, Мурманске и Саранске – центры уже открыты и успешно работают.

Таким образом, проект «Культурно-выставочные центры Русского музея» является наиболее актуальным в сфере межрегиональной деятельности Русского музея. Направленный на создание целой сети организаций по поддержке и популяризации культурного на-

следия на базе музеев, он представляется крайне перспективным. По уже заключенным соглашениям с администрациями регионов и отдельными музеями можно судить о том, что система культурных центров распространится гораздо дальше тех территорий, которые к сегодняшнему дню покрывают выездные выставки, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток, что является очевидным достижением данного проекта.

Третье направление деятельности по сотрудничеству Русского музея с музеями регионов заключается в работе отдела «Консультационно-методический центр художественных музеев Российской Федерации».

Информация о работе центра подробно изложена на официальном сайте Русского музея, где описана история его возникновения, структура и основные направления деятельности [3].

Первые шаги к его созданию были предприняты еще в 1974 году, когда в составе Русского музея появилось научно-методическое подразделение. Именно оно и стало базой для создания в 1979 году отдела научно-методической работы с художественными музеями по приказу Министерства культуры РСФСР для оказания методической помощи художественным музеям, музеям-заповедникам, картинным галереям и мемориальным музеям [7], которое в данный момент носит название отдел «Консультационно-методический центр художественных музеев Российской Федерации». Существование этого подразделения обеспечивает статус Русского музея как научно-методического центра Министерства культуры РФ и курирует работу более 250 художественных музеев России.

Отдел входит в структуру Службы по работе с посетителями и связям с общественностью, и, согласно информации, размещенной на официальном сайте Русского музея, осуществляет работу по следующим направлениям:

- координация деятельности Русского музея с художественными музеями России, организация межмузейных программ и проектов
- повышение профессионального уровня специалистов музеев
- оказание консультационно-методической помощи по различным направлениям музейной работы

- организация обмена опытом Русского музея, ведущих организаций культуры и зарубежных музеев с музеями страны
- сбор, анализ и публикация, в том числе в электронных изданиях и средствах массовой информации об истории и коллекциях региональных музеев [13]

Отдел состоит из нескольких секторов, каждый из которых отвечает за своё поле деятельности:

1) Сектор по координации деятельности с художественными музеями России следит за развитием межмузейных программ и проектов Русского музея;

2) Сектор организации и проведения курсов повышения квалификации, консультаций и учебных практик занимается организацией и проведением мероприятий по повышению профессионального уровня для работников музейной сферы;

3) Сектор информационно-аналитической работы оказывает консультационно-методическую помощь художественным музеям России по вопросам подготовки к изданию каталогов, альбомов и других изданий, занимается подготовкой методических и информационно-справочных материалов по всем направлениям деятельности музея к мероприятиям отдела. Он также собирает и систематизирует сведения о художественных коллекциях музеев России, публикует эти материалы в СМИ и научных изданиях, обновляет и пополняет их электронный архив, готовит материал для виртуальных выставок и других информационных ресурсов Русского музея.

Таким образом, отдел «Консультационно-методический центр художественных музеев Российской Федерации» является крупнейшей консультационной базой для музеев РФ и помогает им в решении широкого спектра вопросов. Кроме того, он ответственен за организацию сотрудничества с музеями не только в выставочной, но и профессиональной и научной сферах.

Последнее направление межмузейного сотрудничества Русского музея и регионов России, которое стоит отметить – проект «Русский музей – виртуальный филиал». Информация о работе проекта размещена на его официальном сайте «Виртуальный русский музей» [4].

Проект ставит своей целью приобщить зрительскую аудиторию к ценностям российской культуры, историческому прошлому Рос-

сии посредством свободного доступа к электронно-цифровым и печатным материалам, а также сформировать единое культурно-информационное пространство между участниками проекта. В его основные задачи входит создание сети информационно-образовательных центров «Русский музей: виртуальный филиал», предоставление посетителям этих центров свободного доступа к разнообразным ресурсам по русскому изобразительному искусству, музейному делу и культуре, создание программ о коллекциях Русского музея. Виртуальные филиалы призваны работать в самых разнообразных формах: от виртуальных экскурсий по экспозициям Русского музея до проведения курсов повышения квалификации, от лекций и конференций до проведения конкурсов и праздников.

Несомненным достижением данного проекта является преодоление границ между странами, регионами, сокращение расстояния между ними за счет мобильности получения информации, применения новых технологий и установления прочных культурных и научных связей. Всё вместе это позволяет наладить прочные отношения с культурными центрами как внутри РФ, так и за рубежом.

Проект «Русский музей: виртуальный филиал» стартовал в 2003 году в Нижнем Новгороде в статусе межрегионального. К настоящему моменту он стал международным и продолжает расширять свою географию. Среди регионов России в проекте активнее всего принимают участие Северо-Запад и Центральная часть России, планы по созданию информационно-образовательных центров «Русский музей: виртуальный филиал» поддержали Сибирь, Урал, Дальний Восток.

Таким образом, данный проект Русского музея является крупнейшим и единственным в своем роде виртуальным межрегиональным проектом, организованным музеем в целях популяризации достижений русского искусства и активизации культурной жизни России. Важным плюсом является то, что этот проект имеет не в пример более широкую географию, нежели другие названные мною выше начинания ГРМ по межмузейному сотрудничеству, так как охватывает всю территорию РФ.

Подводя итог, можно заключить, что межмузейное сотрудничество является неотъемлемой частью эффективной экономической

деятельности современного музея и предельно актуально по целому ряду причин. В частности, именно межмузейное сотрудничество в силах помочь наладить тесные культурные связи между регионами, образовать единое культурное пространство на территории России, преодолеть разобщенность между региональными музеями и музеями столиц. На примере работы Русского музея в области межмузейного сотрудничества было выяснено, что данная сфера отношений между музеями центра и музеями регионов активно развивается. Благодаря множеству совместных проектов и программ, продолжающих набирать обороты, налажено тесное сотрудничество в области выставочной деятельности, научно-методической работы, профессиональной и образовательной сферах. Однако нельзя не заметить, что потенциал сотрудничества между музеями в силу существующих проблем (таких как нехватка средств в бюджетах регионов, сложность транспортировки экспонатов, неспособность обеспечить необходимые условия экспонирования) реализован далеко не в полную силу, и поэтому, учитывая актуальность и перспективность развития данного направления деятельности, межмузейное сотрудничество необходимо последовательно выводить на более высокий уровень совместными усилиями государства и культурных организаций.

Список литературы

1. Веков связующая нить: русская живопись XVIII - XX веков из собрания Русского музея: каталог выставки, апрель - май 2016 / [авт. ст.: Павел Климов]. СПб.: Государственный Русский музей, 2016. 72 с.

2. Выездные выставки // Русский музей. URL: http://www.rusmuseum.ru/exhibitions/mobile/

3. Консультационно-методический центр художественных музеев Российской Федерации // Русский музей. URL: http://www.rusmuseum.ru/education/consulting-center/

4. О проекте «Русский музей: виртуальный филиал» // Виртуальный Русский музей. URL: http://rusmuseumvrm.ru/virtual_offices/o_proekte_rm_vf/index.php

5. Основы музееведения / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Гос. ин-т искусствознания, Рос. ин-т

культурологии; отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Едиториал УРСС, 2005. 501, [2] с.

6. Портрет семьи: [каталог произведений / авт.-сост.: Надежда Большакова и др.; авт. ст.: Марина Стекольникова, Любовь Шакирова]. СПб.: Palace Editions Русский музей, 2014. 215, [1] с.

7. Приказ Минкультуры РСФСР от 1 марта 1974 г. № 178 «Об улучшении организации научно – исследовательской работы по изобразительному искусству и деятельности художественных музеев РСФСР».

8. Проекты Русского музея. Культурно-выставочные центры // Русский музей. URL: http://www.rusmuseum.ru/projects/cultural-exhibition-centres/

9. Реализация программы «Россия» 2003-2008 / Федеральное агентство по культуре и кинематографии Российской Федерации, Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный Русский музей». СПб.: ФГУК «Русский музей», 2008. 61 с.

10. Спасибо, Урал!: живопись XVIII-XX веков из собрания Государственного Русского музея: к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: [альбом] / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Гос. Русский музей [и др.]; [авт. ст.: Владимир Гусев и др.]. СПб.: Palace editions, 2005. 83, [1] с.

11. Три века русского искусства: [Альбом / Авт. ст.: Владимир Гусев, Евгения Петрова]. СПб.: Palace Editions, 2003. 179, [1] с.

12. Указ Президента Российской Федерации №597 от 7 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

13. Художественные коллекции в музеях России: справочник-путеводитель / Министерство культуры Российской Федерации, Федер. гос. учреждение культуры «Гос. Рус. музей»; [отв. сост.: Т. А. Кубанова; науч. ред.: С. Н. Левандовский]. 3-е изд., доп. СПб.: ФГУК «Русский музей», 2008. 376 с.

14. Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2004. 560 с.

Ивченко Юлия Олеговна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Рябова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, доцент

Представительство России на Всемирной выставке в Париже в 1867 г.

Representation of Russia at the World Exhibition in Paris in 1867.

Аннотация. *В работе рассмотрено представительство России на Всемирной выставке в Париже 1867 г. Исследователем проанализировано участие экспонентов, разобрана специфика выставки и её устройство, обобщено восприятие России посетителями экспозиции, изучена роль и влияние феномена Всемирных выставок. Данная работа демонстрирует важное культурное взаимодействие стран-участниц и выявляет преимущества и потенциал России XIX столетия на международной арене.*

Ключевые слова: *Всемирная выставка; Всемирная выставка в Париже; XIX век; выставка, 1867 г., участие России; Выставка, Париж, экспозиция.*

Abstract. *The paper discusses the representation of Russia at the World Exhibition in Paris in 1867. The researcher analyzed the participation of exhibitors, analyzed the specifics of the exhibition and its structure, generalized the perception of Russia by visitors to the exposition, and studied the role and influence of the phenomenon of World Exhibitions. This work demonstrates the important cultural interaction of the participating countries and reveals the advantages and potential of XIX century Russia in the international arena.*

Key words: *World Exhibition; World Exhibition in Paris; XIX century; exhibition, 1867, participation of Russia; Exhibition, Paris, exposition.*

На протяжении второй половины XIX века на Всемирных выставках разворачивалась обширная культурная деятельность, завязывались контакты, шло знакомство с разными культурами. Выставки стали местом, где передавался технический опыт, воспринимались передовые мысли, шла интеграция мировых сообществ. Из 13-ти проведённых универсальных выставок в XIX веке, в Париже, ставшем передовым центром, были четыре (1855, 1867, 1878, 1889

гг.) и пятая на рубеже веков, в 1900 г. В российской историографии наиболее освещено участие России 1900 г., остальные экспозиции менее изучены. Для рассмотрения феномена Всемирных выставок применялся сравнительно-критический анализ. Перед нами стояли следующие цели: проанализировать участие русских экспонентов на Всемирной выставке в Париже, изучить вопрос о награждении комиссией жюри и восприятии общественным мнением российских экспонатов. Актуальность исследования определяется, во-первых, тем, что ощущается недостаток исследований по теме Парижской Всемирной выставки и участия в ней России в 1867 г., тема во всем масштабе до сих пор недостаточно изучена. Присутствуют фрагментарные, отрывочные теоретические и исторически-культурные обобщения. Во-вторых, до сегодняшнего дня продолжается деятельность универсальных выставок, которые помогают продемонстрировать достижения государств с целью трансляции культуры. В-третьих, в публицистических изданиях наблюдается интерес к теме восприятия России за рубежом и её представительства на международной арене. Подобные исследования могут продемонстрировать возможности России, её достижения и перспективы развития.

Всемирная выставка 1867 года («Всемирная выставка произведений земледелия, промышленности и художеств») служила иллюстрацией всего, что было сделано в разных государствах за последние несколько лет. Классификация, принятая на Всемирной выставке 1867 года в Париже, представляла собой распределение однородных предметов по группам, а затем по классам, которые в совокупности доходили до 95-ти. Тематика выставки 1867 г. была расширена, новым стало появление таких разделов, как: «воспитание, работа и благосостояние рабочих сословий, строительное искусство, устройство садов», выставлялись предметы всеобъемлющего размаха [13, с. 47]. Чтобы лучше понять структуру и саму природу выставки, необходимо проанализировать организацию, участие экспонентов и саму процедуру выбора экспонатов. Высочайше учрежденная Комиссия по участию России занималась устройством русского отдела. Управлял Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов России во главе с А.И. Бутовским [11, с. 266]. Желающие принять участие должны были отослать заявку, отбором

художественных произведений на Парижскую выставку занималась Академия художеств. Стоит отметить: не принимались на выставку копии, воспроизводящие художественные оригиналы, что подчеркивает индивидуальность предметов [7, с. 4]. Сама доставка произведений и их страхование в оба конца принимались за счет казны. Экспоненты не подлежали никакой плате за место, занимаемое ими на выставке [7, с. 4].

Художественная часть была представлена неплохо для первого участия в Парижской выставке, хотя Россия не лидировала в этой области. Россия получила всего лишь одну награду за первые два класса (медаль присуждена баталисту А. Коцебу за картины «Полтавский бой» и «Переход русской армии через Чертов мост»). Представлены были скульптуры, а также картины И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, К.Д. Флавицкого, В.В. Пукирева, Н.Н. Ге, В.Г. Перова, но не были почтены вниманием судей выставки [5, с. 8]. Однако, в целом, публика с восторгом воспринимала произведения русских художников [11, с. 270]. От России на Выставке была представлена удостоенная наград богатая коллекция копий и гипсовых снимков Строгановского художественно-промышленного училища с памятников древнего искусства [5, с. 12]. Все оценили преемника архитектора К.А. Тона – А.И. Рязанова и его проект собора в честь освобождения крестьян [5, с. 8]. Необходимо выделить среди всех экспонатов мозаики Исаакиевского Собора, выставленные Иваном Соколовым, прославленным ещё на Лондонской выставке 1851 г., по отзывам мозаика была выше итальянской. Представитель был отмечен крестом Ордена почетного легиона.

Россия была удостоена внимания в деле печати, типографии, литографии, хотя другие страны незначительно, но обгоняли, а отечественная писчая и типографская бумага могли составить конкуренцию [5, с. 11]. Пожалуй, самым выдающимся из экспонентов на выставке был электротехник и физик Б.С. Якоби, который удостоился Гран-при за свой гальванопластический снимок камеи из Эрмитажа. Достаточно неплохо была представлена Россия картами географическими и космографическими, а за инструменты меры, веса, геометрические приборы было получено все три степени медалей.

В сфере фарфора и фаянса российская продукция была достойным соперником, не уступала качеством и изяществом коллекция хрусталя и стекла Императорской стеклянной мануфактуры [5, с. 18]. Золотые и серебряные изделия были оценены на высочайшем уровне, но, как и в большинстве классов, наибольшее число наград пало на французских экспонентов. Особенно сильную конкуренцию составляли изделия с национальными орнаментами И.П. Сазикова и П.А. Овчинникова [13, с. 59]. На выставке в Париже всех покоряла работа И.П. Сазикова, где на тулове кружки изображалась барельефная сцена «Соколиная охота царя Алексея Михайловича» [1, с. 62], «он даже не имел конкурентов» [8, с. 22]. Стоит здесь отметить экспонаты фабрики художественной бронзы Ф. Шопена, который выставил 64 экземпляра бюстов русских императоров, подобной коллекции «ни одним государством выставлено не было» [5, с. 23], большое внимание посетителей привлекла его модель Петропавловской крепости [11, с. 268]. В.И. Собольщиков восторженно отмечал, что «художественное наше отделение, сравнительно, например с французским, самым богатым, уступает ему только в численности выставленных произведений, но за то у нас вовсе почти нет посредственности» [9, с. 7-8].

Хлопчатобумажная пряжа и ткани, которые занимают в России видное место, был представлены хорошо и оценены справедливо [5, с. 28]. Серебреной медалью отмечены ткани «Невской бумагопрядильной мануфактуры» [11, с. 268], с достоинством показало себя «Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры», представляя обувь, а коллекция руд и горных пород была «полна и научная отчетлива» [5, с. 33].

Большую часть зрителей привлекало в отдел, где представлялась промышленность. В особенности, интерес был вызван в связи с проводившейся военной реформой в России. В шестой группе, а именно в горном деле и металлургии, Россия представлена только одним экспонентом – В.К. Рашет с плавильной печью собственной системы. Системы отопления были бледны и малы [5, с. 24-26], но, в свою очередь, снаряды в сельском и местном хозяйстве были достаточно неплохо представлены (моделями земледельческих орудий, выставленными большей частью учебными фермами, хозяйственными

училищами и многими Обществами Сельского Хозяйства). Железо заводов П.П. Демидова и медь Воскресенского и Преображенского заводов Н.М. Пашкова получили золотые медали, наградой 2 степени были отмечены Тульский Оружейный завод и Ижорский завод, бронзой – 6 фабрик и заводов [13, с. 56].

Составляя общий обзор русского отдела, обратим внимание на разносторонний культурный ландшафт: в парке находились русская изба с воротами, крытым двором и флигелем [12, с. 6], конюшня, помещение для экипажей и конской сбруи, киргизская юрта от Западно-Сибирского генерал-губернаторства, якутская урасса, русский трактир, который «кажется, больше избы привлекал внимание французов» [9, с. 4; 13, с. 54]. Особый интерес посетителей вызывали бурятская юрта, манекены в костюмах народов Севера, сами изделия Севера, представленные М.К. Сидоровым, образцы фауны и флоры [11, с. 269]. На выставке проходило знакомство с культурными особенностями Российской Империи: закавказские ковры, вышиванья по сукну и бархату, оружие и этнографические предметы [8, с. 6-7].

Заметим: русскому отделу было отведено 2,9 тыс. кв. м (1,3 тыс. экспонентов), Франция и колонии занимали 63,5 тыс. кв. м, (50 тыс. экспонатов и 11, 5 тыс. экспонентов) [5, с. 38-40; 11, с. 256; 13, с. 47]. Россия отставала количеством экспонентов достаточно серьёзно от ведущих стран-участниц, хотя некоторыми своими экспонатами могла конкурировать с Англией, Пруссией, Францией. Но из-за организации, недостойного оборудования мест в разных классах, порой из-за плохого качества или из-за малого количества экспонентов, не удалось стать бесспорным лидером [6, с. 54-79]. По итогу выставки, наград у России имелось в количестве 472, что, по сравнению с ведущими странами, кажется невнушительным, например, Франция завоевала около 7,9 тыс. наград, Англия удостоена 1,5 тыс. наград [5, с. 74].

А.И. Ходнев на собрании Вольного экономического общества замечал, что у нас очень мало представлено предметов, а многие из них могли быть заменены несравненно лучшими, а пространство и сами экспоненты не соответствовали обширности нашего государства и нашей промышленности, хоть и не богатой. А.И. Ходнев счи-

тал, что вина в «апатии и небрежности самих производителей» [12, с. 10], так как правительство сделало всё возможное: приглашались фабриканты, все расходы по устройству русского отдела и производителями доставлялось всё за счет правительства. И, действительно, некоторая часть экспонентов даже не показалась на выставке [12, с. 10]. Инициатива, активность самих производителей была не слишком высокой. Исследователь В.И. Данильченко придерживается точки зрения, что из-за чрезмерной формализации государственных органов, которые занимались организацией участия на Всемирной выставках, сдерживалась частная инициатива [3, с. 93-94]. Но, по мнению В.И. Собольщикова: правительство должно было «заохотить, возбудить соревнование» заводчиков и фабрикантов [10, с. 10]. Стоит согласиться, что художественные «…произведения не давали никого понятия о производительных силах страны» [12, с. 11]. В.И. Собольшиков писал, что отдел и «содержание далеко не показывают того, что Россия производит…» [9, с. 7-8]. Хотя в промышленном отделе стоит выделить отличившиеся на выставке изделия Адмиралтейских ижорских заводов, Петербургского Монетного двора, сталь и орудия Обуховского завода [2, с. 45].

Экспонаты посетители воспринимали иначе, чем комиссия жюри, мнения часто не сходились. Н.П. Ситовский отмечал, что русским отделом интересовалось большинство публики: «Нам, остающимся на выставке с утра до вечера, нельзя не заметить, что в так называемой «Русской улице»масса посетителей с каждым днем становится всё гуще и гуще» [8, с. 10]. Множество деятелей посетили выставку: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Г.Н. Вырубов, Н.Н. Зинин, В.В. Стасов, Д.И. Менделеев и другие. Особо значимое место заняла наука: организовывались публичные лекции, опыты. Выставка стала местом притяжения специалистов и экспертов разных отраслей. Страноведческое начало и национальные особенности стран-участниц привлекали публику.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что по оценкам экспертов и присужденным наградам, при бесспорном лидерстве Франции, техническая сторона России всё-таки была бледна, хотя и имелись отдельные достойные экспоненты, остальные экспонаты групп были приемлемы, и количество наград соответствовало каче-

ству. Восприятие и отклики публики показывало интерес к нашему отделу, что подчеркивает важность выставки, которая объединяла государства. Всемирная выставка была тем уникальным местом, где велась не только торговля и преследовался экономический интерес, а происходил обмен культурными знаниями, завязывались межнациональные контакты. Россия осознавала свое место среди мировых сообществ, наблюдала и знакомилась с достижениями европейской цивилизации, и сама при этом демонстрировала свой самобытной мир.

Список литературы

1. Волдаева В.Ю. Значение всероссийских и международных художественно-промышленных выставок XIX века в творческой деятельности ювелирной фирмы Сазиковых // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 292-294.

2. Востриков А.В. Историко-культурное исследование роли и участия Российской империи во всемирных универсальных выставках в Париже (1867-1900) // Вопросы культурологии. 2015. № 11. С. 43-48.

3. Данильченко В.И. Роль государственных органов Российской империи в организации выставочной деятельности в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 10. С. 88-94.

4. Ивченко Ю.О. Представительство России на Всемирной выставке в Париже 1867 г.: «самобытность» или ориентация на Запад? // Nauka.me. 2019. № 3. 8 с.

5. Киттары М.Я. Всемирная выставка 1867 года в Париже: статья. Приложение к Календарю на 1868 год. СПб.: Изд. Н.Г. Овсянникова, 1867. 74 с.

6. Обзор Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб., 1869. 79 с.

7. Положение о Русском отделе Всемирной Парижской выставки 1867 г. М., 1865. 50 с.

8. Ситовский Н.П. Письма по поводу Парижской всемирной выставки. Тифлис: тип. Гл. упр. наместника кавк., 1867. 82 с.

9. Собольщиков В.И. Взгляд на Всемирную выставку в день ее открытия. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1867. 12с.

10. Собольщиков В.И. Воспоминания о Всемирной выставке. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1867. 24 с.

11. Соколов А.С. Санкт-Петербург на Парижских Всемирных выставках 1867-1900 гг. // Ученые записки санкт-петербургского имени В.Б. Бобкова филиала российской таможенной академии. 2006. №2 (26). С. 265-291.

12. Ходнев А.И. Парижская всемирная выставка. СПб.: Общественная польза, 1867. 17 с.

13. Шпаков В.Н. История всемирных выставок. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. 384 с.

Завизион Денис Дмитриевич,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Пленков Олег Юрьевич, доктор исторических наук, профессор

Античные образы в архитектуре Третьего Рейха

Antique images in the architecture of the Third Reich

Аннотация. *Статья посвящена проблеме древнегреческого и древнеримского влияния на национал-социалистическую архитектуру. В работе рассматривается происхождение мифа о связи античной и немецкой архитектуры. На примере главных памятников архитектуры Третьего Рейха была дана характеристика роли античных символов и элементов, а также их значение в государственной пропаганде.*

Ключевые слова: *Третий Рейх; Архитектура; Адольф Гитлер; Альберт Шпеер; Герман Гизлер.*

Abstract. *The article is concerning to the problem of ancient Greek and Roman influence on the national-socialist architecture. The article discusses the origin of the myth of the relationship of antique and German architecture. The role of antique symbols and elements was described and their significance in state propaganda was analyzed using the examples of the main architectural monuments of the Third Reich.*

Key words: *Third Reich; Architecture; Adolf Hitler; Albert Speer; Hermann Giesler.*

После прихода национал-социалистов к власти в Германии, большое внимание уделялось культуре и искусству как сферам пропаганды. Установки нового правительства требовали легитимации своей власти, в связи с чем большие усилия были направлены на создание множественных мифов о прямой этнической, культурной и государственной преемственности от Древней Греции и Рима до Священной Римской Империи.

В живописи, скульптуре и архитектуре нередко встречалась видоизмененная, а где-то и вовсе практически неузнаваемая античная эстетика. Зачастую стиль представительской национал-социалистической архитектуры в общем виде определяется как неоклассицизм.

Неоклассицизм в данном виде представлял собой синтез античных первоисточников в виде греческой архитектуры периода архаики и эллинизма, римской архитектуры имперского периода и «прусского классицизма».

Апелляция к античным традициям была неслучайной. В публичных речах и закулисных разговорах А. Гитлер нередко провозглашал возврат к национальным традициям в искусстве. Однако наиболее авторитетным архитекторам в лице Альберта Шпеера и Германа Гизлера была дана установка творить в «дорическом стиле», т.е. древнегреческом. В этом нет противоречия, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что под влиянием пронацистских историков-антиковедов Гитлер утверждал, что дорийцы произошли от древних германских племен [1, с. 131]. Одним из примеров расово-территориального подхода к изучению происхождения римлян и дорийцев является работа Клауса Людвига Фердинанда «Нордическая душа». В своей работе Л.Ф. Клаус выдвигает идею северогерманского происхождения дорийцев и римлян, которые являлись не средиземноморским народом, а «южной вариацией нордических людей» [11, с. 65].

Плавно этот миф перешел и в широкую архитектурную пропаганду. В главной книге об архитектуре Третьего Рейха – «Новые здания Третьего Рейха» – под авторством Герди Троост, жены знаменитого архитектора, можно встретить восхваление архитектуры, скульптуры и античной эстетики в целом, но подытоживает она это рассуждение словами: «Культура этих творческих людей (греков – Д.Д.) особенно близка нам сегодня, так как мы узнали о кровных отношениях с ними» [4, s. 4].

Основу градостроительной политики Третьего Рейха в 1935 году изложил главный ее воплотитель – Альберт Шпеер. В своих воспоминаниях он писал: «Используя особые материалы и применяя определенные статические принципы, мы смогли бы строить сооружения, которые, даже обветшав, через сотни или (как мы рассчитывали) тысячи лет будут играть ту же роль, что творения римлян» [1, с. 81]. Так называемыми «особыми материалами» в представлении Шпеера являлись гранит и мрамор, а «статические принципы» заключались в планируемом запасе прочности и неиспользовании

при строительстве железобетона или стальных балочных конструкций.

Успех теории было бы сложно объяснить без учета мнения самого А. Гитлера на этот счет. Еще в 1933 году Гитлер произнес фразу: «Даже если люди умрут и умолкнут, камни заговорят». Теория Шпеера послужила толчком для развития мысли Гитлера, и в 1935 году в «Обращении к искусству и политике» он высказал мнение, что высшие народные ценности наиболее отчетливо проявляются в людях – носителях народных традиций, но в случае вымирания народа последнее слово останется за камнем, т.е. за архитектурой [15, p. 222]. Данная речь прозвучала уже после того, как Шпеер представил Гитлеру свою теорию, подкрепив ее эскизом, на котором были изображены трибуны поля Цеппелина после нескольких веков забвения и разрушения.

Для поиска остатков «дорического стиля» Альберт Шпеер совместно с женой в 1935 году предпринял краткую поездку в Грецию. При этом он сознательно отказался от поездки в Италию, хотя и написал в своих мемуарах: «Италия с ее ренессансными дворцами и колоссальными сооружениями Древнего Рима могли послужить прототипами моих задумок» [2, с. 89].

Позднее, в 1939 году Шпеер отправился на Сицилию в поисках ранних памятников дорического стиля. Основным объектом интереса Шпеера являлись греческие храмы в сицилийских колониях – Сиракузах, Агригенте, Селинунте, Сегесте. Там он заметил, что в колониях греки отходили от принципов соразмерности, представленных на родине, что натолкнуло его на мысль о трансформации собственной архитектуры [2, с. 192].

Итак, первые проекты национал-социалистического режима были разработаны под руководством Поля Людвига Трооста. Первой самостоятельной постройкой можно по праву считать «Дом немецкого искусства» (см. Рис. 1) в Мюнхене. При первом взгляде Дом немецкого искусства напоминает упрощенный боковой фасад периптерного греческого храма. Однако используемый здесь дорический ордер значительно упрощен: колонны лишены канелюр, отсутствует резкое сужение формы, в капители нарушены пропорции абаки и эхина, присутствует база, аналогичная капители, стилобат и стереобат отсутствуют, как и фриз, но сохранился архитрав с карнизом.

На самом деле, здание довольно четко копирует не какой-либо античный памятник, а здание старого музея в Берлине, построенного по проекту Карла Фридриха Шинкеля. В целом же, из-за чрезвычайно сильного упрощения ордерной системы, здание утратило движение, присущее как античным храмам, так и проекту Шинкеля. Однако проект понравился Гитлеру, и тот регулярно проводил там выступления в преддверии художественных выставок.

Не менее значимыми являлись ранее построенные под руководством П.Л. Трооста «храмы почета» (см. Рис. 2.) на королевской площади в Мюнхене. За основу был взят классический античный моноптер, но в характерном виде для национал-социалистической архитектуры он был воссоздан в квадратной форме, а открытый верх напоминает нам перистиль. Круглые колонны были заменены опорными столбами, не лишенными каннелюр. По поводу упрощения дорического ордера в данных постройках уже достаточно хорошо высказался Ю.П. Маркин, который писал, что сооружения представляли собой ригористский контекст классицизма, где были гипертрофированы ступенчатые стилобаты, антаблементы и карнизы, а так как стандартные аксессуары дорического ордера максимально упрощались, то и вовсе становились незамеченными [10, с. 71].

В отдельности храмы почета не представляют для нашей темы никакой ценности, однако данные постройки были созданы для того, чтобы расширить ансамбль королевской площади. Ансамбль королевской площади в Мюнхене сложился в середине XIX века под руководством Лео Фон Кленце. Его здания, построенные в стиле неогрек, формировали ансамбль всей площади, и сооружение здесь новых неоклассических построек символизировало непрерывную связь с прошлым, так как оба представителя с разной долей неуклюжести пытались воспроизвести отдельные элементы греческой архитектуры. В сущности, Кленце пытался воссоздать немецкий акрополь [6, с. 69]. Крайний интерес так же представляет проект 1883 Макса фон Хекеля по превращению королевской площади в подобие античного форума [17, s. 52].

По проекту П.Л. Трооста здесь были возведены еще два здания: «Фюрербау» и «административное здание НСДАП», полностью идентичные. Сами здания не представляют для нас особой архитек-

турной ценности, однако они значительно расширяли ансамбль королевской площади и закрывали городской фон, этому послужила и закатка всей площади гранитными плитами (см. Рис. 3). Отныне площадь должна была служить социально-политическим функциям в виде различных митингов и празднеств. Отныне королевская площадь являлась прототипом одного из главных элементов всей градостроительной политики Третьего Рейха – гауфорума.

Гауфорум – центральная площадь каждой столицы округа (нем. Gau), которая должна была являться главным местом сосредоточения социальной и политической жизни в городе и повторять функции греческой агоры или римского форума. Нередко Гитлер сам рисовал наброски гауфорумов, предоставляя их архитекторам [3, s. 26]. В отличие от античных первоисточников, гауфорумы (см. Рис. 4) застраивались не стихийно, а преднамеренно. Некоторые исследователи ошибочно считают, что структуру форумов немцы заимствовали у древних греков. Однако из-за сосредоточения одних лишь политических сооружений, где не было даже экономической жизни, мы не можем однозначно проводить параллели с агорой. Гораздо ближе будет именно римский форум.

Главной примерной строительной площадкой Третьего Рейха может по праву считаться поле партийных съездов в Нюрнберге. Относительно данного проекта Гитлер довольно четко высказался во время поездки в Линц в 1938 году: «Там наш (на поле партийных съездов – Д.Д.) дорический стиль является выражением нового порядка» [2, с. 204]. Доминантой всего комплекса являлись каменные трибуны поля Цеппелин (см. Рис. 5). Как сообщает сам архитектор Альберт Шпеер, при проектировании каменных трибун он вдохновлялся Пергамским алтарем (см. Рис 6), откуда позаимствовал длинную колоннаду с каменными пилястрами [2, с. 79]. Справедливости ради, за прообраз был взят лишь западный фасад [10, с. 77]. При сравнении античного первоисточника и проекта А. Шпеера можно увидеть замену ионического ордера дорическим, пусть и упрощенным. Прямоугольные колонны лишены канелюр, с оригиналом их роднит лишь аналогичное использование капителей и архитравов.

Одним из самых интересных проектов партийного центра является Германский стадион (См. рис 7). Данное сооружение незаслужен-

но игнорируется многими исследователями, хотя, как нам кажется, он представляет собой один из главных примеров трансформации стиля А. Шпеера. Как указывал сам архитектор, при проектировании он вдохновлялся афинским стадионом. Однако при детальном сравнении оказывается, что их схожесть заканчивается на геометрической подковообразной форме объектов. При первом взгляде на проект германского стадиона сразу в глаза бросаются размеры стадиона, поэтому трибунные части стадиона предстают перед нами слишком крутыми, сами же трибуны расчленены на множество секций. Панатинаикос из-за своих небольших размеров аккуратно вписывался в ландшафт, а не разрывал его. Размеры породили еще одну проблему цитирования – из-за большого секционного разделения в германском стадионе была потеряна идея народного сообщества «Volksgemeinschaft», представленная в афинском стадионе, где трибуны являются цельным объектом, полно отражающим полисное устройство древних греков.

Неизвестно, осознанно или нет, но Шпеер практически воссоздал другой античный памятник, правда, уже римского происхождения, – Стадион Домициана (См. Рис. 8). Известно, что Шпеер как минимум два раза посещал Рим в период с 1933 по 1945 год, однако про свои путешествия в Риме Шпеер тактично умолчал в мемуарах. Вполне вероятно, что Шпеер не был знаком с ранним проектом реконструкции стадиона, так как раскопки начались только в 1921 году. Как мы видим из проекта реконструкции стадиона Домициана и окружавших его построек, стадион разрывал не только природный, но и городской ландшафт своей формой и размерами. Если внешний фасад афинского стадиона был покрыт землей и не задекорирован, то стадион Домициана имеет аркаду из двух пролетов, тогда как проект Шпеера имел однопролетную аркаду. Если в стадионе Домициана с помощью хорошо задекорированной аркады предполагалось разбавить тяжеловесность здания, примитивно вписав его в человеческие масштабы, то отсутствие декора и использование одного пролета позволяло сознательно показывать величие и недостижимость архитектуры Третьего Рейха.

Зал Конгрессов так же был уподоблен подковообразной форме, но некоторые исследователи отмечали его схожесть с Колизеем. Если

и рассуждать исходя из формы сооружения, то из античных прототипов залу конгрессов намного ближе театр Марцелла.

Соединять детали всего комплекса приходилось «Большой дороге», по которой должен был идти во главе многотысячного парадного войска сам А. Гитлер. Партийный форум Нюрнберга являлся полноценной имитацией римского форума, где А. Гитлер ежегодно должен был праздновать свой триумф. В конечном счете классический монументализм Третьего Рейха перерос в «имперскую манию величия» [13, с. 78]. Сам Шпеер отчетливо осознавал деформацию своего стиля и писал, что за 12 лет его архитектура пережила переход от дорической архитектуры раннего классицизма до барочных фасадов позднего эллинизма [1, с. 209].

В истории архитектуры Третьего Рейха можно встретить и классические копии греческих амфитеатров. Самым популярным являлся «Открытый театр Дитриха Экхарта», возведенный в 1936 году по проекту В. Марха в составе Олимпийской площади. По своей форме и размерам ближайшим античным первоисточником можно по праву считать амфитеатр в Эпидавре. Подобные амфитеатры можно встретить так же в Гейдельберге, Аннаберге, и др. На удивление нацистские амфитеатры аккуратно вписаны в ландшафт, благодаря чему достигается полноценное чувство единого сообщества.

В проекте перестройки Берлина, разработанном в 1937 году под руководством Альберта Шпеера, прослеживается подражание форме эллинистических жилых и общественных построек. Речь идет об административных зданиях по периметру оси Север-Юг (см. Рис. 9). Каждое здание здесь имеет внутренние дворы-колодцы типа перистиля. Попытка искусственно подчинить город правильной планировке явно относит нас к милетским проектам периода эллинизма. Стоит сказать, что аналогичный проект был разработан и в отношении Мюнхена, там аналогично вдоль осевой линии расположены здание с подобной планировкой (см. Рис. 10). Не совсем понятно, как перистильные дворы должны были функционировать, так как многочисленные дворы построенного в 1936 г. министерства авиации до сих пор не используются в полной мере.

Но в плане превращения Берлина в «Welthauptstadt Germania» особую ценность представляет главная архитектурная доминан-

та – Зал народа (нем. Volkshalle) (см. Рис. 11). История разработки проекта А. Шпеера восходит к 1928 году, когда Гитлер сделал первые наброски данного здания (см. Рис 12). Из них совершенно очевидно, что портик и купол в своих пропорциях были частично скопированы из Пантеона, в чем на данный момент сходятся многие исследователи. Позднейший же макет Зала народов совершенно точно вдохновлялся еще и памятником архитектуры ренессанса – собором Святого Петра. Шпеер во время работы над Залом народов даже посещал Рим для сопоставления размеров здания и производимой эмоциональной оценки (1, с. 201). В любом случае ориентация на римский источник или на памятник, вдохновленный римской античностью, не согласуется с дорическими канонами, распространявшимися в пропаганде.

Греческая стилистика окончательно теряется в самом популярном проекте Вильгельма – памятнике на Днепре (см. Рис. 13). Невооруженным взглядом можно увидеть подражание проекту реконструкции мавзолея Августа (см. Рис. 14). Синтез греческого толоса и этрусского тумулуса, представленный в мавзолее Августа, довольно умело скопировал В. Крайс. Однако в типичной для национал-социалистической архитектуры форме портик упрощался в примитивную прямоугольную входную группу. Остальные проекты «замков мертвых» В. Крайса представляют собой эклектику, вдохновленную скорее памятниками средневековья романского и готического периода, только что орнаментальное оформление сводилось к минимуму и оно представляло собой простые геометрические формы [5, с. 264].

Центральной идеей архитектуры Третьего Рейха стала идея величия и бессмертия. Традиционно выделяется несколько средств, с помощью которых она достигалась: гипертрофированные размеры построек; упорядоченное использование таких классических архитектурных форм, как арки, башни, колонны, обелиски; крупные открытые пространства в архитектурных декорациях; ясность и простота архитектурных композиций [9, с. 316].

Античный архитектурный инструментарий должен был служить мистификации прошлого и героизации современного, в том числе и героизации надвигающейся войны. В этом контексте особое

значение имеет то, что масштабное строительство не было заморожено с началом войны и продолжалось вплоть до окончания Сталинградской битвы, а с территории оккупированных стран активно вывозились необходимые строительные материалы.

Архитектура национал-социализма приобретала квазирелигиозный характер, где умело должна была маскироваться языческая ритуалистика как древних германцев, так и римлян. Выбор дорического стиля тут был не случаен: долгое время в представлении римлян дорический ордер отражал мощь богов, прежде всего Марса, бога войны. Начиная с 1935 года многие постройки национал-социализма постепенно начинали приобретать форму фортификационных сооружений.

Исходя из всего вышесказанного, становится практически невозможным говорить о каком-либо полноценном следовании дорическим традициям. Античная архитектура лишь представляла нужный инструментарий, через символы и знаки которого было возможно передать психологию всего национал-социалистического движения. Первоочередная ориентация на памятники дорической архитектуры под влиянием политического положения довольно быстро, уже начиная с 1935 года, трансформировалась в подражание римским имперским и эллинистическим декорациям, которые постепенно все сильнее символизировали скорое падение национал-социалистического режима.

Список литературы

1. Шпеер Альберт. Третий рейх изнутри: воспоминания рейхсминистра военной промышленности. М.: «Центрполиграф», 2005. 654 с.

2. Шпеер Альберт. Шпандау: тайный дневник. М.: «Захаров», 2010. 528 с.

3. Giesler Hermann. Ein anderer Hitler. Landsberg am Lech. 1977. 527 S.

4. Troost Gerdy. Das Bauen im Neuen Reich. Gauverlag Bayerische Ostmark. 1938. 166 S.

5. Васильченко А.В. Имперская тектоника: Архитектура III рейха: Архитектура в третьем рейхе. М.: «Вече», 2008. 306 с.

6. Гельфонд А.Л., Моисенко В.А., Ерофеева И.В. Образно-смысловые трансформации архитектурного ансамбля Кенигсплац в Мюнхене // Градостроительство. М., 2016. Вып. 2. С. 65-73.

7. Голомшток. И.Н. Тоталитарное искусство. М.: «Галарт», 1994. 296 с.

8. Дятлева В.Г. Искусство Третьего рейха. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2013. 255 с.

9. Есипов В.В., Игнатьева О.А. Архитектура и планировка в Третьем Рейхе (на примере Берлина и Нюренберга) // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2010. Вып. 7. С. 312-317.

10. Маркин Ю.П. Искусство Третьего рейха. М.: «РИП-холдинг», 2012. 384 с.

11. Моссе Джордж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М.: Центрполиграф, 2010. 520 с.

12. Мусатов А.А. Архитектура античной Греции и античного Рима. М.: «Архитектура-С», 2006. 144 с.

13. Пленков О.Ю. Арийская Культура. СПб.: «Нева», 2005. 480 с.

14. Featherstone Mark. Ruin Value // Journal for Cultural Research. London, 2005. Vol. 9. №3. P. 301-320.

15. Michaud Eric. National Socialist Architecture as an Acceleration of Time // Critical Inquiry. Chicago, 1993. P. 220-233.

16. Narver Jeffrey, M.S. The cultural Production of domination in Nazi Germany: Architecture as propaganda. Toronto, 1990.

17. Vierneisel Klaus. Der Königsplatz: 1812-1988. München,1988. 88 S.

Иллюстрации

Рис. 1. Дом немецкого искусства. Мюнхен (URL: https://rusnazi8814.dreamwidth.org/1969491.html дата обращения 29.10.19.)

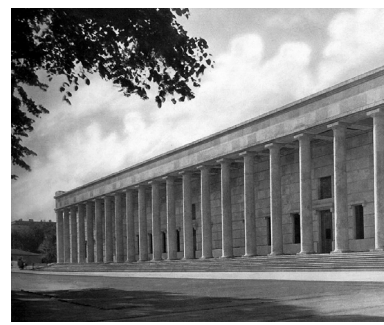

Рис. 2. Храм почета. Мюнхен (URL: https://rusnazi8814.dreamwidth.org/1969491.html дата обращения 29.10.19.)

Рис.3. Королевская площадь. Мюнхен (URL: https://realt.onliner.by/2014/10/09/hitlerkaput-3 дата обращения 29.10.19.)

Рис.4. Гауфорум. Веймар (URL: https://www.uni-weimar.de/mfa/test/gauforum.html дата обращения 29.10.19.)

Рис. 5 Главная трибуна поля Цеппелина. Нюрнберг (URL: https://giper.livejournal.com/273071.html дата обращения 29.10.19)

Рис.6 Пергамский алтарь (URL: https://sciencepop.ru/pergamskij-altar/ дата обращения 29.10.19)

Рис. 7 Германский стадион. Нюрнберг (URL: https://www.akpool.co.uk/postcards/212240-postcard-nuernberg-blick-aufs-deutsche-stadion-modell дата обращения 29.10.19)

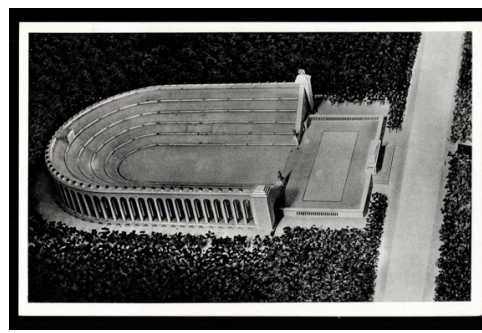

Рис. 8 Стадион Домициана (URL: http://39rim.ru/drevniy-stadion-domitsiana-na-pyatstsa-navona.html дата обращения 29.10.19)

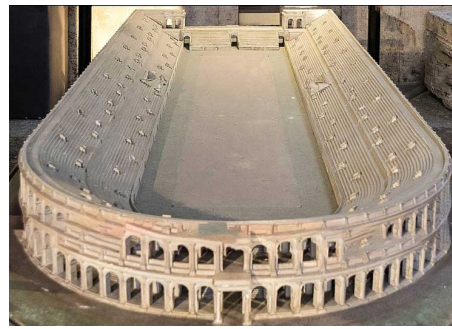

Рис.9 Макет оси: Север-Юг. Берлин (URL: https://realt.onliner.by/2013/09/20/hitlerkaput дата обращения 29.10.19)

Рис.10 Макет нового Мюнхена [5, с. 197]

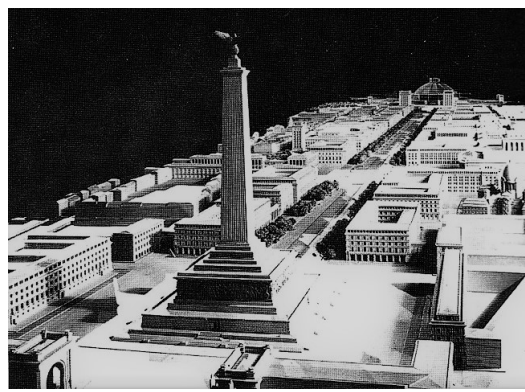

Рис.11 Макет зала народов (URL: https://realt.onliner.by/2013/09/20/hitlerkaput дата обращения 29.10.19.)

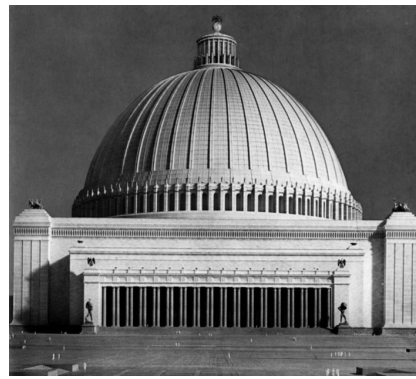

Рис.12 Набросок Гитлера. 1928 г. [5, с. 297].

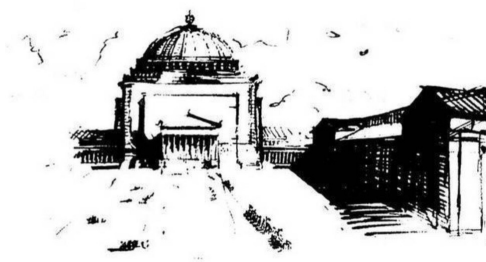

Рис. 13 Проект памятника погибшим. Днепр (URL: http://portal-militaergeschichte.de/node/1913 дата обращения 29.10.19)

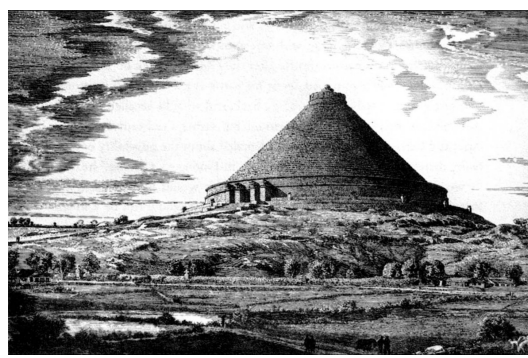
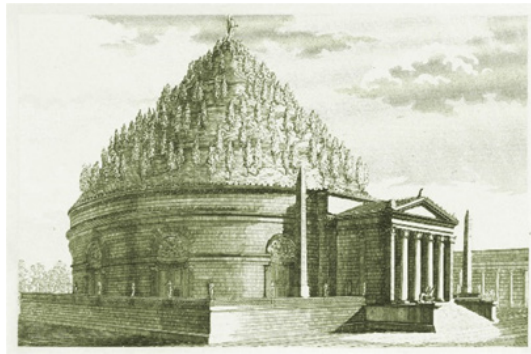

Рис. 14. Мавзолей Августа, реконструкция (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%B2%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B9_%D0%90%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0 дата обращения 29.10.19)

Икаева Марина Александровна,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Почтовая открытка как визуальный источник пропаганды суфражистского движения в Великобритании начала XX в.

Postcard as a visual source of suffragism propaganda in the United Kingdom at the beginning of the XX century

Аннотация. *Одним из важнейших достижений суфражистского движения в начале переломного XX века стало предоставление всеобщего избирательного права английским женщинам. Однако данному событию предшествует длительная борьба, одной из форм которой была репрезентация женского движения, так как образы несут информацию, эмоции, знания, ценности, воздействуя не только на сознание, но и на подсознание. Благодаря интерпретации почтовых открыток суфражисток делается вывод об успешной пропаганде женского движения в Великобритании.*

Ключевые слова: *почтовые открытки; суфражизм; Великобритания; визуальные источники; женское движение.*

Abstract. *One of the most important achievement of the suffrage movement at the beginning of the turning XX century was the universal suffrage provision for English women. However, this event was preceded by a long struggle. One of the forms was the representation of the women's movement, since the images carry information, emotions, knowledge, values, influencing not only on the consciousness, but also on the subconsciousness. Thanks to the interpretation of suffragist postcards, the conclusion is drawn, that women's movement propaganda in the UK was successful.*

Key words: *postcards; suffragism; United Kingdom; visual sources; women's movement.*

Визуальные представления о суфражистском движении начала XX века являются важным аспектом зрительного восприятия «женского вопроса». Почтовая открытка – уникальный исторический источник, так как он используется не только для передачи информации, но и в качестве средства визуального воздействия. Именно обращение к исторической имагологии позволяет расширить методологическую базу исследования. Женский социально-полити-

ческий союз под руководством Эммелин Панкхерст с апреля 1906 года активно стал использовать данную форму визуальной агитации, что привлекало внимание к вопросу о предоставлении избирательного права для женщин [4, p. 41]. Распространение суфражистских почтовых открыток оказалось верным стратегическим ходом, так как низкая себестоимость и оперативность изготовления являлись оптимальным средством для пропаганды. Следует выделить несколько типов суфражистских почтовых открыток: с изображением самих суфражисток, карикатуры, цитаты в поддержку предоставления избирательных прав женщинам. Таким образом, цель статьи – рассмотреть образ женщин, который был представлен на суфражистских почтовых открытках начала XX века. Активно распространялись и сатирические почтовые открытки, однако их цель была скорее красочно и ярко воздействовать на визуальное восприятие упрощенного патриархального уклада и борьбы с ним. Фотографии же на почтовых открытках показывали именно эмоции суфражисток, передавали информационную составляющую: как проходили демонстрации, как выглядели суфражистки, какую одежду носили и т. д. Выбор данного временного промежутка обусловлен началом активной деятельности суфражистских организаций в области печати.

Женский социально-политический союз использовал различные методы, чтобы добиться избирательных прав для женщин. Один из них – демонстрации. На почтовой открытке от 21 июня 1908 года можно увидеть на переднем плане Кристабель Панкхерст, старшую дочь Эммелин Панкхерст, и Эммелин Петик-Лоуренс, члена Женского социально-политического союза. Демонстрация проходила в Гайд-парке. Открытка показывает массовость женского движения. На голове женщин можно увидеть обязательный атрибут – шляпка, украшенная перьями и цветами. Кристабель Панкхерст осуждала либеральную тактику. Она считала, что таким образом женщины «не продвинутся вперед» [7, p.35]. Каждую демонстрацию сопровождали женский барабанный оркестр, состоящий из 24 женщин, который можно увидеть на почтовой открытке от 1909-1910 гг.

Однако многие демонстрации заканчивались арестами суфражисток. Так, на почтовой открытке от 1905 года изображен арест

суфражистки Мэри Филлипс. Ее ведут под руку двое полицейских в сопровождении шести конных полицейских. За ними наблюдает толпа мужчин. На нижней части открытки надпись: «Торопись, торопись, собирай толпу, кто сказал, что "справедливость" победит, когда "закон" приступит к работе?». С одной стороны, изображение на почтовой открытке показывает жестокость полиции, а с другой стороны женщина заявляет, что ее могут арестовать, но она не собирается быть униженной.

На почтовой открытке от 1912 года изображена суфражистка, которая в руке держит плакат «An anti-shock by James Barr». Данный бюллетень «Суфражистка» был опубликован Женским социально-политическим союзом, он касается письма Джеймса Барра, который написал уполномоченным по тюрьмам. В письме он описывает принудительное кормление Роуз Хоуи в тюрьме Уолтона, Ливерпуль в январе 1910 года [1, p.238]. До этого письма официальная позиция о насильственном кормлении заключалась в том, что это было сделано для того, чтобы спасти жизнь суфражисток, однако в письме Барр разъясняет, что Роуз Хоуи не была на грани жизни и смерти, когда ее подвергали принудительному кормлению. С 1909 года суфражистки начали голодовку в тюрьмах в знак протеста против отказа правительства предоставить им политический статус заключенного. Они были осуждены как уголовные преступники, мужчины же, которые также участвовали в суфражистских мероприятиях, получали статус политического заключенного, тем самым, получая определенные привилегии. У суфражисток была выработана тактика обходиться без еды, воды и сна, чтобы добиться освобождения. В связи с этим регулярно проводилось насильственное кормление. Этот процесс обычно приводил к разрыву вен в глазах [5, p.441]. В воспоминаниях суфражистка Ромеро писала «Вид двух огромных сгустков крови на тонком вытянутом лице, беспокойно лежащем на подушке – это воспоминание, которое напоминает ужасы войны, а я видела многих во Франции 1914-1915 гг. Сильвия сильно пострадала. Как и мать, стоявшая на коленях у ее кровати. Ее лицо было похоже на лицо распятого» [6, p.334]. Очень популярным сюжетом стал образ женщины, которую насильно заставляют есть в тюрьме, что являлось своеобразным намеком на то, что нынешнее правительство не лучше инквизиторов.

Практика раздачи газет, листовок стала частым явлением в суфражистском движении. Это доказывает изображение на почтовой открытке от 1911 года. Четыре суфражистки раздают газеты, содержащих информацию о предстоящем собрании Женского социально-политического союза, которое состоится 27 октября 1911 года. На листовке упомянуто крупными буквами имя Кристабель Панкхерст. На заднем фоне стена здания, на котором также повешены информационные листовки аналогичного содержания. Данная почтовая открытка призывает к действию суфражисток. Информация о встречах, собраниях показывает, как важна мобилизационная составляющая женского движения. Женщины в одинаковой одежде, что создает впечатление о приверженности к одной цели – получение избирательных прав.

Таким образом, для выстраивания культурного конструкта суфражистками использовались разнообразные символы женского движения: агитационные лозунги, плакаты, определенная одежда, цвета. Данное средство для визуальной пропаганды отлично демонстрирует стратегию суфражисток. Во-первых, это обвинение противника: женщины обращаются к Парламенту, как к источнику политического неравноправия. Во-вторых, образ противника был ужесточен, на первый план выходит концепция «добро-зло». В-третьих, персонификация противника: изображались и видные политики, такие как Уинстон Черчилль, и локального значения, например, Эдвард Грэй, который изначально поддерживал суфражисток, впоследствии же отрицал данное суждение.

Почтовые открытки суфражисток имели одинаковый формат – 9x14 [3, p.37]. Большую часть из них выпускала английская компания «The Potary Photo», используя фотографии Кристины Брум, первой-женщины фотографа в Великобритании [2, p.14]. О значительном общественном резонансе деятельности Женского социально-политического союза, в том числе, и распространения почтовых открыток, свидетельствует обращение прессы к данной проблеме, тем самым увеличив количество членов суфражистского движения и способствовав увеличению пожертвований женским организациям. Почтовые открытки, в основном, распространялись в пределах Альбиона, однако малая часть из них отправлялась и в США.

Сравнив изображения на почтовых открытках суфражистского движения, можно выявить, что с одной стороны, женщины изображались страдающими от несправедливости политического строя, например, в процессе насильного кормления в тюрьме, а с другой стороны, была показана мужественность и стойкость женщин, которые в конечном итоге смогли добиться избирательных прав. Почтовые открытки выступали отличным способом репрезентации женского образа. Успешность такой пропаганды движения показывает большой интерес к данным почтовым открыткам. В начале XX века они являлись популярным средством для коммуникации. А визуальная составляющая привлекала коллекционеров. Историк Фрэнк Стафф отмечал, что «детали и необычные предметы повседневной и социальной истории, которые показывают почтовые открытки, имеют неоценимую ценность для историка» [8, p.8]. Так в современном универсуме визуализация феминистского движения позволяет понять, какой хотели видеть суфражистку и как репрезентация женского движения использовалась в дальнейшей борьбе.

Список литературы

1. Aileen S. K. The Ideas of the Woman Suffrage Movement 1890-1920. New York: W. W. Norton & Company, 1971. 336 p.

2. Byatt A. Picture Postcards and Their Publishers. London: Golden Age, 1978. 390 p.

3. Crowley G. H. Tropes in Women's Suffrage Postcards. Southern Connecticut State University, 2014. 269 p.

4. Fraser J. Propaganda on the Picture Postcard // Art Journal 2. Oxford, 1980. №2. P. 39 – 47.

5. Pankhurst S. The Suffagette Movement: an Intimate Account of Persons and Ideals. London: Virago, 1977. 631 p.

6. Romero P. W. E. Sylvia Pankhurst. Portrait of a Radical. New Haven, London: Yale University Press, 1987. 334 p.

7. Rosen A. Rise Up, Women! The Militant Campaign of The Women Social and Political Union. 1903-1914. London: Routledge, 1974. 340 p.

8. Staff F. The Picture Postcard & Its Origins. London: Lutterworth Press, 1966. 96 p.

Отто Фёдор Павлович,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент

На шаг ближе к истине: перспективы изучения воспоминаний И.А. Гофштеттера о Григории Распутине

One step closer to the truth: the prospects of research of the I.A. Gofstetter's memoirs about Grigoriy Rasputin

Аннотация. *Данная работа посвящена анализу недавно изданных воспоминаний И.А. Гофштеттера о Григории Распутине с источниковедческой точки зрения. Показаны особенности, делающие этот источник уникальным, рассмотрен вопрос его достоверности, выявлены представленные в нём пласты информации. Во второй части статьи рассматриваются научные проблемы, для решения которых источник может быть привлечён.*

Ключевые слова: *Распутин; Гофштеттер; Александра Фёдоровна; тёмные силы; Николай II; история русской революции.*

Abstract*. This work is devoted to the analysis of recently published memoirs about Grigoriy Rasputin by I.A. Gofstetter from the point of source study. The specific features are shown, that make this source unique, the question of its credibility is considered, the layers of information which it contains are revealed. The second part of the article considers the scientific problems, which may require this source to be appealed to.*

Key words*: Rasputin; Hofstetter; Alexandra Fedorovna; dark forces; Nicholas II; history of the Russian revolution.*

Жизнь и деятельность Г.Е. Распутина представляет собой яркий эпизод истории царствования императора Николая II. Противоречивая фигура крестьянина-друга императорской четы стала в предреволюционные годы мощнейшим фактором антиправительственной пропаганды, настраивая против государя как элиту, так и широкие

массы населения. Учитывая обилие слухов, циркулировавших вокруг Распутина, неудивительно, что зачастую связанные с ним свидетельства современников носят полулегендарный, а исторические исследования – беллетристический характер. В этой связи изучение любых новых источников, способных пролить свет на таинственную фигуру сибирского «старца» и развеять сложившиеся вокруг неё мифы, становится актуальной задачей.

Настоящая статья посвящена опубликованным сравнительно недавно (в 2017 году) и до сих пор не введённым в научный оборот воспоминаниям дореволюционного русского публициста и религиозного мыслителя И.А. Гофштеттера о Григории Распутине. Мы постараемся показать, в чём состоит ценность воспоминаний Гофштеттера как источника, и какие исторические сюжеты могут быть освещены с их помощью.

И.А. Гофштеттер (1862-1950) не принадлежит к числу самых известных исторических деятелей дореволюционной России. Он был журналистом, чьи взгляды в разное время получали клейма от «либерального народничества» до «этического монархизма», сотрудничал в разных изданиях, среди которых – «Русское богатство» и «Новое время», был последовательным противником аграрной реформы Столыпина. После революции Гофштеттер с семьёй эмигрировал в Грецию, где и прожил всю оставшуюся жизнь в уединении, посылая статьи в разные эмигрантские издания.

Рассматриваемые в настоящей работе воспоминания [1] скорее всего были созданы И.А. Гофштеттером в конце 1930-х годов [1, с. 21], но так и не опубликованы при жизни автора, долгое время сохраняясь в машинописном виде в Греции, в архиве профессора Тахиоса А.Э. В 2017 году благодаря русской исследовательнице И.Л. Жалкиной-Василькиоти, подготовившей научное издание воспоминаний, труд Гофштеттера наконец увидел свет в России. Хотя книга воспоминаний представляет собой в целом законченное произведение с предисловием, главами и заключением, повествование достаточно разрозненно. Оно представляет собой не последовательный пересказ событий прошлого, а описание ряда отдельных эпизодов, каждый из которых заостряет внимание на определённом аспекте, личности или биографии Распутина.

Таким образом, особенностью сочинения Гофштеттера является то, что распутинский сюжет в нём занимает центральное место, а не просто иллюстрирует рассказ о предреволюционных событиях, как это имеет место во многих других мемуарах. Также в отличие от многих современников, оставивших воспоминания о Распутине (среди которых Ф.Ф. Юсупов, М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, М.В. Пуришкевич, Г.О. Шавельский и другие) И.А. Гофштеттер не был настроен по отношению к «старцу» однозначно негативно, не преследовал изначальной цели представить его как мошенника и проходимца. Не в пример вышеперечисленным критикам, как правило выносившим свои суждения на основании господствовавших слухов, автор воспоминаний знал Григория (в его петербургский период жизни) лично, причём достаточно близко: Распутин некоторое время жил на даче Гофштеттеров под Петербургом [1, с. 68]. Однако не принадлежал Гофштеттер и к числу поклонников «старца», всё время сохраняя критическое отношение к его личности и деятельности, а с 1912 года превратившись в одного из самых убеждённых его противников и опубликовав имевшую широкий резонанс статью «Тайна хлыстовщины» [1, с. 108]. Вместо голословного обличения или апологии автор воспоминаний ставит себе достаточно амбициозную задачу: представить «наиболее объективное психологическое освещение… личности Распутина» [1, с. 29], о которой прямо пишет в им же созданном для своей книги «предисловии от издателя». Насколько Гофштеттеру удалось выполнить свой замысел? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к структуре его книги.

Мы склонны выделять в ней три пласта информации. Первый содержит воспоминания о личных контактах автора с Распутиным, иногда даже цитирование прямой речи «старца». Учитывая продолжительность этих контактов и сопровождавшее их пристальное внимание Гофштеттера к личности Григория, мы можем утверждать, что вряд ли со стороны автора воспоминаний могло иметь место искажение фактов за давностью событий. И.А. Гофштеттер не играл роли в дореволюционной политике и не искал признания в эмигрантской среде, что исключает возможность использования его воспоминаний в политической борьбе и связанную с этим возможную тенденциозность. Многие из сведений, сообщаемых

автором, вполне комплиментарны Распутину, что было бы невозможно, если бы Гофштеттер (принадлежа к противникам «старца») намеренно искажал действительность, стремясь создать выгодную для защиты своей точки зрения картину. Наконец, воспоминания так и не были опубликованы, что говорит об отсутствии у автора желания «приукрасить» правду и заработать на сенсационных, «жареных» откровениях и разоблачениях, как это сделала, к примеру, дочь Распутина Матрёна, совершенно коммерческий и неправдоподобный характер мемуаров которой в настоящее время убедительно доказан [4]. Таким образом, мы склонны считать личные свидетельства автора о его контактах с Распутиным и вынесенных непосредственно из этих контактов впечатления достаточно достоверными, и по причине своей уникальности имеющими высокую научную ценность. Однако эти свидетельства охватывают в основном период до 1912 года, когда произошёл открытый разрыв Гофштеттера со «старцем», после которого их встречи стали носить редкий, случайный и эпизодический характер.

Второй из упомянутых выше пластов – это сведения о Распутине, которые автор не мог проверить лично, но которые счёл необходимым включить в свою книгу для полноты описания. Сюда относятся свидетельства об исключительном влиянии Распутина на государственные дела, о полном доверии к нему императора, а также о безнравственном поведении Григория в последние годы его жизни. Здесь Гофштеттер вынужден опираться на слухи и на развернувшуюся в общественных и политических кругах антираспутинскую кампанию; эта часть мемуаров, таким образом, содержит общеизвестные и как правило недостоверные либо преувеличенные сведения, и мало что может дать исследователю.

Третий информационный пласт, содержащийся в воспоминаниях – это уже не факты, а попытки их интерпретации. Гофштеттер пытается теоретически осмыслить феномен Распутина, облекая в литературную форму свои историософские заключения: «Какой же смысл этой странной судьбы? Не был ли он чёрным вестником гибели самодержавия, отошедшего от своих исторических корней, забывшего о своих великих заветах?» [1, с. 127]. Подобных рассуждений много в тексте воспоминаний. Их справедливость и ценность

для исследователя должна быть определена им самим, в зависимости от его подхода к проблеме и поставленных им задач. Мы лишь отметим, что подчас умозаключения Гофштеттера носят довольно странный характер: так, моральное падение Распутина он связывает с отказом последнего бороться с аграрной политикой Столыпина, а значительную долю обаяния «старца» объясняет гипнозом, магнетизмом и магией, «быть может, усвоенными… от магов и чародеев полного тайн Востока» [1, с. 86].

Таким образом, только часть сообщаемых автором сведений представляет собой действительно новые и уникальные свидетельства, способные скорректировать и дополнить существующие представления о Григории Распутине. Тем не менее воспоминания И.А. Гофштеттера остаются ценным источником, особенно полезным при освещении некоторых сюжетов биографии Распутина, до настоящего времени остающихся не вполне ясными.

Среди таких сюжетов биография Григория, о которой автор воспоминаний говорит непосредственно со слов «старца». Хотя эта сторона его жизни более или менее изучена, свидетельства Гофштеттера [1, с. 76] могут подтвердить те или иные сведения, опровергая присущие литературе о Распутине инсинуации (вроде тех, что присутствуют в мемуарах князя Юсупова [5, с. 169]), а также показать, в каком свете сам Григорий стремился представить свою жизнь людям, в чьём внимании он был заинтересован.

Другой важный сюжет – искренность и набожность Распутина. Был ли Григорий искренно верующим человеком, «искателем правды Христовой», или же вся его религиозность – лишь спектакль, призванный впечатлить окружающих? Многие современники склонялись к первой точке зрения. Среди них например В.Н. Коковцов, который писал в своих воспоминаниях: «По-моему Распутин типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад простеца и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту» [2, с. 33]. Однако И.А. Гофштеттер решительно опровергает такой взгляд: он приводит разнообразные подтверждения личной набожности Распутина. В частности, ночевавший в одной комнате с Григорием автор воспоминаний неоднократно становился свидетелем пламенной ночной молитвы «старца» [1, с. 68],

то есть уединённого религиозного действия, не предполагавшего никакой игры на публику. Основываясь на мемуарах Гофштеттера мы можем совершенно уверенно утверждать, что по крайней мере до 1912 года Распутин был искренне верующим человеком.

Вместе с обвинениями в ханжестве Гофштеттер опровергает также и обвинения в исключительной половой распущенности Григория – опять-таки основываясь на многочисленных личных наблюдениях и общении с Распутиным [1, с. 64]. Хотя автор допускает, что со временем популярность и заискивание многочисленных клиентов могли оказать разлагающее действие на нравственность Григория, о времени своего с ним общения он свидетельствует решительно: «…несмотря на всю близость соприкосновения, ни я, ни моя семья не заметили в отношениях Распутина с окружавшими его женщинами ни малейшего признака какой-либо непристойности» [1, с. 37]. Последнее между прочим становится мощным аргументом против концепций некоторых современных исследователей, стремящихся на основании совмещения истории и психиатрии представить Распутина как полового психопата [3].

Отвергая представления о «половом магнетизме» Григория, Гофштеттер даёт свою видение причин влияния Распутина на людей. Опираясь на опыт общения как с самим «старцем», так и с его поклонниками (в числе которых был, например, коллега Гофштеттера литератор и публицист С.Д. Сазонов), автор называет редкую образность речи, силу религиозного чувства и несвойственную петербургскому высшему свету простоту обращения среди тех причин, которые принесли Григорию популярность в начальный период его пребывания в столице [1, с. 53]. Текст воспоминаний содержит примеры впечатления, производимого простыми, но искренними словами Распутина не только на своих слабонервных поклонниц, но и на вполне взрослых и даже религиозно образованных людей [1, с. 85]. Эта информация может быть особенно полезна биографам императрицы Александры Фёдоровны, желающим лучше понять её отношение к «старцу».

Наконец, воспоминания проливают свет на вопрос о влиянии Распутина на государственные дела. Выступая против аграрной политики Столыпина, И.А. Гофштеттер, в то время очень дружный

с Григорием, пытается с помощью этого «всесильного фаворита» добиться отмены преобразований. Несмотря на полную солидарность [1, с. 62] Распутина с автором воспоминаний, из этого плана ожидаемо ничего не вышло. Безуспешные попытки Гофштеттера, пользуясь влиянием Григория, воспрепятствовать проведению столыпинских реформ [1, с. 90] могут стать очередным ярким свидетельством отсутствия у Распутина сколько-нибудь существенного влияния на решения Государя.

Таким образом, недавно опубликованные воспоминания И.А. Гофштеттера могут сыграть существенную роль в изучении Распутина как личности и как исторического феномена. Несмотря на малый объём, воспоминания затрагивают многие волнующие современных исследователей вопросы (среди которых биография Распутина, его моральный облик, влияние на государственные дела и другие), а уникальный характер некоторых сведений и особый подход автора к их изложению и интерпретации выделяет этот источник на фоне прочих свидетельств современников о загадочном сибирском страннике.

Список литературы

1. Гофштеттер И.А. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории: (по личным воспоминаниям). М.: Кучково поле, 2017. 158 с.

2. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903-1919 гг.: в 2 кн. М.: Наука, 1992.

3. Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2003. 465 с.

4. Рогов В.А. О лживых источниках и ложных выводах. М.: МГИУ, 2004. 53 с.

5. Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М.: ЗАХАРОВ, 2003. 426 с.

Шумяков Рауф Артурович,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Рачковский Валерий Александрович, кандидат исторических наук, доцент

Негативный образ Л.Д. Троцкого на страницах социалистических газет Петрограда в мае – июне 1917 г.

Negative image of Leon Trotsky on the pages of socialist press in Petrograd, May – June 1917

Аннотация. *В статье на основании критических публикаций петроградских газет умеренных социалистов рассматривается образ Л.Д. Троцкого в мае – июне 1917 г. В это время шел активный процесс складывания культа «вождя революции». Составные элементы формирующегося культа отражает и предлагаемый прессой негативный образ Троцкого.*

Ключевые слова: *Троцкий; периодическая печать; политическая культура; «вождь революции»; «борец за свободу»; политическая борьба.*

Abstract*. The article, based on critical publications of Petrograd' newspapers of moderate socialists, studies Trotsky's image at the period May – June 1917. That time cult of a "leader of a revolution" was formed. Components of cult were reflected in a negative image of Trotsky.*

Key words*: Trotsky; periodicals; political culture; "leader of a revolution"; "fighter for freedom"; political struggle.*

Революция 1917 г., приведшая к падению монархического режима, ознаменована ожесточенной борьбой за власть. Одним из «фронтов» этой борьбы являлась периодическая печать, роль которой в условиях ликвидации цензурных ограничений и широкой востребованности печатного слова многократно возросла. Стремление привлечь читателя к собственной политической позиции приводило к соответствующей подаче материала на страницах прессы – положительное освещение одних событий и нивелирующее – других.

Особую роль в борьбе за власть играл авторитет лидеров – революционное время отмечено складыванием образа «вождя», мно-

го более понятного и притягательного, нежели программы партий. С этой точки зрения целесообразно рассмотреть образ Л.Д. Троцкого в петроградской прессе умеренных социалистов («Воля народа», «Рабочая газета», «День», «Единство») на предмет отражения ключевых атрибутов образа «вождя» в мае – июне 1917 г.[1]

Для начала следует дать определение понятию «образ» и очертить составные элементы образа «вождя», сформировавшиеся в указанный период. «Образы» – обладающие некоторой семантической общностью комплексы характеристик вождя, которые давались ему в разных текстах и изображениях. Комплексы эти в революционном 1917-м складывались особенно интенсивно вокруг личности А.Ф. Керенского [5, с. 15].

Можно выделить следующие элементы, составляющие этот культ. Это: 1) особая связь (любовь) вождя и народа; 2) дар предсказания, созерцания будущего; 3) приверженность социализму; 4) преданность революции; 5) включенность в число «борцов за свободу»[2].

Критические публикации в газетах «Воля народа», «Рабочая газета», «День», «Единство», острием направленные против Л.Д. Троцкого, не только имеют целью дискредитировать политика в глазах читателя, но, возможно имплицитно, – отражают указанные элементы формирующегося культа. Иными словами, даже в негативных образах можно обнаружить культурные формы, характерные для прославления «вождя революции», – с той лишь разницей, что эти культурные формы подаются в отрицательном ключе[3]. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о существовании авторитарной политической культуры.

---

[1]Важнейшие элементы политического культа революционного вождя оформлялись именно в этот период.

[2]При этом Б.И. Колоницкий строго не выделяет число этих составных частей, поскольку их было множество – культ революционного вождя находился в стадии формирования. Отмеченные элементы прослеживаются на материале популярных биографий А.Ф. Керенского, опубликованных в 1917 г.

[3]Тогда как в случае А.Ф. Керенского – в положительном, т.е. перечисленные составляющие культа находят свое подтверждение в его образе.

Теперь следует обратиться к рассмотрению образов Л.Д. Троцкого в указанных газетах.

«Воля народа», орган правых эсеров, вела критику Троцкого и интернационалистов вообще на почве отношения к войне и, в связи с этим, к союзникам. Так, в статье «Непомнящие…» С. Ан–ский (С.А. Раппопорт) напоминал всем, «которые через каждые два слова упоминают про “Интернационал”», заслуги Англии и Франции перед поколениями русских революционеров: те получали в указанных странах приют, многие обретали вторую родину и т.д. Это «братское отношение» не идет ни в какое сравнение с политикой Германии. В данном ключе упоминается инцидент с Троцким, когда в Дрездене тому пришлось бежать из окна собственной квартиры во избежание ареста [1, № 22].

В ряде последующих статей развитие получает мысль, что «безумные писания и речи Троцких, Лениных, Камковых, Натансонов, Мстиславских и иных “интернационалистов” против союзников» [1, № 32] на руку германскому генеральному штабу, поскольку разлагают военные силы русской революции и ведут к сепаратному миру [1, № 28, 31, 32][1]. В отношении отдельно Л.Д. Троцкого указанная мысль раскрыта в статье «Дурные пастыри».

В то время, когда Россия «катится в пропасть экономического краха», а «перед революцией разверзается пропасть», находятся люди, «продолжающие с упорством фанатиков гнаться за беспочвенными иллюзиями догматических хитростей». «Кронштадтский герой» Троцкий, согласно трактовке речи того 2-го июня корреспондентом, «рекомендует не сопротивляться немцам, покориться воле Гинденбурга и Вильгельма», а значит, «потворствовать распаду и развалу Российской революции». Это, по его мнению, приведет к европейской революции. Но, как отмечено в статье, «полетам фантазии кронштадтских героев» положен предел, поскольку идея перманентной революции, которую вновь проповедует Троцкий, показала свою несостоятельность еще в 1905 г. «Жизнь жестоко посмеялась тогда над бедным утопистом». В заключении же отмеча-

[1]Всего в мае-июне было опубликовано 5 статей, затрагивающих Л.Д. Троцкого.

ется неуспех Троцкого в попытках создать «нечто глубоко теоретическое» (у того, согласно статье, было «горячее желание» это сделать) [1, № 31].

«Единство», газета сторонников одноименной группы во главе с Г.В. Плехановым, для пропагандистских атак избирает примитивное понимание марксизма со стороны Троцкого. Как замечает в статье «Из психологии максимализма» К. Фельдман, «недаром же Троцкий так силен по части утопического социализма». Разбирая речь революционера 5-го июня на Съезде Советов, корреспондент «Единства» отказывает тому в оригинальности. Мысль об организации производства профсоюзами, о чем упоминалось в выступлении Троцкого, после публикации брошюры К. Каутского «истаскана <…> во многих и многих статьях». Но если Каутский, говоря о социальной революции, предполагал исчезновение классового характера современного государства, то Троцкий этого не учитывает. Опираться же только на рабочий класс невозможно. В итоге «уродливый максимализм в одеждах ублюдочного марксизма снова старается задушить русскую революцию». Пролетариат, однако, не будет вновь обманут подобными «знахарями» и поддержит Временное правительство [3, № 59][1].

Плохое усвоение марксисткой теории стало стержневой идеей критических публикаций и органа меньшевиков – «Рабочей газеты». В статьях, затрагивающих Л.Д. Троцкого, разворачивается картина «анархистской демагогии» «идеологов новейшего максимализма», «ленинцев». «Догматика и нетерпимость», «хлестаковская “необыкновенная легкость в мыслях”» Троцкого и ему подобных растлевают рабочие массы, сбивают их с толку, когда необходима организация, повышение их культурного, умственного и нравственного уровня [4, № 61, 68, 69, 73, 78][2].

Для иллюстрации возьмем статью Ив. Кубикова (И.Н. Дементьева) «Партийное сектантство». Публикация открывается заявлением

[1]«Единство» поместило за рассматриваемый период 2 материала с критикой.

[2]Всего 7 критических публикаций, не считая отдельных, мимоходом брошенных оценок в отчетах и обзорных статьях, за период май-июнь.

о борьбе двух начал – реалистического и романтического – в истории российской социал-демократической партии. Романтическое начало (под которым подразумеваются, очевидно, большевики и близкие к ним) отличается переоценкой силы и степени зрелости рабочего класса.

Затрагивая начальный период истории партии, автор затем останавливается на характеристике «партийного вождя». Для правильного учета соотношения борющихся сил тому необходимо, помимо прочтения десятков книжек, действительное знание русской жизни или «обладание такою творческою мыслью, которая заставляет быть осторожным и не таким скороспелым в выводах». Ни того, ни другого, констатируется далее, нет у большинства «этих “максималистов”».

Обращаясь затем к заявлениям Ленина, Луначарского, Троцкого, корреспондент приходит к заключению, что «Троцкие и Луначарские подготовляют почву анархизму». Кроме того, особенно вредным видится «исключительная нетерпимость к своим идейным противникам» и отсутствие уважения к противнику, о чем говорит речь Троцкого в Петросовете 13 мая[1], «полная безответственность за свои слова» [4, № 68].

Орган правых меньшевиков «День» в целом подошел к оценке личности Л.Д. Троцкого с аналогичных позиций – тот выступает догматиком, доктринером, оторванным от действительности. Стоит в то же время отметить более резкие формулировки при сравнительно большем количестве статей [2, № 53, 57, 60, 65, 67, 76, 79, 80, 87][2].

Другой особенностью публикаций «Дня» следует считать раскрытие «максимализма» революционера в несколько ином ракурсе – акцентируется внимание на непонимании и незнании им и его сторонниками русской революции вследствие длительного пребывания в эмиграции. Заданным это положение стало в первой же публикации по возвращении того – «С корабля – на бал?». В ней

[1] В речи Троцкий демонстративно называл министров-социалистов И.Г. Церетели и М.И. Скобелева не «товарищами», а «гражданами».

[2] В «Дне» было помещено 11 статей, своим острием направленных против Троцкого и «максималистов», а также журнала межрайонцев «Вперед».

Д. Заславский, реагируя на отрицание Троцким коалиционного правительства в речи 5 мая, задается вопросом, что тот «знает о революции, об условиях, в которых происходил кризис последних дней». И далее отвечает: «По совести – ничего не знает и знать не может». Незнание, как следует из мысли автора статьи, коренится в нежелании «хотя бы сутки» уделить знакомству с русской революцией «собственными глазами» – ведь «Петроград, это не вся Россия и Финляндский вокзал – это не весь Петроград». Троцкий же «со всей убежденностью» «нанес удар в спину ближайшему другу своему» – М.И. Скобелеву и всем социалистам, «вступившим в министерство спасения России» [2, № 53].

Основные положения критических публикаций касательно Л.Д. Троцкого позволяют сделать читателю ряд выводов. Во-первых, Троцкий не понимает русской жизни, вследствие долгого пребывания в эмиграции, доктринерства. Логическое продолжение этого умозаключения – отсутствие связи политика с народом. Во-вторых, марксизм и социализм, привлекательные для широкой читательской аудитории вывески, усвоены Троцким догматически и половинчато. Социалистический идеал, следовательно, при «вожде» Троцком недостижим.

Затем, Л.Д. Троцкий несостоятелен как теоретик: теория перманентной революции показала свою неосуществимость, оторванность от реальности еще в 1905 г., но тот продолжает эту теорию пропагандировать. Прозорливость, предсказание будущего, значит, для Троцкого не характерны. Между тем, удивительный дар предсказания, «нервная чуткость к политическим событиям, доходящая до предвидения их»[1] – свойство уникального вождя, важный элемент его авторитета.

Наконец, незнание интересов России и русской революции проявляются в агитации против империалистической войны, за европейскую революцию, что выгодно Германии, ведет к сепаратному миру и развалу фронта («Воля народа», «День»); расколе единого фронта демократии («День», «Рабочая газета»); растлении неопыт-

[1]Так описывал А.Ф. Керенского один из первых его биографов – В.В. Кирьяков [5, с. 35].

ного пролетариата («Единство», «День», «Рабочая газета»). Это свидетельствует о чуждости Троцкого русской революции, деятельность его ведет к гибели молодой русской свободы.

Негативный образ, нарисованный рассмотренными газетами, создает возможность для отрицания Л.Д. Троцкого в качестве потенциального «вождя революции», несостоятельности домогательств со стороны политика на эту роль.

Нужно, однако, отметить, что положение «борца за свободу», последний (из указанных выше) необходимый атрибут культа «вождя», не подвергается прямому оспариванию. Подразумевать в анализируемой критике оспаривание включенности Троцкого в число «борцов за свободу» – возможно лишь на основании косвенных данных[1].

Таким образом, образ Л.Д. Троцкого, предложенный газетами умеренных социалистов, является зеркалом происходящих в период русской революции трансформаций в области политической культуры. Этот образ отражает складывание культа «вождя революции». При этом следует отметить, что, несмотря на презентацию Л.Д. Троцкого в негативном ключе, составные элементы культа «вождя» остаются стабильны – они лишь подаются со знаком минус, тогда как в образе А.Ф. Керенского – со знаком плюс. Само же внимание к проблеме вождя можно рассматривать как свидетельство существования в 1917 г. авторитарной политической культуры.

Список литературы

1. Воля народа. Пг., 1917.

2. День. Пг., 1917.

3. Единство. Пг., 1917.

4. Рабочая газета. Пг., 1917.

5. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народов» (март – июнь 1917 года). М.: Новое лит. обозрение, 2017. 520 с.

[1]Таковыми данными служат, в частности, акцентирование внимания на длительном периоде эмиграции и партийном, фракционном партикуляризме (то, что оппоненты называли партийным «сектантством» и «раскольничеством»), что можно подать как все содержание предреволюционной биографии Троцкого.

Богданчикова Елизавета Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор

Описание явления тунеядства в советской юридической литературе 1960-х гг.

Description of the parameters phenomenon in the soviet legal literature of 1960's

Аннотация. *В статье исследуется описание феномена тунеядства в юридической литературе 1960-х гг., сравниваются подходы советских правоведов к вопросу определения «антиобщественный образ жизни». Кроме того, в статье систематизированы юридические пособия, касающихся вопросов социального паразитизма и проанализирована эволюция представлений о тунеядцах как о правонарушителях на материале советской юридической литературе первой половины 1960-х гг.*

Ключевые слова: *паразитический образ жизни; тунеядство; советская юридическая литература; антиобщественное поведение; полезный труд.*

Abstract*. The article examines the description of the parasitism phenomenon in the legal literature of the 1960s, compares the approaches of Soviet jurists to the issue of determining the " antisociallifestyle". In addition, the article systematizes legal manuals on issues of social parasitism and analyzes the evolution of ideas about parasites as offenders based on material from Soviet legal literature of the first half of the 1960s.*

Key words*: parasitic way of life; antisocial behavior; parasitism; soviet legal literature; useful work.*

Принятие Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» влекло за собой создание нового правового поля, требовало идеологического обоснования сразу в культурной, экономической и юридической сферах. Как следствие, появляется много брошюр, методических пособий, криминологических исследований, статей

в журналах «Правоведение», «Социалистическая законность», «Советское государство и право», главной целью которых было конкретизировать и распространять понятия «тунеядство» и «антиобщественный паразитический образ жизни» в контексте условий общества, строящего коммунизм, а также повысить уровень знаний граждан в области проявлений социального паразитизма и его преступных последствий.

Юридическую литературу, посвященную проблемам антиобщественного образа жизни можно условно разделить на два вида: пособия для широких кругов населения и издания, предназначавшиеся для работников милиции и студентов юридических факультетов. В таких брошюрах и пособиях дается подробное описание как самого феномена тунеядства, его причин и условий, так и обобщенный портрет типичного тунеядца, классификация лиц, ведущих паразитический образ жизни.

На общественность возлагались большие надежды по борьбе с тунеядцами и другими маргинальными элементами. Надежды выражались в экстенсивном творчестве советских правоведов, например, в многочисленных статьях в журнале «Социалистическая законность». В них приводятся примеры, когда на собраниях после гневных выступлений трудящихся лодыри и тунеядцы раскаивались, обещали исправиться и честно работать [4], лица переданные на поруки, исправлялись и становились примерами на работе и в быту [5]. Заметки носили, как правило, литературный, торжественно манифестационный характер и подготавливали общественность воспринимать более серьезную юридическую литературу.

В частности, на страницах журнала создается положительный образ народных дружинников села ГРЭС в Ростовской области, которые оперативно, не прибегая к помощи милиции раскрывают преступления, проводят среди населения профилактические работы («Они работают хорошо») [2, с. 75], образцом чуткости и справедливости становится председатель товарищеского суда сельскохозяйственной артели им. Фрунзе Екатерина Ефимовна, которая приобщает людей к труду с помощью профилактических бесед («Наша Екатерина Ефимовна») [3, с. 77]. Подчеркивая, что товарищеские суды, собрания общественности – это довольно жизнеспособный

механизм для борьбы с девиациями, в том числе паразитическими, правоведы показывают, как этот механизм может трансформироваться в институт общественных помощников прокуратуры, такая практика была введена, например, в Осинском районе Пермской области [6, с. 49].

Параллельно образы врагов-тунеядцев возникали и на страницах «Крокодила» в рубрике «о тех, кто не работает, но ест», где их очень агрессивно критиковали. Таким образом, в начале 1960-х гг. создалось социально-культурное пространство, в котором не работающий либо работающий на себя человек воспринимался как аномалия. Возникала потребность в литературе, написанной юристами и правоведами, общественность должна была понимать не только, кто такие тунеядцы, но и как бороться с ними в правовом поле, как их можно классифицировать и какие санкции к ним необходимо применить.

Необходимо сразу подчеркнуть, что в официальном законодательстве изучаемого нами периода (1960-х–1970-х гг.) термин «тунеядец» не использовался, вместо него существовала следующая формулировка: «антиобщественный паразитический образ жизни», соответственно лиц, ведущих такой образ жизни, в законодательных актах того времени характеризовали как «антиобщественные паразитические элементы». Однако «тунеядство», «бездельник», «паразит» становятся довольно жизнеспособными уголовно-правовыми понятиями, которые широко вошли в лексикон журналистов, юристов, пропагандистов советского периода.

Среди первых пособий, посвященных проблемам тунеядства, необходимо назвать пособие Ю.А. Лукьянова «Гримасы прошлого». Оно особенно интересно как образец описания явления тунеядства в юридической литературе сразу после опубликования Указа «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Для изучения проблемы эволюции понятия тунеядства показательны сразу несколько очерков, а именно очерки «Трясина», «Бизнесмены», «Непойманные воры», «Люди с красной повязкой». Лукьянов отмечает, что тунеядцы многолики [9, с. 7], поэтому бороться с ними не так просто, как может сначала показаться, в книге

можно заметить типологию тунеядцев, но пока еще очень условную, каждая из названных заметок характеризует определенные типажи тунеядцев, это может быть пьянство, незаконная индивидуальная трудовая деятельность, спекуляция, отсутствие постоянного места работа или учебы. Лукьянов приводит позитивные примеры практик общественного воздействия на тунеядцев. Например, в очерке «Трясина» описывается образ жизни молодой работницы завода «Красный треугольник», Марины А., классического тунеядца, не желающего добросовестно работать и имеющего немало дисциплинарных проступков [9, с. 26]. На судьбу Марины А. повлияли простые граждане: общественный приговор товарищеского суда способствовал изменению образа жизни тунеядки, она смогла выйти из-под влияния дурной компании и адаптироваться в трудовом коллективе. Описываются не только такие классические тунеядцы, но и тунеядцы, которые могут представлять опасность для жизни советских и иностранных граждан, к таковым относятся фарцовщики, спекулянты, порой они очень агрессивно настроены и даже способны нанести серьезные травмы [9, с. 12].

Лукьянов обращает внимание читателей на то, что тунеядцем может быть человек, не только нигде не работающий, но и работающий недобросовестно или имеющий незаконные доходы, эти люди также являются тунеядцами, просто они ловко прячутся за «гримасами прошлого Проанализировав эту брошюру, можно прийти к выводу, что уже в начале 1960-х гг., несмотря на некоторые трудности, связанные с классификацией тунеядцев, в массовом сознании все же постепенно сформировался устойчивый перечень социальных аномалий или антигероев, которых причисляли к кругу лиц, ведущих паразитический образ жизни к лицам, ведущим паразитический образ жизни как к элементам чужеродным и социально неприемлемым.

Следующее пособие, которое необходимо рассмотреть для характеристики научно-популярной юридической литературы по вопросу тунеядства, – это пособие А.С. Шляпочникова «Тунеядство к ответу». Яркой особенностью брошюры является то, что автор в введении активно акцентирует внимание на том, что именно В.И. Ленин был инициатором и вдохновителем борьбы с тунеядствами и хулиганами, однако система надзора и контроля за таки-

ми маргинальными элементами в дальнейшем не прижилась из-за грубых ошибок в период культа личности Сталина [12, с. 8]. Здесь присутствует влияние XX съезда КПСС, Шляпочников подчеркивает, что решение ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1962 г. способствовало возврату к ленинской системе контроля, одной из задач которой является организованная борьба с тунеядством [12, с. 8].

Правовед пишет, что тунеядец не только тот, кто вообще не желает работать, но и тот, кто хочет хорошо жить, но плохо трудится [12, с. 13]. Автор так же, как и Лукьянов, указывает читателю на многоликость тунеядца, посвящая этому аспекту целый раздел («Тунеядец многолик»), однако здесь уже прослеживается более четкая дифференциация типов тунеядцев. Так, автор выделяет следующие категории:

1) Тунеядцы, которые либо нигде не работают, либо работают урывками, живут на иждивении близких либо за счет каких-то подачек. К ним можно отнести фарцовщиков, сектантов.

2) Тунеядцы, занимающиеся частным предпринимательством, при этом работающие лишь для видимой законности своего источника доходов. К ним относят также летунов, бракоделов и прогульщиков.

3) Тунеядцы, совершающие корыстные преступления, такие как взяточничество, грабеж, самогоноварение. Это злостные тунеядцы, которых уже судят по нормам Уголовного Кодекса, применяя соответствующие статьи [12, с. 30].

Кроме вышеизложенной классификации Шляпочников перечисляет организационно-политические мероприятия по выявлению лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда. Так, первоочередной мерой, по мнению автора, является взятие людей, ведущих паразитический образ жизни, под контроль партийными, советскими, комсомольскими и профсоюзными организациями [12, с. 31]. Кроме этих организаций не должны оставаться безучастными и такие добровольные организации как народные дружины, товарищеские суды, домовые, уличные и родительские комитеты [12, с. 30].

Анализируя это брошюру, можно увидеть, что в обществе в начале 1960-х гг. доминирует точка зрения о необходимости общественного воздействия на тунеядцев в противовес уголовно-карательной

системе государства. Шляпочников точно так же, как и Лукьянов, подтверждает примерами реальность механизмов общественного давления на паразитов, эффективность этих мер. Однако известны и случаи, когда таких мер было недостаточно. Так, юрист в книге описывает следующий эпизод рассмотрения на одном из московских заводов районным народным судом дела гражданина Д, привлеченного по указу от 4 мая 1961 г. Суд постановил выселить гражданина Д. как тунеядца сроком на 5 лет с конфискацией имущества, оцененного в 73 тыс. рублей. Однако неравнодушная группа рабочих этого завода была против такого судебного решения, посчитав Д. злостным тунеядцем, которого невозможно перевоспитать с помощью мер общественности, обратилась с письмом в верховные органы власти с просьбой судить Д. не как тунеядца, а как особо опасного преступника.

Ценным замечанием в брошюре «Тунеядцев к ответу» является то, что автор призывает к каждому случаю подходить индивидуально, так, например, нельзя относить к тунеядцам или социальным паразитам людей не работающих, но занятых полезной работой в семье, таковыми могли быть матери в декретном отпуске или люди, ухаживающие за больными родителями. Чтобы не допускать судебных ошибок, юрист Шляпочников считает необходимым тщательную проверку материалов по делам тунеядцев, неформалистский подход к каждому конкретному делу [12, с. 28]. Это замечание особенно ценно, так как иллюстрирует, что некоторая часть людей в советском обществе использовала несовершенства и противоречия Указа Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», отсутствие должного опыта в административных структурах по этому вопросу для собственной выгоды. Так, например, известны случаи, когда люди, находившиеся на больничном или имевшие инвалидность, выселялись как тунеядцы из-за клеветы соседей, которые были заинтересованы получить лишние квадратные метры. Такие случаи не были редкостью, о них печатали в «Известиях» [12, с. 30].

Подробное описание личности тунеядца, его отличительно признакам мы можем найти в пособиях Евдокимова и Щедриной, эти

пособия можно отнести к профессиональной юридической литературе и предназначены они скорее для работников милиции и учащихся юридических ВУЗов.

П.К. Евдокимов в брошюре «Ответственность лиц, ведущих паразитический образ жизни» очень эмоционально описывает явление тунеядства в советском обществе. Он называет тунеядцев дезертирами из рядов строителей коммунизма. Тунеядец, по мнению Евдокимова, может быть деятельной личностью, но деятельной только в целях собственной наживы [7, с. 8]. Смысл жизни социальных паразитов в безделии, красивой жизни, быстрых деньгах, это связано с их узким духовным миром, зачастую паразиты – это алкоголики и хулиганы, подчеркивает автор [7, с. 8]. Евдокимов пишет, что антиобщественным образом жизни можно считать лишь тот образ жизни, который ведется длительное время, в противном случае его нельзя определять, как правонарушение [7, с. 8]. Далее правовед классифицирует некоторые формы тунеядства, но такая классификация даже при первом рассмотрении представляется ошибочной, так как критерием для разделения видов тунеядцев выбраны виды ответственности - уголовная и административная, а это уже неверно. Необходимо учитывать контекст периода 1960-х гг., тогда еще в Уголовном Кодексе не была введена статья за тунеядство, конечно, это не исключает возможность наказания злостных тунеядцев, но уже за проступки, предусмотренные соответствующими статьями Уголовных Кодексов союзных республик.

Евдокимов различает две формы тунеядства: уголовно наказуемое и влекущее административную ответственность. К тунеядству, уголовно наказуемому, по мнению автора, можно отнести такой образ жизни, который выражается в открытом и полном уклонении от общественно полезной работы. Например, житель деревни Липнишки Ошмянского района И.Ч, являясь здоровым молодым человеком, пьянствовал и жил за счет жены и подачек родителей, за что был приговорен к одному году лишения свободы [7, с. 8]. Такое решение суда шло вразрез с нормами Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», согласно которому лица, ведущие

паразитический образ жизни, могли быть подвергнуты только административным мерам воздействия, самой серьезной из которых было выселение сроком на 5 лет.

Далее Евдокимов пишет, что открытыми тунеядцами являются, например, так называемые тунеядцы-летуны, таковым являлся работник завода «ударник» А. З, который систематически прогуливал и небрежно относился к своей работе [7, с. 12]. По мнению Евдокимова, к таким тунеядцам применяют административные меры воздействия. Однако, ранее было выяснено, что официально прогульщики и недисциплинированные работники не могли считаться тунеядцами, так как имели фактическое место работы и периодически исполняли трудовые обязанности.

Кроме летунов к открытым паразитам автор относит и праздношатающихся стиляг, они прожигают свою жизнь в ресторанах, на танцплощадках, нигде не учатся и не работают, а на жизнь добывают деньги легкими путями типа фарцы или перепродажи имущества. Такие тунеядцы могут быть привлечены и уголовно, и административно. Однако Евдокимов уверен, что в силу их молодого возраста на них в первую очередь нужно воздействовать с помощью общественного мнения.

Таким образом, проанализировав пособие Евдокимова, можно сделать вывод, что в изданиях такого рода иногда допускались грубые ошибки, несмотря на то, что они могли быть написаны профессиональными юристами и правоведами. Это обусловлено несколькими факторами: во-первых, на начальных этапах разработки законодательства по борьбе с антиобщественными элементами велось много дискуссий по поводу того, кого признавать лицом, ведущим паразитический образ жизни. Параллельно законопроекты, ещё не имевшие юридическую силу, уже публиковались в газетах различного уровня, в том числе и «Известиях», это вводило многих в заблуждение. Основным фактором, повлиявшим на ошибки в некоторых пособиях было то, что в юридической литературе 1960-х гг. существовало несколько точек зрения на природу административных проступках и их санкций. Эти точки в связи с Указом 4 мая 1961 г. упоминаются впервые в брошюре Клюшниченко «Административно-правовая борьба с тунеядством».

В пособии А.К. Щедриной «Борьба с тунеядцами» виден очень детальный подход к применению самого Указа от 4 мая 1961 г. В этом пособии рамки понятия «тунеядец» уже строго определены. Щедрина отмечает, что согласно Указу, тунеядцем признается лишь то лицо, которое нигде не работает, совершает антиобщественные поступки, позволяющие вести антиобщественный образ жизни. Иллюстрируя тезис, правовед приводит в пример дело некой гражданки А., рассматриваемое в одном из народных судов Свердловской области. Гражданка вела аморальный образ жизни и прогуливала работу, однако суд не стал применять в отношении нее нормы Указа от 4 мая 1961 г. В этом случае это необоснованно, так как гражданка А. все же имела место работы и ее поведение связано с дисциплинарными проступками [11, с. 5].

Здесь необходимо сравнить подход Щедриной и Шляпочникова, который считал, что к тунеядцам можно относить бракоделов и прогульщиков. Классификация Щедриной представляется более верной, однако также не исключает многоликость тунеядца. Так, правовед пишет, что тунеядцем может быть и изобретательный предприниматель, использующий гараж в качестве частного общежития для курсантов, и глава религиозной секты, выбравший такой вид деятельности для уклонения от общественно полезного труда и извлечения большего дохода по сравнению с доходом рядового советского гражданина [11, с. 6].

Юрист предупреждает, что, применяя Указ от 4 мая 1961 г., необходимо различать лиц трудоспособных и лиц с инвалидностью или ограниченной трудоспособностью. Она пишет об эпизодах, когда выселяли нигде не работающих матерей, хотя это незаконно, кроме тех лиц, которые имея детей, ведут аморальный образ жизни и нигде не работают, их необходимо выселять с лишением родительских прав [11, с. 13].

Внимательно вчитываясь в брошюру, можно заметить неравнодушное отношение общественности к проблемам ведения паразитического образа жизни. Так, была распространена практика собраний партийно-хозяйственного актива, заседаний исполнительных комитетов. Активное участие в судьбах тунеядцев в 1960-е гг. принимали народные дружинники и главы домовых, уличных комитетов.

Особого рассмотрения требует брошюра А.П. Клюшниченко «Административно-правовая борьба с тунеядством», оно написано для работников органов милиции и студентов юридических ВУЗов. Подход, изложенный автором, соответствует установкам, изложенным в нормативно-правовой базе того времени.

Клюшниченко дает с юридической точки зрения наиболее полную и верную характеристику тунеядству. Он пишет, что под тунеядством как административным правонарушением следует понимать виновное, общественно-вредное, административно-наказуемое деяние, направленное против конституционной обязанности советских граждан трудиться, совершаемое отдельными паразитическими элементами и влекущее за собой применение мер общественного воздействия, либо мер административного наказания в виде выселения в целях трудового перевоспитания тунеядцев [8, с. 34].

Давая такую характеристику явлению, Клюшниченко придерживался позиции таких советских ученых-правоведов, как О.М. Якуба, А.Е. Ершов, И.С. Самощенко, которые считали, что такой административный проступок как тунеядство лишен качества общественной опасности. Параллельно с этой точкой зрения существовала и другая. Так, ряд юристов (А.Е. Лунев, О.Ф. Шишов, Д.В Субоцкий) признавали тунеядство общественно опасным деянием, однако эта позиция оказалась неубедительной и большинство правоведов ее игнорировали.

Автор подчеркивает, что тунеядство, носящее преступный характер, и тунеядство, административно-наказуемое – две различные формы тунеядства, их необходимо четко разграничивать и давать им правильную юридическую квалификацию [8, с. 8]. Проявления злостного тунеядства (валютные операции, спекуляции ценностями и ценными бумагами, бродяжничество) являющееся преступными деяниями, требуют наказания, предусмотренного соответствующими статьями Уголовного Кодекса [8, с. 10]. Тунеядство же, относимое к административному проступку, имеет несколько видов санкций: предупреждение, выселение, конфискация имущества и принудительное лечение злостных пьяниц трудом в лечебно-трудовых отделениях [8, с. 19].

Таким образом, можно сделать вывод, что в юридической литературе начала 1960-х гг. описание тунеядства было достаточно

однообразным и размытым, зачастую юристы уделяли больше внимания идеологическим установкам, призывам к общественности, а не грамотной квалификации проступков, связанных с антиобщественным образом жизни. Начиная уже с 1964 г. по мере обобщения опыта борьбы с паразитическими элементами и появлением новых прецедентов в практике правоохранительных органов, можно наблюдать более четкие и подробные описания феномена тунеядства, однако нельзя сказать, что формулировки в этих пособиях лишены погрешностей. Юридическая литература, посвященная проблемам тунеядства, выйдет на новый уровень уже в 1970- е гг., когда указом Президиума Верховного совета РСФСР от 25 февраля 1970 года введут уголовное наказание за злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования.

Список литературы

1. Социалистическая законность: Орган Прокуратуры СССР. М.: ОГИЗ. 1935-1991 (просмотрено за 1961-1962 гг.)

2. Горбунов А. И. Они работают хорошо. 1962. № 3. С. 75-76.

3. Дробышевский Л. Наша Екатерина Ефимовна. 1962. № 4. С.22-23.

4. Ким В. Борьба с тунеядством. 1962. № 3. С. 46.

5. Кацай Г. Общественность на страже социалистического порядка. 1962. № 12. С. 36.

6. Мурзин В. Общественность помогает .1962. № 8. С. 49-51.

7. Евдокимов П.К. Ответственность лиц, ведущих паразитический образ жизни. М., 1963. 43 с.

8. Клюшниченко А.П. Административно-правовая борьба с тунеядством. Киев, 1965. 34 с.

9. Лукьянов Ю.А. Гримасы прошлого. Л. 1962. 66 с.

10. Михайлов В. М. Цель в жизни: Очерки и фельетоны. Свердловск. 1957. 172 с.

11. Щедрина А.К. Борьба с тунеядцами. М., 1965.

12. Шляпочников А.С. Тунеядцев к ответу. М., 1964. 44 с.

Тимир-Булатова София Ринатовна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Жестоканов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

Репрезентация мифа о походе аргонавтов в классическом и современном пеплуме: миф стал комиксом?

Representation the myth of the Argonauts in classic and modern peplum: has the myth become a comic book?

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема представления мифа о походе аргонавтах в двух экранизациях жанра «пеплум»: «Ясон и аргонавты» 1963 г. и «Ясон и аргонавты» 2000 г. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом к античной эпохе в современном мире и, соответственно, необходимостью осмысления особенностей и причин этого процесса. В работе рассматриваются основные сведения из античных письменных источников, отраженные в экранизациях, и на основе этого анализируется образ мифа в современной культуре.*

Ключевые слова: *античная мифология; рецепция; поход аргонавтов; пеплум; кинематограф.*

Abstract*. This article deals with the problem of presenting the myth of the Argonauts ' campaign in two film adaptations of the "peplum" genre»: "Jason and the Argonauts" in 1963 and "Jason and the Argonauts" in 2000. The relevance of the work is due to the increased interest in antiquity in the modern world and, accordingly, the need to understand the features and causes of this process. The paper examines the main information from ancient written sources, reflected in the film adaptations, and analyzes the image of the myth in modern culture.*

Key words*: ancient mythology; reception; Argonauts' campaign; peplum; cinema.*

Миф об аргонавтах является одним из самых известных сюжетов древнегреческого героического цикла. Путешествие за Золотым руном нашло отражение во многих письменных и материальных источниках, что свидетельствует о его популярности. Использова-

ние этого сюжета в современной культуре обусловлено популярностью и универсальностью сюжета.

В заглавии статьи была использована цитата кинокритика и киноведа М. Трофименкова о том, что «единственный приемлемый для массового кинематографа вариант – превратить миф в комикс» [6]. Цель данного исследования состоит в том, чтобы показать, как миф о походе аргонавтов адаптируется кинематографом для зрителя, какие источники и каким образом отражены в экранизациях «аргонавтики». Задачами работы являются: обзор фильмов, краткий анализ сюжетов и рассмотрение их в более широком историческом и культурном контексте. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом к античной эпохе в современном мире и, соответственно, необходимостью осмысления особенностей и причин этого процесса.

В исследовании будут рассмотрены два кинофильма: «Ясон и аргонавты» / США, Великобритания / 1963 г. / реж. Д. Чэффи; «Ясон и аргонавты» / США, Турция / 2000 г. / реж. Н. Уиллинг.

Основными источниками же сведений о походе аргонавтов являются «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Мифологическая библиотека» Псевдо-Аполлодора, «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского.

Экранизация «Ясон и аргонавты» 1963 г. был для режиссера Д. Чэффи одним из первых опытов обращения к сказочно-мифологической тематике. Фильм содержит передовые (на тот момент) спецэффекты, созданные Р. Харрихаузеном, который до этого работал над «Седьмым путешествием Синбада». История про Синбада имела успех в прокате, поэтому для нового фильма была выбрана также приключенческая (еще и морская) тематика [7].

Фильм начинается с вооруженного захвата власти Пелием. По кадру видно, что над соответствием декораций и костюмов эпохе создатели фильма не трудились, создав достаточно усредненные, знакомые среднестатистическому зрителю образы древних греков-воинов: хитон, панцирь, шлем с гребнем. На кадре также можно видеть дворец царей Иолка – довольно монументальная постройка, видимо, дорического ордера. При этом между колоннами поставлены рога в стилистике крито-микенской культуры. Затем в храме

Пелий получает предсказание от Геры о человеке в одной сандалии. Пелий с Ясоном встречаются через 20 лет, когда Ясон спасает его из воды, где и теряет сандалию (согласно Аполлонию и Аполлодору Ясон потерял сандалию в реке, но при других обстоятельствах). Герои узнают друг друга и Пелий, по сюжету, обещает ему царство в обмен на Золотое руно.

Набирает героев Ясон на спортивных играх (среди героев упоминаются Акаст, Кастор и Полидевк, Гилас), где встречает и Геракла. У Аполлония и Диодора Геракл является достаточно важной фигурой, которая в начале похода имела все шансы перехватить лидерство у Ясона. Он сильный, признанный лидер, который уже славится своими подвигами на всю Грецию, а Ясон еще был достаточно юным, и еще не успел нигде доказать свои силы. У Аполлония среди аргонавтов ставился вопрос на голосование, кто же станет их командующим – Геракл или Ясон. Многие были за Геракла, но он сам отказался (I, 341-345). Лидерство Геракла проявилось и во время задержки аргонавтов на Лемносе. Позже Геракл был выведен из повествования под предлогом призыва богов совершать другие подвиги. После перехода через Симплегады бесспорным лидером становится Ясон, который своей решительностью укрепил свой авторитет. В данной экранизации Ясон также предстает уверенным в себе лидером, которому не надо завоевывать свое уважение и авторитет среди команды, поэтому вопроса о конкуренции с Гераклом также не ставится.

На корабле «Арго», по Аполлодору и Аполлонию, Афиной был «вмонтирован» ствол прорицающего додонского дуба (Apollod., IX, 16; Apol. Rhod., I, 526-527). В фильме же на носу корабля находилось антропоморфное изображение Геры, которая при помощи этого общалась с Ясоном. Собственно, Афина вообще не фигурирует в этом фильме, а все ее функции взяла на себя Гера.

Первая остановка аргонавтов – это некий Бронзовый остров, на котором они встречают великана Талоса. Его внешний вид соответствует его описанию у Аполлодора – бронзовый человек или бык, слабым местом которого была лодыжка (IV, 1629—1635). Его аргонавты побеждают, хоть и не без потерь: в частности, здесь аргонавтов покидает Геракл. После этого многие отказываются плыть

без него, аргументируя это тем, что он самый лучший из них, но Гера объясняет, что такова воля богов. Следующая остановка – у Финея, которого боги наказали тем, что его еду постоянно забирали гарпии. Аргонавты побеждают гарпий и получают от прорицателя предсказание, куда плыть дальше. Далее аргонавты оказываются у Симплегадских скал, которые проходят при помощи Геры, что частично соответствует Аполлодору (I, IX, 22). После этого среди обломков потерпевшего крушение корабля они находят девушку, которой оказывается Медея.

Вместе с ней аргонавты прибывают к Пелию. Его дворец стилизован под восточные интерьеры. В центре зала стоит громадная скульптура Гекаты, которая является главной богиней Колхиды, а Медея – ее главной жрицей. После отказа Пелея отдать Золотое руно, Медея предлагает Ясону помочь забрать руно в обмен на женитьбу на ней. После первоначального отказа Ясон соглашается. Традиционных испытаний, придуманных Пелием, Ясон не проходит. После похищения золотого руна, Ясон только сражается с гидрой, а потом с некоей волшебной армией Пелея. После победы над ними, тут же следует поцелуй главных героев и счастливый конец.

Этот фильм представляет собой классический пример пеплума. «Ясон и аргонавты» стал продуктом вполне в духе своего времени – основательные декорации, классический «правильный» герой, ведущий за собой остальных, успешное преодоление трудностей, помощь красавицы главному герою и счастливый конец – достижение цели и возвращение домой. Разумеется, как и всегда, сценарий фильма отличается от традиционного мифа (хотя и античная традиция передает его с различиями), поскольку хронометраж, требования жанра ставили создателей фильма в рамки. Например, в начало фильма вынесено завершающее испытание аргонавтов – борьба с медным быком Талосом (Apol. Rhod., IV, 1625-1675, Apollod., I, 9, 26; Luc., De Sal., 49), а эпизод пребывания героев на острове Лемнос (Apol. Rhod., I, 625-900; Luc., De Sal., 52-53, Apollod, I, 9, 17-18) и вовсе отсутствует. При этом стоит отметить, что в декорациях алтаря помещается раскрашенная статуя. Этот момент примечателен, ибо миф о «белой античности» и по сей день распространен, в то время, как известно, что древние греки раскрашивали в разные цвета статуи и здания [3,

с. 21]. Кроме того, в кадрах можно встретить классический античный портик, статую Дискобола, статую Ниобы – очевидные анахронизмы, учитывая, что события мифа об аргонавтах должны были происходить даже раньше Троянской войны. Тем не менее для массового зрителя эти вещи являются как бы маркерами, по которым он узнает эпоху античного времени. Данный фильм подтверждает слова, высказанные ранее – он действительно превратил миф в комикс. Создатели не стремились показать архаичную атмосферу мифа, проблемы взаимоотношений аргонавтов, Ясона и Медеи, события после возвращения, но их целью было показать увлекательное путешествие с преодолением опасностей. Именно в таком виде миф об аргонавтах и представляется среднестатистическому зрителю. При этом стоит отметить, что эта экранизация не отказывается от изображения богов и их роли в фильме, что было характерно для некоторых пеплумов, где человек сам проходил испытания (например, «Странствия Одиссея», 1954 г., реж. М. Камерини или «Елена Троянская», 1956 г., реж. Р. Уайз).

Этот фильм фактически вводит этот сюжет в массовую культуру и ставит его в ряд популярных приключенческих рассказов. Попадая в коммерческий кинематограф миф перестает быть мифом – он становится интересной историей, сказкой, приключением, известным массовому зрителю с детства.

Более основательной экранизацией данного мифа является двухсерийный фильм «Ясон и аргонавты» (2000 г.), снятый режиссером Ником Уиллингом, для которого это был не первый опыт создания фильмов-фэнтези.

Фильм также начинается с большого боя за трон, в ходе которого Пелий убивает Эсона, а маленького Ясона спасает воин. Ясон воспитывается у Хирона, что соответствует источникам (Apol. Rhod., I, 33) и дружит с Аталантой, о чем в источниках упоминания нет. Впрочем, согласно Аполлодору, она входила в состав аргонавтов (I, IX, 16), чем и воспользовались авторы фильма, добавив сюжетную линию о чувствах Аталанты к Ясону.

Внешность Ясона частично соответствует описанию у Пиндара:

Не стрижеными кудрями ложились волосы,

А золотом растекались они по спине. (Pyth., IV, 80-83)

Это довольно примечательно, поскольку в данном случае Ясон действительно получился внешне похож на описание, что не соответствовало внешнему облику героя «нашего времени». Это отличает данный фильм от экранизации 1963 г., где Ясон выглядит в соответствии со стандартами красоты той эпохи.

В фильме команду аргонавтов Ясон набирает из различных авантюристов, среди которых и герои (например, Орфей, Геракл) и крестьяне (Лаэрт, отец Одиссея), и ремесленники, а также пьяница и вор.

Общая канва сюжета сохраняется: аргонавты преодолели искушения на Лемносе (Apol. Rod., I, 625-900; Apollod, I, 9, 17-18; Luc., De Sal., 52-53), сражение с гарпиями (Apol. Rod., II, 175-300; Apollod IX, 21), проход через Симплегадские скалы (Apol. Rod., II, 635-639; Apollod., IX, 22).

В данной экранизации уделяется место трансформации личности Ясона и особенностям их отношений с Медей. Дело в том, что Ясон в предшествующих экранизациях представлялся как сильный лидер, ведущий за собой героев к неведомым землям. На самом деле же Ясон описывается как 20-летний неопытный юноша, лидерство которого оспаривается авторитетом Геракла, бывшего на тот момент известным героем. Собственно, и во время похода происходит инициация Ясона, который возвращается домой уже будучи мужчиной, а не юношей. Женитьба Ясона на Медее также не похожа на традиционный шаблон счастливой любви в конце сказки. Аргонавты были вынуждены взять ее с собой, а Ясон был вынужден на ней жениться. В этом фильме на вопрос о истинности желания женитьбы на Медее Ясон отвечает, что «так предначертано мне судьбой». В этом моменте точно передается специфика ситуации, особенно учитывая тот факт, что через 10 лет Ясон решит жениться на другой женщине, в результате чего Медея убьет их общих детей, что описано в трагедии Еврипида «Медея».

Фильм, несмотря на достаточное количество детальных несоответствий и перестановок, на наш взгляд, замечательно улавливает основные настроения мифа. Приглушенная цветовая гамма фильма, размеренность кинорассказа, умеренные спецэффекты создают несколько мистическую атмосферу. Создатели фильма явно создали

единый образ Греции крито-микенской эпохи, что следует из декораций: дворец в Иолке (колонны, фрески как в Кносском дворце), тронный зал наподобие Кносского, прыжки через быка, повторяющие изображение на тех же кносских фресках, скульптура Геры, стилизованная под эпоху архаики. Костюмы героев так же не выглядят как идеальные белые туники героев пеплума 1963 г., а представляют собой небрежные хитоны.

На наш взгляд, этот фильм является удачной экранизацией мифа об аргонавтах, ибо в нем, несмотря на некоторые вольности в сюжете, основные события переданы в соответствии с традицией. Кроме того, создатели «Ясона и аргонавтов» сумели удержать баланс в умеренном использовании спецэффектов, и фильм не превратился в сплошную компьютерную рисовку. Это была новая интерпретация мифа в кинематографе, вступившем на новую ступень развития, где вновь стали популярны фильмы о богах и героях. Киноиндустрия действительно несколько упростила миф, сделав из него просто увлекательное повествование. Тем не менее это необязательно является негативным явлением, ибо подобный подход способствовал популяризации мифа в массовой культуре. Проанализировав несколько экранизаций мифа об аргонавтах, можно заключить, что каждая из них является продуктом своей эпохи, которая накладывает на интерпретацию мифа определенный отпечаток. Видно, что создатели фильмов ознакомились с основными источниками, но внесли свои корректировки в угоду зрелищности.

Таким образом, отвечая на вопрос стали ли мифы комиксом, думается, что можно ответить утвердительно, но с оговорками. Существуют экранизации, где сюжеты мифов показаны не в формате экшна, например, «Медея» (1969 г., реж. П. Пазолини) или «Ифигения» (1977 г., М. Какояннис), где режиссер старается показать внутренний мир мифа и его атмосферу, уделяя меньше внимания внешней форме.

Однако наиболее популярными являются фильмы, где мифы показаны в приключенческом жанре.

Каждая подобная рецепция имеет право на существование, и в этом случае становится главным вопрос о том, почему наш современник воспринял эту традицию и счел необходимым представить

ее публике. Таким образом, миф получает переосмысление и новую интерпретацию, характерную уже для нашего времени.

Список литературы

1. Аполлодор Мифологическая библиотека / пер., ст. и прим. В.Г. Боруховича; отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: Наука. Ленингр. отдние, 1972. 215 с.

2. Аполлоний Родосский Аргонавтика / пер., ст. и прим. Н.А. Чистяковой; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир: Наука, 2001. 240 с.

3. Боннар А. Греческая цивилизация: в 3 т. / пер. с фр. О.В. Волкова; предисл. Ф. А. Петровского. М.: Искусство, 1992. Т. 2. 334 с.

4. Диодор Сицилийский Историческая библиотека. Греческая мифология / пер. О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 222 с.

5. Лукиан Самосатский Сочинения: в 2 т. / пер. Н.П. Баранова. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2001. 479 с.

6. Трофименков М. В. Боги в прокате // Коммерсантъ Власть. 2011. № 44. С. 50.

7. Pfeiffer L. Jason and the Argonauts // Encyclopaedia Britannica: виртуал. энцикл. URL: https://www.britannica.com/topic/Jason-and-the-Argonauts (дата обращения: 06.07. 2019)

Копалова Анна Алексеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Кулешова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Женское наследование в текстах французских кутюмов Нормандии, Ниверне и Парижа

Feminine heritage in the texts of the French coutums of Normandy, Niveerne and Paris

Аннотация. *В данной статье рассматривается три французских кутюмы Нормандии (северный тип кутюма), Ниверне (южный тип кутюма) и Парижа (смешанный тип). Отдельное внимание уделяется возможности женщин наследовать и передавать землю своим потомкам. Автор приходит к выводу, что по всем трем кутюмам женщины могли передавать и сами управлять землей в этих регионах.*

Ключевые слова: *кутюмы; наследование; феодальное право; обычное право; Салический закон.*

Abstract*. This article discusses three French coutumes: Normandy (northern type of coutume), Niveerne (southern type of coutume) and Paris (mixed type). Special attention is paid to the ability of women to inherit and transfer land to their descendants. The author comes to the conclusion that for all three coutumes women could transfer and manage the land in these regions themselves.*

Key words*: coutumes; inheritance; feudal law; customary law; Salic law.*

Кутюмой называются правовые обычаи северных провинций Франции. Изначально обычаи складывались устно, признаваясь из поколения в поколение. Обычное право отражало реальные потребности коллективов людей на одной территории, возникало от компромисса, охранялось государственной властью и закреплялось явным существованием не менее 40 лет. Знаток обычного права Франции Г. Климрат писал, что закон кутюмы устанавливается отнюдь не в определенный день специальным достоверным актом. Он рождался незаметно, повторением одних и тех же поступков, действий, а поступки повторялись потому, что отвечали общим потребностям [7, с. 7].

Официальная запись кутюмов, санкционированная королем, началась в XV веке, после окончания Столетней войны. Судебники XII-XIV вв. (книга королевы Бланки и короля Филиппа VI, кутюмы Бовези) не могут считаться, по мнению Т.М. Червонной, записью кутюм в собственном смысле слова [7, с. 8]. В них фиксировались лишь наиболее используемые прецеденты, а сами документы во многих аспектах копировали римское право. Авторы законников могли вписывать обычаи, заимствованные из римского права, но при этом не имеющих никакого отношения к французским обычаям [7].

Королевский ордонанс от апреля 1453 г. должен был изменить характер кутюмов – они становились точным и неизменным законом королевства (основанным, конечно, на обычаях). Ордонанс также определил порядок записи кутюмов: на первом этапе их фиксировали местные судьи и чиновники, согласовывали на провинциальных штатах, а затем отсылали в королевский Большой совет короля или Парижский парламент [7, с. 9]. В 1497 г. Карл VIII упростил процедуру, разрешив обнародовать кутюмы после их рассмотрения на местах королевскими советами.

Таким образом, основная масса кутюм была составлена лишь XVI в. Тогда же Жак Ивер обнаружил три основных типа наследования в Кутюмном праве. Используя как источник официальные государственные записи обычаев, ранние попытки их фиксации, он рассматривает правила наследования ротюрного имущества. Именно они, по мнению Ивера, отражают истоки сложившегося во Франции семейного права [7, с. 19]. Ивер также обнаружил три основных типа наследования в кутюмном праве: северный – абсолютного равенства детей, южный, где признается завещание отца, и парижский – смешанный.

В данной статье я проанализирую эти три основных типа кутюм XVI в.: Большой Кутюм Нормандии я приведу в качестве примера северного типа, кутюм Ниверне – в качестве примера южного типа, а синтез продемонстрирую с помощью Парижской кутюмы.

Провинциальные кутюмы являются важнейшим источником по истории права Франции. Они определяли порядок централизованного судопроизводства и состав судебных органов, формы феодальной собственности, феодальные связи, положение горожан,

крестьян и многое другое. В провинциальных кутюмах очень хорошо отражены своеобразные особенности французских провинций [3, с. 132].

В связи с тем, что кутюмы отображали социальную и политическую структуру провинций, найти прямые указания на Салический закон невозможно. Зато можно рассмотреть право наследования в каждом регионе Франции и выявить различия. Меня будет интересовать в особенности женское наследование.

Начать следует с Нормандской кутюмы. Королевский эдикт о необходимости реформировать кутюму Нормандии датирован 22 марта 1577 года. Старая Нормандская кутюма восходила ко времени либо Эдуарда Исповедника, либо Вильгельма Завоевателя [7, с. 21]. Первой по времени записью кутюмы на севере Франции является краткий Древненормандский судебник, составленный сначала на латыни, а затем на нормандском диалекте между 1199 и 1220 гг. В 1250-х гг. появились две новые более пространные редакции, одна из которых (французская) постепенно вытеснила латинскую. С тех пор, до момента реформы в XVI в., она являлась официальным судебником Нормандии [3, с. 132].

Работа по редакции кутюмы завершилась в 1583 г. 1 июля 1585 она была принята на ассамблее Руанских штатов. В этом же году 7 октября король утвердил ее как закон Нормандии, а 11 декабря кутюма была зарегистрирована нормандским парламентом.

Женскому наследованию в кутюме уделяется немного внимания. Так, Статья 127 Нормандской кутюмы 1581 г. гласит: «Держание par parage – такое, когда дворянский фьеф разделен между дочерьми или их наследниками при получении наследства» [4, с. 121]. Это позволяет понять, что на севере Франции дочери могли наследовать дворянский фьеф. Сравним с Салической правдой, глава LIX Об аллодах, статья 5: «Земельное же наследство ни в каком случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, т. е. братьям» [6]. Таким образом, четко видно, что Салическая правда (как юридический кодекс) на севере Франции действовала ограниченно.

Кутюма Ниверне принимались значительно дольше кутюма Нормандии. 23 июня 1490 г. она была принята на местных штатах и утвер-

ждена Парижским парламентом. Однако закон не был утвержден: Ниверне долго сохраняла свою самостоятельность от короны. Редакция кутюм возобновилась при Франциске I и завершилась компромиссом между королем и графом Ниверне. 23 ноября 1534 г. состоялось торжественное чтение кутюмы и их окончательная ратификация [7, с. 43].

Земли Ниверне примыкают к Луаре, делившей страну на две области, различные по языку, культуре и климату. За Луарой все напоминает о римском величии, жива традиция античной законности, писанного права. Фактически, Ниверне – крайний юг кутюмного права. Поэтому, можно сделать вывод, что в Ниверне сталкивались римское право и французские обычаи. Т.М. Червонная даже пишет, что Невер, скорее, область римского права, испытавшая на себе сильное влияние обычного франкского права [7, с. 44].

Эти обстоятельства значительно повлияли на систему наследования, сложившуюся в этих землях. Ниверне – земли так называемой «преимущественной доли». Отец мог одаривать детей по собственному выбору (через завещание, акты дарения, вручения свадебных подарков и т.д.). На Севере же завещаний фактически не существовало. Таким образом, на юге Франции отец (или мать) могли сами решить, кому отдать землю – сыну или дочери.

Неверский фьеф наследовался свободно, как вотчина, без всяких пошлин. Он мог перейти женщине: «Женщины наследуют феодальные вещи, как и другие [лица, т.е. мужчины]» [7, с. 132]. Таким образом, на Юге, как и на Севере, женщина могла наследовать землю. Салический закон не действовал.

Кроме того, Ниверне является прямым доказательством возможности женского престолонаследования. Само графство неоднократно наследовали женщины. Приведу несколько примеров. Гийом V (1168-1181), один из наследников Ниверне, был ещё ребёнком на момент смерти отца Ги, в результате чего графства оказались под управлением Мод Бургундской, вдовы Ги. Гийом умер в 1181 году, так и не достигнув совершеннолетия. Претензии на графства предъявил младший брат Ги, Рено, однако графиней была признана Агнес, старшая дочь Ги. Подобный инцидент произошел и в 1256 г., когда после смерти Матильды де Куртене ее старшая дочь Матильда (1234-1262) унаследовала Невер, Тоннер и Осер.

В истории Ниверне есть еще один любопытный случай: после смерти в 1262 г. Матильда II не оставила после себя сыновей, только три дочери. Первоначально графства находились под опекой её мужа, Эда Бургундского. Здесь важен тот факт, что Эд не был полноценным правителем Ниверне – он лишь опекал страну до момента совершеннолетия дочерей. После его смерти в 1266 г. все три дочери выдвинули права на наследование.

Таким образом, в Ниверне было нормой не только наследование земли женщинами, но и графского трона.

Современники называли Парижскую кутюму – «принцессой» всех кутюм [7, с. 68]. Она считалась образцом ясности, краткости и точности выраженных в ней феодальных юридических норм. Комментаторы провинциальных кутюм советовали юристам в случае неясности местного закона обращаться к Парижской кутюме. Кроме того, по мнению Т.М. Червонной, она является образцом синтеза германского и римского права [7, с. 72].

В 70-е гг. XVI в. велась работа по улучшению и кутюмы. Руководил процессом Кристоф де Ту, который считал реформу Парижской кутюмы венцом своей жизни [7]. Торжественная ассамблея по публикации реформированной кутюмы собралась 22 февраля 1580 г., а через год она была напечатана в типографии.

В момент составления кутюмы ее действие формально ограничивалось Парижем и его округой, но фактически Парижское право отражало порядки более обширного порядка: весь Иль-де-Франс.

Четкого упоминания женского наследования в кутюме нет. Наследует имущество «лицо», а не конкретно женщина или мужчина. Также указано следующее: «Когда какой-либо фьеф достается по наследству от отца, матери, деда или бабки…» [5, с. 159]. Таким образом, женщина может наследовать землю по Парижской кутюме (и передавать ее потомкам).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Салическая правда не действовала буквально на территории кутюмного права. Женщина свободно наследовала землю, а также могла передавать ее своим потомкам. В отдельных случаях, например в Ниверне, были прецеденты наследования графской короны женщиной. Таким образом, апелляция к Салической правде коро-

левскими юристами в XIV в. была абсолютно неоправданна. Во всех трех кутюмах (и регионах) обычай ушел от норм Салической правды, глава «Об Аллодах» не действовала.

Во-вторых, после раздела Каролингской империи между сыновьями Людовика Благочестивого, а также издания Керсийского капитулярия Карла Лысого, Салическая правда постепенно утратила значение действующего источника права, уступив место французским кутюмам, немецкому «общему праву», а также многочисленным хартиям сеньоров, которые стали издаваться с наступлением эпохи феодальной раздробленности [1, с. 252]. Поэтому можно сделать следующий вывод: если Салическая правда не действовала (что подтверждают проанализированные кутюмы), то ограничение женского наследования, а также обращение к Салическому закону в позднее Средневековье не имело под собой оснований.

Список литературы

1. Карасевич П.Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1875. 488 с.

2. Кутюма Ниверне 1534 г. // Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С. 126-157.

3. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л.: б.и., 1955. 370 с.

4. Нормандская кутюма 1581 г. // Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С.113-126.

5. Парижская кутюма // Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С. 158-169.

6. Салическая правда // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. URL: http://drevlit.ru/docs/france/VI/Lex_Salica/text.php (дата обращения 14.10.2019).

7. Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. 176 с.

Семенова Анна Игоревна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Паламарчук Анастасия Андреевна, доктор исторических наук, доцент

«The Acts and Monuments of Church». Сходства и различия с раннехристианскими мученичествами

«The Acts and Monuments of Church». Similarities and Differences with Early Christian Martyrdom

Аннотация. *Во времена английской реформации основной становится идея об исключительности англичан и их церкви. Цель исследования состоит в изучении сходств и различий английского трактата «Книга Мучеников» и раннехристианской агиографии, чтобы выяснить какое влияние последняя оказала на формирование протестантского самосознания в Англии конца XVI века.*

Ключевые слова: *Англия; Реформация; Церковь; Средневековье; Протестантизм; Христианство.*

Abstract*. During the English Reformation, the idea of the exceptionalism of the English and their church became the main idea. The purpose of the study is to study the similarities and differences between the English treatise "The Book of Martyrs" and early Christian hagiography, in order to find out what influence the latter had on the formation of Protestant consciousness in England at the end of the 16th century.*

Key words*: England; Reformation; Church; Middle Ages; Protestantism; Christianity.*

Джон Фокс написал несколько трактатов, главный из которых – «The Acts and Monuments», более известен как «Книга Мучеников Фокса». Формально труд посвящен истории всех христианских мучеников, начиная с десяти гонений на христиан в Римской Империи и заканчивая смертью Марии Кровавой. Произведение поделено на XII книг. Первые несколько книг подразделяются по триста лет истории начиная с Рима и заканчивая ранней историей Англии. В своем труде Фокс постарался еще и осветить историю страны. Наиболее интересной является XI книга, посвященная гонениям на протестантов во время правления Марии Тюдор, получившей прозвище «Кровавая».

Уже в самом начале труда можно уловить последующую красную нить всего повествования – связь англиканских мучеников с раннехристианскими. Такое углубление в древнюю историю не является новаторством Фокса: еще Мартин Лютер начал возрождение античного жанра мартирологии [6, p. 411]. Но, в отличие от Лютера, Фокс практически отвергает основные традиции ранних мученичеств, делая акцент именно на человеческих качествах мученика, приближая его к людям [5, p. 721]. «Книга мучеников» не ставит во главу угла подробное описание момента смерти, хотя красок хватает и там: описание мученической смерти Джона Хупера, епископа Ворчестера занимает всего несколько абзацев, но этого вполне достаточно для нужного впечатления. «Медленно горя, Хупер громко молился “Господь Иисус, будь милостив ко мне…Господь Иисус, прими мою душу”… Но даже когда его уста почернели и язык умолк, губы все также шевелились в молитве до тех пор, пока не сморщились и не провалились внутрь» [4]. Фокс не только восхваляет своих мучеников, делая упор на радость страдания и смерти: «…его агония была бы невыносимой без благодати божьей, и он умирал так, как ребенок в постели. Теперь он царствует как благословенный мученик в радости неба, приготовленной для верных во Христе еще прежде основания мира» [4], но и говорит о том, что мученик – обыкновенный человек, с необыкновенной силой воли, отмеченный божьей благодатью. Поэтому смерть его не была болезненной. Джон Кнотт в своей статье также приводит фрагмент, в котором осужденные на смерть мученики «радовались своей смерти, целовали колья, обнимались с педиками и молились за своих врагов» [4]. Мученик априори будет отмечен Богом и не почувствует боли, уйдет тихо и мирно. Но его поступок будет увековечен, и здесь Фокс снова обращается к античной традиции, мученик, непосредственно перед казнью обладал властью прощать грехи и быть прямым посредником между человеком и Богом. Момент казни – момент единения с Господом, поэтому в сценах описания смерти мученики как правило невозмутимы и единственное, что они себе позволяют – молитва. Смерть подразумевается, как радость духа, неотделимая от радости плоти [4, p. 733]. Такое видение также не стало нововведением Фокса, здесь стоит привести в пример слова Лютера о Роберте Барнсе – ан-

глийском реформаторе, продвигавшем идеи лютеранства при дворе Генриха VIII. «Мне особенно приятно слышать, что наш добрый и благочестивый собеседник был так милостиво призван чтобы излить кровь» [6, p. 399]. Возрождение традиций античной мартирологии способствует укреплению тезиса о том, что мученичество за протестантское учение, есть смерть за истинную веру [6, p. 400].

Фокс не следует античной традиции слепо, но находится под её воздействием. Причем в текстах можно проследить сходство не только с мученичествами, но и с легендами. Томас Кранмер, одна из главных фигур в английской реформации, обманутый католиками, подписал документ об отречении. Который тут же распространился по всей стране. Это было ударом для протестантов и победой для католиков. Фрагмент смерти Кранмера из трактата удивительно схож с частью римской легенды о Гае Муции Сцеволе.

Гай Муций прославился тем, что, согласно легенде, попытался убить царя этрусского города Клузий Ларса Порсену, осадившего Рим в 509 году до н.э. Муций пробрался в шатер Порсены, но по ошибке убил царского писца, который был одет дороже и красивее царя. Муция схватили, и тогда он объявил Порсене, что он лишь один из 300 римских юношей, поклявшихся ценою своей жизни убить Порсену. Когда ему стали угрожать пыткой и смертью, если он откажется раскрыть все детали этого замысла, Муций протянул правую руку в разведённый на алтаре огонь и держал её там, пока она не обуглилась. Отвага римлянина так поразила Порсену, что пленника отпустили, и Порсена заключил с Римом мир. За потерю правой руки Муция прозвали «Сцевола» (лат. Scaevola – «левый») [3].

Вторая версия несколько иная: «по ошибке вместо царя убил человека, одетого в пурпур. Будучи схвачен и приведен к царю, он положил руку на пылающий алтарь, как бы в наказание за то, что ошибся в момент убийства. Когда царь, сжалившись над ним, отвел его от огня, он как бы в благодарность за такую милость сказал ему, что 300 подобных ему (римлян) составили заговор против него. Тот, испугавшись этого, приняв заложников, прекратил войну» [2].

«Когда пламя полыхало вокруг него, этот истинный человек Божий, который однажды ослабел, но затем славно обратился снова к истине, исполнил то, что он сам определил для себя: он простер

свою правую руку и держал её в огне, твердо и непоколебимо, до тех пор, пока она не почернела как уголь. Когда она горела, он часто повторял: «Это недостойная правая рука» [4].

Совершенно очевидно, что в обоих случаях следует наказание для руки, совершившей ошибку. И здесь снова проявляется желание Фокса показать мучеников как обыкновенных людей с необыкновенными волевыми качествами – рука, помещенная в огонь, не является жертвой Богу (или божеству, в случае с Сцеволой), данный жест демонстрирует сознательное наказание самого себя за совершенную ошибку, которая в последствии могла оказаться роковой. Фокс не копирует сюжеты из античности, а трансформирует, вплетая в необходимый контекст. Это хорошо видно на примере смерти сэра Джеймса Хейлза, который покончил жизнь самоубийством, не выдержав католического преследования. В данном случае Фокс обращается к историям о римских девушках, которые, дабы защитить свою невинность от посягательств, обрывали жизнь. Он утверждает самоубийство как форму защиты не христианской духовной добродетели, а физического целомудрия, которое столь же важно [7, p. 36]. А иерархическая тирания католического угнетения перестает быть актом религиозного преследования, но превращается в акт эротического насилия, спасение от которого можно найти только в самоубийстве [7]. Ведь, как мы уже упоминали выше радость духа не может быть отделена от плоти.

Мученичество Поликарпа демонстрирует нам момент смерти как чудо, не просто как благодать Господа, а именно как чудесное спасение мученика от боли. «…огонь, приняв вид свода, похожего на наполненный ветром парус судна, со всех сторон окружил тело мученика. И он был посреди этого не как сжигаемое тело, а как выпекающийся хлеб или как золото и серебро в кузнечной печи, очищаемые огнем… В конце концов, беззаконные, увидев, что огонь не может повредить его телу, приказали, чтобы конфектор подошел к нему и вонзил кинжал» [1, с. 44]. Для ранних христианских мученичеств момент описания смерти - «passions» или «страсти» очень важен с точки зрения совершения чуда, которое бы подтверждало жертвенность.

Но, пожалуй, наиболее ярким сходством между античными мученичествами и сюжетами из «Книги мучеников» является общая идея репрезентации мучника как христианского воина за веру [4].

Основной целью «Книги мучеников» было показать всю историю гонений на христиан с древности по время автора. Это было обусловлено в первую очередь тем, что в тот момент Церковь Англии находилась на стадии формирования собственного топоса, который должен был показать длительное развитие её без участия католического вмешательства. Новая Церковь должна была стать венцом эволюции учения ранних христиан.

Несмотря на множество общих черт, следует сказать, что существуют и различия. Хоть и находятся они больше на уровне формулировок. Фокс старательно избегает упоминания чуда Господнего. Его мученики чаще умирают от рук палачей или непосредственно от пламени – не создается впечатления защиты, как это было в мученичестве Поликарпа: «…огонь, приняв вид свода, похожего на наполненный ветром парус судна, со всех сторон окружил тело мученика. И он был посреди этого не как сжигаемое тело…». «Когда Ридли увидел, что пламя поднялось, начал изгибаться, чтобы быть ближе к пламени, пока оно не достигло мешочка с порохом у его шеи. Когда порох взорвался, он больше уже не двигался» [4] – так Фокс описывает смерть епископа Николаса Ридли, без сравнений и метафор, достаточно сухо. И в этом есть несомненно действенная уловка Тюдоровской пропаганды – сделать ближе к народу. Елизавета Тюдор являлась наиболее часто изображаемым монархом, постоянное присутствие королевы в жизни своих подданных благоприятно влияло на ее имидж. Так же и у Фокса. Мученик не недостижимый идеал, а обыкновенный человек, на его месте может оказаться любой. Раннехристианские мученики вставали в один ряд со святыми, английские – с простым народом. Таким образом создавалось впечатление, что Бог совсем рядом и для того, чтобы приобщиться к нему не нужны сложные ритуалы.

Разнится и изображение властителей. Основной целью представителей магистратов в раннехристианских текстах является заставить христианина отречься и вкусить нечистую пищу (Мученичество пресвитера Пиония и его товарищей): «…пришел к ним блюститель храма Полемон и с ним его подчиненные, чтобы, найдя, арестовать их и заставить совершить жертвоприношение и вкусить нечистую пищу» [1, с. 268]. Римляне показаны больше как искусители, пытающиеся сломить волю добродетельного христианина.

У Фокса же «паписты» стремятся только к тому, чтобы искоренить протестантов, уничтожить их, не вступая в дискуссии. Католики используют грубую силу в качестве убеждения: «Сэр Джон Шелтон стоял рядом с доктором Тейлором и слышал, как тот читал 50 Псалом «Помилуй меня, Боже» на английском языке, и ударил его по губам. “Ты, мошенник, – сказал он, – говори на латыни. Я заставлю тебя!” [4]. Для автора важно показать католическое преследование именно как истребление истинных христиан, пытающихся очистить Церковь от всего вредоносного, что принес с собой католицизм.

«Акты и памятники» не просто переиначивают знакомые античные сюжеты на новый лад, как это происходило по всей Европе, трактат вводит новые, характерные только для Англии моменты. Он носил не только пропагандистский, но и просвещающий характер. Как и любому произведению, направленному на формирование умов Тюдоровской эпохи, «Книге мучеников» удалось не просто сформировать отношение к Риму на долгие столетия, а стать основой национальной идеи, на пути формирования национального государства. Этому способствовала и новая знать, готовая к преобразованиям, взращённая на идеях гуманизма начала XV века.

Список литературы

1. Пантелеев А. Д. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. 384 с.

2. Секст Аврелий Виктор О знаменитых людях. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1466000400.

3. Тит Ливий История Рима от основания города, II кн. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1364000200.

4. Foxe J. The Acts and Monuments of the Church. New York: Robert Carter & Brothers, 285 Broadway, 1855. URL: https://archive.org/details/actsmonumentsofc00foxe/page/n10. (дата обращения 13.05.2019).

5. Knott John R. John Foxe and the Joy of Suffering // The Sixteenth Century Journal. 1996. Vol. 27. №. 3. P. 721-734.

6. Kolb R. God’s Gift of Martyrdom: The Early Reformation Understanding of Dying for the Faith // Church History. 1995. Vol. 64. № 3. P. 399-411.

7. Truman James C. W. John Foxe and the Desires of Reformation Martyrology // ELH. 2003. Vol. 70. № 1. P. 35-66.

Лазарев Сергей Сергеевич,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Паламарчук Анастасия Андреевна, доктор исторических наук, доцент

Отображение конфликта Генриха II и Томаса Бекета в «Anglica Historia» Полидора Вергилия

Displaying the conflict of Henrich II and Thomas Becket in «Anglica Historia» by Polydor Vergily

Аннотация. *В данной статье был проведено исследование об отражении конфликта Генриха II Плантагенета и Томаса Бекета в «Anglica Historia» Полидора Вергилия в контексте memory studies. Автор также уделяет внимание процессам конструирования прошлого в английской ренессансной традиции историописания.*

Ключевые слова: *Генрих II Плантагенет; Томас Бекет; Полидор Вергилий; средневековая Англия; король; церковь; инвеститура.*

Abstract*. in this article was a study of the reflection of the conflict of Henry II Plantagenet and Thomas Becket «Anglica Historia» Polydore Virgil in the context of memory studies. The author also pays attention to the processes of constructing the past in the English Renaissance tradition of historical writing.*

Key words*: Henry II Plantagenet; Thomas Becket; Polydore Virgil; medieval England; king; church; investiture.*

Полидор Вергилий (1470-1555 гг.) – итальянский историк-гуманист, проживший значительную часть своей жизни в Англии. Происходил из семьи образованных горожан, приближённых ко двору местного герцога (Горелов, 2012, с. 237). Его дед, Антонио Вирджилио, преподавал медицину и астрологию в Париже, его брат, Джовани-Матео, был учеником философа Пьетро Помпонацци, а позднее сам преподавал философию в Ферраре и Падуе [5, p. 2], дядя, Тесей Пинни (Teseo Pinni), написал книгу о бродягах «Speculum cerretanorum», которая была упомянута Эразмом Роттердамским и опубликована в Виттенберге в 1528 г. с предисловием Мартина Лютера [6, p. 60].

Получив образование в Падуе и Болонье, он вскоре начал заниматься литературной деятельностью, издав «Пословицы» в 1498 г. и «Об изобретателях вещей» в 1499 г. Последняя работа неоднократно переиздавалась и переводилась на народные языки, обеспечив ему славную репутацию литератора. В 1502 г. по решению папы Александра VI Полидор был отправлен в Англию в качестве сборщика «денария святого Петра». Позднее стал дьяконом епархии Бата и Уэллса [5, p. 2].

Примерно в 1507 г. по поручению короля Генриха VII Полидор Вергилий начал работу над составлением «Anglica Historia». Первое издание своего исторического труда придворный историк завершил к 1513 г., однако, по поручению короля Полидор был вынужден продолжить работу и к первоначально запланированным 26 томам впоследствии добавил 27-й том о правлении Генриха VIII [3, с. 18]. Труд был написан на классической латыни и создавался в несколько этапов, подвергаясь доработке и дополнениям. Ни одного полного издания «Anglica Historia» не сохранилось. При жизни автора она издавалась трижды – в 1534 г., 1546 г., 1555 г., частична была переведена на английский язык и издавалась в XIX в. известным Кемденовским Обществом (1844-1846) [1, с. 239]. Позднее под редакцией Д. Хея была напечатана «The Anglica Historia of Polydore Vergil A. D. 1485–1537» для Королевского исторического общества, в которой вместе с латинским текстом использовался английский перевод и идентифицируются как книги XXIV и XXV, а не XXVI и XXVII [5]. В 2005 г. Данном Дж. Саттоном было подготовлено полное билингвальное критическое издание «Anglica Historia» на латинском и английском языках [8].

Одна из главных тем повествования Полидора Вергилия является религия. По его словам, Англия всегда была оплотом христианского благочестия и имела хорошие отношения с Римом. Он упоминает мифического британского короля Люциуса (имеется ввиду, древнеримский военачальник Луций Арторий Каст, по некоторым предположениям, послуживший историческим прототипом образа короля Артура), который вместе со своими людьми принял христианство в 181 г. н.э. от рук папы Елевферея (Eleutherius) [8]. На протяжении всего своего труда доминирует тема английской святости,

он никогда не устает нам рассказывать о строительстве монастырей и других религиозных учреждений как об акте благочестия. Поэтому, предсказуемо, что Полидор Вергилий поддерживает позицию мученика Томаса Бекета в его ссоре с Генрихом II.

Конфликт Генриха II и Томаса Бекета описан в Книге XIII и был связан с возрастающей популярностью церковных судов и их обширной юрисдикции. В компетенцию церковных судов входили не только ведения суда над духовными лицами, но и также мирские дела, связанные с клятвами, обещаниями и все случаи, в которых было дано слово. Популярность церковных судов увеличивалась также за счет мягкости приговоров. Таким образом, реформа Генриха II была направлена на ограничение границ юрисдикции церковных судов.

На сторону церкви стал архиепископ кентерберийский Томас Бекет. Как пишет Полидор Вергилий Томас был «человеком непревзойденной честности и благоразумия» («vir summa integritate atque prudentia») [8]. Поводом для открытой борьбы между Томасом Бекетом и Генрихом II послужил один случай, когда некого бедфордского каноника Филиппа де Брока (De Broc) оправдал церковный суд за убийство рыцаря. Позднее королевский юстициарий издал приказ о привлечении де Брока к светскому суду. В этот момент вмешивается Томас Бекет, который подверг сомнению светскую юрисдикцию, обосновывая тем, что только церковный суд может вершить дела над клириками [4, с. 100].

Полидор Вергилий отмечает, что недовольство Томаса Бекета зрело и по поводу назначения королем своих людей на церковные должности: «король ежедневно выбирал неподходящих священников, чтобы назначить их на место епископа или на другие церковные должности, используя свое право в соответствии с нормандскими законами, что в свою очередь разрушало власть и достоинство духовенства…» («cerneret regem quotidie sacerdotes minus idoneos aut eligere episcopos aut ad alia perducere sacerdotia, ac ex praescripto Normanicarum legum iure, ut ille aiebat, suo utendo, nihilque a maiorum consuetudine atque concessis alienum faciendo, omnem sacerdotalis ordinis authoritatem dignitatemque frangere…») [8].

Конфликт между Томасом Бекетом и Генрихом II усугублялся по поводу принятия Кларендонских конституций в 1164 г., что в гла-

зах Бекета было актом самодержавного произвола, он прямо отрицал Кларендонские конституции.

Архиепископ отказался признавать главные положения Кларендонских конституций и был вынужден отправиться в изгнание. Полидор по этому поводу пишет следующее: «…Генрих II был так далек от того, чтобы прислушаться к прелату [Томасу Бекету], когда он предложил хороший совет, король, переманив на свою сторону ряд епископов, изгнал Томаса, ибо он видел, что он не отступит от своего» («…tantum abfuit ut antistitem bene monentem audiverit Henricus, ut postquam aliquot episcopos in suam sententiam traxerat, eum quod cerneret nihil cedere, nullo in honore iampridem ab se habitum in exilium egerit») [8].

После шестилетнего изгнания, Бекет вернулся в Англию. Он отлучил трех виновных епископа Йорка, Лондона и Солсбери. Генрих II разозлившись на Бекета, согласно легенде, произнес роковые слова, которые процитировал и Полидор Вергилий: «Горе мне, я не могу найти мира с этим священником. Неужели нет никого кто избавит меня от этой беды?» («Me miserum, non possum in meo regno pacem cum uno sacerdote habere. Nec quisquam meorum omnium est qui me me hac molestia liberare velit?») [8]. Четверо рыцарей восприняли слова короля в качестве приказа и немедленно отбыли в Кентербери, где Томас Бекет мученически принял смерть [7, p. 142].

Генрих II, как отмечает Полидор, узнав о смерти Томаса Бекета, погрузился в великую скорбь: «Это тяжелая беда постигла Генриха и всех людей, поскольку, подобно овцам из паствы Господней, они горевали, ибо потеряли пастыря своего. И король, в частности, был в высшей степени мучим, потому что он мог предвидеть, как многие люди легко представят его соучастником великого преступления, что и произошло» («At regi Henrico ac caeteris omnibus ea res luctuosa et molesta dolorem inussit incredibilem, quippe qui, ut oves dominici gregis, merito dolebant se pastorem suum amisisse. Sed rex cum primis in summo angore erat, quod coniectura prospiceret futurum ut huius tanti flagitii facile a nonnullis haberetur affinis, perinde ac contigit» [8].

Всё вышеизложенное свидетельствует нам о симпатиях Полидора Вергилия святому мученику Томасу Бекету, чьё имя стало си-

нонимом гордости и защитника прав церкви. Несмотря на политику дискредитации образа святого, инициированную Генрихом VIII Тюдором [2, с. 305], память о Томасе Бекете жива и по сей день. В целом, «Anglica Historia» как историческое произведение соответствовало традициям новоевропейского гуманитарного дискурса, послужившая образцом нового национального историописания для более поздних ренессансных английских историков.

Список литературы

1. Горелов М.М. Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени: Полидор Вергилий // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 235-256.

2. Дмитриева О.В. Дискредитация святого: Томас Бекет и английская реформация // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. Т. 5. С. 305-322.

3. Кирюхин Д.В. Образа кардинала Томаса Волси как одна из центральных фигур повествования в XXVII томе «Истории Англии» Полидора Вергилия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 17-22.

4. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М.: Соцэкгиз, 1936. 238 с.

5. Hay D. Polydore Vergil, Renaissance Historian and Man of Letters. Oxford: Oxford University Press, 1952. 223 p.

6. Látka P. Britain's Trojan Origins: Anatomy of a Critical Narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2015. 173 p.

7. Schaff P. History of the Christian Church, Volume V: The Middle Ages. A.D. 1049-1294. New York: Charles Scribner's Sons, 1907. 910 p.

8. Vergil P. Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. by Sutton D.J. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. URL: http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/ (дата обращения: 18.10.2019).

Павлов Кирилл Владимирович,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Дмитриева Марина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент

Обращение к античной истории в период Итальянских войн на примере сочинения Никколо Макиавелли «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны»

Appeal to ancient history during the Italian wars on the example of the work of Niccolo Machiavelli “On how to deal with the rebellious inhabitants of Valdichiana”

Аннотация. *В статье изучено сочинение флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн Никколо Макиавелли, содержащее сравнительный анализ реакций государств на два восстания – античное против Рима, и современное для Макиавелли, против Флоренции. Актуальность темы связана с текущим научным интересом к Макиавелли-дипломату и ренессансным взглядам на античную историю. Автор статьи демонстрирует Макиавелли сторонником последовательных действий в подавлении восстаний, апеллирующем в своей позиции к римскому опыту.*

Ключевые слова: *Макиавелли; Итальянские войны Флоренция; Вальдикьяна; Рим; восстание.*

Abstract*. The article examines the work of the Florentine diplomat of the era of the Italian wars Niccolo Machiavelli, which contains a comparative analysis of the reactions of states to two rebellions – the ancient one against Rome, and the modern one for Machiavelli, against Florence. The relevance of the topic is related to the current scientific interest in Machiavelli-diplomat and Renaissance views on ancient history. The author of the article demonstrates Machiavelli as a supporter of consistent actions in suppressing rebellions, appealing in his position to the Roman experience.*

Key words*: Machiavelli; Italian wars; Florence; Valdichiana; Rome; rebel.*

Обращение к античной истории в творчестве Никколо Макиавелли рассмотрено достаточно подробно; так, интерес исследователей регулярно привлекало сочинение флорентийца «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». В числе образцов такого анализа «Рассуждений» Макиавелли можно назвать работы М.А. Юсима [5] и К. Скиннера [4]. Кроме того, и самого Макиавелли сравнивали с выдающимися деятелями античности: так, Р. Ридольфи, называя Никколо «новым человеком новой Флоренции» [6, p. 26], проводит определённую параллель между флорентийцем и «новым человеком» Рима Цицероном. Что же касается вопроса влияния опыта античной истории на позицию Макиавелли как флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн, служившего тосканской республике в период 1498-1512 гг., то он, как правило, опускался или рассматривался весьма опосредованно.

Между тем, дипломатическое сочинение Никколо Макиавелли 1502 г. «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны» является ещё и любопытным примером его историографического творчества. Эта работа демонстрирует нам превосходные знания событий античной истории, имевшиеся у Никколо, а также умение эти события критически переосмыслить в контексте окружавшей его политической реальности. В этом сочинении Макиавелли проводит параллель между восстаниями граждан Вальдикьяны и Ареццо (1501 – 1502 гг.) и народными выступлениями жителей древнего Лациума, направленными против власти Рима. Суть двух восстаний, разделённых в истории более чем тысячью лет, – одинаковая: нежелание подчиняться политическому центру, осуществлявшему по отношению к своим провинциям режим угнетения. В случае с Ареццо и Вальдикьяной таким центром была Флоренция, в случае же с Лациумом – Рим. И тогда, в античный период, и теперь, во время, в котором жил Макиавелли, – подобные мятежи не являются для автора сочинения новостью: они всегда были, есть и будут реакцией итальянского народа на проявление по отношению к нему какого – либо произвола. В этом смысле, как отмечает Никколо Макиавелли, нравы людей на Апеннинах не следует дифференцировать как проявление исторического контекста их жизни: «Говорят, что история — наставница наших поступков, а более всего поступков

князей, что мир всегда населен был людьми, подвластными одним и тем же страстям, что всегда были слуги и повелители, а среди слуг такие, кто служит поневоле и кто служит охотно, кто восстает на господина и терпит за это кару. Кто этому не верит, пусть посмотрит на Ареццо и на всю Вальдикьяну, где в прошлом году творились дела, очень схожие с историей латинских племен. Как там, так и здесь было восстание, впоследствии подавленное, и хотя в средствах восстания и подавления есть довольно заметная разница, но самое восстание и подавление его схожи» [3, с. 2]. Но что представляется флорентийцу намного более важным применительно к внешней схожести этих двух событий – разница в том, что за ними последовало. Даже не столько в средствах подавления двух мятежей (они – то как раз оказались близки по сути, так же, как и сами мятежи); в наказании действий мятежников. По мнению Макиавелли, тактика Рима по определению формы возмездия за подобные преступления против собственной власти была достаточно эффективной, чтобы предупреждать их впредь. Эта тактика в отношении непримиримых врагов Рима включала в себя два варианта действий: «…Одно — это разрушить город и переселить жителей в Рим, другое — изгнать из города его старых жителей и прислать сюда новых или, оставив в городе старых жителей, поселить туда так много новых, чтобы старые уже никогда не могли злоумышлять и затевать что-либо против Сената. К этим двум средствам и прибегли римляне, когда разрушили Велитернум и заселили новыми жителями Анциум» [3, с. 2]. Действительно, традиционная античная практика осуждений восстаний предполагала наказывать таковые вполне конкретными мерами. Так ли поступила Флоренция? Увы, действия тосканской республики по отношению к мятежникам Ареццо и Валидикьяны невозможно охарактеризовать как проявление конкретики: наоборот, это были лишь полумеры. По отношению к городам, проявившим к властям Синьории покорность и готовность подчиниться на любых её условиях, санкций вообще не последовало: местные правящие учреждения не были ни расформированы, ни реорганизованы; не ужесточилась к ним и фискальная политика республики [1, с. 94]. Что до Ареццо, то, по Макиавелли, 5/6 жителей города остались в нём без какой – либо ассимиляции с пришлым населением –

тем самым мятежные настроения аретинцев никак не были предупреждены на будущее; остальные же подверглись малоприятной участи «козлов отпущения» в самой Флоренции: «Как мне кажется, вы не сделали с аретинцами ни того, ни другого: вы переселили их во Флоренцию, лишили их почестей, продали их имения, открыто их срамили, держали их солдат в плену — все это нельзя назвать благодеянием. Точно так же нельзя сказать, что вы себя обезопасили, и вообще не сумели так поставить дело, чтобы при новых затруднениях и войнах нам не пришлось тратить больше сил на Ареццо, чем на врага, который вздумает на нас напасть» [3, с. 3].

В очередной раз Макиавелли предстаёт перед нами принципиальным человеком, ратующим за конкретные и решительные действия в рамках реализации флорентийским государством его дипломатического курса. Ареццо не столь важная единица в системе политических отношений Италии, чтобы Флоренция – могущественная, богатая республика – искала компромисс, выгодный аретинцам, для урегулирования возникшего с ними конфликта. В этой ситуации Синьории, по мнению Никколо, следовало разрешить возникшую проблему по заветам великих античных предков, таких, как Луций Фурий Камилл, подавивший восстание в Лациуме [6, p. 1]; в этом не было бы никакого «древнего варварства» – это отлаженная стратегия предотвращения подобных ситуаций в дальнейшем. Полумеры же Синьории в связи с ситуацией в Ареццо как раз не осторожность, а непоследовательность. Непоследовательность, вступавшая в явное противоречие с сочетанием virtu-necessita – доблести и необходимости. Сочетанием, которое найдёт отражение во взглядах Макиавелли как политического теоретика в знаменитом «Государе» [2, с. 17]. Сочетанием, соответствовавшем и базовому принципу деятельности Макиавелли-дипломата, по своему характеру нисколько не склонного к авантюрам и, подобно колоссам древних лет, всегда следовавшего своему долгу.

Список литературы

1. Каппони Н. Макиавелли / пер. с англ. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 372 с.

2. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. Г. Муравьёвой. М.: Планета, 1990. 84 с.

3. Макиавелли Н. О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны // Макиавелли Н. Избранные сочинения. Харьков: Фолио, 2001. С. 5 – 12.

4. Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение / пер. с англ. под ред. М. Шарлая. М.: АСТ, 2009. 160 с.

5. Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. 158 с.

6. Roberto Ridolfi. The Life of Niccolò Machiavelli / transl. by Cecil Grayson. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 364 p. (Ed. originale: Ridolfi R. Vita di Niccolo Machiavelli. Firenze, 1954).

Хоменкова Виктория Юрьевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Паламарчук Анастасия Андреевна, доктор исторический наук, доцент

Английские трактаты о знати конца XVI – начала XVII века на примере трактатов Роберта Наунтона и Уильяма Сегара

English treatises on the nobility of the late XVI – early XVII century on the example of the treatises of Robert Naunton and William Segar

Аннотация. *Данная статья посвящена сравнению двух трактатов, посвященных функционированию придворного сообщества в Англии на рубеже XVI-XVII вв. Здесь рассматриваются основные положения работ Уильяма Сегара и Роберта Наунтона, а также схожие идеи, которые стали выражением изменяющихся социальных норм в непростой период английской истории.*

Ключевые слова: *знатность; придворное общество; высшая и низшая знать Стюарты; Тюдоры; антикварное общество.*

Abstract*. This article is devoted to the comparison of two treatises on the functioning of the court community in England at the turn of the XVI-XVII centuries. Here, the main points of the work of William Segar and Robert Naunton, as well as similar ideas that became the expression of changing social norms in the difficult period of English history, are examined.*

Key words*: nobility; court; Stuarts; Tudors; 16-17th centuries; minor and major nobility; antique community.*

В Англии раннего нового времени получают широкое распространение трактаты, посвященные образу знатности и знати и функционированию придворного сообщества. В многом это было связано с деятельностью Антикварного общества – собрания крупнейших английских интеллектуалов, интересующихся историей своей страны. Данное интеллектуальное течение было связано с поиском, коллекционированием, систематическим описанием и классификацией исторических документов и источников. «Спектр вопросов, интересовавших антикваров был чрезвычайно широк:

от ориенталистских и гебраистских сюжетов до истории права, геральдики и генеалогии» [4, с. 18]. Это интеллектуальное течение стало закономерным следствием из эпохи специфического английского ренессанса с его англоцентрическими идеями. При этом актуальными для антиквариев оставались современные им сюжеты, которые по большей части и находили отражения в трактатах.

В условиях данной интеллектуальной среды создавались самые известные трактаты Уильяма Сегара, придворного художника королевы Елизаветы I. Его трактат «О достоинстве, военном и гражданском», написанный в 1602 году, за год до смерти королевы и воцарения Стюартов, является одним из наиболее полных для своего времени исследований, созданных на английском языке и поднимающих вопросы о критериях знатности, военном праве, гражданской службе и рыцарских орденах, и вписывается в череду трактатов других антиквариев со схожей тематикой, источниками и риторическими приемами.

Несколько другой формат подобных трактатов представляет работа политического деятеля стюартовской эпохи – Роберта Наунтона. Его трактат «Fragmenta Regalia», посвященный придворному обществу Елизаветы I, был написан спустя почти 30 лет после смерти королевы и преследовал цель воссоздания блестящей эпохи, которая должна была стать примером для Карла I Стюарта.

В центре внимания обоих авторов находится придворное общество в Англии раннего нового времени, однако цели, методы, идеи и их реализация имеют значительные отличия.

Уильям Сегар как непосредственный член английского Антикварного общества опирался на те принципы написания трактатов, которые были характерны для его «коллег». «Антикварии отражали в своих исследованиях реальные перемены, произошедшие по сравнению с более ранними периодами; более или менее систематически изложенные и осмысленные факты, представленные широкой публике на страницах, написанных признанными экспертами, сами должны были положить начало созиданию новой традиции и, следовательно, новому пониманию нормы» [4, с. 10]. То есть целью создания трактата Сегара «О достоинстве, военном и гражданском» можно считать: во-первых – фиксацию социаль-

ных изменений, а во-вторых – в какой-то степени стимулирование этих изменений с целью создания новой традиции и ее формального закрепления.

Что касается Наунтона, то создание его трактата пришлось на непростой период правления первых Стюартов, когда у современников пробуждалось стремление к рефлексии и они обращались к прошлому в поиске ответов на актуальные для них вопросы.

Период наибольшей популярности трактата пришелся на 40-е годы XVII века, когда «политический конфликт, перешедший затем в вооруженное противостояние внутри страны, повлиял на то, что в глазах большинства современников королевский двор перестал быть органичным "продолжением" или "развертыванием" персоны монарха» [5, с. 9]. Современники отмечали ощущение обрушения привычного порядка, чувство страха, досады и неуверенности у населения. И вина за эти объективные процессы возлагалась в массовом сознании на монархию, двор и королевскую администрацию [2, с. 14]. В данном контексте труд Наунтона стал ответом на сложившуюся в обществе обстановку.

Таким образом, оба трактата стали отражением сложных социальных процессов в период смены династии и ее утверждения на английском престоле. В трактате Сегара представлена актуальная для него реальность, современное состояние общества, где его произведения работают на создание и закрепление новых социальных норм. Наунтон же, в отличие от него обращается к прошлому, реконструирует его для воссоздания мифологизированного образа «золотого века Елизаветы», который должен был стать рецептом для королей новой эпохи [7, с. 99].

Центральной темой обоих трактатов, как и многих других трактатов данной эпохи, является иерархия знати и критерии знатности. Однако формы реализации данной темы в них существенно отличаются. Так, в трактате Сегара представлена полноценная иерархия знатных титулов от высшего, относящегося к так называемой nobilitas major, т.е. титулованной знати, до джентльмена – низшего представителя nobilitas minor [10, p. 214]. К носителям знатного достоинства он предъявляет ряд традиционных требований, а также вводит список критериев, необходимых для принадлежности к зна-

ти. Так, первостепенный критерий, имеющий определяющее значение – это родовитость.

Второй критерий – мудрость, которая является одним из определяющих личностных качеств человека, по мнению Сегара. Вообще, личным качествам он уделяет значительное внимание, помещая их в так называемый «этический кодекс», где прописана необходимость каждого знатного человека следовать базовым христианским и рыцарским добродетелям. Третий критерий – это образование. Все это Сегар оформляет в строгую иерархию с прописанными требованиями к каждой категории.

Наунтон выбирает противоположный подход. В его трактате фигурируют биографии двадцати двух личностей, среди которых – государственные служащие, военные и деятели искусства. Их биографии схожи и соответствуют определенным принципам повествования, но при этом каждая имеет какую-либо отличительную черту, которая выражает точку зрения и личное отношение к ним самого Наунтона. С точки зрения биографического жанра данный трактат возносится к так называемому александрийскому типу, впервые примененному к государственным деятелям Светонием в «Жизни двенадцати цезарей» [1, с. 260].

Подход к изложению биографии, который выбирает Наунтон, оказывается созвучен трактату Сегара. Каждый очерк строится по определенному принципу, где основная идея заключена в поиске факторов, за счет которых тот или иной человек оказывается знатен и близок ко двору. Таким образом, хоть и не явно, Наунтон также вводит понятие критериев знатности, которые оказываются у него идентичными критериям Сегара. Каждый биографический очерк строится вокруг того или иного критерия, что позволяет проследить отношение самого Наунтона к данным личностям. Особое внимание, которое он уделяет личным качествам, показывает, что, хоть высшая знать и обладала приоритетом в очереди за королевской милостью, у них не было монополии на благосклонность Елизаветы, и уникальные способности в обход родовитости могли стать хорошим проводником ко двору [7, с. 100].

В целом, можно сказать, что оба подхода были эффективны и работали на появление, закрепление и воссоздание существу-

ющих или существовавших ранее социальных норм. Несмотря на то, что во многом цели авторов отличались, а сами трактаты были написаны при разных обстоятельствах, в них изложены схожие идеи, что свидетельствует о существовании определенной традиции написания тематических трактатов в интеллектуальной среде Англии рубежа XVI-XVII вв.

Список литературы

1. Гаспаров М. Л. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. С. 258-272.

2. Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. М.: Академия, 2010. 192 с.

3. Паламарчук А. А. «Kings by God's appointment»: проблемы монархической власти раннестюартовской эпохи в сочинениях лондонского Антикварного общества // Вестник С.-Петерб. Ун-та. Сер 2. 2006. Вып. 5. С. 126-132.

4. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013. 210 с.

5. Паламарчук А. А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // Королевский двор в Англии XV – XVII вв. / под ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2015. С. 9-26.

6. Федоров С.Е. Аристократия в составе раннестюартовской титулованной знати (1603 – 1629): дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский гос. университет. СПб, 2005.

7. Хоменкова В.Ю. Универсум двора королевы Елизаветы I в трактате Роберта Наунтона «Fragmenta Regalia // Шаг в историческую науку: материалы XIX всерос. конф. Екатеринбург, 2019. С. 99-101.

8. Miller A. A source for Segar's Honor Military and Civil // Notes and Queries. 1997. Vol. 44. № 4. P. 516-521.

9. Naunton R. Fragmenta Regalia; being a history of Queen Elizabeth's favorites / Ed. by J. Ballantyne. Edinburgh., 1808. 191 p.

10. Segar W. Of Honor Military and Civil/ Ed. by R. Barker. London, 1602. 256 p.

Белова Наталья Руслановна,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель:
Наумов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Восприятие ереси в книге силезского иезуита Матея Виерия «Христослав»

Perception of heresy in the book of the Silesian Jesuit Matthias Vierius “Christoslaus”

Аннотация. *В данной статье рассмотрено понимание ереси, представленное в книге силезского иезуита Матея Виерия «Христослав». Исследуется то, кого автор «Христослава» относит к еретикам, какие методы и средства он предлагает для борьбы с ними. В работе через призму литературного произведения XVII века рассмотрена религиозная ситуация в Чешских землях, проанализирован взгляд современника на рекатолизацию Чешских земель.*

Ключевые слова: *история Чехии; католическая церковь; рекатолизация; иезуиты; ересь; литература барокко.*

Abstract*. This article examines the perception of heresy presented in the book of the Silesian Jesuit Matthias Vierius “Christoslaus”. The work analyzes, who the author of “Christoslaus” refers to the heretics, what methods and means of the struggle with heretics he proposes. In the article through the prism of the literary work of the XVII century is considered the religious situation in the Czech lands, is analyzed the view of the contemporary on re-Catholization of the Czech lands.*

Key words*: history of Czechia; Catholic church; re-Catholization; Jesuits; heresy; literature of the Baroque.*

В центре внимания данной статьи находится рекатолизация Чешских земель и восприятие ереси и еретиков современником и участником этого процесса. Рекатолизация представляет собой процесс возвращения населения в католическую веру и укрепления позиций католической церкви. Сложная религиозная ситуация в Чешских землях, связанная с последствиями гуситского движения и распространением идей Реформации, обусловила необходимость

проведения контрреформационной политики. Первый, добелогорский, этап рекатолизации характеризовался относительной веротерпимостью, но в побелогорский период усиление центральной власти и ослабление сословий позволили перейти к всеобщей и насильственной рекатолизации. Этот процесс привел к превращению Чехии в католическую страну и нескольким волнам эмиграции протестантского населения.

В связи с вышеописанным процессом очень интересным и актуальным представляется вопрос о том, как воспринимались ересь и еретики в исследуемый период, ведь рекатолизация предполагала борьбу с некатоликами, которые, естественно, воспринимались как еретики. Выбранный мной источник – книга Матея Виерия «Христослав» – предоставляет исследователю возможность посмотреть на образ еретика, созданный современником, к тому же внесший значительный вклад в реализацию рекатолизационной политики. Матей Виерий был силезским иезуитом, он занимался проповеднической и миссионерской деятельностью в Чехии, Моравии и Силезии, а также написал два литературных произведения, одно из который будет проанализировано в данной статье. Следует добавить, что Виерий является малоизвестной фигурой как в чешской, так и в отечественной историографии, что придает работе новизну.

Целью данной работы является анализ восприятия ереси и еретиков в «Христославе» Матея Виерия. В связи с этим необходимо решить ряд задач. Во-первых, важно рассмотреть взгляд иезуита на источник ереси. Во-вторых, следует проанализировать методы и средства борьбы с еретиками, предлагаемые Виерием. В-третьих, необходимо задаться вопросом о цели борьбы с ересью. Наконец, важно исследовать взгляд иезуита на то, является ли борьба с ересью делом духовной или светской власти.

В качестве источника для данного исследования была выбрана книга Матея Виерия «Христослав», изданная в 1689 году. Это сочинение представляет собой произведение сложного жанра, в нем присутствуют элементы проповеди, притчи, зерцала, барочной легенды и эпической литературы. Книга повествует о жизни вымышленного князя Христослава, правителя вымышленного Алмариканского го-

сударства, под которым, на мой взгляд, подразумеваются Чешские земли или монархия Габсбургов. Одной из главных целей создания этого произведение, на мой взгляд, было прославление династии Гасбургов и их политики в области рекатолизации. Кроме того, в своей книге Виерий суммирует свой опыт миссионерской и проповеднической деятельности и дает ценные советы по обращению еретиков в католическую веру.

Следует задаться вопросом, кого иезуит называет еретиками. Поскольку «Христослав» повествует о рекатолизации, под еретиками подразумеваются представители некатолических вероисповеданий (староутраквисты, чешские братья, лютеране, кальвинисты). Именно в борьбе с ними и возвращении их в лоно католической церкви Виерий видит главную задачу идеального государя. В чем же иезуит видит источник этих ересей? Его точка зрения по этому вопросу достаточно типична: он полагал, что идеи гусизма и Реформации, увлекшие за собой огромное количество людей, являются «дьявольским учением» [8, p. 406], «хитростями дьявольскими» [8, p. 403]. Однако очень интересно то, что Виерий обращает внимание не на богословские, а на бытовые причины приверженности еретическому вероучению. В своей книге иезуит приводит возражения простых людей против перехода в католичество, которые заключаются, например, в том, что их родители не были католиками.

Каким образом Виерий предлагает бороться с еретиками? В первую очередь, он считает необходимым прибегнуть к мирным средствам, а именно к проповеди, миссионерской и педагогической деятельности. В десятой главе своей книги иезуит подробно объясняет, как миссионер должен убеждать некатолическое население в ложности их вероучения, какую аргументацию он должен приводить. Особое внимание уделено опровержению тезиса о необходимости Причащения под обоими видами, поскольку для Чешских земель вопрос о чаше стал не только богословской проблемой, но и частью идентичности. Однако мирные средства не всегда оказывались эффективными, в связи с чем возникала необходимость применения насильственных методов, вплоть до казней и военного вмешательства. Как человек с огромным опытом миссионерской деятельности

Виерий признает, что на практике страх перед личным наказанием оказывается сильнее страха перед адом [8, p. 324]. В реальности насильственные меры обычно заключались в расквартировке солдат в непокорном населенном пункте, которые пребывали там до тех пор, пока население не соглашалось сменить веру или покинуть страну [4, p. 105].

Важно отметить, что наказание еретиков, с точки зрения Виерия, не является главной целью. Основная задача заключается в возвращении населения в лоно католической церкви, поскольку только в ней возможно спасение. Причем речь идет не только о спасении отдельных людей, но и о благе всего государства, поскольку Бог решает, каким странам процветать, а каким погибнуть. В «Христославе» речь идет не просто о борьбе с ересью, а о политике, направленной на установление религиозного единства в стране. Виерий пишет: «Жалкое и грустное зрелище представляют те, кто, будучи одного креста, одного имени, одного господина, одного языка, не хотят быть одной веры» [8, p. 65].

Интересным представляется то, что автор обвиняет несарогцев не только в отступлении от католической веры, но и в том, что они восстали против своего законного государя («тех, кто был причиной этого волнения, предал смерти, <…> чтобы другие по их примеру не восстали против своего государя») [8, p. 370]. Таким образом, еретики воспринимаются также как нарушители общественного и государственного спокойствия. Подобную аргументацию мы встречаем и в патенте Фердинанда II от 31 июля 1627 года, где сказано, что с проникновением ересей (а именно протестантских течений) «сразу начались беспорядки, раздоры и нечестия между всеми подданными, как не менее опасные восстания и мятежи против власти» [9, p. 174].

Видит ли Виерий возможность компромисса с некатоликами? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Все некатолические течения иезуит называет «вратами ада» [8, p. 378], никакие уступки еретикам, с его точки зрения, невозможны. Подобный взгляд был характерен для побелогорского периода, хотя в годы Тридцатилетней войны велась серьезная полемика по вопросу о возможности компромисса.

Борьбу с еретиками и рекатолизацию страны Матей Виерий считает задачей монарха, духовная же власть практически не представлена в «Христославе». Подобная точка зрения может объясняться очень трудным положением католической церкви в Чешских землях не только в добелогорский период, но и в первые побелогорские годы [9, p. 31]. В Чехии именно Габсбурги выступили инициаторами политики рекатолизации, хотя церковная власть также сыграла в ней свою роль.

Таким образом, в «Христославе» представлено восприятие ереси не только как отступления от истинной веры, но и как фактор, мешающий достижению религиозного единства в государстве, что являлось важной задачей Габсбургов [1, p. 240]. Борьба с еретиками воспринимается автором как обязанность правителя, который ответственен перед Богом за свой народ, который он должен привести к спасению. Дальнейшее исследование восприятия ереси и отношения к еретикам в период рекатолизации, на мой взгляд, позволит внести вклад в понимание дискурса еретического в католической культуре.

Список литературы

1. Bireley R. Ferdinand II: Founder of the Habsburg Monarchy // Crown, Church and Estates: Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Houndmills, 1991. P. 226 – 244.

2. Bireley R. The Jesuits and the Thirty Years War: Kings, courts, and confessors. Cambridge, 2003.

3. Černý V. Až do předsíně nebes: Čtrnact studii o baroku našem i cizím. Praha, 1996.

4. Čornejová I. Tovaryšstvo Ježíšovo. Jezuité v Čechách. Praha, 1995.

5. Jezuité a Klementinum: Publikace vydana pri příležitosti 450. výročí přichodu jezuitů do zemi Koruny české // Národní knihovna ČR, Richterová A., Čornejová I. Praha, 2006.

6. Jirásko F. Reformace a rekatolizace ve Slezsku a Kladsku v 16. – 18. století. Liberec, 2018.

7. Kalista Z. Matěj Vierius (1634 – 1680) // Česká literatura. R. 17. 1969. Č. 5. S. 474 – 505.

8. Matěg Vierius. Christoslaus aneb žiwot Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člowěk welmi pěkný přiklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689.

9. Mikulec J. 31.7.1627. Rekatolizace šlechty v Čechách: čí je země, toho je i náboženství. Praha, 2005.

10. Panek J. The Religious Question and the Political System of Bohemia before and after the Battle of the White Mountain // Crown, Church and Estates: Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Houndmills, 1991. P. 129 – 148.

11. Sládek M. Vieriův Kristoslav a pobělohorská rekatolizace Čech // Literární archiv. R. 27. 1994. S. 229–246.

12. Wolny R. Oberschlesische Ordensgeistliche als Barockschriftsteller in Böhmen // Archiv für schlesische Kirchengeschichte. Jg. 62. 2004. S. 163–177.

Филиппова Вероника Леонидовна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор

Шпионы на русско-литовском пограничье во время Полоцкой кампании Ивана Грозного по материалам Архива Сангушко

Spies at the Russian-Lithuanian border during the Ivan the Terrible's Polotsk campaign based on materials of Sangushko's archives

Аннотация. *В статье рассматривается социальная роль шпионов, работавших на Великое княжество литовское, в обществе середины XVI в. В частности, затрагиваются такие вопросы, каков был их социальный статус и имели ли они профессиональную идентичность.*

Ключевые слова: *Ливонская война; русско-литовская война 1561-1570 гг.; Великое княжество литовское; шпионы; шпеги; социальный статус; профессиональная идентичность.*

Abstract*. The article deals with the social role of spies, who worked for Grand Duchy of Lithuania, in the society of the middle of 16th century. In particular, social status and professional identity issues are being concerned.*

Key words*: Livonian war; Russian-Lithuanian war; Grand Duchy of Lithuania; spies; shpegi; social status; professional identity.*

Полоцкая кампания Ивана Грозного (1563-1579 гг.) характеризуется почти полным отсутствием больших сражений, строительством многочисленных пограничных крепостей русскими войсками и партизанской тактикой войны литовскими [3]. Это требовало постоянной разведки, благодаря которой можно было знать о передвижении превосходившего по численности неприятеля. Именно для этих целей активно используются шпеги в период с 1567 по 1568 гг., что можно проследить по немногочисленным материалам, сохранившимся в Архиве Сангушко [7]. В этой работе мы попытаемся восстановить их социальный статус и положение в обществе.

Социальный статус в источниках указывается далеко не всегда даже косвенно. Из тех лиц, которых можно как-то идентифициро-

вать, в документах упоминаются следующие. Федька Олидерович Добровицкий, родом со Смоленска [7, s. 133, nr. CXXV]. Тут как минимум можно сказать, что он городского сословия, а раз упоминаются отчество с фамилией, а не прозвище, значит, из достаточно обеспеченного сословия, возможно, купеческого, ремесленного или даже дворянского. Далее Никидор Смолин по прозвищу Свойтина [7, s.148, nr. CXXIX]: в этом случае важно, что упоминаются его слуги, значит, это опять же человек не из простых мужиков, как минимум какой-то урядник; может быть, какой-то другой служилый человек, или опять же купец, дворянин, зажиточный горожанин. Дальше упоминается Микула [7, s. 133, nr. CXXV], мещанин оршанский, правда, он упоминается как один из предателей, шпионивших на Москву. Также в письма Баркулаба Ивановича Корсака говорится о «детине с Полоцка» [7, s. 202, nr. CLXVI] – тут, видимо, имеется в виду мещанин, возможно, низкого социального статуса. Видимо, Васько Глазко и Васько Станков [7, s. 222, nr. CLXXXII] тоже либо мещане низкого происхождения, либо крестьяне, раз их называют по прозвищам. Важно упомянуть и информацию из письма ротмистра Мартина Яцынича о людях с пограничья, которые выдают московскому правительству литовских шпегов: тут он прямо пишет, что речь идёт о мужиках из окрестных деревень [7, s. 190, nr. CLV]. Интересный пассаж содержится в письме Ходкевича от 28 сентября 1567 г. [7, s. 206, nr. CLXX]. Рассказывая о перемещении неприятельских войск и строительстве замка, Ходкевич упоминает и перебежчика с Суши, который принёс часть этой информации – Фёдор Дмитревич, сын боярский.

В том же письме Ходкевич прямо даёт указание о том, что шпеги должны записывать имена воевод «на свои листы», т.е. предполагается, что шпеги должны владеть грамотой.

Что же мы имеем по итогу? Получается, что среди шпегов были самые разные социальные группы: дети боярские, другие служилые люди, мещане, крестьяне. Скорее всего, людей из более высоких социальных сословий было всё же меньшинство по сравнению с крестьянской массой. К тому же, как уже упоминалось, шпионаж среди крестьян на пограничье был весьма распространён. Особенно интересно, что какая-то часть шпегов владела грамотой, т.е. это были уже не крестьяне, а, по крайней мере, мещане или какие-нибудь мелкие урядники.

Теперь что можно сказать об общественном отношении к шпегам? По крайней мере, великий гетман Григорий Ходкевич отлично понимает роль шпионов в ведущейся войне. Он неоднократно даёт распоряжения по взаимодействию с ними Роману Сангушко и другим воеводам и старостам, беспокоится, что шпеги остаются без жалования [7, s. 112, nr. CX; s. 133, nr. CXXV; s. 145, nr. CXXVIII]. Также надо заметить, что он, несомненно, разбирается в том, как работают шпеги, и некоторые их приёмы он знает лучше Сангушко [7, s. 152, nr. CXXX; s. 206; nr. CLXX]. Не вызывает сомнений, что он относится к военному шпионажу с большой серьёзностью и знанием дела. Наоборот, часть воевод и старост под командованием Сангушко и Ходкевича, кажется, совсем не интересовалась вопросом, относилась к своим обязанностям с разгильдяйством и покрывала вражеских шпионов из-за кумовства. Ходкевич не раз жалуется на это в своих письмах, упоминая и то, что король не хочет искать на них управу [7, s.148, nr. CXXIX; s. 133, nr. CXXV]. Про отношение крестьянского населения пограничья сложно сказать наверняка. Как уже говорилось в начале, отношения на границе в условиях военного времени были сложными, но всё же большинство населения, видимо, были на стороне литовской власти, по крайней мере, пока их не запугали московиты (как пишет И. Ауэрбах) [8]. Например, примечателен эпизод о казацких разъездах, за которыми шпегали деревенские мужики [7, s. 190, nr. CLV]. Причём в письме даже указывается на наличие поимённого списка «предателей».

Подводя итог, нужно сказать, что отношение к шпегам было самое разное. По крайней мере, Ходкевич и Сангушко прекрасно понимали, насколько они важны в сложившихся условиях войны, видимо, подчинявшиеся им командиры тоже действовали в соответствии с этой установкой, но явно не все. Что касается крестьян, то всё-таки напрашивается вывод о том, что большая их часть была лояльна Литве, к тому же надо не забывать, что сами крестьяне часто ходили шпегами.

Теперь перейдём к денежному вопросу. Информация о том, что шпегам не платили жалование, содержится сразу в двух документах: и Ходкевич, и оршанский ротмистр Богуш Селицкий жалуются на то, что им нечем заплатить жалование [7, s. 272; nr. CCXXI;

s. 145, nr. CXXVIII]. Гетман, например, даже пишет о том, что просил денег для оплаты у королевского подскарбия (т.е. казначея), но и тот ему ничего не дал. И. Ауэрбах упоминает, что перебежчикам (именно перебежчикам, а не шпионам) щедро платили [8]. В.И. Кананович пишет то же самое про шпионов: он анализирует документ за 1530 г., сообщающий о неком Арцёме Кучку, и предполагает, что шпеги могли наниматься из батраков (бедная социальная категория сама по себе) и что работа шпега могла неплохо оплачиваться, раз он смог нанять батрака вместо себя [1]. Однако вряд ли можно судить об общем состоянии дел, основываясь лишь на одном документе, в котором описан лишь один случай – мы не знаем, закономерность это или исключение из правил. В общем и целом, картина складывается противоречивая: одни источники говорят о хорошей оплате, другие – о задержке жалования (что не удивительно, учитывая финансовое положение ВКЛ во время войны). Можно свести это к среднему значению и сказать: плата была хорошей, но заплатить за работу могли далеко не всегда.

Рассуждать о социальном положении шпегов на основе имеющихся скудных данных можно долго, но всё же попытаемся сделать некоторые выводы. Что же объединило всех этих очень разных людей – крестьян, мещан, урядников, даже дворян – под одним названием? Наверное, имеет смысл всё же склониться к самому простому варианту – деньги. Да, как уже было сказано, шпегство оплачивалось хоть и высоко, но не регулярно, да и занятие это было весьма рискованным. Но не надо забывать, что речь идёт о разорённым войной пограничье, где очень медленно устанавливается стабильная власть, а земли постоянно грабятся и переходят из рук в руки. Вряд ли в таких условиях можно говорить о благоприятном стабильном экономическом положении, так что нет ничего удивительного, что люди разных социальных прослоек принимались за такую рискованную работу.

Есть ли смысл говорить о специализации, выделении особой воинской профессии, представители которой занимались только шпионажем и ничем больше? По крайней мере, общее название точно выделяло их из массы окружающих мещан, крестьян и военных. Скорее всего, методы их работы тоже часто могли совпадать. Но вряд

ли можно предположить, что настолько разрозненная группа имела какое-то общее чувство профессиональной идентичности, всё-таки они были разбросаны и в территориальном, и в социальном плане, к тому же их «специальность» должна была сохраняться в тайне, а единственными точками схода для них были литовские командиры. Для местных крестьян это точно не было основным занятием, скорее, временным заработком, так же можно сказать и о беднейшем слое мещан. Представителей других социальных групп среди шпегов было не так уж и много. Поэтому хотя мы и определяем шпегов как отдельную группу, надо понимать, что это не считалось профессией в привычном нам понимании, как могли бы сказать о себе военные или ремесленники.

Список литературы

1. Кананoвіч У.І. Інфармацыйна-выведная служба ў Вялікім княстве Літоўскім у познім сярэднявеччы. Мінск: Castrum, urbis et bellum: Зборнік навуковых прац, 2002. 421 с.

2. Филюшкин А.И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. Ч. II. 2015. URL: http://www.milhist.info/lecture (дата обращения 23.02.2018).

3. Филюшкин А.И., Кузьмин А.В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563-1579 гг. М.: Русские витязи, 2017. 174 с.

4. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1978. 302 с.

5. Янушкевич А.Н. Ливонская война 1558-1570 гг. и Великое княжество Литовское. Минск: Медисонт, 2013. 361 с.

6. Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558-1570. М.: Квадрига; Русская панорама, 2013. 381 с.

7. Archiwum Książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. VII: 1554-1572. Lwów, 1910.

8. Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Rußland und das Großfürstentum Litauen. Russian History. 1987. Vol. 14. № 1-4. P. 5-35.

Сорокина Анастасия Андреевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Близнюк Светлана Владимировна, доктор исторических наук, доцент

Христиане на Святой Земле в XII–XV вв.: взгляд древнерусских паломников

Christians on the Holy Land in the XII–XVth centuries: the view of the old-Russian pilgrims

Аннотация. *В данной статье рассмотрена эволюция взглядов древнерусских паломников на христианское население Святой Земли в XII-XV вв. Автор приходит к выводу, что их отношение к неправославным христианам изменилось в худшую сторону. Однако паломники сохранили значительную веротерпимость. Актуальность работы обусловлена растущим интересом общества к проблеме восприятия «иного».*

Ключевые слова: *Святая Земля; Иерусалим; древнерусские паломники; хождения; православие и католицизм; межконфессиональные отношения.*

Abstract. *The evolution of the old-Russian pilgrims' views on Christian population of the Holy Land during the XII-XVth centuries is examined in this article. The author concludes that their attitude towards non-Orthodox Christians has changed for the worse. However, the pilgrims have kept considerable toleration. Relevance of the work is determined by the growing interest of the society to the problem of perception of the "another".*

Key words: *the Holy Land; Jerusalem; old-Russian pilgrims; pilgrim tales; orthodoxy and Catholicism; interconfessional relations.*

Становление христианства на Руси включало в себя, помимо прочего, распространение традиции паломничества в Святую Землю (Иерусалим с окрестностями, места земной жизни Христа). Уже во времена князя Владимира благочестивые путники достигали Па-

лестины, а с начала XII века известны описания их странствий [2, с. 33], по-другому, хождения.

Безусловно, в своих трудах паломники, в первую очередь, стремились передать внешний облик святынь и описать своё поклонение им. Помимо этого, в хождениях остался широкий пласт историко-этнографической информации, в частности, сведения об отношениях между представителями различных этноконфессиональных групп и собственное мнение странников об этих группах. Поэтому возникает вопрос: каков был взгляд древнерусских паломников на лиц иного вероисповедания?

В отечественной историографии [5, 6, 7] представлены общие характеристики без учёта менявшейся обстановки в XII-XV вв. Нам же предстоит выполнить более подробный ретроспективный анализ взглядов паломников. Из-за обширного массива источников мы ограничимся рассмотрением отношения к неправославным христианам.

Исходя из этого, цель нашей работы – исследование эволюции отношения древнерусских паломников к представителям различных христианских церквей в Святой Земле XII-XV вв. Для её достижения мы обратились к хождениям 4 паломников: игумена Даниила (1104-1106 гг.) [7, с. 10], архимандрита Агрефения (1370 г.), Игнатия Смолянина (рубеж XIV-XV вв.), инока Зосимы (1419-1422 гг.) [5, с. 313-314]. Другие подобные источники XII-XIII вв. до нас не дошли.

В хождении игумена Даниила, первом известном памятнике этого жанра, освещается ситуация после Первого крестового похода, но об этом событии в тексте нет ни единого слова. В целом, в используемых нами источниках лексика, относящаяся к теме крестоносного движения, употребляется однократно, и даже не в контексте описания Святой Земли. Инок Зосима сообщает, что на Родосе «седит… маистр великии… у него крестоносци и церковныя люди носяще кресты на левых плечех» [11, с. 24]. Внимание к элементам одежды не означает интерес к деятельности людей. В историографии сложились два представления о причинах подобной незаинтересованности в крестоносной идее: первое заключается в предположении о том, что «войны крестоносцев… даже косвенно не затрагивали интересов Руси» [1, с. 80], а второе, отражённое, например, в работах

В.С. Соловьёва, вызвано мыслью о глубоких внутренних различиях «созерцательного» православия и «практичного» католицизма, активно воплощавшего христианские идеи в жизнь, и далеко не всегда мирным путём [8, с. 136].

Как бы то ни было, православные паломники не могли не заметить, что в конце XI в. власть над Палестиной перешла в руки католических монархов, и поэтому патриархом Иерусалимским был назначен западный иерарх. Вместе с тем, мы не наблюдаем неравноправия в отношениях, конфликтов православных греков и грузин с католиками, взаимных обвинений в ереси. Литургию в храме Воскресения Христова служили вместе католические и православные священники: первые стояли в алтаре, вторые – над Гробом Господним [4, с. 133].

Однако немногочисленные намёки на правоту православия всё же присутствуют в словах Даниила. Рассказывая о легендарной жертве первого священника израильтян Мелхиседека, игумен говорил, что так было положено начало «литургиам хлебом и вином, а не опресноком» [4, с. 114], указывая на неверный католический обряд причащения Тела и Крови Христовых. Описывая лампады на Гробе Господнем, паломник отметил, что три из них: греческая, от лавры святого Саввы и самого Даниила – загорелись от Благодатного огня, а «фряжские» – нет [4, с. 129]. Кроме того, во время субботней литургии «правовернии» начали «вечернюю пети», а «латина» именно «верещати свойскы» [4, с. 133].

Но эти замечания отнюдь не предполагают общее отрицательное впечатление Даниила о католиках. На протяжении всего текста мы не обнаружили ни одного негативного эпитета или сравнения, связанного с их религиозной принадлежностью. Западные христиане называются только «фрязями» или «латинами».

Более того, паломник с большой теплотой отзывался о католике, Иерусалимском короле Балдуине I, отмечая его доброту, скромность и благочестие [4, с. 127, 131], с благодарностью вспоминал, что правитель разрешил ему поставить на Гробе Господнем лампаду от имени всей Русской земли, а в Страстную субботу приказал отвести Даниила на лучшее место для обзора схождения Благодатного огня [4, с. 128, 133]. Также игумен рассказывал о том, как паломники присоединя-

лись к королевскому войску, шедшему в Иерусалим, Дамаск или Акру [3, с. 92; 4, с. 122]. Всякий раз Балдуин милостиво относился к странникам, а те испытывали большую радость от того, что могли пройти опасные из-за сарацин места без боязни. Сделаем небольшую оговорку: мы не можем исключать субъективность восприятия Даниила и вероятность того, что король хотел произвести на заморского гостя наилучшее впечатление, чтобы тот прославил его на своей Родине как благочестивого хранителя палестинских святынь.

Рассказывается, что во время своих походов «фрязи» разорили Капернаум. Объективные причины этого нам не ясны, а для Даниила всё очевидно: по легенде, из города должен был выйти Антихрист, и христиане решили предотвратить это. Позже они захватили большой и укреплённый город Акру, который раньше принадлежал мусульманам [3, с. 88-90]. Паломник не даёт произошедшему никакой оценки, но и сухая констатация факта говорит о многом: даже отступившие от истинной веры могут сражаться с сарацинами и побеждать их с Божьей помощью.

Таким образом, отношение православного паломника к католикам на Святой Земле в начале XII в. было терпимым и даже благожелательным. На то были исторические причины: Великая схизма 1054 г. ещё не успела внести неприязнь на бытовом уровне, делались попытки примирения, но и отрицать субъективный фактор личных взаимоотношений паломников и населения Палестины мы не можем.

Однако всё переменилось с течением лет: отношения западных христиан с восточными ухудшились вплоть до того, что в 1204 г. под ударами крестоносцев пал Константинополь. Это событие окончательно закрепило церковный раскол, главным образом, в сердцах людей и послужило началом взаимной неприязни православных и католиков.

Посмотрим, насколько она отразилась на мировоззрении древнерусских паломников XIV-XV вв., а также проанализируем сведения, касающиеся других христианских церквей, появившиеся в текстах, начиная с хождения Агрефения. «Ест же слоужбы проклятых ереси… слоужба Латыинская, на Голгофе Арьмени, за гробом Господним Якведти , противоу их Ариане… при стине Хабеши, на дроугои страны Несторане» [9, с. 5-6]. То есть, по мнению Агрефения, насто-

ящую веру исповедовали только православные, а остальные конфессии являлись еретическими. Это первое упоминание слова «еретик» в наших источниках. Служители Армянской апостольской церкви неоднократно названы паломником «треклятыми», «проклятыми» [9, с. 3, 7]. Последователей несторианского учения он именовал «погаными» [9, с. 5], а латиняне, сирийцы и эфиопы не удостоились от него особых эпитетов.

Напротив, грузины имели «святые трапезы», в их монастырь Святого Креста «приходят вернии» [9, с. 5, 13]. Значит, в глазах путника православные грузины были такими же истинно верующими, как русские и греки, и этническая принадлежность не играла для него такой роли, как конфессиональная.

Но какими бы ужесточившимися ни были взгляды паломника, положение христиан на Святой Земле, согласно тексту хождения, представляется довольно равноправным: доступ к ключевым святыням имели представители всех выше перечисленных церквей. Например, в храме Воскресения Христова служили и жили в кельях священники 6 конфессий. На глазах Агрефения вместе с православным патриархом вошли в Гроб Господень армянские епископы, чтобы зажечь первые свечи от сошедшего огня, но, вместе с тем, литургию служили и православные епископы [9, с. 6]. Это даёт основания судить о фактическом возрождении православной Иерусалимской патриархии. Об этом свидетельствует также то, что высший иерарх регулярно «литоургисает» ещё в 4 важнейших христианских местах Палестины [9, с. 10, 12, 14, 15].

На рубеже XIV-XV вв. странники внесли немногочисленные изменения в представления о христианах. Так, Игнатий Смолянин ввёл больше этнонимов, упоминая «греческую», «римскую», «арменскую», «фрязскую», «яковитцкую», «сирскую», «немецкую», «гурзийскую», «венецыйскую», «угрийскую» , «иверскую» службы [10, с. 18-19]. Разделяя западных христиан по этническому признаку, паломник показал высокий уровень географических знаний на Руси того времени. Однако мы видим по повторам («гурзи» и «ивери»), что паломник ещё путался в этнонимах.

В отличие от своего предшественника, Игнатий не возвышал одних христиан над другими. Он сообщил, что в яслях в Вифлееме

«фрязская служба», а на вертепе – греческая, не говоря о столкновениях или взаимном непонимании прихожан. Более того, паломник с искренним восхищением передал красоту «дивного зело фряжского» монастыря [10, с. 23-24].

Младший современник Игнатия Зосима в малой степени дополнил его сведения. Помимо прежних христианских обитателей Святой Земли, он упомянул сербов, имевших свой монастырь, который интересен нам тем, что в нём был эконом сириец [11, с. 19]. Данная информация доказывает мирное сосуществование разных этнических групп, иногда при условии непонимания обрядов и обычаев друг друга. Так, Зосима удивился непривычным для православных, эмоциональным, похожим на танцы обрядам эфиопов и спросил об этом у православного патриаршего священника: «Что есть то за ересь?» [11, с. 14], который в ответ сослался на Псалтирь: «Вси языцы восплещите руками; и они тому воследуют и радуются, что воскресь» [Пс. 46:2]. Можно сделать вывод о том, что главное для православных – восхваление Бога в принципе, а к его необычным проявлениям надо относиться по-христиански терпимо.

Подводя итоги нашего исследования, отметим следующее: отношение древнерусских паломников к многочисленным этническим (греки, немцы, итальянцы: венецианцы и генуэзцы, венгры, франки, сирийцы, сербы, эфиопы, грузины, армяне) и вероисповедным (православные, католики, несториане и различные нехалкидониты) группам христианского общества на Святой Земле в XII-XV вв. было, за редким исключением, очень терпимым. Однако, без всякого сомнения, декларировалась прямо или косвенно истинность православной веры. От единичных намёков на неправоту других вероисповеданий произошла постепенная трансформация в сторону неприязни, на что повлияли события в политической и религиозной сфере. Подчеркнём: в сторону неприязни, в которой есть определённая доля субъективности, но не в сторону ненависти и призывов или принуждения «неверных» к покаянию. На наш взгляд, необходимо рассмотреть и богословские истоки восприятия паломниками представителей других вероисповеданий. Поэтому мы видим перспективы дальнейших исследований в сравнительном анализе православных и католических источников по истории паломничества

в Святую Землю и тех книг Священного Писания и Предания, к которым обращались авторы хождений.

Список литературы

1. Близнюк С.В. Крестовые походы в древнерусской литературе: Кипр на пути от Константинополя к Иерусалиму // Российский исторический журнал «Родина». Специальный выпуск, посвящённый 50-летию независимости Республики Кипр «Россия – Кипр: дружба, проверенная временем». М.: Правда, 2010. С. 74-80.

2. Евсеев Е.С. Паломничество в Святую Землю: история и перспективы // ППС. Вып. 31 (94). Материалы международного научного симпозиума «Россия и Палестина»: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем». Москва – Свято-Троице-Сергиева Лавра – Ленинград – Москва. 23-27 января 1990 г. М., 1992. С. 32-36.

3. Житье и хожение Данила, Русьскыя земли игумена. Часть первая / Под ред. М.А. Веневитинова // ППС. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1883. С. 1-96.

4. Житье и хожение Данила, Русьскыя земли игумена. Часть вторая / Под ред. М.А. Веневитинова // ППС. Т. 3. Вып. 3. СПб., 1885. С. 97-141.

5. Малето Е. И. Повседневная жизнь удельной Руси в контексте “хожений“ русских путешественников XII-XV вв.: дисс. … докт. ист. наук. Тамбов, 2011. 642 с.

6. Прокофьев Н.И. Русские хождения XII-XV вв. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. / Отв. ред. Н.В. Водовозов. М., 1970. С. 3-265.

7. Прохоров Г.М. Игумен Даниил и его «Хожение» в Святую Землю // «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007. С. 5-13.

8. Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика / [Соч.] В. Соловьева. М., 1883. С. 136.

9. Хождение архимандрит Агрефенья обители Пресвятыя Богородица / Под ред. архим. Леонида // ППС. Т. 16. Вып. 3. СПб., 1896.

10. Хождение Игнатия Смолянина в Царьград / Под ред. С.В. Арсеньева // ППС. Т. 4. Вып. 3. СПб., 1887.

11. Хожение инока Зосимы / Под ред. Х.М. Лопарева // ППС. Т. 8. Вып. 3. СПб., 1889.

Худовеков Максим Станиславович,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Лаушкин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент

Русский миссионер среди язычников: Пермская Земля и св. Стефан Пермский

A Russian missionary among pagans: Perm's Land and St. Stephan of Perm

Аннотация. *В статье рассматривается историческая роль св. Стефана Пермского в процессе христианизации Перми и формирования национальной идентичности коми-зырян. Сквозь призму миссионерских методов Стефана изучается степень влияния Москвы на ход миссии, а также мотивы деятельности проповедника и двигавшие им идеи. Автор касается проблематики характера христианизации народов коми, подчеркивая принцип ненасилия как основополагающий в реализации проповеди Стефаном Пермским.*

Ключевые слова: *Стефан Пермский; зыряне; амбур; язычество; миссионер; христианство; проповедь.*

Abstract. *The article considers the historical role of St. Stefan of Perm in the process of Christianization of Perm and the formation of the national identity of the Komi – Zyryans. Through the prism of Stephan's missionary methods, the influence of Moscow on the course of the mission, as well as the motives of the preacher and the ideas that motivated him, are studied. The author deals with the problems of the nature the Christianization of the Komi peoples, emphasizing the principle of non-violence as fundamental in the realization of the preaching by St. Stephan of Perm.*

Key words: *St. Stephan of Perm; Zyryane; ambur; paganism; missionary; Christianity; preaching.*

Проповедь св. Стефана Пермского является одним из ярчайших, и вместе с тем малоизученных событий XIV века. Она имела существенное значение в ускорении формирования из разрозненных племен единой коми-народности, распространении русской культуры и православия среди народов Урала. Деятельность Стефана Пермского происходила на фоне острой конкурентной борьбы за этот стратегический регион между различными русскими княжествами, важное место среди которых занимала Москва. Это обстоятельство

оказывало на миссию большое влияние, определяя политику проповедника, его связи с метрополией и характер его деятельности. Часть историков считает, что Стефан Пермский являлся проводником московской политики [2] и имел своей целью лишь христианизацию близкого ему народа. Другая часть, отстаивая зырянское происхождение Стефана [6, с. 80], видит его автором идеи национальной Пермской Церкви, своими действиями стремившегося к ее обособленности. Кроме того, в историографии дискуссионной остается тема проповеди св. Стефана, а точнее, формы ее проявления. Существуют как мнения о довольно жестком проведении в жизнь христианизации коми [10], так и мнения о ее принципиально ненасильственном характере [6]. Отсюда представляется необходимым ответить на следующие вопросы:

1) Был ли Стефан Пермский проводником московской политики или его целью было создание национальной Пермской Церкви? И в связи с этим: 2) Каковы были миссионерские методы Стефана Пермского?

Несмотря на широкий резонанс, который имела Пермская миссия в рядах русских книжников конца XIV века, она располагает достаточно небольшой источниковой базой. Речь идет о «Слове о житии и учении отца нашего Стефана», написанном в первой половине XV веке известным древнерусском автором Епифанием Премудрым. Являясь близким другом св. Стефана, Епифаний достаточно точно передает основные идеи, которыми руководствовался пермский просветитель в своей проповеди, а также внимателен к фактам. Последнее дает возможность выявить новых действующих лиц и уточнить важные детали процесса реализации Пермской миссии.

Нет сомнений, что Москва оказывала содействие Стефану при его подготовке к проповеди. Согласно Е.Е. Голубинскому, св. Стефан не мог заниматься переводами на пермский язык богослужебных книг без разрешения вышестояших церковных властей, и в данном случае ученый предполагает получение такого разрешения от самого митрополита Алексея [4, с. 266]. Таким образом, о будущей миссии в Москве могло быть уже известно. Также стоит обратить внимание на сообщение Епифания о том, что великий князь Димитрий Стефана «любляше издавна» [1, с. 196]. И здесь важное

значение имеет дружба св. Стефана с ростовским князем-епископом Арсением, который приходился двоюродным братом Дмитрию Донскому [2, с. 13], исходя из чего можно констатировать факт близких контактов Стефана Пермского и великокняжеского дома. Из Москвы Стефан двинулся в путь, предварительно снабженный всем необходимым для совершения обрядов и строительства церквей: частицами мощей святых, антиминсами, миром и т.д [1, с. 158]. Также он получил некие грамоты и разрешения на свою деятельность от высшего церковноначалия [1, с. 158]. Как отмечал А.В. Чернецов, Москва с таким вниманием отнеслась к идее христианизации коми, в первую очередь, из экономических побуждений: этот регион славился своей пушниной [10, с. 72], вследствие чего являлся желанной целью для великого князя.

Однако представляется сомнительным, что московская поддержка Стефана Пермского была целенаправленной программой. Так, в данном контексте обращает на себя внимание отсутствие у Стефана боязни принять мученичество. Об этом свидетельствует Епифаний: «Аще и не пос ѣче меч главы твоеа, но обаче по твоему хотѣнию и своим си изволением мученикъ бысть» [1, с. 224]. Это противоречит идее о предназначении Москвой св. Стефана с его согласия на роль епископа Перми [2, с. 15], поскольку с самого начала проповеди миссионер не боится принять смерть и нарушить таким образом все свои предварительные договоренности с Москвой по поставлению себя во главе будущей епископии. А ведет он себя среди язычников крайне смело, постоянно подвергая свою жизнь опасности [7, с. 46, сноска 1]. Такая черта характеризует Стефана как человека идейного и вместе с тем независимого и не скованного какими то ни было обязательствами перед кем-либо или долгосрочными планами. Вместе с тем Стефан, безусловно, руководствовался определенным кругом идей и стремлений, проявляющихся как посредством его поступков, так и через сообщения его единомышленника — Епифания Премудрого, который раскрывает некоторые из них. В частности, одной из таких идей могло быть создание национальной Пермской Церкви, что ввиду возможного зырянского происхождения св. Стефана было вполне вероятно. Главный вопрос состоит в том, насколько последовательно могла проводиться такая идея и какой носить при этом характер.

Канадский исследователь, профессор Мишель Бушар, в частности, утверждал, что Стефан Пермский изначально делал упор на развитие национального самосознания среди просвещаемых им язычников [3, с. 136]. Кроме того, в историографии высказывалось мнение, что главной идеей Стефана Пермского было создание Церкви, которая в мире восточного православия могла стать одной из автокефальных церквей и притом организованной по территориально-национальному признаку [6, с. 80]. Этого можно было добиться путем привлечения большего числа паствы, чем, по мнению ученого, объясняются постоянные путешествия Стефана по территории Перми [6, с. 80], достигавшей, по описанию Епифания, действительно очень больших размеров [1, с. 156]. В таком случае идея создания новой Церкви на землях, площадью не меньших Московского княжества того времени, кажется естественной. Однако в действиях Стефана Пермского не наблюдается целенаправленной деятельности по достижению автокефалии. Выше уже указывалось, что Стефан не планировал становиться епископом; в его действиях на момент начала проповеди видна идеологическая основа, мечта просветить эти огромные земли, но отнюдь не долгосрочный план развития определенной территории. Это проявляется также в том, что Стефан стремится сохранить свои хорошие отношения с Москвой. Епифаний Премудрый сообщает, что пермский епископ в своем последнем путешествии намеревался ехать к митрополиту Киприану, с которым поддерживал дружеские связи [1, с. 210]. Следовательно, им сохранялись определенные и, вероятно, весьма частые контакты с московской митрополией, поскольку митр. Киприан занял свою кафедру уже после ухода св. Стефана на проповедь, а поставление на епископию Стефан получал от митрополита Пимена. Таким образом, нельзя говорить о его стремлении к независимости. Самым же весомым аргументом против идеи у Стефана Пермского создать автокефальную национальную Пермскую Церковь является отсутствие на тот момент подобных идей даже для Русской Церкви. Последняя при жизни Стефана не обладала автокефалией, а, получив возможность стать таковой после Флорентийской унии 1439 года, испытывала крайнюю неуверенность в деле отделения от Греческой Церкви. В данном контексте представляется более вероятным устройство Стефаном некой «миссионерской

епархии» [10, с. 52], паства которой действительно состояла из представителей определенного народа, но вместе с тем сам ее руководитель был плотно включен в русскую церковную административную систему [1, с. 194]. Таким образом, стоит признать, что идея Пермской Церкви существовала, но Пермской Церкви как собрания верующих, а не как автокефальной структуры — для этого у св. Стефана не было идеологической базы и возможностей.

«Слово о житии и учении» представляет нам широкий список тех методов и приемов, которые использовал Стефан Пермский в своей проповеди. Самым известным из них стала изобретенная им азбука — анбур. С ее помощью Стефан осуществлял перевод на пермский язык необходимых богослужебных книг и текстов Священного Писания, без чего христианизация любого народа немыслима. Стефан в совершенстве овладел пермским языком и техникой перевода на него, для чего выучил еще и греческий, справедливо полагая, что это облегчит правильный перевод необходимых текстов [10, с. 64]. При этом алфавит для новой азбуки Стефаном Пермским создавался собственный, а не на основе кириллицы. Как считает А.В. Чернецов, он не сделал этого, опасаясь, что это будет рассмотрено как навязывание извне, и называет такую деликатность редким явлением в Средние века [10, с. 64]. Стоит отметить, что в своих переводах Стефан старался не оставлять иноязычные слов, как, например, «аминь» в древнерусских текстах и т.д [10, с. 65], чем значительно облегчал восприятие написанного [7, с. 18].

Анбур являлся не только алфавитом, но и цифровой системой, построенной по нумерационному принципу, т.е. когда первая «девятка» букв обозначает единицы, вторая — десятки и, наконец, третья — сотни. При этом до Стефана подобной буквенно-цифровой системы письменности нигде не существовало в принципе [7, с. 20].

Следующим культурным приемом, использовавшимся Стефаном Пермским в миссионерских целях была иконопись. В частности, авторству Стефана приписывается так называемая «Троица Зырянская». При этом правильно понять стилистику этой иконы можно только при учете ее миссионерского значения. Характерной чертой этой иконы является ее выход за рамки церковных канонов: вместо Сарры изображена узкоглазая, плосколицая пермячка, а под изобра-

жениями Трех Ангелов автор сделал пояснительные надписи на зырянском языке: «Бог Сын», «Бог Дух» и в центре - «Бог Отец» [2, с. 19 - 20].

Кроме создания азбуки и иконописи, Стефан Пермский большое внимание уделял возведению церквей [1, с. 162]. Это также являлось одним из миссионерских способов привлечения внимания к новой вере. Таким образом, сообщение Епифания о том, что св. Стефан «розныя церкви на розных мѣстех ставляти по рекам и по погостом» [1, с. 174] является свидетельством не только того, что Стефан увеличивал количество церквей в Перми, но и об использовании их в целях своей проповеди — красота здания должна была благотворно воздействовать на язычников, о чем также сообщает автор «Слова о житии и учении» [1, с. 168-170].

Помимо всего вышеперечисленного, паства Стефана нуждалась в певчих, а также в календаре для вычисления церковных праздников. Проповедник создал свою школу, где обучал зырян как грамоте, так и церковному пению [1, с. 174]. Календарь же он внедрил среди зырян по тому образцу, который существовал на Руси. Этот предмет представлял собой дощечку, шестигранную в сечении и с сужающимися концами. По ее граням делались насечки, соответствующие числу дней в двух месяцах. Это не характеризует Стефана как специалиста в календарном деле, но показывает его эрудированным и практичным человеком [10, с. 70].

Наряду с использованием в своей проповеди культурных приемов, Стефан Пермский временами применял и насильственные методы. Это было связано сначала с борьбой против идолов, а потом — с целью избежать двоеверия среди новообращенных [5, с. 151]. В частности, Епифаний описывает немало случаев, когда Стефан разорял идольские капища зырян, что вызывало сильный гнев местного населения [1, с. 171]. Но после этого миссионер оставался на месте, не скрывался, а ждал прихода зырян, чтобы, вероятно, продемонстрировать им бессилие объектов их поклонения [1, с. 166]. Последнее вводило язычников в смущение, а поскольку проповедник не выказывал никаких признаков агрессии, зыряне не решались напасть на него [1, с. 170]. Еще одной чертой, которая помогала Стефану в его миссии, была его бескорыстность — разоряя святилища,

он сжигал все, что там было, и ничего не брал себе, чем приводил зырян в изумление [1, с. 177].

Вместе с тем главным оружием миссионера являлось именно слово. И здесь в тексте Епифания Премудрого присутствует ряд неточностей в воспроизводстве диалога между проповедником и его оппонентами. Так в ответ на доводы сотника Пама, лидера язычников, Стефан, по Епифанию, ссылается на цитату пророка Исайи [1, с. 184], который не мог быть авторитетом для оппонентов св. Стефана, и, таким образом, диалог приводится нереалистично. Однако эта ошибка имеет куда более глубокую подоплеку, чем простое незнание происходивших событий. Средневековый миссионер того времени работал обыкновенно в среде, знакомой так или иначе с основами христианства, и его главной целью было утверждать людей в вере. В ситуации с миссией Стефана Пермского перед проповедником задача стояла совершенно иная: познакомить людей с новой верой, что собой подразумевает диалог. В этом диалоге Стефан должен был стремиться снизойти до уровня понятий язычников и возвысить их до христианского уровня [10, с. 90-97]. Это требовало определенного такта, а не жесткой силы, поэтому Епифаний, хотя и делал ошибку в описании спора, правильно акцентирует внимание на ненасильственном характере такой христианизации. Но в «Слове о житии и учении» встречается и упоминание о насильственных инструментах в руках Стефана: в споре с сотником Памом, проповедник грозит ему «каноническими епитимьями» и «карами по гражданскому закону» [1, с. 192], т.е. грозит как религиозными наказаниями, так и светскими карами и казнями.

Однако, хотя Стефан являлся прекрасным оратором [1, с. 172], в ряде случаев действовать можно было только своим примером, при этом часто рискуя жизнью [1, с. 188]. Это показывает собственное внутреннее настроение проповедника, его желание идти до конца [8, с. 21]. Таким образом, мы видим, что Стефан Пермский использовал в своей проповеди множество культурных приемов, подчеркивая тем самым ненасильственный характер своей деятельности, хотя и не всегда последовательный.

Итак, проанализировав миссионерские методы Стефана Пермского и его идейные установки, мы делаем вывод о том, что слож-

но говорить о св. Стефане как о «москвитянине» по духу и вместе с тем не представляется возможности рассматривать его личность как личность национального вождя народов коми. По нашему мнению, Стефан Пермский в своих действиях пытался воплотить в жизнь свою давнюю идею — обратить Пермскую землю в православие. В ходе своей миссии он лишь решал встающие перед ним и просвещаемым им народом задачи, не связывая себя долгосрочными планами в политической и церковной перспективе. Главным вектором его деятельности была ненасильственная смена убеждений местного населения, хотя для этого порой приходилось предпринимать и жесткие меры. Таким образом, перед нами образ далеко не типичного русского миссионера, имевшего сложную внутреннюю гамму идей и мотивов для просвещения языческого народа.

Список литературы

1. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб: Наука., 2003. С. 145 – 230.

2. Буганов В.И., Смоленцев Л.Н. Вступительная статья // Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, 1383 —1501: Пособие при изучении зырянами русского языка. М.: Рус. реклам. изд-во, 1995. С. 7 - 26.

3. Бушар М. Критическая переоценка понятия «воображаемого сообщества» и так называемые сакральные языки Средневековья // Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. Сыктывкар, 2005. № 2. С. 114 – 139.

4. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1904. 926 с.

5. Лимеров П.Ф. Крещение Перми: языческий текст // Семиозис и культура: сб. науч. ст. Вып. 2. Сыктывкар, 2006. С. 146 – 159.

6. Лимеров П.Ф. Пермская церковь в свете равноапостольной миссии св. Стефана Пермского // Поморские чтения по семиотике культуры: сб. науч. докл. и ст.. Вып. 2. Архангельск, 2006. С. 74 – 84.

7. Лыткин. Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, 1383 — 1501: Пособие при изучении зырянами русского языка. М.: Рус. реклам. изд-во, 1995. 464 с.

8. Марченко А. О святости Стефана, епископа Великопермского // Православный паломник. М., 2009. № 2. С. 15 - 21.

9. Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.). // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2008. № 1. С. 3 – 21.

10. Чернецов А.В. “Самотворитель новыя грамоты”. Стефан Пермский // Древнерусская книжность (творчество и деятельность Стефана Пермского; естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М., 1995. С. 48 – 131.

Ситнер Стефания Валерьевна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Осмысление римской истории в «Послании» Спиридона-Саввы

An interpretation of roman history in Spiridon-Savva's «Epistle»

Аннотация. *В статье делается попытка объяснить особую интерпретацию римской истории Спиридоном-Саввой, выраженную в рассказе об Октавиане Августе. В результате подробного разбора искажений античного сюжета, автор приходит к выводу о том, что древнерусский книжник стремился создать легенду о том, как Август, предок Рюриковичей, получил вселенскую власть.*

Ключевые слова: *осмысление римской истории; Спиридон-Савва; «Послание о Мономаховых дарах»; Октавиан Август; древнерусские книжники, искажения, рецепция.*

Abstract. *The article attempts to explain the specific interpretation of roman history by Spiridon-Savva, wich takes place in the story of Octavian Augustus. As a result of comprehensive analysis the author concludes, that the ancient-Russian scribe intended to create a legend, describing how Augustus, an ancestor of the Rurikids, gained universal power.*

Key words: *an interpretation of roman history; Spiridon-Savva; «Epistle on Monomakh's gifts»; Octavian Augustus; ancient-Russian scribes; misrepresentations; reception.*

Впервые римская история попала в поле зрения древнерусских книжников после принятия крещения в X–XI вв. через переводные хроники (Иоанна Малалы, Георгия Амартола) и вплоть до конца XV – начала XVI века «пассивно» кочевала в виде различных компиляций из одного Хронографа в другой [14, с. 3,9,13,15,18,59,60]. Однако римская история стала весьма актуальной с образованием русского централизованного государства, когда стали проявляться притязания великого князя московского на царский титул [2, с. 137]. Особое, национальное понимание античности, ее определенную рецепцию выразило «Послание о Мономаховых дарах», написанное бывшим митрополитом киевским Спиридоном-Саввой в первой четверти XVI столетия [2, с. 71,73-76,82; 4 с. 150.] по заказу кого-то из окру-

жения Василия III, либо его самого [6, с. 234.]. «Послание» входит в цикл произведений, генетически связанных и содержащих две родословные легенды: о происхождении русских князей от Пруса, родственника римского императора Августа, а также о получении Владимиром Мономахом царских регалий из Византии[1]. Исследователи «Послания» и его более известной переработки – «Сказания о князьях владимирских» 1-й и 2-й редакций – обычно обходят стороной приведенную Спиридоном историю Октавиана Августа [13, с.23; 15 с. 44-45]. А между тем сюжет этот весьма оригинален[2]: всё начинается с того, что «Улие, кесарь римьскый» (т.е. Юлий Цезарь) посылает своего зятя (!) Антония с войском в Египет против Клеопатры. Премудрая царица отправляет к последнему послов с дарами и отговаривает его от кровопролития. Антоний остается царствовать вместе с Клеопатрой, а Цезарь, видя его «презорство» (т.е. непослушание, строптивость [8, с. 485]), отправляет против них своего брата (!) Августа вместе с еще четырьмя братьями (!) и «с всею областию римскою». Придя в Египет, Август убивает Антония и берет в плен Клеопатру, которая кончает с собой в море по пути в Рим. В это время Юлия убивают восставшие против него «Врутос, и Помпие, и Крас» (то есть Брут, Помпей и Красс). После получения известия об этом римляне и египтяне совместно возлагают на Августа инсигнии различных царей (Сеостра египетского, Филикса египетского и вселенского, Пора индийского), и объявляют его царем всей вселенной. Далее следует описание раздела Августом вселенной между его родственниками, среди которых оказывается и Прус, предок Рюрика, получивший города по Неману, в том числе Хвоиницу, Морборок, Торун и Гданеск. Налицо явные искажения и опрощения истории Октавиана Августа, снабженной вдобавок мифологическими деталями. В связи с этим мы можем задать к источнику ряд вопросов: в чем причина такого явного искажения событий? Почему допущены именно такие неточности и опрощения? Является ли искажения намеренными или обусловлены слабой осведомленностью автора?

---

[1]В цикл кроме «Послания» входят «Сказание о князьях владимирских» 1-й и 2-й редакций и «Чудовская повесть» относительно соотношения которой с «Посланием» идут споры [4 с. 150-159; 1, с. 660-674.].

[2]Здесь и далее текст источника приводится по изданию [2 с. 159-162].

Важно, прежде всего, понять общий уровень знаний о римской истории, которым обладали древнерусские книжники той поры. Спиридон-Савва мог почерпнуть свои сведения из хронографической литературы, наиболее современным образчиком которой на тот момент был Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции[1]. Это обширная компиляция сведений по библейской и всемирной истории, взятых из византийских хроник Малалы и Амартола, создана между 1419 и 1450 гг. [7, с. I-II]. Однако сличение текста Летописца с «Посланием» показывает их принципиальное различие. Летописец, в отличие от «Послания», передаёт события Гражданских войн с весьма незначитель-ными погрешностями против истины, из этого текстов бывший митрополит мог заимствовать только версию о том, что Август убил Антония, а Клео-патра покончила с собой в море по пути в Рим (ЛЕ-2: «И одолѣвь, Августъ уби Антониа, и Клеопатру же изъима, связавъ <…> Клеопатра же сама ся умори, отъ аспидъ уядена бывши, умре: ношааше бо аспиды в съсдѣх и ины гады в кораблех на воискую»), а также смутное представление о родстве между Августом и Цезарем (в ЛЕ-2 Август назван «ужиком», т.е. родствен-ником Юлия). В остальном, можно предположить, что Спиридон-Савва сознательно исказил изложение римской истории, чтобы создать особую литературную реальность, в которой цепь событий и лиц закономерно приводят Августа к величию и власти.

«Римская тема» у Спиридона-Саввы является необходимым элементом легенды о вселенской власти, которой последовательно обладали сначала египетские цари-потомки Ноя – мифический Филикс, сын Сеостра, и вполне реальный Александр Македонский, сын египетского царя-волхва «Ахтанава» (т.е. Нектанеба), а затем и Август. Важно для нас не только то, что Август полагается книжником как властитель вселенной (ПСС, л.157: «Радуйся, Августе, царю римский всея вселенныя!»), но и то, что им Август становится, только присоединив к унаследованному от своего «брата» Юлия титулу римского кесаря титул египетского царя. Египет — единственная, оставшаяся вне римского владычества часть ойкумены, недостающий «пазл» для превра-

[1]Зимин А.А. полагал, что источником «Чудовской повести» и «Послания» был Хронограф по великому изложению, впрочем, его идеи содержатся в «Летописце Еллинском» [4, с. 154], также и Хронограф Русский редакции 1512 года восходит к «Летописцу Еллинскому» [14, с. 161].

щения Рима в мировую империю. Доказательство этому можно найти в словах Спиридона-Саввы о провозглашении Августа царем в Египте после известия о смерти Цезаря: «Они же единогласно решя, римляне и египти: «О преславный стратиже, Иулиа кесаря от смерти въставити не можем, а твое великочестие венчаваем венцем римскаго царства в похвалу добродеем, а в месть злодеем» <…> и радостне въскликнуша велиим гласом: «Радуйся, Августе, царю римский всеа вселенныа!» (ПСС, л.156 об. -157). Поэтому предшественник Августа Юлий кесарь (Юлий Цезарь) таковым (властителем вселенной) не называется – для полноты власти римскому правителю необходимо было присоединить египетское царство, которым в это время владела дочь Птолемея Прокаженного (очевидно, имелся в виду Птолемей XII) Клеопатра. Полученная Августом особая, «вселенская» власть находит свое выражение в тех инсигниях, которые ему вручают во время интронизации в Египте: «И облекоста и во одежю царя Сеостра, началнаго царя Египту, в порфиру и висон, и препоясоста и′ поясом фелрмидом, и възложиста на главу ему митру Пора, царя индийскаго, юже принесе Александр, царь Макидонскый, от Индиа, и приодешя и′ по плещама окровницею царя Филикса, владущаго вселенною «съделанною от самбукия» (ПСС, лл.156 об. -157). Именно происхождение от Августа и обусловило призвание новгород-цами князя Рюрика, «суща от рода римска царя Августа» (ПСС, л.157 об.).

Таким образом, рассказ о египетских и римских событиях у Спиридона-Саввы должен сообщить читателю историю прихода Августа к власти, чтобы лучше убедить его в величии предка Рюриковичей. Автору потребовалось объяснить, как Август оказался одновременно наследником и египетского и римского царства – он вводит «актийский сюжет»: поход Августа против Антония и Клеопатры, а также сообщение о близком родстве Августа и Юлия, которое в результате убийства последнего заговорщиками приводит Октавиана к власти. Интересно, что Спиридон явно тяготеет к крупным историческим фигурам, которые добавляет в повествование для большей значимости момента. Так, в рассказе появился и Юлий, создав довольно забавную коллизию: он отправляет сначала Антония, а затем и Августа воевать со Клеопатрой (возлюбленной Цезаря (ЛЕ-2, лл.75б.-76а)). Но если появление Цезаря можно объяснить

необходимостью показать неразрывное, наследственное преемство между ним и Августом, а также объяснить процесс создания вселенского царства, то весьма трудно понять, почему в убийстве Юлия участвуют давно почившие Красс и Помпей (ПСС, л.156 об.: «Въсташа же ипати на Улия кесаря: Врутос, и Помпие, и Крас; и убиста и мечи своима рукама премудрого Иулиа, кесаря римска»). Возможно, Спиридон-Савва полагал, что только такие известные фигуры, как участники первого Триумвирата, и были способны прикончить своего коллегу. Весьма богатый живописными подробностями сюжет о соблазнении Антония Клеопатрой и последующей войне с Октавианом, закончившейся поражением при Акции хорошо известен хронографической литературе [7., с.191-192], однако у Спиридона передан более сжато, и детали, касающиеся причин и хода боевых действий существенно сокращены или вовсе опущены (так, книжник ничего не пишет о морском сражении, у него Август одерживает победу на суше (ПСС, л.156). Не указана даже вина Клеопатры, за которую против нее два раза посылаются войска (между тем, в Летописце Еллинском и Римском Антоний отправляется против Клеопатры из-за отвержения Египта от римской власти, в свою очередь, Август воюет с ними, защищая Рим и мстя за обиду своей сестры (ЛЕ-2, лл.75 в-г)). Можно предположить, что вопиющее нарушение хронологической последовательности - помещение убийства Цезаря после окончания Актийской войны (т.е. на 13 лет позже, чем в действительности) было необходимо Спиридону, чтобы законно «передать» власть над Римом его «брату» Августу: «Они же единогласно решя, римляне и египти: О преславный стратиже, Иулиа кесаря от смерти въставити не можем, а твое великочестие венчаваем венцем римскаго царства» (ПСС, л.156 об.). Таким образом, фигура Юлия в «Послании» и «Сказаниях» выполняет «вспомогательную» функцию: она двигает сюжет и служит легитимации власти Августа, который становится царем по праву наследования. Довольно утилитарное обращение Спиридона с фактами видно из того, что, сообщив об убийстве Цезаря заговорщиками, он ничего не говорит о возмездии Октавиана, этот сюжет мешал бы стройности рассказа.

Просветив читателя касательно обстоятельств прихода Августа к власти, Спиридон-Савва тут же сообщает о разделении доставшей-

ся ему вселен-ной между совершенно легендарными родственниками и сподвижниками (единственный исторический персонаж – Ирод), среди которых оказывается и Прус («Август же начят ряд покладати на вселеную. <…> постави <…> и Пруса в брезех Вислы реки в град, глаголемый Морборок, и Торун, и Хвоинница, и пресловы Гданеск, и иных многих градов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море» (ПСС, л.157). На этом римский сюжет исчерпывается. В дальнейшем история Августа через посредство «Сказания о князьях владимирских» 1-й редакции попадает в Воскресенскую летопись [10, с. 268], во вступительную статью «Государева Родословца» 1555 года, затем в «Степенную книгу»[11, с. 7, 60] Подтверждением того, что «Послание» создавалось с конкретным политическим расчётом, служит активное упо-требление его родословных идей в дипломатической переписке Ивана Грозного [5, с. 71; 3, с. 160-161]: в грамоте Сигизмунду II Августу в 1556 году («… держим извечную свою прародительскую честь и старину, почен от Августа-кесаря»[12, с. 537-538]), во втором послании Юхану III шведскому 1573 г. («мы от Августа Кесаря родством ведемся» [9, с. 151.]), послании Александру Полубенскому 1577 г. («…в Российской земле создалось цар-ство, когда <…> Август, кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата Пруса» [9, с. 377]). Рассказ же Спиридона о приходе Августа к власти опускается.

Подводя итог, можно сказать, что представление о римской истории, выраженное у Спиридона-Саввы в рассказе о приходе Августа к власти, существенно отличается от исторической реальности Гражданских войн и раннего Принципата. Допущенные искажения создали особую литературно-легендарную реальность, гармонично вписанную в родословную легенду, связывающую Рюрика с тремя властителями вселенной. Юлий Цезарь, Август, Антоний и Клеопатра привлекли внимание книжника как крупные исторические фигуры, однако их роли в сюжете были определены автором «Послания» весьма вольно. В дальнейшем широко прижилась родословная легенда об Августе, но не его история, рассказанная Спиридоном. Несомненно, тема рецепции античности требует дальнейших исследований, связанных как с установлением других возможных источников «Послания» (либо «Чудовской повести» как его возможного протографа), так и с более подробным выяснением роли конкретно «августовского сюжета» в русской истории.

Список литературы

1. Бычкова М.Е. Мотивы «Сказания о князьях владимирских» в официальных документах середины XVI в.// Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005. 660-674.

2. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: АН СССР, 1955. 215 с.

3. Дуйчев И. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. 1958. Т. XV. С.159-176.

4. Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 333 с.

5. Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре Росии. М.: РГГУ, 1999. 235 с.

6. Курочкина-Лезина А.В. Художественное воплощение идеи национального самосознания в древнерусской публицистике XVI века («Послание Спиридона-Саввы») //Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. С.233-238.

7. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / осн. сп. подготовл. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 512 с.

8. Полный церковно-славянский словарь/Сост. Дьяченко Г.М. М.: тип. Вильде, 1899. 1120 с.

9. Послания Ивана Грозного/Текст подг. Д.С.Лихачев и Я.С.Лурье. М.; Л.: АН СССР, 1951. 715 с.

10. ПСРЛ, том VII. Изд. 1-е. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 358 с.

11. ПСРЛ, том XXI. Издание 1-е. Половина 1-ая. Книга Степенная царского родословия (1-10 степени грани). СПб., 1908.350 с.

12. Сборник РИО. СПб., 1887. Т.59. 707 с.

13. Синицына Н.В. Итоги изучения концепции «Третьего Рима» и сборник «Идея Рима в Москве» // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995.

14. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л.: Наука,1975. 322 с.

15. Черникова Т.В. Россия и Европа в XV начале XVI вв. Точки соприкосновения и заимствования // Вестник МГИМО Университета. М., 2010. С.35-50.

Чупрына Юлия Алексеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор

К вопросу о полонизации православных западнорусских славян: рассуждения полемистов рубежа XVI–XVII вв.

On the question of the Polonization of the Orthodox West Russian Slavs: the arguments of the polemists of the late 16th–17th centuries

Аннотация. *С принятием Брестской унии на рубеже XVI – XVII вв. для православного населения Речи Посполитой обостряются проблемы прав, свобод и самоидентификации. В статье анализируются представления православных полемистов о взаимодействии польской и «руской» культур, поднимаются проблемы полонизации и образования западнорусского населения.*

Ключевые слова: *полемическая литература; славянский язык; православие; Иван Вишенский.*

Abstract. *With the adoption of the Brest Union at the turn of the 16th –17th centuries, the problems of rights, freedoms and self-identification are aggravated for the Orthodox population of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The article gives an analysis of the ideas of Orthodox polemists about the interaction of Polish and Rus' cultures, raises the problems of Polonization and education of the West Russian population.*

Key words: *polemical literature; Slavic language; Orthodoxy; Ivan Vishenskij.*

На рубеже XVI – XVII вв. для православного западнорусского населения встали новые вызовы: раскол церкви после принятия Брестской унии 1596 г., попытки осмысления своей общности, борьба за прежнее правовое положение. Публицистика полемистов представляет собой важный пласт истории, который отражает религиозные, духовные, культурные и политические процессы, это исторический срез мировоззрения представителей западнорусского населения.

Последнее время, помимо анализа религиозных споров и представлений, в современной историографии видятся тенденции анализа мировоззрения человека раннего Нового времени. Исследователи обращаются к «местам памяти», анализируют этничность на примере полемической литературы. Особенно значимыми в данных вопросах являются несколько недавних международных конференций в Минске (2015 г.) [1], в Львове (2016 г.) [2] и в Москве (2017 г.) [3], где исследователи довольно часто обращались к анализу полемической литературы конца XVI – первой половины XVII вв.

В представленной работе мы обратим внимание на менее затрагиваемый вопрос в историографии – на рассуждения полемистов о культурной ситуации в Речи Посполитой. Конечно, важным вопросом для полемистов было сохранение славянской культуры и языка. Для них язык – это важный элемент, который подчеркивает «рускость». Хотя уровни самоидентификации могли быть разные, но чаще всего религиозные, территориальные и языковые. Для полемистов рассмотрение культурного положения происходит неразрывно с религией.

Одна из главных проблем, по мнению православных полемистов, – это полонизация и латинизация языка, всё меньшее и меньшее использование книг на славянском языке. Хотя польский тоже с лингвистической точки зрения относится к группе славянских языков, но в рассматриваемых нами источниках разграничение языка для полемистов было на уровне славянский/русский и польский/латинский.

Обращение к проблеме «словенского» языка мы находим в работах Ивана Вишенского. В «Книжке» (1600 г.) и «Зачапка мудраго латынника з глупым русином» (1608–1609 гг.) он призывает православное население учить славянский язык и сохранять своё благочестие, т. е. не поддаваться ересям и не вступать в униатство. Вишенский относит славянский язык к достойным для проповеди и печати церковных книг [4]. Полемист считает, что Русь пострадала из-за отступления от веры, строительства польских школ и внедрению светских наук.

В «Послании до латин из их же книг» (1582 г.) анонимного автора есть тоже рассуждение о значение славянского языка. Автор

относит славянский язык наравне с греческим и еврейским к священным языкам, а латинский из их числа исключает [5]. Как отмечает Д. В. Боднарчук, полемист даже соотносит латинян и их язык с дьявольским числом [6].

Действительно специальные филологические исследования языка говорят о проникновении большого количества новых слов, поэтому высказывания полемистов вполне обоснованы. Так, Т. К. Молодид отмечает значительную полонизацию языка в «Палинодии» Захарии Копыстенского, хотя часть из этих слов в простом языке не встречались. Многие полонизмы внедрялись в употребление как раз таки полемистами [7]. М. Л. Худаш признает наличие значительного количества полонизмов в терминологии, относящейся к политике и социальным отношениям [8].

Заимствованные слова проникали из разных областей, в основном слова относились к религиозной сфере, военному делу, социально-политической, научной областям (географии, картографии, зоологии), образованию, литературе, музыке и т. д. В работе Х. Леминг предлагается статистика использования заимствований в «словенском» языке, на основе анализа разных источников официальных и нарративных делается вывод, что больше всего заимствований в оригинальных сочинениях, далее в переводах и в посольских докладах [9].

Не менее важным вопросов для православных полемистов является образование. Образование, по мнению Вишенского, должно было неразрывно связано с православием и славянским языком. Цель просвещения – моральное «очищение» с опорой на свои культурные традиции. Вишенский выступал против европеизации, полонизации образования. Программа его правоверной школы следующая: изучение греческой или церковнославянской грамматики, вместо диалектики изучать Часословец, вместо риторики – Псалтирь, вместо светской философии – Осмогласник, а мудрость искать в Соломоновых притчах и прочих книгах Ветхого завета[10].

Для анонимного автора «Перестроги» и Захарии Копыстенского (1619—1622) в его труде «Палинодия» [11] рассвет образованности, культуры, книжности и христианства приходится на времена Владимира и Ярослава Мудрого. В «Перестроге» автор упрекает православ-

ный народ в отсутствие развития школьного образования, в увлечении польским образованием и языком [12]. Также им выделяется ещё один маркер полонизации православной общности – брачные связи и мода на польские имена. В целом, отмечается естественное желание знати влиться в польское общество, но оно оценивается негативно. На отпадение знатных фамилий от православия указывал и Мелетий Смотрицкий в «Плаче» (1610 г.). «Где теперь тот неоценимый камень, то изумруд, сиявший…дом князей Острожских, который блеском светлости старожитной веры своей над всеми другими светил? Где и другие дорогие одинаково неоценимые же короны камни – значительные русские княжеские роды, неоценимые сапфиры и бесценные бриллианты – князья Слуцкие, Заславские, Збаразкие, Вишневецкие, Сангушки…» [13] и многие другие.

В целом, православные авторы сожалеют, что православный народ, в большей степени знать, отходят от традиций, которые вырабатывались веками. Традиции эти заключаются в вере, языке, образовании и русской книжности. Древнерусские традиции отодвигаются на второй план и главная задача перед «рускими» родами, семьями влиться в польскую систему государства и управления. Здесь нельзя говорить о единственной точке зрения на эти закономерные естественные исторические процессы. Часть полемистов на этом не акцентировала внимания или чувствовали себя полноценными членами полонизированного общества, другая же группа полемистов, о которой шла речь, оценивали крайне негативно происходящие процессы полонизации.

Список литературы

1. Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства. / отв. ред. А. В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 399 с.

2. Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. ред. А. В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 430 с.

3. «Места памяти» Руси конца XV - середины XVIII в. / отв. ред. А. В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 518 с.

4. Книжка // Иван Вишенский. Сочинения / Отв. ред. Н.К. Гудзий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 23.

5. Послание до латин из их же книг // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 19. Кн. 3. СПб., 1903. Стб. 1135.

6. Боднарчук Д. В. Этнокультурная идентичность населения Русского воеводства Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в.: дис. … канд. ист. наук. СПб, 2012. С. 111.

7. Молодид Т. К. Язык «Палинодии» Захария Копыстенского (Общая характеристика лексики и словообразования): автореф. дис. …канд. филол. наук. Киев, 1963. 16 с.

8. Худаш М. Л. Лексика украинских деловых документов конца XVI – начала XVII вв. (На материалах Львовского Ставропигиального братства): автореф. дис. … канд.филол. наук. Киев,1961. С. 9.

9. Leeming H. Polish-Latin Influences in Pre-Petrine East Slavonic: Some Observations // The Slavonic and East European Review, Vol. 51, No. 124. Jul. 1973. P. 356.

10. Возняк М. С. Історія української літератури. У 2 книгах. Кн. 1. Львів: Світ, 1992. С. 426.

11. Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т.4. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, Стремянная, №12, 1878. Стб. 985.

12. Перестрога // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб.: тип. Эдуарда Прана, 1851. С. 204.

13. Українські гуманісти епохи Відродження. Антологія. У 2-х ч. Ч.2. Київ: Наукова думка, Основи, 1995. С. 313.

Парфеня Мария Игоревна,

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Борисов Виктор Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент

Мирское самоуправление в слободах Верхотурского уезда в XVII в.

Self-Government in Peasant Communities of Verkhotur'e District in the 17th Century

Аннотация. *Феномен крестьянской общины традиционно считается одним из ключевых в русской истории, но исследований не общины вообще, как явления, а деятельности конкретных «миров», сравнительно немного. Однако без введения в научный оборот значительного объема данных о том, кем и в чьих интересах принимались решения на сходах, невозможно понять социальные процессы в российской деревне. Для решения этой проблемы в исследовании сопоставляются крестьянские «выборы» и учётные источники и выявляются основные тенденции в назначении крестьян на мирские должности и их участии в выборах. Анализ показывает, что наиболее активными участниками самоуправления были дворохозяева, старожилы, люди с большими семьями, но не обязательно состоятельные.*

Ключевые слова: *крестьяне; самоуправление; община; Западная Сибирь; XVII век; социальная история.*

Absract*. Peasant community (obsh'ina) was an important element of the social structure of tsarist Russia. Many investigations are dedicated to obsh'ina as a phenomenon that influenced Russian history, but there are relatively few studies examining practices of specific communities. Meanwhile, without introducing into the scholarly circulation the significant amount of specific information about who and in whose interests certain decisions at the gathering (skhody) were made, it is impossible to fully understand the social processes that took place in the Russian village. To solve this problem peasants' "elections" and accounting sources are compared and the main trends in the appointments to secular positions and participation in the elections are identified in the study. The analysis shows that the most active participants of self-government were homeowners, old-timers, people with large families, but not necessarily wealthy.*

Key words: *peasants; self-government; community; Western Siberia; 17 century; social history.*

Российская крестьянская община стала привлекать к себе внимание еще во второй половине XVIII в. Уже с конца 1830–х гг., во многом благодаря славянофильству, а затем народничеству она стала рассматриваться как один из ключевых для понимания российской истории институтов. И хотя взгляды на этот институт неоднократно менялись, первостепенное значение общины и актуальность ее изучения по-прежнему признаются историками [4, с. 249–303; 6, с. 315]. При всём обилии работ, посвященных русской общине во главу угла, как правило, ставились те или иные ее функции или организационные формы. Общины не как институты, а как конкретные коллективы исследовались несравнимо меньше, особенно на материале XVII в.

Вопрос определения общины и понимания её функционирования стоит в исторической науке ещё более остро. Помимо прочего, проблема общины была и остаётся политизированной и идеологизированной. На российской почве она всегда была либо символом отсталости в глазах одних, либо олицетворением лучших черт народа, по мнению других [2, с. 10]. Актуальность этой работы состоит в том, что она вносит вклад в понимание функционирования общины и даёт эмпирический материал для дискуссии о ней. Понимать общину мы будем максимально широко: как объединение людей, самостоятельно выполняющих ряд функций, возложенных на них государством, а также совместно защищающих общие интересы.

Методологически работа ориентируется на течение социальной истории, которое в отечественной историографии принято называть «новой локальной историей [11, с. 163–176]. Для него характерны сужение территориальных рамок исследования с целью приблизить историческое описание к биографиям конкретных людей, учесть максимальное количество действовавших факторов и в то же время проблемный, а не описательный, характер работ и учет более широкого социального контекста. В ходе исследования использовался метод сопоставления информации из различных источников: «выборов» и именных крестьянских и переписных книг. При этом применялись методы таких вспомогательных исторических дисциплин как палеография, просопография, ономастика.

Цель исследования — установить, какие факторы влияли на активное и пассивное участие крестьян в мирском самоуправлении в Верхотурском уезде в XVII веке. Задачи: 1) выявить круг наиболее активных участников выборов и очертить их социальный портрет; 2) выявить факторы, влиявшие на избрание крестьян на мирские должности.

В работе было проанализировано 37 выборных актов. В среднем на каждых выборах присутствовало около 20 крестьян, но иногда это число могло достигать 47 человек [1, ф. 1111, оп. 1, д. 33, ч. 1, л. 32–32, 28–31]. К сожалению, в 1680-е гг. в Ницинской слободе рядовые крестьяне перестают фиксироваться в «выборах», что существенно сужает возможности для анализа.

К работе также привлекалась учётная документация, к которой относятся переписные и крестьянские книги. Крестьянские книги представляют собой именные списки пашенных крестьян и перечни обрабатываемой ими десятинной пашни, то есть те правительственные земли, за обработку которых пашенные крестьяне владели собинной (то есть собственной) пашней [8, с. 138–139]. Переписные книги [1, ф. 1111, оп. 4, д. 40; 1, оп. 2, д. 721; 1, ф. 214, оп. 1, д. 697] содержат данные о мужском населении дворов и возрасте неженатой его части, а также дополнительные сведения, для каждого из источников свои (например, сенные покосы, год, с которого крестьянин проживает в слободе и т.д.).

Сопоставление информации из «выборов» и учётных источников позволяет получить краткие досье на необходимых для исследования крестьян. В досье включались такие параметры, как размер семьи каждого выборщика/выбранного, количество десятин собинной и государевой пашни, место происхождения и проживания на момент выборов. Из сопоставления данных следует, что на должности старост и целовальников выбирали, как правило, дворовладельцев, людей среднего возраста, с большой семьёй, проживающих в слободе относительно давно. Эта точка зрения уже высказывалась относительно других десятилетий и слобод [7, с. 161, 168; 3, с. 126–127]. Однако принятое в историографии утверждение о том, что все выборные крестьяне были зажиточными, не подтверждается. Данные Ницинской, Белослудской и Пышминской слобод говорят,

что как минимум в трети случаев избирались достаточно бедные крестьяне. Эти данные отчасти подтверждаются на материале Ирбитской и Подгородной слобод [3, с. 126].

В целом, в выборах принимало участие не более 20% всего населения слободы. Однако далеко не всегда это была описанная в историографии «зажиточная верхушка» [5, с. 53–54]. Несмотря на то, что самыми активными выборщиками были богатые крестьяне, часть людей с аналогичным имущественным положением не принимала активного участия в выборах [1, ф. 214, оп. 1, д. 140, л. 105–112; 1, д. 389, л. 383–388; 1, д. 418, л. 155–175]. При этом во время «голосования» могли присутствовать и относительно бедные люди. В целом же, о «завсегдатаях» выборов можно сказать то же самое, что и о выборных: это были дворохозяева, старожилы, люди с большими семьями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в XVII веке в Сибири самоуправление осуществлялось обычными, «нормальными» людьми, нет оснований говорить о сосредоточении власти в рамках какого-то узкого круга лиц с близким социальным статусом.

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 140, 341, 389, 418, 585, 697.; Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба).; Оп. 1. Д. 33. Ч.1, 34. Ч. 1, 338. Ч.2.; Оп. 2. Д. 721.; Оп. 4. Д. 40.

2. Алаев Л.Б. Сельская община: «роман, вставленный в историю». Критический анализ теории общины, исторических свидетельств её развития и роли в стратифицированном обществе. М.: URSS, 2016. 480 с.

3. Борисов В.Е. Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: дисс. … канд. ист. наук. М., 2010. 256 с. (РГБ. ОД 61 11-7/230).

4. Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 356 с.

5. Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ, 2003. 248 с.

6. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 802 с.

7. Соколова Н.В. Крестьянское самоуправление в центральной России в 20-е годы XVIII в. // Исторические Записки. М., 2004. №7(125). С. 117–174.

8. Оглоблин, Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа: в 4 ч. / Ч. 1. Документы воеводского управления. М., 1895 – 1902.

9. Радько, Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. 176 с.

10. Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост.: М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. М.: АЦ, 1991–1999. Т. 1–4.

11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.

Бобылева Ирина Дмитриевна,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Научный руководитель:
Горюшкина Людмила Павловна, старший преподаватель

Церковная жизнь Западной Грузии глазами русского посла (вторая четверть XVII в.)

Church life in Western Georgia according to Russian ambassador evidence (the second quarter of the 17th century)

Аннотация. *В данной статье на примере статейного списка, составленного в 1639–1640 гг. русским послом в Мегрелию (Западная Грузия), рассматривается, как русский православный человек того времени воспринимает религиозную составляющую культуры другого народа. Автор работы приходит к выводу, что при описании чужой церковной жизни посол в качестве «идеальной модели» ориентируется на русское православие и сосредоточивается на незначительных отличиях, оставляя очевидное сходство за рамками повествования. При этом главным для него оказывается не догматическая сторона вопроса, а внешнее проявление религии, что в целом было свойственно для простых верующих в России указанного периода.*

Ключевые слова: *Западная Грузия; Мегрелия; церковная жизнь; православие; восприятие; образ «чужого»; русское посольство; статейный список; XVII век.*

Abstract. *The aim of this article is to examine (on the material of the report of the Russian ambassador to Mingrelia in 1639–1640) in what way a Russian Orthodox believer perceives a religious component of another nation's culture. The following conclusions are drawn: the ambassador uses Russian Orthodoxy as an "ideal model" to describe foreign church life and concentrates on insignificant differences instead of mentioning obvious similarities. At the same time, the most important thing for him is an external manifestation of religion that was peculiar to plain believers in the 17th century Russia.*

Key words*: Western Georgia; Mingrelia; church life; Orthodoxy; perception; image of the "stranger"; Russian diplomatic mission; stateyny spisok; 17th century.*

Для внешней политики России вторая четверть XVII века стала временем активизации дипломатических контактов и попыток

преодолеть неблагоприятные последствия Смутного времени, такие как потеря территорий, падение международного авторитета, ослабление защиты пограничных областей. В это же время для грузинских земель, находившихся в состоянии раздробленности, определяющими являлись отношения с мусульманскими соседями – Турцией и Персией, боровшихся между собой за господство на Кавказе. Не в состоянии самостоятельно сопротивляться агрессии, грузинские правители обращаются за помощью к соседнему православному государству: XVII в. отмечен рядом посольств из Грузии в Москву и обратно [7, с. 303–305, 312–314].

Одной из таких дипломатических миссий было посольство Федота Елчина и священника Павла Захарьева 1639–1640 гг., отправленное в Мегрелию (княжество в Западной Грузии). Оно явилось ответом на посещение Москвы послом мегрельского князя Левана II Дадиани, изъявившего желание стать подданным московского царя. Елчин должен вступить с ним в переговоры по этому вопросу, а также собрать о Мегрелии разнообразные сведения [6, с. 259–262]. Ход и результаты его миссии отражены в статейном списке, который был предоставлен в Посольский приказ после возвращения русского посла [1].

Политическая цель посольства так и не была достигнута: Леван II принял посланников московского царя достаточно холодно, никаких соглашений достигнуто не было [1, с. 220–221]. Однако любой дипломатический контакт, помимо его значения для истории внешней политики, является также соприкосновением разных ментальностей. Не является исключением и посольство Елчина и Захарьева: на наших глазах происходит одна из первых встреч двух культур – русской и западногрузинской (мегрельской).

Обе эти культуры являются православными, и поскольку вопросы религии были весьма важны для людей того времени, а также поскольку «рассмотрение веры» и описание местных православных святынь являлись одними из центральных задач Елчина [6, с. 284–285], именно в рассказе о религии должны были наиболее ярко отразиться представления посла о «своём» и «чужом». В связи с этим целью настоящей работы является рассмотрение на примере церковной жизни того, каким образом действительность Западной Грузии (конкретно – Мегрельского княжества) воспринималась по-

павшим в неё русским человеком и как его восприятие отразилось в достаточно формальном документе, каким является статейный список. В рамках исследования были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть церковный круг общения посла и его маршрут по местным монастырям и святыням; 2) определить, какие аспекты церковного убранства и богослужения его интересовали; 3) установить особенности описания местных религиозных праздников и традиций; 4) выявить степень участия посла в «спорах о вере» с мегрельскими священниками. Одновременно с этим внимание Елчина к одним деталям церковной жизни государства Левана Дадиани и равнодушие к другим позволят лучше познакомиться с сознанием рядового православного человека из России.

Актуальность работы определяется тем, что, несмотря на очевидный интерес современной отечественной и зарубежной историографии к изучению так называемого «образа чужого», малоизвестные статейные списки русских послов в качестве источника по этому направлению практически не привлекались. Что касается конкретного посольства Федота Елчина, то оно не становилось до сих пор предметом специального исследования и рассматривалось либо в рамках комментариев к публикуемым архивным документам (С. А. Белокуров [6], Д. С. Лихачев [4], Д. О. Гамахария [3]), либо в рамках работ по внешнеполитической истории России и Грузии (М. А. Полиевктов [5], О. В. Ардашелия [2]).

Итак, для начала следует отметить, что русское посольство во время его перемещений по Мегрелии обязательно сопровождали представители Левана II, среди которых было немало духовных лиц. В основном это люди, занимавшие высокое положение в церковной иерархии (практически не покидавший Елчина епископ Андрей [1, с. 209, 213, 214 и др.], архимандрит Артемий [1, с. 209], митрополит Митрофан [1, с. 218], епископ Евтихий [1, с. 215] и др.), причём среди них был глава церкви Западной Грузии – патриарх Максим [1, с. 214, 219]. Возможно, это свидетельствует о проявлении (во всяком случае, внешнем) уважения Левана Дадиани к русскому посольству, а, следовательно, и к их государю – Михаилу Фёдоровичу. Разумеется, Елчин во время своих поездок по монастырям не мог не встречаться и с рядовыми служителями церкви, однако прямо эти люди никог-

да не называются. В целом, церковная организация Мегрельского княжества вряд ли интересовала русского посла, поскольку Елчин не уделяет ей в статейном списке какого-либо внимания, не найдя, вероятно, заметных отличий от принятых в России порядков.

Содержание монастырской жизни (думается, по той же причине) также не удостаивается внимания Елчина, хотя он и его спутники за время пребывания в Мегрелии посетили по меньшей мере восемь монастырей, некоторые из них, видимо, по нескольку раз (среди них, например, «Рожественской монастырь», монастырь Спаса Всемилостивого, монастырь «во имя пречистые богородицы Одегитрея», монастырь «Егорьевский» и др. [1, с. 209, 210–211, 213, 214]). После каждого посещения монастыря Елчин, как правило, упоминает находящиеся там церкви, описывает их планировку и внутреннее убранство, а также подробно перечисляет находящиеся там иконы и другие православные святыни: «…показывали нам… мученика Стефана орьхидьякона руки обе целы и ножьные кости да кре[ст] таво дерева, на чом Христос был распят; да нам же показывали дробные жеребейки святых…» [1, с. 214]. Если святыни особенно значимые, то русский посол старается приводить информацию об их происхождении, зачастую цитирует вопросы, обращённые к мегрельским священнослужителям: «А ворот пречистые богородицы мал, верьшка на три. И мы про то спросили: “Чего ради ворат мал?” И архиморит Микулаз сказал “Волею де божью год от году ворот зарастает”» [1, с. 221].

Такая направленность интересов Федота Елчина, отразившаяся в его статейном списке, чётко согласуется с установками данного послу наказа: «…буде мошно досматривати и допрашивати какая та святыни и от колких лет тут пребывает и откуды что взято, да что хто про которую святыню скажут и им то все писати в список имянно и привести с собою вместе» [6, с. 285]. Тем не менее, некоторые детали описаний Елчина могут рассказать что-нибудь и о нём самом.

Прежде всего, любопытно внимание, с которым автор статейного списка относится к некоторым монастырским постройкам: «в том монастыре храм каменой» [1, с. 213], «а кругом монастыря ограда каменая, а ворота одни, притворы железные» [1, с. 214]. Не исключено, что остальные посещённые послами места не имели ни ка-

менных храмов, ни каменных оград с железными воротами. Однако ни особенности архитектуры, ни организация монастырского пространства, ни планировка церквей, ни посвящение их конкретным святым или праздникам не вызывают у Елчина никаких вопросов.

Внутри храмов Елчин встречает привычные для русского православного человека детали: фрески, мощи святых, иконы (включая иконостасы). В ряде случаев посол считает необходимым отметить: «стенное писание все по достоянию; а в небе написан Саваоф»; «а в церькве образы и деисусы и месные образы все по достоянию, а окладу добре много» [1, с. 210]. Тем заметнее для Елчина на общем знакомом фоне выглядит то, что отличается от русских обычаев: «а в олтарь двери одни царьские, а сиверских дверей нет»; «а во храм идучи предел в левой руке стоит пуст, а икон в нем нет» [1, с. 210]; «а в притворце казали мощи, а потъписей на них нет, которых святых» [1, с. 211]. Впрочем, таких упоминаний немного. Примечательно, что Елчин, столкнувшись с чем-то непривычным, выбирает способ описания «от противного», то есть русский посол постоянно держит в голове единственно возможную для него «норму» – образ русского православного храма.

Помимо церковного убранства, русский посол обращает внимание также на детали местного богослужения. Мы снова можем выделить здесь две тенденции, которые, в принципе, характерны для всего описания Западной Грузии: Елчин, с одной стороны, «не замечает» того, что совпадает с привычным ему русским обиходом (по всей видимости, это сами церковные праздники и их общая обрядовая сторона), с другой же – отыскивает непривычное, «неправильное» с точки зрения человека иной культуры. В конце концов посол приходит к выражению увиденного через «не» и «без»: «а пришли х тайне божьей, не перекрестясь, а прочь также пошли от причастья, креста не целовали у потиру» [1, с. 217]; «а пели, идучи напереди, а каженья не было» [1, с. 218]; «А после павечерницы и полуношницы и перед обеднею прощенья нет, а отпусть прост»; «А на ризах и на стихорях оплечья и креста и звезды и омету нет» [1, с. 226]. Вроде бы Елчин упоминает мелочи, внешние детали, однако именно внимание к внешнему показательно: перед нами обычный православный человек, не разбирающийся в тонкостях богословия, оценивающий «правильность» или, если угодно «каноничность»

веры по внешним её проявлениям. То же самое, кстати, характерно и для рассмотренного выше восприятия церковного убранства. Критерием для сравнения, естественно, выбирается собственная культура – внешний облик русских церквей, русские церковные обряды.

Отдельного внимания заслуживает восприятие Елчиным различных околоцерковных обычаев и обрядов, которыми, думается, неизбежно обрастает любая вера в народной среде. Нечто подобное, в частности, произошло с отмечавшимся дважды в год, весной и осенью, праздником в честь святого Георгия, культ которого был очень популярен в Грузии. Русские послы становятся свидетелями весенних торжеств: «После завтрени до обедни вышли на площеть потриярх и митрополит и все люди многия, а вынесли местную икону страстотерпца христова Георгия, поставили на стольбе ликом на полночь. Против ево, оброза, сел мужик на хрому да вдел на себя другой оброз страстотерпца Георгия, да стал говаривать во весь мир, а миру в те поры запретили, штоб нихто не говарил… А таво сказывал с час з боевой, а в те поры у оброза службы не было и ни кадили кадилом» [1, с. 219]. Елчин, не выказывая ни малейшего сомнения в «чудесной» и «божественной» природе праздника, тем не менее отнёсся к происходящему неодобрительно: «Мы тому не веруем, ложь то есть, потому что после рожества Христова пророки льживы» [1, с. 219]. Возможно, это связано с отсутствием в России «пророков», подобных мегрельскому: не святых и не юродивых [1, с. 219]. Не остаётся без внимания и такое странное для русских людей поведение, как битьё «в палки и в чекуши» после сцены пророчества: «И мы их оп том спросили: “што де у вас ведетца не по-крестьянски?”» [1, с. 219] Здесь интересно даже не само удивление Елчина, а то, какими словами оно выражается: русское православие, где, видимо, по мысли посла, подобное проведение праздников невозможно, воспринимается как христианство вообще, то есть единственно верная религия. Напомним ещё раз, что для Елчина – среднестатистического православного человека – вера определяется не догматами, а своим внешним выражением.

Русский посол обращает внимание и на повседневное поведение простых православных людей: «А Филипов пост и во Спожино говейно и в Петрова говейно и в середу и в пятницу мирския люди ядят скоромное сплошь, акромя великого посту. А в чернецы пост-

ригаютца из детства малыя; а взмужает, захочет – во влостях будет, а не захочет, и он разтрижетца и женитца. А в великой пост х причастью мирския люди не говеют ис своей воли и у отца духовнава не бывают; а причащают при смерти, как человек умирает. А сватьбы играют в великой пост. …а лучится где храм блиско, и оне во хрому венчают, а не лучится где храму близко, и оне и дома венчают» [1, с. 226]. Соблюдение поста, принятие монашеского сана, посещение духовника, причастие, венчание – вновь мы видим, как русский посол подчёркивает несовпадение со своим, привычным, русским, однако это несовпадение касается лишь внешних сторон религии. Можно предположить, что в остальном мегрельцы вели себя подобно русским православным: крестили детей, отпевали покойников, венчались, ходили на службу в церковь, молились, отмечали церковные праздники. В конце концов, и Россия, и Мегрелия были православными странами – вопрос лишь в том, заслоняли ли для Елчина эту общность замеченные им отличия в деталях.

Последнее, что нам остаётся рассмотреть в связи с состоянием православия в Мегрелии, это «споры о вере», проходившие с местными духовными лицами. Подобные разговоры входили, прежде всего, в компетенцию священника Павла Захарьева [1, с. 284], однако интересно, как они воспринимались самим послом. Так, первый из них состоялся с архимандритом Артемием вскоре после прибытия посольства. Разговор касался событий Ветхого Завета, причём Захарьев и архимандрит заспорили, кто был старше из потомков Адама, Енох или Илья [1, с. 209]. Здесь для нас важен комментарий Елчина, свидетельствующий о том, что русскому послу неинтересны детали Священного Писания: «И да тава дашло – архиморит стал говарить… И поп Павел стал говорить… И потом у них стал спор, а розвести не умели, да и покинули говарить» [1, с. 209]. Елчин даже не считает нужным подробно передавать сам спор.

Во время второго разговора о вопросах веры – на этот раз с митрополитом – между ним и русскими послами происходит обмен информацией о крещении их стран [1, с. 218], однако Елчин от каких-либо комментариев воздерживается. Третий разговор, совсем короткий, происходит между Павлом Захарьевым и архимандритом Микулазом незадолго до окончания посольства и приводит к друго-

му бесплодному спору, на сей раз о количестве лет «ото Адама до сех мест» [1, с. 222]. И вновь мы не можем ничего сказать о мнении Елчина, так что остаётся возвратиться к выводу, что русского посла догматическая сторона вопроса не занимает, и ведение «споров о вере» он предоставляет священнику Захарьеву, своему более «компетентному» в вопросах религии спутнику. В описании православия в Мегрельском княжестве Елчину приходится опираться в первую очередь на личные впечатления.

Таким образом, мы видим, что на протяжении всего посольства церковная жизнь Мегрелии в её разных появлениях неизменно обращала на себя внимание Федота Елчина. Русские послы постоянно общаются с местными церковными иерархами – от патриарха до епископов, однако контакты с рядовыми священниками в статейном списке, по сути, не зафиксированы. Во время своего путешествия по Мегрелии Елчин и его спутники посещают многочисленные монастыри, причём в своих описаниях русский посол сосредоточивается на деталях внутреннего убранства, иконах, святых реликвиях. В ряде случаев Елчин отмечает, что увиденное совпадает с привычными ему (а значит «правильными») русскими порядками, однако значительно бóльшее внимание уделено отличиям, вплоть до мельчайших. То же самое можно сказать и о восприятии мегрельского богослужения, а также повседневного поведения верующих: русский посол замечает «неправильное» поведение, а то, что схоже с русской практикой, остаётся за кадром. Странными с точки зрения поведения мегрельцев показались Елчину местные церковные праздники, причём доходит до того, что отдельные действия людей объявляются «нехристианскими».

Если попытаться выделить общий принцип описания мегрельской веры, то его можно назвать «методом от противного», поскольку Елчин отталкивается от «идеальной» модели, свойственной русской культуре и, что стоит отметить, его социальному слою. Последнее выражается в том, что для посла не слишком важна догматическая сторона вопроса, заниматься которой он предоставляет своему спутнику, священнику Захарьеву – это видно по пересказам «споров о вере» в статейном списке. Вера представляется Елчину прежде всего совокупностью своих внешних проявлений, от храмового убранства до облачения священника во время богослужения. И русский посол

не одинок: так, вероятнее всего, воспринимало религию большинство простых людей в России первой половины XVII века. Здесь можно провести параллель с реакцией общества на церковные реформы патриарха Никона, когда люди отказывались принимать прежде всего внешние изменения и в ряде случаев соглашались на жесточайшие лишения (и даже шли на смерть) за приверженность «старой вере».

Выше нам приходилось упоминать, что, помимо отличий, в церковной жизни Мегрелии и России не могло не быть сходных черт, которые, однако, неизменно остаются за рамками источника и нуждаются в реконструировании. При этом главным вопросом становится соотношение одинакового и различного в восприятии Елчина. Заслоняло ли то многочисленное «неправильное», несовпадающее с русской жизнью (в самом широком смысле), что мы видим в статейном списке, столь же многочисленные, но остающиеся «за кадром» точки соприкосновения между двумя культурами? Нам представляется, что этот вопрос, поставленный более широко (скажем, применительно к русским послам XVII в.), стоило бы затронуть в дальнейших исследованиях с привлечением более широкого круга источников.

Список литературы

1. Статейный список Федота Елчина (Грузия) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Л., 1954.

2. Ардашелия О. В. (авт.-сост.) Очерки истории Грузии. Мегрелия. Пермь, 2012.

3. Гамахария Д.О. Материалы о дипломатических взаимоотношениях между Мегрельским (Одишским) княжеством / Грузия и Россией (1636–1640 годы) // Гамахария Д. О. Материалы посольств Гавриила Гегенава, Федота Елчина и Павла Захарьева, 1636–1640 годы. Тбилиси, 2014.

4. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Л., 1954.

5. Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

6. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640 гг.). С предисловием С. А. Белокурова // ЧОИДР. Кн. 2. М., 1887. С. 257–376.

7. Шепелева Л.С. Культурные связи Грузии с Россией в X–XVII веках // ТОДРЛ. Т. 9. М., 1953. С. 297–322.

Кривова Дарья Анатольевна,

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева

Научный руководитель:

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор

Политическая позиция А.П. Волынского в его проектной деятельности

Political position A.P. Volynsky in its project activities

Аннотация. *В статье проанализированы политические взгляды А.П. Волынского – кабинет-министра эпохи Анны Иоанновны. Особое внимание уделено его «Генеральному проекту», посвященному государственному переустройству страны. Сделаны выводы, что в целом Волынский стремился к расширению прав дворянского сословия, однако не выступал против незыблемости самодержавного правления.*

Ключевые слова: *Анна Иоанновна; Кабинет министров; «Генеральный проект» Волынского; власть; шляхетство.*

Abstract. *In the article analyzes the political views of A.P. Volynsky - Cabinet Minister Anna Ioannovna. Particular attention is paid to his "General Project", dedicated to the state reconstruction of the country. It is concluded that in general Volynsky sought to expand the rights of the nobility, but did not oppose the inviolability of autocratic rule.*

Key words: *Anna Ioannovna; Cabinet of Ministers; "General project" of Volynsky; power; nobility.*

Артемий Петрович Волынский находился на посту кабинет-министра в последние годы царствования Анны Иоанновны, с 1738 по 1740 год и был казнен в результате политического процесса. Трагическая судьба казненного министра часто привлекала внимание не только историков, но и поэтов, и писателей. Во многом благодаря художественным произведениям, а в частности роману И.И. Лажечникова «Ледяной дом», за Волынским закрепился образ настоящего патриота, «главы оппозиции против произвола бироновщины». Исследование того, насколько этот образ соответствовал истине,

на данный момент является актуальным, так как позволяет дать более объективную оценку самому правлению императрицы Анны. Как известно, одним из самых известных эпизодов биографии кабинет-министра является его проектная деятельность государственного переустройства страны, повлекшая за собой его гибель. В проектах Волынского не могла не отразиться его политическая позиция, изучение которой и является целью данной работы.

Взгляды Волынского на политическое устройство страны, несомненно, отражаются в его негативной позиции еще по отношению к замыслу верховников по ограничению власти императрицы в 1730 году. Как считал будущий кабинет-министр: «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десять самовластных и самодержавных фамилий; и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем больше прежнего милости у всех искать, да и ее сыскать будет трудно, так как между главными не будет согласия». Сам представитель средних слоев дворянства, он признавал, что, к примеру, в случае войны при такой власти именно средние слои шляхетства «будет оставаться в платежах и во всех тягостях» [7, с. 209].

В последующем его политика поддержки дворянского сословия нашла проявление в его проектной деятельности.

В своем знаменитом «Генеральном проекте о поправлении внутренних государственных дел», основные положения которого сохранились в отрывочных свидетельствах и допросах самая большая его часть как раз посвящена положению шляхетства. Видимо, рассматривая шляхетство как основу благополучия государства, Волынский считал необходимым способствовать его просвещению – посылать учиться молодых дворян за границу, «чтобы были свои природные министры», «по примеру европейских государств ввести шляхетство в духовный и приказной чин» и т. д [4, с. 155].

Укрепление позиций шляхетства предусматривалось и через реорганизацию государственной системы. Само предисловие документа Волынского было направлено, прежде всего, к кабинет-министрам и сенаторам. Проект предусматривал перераспределение функций Кабинета министров и Сената в пользу последнего. Признавая недостаточную эффективность Кабинета, Волынский пла-

нировал разделить его на две экспедиции, а сенаторам ежегодно осматривать все губернии для предотвращения там непорядков, для чего их состав числено увеличить». Звание генерального прокурора следовало отменить, «так как оно могло препятствовать сенаторам в свободном действии», при этом сохранялась должность менее влиятельного обер-прокурора [4, с. 155].

На случай того, если усиление Сената могло угрожать монархической власти, кабинет-министром была сделана приписка в проекте: «если сенат усилится, на то у Ее величества гвардия есть» [5, с. 291]. Интересно, что подобные рассуждения не отвечали личным амбициям Волынского – усиление Сената несколько ослабляло его положение кабинет-министра [8, с. 976].

Достаточно спорным является вопрос об отношении Волынского к проблеме организации верховной власти. Логично предположить, что также как и в 1730 году, наученный горьким опытом верховников Волынский не должен был заниматься вопросами ограничения власти императрицы. Кроме того, этот документ, скорее всего, писался с ее прямого согласия и одобрения. Накануне окончания русско-турецкой войны появилась необходимость в новом внутриполитической программе решающую роль в разработке которой играл Волынский [8, с. 976].

Однако по свидетельству участников допроса в предисловии проекта, где кратко излагалась история России от Рюрика до Михаила Федоровича, содержалось упоминание о некой «мнимой республике Долгоруких»; к тому же «Волынский написал «многие острые речи о «несамодержавстве в Польше и Швеции и другие излишества» и восхищался вседозволенностью польского шляхетства [2, с. 15-16]. Кроме того, обвинения, предъявленные Артемию Петровичу в ходе политического процесса, содержали то, что он «питал к Ее Величеству злобу и сравнивал императрицу с жестокой Неаполитанской королевой Иоанной из сочинения нидерладского гуманиста Юста Липсия, и настоящее ее правление называл «временем Годунова» [4, с. 161].

Такая ситуация делает возможным вывод о том, что Волынский и его «конфиденты» составили несколько вариантов проекта один из которых предназначался Анне Иоанновне, а другой – мог дожи-

даться более благоприятного момента для его реализации. Обвинения подготовить государственный переворот в таком случае являются несостоятельными. Как предполагал Е.В. Анисимов, в будущем Волынский мог рассчитывать на приход к власти Анны Леопольдовны или ее детей – тогда проект мог стать вариантом нового правительственного курса, а Волынский первым министром при следующей правительнице [1, с. 472].

Но, как считал исследователь Ю.В. Готье, которому удалось по отдельным записям восстановить содержание проекта, скорее всего, документ был написан в одном варианте [2, с. 30]. И действительно, Волынский мог вполне отдавать должное положению власти в Польском и Шведском государствах, однако нет точных сведений, что он стремился наперекор воли императрицы сразу учредить «несамодержавное правление» в России. Конечно, в его проекте нельзя не увидеть тенденцию в расширении дворянских прав, но она не носила явный радикальный характер [9, с. 13].

В этой сословно-дворянской тенденции Ю.В. Готье признавал определенное сходство с позднейшими проектами реформ и различных записок 50-60 гг. XVIII века. Ярко выступая у Волынского, они достигают полного развития в некоторых наказах 1767 года. По его мнению, проект Волынского представлял собой органическое звено, соединяющее шляхетские мечтания 1730 года с идеями дворянских наказов 1767 года [2, с. 31]. Также и историк И.В. Курукин находил, что тенденцию проекта Волынского затем продолжили более поздние авторы. Так, он считал, что положениями документа кабинет-министра, вероятно, мог воспользоваться министр Елизаветы Петровны П.И. Шувалов при написании своего проекта [6, с. 291].

Точку зрения о сходстве документа с развитием идей о расширении дворянских привилегий в некотором роде подтверждает «Завещание» Екатерины II, которая ознакомившись с материалами следствия, полностью оправдала казненного министра и видела в нем не изменника, а «усердного патриота и ревнителя к полезным поправлениям своего отечества» [3, с. 19].

Безусловно, А.П. Волынский, в 1730 году выступая против идеи верховников, видел пагубность олигархического правления. Будучи в целом приверженцем самодержавной власти, он стремился к укре-

плению положения среднего дворянства, что нашло отражение в его проектной деятельности.

Список литературы

1. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.

2. Готье Ю.В. «Проект о поправлении государственных дел» А.П. Волынского // Дела и дни. 1922. №3. С. 1-31.

3. Завещание Екатерины Второй по делу Артемия Волынского, 1765 // ЧОИДР. 1858. Кн. 4.

4. Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2.

5. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский: биографический очерк // Древняя и новая Россия. 1877. № 8.

6. Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011.

7. Переписка А.П. Волынского 1730-1738 гг. // Памятники новой русской истории. СПб., 1872.

8. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014.

9. Польской С.В. Артемий Петрович и его «злодейския рассуждения и проект» // Отечественная история. Самара, 2008.

Пустовойт Иван Сергеевич,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Проекты С.С. Уварова в отношении Санкт-Петербургского университета. 1819–1821 гг.

The designs of S. S. Uvarov in relation to the Saint-Petersburg University (1819–1821)

Аннотация. *Сергей Семенович Уваров был одним из наиболее успешных попечителей учебных округов периода университетских реформ александровского царствования. Важной заслугой молодого попечителя было преобразование в 1819 г. Главного педагогического института в Петербурге в университет, содержательная реформа преподаваемых наук и обновление состава профессоров. В своих взглядах на задачи университета и его отношения с государством С.С. Уваров был близок Вильгельму фон Гумбольдту. Наиболее развернуто идеи классического университета, сочетающего свободу преподавания и исследовательские задачи, но при этом предполагавшего государственное регулирование и финансирование, Уваров изложил в представленном им в мае 1819 г. проекте устава для Петербургского университета. Неудача этого проекта, подвергнутого сокрушительной критике в министерстве народного просвещения, стала причиной добровольной отставки Уварова с должности попечителя, что в свою очередь предопределило гонения на Петербургский университет, известные как «дело профессоров».*

Ключевые слова: *С.С. Уваров; попечитель учебного округа; Санкт-Петербургский университет; корпорация профессоров; университетский устав; критика.*

Abstract. *Sergei Semyonovich Uvarov was one of the most successful Trustees of educational districts during the University reforms of Alexander's reign. An important merit of the young Trustee was the transformation in 1819 of the Main pedagogical Institute into a University, the substantial reform of the taught Sciences and the renewal of the composition of professors. In his views on the tasks of the University and its relations with the state, S. S. Uvarov was close to Wilhelm von Humboldt. The most detailed ideas of the classical University, combining the freedom of teaching and*

research tasks, but at the same time assuming state regulation and funding, Uvarov outlined in his May 1819 draft Charter for the University of St. Petersburg. The failure of this project, which was subjected to crushing criticism in the Ministry of public education, caused the voluntary resignation of Uvarov from the position of Trustee, which in turn predetermined the persecution of St. Petersburg University, known as the "case of professors".

***Key words**: S.S. Uvarov; Educational region Trustee; St. Petersburg University; Corporation of professors; University Charter; criticism.*

Актуальность данной работы определена интересом к проблемам развития российского просвещения в начале XIX в. С. С. Уваров сыграл особо значимую, хотя не всегда очевидную роль в реформировании системы образования в 1810-х гг. Однако заслуги С. С. Уварова перед просвещением и наукой России долгое время по идеологическим мотивам замалчивались. Вне исследовательского поля оставалась его деятельность на посту попечителя Петербургского учебного округа. В связи с этим до последнего времени практически остаются неизвестными и объективно не оцененными его заслуги по учреждению в столице империи Главного педагогического института для подготовки учителей. Именно благодаря административной энергии С. С. Уварова в 1819 г. данный институт был преобразован в университет. Реформы, проведённые С. С. Уваровым – по сути, единичный случай активной борьбы попечителя Петербургского учебного округа, стоявшего на либеральных позициях, с реакцией на рубеже 1810-1820-х гг.

Университет в столице Империи в 1819 г. создавался не «с нуля», ядро профессорско-преподавательского корпуса формировалось прежде всего из состава преподавателей Главного Педагогического института. Однако в его составе оказались и вновь приглашенные ученые. В Педагогическом институте просто не было специалистов по ряду курсов, предусмотренных штатами университета.

Приглашение иностранных профессоров являлось необходимым условием открытия в России в начале XIX в. сразу нескольких университетов. При этом были задействованы различные механизмы, обеспечившие перемещение европейских ученых в Россию:

академические и бюрократические связи и знакомства, объявления в иностранных газетах, активность российских дипломатических представителей и так называемых «ученых корреспондентов» за границей, получавших жалование от Главного правления училищ [8, с. 13]. Эти механизмы С.С. Уваров продолжал использовать и позднее.

Соискатель места должен был представить рекомендации от известных ученых или иметь серьезные научные труды [8, с. 14]. Приглашение в университет не обязывало кандидата принимать российское подданство, он лишь давал присягу на верность российской короне по определенной форме. Те, кто оставался в России после нескольких лет службы (таких было немало), принимали российское подданство [8, с. 14]. Так, за годы своего попечительства С.С. Уваров пригласил большое количество первоклассных профессоров-преподавателей, например, из Харьковского университета в 1811 г. был им приглашён специалист по греческой словесности Баллен де Баллю [2, д. 105, л. 1], вскоре в ПИ будет приглашён профессор латинского языка и словесности Александровской духовной семинарии Ф. Грефе [2, д. 106, л. 1]. В 1818 г. в Петербург приехали ориенталисты Деманж и Шармуа [8, с. 16], на кафедру астрономии был приглашен академик В.К. Вишневский. Все они получат должное жалование и необходимую государственную поддержку в переезде и обеспечении их жильём.

Попечитель считал необходимым повышать научную квалификацию действующих профессоров и преподавателей. В первую очередь, отдельные преподаватели ПИ еще в начале 1800-х гг. направлялись за границу для подготовки к профессуре. Так, например, беспрецедентным был акт посылки в 1808 г. сразу двенадцати лучших выпускников института, «императорских стипендиатов», в Европу – для подготовки к профессорскому званию. Вернувшись из-за границы в 1811-1812 гг., по инициативе С.С. Уварова, стипендиаты сдали магистерский экзамен и заняли места адъюнктов в ПИ и затем ГПИ, а впоследствии стали профессорами Петербургского университета. Среди них были юрист А. П. Куницын, зоолог А. В. Ржевский, математик Д. С. Чижов, химик М. Ф. Соловьев, философ А. И. Галич, историк И. К. Кайданов [2, д. 202, л. 1-2].

В течение десяти лет своего попечительства С. С. Уваров «не выпускал из виду главную свою идею – идею устроения в столице центра “классического” университетского образования» [7, с. 14-14]. Причина того, что идея университета в Петербурге не встречала всесторонней поддержки, заключалась в том, что в столице уже существовало значительное число высших учебных заведений, удовлетворяющих как правительственным, так и частным потребностям в общественном образовании [6, с. 2].

14 января 1819 г. Уваров подает министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну проект «Первоначального образования предполагаемого в Санкт-Петербурге университета» [2, д. 219, л. 3]. Будучи сторонником немецкого («гумбольдтовского») типа университета, он заимствует оттуда некоторые идеи университетской организации. Так, Уваров предложил по типу университета Галле «иметь непременного, всегда от Правительства назначаемого Директора и вместе ежегодно избираемым учёным сословием Ректора» [2, д. 219, л. 3]. В имеющейся структуре кафедр ГПИ, он предложил отделить римское право от уголовное право, а поэтому создать три кафедры по части юридических наук [2, д. 219, л. 4]. Структура университета сохранила прежнее разделение на факультеты Главного Педагогического института и отличалась от других университетов. Заимствованное из немецкой модели разделение сфер управления между директором и ректором освобождало ученое сословие от избыточных административных обязанностей и занятий хозяйственной частью. Создавался единый орган – Правление, где было «сосредоточено в единый центр» всё, кроме учёной части [2, д. 219, л. 7-8]. Дела учёные рассматривались Конференцией профессоров (в ней председательствовал ректор [3, с. 15]) или в факультетах. Каждый факультет ежегодно избирал своего декана. В предполагаемом проекте «никакая власть не ограничивается, кроме власти попечителя [2, д. 219, л. 8] (всевластие попечителя было одним из принципов первых университетских уставов 1803-1804 гг., который подвергался критике). В то же время, очевидно, что проект Уварова стоял на страже академических привилегий. По словам М.И. Сухомлинова, он «был настоящим вызовом» мнениям ретроградов. Уваров настаивал на том, чтобы все академические вопросы оставались в руках

профессуры – тогда невозможно было бы увольнять преподавателей, изменять программы административным указом, как привыкли делать во времена голицынского министерства» [5, с. 91].

В 1819-1821 гг., уже после преобразования ГПИ в университет Уваров настойчиво внедряет латинский язык, требуя знания его от поступающих, санкционирует закупку учебных пособий, что могло улучшить преподавание латыни [1, л. 1]. Даже такие, на первый взгляд, мелочи позволяли поднять престиж университета.

«Первоначальное образование» Петербургского университета было только временным документом, сохраняющим силу до окончательного утверждения устава. В том, что ситуация с Уставом была гораздо сложнее, не приходится сомневаться. Уваров старался всемерно ускорить его принятие, чтобы завершить до лекций «доуставный» период университета. В основу устава университета Уваров положил Устав Главного педагогического института, утвержденный царем три года назад, и «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета.

К сожалению, этот обширный проект, в котором должны были воплотиться прогрессивные идеи С.С. Уварова, чтобы новый университет базировался на началах «основательного классического образования», не сохранился ни в подлиннике, ни в копиях [11, с. 30]. Тем не менее о содержании и характере проекта можно составить довольно полное представление по той подробной и мелочной критике, которой он подвергся в Главном Правлении училищ.

Первой инстанцией, рассматривавшей проект устава, явился Учёный комитет при Главном Правлении училищ. Членам Комитета Н. И. Фусу и графу И. С. Лавалю было поручено подвергнуть устав «частному рассмотрению» и затем представить свои мнения на общее соображение Главного Правления. Первым критиком выступил Фус, который отнёсся к проекту весьма благожелательно. Он нашёл его «сочинённым с примерною точностью, подробностью и рассудительностью» и счел нужным произвести лишь несколько «лёгких перемен» по некоторым статьям. Замечания и сомнения Фуса коснулись отсутствия медицинского факультета, незавершённости распределения кафедр, служебных прав преподавателей и разных мелких формальностей в устройстве и деятельности университет-

ских учреждений. Другой член Ученого комитета ГПУ, граф Лаваль, также отозвался с похвалой о проекте. Соглашаясь со всеми замечаниями Фуса, гр. Лаваль со своей стороны прибавил несколько возражений по вопросам о присвоении, оканчивающим университет чинов 10-12 классов наравне с воспитанниками привилегированных школ, о вознаграждении профессоров, о распределении предметов на юридическом факультете [11, с. 30] .

Духом несогласия проникнут отзыв Филарета, архиепископа Тверского, впоследствии знаменитого митрополита Московского, бывшего в данное время тоже членом Главного Правления училищ. Филарет представил ряд довольно резких замечаний относительно проекта С.С. Уварова. Он раскритиковал новую идею разделения университета на факультеты. Это разделение, по мнению архиепископа, не отвечало выраженной в первом параграфе проекта основной цели университета, которая, как писал Филарет, состоит в «образовании человека, усовершенствовании науки и образования гражданина, достойного служит отечеству», здесь же, указывая, что «одно из важнейших в нынешние времена приложений математики есть приложение её к наукам военным, но военные науки не преподаются в университете. Какой класс общеполезных граждан образует факультет физико-математический? Физика, химия, технология, натуральная история, рассматриваемые в достоинстве наук, принадлежат к области философии, а в приложении к художествам составляют область заграничную для университета, который есть царство наук, а не художеств. Также: какой класс граждан образует факультет историко-филологический? Учителя географии? Учителя грамматики? Какая малость в сравнении с другими факультетами! Наконец, что такое факультет историко-филологический? Состав двух частей, между которыми нет единства: ибо философия не связана с историей, как, например, с философией и богословием, но целого ни с одной из них не составляет» [4, с. 75].

Довольно резко возражал Филарет и по другим вопросам. В присвоении студентам 12-го, а кандидатам 10-го класса по Табели о рангах он усматривал оскорбление другим университетам и стоял принципиально против поощрения учащихся обещанием привилегий по службе. В статьях проекта, посвящённых власти попечителя,

усматривалась тенденция поставить его как «самодержца учебного округа», а в правилах о студенческих общежитиях – намерение устраивать «комнатные республики», в которых «17-ти или 20-ти летние студенты республиканцы будут выбирать себе консула или трибуна» [11, с. 31].

Самым непримиримым противником уваровского проекта выступил попечитель Казанского университета М. Л. Магницкий. В частности, Магницкий обвинил Уварова в том, что вопреки одобренным Государем предположению поручить составление устава опытнейшим профессорам, устав составлен им единолично, в духе крайне опасном. По его мнению, все несообразности в предложенном уставе произошли именно от того, что одно лицо (Уваров), без должного совещания, посчитало себя способным написать и представить один из самых важных законов.

Разделив все свои возражения на общие – касающиеся основных начал устава, и частные – по поводу отдельных частей, Магницкий стремился опорочить «огромное творчество» Уварова, обвинив его в стремлении «отвергнуть всякое христианское и нравственное образование, приблизить новый университет к анархии немецких университетов, внести в него всю новомодную мудрость, через которую немецкие университеты подкрадываются ко всему государственному и придут, наконец, к революции государств [11, с. 33].

Ничего нового, по существу, не внесли замечания двух остальных членов Главного Правления училищ И.И. Мартынова и Д П. Рунича. Первый остановился на подробном разборе формальных недостатков проекта. Так, он отмечал «неопределённость» попечительской власти в том, что председательство попечителя только в Правлении, но не в Совете университета (согласно 92 параграфа Устава) превращалось в «попечительство только части университета», тогда как в Академии наук он (Уваров) – «президент и комитета правления Академии и Конференции» [4, с. 83]. Д. И. Рунич поддерживал возражения графа Лаваля и архиепископа Филарета по вопросу о разделении факультетов.

Критика устава оппонентами С.С. Уварова мотивировалась, в основном, боязнью расширения свободы преподавания и автономии внутриуниверситетской жизни. Кроме того, М.Л. Магницкий «не-

пристойною и ложной аксиомою» заклеймил фразу: «Российский университет в собственном значении не может иметь богословского факультета» [4, с. 84]. Этот критик нашёл «излишней роскошью» преподавание в университете энциклопедии прав, науки о государственных учреждениях и о государственном управлении, географии средних веков и многого другого [4, с. 104].

Во многом сложившаяся ситуация вокруг проекта при рассмотрении его членами Главного Правления училищ усугублялась отсутствием С.С. Уварова. То есть он не присутствовал на заседаниях ГПУ, где эти отзывы представлялись, и не давал комментариев, хотя присутствовать был обязан, так как обсуждался всё-таки его проект. Лишь в начале декабря 1819 г. он получил от министра все отзывы с предложением дать на них свой ответ. В этом ответе, представленном министру 10 декабря, Уваров выражал готовность принять с признательностью всякое исправление, «клонящееся к усовершенствованию сего по истине важного дела» [11, с. 34]. В этом же письме Сергей Семёнович не мог удержаться от возмущения отзывом М.Л. Магницкого, который показался ему неожиданным по озлобленности, обнаруживающим скрытые намерения критика.

Следующее коллективное обсуждение проекта С.С. Уварова членами Главного Правления училищ с отдельными письменными отзывами произошло на заседаниях Главного Правления 31 декабря 1819 г. и 15 января 1820 г. В обоих заседаниях была рассмотрена лишь незначительная часть проекта, но уже из внесённых в неё изменений стало очевидно, что перевес получали оппоненты Уварова, а текст устава получил новые формулировки. Был совершенно изменён первый параграф, определявший изначально цель университета как «образование наукой человека и в человеке гражданина и усовершенствование самой науки». Эта формулировка, по предложению М.Л. Магницкого, была заменена на: «Цель университета состоит в образовании верных сынов церкви, верных подданных государю и добрых граждан Отечеству…» [11, с. 88-89]. Существенные изменения внесены в состав факультетов: был добавлен медицинский факультет, из факультета философско-юридического исключены науки философские и ему придан характер более практический под наименованием юридико-политического, факультет истори-

ко-филологический переименован в философский. Вне факультетского деления поставлена кафедра Богопознания и христианского учения.

Получив обширный отзыв профессорского совещания, решением от 26 февраля 1820 г. Главное Правление принимает решение перенести его обсуждение в специально созданный комитет, в составе М.Л. Магницкого, С.С. Уварова и ректора университета М.А. Балугьянского. Этот комитет должен был уладить спорные вопросы и представить компромиссный вариант устава. Через три недели его члены сообщили, что испытывают затруднения в выполнении поставленных перед ними задач [9, с. 62].

Сделав ещё несколько частных изменений в первых статьях устава, Главное правление решило передать дальнейшее его рассмотрение особому совещанию в составе ректора и профессоров университета В.Г. Кукольника, Д.С Чижова и А.П. Куницына [11, с. XXXVI]. Таким образом, проработка устава возвращалась в нижнее звено. Рассмотрев проект С.С. Уварова, профессора нашли организационное устройство нового университета «неясным», жалованье слишком низким, программу преподавания слишком жёстко определённой, да и против других позиций устава было немало возражений. Они также вынесли уставу отрицательный вердикт [5, с. 93].

Нетрудно заметить, что оппоненты С.С. Уварова в дальнейшем стремились изолировать его от прямого влияния на процедуру обсуждения, он не вошёл и в последний комитет. После прочтения окончательного проекта в общем присутствии Конференции, проект был возвращен в Главное Правление на усмотрение «чрез попечителя с мнением его» [4, с. 62-63]. Как только работа над проектом перенеслась «в недра университета», по замечанию С.В. Рождественского, «трудно судить о её направленности» [11, с. 36-37]. Таким образом, подготовленный С.С. Уваровым либеральный проект Устава проходил «стадию обсуждения» около года и повлек формирование в отношении столичного попечителя мощнейшей оппозиции, поэтому его так и не удалось принять.

Годы попечительства С.С. Уварова имели важное значение для развития всего столичного учебного округа. С.С. Уваров смог воплотить либеральные проекты по переустройству высшего обра-

зования, которые до него годами не рассматривались, уделив пристальное внимание развитию университетского самоуправления и определенных научных направлений, организации и комплектования кафедр, мероприятия по обновлению учебного процесса в отношении содержательного характера. Взгляды С. С. Уварова на реформирование системы образование опережали своё время. В то же время история с уставом будет иметь трагические последствия и обернется тем, что университет вынужден будет долгое время существовать вообще без устава, а сам С.С. Уваров покинет пост попечителя в связи с неприятием его идей. Прямым следствием несамостоятельности профессорской коллегии во главе с ректором станет административный произвол нового попечителя Д.П. Рунича и «дело профессоров» 1821 г.

Список литературы

1. ЦГИА СПб. Ф. 139. Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа (1803-1918). Оп. 1. Д. 780. «О покупке для студентов Педагогического института 10 экз. латинских лексиконов и по 30 экз. грамматик и сочинений Горация и Саллюстия». 1812 г. 2 л.

2. РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 20 (1802-1824). Д. 105. «Дело о назначении профессора Харьковского университета Я. Я. Баллен де Баллю профессором греческого языка и словесности Педагогического института. 21 июля - 24 декабря 1811 г.». 17 л.; Д. 106. «Дело о назначении профессора духовной академии Г. Грефе профессором латинского языка и словесности Педагогического института. 30 сентября - 24 октября 1811 г.». 9 л.; Д.202. «Дело об учреждении в Главном педагогическом институте кафедры астрономии и о поручении преподавания астрономии академику В.К. Вишневскому. 5 октября 1818 г. – 30 января 1819 г.». 12 л.; Д. 219. «Дело об учреждении университета в Петербурге, утверждении его устава и штата, избрании ректора, деканов и синдика, отпуске средств на содержание университета. 9 января 1819 г. – 25 июля 1835 г.». 351 л.

3. Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб., 1844. 128 с.

4. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории С.-Петербургского

университета. Т. 1. 1819-1835 / ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. 760 с.

5. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проспект, 1999. 350 с.

6. Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. 679 с.

7. Жуковская Т. Н. Из истории университетских традиций // Санкт-Петербургский университет. 2012. 16 февраля. № 2 (3844). С. 13-20.

8. Жуковская Т. Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2011. № 2(20). С. 13-18.

9. Жуковская Т. Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1998. Вып. VII. С. 56-74.

10. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: Очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII-первой половины XIX в. СПб. Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.

11. Рождественский С. В. Первоначальное образование С. Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819-1835 / ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. III — CXLVII.

Михайлова Ольга Александровна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Вахромеева Оксана Борисовна, доктор исторических наук, профессор

Эволюция политических взглядов А.И. Герцена (на примере первой русской революционной газеты «Колокол»)

The evolution of A. I. Herzen's political views (by the example of the first russian revolutionary newspaper "The Bell")

Аннотация. *В статье на основе анализа ряда отечественных научных работ, статей, непосредственно выпусков первой русской революционной газеты «Колокол» и др. рассматривается деятельность А. И. Герцена как представителя революционной публицистики XIX века. Внимание фокусируется на изменении его политических взглядов, наиболее четко про-слеживающемся на примере публикаций в газете «Колокол». На основе анализа имеющихся данных выявляется противоречивость фигуры А. И. Герцена, что обуславливает актуальность данного исследования.*

Ключевые слова: *А.И. Герцен; революционная публицистика; революционное движение; «Колокол».*

Abstract. *The article, based on the analysis of russian scientific writings, publications, issues of the first russian revolutionary newspaper "The Bell" and others, studies the publicistic activity of A. I. Herzen in XIXth century. The focus is on the evolution of Herzen's political ideas, which can be accurately illustrated by the materials published in "The Bell" newspaper. Analysis of the given materials gives the opportunity to conclude that A. I. Herzen was a man of many contradictions, what defines the relevance of this study.*

Key words: *A.I. Herzen; revolutionary publicism; revolutionary movement; "The Bell".*

Александр Иванович Герцен (1812—1870) – одна из самых противоречивых фигур в истории российской общественно-политической мысли XIX в. Его творческая деятельность, ставшая выражением изменчивых философских и политических идей, не поддается однозначной оценке, что объясняет интерес к ней как к предмету научных изысканий исследователей и в наши дни.

Незаконнорожденный сын богатого русского помещика И. А. Яковлева, А. И. Герцен проявлял интерес к философии и истории с детства, с увлечением читал он труды французских мыслителей XVIII в., собранные в домашней библиотеке отца, а также, благодаря учителю русской словесности Е. И. Протопопову, знакомился с произведениями новой русской литературы [13, с.34]. Во время учебы в Московском университете интерес А. И. Герцена к новым течениям общественно-политической мысли усилился. Он посещал лекции шеллингианца М. Г. Павлова, изучал русскую историю, знакомился с учениями социалистов, в частности, с идеями Сен-Симона [13, с.35], что во многом определило дальнейшее формирование образа мыслей А. И. Герцена. В университетский период оформилась его идея свободы мысли и слова, о чем не раз будет сказано на страницах «Колокола». Однако в России периода царствования Николая I свободное выражение мыслей было чревато последствиями: в июле 1834 г. все члены сложившегося вокруг А. И. Герцена философского кружка были арестованы, сам Герцен за оппозиционные высказывания в переписке с Н. П. Огарёвым был отправлен в ссылку в Пермь, затем в Вятку и во Владимир. По возвращении, в 1840 г. А. И. Герцен переехал в Петербург, служил в канцелярии Министерства внутренних дел, но в 1841 г. вновь был выслан в Новгород за резкие высказывания о деятельности полиции. Невозможность открыто выражать собственную позицию и подавление любых оппозиционных настроений со стороны действующего правительства подогревали развитие революционных идей А. И. Герцена. Публицистику «душила» николаевская цензура, антиправительственные высказывания и действия пресекались одномоментно. Существовавшая в России 1840-х гг. расстановка сил заставила А. И. Герцена задуматься об острой необходимости изменений, как в государстве, так и в собственной частной жизни, поэтому в 1847 г. А. И. Герцен, на тот момент убежденный западник, навсегда покинул Россию. В этом проявляется один из основных конфликтов в жизни и творчестве А. И. Герцена — конфликт индивидуализма и коллективизма, интересов собственных и общественных, который в дальнейшем прослеживается не только в его взглядах, но и в видимом несоответствии его образа жизни образу мыслей, о чем упоминали

современники А. И. Герцена, в частности, Ф. М. Достоевский. В Европе, бывшей для западников воплощенным идеалом, взгляды А. И. Герцена постепенно претерпевали изменения: все больше осознавал он господство в политической мысли «национальной идеи», занимавшей умы представителей прогрессивной общественности Европы. Таким образом, А. И. Герцен сделал вывод, что на Западе оставаться западником невозможно. В предисловии к русскоязычному изданию «Писем из Франции и Италии» 1858 г. А. И. Герцен пишет: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию спасла меня на краю нравственной гибели» [2, с.10]. Так, уже в эмиграции политические воззрения А. И. Герцена приобретают не только конкретные формы выражения — периодические издания «Полярная звезда» и «Колокол», основной целью которых является непрерывное систематическое воздействие на читателя, но и адресата в лице русского общества.

Отражением политических взглядов А. И. Герцена, сложившихся к началу 1850-х гг., стал труд «О развитии революционных идей в России» (впервые опубликован в 1851 г. на немецком языке), в котором Герцен излагает события российской истории с древнейших времён до середины XIX в. и анализирует их с различных позиций. В данной работе взгляд А. И. Герцена на «краеугольный камень» полемики славянофилов и западников, — петровские преобразования, — не отличается радикализмом, в нем скорее прослеживается попытка осмысления их исторической обоснованности и целесообразности. А. И. Герцен указывает на прогрессивность реформ Петра I, но в то же время подвергает резкой критике последовавший за ними процесс укрепления самодержавно-крепостнического строя, ухудшивший положение народных масс. На первый план в работе выходит не история России как государства, а история русского народа. Переломным моментом в российской истории, служившим одной из причин нарастания освободительного движения в России, А.И. Герцен называет Отечественную войну 1812 г.

В 1853 г. в Лондоне была основана Вольная русская типография, призванная возродить «вольное русское книгопечатание» и «невысказанным мыслям дать гласность» [3, с.64]. В 1855 г. А. И. Герцен

приступил к изданию альманаха «Полярная звезда» — первого бесцензурного периодического органа русской демократии, «исключительно посвящённого вопросу русского освобождения и распространения в России свободного образа мыслей» [15, с.94]. На обложке альманаха было размещено изображение профилей пяти казненных декабристов (рисунок У. Д. Линтона), что демонстрирует преемственность движения декабристов и идей Герцена. О том, насколько сильное влияние оказало восстание декабристов на формирование образа мыслей А. И. Герцена, не раз говорил и он сам; часто он обращался к участникам восстания, выражая почтение к ним и стараясь убедиться в правильности собственных суждений. Так, например, Герцен писал декабристу Н.Р. Цебрикову: «Вы — наша аристократия, наши блестящие предки, наши святые отцы. Берегите себя — для того чтоб ещё долго служить живым поучением поколению чахлому от николаевских душевредительных преследований» [15, с. 95]. В альманахе «Полярная звезда» публиковались запрещённые произведения «передовой» литературы, призванные продемонстрировать развитие в России революционной мысли, в том числе письмо Белинского к Н. В. Гоголю, за чтение которого ссылали на каторгу, и революционные стихи М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, документы о восстании декабристов, материалы об истории освободительного движения в России. Именно со страниц «Полярной звезды» прозвучала программа, позднее сформулированная и в «Колоколе»: освобождение крестьян с землей, отмена телесных наказаний, свобода слова. Эта программа, в оценке А. И. Герцена, была крайне умеренной, — то были минимальные требования, которые необходимо было выполнить в первую очередь [15, с. 95-96]. После смерти Николая I А. И. Герцен призывал поддержать «Полярную звезду», считая, что отклик «адресата» будет свидетельствовать «о степени зрелости русской мысли» [15, с. 97] в сложившейся ситуации. Так или иначе, на рубеже 1855 — 1856 гг. популярность «Полярной звезды» значительно возросла, корреспонденции из России шли непрерывно. «Полярную звезду» активно использовали и русские либералы для популяризации собственных идей. А. И. Герцену их суждения не были всецело близки, т.к. либерализм не предполагал призыва к революции, наоборот, русские либералы выказывали своё негативное от-

ношение к революционному движению народных масс [4, с. 26-27], вследствие чего для публикации подобных писем был создан отдельный сборник «Голоса из России», издававшийся в 1856 — 1860 гг. (всего было издано девять выпусков). К 1857 г., несмотря на успех «Полярной звезды», А. И. Герцен осознал, что издание не полностью выполняет свою пропагандистскую функцию. Необходим был более регулярный печатный орган, позволяющий откликаться на происходящие события своевременно. Именно эта потребность вызвала к жизни «Колокол» — первую русскую свободную газету, издававшуюся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, приехавшим в Лондон, с 1 июля 1857 г.

Эпиграф «Колокола» — «Vivos voco!» (с лат. «Зову живых!»), — бывший также эпиграфом к «Песне о колоколе» Шиллера, означал призыв к действию, к борьбе. Изначально «Колокол» выходил как прибавочные листки в «Полярной звезде», что является одной из причин необходимости совместного изучения данных изданий. До 1858 г. «Колокол» выходил раз в месяц, затем периодичность возросла до двух раз в месяц, а с 22 июня 1859 г. иногда издание выпускалось и раз в неделю [11, с. 61]. Направление «Колокола», как было обозначено издателями, «то же, которое в «Полярной звезде»» [7, вып. 1, с.1], что являлось одной из причин популярности нового издания на фоне усиления оппозиционных настроений в России в конце 1850-х. Факты, освещавшиеся «Колоколом», сообщались посредством анонимных корреспонденций, присылаемых издателям. Тайну корреспонденции А. И. Герцен тщательно сохранял. Программа, декларируемая «Колоколом», менялась на протяжении десяти лет издания, на основе чего в развитии «Колокола» возможно выделить четыре основных периода.

Первый период (1857 — 1861 гг.) характеризуется очевидной преемственностью «Колокола» и «Полярной звезды»: на данном этапе всё еще господствует сформулированная ранее программа минимальных требований, сосредоточенная на крестьянском вопросе. А. И. Герцен в эти годы придерживается относительно либеральных позиций, его точка зрения, выраженная в статье «Нас упрекают» [7, вып. 1, с. 220], была сформулирована двояко: «Освобождение крестьян с землею — один из главных и существенных

вопросов для России и для нас. Будет ли это освобождение «сверху или снизу» — мы будем за него!». А упрекали издателей «Колокола», в первую очередь, в непоследовательности, в отказе от идеи общественной революции. Н. А. Добролюбов писал в дневнике, что теперь у «наших передовых людей», ранее призывавших к революции, на уме только «мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности» [5, с. 570]. Однако же А. И. Герцен отвергал все подобные обвинения, считая, что приоритетным является именно достижение цели, а не путь её достижения. Помимо этого, А. И. Герцен продолжал писать о необходимости «независимого общественного русского слова», что оставалось несомненно актуальной проблемой в обществе, заставившей передовую его часть способствовать всё большему распространению герценовских идей. На данном этапе публицистическая деятельность А. И. Герцена, безусловно, соответствовала духу времени, что обусловило успех «Колокола» в России в данный период.

Тем не менее, нарастающая волна революционных настроений в начале 1860-х «разбила многие либеральные иллюзии Герцена» [15, с.117]. Снова со страниц «Колокола» зазвучали призывы к революционной активности. Подобная смена политических ориентиров А. И. Герцена, вероятно, была попыткой мгновенной реакции на изменения в обществе, стремлением не терять позиций во влиянии на массы. Появились революционные прокламации «К молодому поколению», «Барским крестьянам», «Великорусс». Теперь агитация распространялась на всё общество, а не на исключительную его часть, на что незамедлительно последовала реакция правительства и попытка остановить запущенный процесс, — «свидетельство страха и бессилия царизма» [15, с. 117]. Набиравшие силу революционные настроения привели к ещё большему расхождению сторонников либеральных преобразований и революционных демократов, что оказало влияние и на взгляды А. И. Герцена. То был очередной переломный момент, когда надежды на царя и дворянскую интеллигенцию обрушились, а на смену им пришла вера в преобразующую силу самого народа. После отмены в 1861 г. крепостного права А.И. Герцен и Н.П. Огарев выступили с критикой реформы: «Старое крепостное право заменено новым. Народ царем обманут» [8,

с. 103]. Тем не менее, утверждать, что А. И. Герцен уже в ипостаси революционного демократа призывал народ «к топору» невозможно, несмотря на то, что данная точка зрения часто высказывается в исследованиях. Сам А. И. Герцен писал: «От души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого» [1, с.442]. В этом снова же проявляется противоречивость А. И. Герцена как политического мыслителя, поскольку основное расхождение либералов и революционных демократов его времени состояло не в идее, а в методах борьбы, следовательно, всецело его невозможно причислить ни к одному из направлений. Впоследствии это проявится ещё более явно.

Второй период в развитии революционного издания «Колокол» (1861 — 1864 гг.) соотносится с укреплением революционно-демократических позиций во взглядах А. И. Герцена. Началом этого периода условно можно считать статью Герцена с подзаголовком «Апраксинские убийства», опубликованную в «Колоколе» 15 июня 1861 г. В статье речь идет о расстреле крестьян в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. А. И. Герцен обличает «прогрессивное» правительство и «либеральствующее» дворянство и обращается к крестьянам с призывом верить в победу освободительного движения. В пореформенный период оформилась новая политическая программа, более остро ставившая нуждавшиеся в незамедлительном решении вопросы. Требовали свободы России, земли крестьянам и независимость Польше. «Польский вопрос» станет одним из наиболее важных в публицистике А. И. Герцена данного периода: «Крестьянское дело и польский вопрос сами собой легли в основу русской пропаганды» [7, вып. 17, с. 76]. Стоит отметить, что при содействии членов Польского демократического общества была создана Вольная русская типография в Лондоне, а также польские эмигранты способствовали передаче в Россию выпускаемых печатных изданий [16, с. 332]. В ответ на разразившееся в Польше восстание А. И. Герцен публикует в 1863 г. в газете «Колокол» ряд статей, в том числе воззвания «Русским офицерам в Польше», «К русским женщинам», а также множество корреспонденций, свидетельствующих о жестокой расправе над восставшими. Статья «10 апреля 1861 г. и убийства в Варшаве» гневно обличала палачей польского народа и выражала

разрушившиеся надежды А. И. Герцена на реализацию его первой политической программы со стороны Александра II: «Праздник наш был мрачен. <…> Рука наша опустилась» [15, с. 131]. Сатира постоянного отдела «Колокола», «Смесь», где на конкретных примерах демонстрировалась необходимость изменения действующего в стране порядка вещей, определила отличающий характер газеты на данном этапе. Поддерживая польское восстание, А. И. Герцен резко критиковал и публицистические издания, выступавшие за его подавление: «Русский инвалид», «Московские ведомости», «Северная почта». Обращение же к российской общественности, в частности, к русским офицерам, появившиеся на страницах «Колокола», были призваны продемонстрировать необходимость изменений во внутриполитической жизни России, примером чему должны были стать события в Польше [16, с. 340]. Тем не менее, к концу 1863 г. стало очевидно: надеждам на революционное движение ни в Польше, ни в России не суждено оправдаться. Началась реакция со стороны правительства, за распространение революционных прокламаций приговаривали к каторге, велась борьба с вольной печатью А. И. Герцена. Официальная русская журналистика во главе с Катковым стала обвинять А. И. Герцена в подстрекательстве [15, с. 165]. Этим ознаменовалось начало третьего этапа в развитии «Колокола» (1864 — 1867 гг.).

«Колокол», по мнению А. И. Герцена, оставался органом социального развития в России. По мере спада революционной активности в газете всё чаще публикуются теоретические статьи, письма-очерки. В 1865 г. Вольная русская типография перемещается в Женеву. Программа «Колокола» в данный период становится отражением теории «русского социализма» Герцена. Многие исследователи видят в этом предтечу русского народничества, общинного социализма, а также современной социально-демократической идеологии [9, с. 98]. В теории общинного социализма А.И. Герцена проявляется тот самый конфликт коллективизма и индивидуализма, ведь, характеризуя роль крестьянской общины как основы русского социализма, он обращает внимание на то, что каждый член общины должен иметь и личные права. А. И. Герцен таким образом интегрирует принципы либерализма с центральной идеей личной свободы и коллективизм русской крестьянской общины [12, с. 125]. Отражением политиче-

ских воззрений А. И. Герцена в «Колоколе» стали эпистолярные циклы, публиковавшиеся из номера в номер. Также в пятом письме (1866 г.) цикла «Письма к будущему другу» А. И. Герцен подтверждает свою позицию в отношении западничества и славянофильства, уже не отождествляя себя ни с одним из направлений. Славянофильство он обвиняет в излишней религиозности («остается только славянофильство расстричь в светское знание и тогда посмотреть, что в нем приму играет, поп или быт народный» [7, вып. 9, с.29]), а западничество в непонимании, что нынешнее русское правительство, главный виновник «домашней неурядицы», «архизападное» [7, вып. 9, с. 29]. Помимо этого, в данный период проявляется однозначное отношение А. И. Герцена к индивидуальному террору: немалая часть публикаций «Колокола» 1866—1867 гг. освещает события, произошедшие после «выстрела Каракозова». Подобные проявления А. И. Герцен считает признаком слабости революционного движения, неспособного к организованному протесту. Правительство же он обвинял в сокрытии деталей судебного процесса от народа, что, по мнению Герцена, послужило причиной произошедшего позже покушения Березовского. Несмотря на осуждение террора, популярность «Колокола» неумолимо падала. Прежний успех издания, обусловленный соответствием духу времени и общественным настроениям, остался далеко позади, ведь теперь политическая мысль А. И. Герцена существовала отдельно от новых течений. Для революционно настроенной части общества его воззрения теперь были слишком умеренны, а для либералов — слишком радикальны.

1 июля 1867 г. в заключительном номере «Колокола» публикуется стихотворение Н.П. Огарева «До свиданья!»: «Смолкает колокол на время…». Деятельность издателей была приостановлена на полгода.

Последний период развития «Колокола» (1868 — 1869 гг.) — попытка возродить издание на французском языке с «Русским прибавлением». А. И. Герцен понимал, что теперь «Колокол» уже не оказывает значительного воздействия на массы, он даже видел в этом собственное историческое предназначение. Целью нового издания было знакомство Европы с Россией. Акцент был смещен с внутриполитической борьбы в России на общемировой революционный

процесс, проблемы международных отношений, национального и интернационального [14, с. 212]. Тем не менее, привлечь былое внимание к возрожденному «Колоколу» издателям не удалось. Всего вышло в свет пятнадцать номеров на французском языке и семь номеров «Русского прибавления».

Таким образом, А. И. Герцен, безусловно, был «большим писателем» и выдающимся публицистом, сделавшим печатное слово основным орудием распространения прогрессивных идей. Его отличали образность языка, смелость высказываний, тонкая сатира, однако зачастую стремление облечь мысль в красивую форму становилось препятствием для четкого её выражения. «Герцен-художник» и «Герцен-мыслитель» находились в вечном противостоянии, поэтому сейчас мы наблюдаем множество противоречий в его творчестве. Взгляды А. И. Герцена во многом менялись под влиянием обстоятельств, что было отчасти полезно для его публицистики, ведь в том и проявлялось соответствие духу времени, тем не менее, для человека, призывавшего народ к борьбе, пусть даже и поступательной, Герцен был «слишком аристократ, барин, чужой человек» [10, с. 165]. Ф. М. Достоевский писал, что Герцену будто судьбой предназначено «выразить собою разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия» [6, с. 44]. И действительно, А. И. Герцен, считавший, что ради изменений нужно пожертвовать всем, по сути, сам к этому готов не был. Главной своей жертвой, принесенной на алтарь будущей свободы, он считал свой отъезд из России, разрыв с родиной, за будущее котрой, с одной стороны, нетрудно «бороться», находясь в отдалении. С другой стороны, эмиграция была вынужденной мерой, ведь именно преследования свободомыслия и пробудили в Герцене революционного пропагандиста. Идея «русского социализма» А. И. Герцена действительно не соотносится всецело ни с одной из известных общественно-политических концепций, ведь в ней прослеживается попытка примирения общественного начала с персоналистическим, герценовский гуманизм и свободолюбие внедряются в особую общественную организацию. А. И. Герцен в каком-то смысле был мечтателем, представлявшим, что постепенно родится идеальное общество, в котором каждый человек будет чувствовать себя членом коллектива, но при этом останется личностью.

Список литературы

1. Герцен А.И. О социализме. Избранное. М.: Наука, 1974. 694 с.

2. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. // Собр. соч. в 30 т. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. Т. 5. 517 с.

3. Герцен А.И. Вольное русское книгопечатание в Лондоне. // Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1957. Т. 12. С. 62 — 64.

4. «Голоса из России». Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Факсимильное издание в трех выпусках. Вып. I. М.: Наука, 1974. 166 с.

5. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. // Под общ. ред. Б.И. Бурсова. Ленинград.: Гослитиздат, 1964. Т. 8. 714 с.

6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.

7. «Колокол». Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва.Вольная русская типография, 1857—1867. Лондон-Женева: [В 11 вып.]. Факсимильное издание. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960 —1964. 2329 с.

8. Огарев Н.П. Разбор нового крепостного права. // Соч. Н. Огарёва. Лондон, 1861. 103 с.

9. Воейков М.И. К вопросу о социальной концепции А.И. Герцена //Философские науки. М., 2014. №5. С. 87 — 100.

10. Головенченко С.А. Герцен Александр Иванович. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). М., 2001. С. 165 — 168.

11. Громова Л.П. А.И. Герцен и русская журналистика его времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 153 с.

12. Завгородний А.А. Идентификация общественного идеала А.И. Герцена. // Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Материалы научной конференции. Саратов, 2015. С. 124 — 126.

13. Зебзеева Д.И., Аминова А.Х. Герцен — личность в контексте времени // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов ПГГПУ. Пермь, 2010. №1. С. 32 — 38.

14. Роот А.А. «Колокол» возрожденный, 1868-1869. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 237 с.

15. Татаринова Л.Е. А.И. Герцен. М.: Мысль, 1980. 182 с.

16. Фолина А.И., Тесля А.А. «Польский вопрос в публицистике А.И. Герцена (в первые месяцы 1863 года)» // Ученые заметки ТОГУ. Хабаровск, 2015. Т.6. №4. С. 331 — 341.

Зиновьева Анна Павловна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Особенности режима обучения в Императорском Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX века

Features of the teaching regime at the Imperial University of Saint-Petersburg in the first half of the 19th century

Аннотация. *В статье на основе опубликованных и архивных источников рассматриваются проблемы организации образовательного процесса, содержание обучения и особенности режима обучения в Императорском Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX века. Показано, что уже в это время университет формировался не только как учебный, но и как научно-исследовательский центр.*

Ключевые слова: *система образования; Императорский Санкт-Петербургский университет; Министерство народного просвещения; режим обучения; студенты; профессорско-преподавательский состав; кандидатское сочинение.*

Abstract. *The article considers the problems of organizing the educational process, the content of instruction and the particulars of the teaching regime at the Imperial Saint- Petersburg University in the first half of the 19th century. It is shown that already at this time the University was forming not only as a training center, but also as a research center.*

Key words: *education system; Saint-Petersburg Imperial University; Ministry of Public Education; training mode; students; faculty; candidate essays.*

В первой четверти XIX века сам процесс поступления в университет отражал стремление администраторов просвещения, прежде всего, заполнить аудитории слушателями. Немногочисленность поступающих объясняется тем, что сам университет, по воспоминаниям историка университета В.В. Григорьева, был не готов к началу открытого образовательного процесса. Историк упоминает о том, что на публичные лекции, начавшиеся с 5 ноября 1819 г., явилось

не более двадцати человек [2, с. 13]. Основной контингент «внутреннего» курса университета состоял из студентов Главного педагогического института (далее – ГПИ) 1817 г. приема. Дефицит слушателей ощущался в столичном университете до конца 1820-х годов. Потенциальные абитуриенты подыскивались, по распоряжению попечителя, в разных губерниях и после окончания курса обязывались прослужить в течение 3–4 лет учителями гимназий, уездных училищ не менее 6 лет [4, с. 16].

Согласно уставу ГПИ 1816 г. поступающему нужно было предоставить свидетельство об успехах и поведении из того места, где он проходил обучение. Далее необходимо пройти испытания в присутствии попечителя и полного собрания профессоров. По воспоминаниям студентов, в одной зале одновременно экзаменовались от 10 до 20 человек, подходивших поочередно к профессорам. От поступающих требовалось знание Закона Божьего, латинского языка, начал риторики и логики, арифметики, геометрии, физики, российской географии и всеобщей истории.

В столичном университете была заложена преемственность с ГПИ, которая заключалась в ориентации на подготовку из казенных студентов учителей гимназий и училищ, а также подготовку профессоров для университетов. Что касается системы контроля знаний, то в Петербургском университете с 1819 г. наличествовали полугодовые экзамены в виде дисциплинарной меры. По сообщению В.В. Григорьева, эти переводные испытания проводились с 1820 г. на трех факультетах университета, с 7 января ежедневно до их окончания, кроме табельных дней, с 10 утра до 2 часов пополудни [5, л. 1].

На основании историко-статистического обозрения учебных заведений С-Петербургского учебного округа, можно представить, как постепенно формируется система оценивания знаний. Как правило, на вступительных и годовых экзаменах использовались оценки в баллах от 0 до 5, что в словесном эквиваленте выражало совершенное незнание, слабые, посредственные, достаточные, хорошие и отличные сведения [1, с. 47].

До 1828 г. в русских университетах существовала практика, при которой студента, не успевающего в учении, оставляли на вто-

рой год, но затем посчитали данное явление, во-первых, финансово затратным, во-вторых, формой отнимания мест у более способных студентов.

В первой четверти XIX века, согласно уставу 1804 г. срок обучения не был строго оговорен, но в общем продолжался три года, далее в 1835 г. полный курс обучения оформился в четко определенный период – четыре года на всех факультетах, кроме медицинского (у медиков – пять лет обучения). До конца 1830-х годов основной формой преподавания в университете на всех факультетах был лекционный метод. Учебный день делился на утренние часы, с 8 до 12, вечерние, с 14 до 18 часов. Продолжительность лекции была установлена в 2 часа, но никто строго не регламентировал время ее начала и окончания, так что реально, по воспоминаниям мемуаристов, профессора пребывали в аудитории не более 1,5 часов. Все дни недели, кроме воскресенья, были учебными. Выходными днями были церковные праздники: Рождество, Пасха. С 1830-х гг. университетским, а потому и студенческим, праздником стали дни торжественных Актов в ознаменование годовщины основания университета.

Система научной аттестации, соотносимой с классными чинами Табели о рангах и должностями в ученой службе, была выражена в иерархии ученых степеней. Степени присваивались факультетами, их система не оставалась неизменной. Долго существовала комбинация «кандидат» – «магистр» – «доктор наук». «Положение» от 20 января 1819 г. дополняло эту триаду статусами «студент» и «действительный студент», последний получал каждый, кто завершил полный университетский курс и приобрел «надлежащий аттестат» [3, с. 69].

Испытания на получение кандидатства происходили отдельно и отличались от выпускных испытаний на звание «действительного студента». Соискатель степени кандидата должен был предоставить сверхпрограммный письменный труд: по «Положению» 1819 г. (п. 27) – «краткое рассуждение» в присутствии экзаменаторов и по их заданию на одну из заранее подготовленных тем.

Чтобы оценить научный уровень студенческих сочинений нами были исследованы кандидатские работы, сохранившиеся в Центральном Государственном историческом архиве С.-Петербурга

за 1808–1849 гг. Можно заметить, что содержание диссертаций усложняется по мере развития науки в целом. Студенческие работы эволюционировали от формата школьных сочинений реферативного жанра до фактически полноценных самостоятельных исследовательских работ с научным аппаратом, источниковой базой. Однако, сама структура диссертационных работ сохраняет достаточно вольное построение частей сочинения, например, кто-то из авторов использует деление на главы, подглавы, некоторые этого избегают, излагая исследуемую проблему в произвольной форме.

Что касается содержания обучения, то время действия устава 1835 г. стало эпохой формирования в стенах университета многих научных школ получивших широкую известность и мировое признание. На основании этого устава все русские университеты состояли из 3 факультетов – юридического, философского и медицинского, исключение составлял лишь С.-Петербургский, который не имел медицинского факультета. Юридический факультет по новому уставу должен был иметь два разряда – камеральных и юридических наук, а философский два отделения – историко-филологическое и естественно-математическое. Внутри первого отделения был выделен разряд восточной словесности, внутри второго – разряд естественных наук. Главное назначение камерального разряда на юридическом факультете, образованного в 1843 г., состояло в «подготовлении людей, способных к службе хозяйственной или административной» [2, с. 100].

В С.-Петербургском университете, как и в других университетах Российской империи, в первой половине XIX в. шел процесс оформления студенческого сообщества, выработки правовых норм его существования, становления основных механизмов социального взаимодействия. С изменением университетского законодательства происходит закрепление основных норм поведения учащихся, так и их академической деятельности. Система вступительных, переводных и выпускных испытаний, присвоения ученых степеней, дальнейшего распределения к местам службы и т. д. отражала процесс формирования численного состава и социально-правового облика студента. В то же время формировалась исследовательская культура, основы научных школ со своей спецификой.

Список литературы

1. Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб.: тип. Я. Трея, 1849. Т.2.

2. Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1870. 679 с.

3. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи, XVIII – начало XX века: подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 648 с.

4. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1835 года // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 2. С. 11-20.

5. ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д. 251. Выписка о частном испытании студентов. 1820.

Панасенкова Мария Сергеевна,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Русская периодическая печать о сипайском восстании 1857–1859 гг.

The Indian Rebellion of 1857–1859 in the coverage of the Russian periodicals

Аннотация. *Данная статья посвящена обзору наиболее многочисленной группы русскоязычных источников о сипайском восстании 1857-1859 гг. Оно получило широкий отклик в отечественной печати, чему способствовало усиление соперничества Российской и Британской империй в Центральной и Южной Азии во второй половине XIX в. – т.н. «Большая игра». Несмотря на растущее русско-британское противостояние в вышеупомянутом регионе и на принадлежность к разным направлениям (консервативно-охранительное, либеральное, революционно-демократическое) русские периодические издания единодушно осуждали сипайское восстание и выражали надежду на скорое его подавление силами англичан.*

Ключевые слова: *сипайское восстание; Большая игра; колониализм; периодическая печать; Ост-Индия.*

Abstract. *This article is devoted to the review of the largest group of Russian-language sources about the Indian Rebellion of 1857-1859. It received a wide response in the domestic press which was facilitated by increased rivalry between the Russian and British empires in Central and South Asia in the second half of the 19th century - "The Great game". All of the Russian periodicals despite the different directions (conservative, liberal, revolutionary-democratic) unanimously condemned the Indian Rebellion and expressed hope for its soon suppression by the British forces despite the growing confrontation in the aforementioned region.*

Key words*: the Indian Rebellion; the Great game; colonialism; periodicals; East Indies.*

В 1857 г. власть Британской империи над Индией пошатнулась – туземные солдаты подняли мятеж, который поддержала значитель-

ная часть гражданского населения. Несмотря на слабый уровень организации восстания, его подавление затянулось на три года, хотя англичане рассчитывали управиться за несколько месяцев. Само собой, пресса (в первую очередь английская) на протяжении всех трех лет широко освещала события в Индии, знакомя читателей не только с ходом подавления восстания, но и с различными сторонами жизни главной британской колонии. В этом не отставала и русская пресса. Интерес главных отечественных изданий к происходящему в Индии был главным образом обусловлен разгоравшимся русско-британским соперничеством на востоке. Индия никогда не была причиной противоречий двух империй, но это не значит, что Россия когда-либо упускала этот регион из виду.

Особенную актуальность рассматриваемой теме исследования придаёт то, что во всей отечественной историографии отражение сипайского восстания в зеркале русской прессы практически не рассматривалось. Исключение составляют некоторые работы Е.П. Прохорова [6], однако он подходил к анализу статей о восстании не столько как историк, сколько как журналист. Интерес представляют статьи М.И. Булаха [1] и И.Д. Серебрякова [7], но оба автора делали акцент на революционной борьбе и советско-индийских отношениях. Самому сипайскому восстанию на сегодняшний день в отечественной историографии посвящена всего лишь одна монография [3], и то её можно отнести скорее к научно-популярной, а не к научной литературе.

Заметки о волнениях в Индии стали появляться в русской прессе с первых недель восстания. Все отечественные издания, опубликовавшие в 1857-1859 гг. материалы о сипайском восстании, можно условно разделить на три группы: консервативно-охранительные издания, либеральные, революционно-демократические. Логично, что наибольшая группа представлена периодикой, принадлежащей к консервативно-охранительному направлению. Это «Санкт-Петербургские ведомости» - одна из старейших российских газет, издававшаяся с 1728 по 1917 гг. Столичные «Санкт-Петербургские ведомости» были одним из самых влиятельных изданий, но в середине XIX в. они уступали по популярности «Московским ведомостям». Расцвет последних пришёлся на конец XVIII в., когда газету изда-

вал Н.И. Новиков, к середине XIX в. популярность «Московских ведомостей» тоже уменьшилась. Другой не менее важной газетой был «Русский инвалид» (с 1813 г. - официальная газета Александровского комитета о раненых, а с 1862 г. – военного ведомства). О сипайском восстании сообщала и «Северная пчела», издававшаяся с 1825 г. и долго бывшая негласным органом III Отделения С.Е.И.В.К. Вплоть до 1859 г. издавалась Ф.В. Булгариным и Н.И. Гречем. Немало заметок вышло в «Русском вестнике» (издавался с 1856 г. М.Н. Катковым). Иногда этот журнал причисляли к самым ярым защитникам англичан в Индии [6, с. 78], но с этим трудно согласиться – он не отличался от большинства русских периодических изданий, выходивших в годы сипайского восстания. Меньше восстание освещалось в официальных журналах Военно-учёного комитета Главного штаба («Военный журнал», издавался в 1827-1859 гг.) и артиллерийского ведомства («Артиллерийский журнал», годы выпуска – 1808-1812 гг., 1839-1960 гг.).

Одним из самых известных либеральных изданий стали «Отечественные записки» (основаны в 1818 г. П.П. Свиньиным). К середине XIX в. журнал несколько утратил свою популярность, а часть сотрудников перешла в «Современник». М.И. Булах заметил, что ни один из журналов, освещавших сипайское восстание, не посвятил ему столько статей, сколько «Отечественные записки» [1, с. 259]. Действительно, статей о сипайском восстании там вышло 22, больше, чем в каком-либо другом журнале, но разрыв с другими изданиями был невелик: в том же «Русском вестнике» статей о восстании лишь на одну меньше. Журнал «Атеней», издававшийся Е.Ф. Коршем, просуществовал недолго (1858-1859 гг.), но за это время успел выпустить немало статей, затрагивающих сипайское восстание. Журнал «Библиотека для чтения» (основан А.Ф. Смирдиным в 1834 г.), предлагал своим читателям весьма разноплановую информацию, от политики до мод. Статьи о восстании, опубликованные в «Библиотеке для чтения», носили довольно общий характер. Иллюстрированный журнал «Живописная русская библиотека» (издавался в 1856-1859 гг.) политического раздела не имел, зато нередко публиковал художественные произведения, написанные «на основе реальных событий». В некоторых действие разворачивалось как раз во время сипайского

восстания. Вероятно, в английской периодической печати подобных публикаций было намного больше, в русскую прессу попала только их часть, но и она представляет собой довольно интересное явление. Эти рассказы не давали подробных описаний военных действий, но создавали яркий хрестоматийный образ экзотического востока, с его базарами, баядерками и т.д. [2, с. 233-240; 5, с. 193-199]. Обязательной составляющей этих рассказов была романтическая линия. Вместе с некоторыми рассказами печатались гравюры, изображавшие сцены повседневной жизни индийцев или иллюстрировавшие сюжетную линию рассказа. Судить о художественной ценности этих рассказов излишне, но нельзя отрицать, что наличие подобных статей влияло на образ сипайского восстания, созданный в русской прессе.

Революционно-демократическое направление представлено журналом «Современник» (1836-1866 гг.), основанного А.С. Пушкиным. В нём сипайскому восстанию посвящена статья Н.А. Добролюбова «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» (опубликована под псевдонимом «Н. Турчинов») [8].

Основным источником информации для статей в русской прессе были английские периодические издания. Меньше использовались французские, немецкие, и почти не была задействована индийская пресса (но последняя, находившаяся под полным контролем англичан, едва ли могла сообщить сведения, отличные от публикуемых в Англии).

Все упомянутые выше периодические издания к новостям о волнении в Индии отнеслись крайне настороженно. Несмотря на то, что за год до начала сипайского восстания Россия проиграла Крымскую войну 1853-1856 гг., и отношения с Англией оставались более чем напряженными, за все три года восстания ни в одной газете и ни в одном журнале (даже в «Современнике») не прозвучали слова поддержки в адрес индийцев. Это не было обусловлено тем, что сведения заимствовались преимущественно из английской прессы и, таким образом, носили отпечаток взглядов англичан. Во-первых, русские издатели копировали главным образом событийное описание восстания (где находится в данный момент его основной очаг, как происходят перемещения войск и т.д.). Во-вто-

рых, сведения, противоречащие курсу российского МИДа и военного ведомства, едва ли могли быть опубликованы в газетах, служащих главными рупорами правительства.

Англичан иной раз укоряли за невнимание к нуждам индийцев, роковую медлительность в начале восстания, просчёты с техническим обеспечением (например, они не проложили прямую телеграфную линию между Индией и Англией, что сильно осложняло действия английского командования), но все эти упреки были довольно мягкими. Нередко звучали слова сочувствия в адрес англичан. При этом местами проскальзывают сомнения в способности англичан удержать власть над Индией после подавления восстания (в том, что оно было изначально обречено на поражение, сомнений не было): «Индия также крепка в руках англичан как дым, захваченный кем-нибудь в руки» [4, с. 914].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы об освещении сипайского восстания в русской периодической печати 1857-1859 гг.: обсуждение этой, на первый взгляд, узкой темы оказалось на удивление очень активным. Если считать даже небольшие заметки, то всего фрагментов, посвященных сипайскому восстанию, за три года насчитывается более 1700. Несмотря на постепенный рост соперничества Российской и Британской империй на востоке (Большая игра только набирала обороты), в русской прессе ни разу не прозвучали слова одобрения в адрес недовольных индийцев и по-настоящему серьёзное осуждение жестоких действий англичан во время подавления восстания. Дальнейшее изучение сипайского восстания и его освещения в русской прессе могут внести дополнительные сведения о русско-британском противостоянии в Центральной и Южной Азии.

Список литературы

1. Булах М.И. Отклики в русских журналах на национальное восстание в Индии 1857-1859 гг. // Учёные записки. Выпуск XXII (XXXII). Всеобщая история. Ярославский государственный педагогический институт имени К.Д. Ушинского. Ярославль, 1957. С. 251-267.

2. Капитан Фитцмур или восстание сипаев // Живописная русская библиотека. 1859. Т. 4. № 30. С. 233-240.

3. Осипов А.М. Великое восстание в Индии 1857-1859 гг. М.: Учпедгиз, 1957. 141 с.

4. Ост-Индские дела // Русский инвалид. 1857. Октябрь. № 221. С. 914.

5. Очерки английской Ост-Индии // Живописная русская библиотека. 1859. Т. 4. № 25. С. 193-199.

6. Прохоров Е.П. Русская печать об индийском национальном восстании 1857-1859 гг. // Из истории русской журналистики (под ред. А.В. Западова). Статьи и материалы. М.: Изд-во Московского университета. 1959. С. 74-83.

7. Серебряков И.Д. Прогрессивная русская общественная мысль XIX в. об Индии // Звезда Востока. Ташкент, 1955. № 12. С. 86-90.

8. Турчинов Н. Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии // Современник. 1857. № 9. Сентябрь. С. 51-92.

Крылова Элина Андреевна,
Московский педагогический государственный университет
Научный руководитель:
Воронин Всеволод Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент

Влияние реформ учебных заведений Морского ведомства на действия русского флота в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Influence of reforms of educational institutions of the Naval Department on the actions of the Russian Navy during the Russo-Turkish War of 1877-1878.

Аннотация. *В данном исследовании поднимается проблема влияния реформ учебных заведений Морского ведомства на действия русского флота в годы войны России с Турцией 1877-1878 гг. В статье анализируется вклад, который внесли В.А. Римский-Корсаков и Г.И. Бутаков в реорганизацию подготовки морских офицеров. На примерах раскрывается, как изменения в образовании способствовали успешным действиям русских моряков на Черном море и Дунае.*

Ключевые слова: *морское образование; война; флот; реформы; русские моряки.*

Abstract*. The article raises the problem of the influence of reforms of educational institutions of the Maritime Department on the actions of the Russian Navy during the war between Russia and Turkey in 1877-1878.the article analyzes the contribution made by V.A. Rimsky-Korsakov and G.I. Butakov to the reorganization of training of naval officers. The examples reveal how changes in education contributed to the successful actions of Russian sailors on the Black sea and the Danube.*

Key words: *naval education; war; Navy; reforms; Russian sailors.*

После окончания Крымской войны (1853–1856 гг.) Морское ведомство определило для себя одну из первостепенных задач – воспитание профессионально-подготовленных офицеров военно-морского флота. Подтверждение этому можно найти в одном из отчетов Морского ведомства за 1856 год: «…приготовив образованных, способных и любящих свое ремесло офицеров и кораблестроителей,

министерство обеспечит будущность флота, ибо эти люди непременно построят хорошие суда и будут с честью управлять ими» [7, с.18]. Действия русского флота в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., во многом являлись примером успешной реализации этой задачи.

В научной литературе исследуемая тема рассматривается, в основном, в контексте изучения истории флота и указанной выше военной компании. Среди работ такого характера следует особо выделить исследования В.А. Золотарева [5], И.И. Ростунова [11], Л.Г. Бескровного [2]. Отдельные труды этой проблематике посвящали военные историки Е. И. Аренс [1], В. В. Чубинский [16], Ф.Н. Филисов [15]. В их работах приводятся ценные исторические источники: статистические данные, характеристика военных судов, воспоминания участников событий. В наши дни в исторической науке акцент в изучении этой темы был перенесен на вопросы технической оснащенности российского и турецкого флотов [3, 12]. Историографический обзор исследуемой темы показал недостаточность изучения ее в отечественной исторической науке. Научная новизна исследования определяется отсутствием работ, в которых Русско-турецкая война 1877-1878 гг. рассматривалась бы с позиции оценки реформ в области образования.

Цель исследования - изучить влияние реформ учебных заведений Морского ведомства на действия российского флота в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Дать характеристику реформам учебных заведений Морского ведомства, проводимых в 1860-х гг.

2. Проанализировать примеры участия офицеров флота в боевых действиях в указанный исторический период.

Актуальность данной темы связана с необходимостью изучения опыта деятельности военно-морских учебных заведений в прошлом. Имеющийся опыт можно использовать сегодня для совершенствования системы военно-морского образования.

При работе над исследованием были использованы следующие методы: системного анализа, сравнительно-исторический. Работа базируется на принципе историзма.

Крымская война 1853-1856 гг. выявила ряд недостатков, существовавших в армии и во флоте Российской империи. Сложное стратегическое положение наших войск, экономическая и техническая отсталость по сравнению со странами Западной Европы, забюрократизированность государственного аппарата, слабая подготовка офицеров армии и флота – все эти проблемы нуждались в скорейшем решении. Среди причин поражения России в Крымской войне низкий уровень военного образования, что интересно, ставился на первое место. Существенными проблемами в области военно-морского образования были слабое усвоение общих и специальных дисциплин и недостаточное количество практики перед началом службы во флоте.

Успеваемость и усвоение общих и специальных предметов у будущих офицеров действительно были низкими. Подтверждение этому можно найти в ежегодных отчетах директоров Морского кадетского корпуса. Так, например, в 1853 году средний балл гардемаринского выпускного класса колебался от 9,53 по навигации до 5,82 по географии [10, л. 19-22, 25 об.]. То есть балл опускался и ниже оценки удовлетворительно (максимальный балл – 12). О поверхностном уровне знаний морских офицеров можно судить и по воспоминаниям выпускников корпуса. Один из них, К.М. Станюкович, характеризовал уровень познаний гардемарин так: «воспитанники думали, что история важна не потому, что она развивает или часто заставляет задумываться человека, а нужна настолько, чтоб и без преподавателя выучить краткое руководство Устрялова… Ведь и без истории офицером будешь, а без астрономии нет» [13, с. 42]. Слабость в обучении офицеров объяснялась, прежде всего, насыщенностью учебных программ. За 7 лет обучения, воспитанники должны были пройти не только курс общего гимназического образования, но и специальные профессиональные дисциплины. Возможным такое было только за счет сокращения объема курса проходимых предметов.

Помимо этого важным условием для усвоения знаний были личные стремления и желания обучающихся. В Морской кадетский корпус, основное учебное заведение Морского ведомства, прием проводился по специальным кандидатским спискам, которые составлялись заранее. Кандидаты принимались по очереди, в возрас-

те 10-12 лет [17, с.92]. Морской корпус в награду за службу офицера флота мог дать за счет казны воспитание его сыновьям. Эта проблема нашла отражение в официальном источнике — перечне главных распоряжений по Морскому ведомству: «Воспитание для флота основано не на том главном условии, выйдет ли из мальчика хороший офицер, а на том, где служил его отец и как древен дворянский его род» [8, с. 35].

Морская практика также была очень слабой. Будущие офицеры готовились к морской службе «на берегу», а для воспитания любви к морскому делу и формирование профессиональных навыков это было недостаточно. На выходе получалось, что «молодые офицеры, вступая на корабль, начинали не с отправления своих обязанностей, а с изучения, как исполнять их» [9, л. 43-43 об.].

Реформы в области морского образования, проводимые в 1860-х гг., были направлены на устранение обозначенных выше проблем. Деятельное участие в изменениях морского образования в 1860-х гг. приняли Воин Андреевич Римский-Корсаков и Григорий Иванович Бутаков.

Воин Андреевич в изучаемый период занимал должность директора Морского кадетского корпуса и являлся во многом проводником и новатором некоторых реформ. Он занимал пост директора с 1861 по 1871 гг. В его руководство были приняты в 1864 году новые правила для приема воспитанников в Морской корпус, согласно которым возраст поступления повышался до 14-17 лет, вводились обязательные вступительные экзамены и пробные плавания до начала обучения. В 1867 году был издан новый Устав учебного заведения. С этого года Морской кадетский корпус был реорганизован в Морское училище. Изменения существенным образом коснулись учебного курса заведения: общие предметы были сведены к минимуму (планировалось, что обучающиеся должны будут пройти их в общеобразовательных гимназиях), делался больше упор на специальные учебные дисциплины, связанные с практическими областями морской службой.

Григорий Иванович Бутаков оказал большое влияние на совершенствование подготовки морских офицеров. В изучаемый период Бутаков руководил практической эскадрой броненосных кораблей

на Балтийском море. Григорий Иванович очень требовательно относился к подготовке кадрового состава флота. По его мнению, именно море создавало специальную обстановку, в которой «формировались качества, необходимые военным морякам: патриотизм, находчивость, хладнокровие, самообладание, ответственность, решительность, стойкость, любовь к морю…» [14, с. 141]. В ходе учебных плаваний практической эскадры Григорий Иванович организовывал состязательность между командами кораблей, давал возможность активно проявить личностные качества, умело сочетал теоретические и практические занятия, вводил поступательный принцип боевой подготовки[4, с. 111]. Он выступил инициатором проведения первых ночных учений эскадры, а также способствовал введению в качестве поощрений особо отличившимся офицерам походов за границу с возможностью посещения иностранных кораблей флота других стран и обмена опытом между моряками. Через эскадру Бутакова прошло ¾ всего личного состава строевых офицеров, участвовавших впоследствии в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. [1, с. 25].

Таким образом, в 1860-е годы в результате проведения комплекса реформ в учебных заведениях морского ведомства была осуществлена успешная попытка устранить существующие проблемы и улучшить качество подготовки офицеров флота. Благодаря деятельности В.А. Римского-Корсакова и Г.И. Бутакова произошли существенные изменения в теоретическом и практическом обучении. Военно-морское образование стало более специализированным, практико-ориентированным, изменились подходы и методы подготовки. Проводимые реформы способствовали воспитанию целой плеяды талантливых офицеров, проявивших себя на службе России во второй половине XIX века.

Русский флот в обозначенной военной компании принимал ограниченное участие. Но, тем не менее, опыт Русско-турецкой войны показал необходимость усиление Российского императорского флота и его дальнейшее совершенствование с временным периодом.

На момент начала войны по количеству русский флот превосходил турецкий (29 броненосцев у России и 22 броненосца у Османской империи [1, с. 111-112]), но флот Турции был сосредоточен

в районе основных военных действий, тогда как у русского флота корабли находились на других театрах. Надо понимать, что основные действия российского флота в войне с Османской империей происходили на реке Дунай (задачи: защита переправы русской армии, ограничение деятельности неприятельской флотилии) и Черном море (задачи: оборона своих берегов и в том числе ключевых портов – Очаков, Одесса, Севастополь, Керчь; содействие сухопутным войскам, действия на неприятельских коммуникациях).

Основной силой русского флота в годы Русско-турецкой войны были мобилизованные пароходы и паровые катера. Несмотря на то, что русский флот численно уступал флоту противника, это не смогло дать Османской империи заметного преимущества в столкновениях на море

Существенную роль в этом сыграло, во-первых, умелое применение, как в оборонительных, так и наступательных операциях нового оружия – мин (гальванические, гальваноударные - использовали для защиты; шестовые, буксируемые и самодвижущие – использовали для нападения), во-вторых, уровень профессиональной подготовки, показанный офицерами и прочим личным составом при столкновении с вражескими судами. Если первый фактор зависел от развития техники, грамотного внедрения и усвоения использования нового оружия, то на второй большое влияние оказала подготовка в профессиональных морских учебных заведениях. Она заложила основу, которая позволила на более высоком уровне применить знания, практические умения и навыки офицерами флота в условиях войны.

Среди офицеров, показавших себя талантливыми командирами, отличившихся в войне, многие являлись выпускниками Морского училища. Среди них можно назвать таких людей, как Ф.В. Дубасов (год окончания обучения — 1865 г.), А.П. Шестаков (год окончания обучения — 1869 г.), В.О. Рождественский (год окончания обучения — 1870 г.), К.Д. Нилов (год окончания обучения — 1875), И.М. Зацаренный (год окончания обучения — 1870 г.) и др.

Высокий уровень подготовки и профессионализма можно проиллюстрировать примерами действий офицеров в Русско-турецкой войне. Показательны в этом случае события, связанные

с действиями 4 минных катеров «Царевич» (Ф.В.Дубасов), «Царевна» (М.Я Баль), «Ксения» (А.П.Шестаков) и «Джигит» (В.П.Персин) под общим командованием лейтенанта Ф.В. Дубасова в Мачинском рукаве Дуная, в результате которого был потоплен турецкий монитор (броненосная канонерская лодка) «Seyfi».

По разработанному плану, минные катера должны были выйти в Мачинский рукав выше расположения противника, спуститься вниз по течению и атаковать минами одно из турецких судов.

Атаковать планировалось парами, первую составляли катера «Царевич» и «Ксения». Атака началась в ночь с 14-го на 15-го мая. В Мачинском рукаве находилось одновременно три турецких корабля – броненосцы «Seyfi», «Feth-ŭl Islam» и вооруженный пароход «Kilic Ali».

После входа в Мачинский рукав лейтенантом Ф.В. Дубасовым было решено провести немедленную атаку, чтобы сохранить элемент неожиданности нападения. Целью атаки был выбран турецкий монитор. Стремясь лишить противника хода и вести огонь из кормовых орудий, был нанесен удар шестовой миной по кораблю. Второй удар по приказу Ф.В. Дубасова выполнил шестовой миной катер «Ксения» [12, с. 9]. В результате двух атак, монитор был потоплен.

Нужно отметить слаженность действий команд катеров во время атаки. Каждый знал свое дело и свои задачи и выполнял требованные задачи грамотно и умело. Так, к примеру, после взрыва в ходе первой атаки «Царевич» был залит водой, другой катер готовился принять к себе его команду, но благодаря действиям румынского волонтера майора Муржеску и машиниста катера удалось быстро запустить паровой эжектор для откачки воды[12, с. 8]. Показателен пример командования лейтенанта Шестакова. После второй атаки монитора катер «Ксения» потерял ход, и нужно было одновременно освобождать винт от намотавшихся снастей и отбиваться от подходящей вражеской шлюпки. Шестаков умело руководил небольшой командой катера. Команда корабля сумела быстро отреагировать, открыть перестрелку с противником, заставив турок отойти, и в результате восстановить ход и отойти от тонущего монитора.

Все действия во время атаки были заранее спланированными и слаженными, русскими моряками предусматривалось несколько

вариантов развития событий. Организованность и хладнокровие, профессиональные действия российских моряков является ярким примером усвоенных и отработанных на практике знаний. В результате этой атаки, катера вышли с минимальными потерями. Несмотря на то, что соотношение сил было явно в пользу турок.

Примеров подобных действий русских моряков можно увидеть и на Черном море. Так, потопление вооруженного парохода (канонерской лодки) «Интибах» продемонстрировало не только успешное применение нового оружия – торпедных мин, но и показало настойчивость, мужество и профессионализм русских моряков. Синхронная минная атака, произведенная с катеров «Чесма» и «Синоп», способствовала немедленному потоплению «Интибаха». Залогом успеха действий явилось хорошее знание минного оружие и умелое его применение, а также храбрость моряков Российского императорского флота. Так, были оценены действия офицеров, командовавшими катерами – И.М. Зацаренного и О.И. Щешинского, капитаном С.О. Макаровым: «что касается лейтенанта Зацаренного, то из него выработался настоящий тип боевого катерного минера, который с замечательным спокойствием хозяйничает на неприятельских рейдах. Лейтенант Щешинский старается во всех отношениях не отставать от своего боевого товарища» [6, с. 230].

Таким образом, проводимая реформа в 1860-х гг. в области военно-морского образования положительно повлияла на действия российского флота в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Русские моряки, воспитанные на новых традициях, отлично подготовленные, смогли умело применить новое оружие – мины в морских столкновениях с Османским флотом. И, несмотря на то, что турецкий флот превосходил русский по своему количеству в районе основных военных действий, это не дало ему заметного преимущества в Русско-турецкой войне на море.

Список литературы

1. Аренс Е.И. Роль флота в войну 1877-1878 гг. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1903. 320 с.

2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. 622 с.

3. Борнестам К. Броненосцы береговой обороны типа «Экран» // Морская кампания. 2011. № 1. С. 32-46.

4. Дельвиг Н.А. Вклад адмирала Г.В. Бутакова в создание системы морской учебной практики // Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). 212 с.

5. Золотарев В.А. Россия и Турция. Война 1877-1878 гг. М.: Наука, 1983. 234 с.

6. Макаров С.О. Документы. Т. 1. М., 1953 452 с.

7. Отчет по Морскому ведомству за 1856, 1867 и 1858 годы. СПб., 1860. 126 с.

8. Перечень главных распоряжений по Морскому ведомству в последние три года (1853, 1854 и 1855). СПб., 1856. 224 с.

9. РГА ВМФ Ф. 410. Оп.1, Д. 1700. Л. 43-43 (об.)

10. РГА ВМФ Ф. 432. Оп.1 Д. 3825. Л. 19-22, 25 (об.)

11. Ростунов И.И. Русско-турецкая война 1877-1878 г М.: Воениздат, 1977. 308 с.

12. Смолин А.А., Яровой В.В. Минные катера Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Морская коллекция. 2017. № 8 (215). 32 с.

13. Станюкович К.М. Мысли по поводу глупцов г. Щедрина // Морской сборник. 1862. № 11. 234 с.

14. Толстова Л.П. Военно-этические взгляды и деятельность русских флотоводцев конца XVII – начала XX вв.: историко-педагогический анализ. М., 2005. 299 с.

15. Филисов Ф. Изучение минных атак, произведенных в войну 1877-1878 гг. // Морской сборник. 1880. № 5. С.35-48.

16. Чубинский В. Об участии моряков в войне с Турцией (1877-1878 гг.). СПб.: тип. Мор. м-ва, 1889. 182 с.

17. Шевырёв А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 184 с.

Замятин Михаил Михайлович,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Богомазов Николай Иванович, кандидат исторических наук, старший преподаватель

Деятельность генерала Н.В. Рузского по ходу Лодзинской операции 1914 г.

The activities of General N.V. Ruzsky during the Lodz operation of 1914

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает проблему проведения Лодзинской операции осенью 1914 г. Автор полагает, что Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рузский совершил ряд стратегических и тактических ошибок, которые привели к фактическому провалу операции.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; генерал Н.В. Рузский; Северо-Западный фронт.*

Abstract*. In this article, the author considers the problem of conducting the Lodz operation in the fall of 1914. The author believes that General N.V., Commander-in-Chief of the North-Western Front Ruzsky made a number of strategic and tactical mistakes that led to the actual failure of the operation.*

Key words*: First World War; General N.V. Ruzsky; Northwest Front.*

Начало Первой мировой войны для русских армий нельзя назвать удачным. Провал Восточно-Прусской, очень неоднозначные результаты Варшавско-Ивангородской операции приводили российское общество в замешательство. Проблема же Лодзинской операции стоит отдельно – именно в ней недавно занявший пост Глав-

нокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский показал свою полную некомпетентность. Однако специальных работ, посвященных данной проблеме, достаточно немного, а существующие в большинстве своем были написаны в советские годы. Поэтому целью своего исследования мы полагаем проанализировать планы сторон накануне кампании, проследить ход боевых действий, выяснить причины успеха/неуспеха русских армий и роли в этом генерала Н.В. Рузского. В качестве методологической основы работы служат принципы научности, системности и историзма. В исследовании были применены историко-критический, биографический, историко-сравнительный и источниковедческие методы.

Исходя из результатов Варшавско-Ивангородской операции русское и германское командование вырабатывали новые стратегические планы. Что касается Ставки, то конечная цель всех усилий русских армий виделась во вторжении в Германию, а также разгроме австрийцев [1, с. 289-291]. 1 ноября планировалось начать наступление Сев.-Зап. и Юго-Зап. фронтов: силами четырех армий на Познань и Силезию, 1-й и 10-й армии вглубь Вост. Пруссии, а 3-й и 8-й к Карпатам [6, с. 99]. Ю.Н. Данилов говорил только о полной победе «над зарвавшимися германцами» [5, с. 223]. Однако не обошлось без ошибок - план предполагал местонахождение 9-й германской армии в районе Ченхстохова, однако Гинденбург переместил 4 корпуса в район Торна, где русские ожидали встретить сопротивление всего 2-х дивизий. Позже Ставка сообщила Н.В. Рузскому свои подозрения на этот счет, что последний обещал учесть при наступлении [10, с. 12-13]. Русские силы включали в себя 367 тыс. штыков и сабель, 740 пулеметов и 1300 орудий [10, с. 14].

План противника сводился к срыву русского наступления, причем австрийцы требовали в помощь несколько немецких корпусов с Западного театра [4, с. 74]. Э. Людендорф, стремясь к уничтожению русских армий [9, с. 90], решил организовать фланговый контрудар. Перемещенные в район Крейцбурга две австрийские армии задерживали наступление с фронта, 9-я армия стремилась к окружению 2-й и 5-й русских армий [7, с. 3-4], а в район Ченстохова предлагалось выдвинуть всю армию фельдмаршала Бем-Эрмоли [4, с. 77]. П. Гинденбург сумел сформировать ударную группировку из 7,5, в т.ч. пе-

реброшенных с запада кавалерийских, корпусов [9, с. 93] и назначил наступление на 31 октября. Численность германских сил (без учета австрийских) оценивается в 280 тыс. штыков и сабель, 700 пулеметов и 1450 орудий [10, с. 9-11], Э. Людендорф даже ослабил 8-ю армию в Вост. Пруссии, оставившую территории до р. Ангеррап [9, с. 94]. Но непосредственно в бой А. Макензен, не дожидаясь сосредоточения остальных, мог ввести только 5,5 корпусов. По мнению А.М. Зайончковского, именно этот шаг привел к неудаче германского наступления [6, с. 302].

Обнаруженное движение русских частей привело германцев к мысли о разгадке их планов, поэтому наступление приходилось начинать раньше срока - утром 29 октября [7, с. 28], а первоочередной задачей поставить разгром V Сиб. корпуса. По словам М. Гофмана, «русские были захвачены совершенно врасплох» [4, с. 79]. Действительно, 5-й Сиб. корп. оказался в одиночестве на правом берегу Вислы. Ранее П.К. Рененкампф не раз обращался к Н.В. Рузскому с предложением о переброске сюда 6-го Сиб. корп., однако эти инициативы встретили противодействие [7, с. 30]. В итоге, уже 30 октября против одного русского корпуса вели наступление 4 немецких [1, с. 297], однако ком. 5-м корп. ген. Сидорин, полагая, что перед ним находятся всего 1,5 корпуса противника и рассчитывая на помощь, отдал приказ обороняться [10, с. 18]. Только тогда П.К. Рененкампф получил разрешение о переброске 6-го Сиб. корпуса, но вскоре выяснилось, что средств для переправы войск нет, а понтонные мосты обещали подвезти только к декабрю! Поэтому 5-й корп. стал отступать на доп. позицию [7, с. 31-32], организованную весьма плохо [1, с. 298]. Впрочем, немцы упустили благоприятный момент, и к 31 октября отступающие части заняли новые позиции. На вышедший же на помощь 2-й арм. корпус был обрушен удар трех корпусов 9-й армии [10, с. 22], тот после упорного боя отступил, немцы не преследовали [1, с. 298].

А Ставка тем не менее не отказалась от реализации собственного плана. Руководство всеми силами отдавалось в руки Н.В. Рузского, долженствующего начать намечавшееся на 1 ноября наступление. В директиве о подготовке к наступлению от 31 октября оценка сил и расположения германцев была произведено неверно: из района

Торна наступали не 2 дивизии противника (как утверждал Н.В. Рузский), а 4 корпуса. Причем ком. фронта сомневался: смогут ли немцы вообще оказать сопротивление! В итоге 2 ноября против 4 немецких корпусов были брошены потрепанные два (2-й арм. и 5-й Сиб.) Даже в Ставке уже осознали сосредоточение крупных сил противника: Н.В. Рузскому прямым текстом заявили о четырех немецких корпусах, однако он оставил план наступления без изменений, не видя движения германских сил в тыл и фланг его фронта [1, с. 40-42].

Тем временем группировка Р. Шеффера прорвала фронт и двинулась в тыл 2-й армии, которая 1 ноября уже выдвинулась вперед. Рискуя оказаться окруженной в своем наступательном порыве, она получает приказ об отходе [1, с. 299], причем немцы перехватили даже телеграмму об оставлении Лодзи [9, с. 96] (что, кстати, было не так). 1 ноября двинулись в наступление 4-я и 5-я армии, не встречая перед собой противника. И только 2 ноября Н.В. Рузский осознал всю угрозу: ударная группировка немцев врезалась глубоким клином в стык между 1-й и 2-й армиями. В этот день он отдает приказ 5-й и 4-й армиям остановить наступление, 1-й армии перейти в наступление левым флангом, а 2-й армии – правым [10, с. 27-28]. А П. Гинденбург на 4 ноября ставит своим войскам задачу полного окружения 2-й армии в районе Лодзи. Н.В. Рузский, предчувствуя это, для недопущения обхода 2-й армии на 5 ноября назначает наступление всего фронта [10, с. 30]. Сами немцы ожидали «крупного успеха при условии, что со стороны Варшавы все будет спокойно» [4, с. 80]. Но 5-я армия остановила наступление двух германских корпусов, и П.А. Плеве (получив также 2-ю армию) 18-19 ноября пресек попытки немецкого наступления: германский план двустороннего охвата Лодзи провалился [1, с. 301], связь между немецкими корпусами была прервана [4, с. 81]. Русские же 2-й арм. корп. и Ловичский отряд получают приказ наступать на выручку 2-й армии [10, с. 36]. Однако Ловичский отряд не успел закрыть брешь между 1-й и 2-й армиями: по мнению ген.-лейт. П.С. Махрова, вследствие неправильного указания Н.В. Рузским направления действий [2, с. 199-201].

К Лодзи прорвалась лишь группа ген. Р. Шеффера, однако она сама оказалась под угрозой окружения [1, с. 301]. В среде германского командования воцарилось паническое напряжение, Э. Людендорф

в своих мемуарах писал, что на карте стоял проигрыш всей операции [9, с. 97]. Приказ об отступлении был отдан Р. Шеффером 9 ноября [1, с. 301], и производилось оно в очень тяжелых условиях. Однако ген. Рузский уже считал себя победителем, а для «пленных» немцев заказали даже специальные эшелоны [9, с. 97]. В итоге, Н.В. Рузский не сумел организовать мощный заслон, и уже 13 ноября части Р. Шеффера вышли из окружения, прихватив с собой 10 тыс. пленных и несколько десятков орудий [1, с. 304]. Как отмечает Э. Людендорф: «Бржезинский эпизод закончился блестящим подвигом». Это означало провал русского контрудара. Немцы образовали сплошной прочный фронт, пробить который не удавалось [9, с. 97-98].

Формально Лодзинская операция на этом завершилась. Причем на помощь П. Гинденбургу с запада стали спешно перебрасываться резервы [4, с. 82]. Интересно, что немцы не рассматривали сражение под Лодзью как тяжелое поражение. Напротив, полученные силы ген. Гинденбург намеревался использовать для удара по русским частям. Но разрозненный ввод корпусов в бой в некотором плане спас русскую армию от разгрома [1, с. 305]. Н.В. Рузский, до конца ноября пытавшийся пробить брешь в германской обороне [9, с. 98], теперь придерживался идеи отхода, поддержанной и Ставкой. Он полагал возможным наступление 1-й армии для прикрытия Ловича, что встретило противодействие Ставки, считавшей силы задействованных частей явно недостаточными. Но приказ был отдан П.К. Ренненкампфу, остановленному, однако, немцами 15 ноября. Таким образом, попытка второго русского наступления оказалась неудачной, и Ставка приняла решение об отходе [7, с. 163-169]. В Ловичском сражении он был выполнен к 5 декабря, Лодзь и Лович были оставлены, а в Вост. Пруссии русские войска не достигли серьезных успехов [9, с. 99-100]. Находились они преимущественно на линии Мазурских озер [11, Оп. 3. Д. 23. Л. 1].

Итоги операции противоречивы. Мы сравним цели, выдвигаемые обеими сторонами, и результатами, которых удалось достичь.

Планируемый немцами срыв русского наступления удался. Но разгромить 5-ю и 2-ю армии Макензен не сумел, а группа Шеффера оказалась в мешке под угрозой уничтожения. Впрочем, ошибки русского командования, а также прибывшие резервы позволили

германцам не только отразить весьма вялое наступление русской 1-й армии, но и нанести контрудар, заставив русских оставить значительные территории. В этом плане итог всей операции – победа германцев, однако, ею недовольных: М. Гофман отмечает, что возможно было «нанести русским такой сокрушительный удар, от которого они никогда не смогли бы оправиться» [4, с. 83].

Что касается России, то мы склонны не согласиться с мнением С.П. Андоленко о победе под Лодзью (считавшего итог операции таковым ввиду того, что из 48 тыс. отряда Шеффера спаслось только 6 тыс.) [2, с. 282-283]. Операция для русской армии (за исключением фактора помощи союзникам путем отвлечения немцев с Западного фронта [3, с. 303]) оказалось провальной. Потери некоторых частей, по словам самого ген. Рузского, составили до 70% состава [5, с. 247]. Каковы же причины неудачи?

Деятельность Н.В. Рузского вряд ли можно оценить положительно. Медлительность в отношении переправы 6-го Сиб. корп. на помощь 5-му Сиб. корпусу привела к чуть ли не уничтожению последнего, чья изолированность нисколько не смущала ком. фронтом. Также Н.В. Рузский неверно определил силы противника и отмахивался от угрозы со стороны 9-й германской армии. Облаченный властью изменять план наступления согласно обстановке, Н.В. Рузский не прислушался ни к мнению полевых командиров, ни к увещеваниям Ставки и вплоть до 2-3 ноября ничего не сделал для ликвидации германского прорыва. Указанное Ловичскому отряду направление действий оказалось неверным, а запоздалое решение о контрударе не привело к реально возможному уничтожению всей 9-й армии. Ошибки Н.В. Рузского приходилось исправлять подчиненным, оказавшимся крайними – 17 ноября 1914 г. были смещены С.М. Шейдеман и П.К. Ренненкампф [1, с. 305], причем последнему вменялась вина за прорыв ген. Шеффера. С.П. Андоленко полагает, что смещение П.К. Ренненкампфа было связано с происками В.А. Сухомлинова [2, с. 282-283]. Подобного мнения придерживается и Ж. Саван, привлекая к интригам еще и нач. главного штаба [2, с. 142]. В.И. Гурко же утверждает, что отставка П.К. Ренненкампфа никого не обрадовала: войска верили в него, а смещение вряд ли могло улучшить ситуацию [2, с. 91].

Так завершилась Лодзинская операция, приведшая, по мнению А.М. Зайончковского, к истощению противников и переходу к позиционной войне на Вост. фронте [6, с. 307]. Ставкой же вырабатывались новые планы будущих операций, в т.ч. вторжения в Восточную Пруссию.

Список литературы

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне: 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

2. Генерал Ренненкампф / сост., ред., прим. и коммент. Р.Г. Гагкуев при участии Н.И. Богомазова, В.В. Голицына; предисл. А.Н. Алекаев. М.: Информационное агентство «Белые воины»»; Содружество «Посев», 2017. 736 с.

3. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.

4. Гофман М. Главный противник – Россия. М.: Принципиум, 2015. 528 с.

5. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 396 с.

6. Зайончковский А.М. Мировая война.1914-1918. В 2 т. Т.1: Кампании 1914-1915 гг. М.: Воениздат, 1938. 388 с.

7. Корольков Г.К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М.: Гос. воен. изд-во, 1934. 208 с.

8. Лодзинская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914-1917 гг.). М.: Центральная типография им. К. Ворошилова, 1936. 505 с.

9. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М.: Вече, 2016. 768 с.

10. Рыбин Д. Лодзинская операция на русском фронте мировой войны в 1914 году. М.: ГосВоенИздат, 1938. 48 с.

11. РГВИА. Ф. 2003 (Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев).

Крушевский Виктор Валерьевич,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Сухорукова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель

Новые обязанности столичной полиции, обусловленные началом Первой мировой войны

New duties of the Metropolitan police due to the outbreak of the First World War

Аннотация. *В работе представлены результаты исследования, посвященного истории петроградской полиции в годы Первой мировой войны. В данной статье автор сосредоточился на выявлении проблемы большой загруженности полицейских кадров. В военные годы полиция, и без того обремененная «не полицейскими» обязанностями, стала выполнять новые обязанности, обусловленные военным временем. Это негативно сказалось на эффективности её работы.*

Ключевые слова: *Полиция; Петроград; Первая мировая война.*

Abstract*. The article presents the results of a study on the history of the Petrograd police during the First World War. In this article, the author focused on identifying the problem of heavy workload of police officers. During the war years, the police, already burdened with "non-police" duties, began to perform new duties due to the wartime. This had a negative impact on the effectiveness of its work.*

Key words*: Police; Petrograd; World War I.*

В годы Первой мировой войны полиция, как и многие другие внутренние структуры, была отодвинута на второй план. Война существенным образом повлияла не только на ее состав, но и на повседневную практику. В это время для полиции была характерна текучесть кадров, падение профессионального уровня, повышенная напряженность и загруженность в связи с сохранившимися хозяйственно-организационными функциями в сфере гражданского управления и суда. Эта ситуация усугублялась и подвешенным состоянием реформы полиции, которая должна была внести серьезные организационные коррективы и избавить полицейских чинов

от излишней загруженности, мешающей выполнению их непосредственных служебных обязанностей. Однако реформа полиции, начавшаяся в 1906 году по инициативе председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина, к осени 1914 года оказалась свернута. Депутаты Государственной Думы, не успев рассмотреть ключевые вопросы по реорганизации полицейских органов, вынуждены были отложить проведение реформы до конца войны [3, с. 74].

На проблемы полиции неоднократно обращали внимания исследователи. На сегодняшний день в среде ученых-историков наблюдается определенный интерес к этой теме. Опубликовано немало работ, посвященных истории полиции, однако они лишь отчасти затрагивают проблемы полиции в годы войны. Существуют также исследования, внимание в которых сосредоточено на столичной полиции Санкт-Петербурга [5], однако хронологические рамки этих исследований не затрагивают период Первой мировой войны. Специальных же трудов, посвященных проблемам общей полиции Петрограда в военные годы нет. Цель же данной работы автор видит в изучении новых обязанностей полиции в годы Первой мировой войны. На выводы, к которым мы придем, необходимо будет обратить внимание в будущих исследованиях, чтобы точнее определить степень эффективности работы полиции.

С началом войны количество обязанностей полиции заметно возросло. Хотя высокая загруженность полицейских кадров отмечается авторами и в довоенный период [4, с. 19]. Во-первых, полиция была обязана вести учет запасных нижних чинов. В случае мобилизации заниматься их сбором и передачей в войсковые части и на сборные пункты [6, с. 28]. На практике в Петрограде полицейские выдавали справки о зачислении на службу лицам, призванным по мобилизации [2, №39, с. 674]. Разумеется, этим занимались нижние полицейские чины. Градоначальник приказывал городовым проявлять бдительность к молодым людям на улице, которые могут уклоняться от мобилизации. А также постановил приставам организовать наблюдение за своевременной явкой в комиссариат [1, 1914. 3 сентября, с. 2].

Во-вторых, в начале войны был введен сухой закон [1, 1914. 6 августа, с. 1]. Следить за его исполнением обязана была полиция. Полицейские команды постоянно устраивали облавы на различные чайные,

столовые, гостиницы, бордели и прочие общественные заведения с целью обнаружения и пресечения продажи и распития спиртных напитков [1, 1914. 6 ноября, с. 3]. Были усилены патрули, которые вылавливали в городе пьяных людей. При малейшем подозрении мог последовать арест на 3 месяца или штраф 3000 рублей [2, 1915, №28, с. 900]. Несмотря на то, что на страницах «Вестника полиции» мы можем наблюдать тенденцию к падению уровня преступности[1], тем не менее, сухой закон имел и негативную сторону. Люди все равно находили способы выпивать. Существовал как черный рынок, так и личные подсобные производства. Изготовляли различные денатураты, политуру и ханжу (китайская водка) [1, 1915. 3 марта, с. 3]. По большому счету все это представляло собой отраву. Отчеты, публиковавшиеся в полицейских ведомостях, постоянно фиксировали смертельные случаи после употребления подобных «напитков» [1, 1915. 3 января, с. 3].

Сухой закон не распространялся на рестораны первой категории [2, 1915. №29, с. 933], что в перспективе повышало уровень социальной напряженности. К тому же, рестораны часто пользовались своим положением для распространения спиртных напитков за пределы своих помещений [2, 1915. №7, с. 288]. За военные месяцы чины полиции конфисковали огромное количество всевозможных суррогатов, денатуратов, лаков, лекарств, содержащих спирт, разнообразнейших приборов для изготовления спиртных напитков [2, 1915. №13, с. 403].

В-третьих, с разгаром войны в город начали прибывать беженцы, зачастую без средств к существованию. Они пополняли и так не малочисленную армию нищих и бродяг. В связи с этим градоначальник постановил увеличить масштабы арестов неблагонадежных элементов [1, 1915. 14 февраля, с. 2]. Центральные улицы нужно было очистить от нищенствующих [2, 1914. №48, с. 858]. Бродяг и бесписьменных отправляли в полицейские дома. Там чины полиции пытались установить их личности, найти родственников, ме-

[1]Редакция журнала утверждала, что до принятия сухого закона количество арестованных в Петроградском городском арестном доме 250–300 человек, то на момент выхода статьи клиентура этого заведения была немногочисленна ок. 60 человек, и она не поднималась выше 50 – 60 процентов от предыдущей цифры (Вестник полиции. 1915. № 30. С. 964).

сто жительства. Если это удавалось сделать, то арестованных передавали родственникам и отправляли домой, если же нет, то просто через какое-то время отпускали или приговаривали к наказанию по суду в административном порядке, если лицо совершило правонарушение [5, с. 47]. С июля 1915 года полиция стала вести надзор за привокзальными извозчиками. Им было поручено везти всех вновь прибывающих беженцев в городские попечительства. Это было сделано для улучшения работы по учету беженцев и дальнейшего их социального устройства [2, 1915. №31, с. 996].

В октябре 1914 года в Спасской и Александро-Невской части были оборудованы мастерские для изготовления предметов обмундирования и шитья сапог для фронта. В эти мастерские направлялись все лица, подлежавшие взысканию в административном порядке и знающие портняжное или сапожное ремесло. Организация подобных мастерских зависела от инициативы участковых полицейских начальников [2, 1915. №28, с. 878]. Арестованные в административном порядке, не знающие этих ремесел с марта 1915 года назначались на товарные станции всех столичных вокзалов для разгрузки и нагрузки вагонов. Считалось, что полиция, таким образом, вносит вклад в патриотическую трудовую мобилизацию. Ремесленные мастерские для арестованных размещали при казарменных помещениях городовых. Это было сделано неслучайно. Предпринимались попытки найти ремесленников и в середе городовых, «чтобы сорганизовать этих людей для наилучшего использования их казарменного досуга на общее патриотическое дело» [2, 1915. №28, с. 879]. Иными словами, заставить работать в свободное время.

Помимо всего перечисленного, чинам полиции надлежало следить за тем, чтобы торговцы не продавали регулируемые категории товаров по ценам выше установленных [1, 1914. 27 августа, с. 2]. Еще в начале августа власти Петербурга особым распоряжением установили фиксированные цены на товары первой необходимости [1, 1914. 3 августа, с. 1].

Наконец, нельзя не отметить еще одну важную обязанность столичной полиции, появившуюся в годы войны, а именно интернирование германских и австрийских подданных. В апреле 1915 года градоначальник А.М. Оболенский приказал арестовывать как воз-

вращающихся, так и прибывающих германцев и австрийцев [2, 1915. №18, с. 580]. Полиция также должна была принять меры для полного прекращения торговли во всех магазинах, принадлежащих австрийским и немецким подданным. Немцы часто передавали свои заведения подставным лицам русского происхождения, что затрудняло работу полиции и приводило к коррупции [2, 1915. №23, с. 739]. Например, градоначальник объявил выговор приставу 1-го участка Спасской части за допущение фиктивной покупки у австрийского подданного торгового предприятия «кафе Рейтер» паспортистом участка. Паспортист был уволен [2, 1915. №32, с. 1028].

Таким образом, петроградская столичная полиция была перегружена разнообразной работой в годы Первой мировой войны. Если бы правительство успело реализовать давно задуманную и годами прорабатывающуюся реформу полиции, которая должна была освободить полицейских от ряда хозяйственных обязанностей, передать часть функций городской администрации и увеличить материальное благосостояние чинов, то ситуация, вполне возможно, могла оказаться иной.

Список литературы

1. Ведомости Петроградского градоначальства и столичной полиции. Ежедневное издание. Ред.-изд. А.А. Животовский. – 1914. – 3, 6 и 27 августа, 3 сентября, 6 ноября. 1915. 3 января, 14 февраля, 3 марта.

2. Вестник полиции. Еженедельное издание Министерства внутренних дел. Ред.-изд. П.Р. Кук. 1914. 26 сентября (№ 39), 28 ноября (№ 48). – 1915. – 13 февраля (№ 7), 27 марта (№ 13), 1 мая (№ 18), 5 июня (№ 23) 10, 17, 24 и 31 июля (№№ 28 – 31).

3. Кольцова М.В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период с 1907 г. по февраль 1917 г.: дисс.… канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2005. 165 с.

4. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения в дореволюционной России. М., 1964. 28 с.

5. Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906 – 1913 гг.): дис. … канд. ист. наук. СПб.: С.-Петербургский унив. МВД России, 2000. 234 с.

6. Щукин А.М. Руководство для изучения полицейской службы. – СПб: тип. «Улей», 1913. 231 с.

Чешков Максим Михайлович,

Санкт-Петербургский институт культуры

Научный руководитель:

Попов Артём Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент

Политика Австро-Венгрии на брестских переговорах о мире с Советской Россией в 1917 – 1918 гг.

Austro-hungarian policy in peace negotiations with Russia at Brest-Litovsk in 1917-1918

Аннотация. *Статья посвящена внешнеполитической позиции Австро-Венгрии на Брестских мирных переговорах 1917–1918 гг. Автор считает необходимым осветить особенности и проблемы внешней политики отдельно монархии Габсбургов на переговорах о мире с Советской Россией, особенно от позиции Германской империи, что до сих пор является слабо затрагиваемой темой в отечественной историографии. Отдельное внимание также уделено позиции последнего правителя империи – Карла I Габсбурга и министра иностранных дел Монархии графа Оттокара Чернина.*

Ключевые слова: *Австро-Венгрия; Карл I Габсбург; Оттокар Чернин; Первая мировая война; Брестский мир; Советская Россия; мирные переговоры; мир без аннексий; сепаратный мир; 1918 г.*

Abstract*. In the article policy of the Austria-Hungary in Brest-Litovsk peace talks with Soviet Russia in 1917 – 1918 is considered. It also describes the empire's last monarch – Charles I of Austria's and its foreign minister – count Ottokar Czernin's position in those negotiations with Soviet Russia on the Eastern front of World War I. Despite of the long-term struggle between Russian and Habsburg empires during the Great War those questions were poorly studied in Russia.*

Key words*: Austria-Hungary; Charles I of Austria; Ottokar Czernin; World War I; Treaty of Brest-Litovsk; Soviet Russia; peace negotiations; peace with no annexations; separate peace; 1918.*

Проблемы мира и путей к нему никогда не должны терять своей актуальности, особенно в пору после череды 100-летних юбилеев событий одной из самых кровавых войн современности – Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Дипломатия Австро-Венгрии в отно-

шении России в конце 1917 – начале 1918 гг. является неотъемлемой частью такого периода в мировой истории, как Брестский мир и события, происходившие после Октябрьской революции в Петрограде и ведшие к нему. Однако отечественная историография в полной мере не может дать отдельный полный взгляд на австрийский подход к заключению мира и принципы австрийской дипломатии, особенно отдельно от позиций более сильного союзника Австро-Венгрии – Германской империи, которой отдавалась львиная доля внимания в рассмотрении вопросов мира на Востоке в 1917–1918 гг. [3; 5]. Отечественное австроведение же в XX в. основное место отводит внутриполитическим вопросам в Австро-Венгрии: в советский период преобладал интерес к национально-освободительной борьбе, революциям, рабочему движению, социал-демократии Австрии, в постсоветский – более критический подход к преобразованиям и межнациональным отношениям в монархии и конституционализму [1; 2]. Поэтому в вопросе освещения особенностей внешней политики Австрии рассматриваемого периода стоит активно привлекать источники и историографию стран-преемниц Центральных держав. Но не только издания собственных материалов, касающихся одних только переговоров в Брест-Литовске в 1917 – 18 гг., мемуаров одних только участников брестских переговоров. Важно использование в значительной степени источников ещё и германского и австро-венгерского внешнеполитического ведомств, что, по мнению исследователя-источниковеда периода брестских переговоров С.Н. Полторака, является ахиллесовой пятой в исследованиях тех внешне- и внутриполитических процессов [3, 5]. Это касается такого хранилища источников как Государственный архив Австрии (Österreichisches Staatsarchiv), особенно такие его составляющие как Военный архив (Kriegsarchiv) и Haus-, Hof-, und Staatsarchiv, образованный ещё в 1749 г. и содержащий огромное количество источников по внешней политике Австро-Венгрии, особенно дипломатическую корреспонденцию, особенно в подразделении Политический архив (Politisches Archiv). Заслуга в их активном использовании принадлежит зарубежным историкам, исследователям вопросов истории внешней политики Австрии как периода знаменательных работ середины – второй половины 1960-х гг.: Р.Лоренцу [19], Р.Неку [21],

И. Меклинг [20], В. Штеглиху [25], И. Пржибиловски, так и более современных: А. Шуппану [28], А. Шкривану, а также автору, пожалуй, последней полной работы по австрийской дипломатии на Восточном фронте в рассматриваемый период – В. Горчичке [17].

Франц-Иосиф I скончался 21 ноября 1916 г., и 1917 г. Австро-Венгрия встретила уже с новым монархом, его 29-летним внучатым племянником Карлом I, которому пришлось столкнуться с неутешительным положением империи на фронтах мировой войны. 23 декабря он начал собственную политику по сохранению империи назначением имперским министром иностранных дел графа Оттокара Чернина. Подобными мерами были: попытка обсуждения мирных инициатив с Германией 16 – 26 марта 1917 г. в Вене [27, p. 69-70], восстановление работы австрийского парламента 30 мая 1917 г., отставка воинственного премьер-министра Венгрии И. Тисы 30 июня 1917 г. М. Раухенштайнер причисляет к таковым и замену 1 марта 1917 г. главы генштаба фельдмаршала К. фон Гётцендорфа, на генерала от инфантерии А. Арца фон Штраussенберга, как лояльного трону и сторонящегося политики [24, s. 430-431]. Фактически ещё весной 1917 г. граф О. Чернин обозначил одну из главных тенденций по внешней политике Австро-Венгрии, принцип стремления к миру – status quo ante bellum – согласия на сохранение довоенных границ без территориальных претензий со стороны Габсбургов: на переговорах с Германией 16-26 марта официально, а также в переписке с императором 15 мая [27, p. 69-71], и была закреплена в третьеоктябрьской речи перед австрийским парламентом [22, s. 2]. Нельзя утверждать, что между монархом и его министром существовали тёплые отношения, потому что его принцип с точки зрения самого министра официально не подразумевал политического разрыва с Германией или попыток действовать в обход общих интересов [27, p. 68-69]. Последнее не всегда находило поддержку Карла I, однако, именно О. Чернин был главным из дипломатов, кто отстаивал принцип императора, что сохранение империи лежит через наиболее скорое, но благополучное окончание войны [19, s. 46-47; 20, s. 7-10, 24-26].

На переговорах 1917–1918 гг. с Советской Россией как нигде была важна позиция этих двух человек. Через 2 дня после революцион-

ных событий 7 ноября Карл I через графа А. Демблина изъявил графу Чернину свою оптимистическую позицию, полагая, что «теперь, возможно, наконец, наступило время, когда мы могли бы достичь сепаратного мира с русскими властями». Министр считал последние события в Петрограде многообещающими: «Новый переворот в России должно использовать с умом. Я уверен, что Ленин предложит всеобщий мир. Тогда мы должны будем принять предложенную Россией формулировку «без аннексий». Антанта наверняка отклонит российскую инициативу, и мы окажемся в ситуации, когда Россия может быть готова заключить сепаратный мир» [15, Демблин Чернину 9.11.1917; 14, Чернин Демблину 10.11.1917]. О поддержке императором безаннексионистского плана говорит хотя бы факт, что когда германский представитель при австрийском генштабе генерал А. Крамон в начале января уже следующего года, чтобы подтолкнуть Австро-Венгрию к принятию германских территориальных претензий на брестских переговорах, пообещал императору Карлу от имени своего монарха, возможность поддержки в аннексии Сербии и Черногории Австро-Венгерской империей после мира на Восточном фронте, правитель Австро-Венгрии категорически отказался, сказав, что их присоединение далеко не в интересах сохранения целостности австрийской монархии [23, s. 210-212].

Однако Чернин советовал не питать иллюзий по поводу характера и идей нового российского правительства. Во-первых, будучи знакомым с идеологией и программой РСДРП(б), её отношением к монархическим правительствам, как минимум через посла О. фон Франца в Копенгагене, чьи дипотчёты о России 1917-18 гг. считались в МИД империи одними из лучших, поскольку Дания и её посольство в Петрограде были главными посредниками в отношениях России и Австрии в течение всей войны [17, st. 184; 6, p. 690-691, 694-695, 700]. Во-вторых, лично считал российский большевизм угрозой для Европы, и, что если были бы другие условия, то империи следовало приложить все усилия, чтобы навести в Петрограде порядок. «Но поскольку мир должен быть заключен, сейчас империи ничего не остаётся сделать, кроме как устроить дела с нынешними правителями России» [17, st. 18; 14, Чернин Демблину №11, 10.12.1917].

Публикация Декрета о мире стала решающим фактом в ликвидации сомнений верхушки внешнеполитического ведомства империи и принятии ей позиции решения мира с Россией Чернина. Такое «предложение мира» было тепло принято как прессой, от главного имперского военного обозревателя – «K. u. K. Kriegspressequartier», до социал-демократической «Arbeiter-Zeitung», так и социал-демократической частью австрийского парламента – Рейхсрата [28; 26, s. 1878–1879; 7, s. 1715–1818]. С точки зрения Вены, учитывая позицию императора и Чернина, наиболее важным пунктом Декрета о мире было предложение прекратить войну. О. Чернин первым решился на инициативу: «воспользоваться ситуацией и оказать [вместе] им (Петрограду – М.Ч.) всю необходимую помощь для достижения свершившегося факта достижения мира», в том числе увеличивая их популярность возвращением русских солдат, благодаря прекращению огня, домой для раздела земли, объявленного Декретом о земле, предложив эту идею немецкому канцлеру Г. фон Гертлингу, через взаимные консультации с Берлином [14, Чернин Демблину, №11, 11.11.1917]. На следующий день после мирной демонстрации венских социал-демократов в поддержку мира – 12 ноября 1917 г. была опубликована статья Чернина во «Fremdenblatte», должная подтвердить интерес Вены к мирным переговорам с Россией [21, s. 112]: «Это должен быть мир без аннексий и контрибуций, в основе совпадающий с термином «дружественный мир» (Verstandigungsfrieden)». В ней содержалась следующая позиция Вены, поддержанная императором, и пересланная МИД Австро-Венгрии в том числе и своим союзникам: 1) признание нового российского правительства; 2) признание права нового российского правительства самостоятельно регулировать внутренние дела; 3) признание предоставления права на самоопределение народам Российской империи; 4) принятие предложения о мире без аннексии чужих территорий и контрибуций. Последнее в качестве жеста того самого «дружественного мира» [17, st. 20-21].

Позиция О. Чернина была поддержана в целом державами Четверного союза, за исключением того, что Берлин скептически отнёсся к скорому принятию идеи об отказе от территориальных претензий в свою пользу [14, Чернин Демблину, №20, 13.11.1917].

На это уже 16–17 ноября Чернин решился на личный ультиматум Германии, когда отмечал в консультациях с представителем МИД Германии принцем Г. Гогенлоэ, что не может полностью исключить односторонние действия Вены в случае, если немцы будут откладывать переговоры о мире с большевиками [14, Чернин Демблину, №41, 18.11.1917]. При этом он уточнил, что «намерение состоит не в том, чтобы сделать сейчас декларацию в адрес России [без Берлина – прим. М.Ч.], а скорее в том, чтобы дождаться возможного мирного предложения российского правительства, а затем сразу же ответить в том духе, который я предлагаю, для скорейшего заключения перемирия» [14, Чернин Гертлингу, 17.11.1917; 26, №5. s. 22-23]. 21 ноября после перехвата телеграммы из Петрограда главнокомандующему генералу Н. Духонину начать переговоры [15, Арц императору, №47.604, 21.11.1917]. Чернин немедленно отправил на фронт своего представителя и инструкции: 1) согласие на немедленное прекращение огня; 2) согласие на территориальное статус-кво; 3) гарантии взаимного невмешательства во внутренние дела; 4) скорейшее начало переговоров о возвращении военнопленных. Первое и последнее австрийский генштаб рассчитывал использовать для улучшения обстановки в Италии [8, s. 245, 252]. Фактически он получил, если не поддержку, то одобрение своего плана и австрийским генштабом в лице его главы А. Арца фон Штрауссенберга, доверенного лица императора по русским военным делам и будущего представителя командования в Бресте генерала М. Чичерича, а также эрцгерцога Евгения, командующего Юго-Западным фронтом (против Италии). Хотя они недолюбливали порой самовольную игру «первого министра» [17, st. 130; 8, s. 252-254, 256], чешский исследователь вопроса В. Горчичка не находил в депешах между ними противоречий в вопросах внешней политики во время переговоров.

Эти решения, принятые примерно за неделю до официального предложения о мире СНК 28 ноября, на которое Чернин ответил 29 ноября согласием, дают нам взгляд на предварительную австро-венгерскую позицию на переговорах, пока о перемирии. Она была уже сформированной, направленной на скорейший компромисс с большевиками и провозглашаемыми ими принципами Декрета о мире ради сохранения собственной империи в условиях затянувшейся

войны и постоянно откладывающегося национального вопроса. Через 2 дня после начала переговоров – 4 декабря посол от МИД империи граф К. Мерей уверял Чернина в скором завершении переговоров о перемирии [12, Мерей Чернину, №16, 4.12.1917].

Однако ложкой дёгтя не могли не быть оговорки в пунктах, разрешающих ограниченные братания солдат, что увеличивало рост советской пропаганды в австрийских частях, и сопротивление России в трактовке «всеобщего мира» лишь от Чёрного до Балтийского моря, ввиду отсутствия стран Антанты, а также отзыв советской делегации 6 декабря за новыми инструкциями ввиду плохой связи с Петроградом. Выехав из Вены, чтобы уже лично возглавить австро-венгерскую делегацию на новом этапе, О. Чернин помимо старых требований по достижению перемирия любыми средствами, в новых инструкциях вёз свою новую позицию с кроссминистерского совещания по переговорам, подтверждённую и Карлом I. В ней особо отмечалось: «Принципиально важно, чтобы безграничные аппетиты Верховного командования Германии не ставили под угрозу заключение мира» [17, st. 36-37; 12, Чернин Мерею, 14.12.1917], а также расположить большевиков настолько, насколько это возможно любыми переговорами, ибо прекращение огня с 17 декабря являлось лишь перемирием, но затем предотвратить любое их вмешательство во внутренние дела империи, в том числе путём пропаганды [10, Демблин Чернину, №24, 9.12.1917].

Однако «явная доброжелательность австро-венгерских посланников в Бресте, чтобы произвести наилучшее впечатление на российскую делегацию», многократные подтверждения заключить мир с Россией без взаимных аннексий, согласно программе Чернина [17, st. 55-56], разбивались о позицию главы советской делегации А. Йоффе «Инструкция о переговорах — на основе Декрета о мире», а также слова Йоффе 21 декабря о желании провести переговоры в итоге не с правительствами, а с нациями [4, с. 121-122; 17, st. 57; 12, Чернин МИД, №76, 21.12.1917]. Пункты «декретной программы мира Йоффе» под №3, в котором говорилось, что национальным группам, не имевшим политической самостоятельности до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о принадлежности к какому-либо государству или о своей государственной самостоя-

тельности путём свободного референдума, и №4, где упоминалось, что малым национальностям обеспечивается культурно-национальная и при наличии ряда условий административная автономия, категорически не могли быть приняты делегацией Австро-Венгрии [14, Демблин Чернину, 11.01.1918, Чернин Демблину, №6, 13.01.1918]. К 27-28 декабря советскую делегацию удалось уговорить на удовлетворяющие Австро-Венгрию по этим пунктам поправки. По третьей, что вопрос о статусе национальных групп, не имеющих государственной автономии, не может регулироваться на межгосударственном уровне и должен быть решён между государством и его народами отдельно, конституционным путем. По четвёртой, что по мнению государственных деятелей Центральных держав, защита национальных меньшинств является частью конституционного права наций на самоопределение. Кроме того, правительства упомянутых стран сами применят этот принцип везде, где это в то время практически осуществимо [20, s. 273-274].

Также проблемой переговоров и компромиссной политики в отношении мира без аннексий делегации Чернина стала и позиция наиболее экспансионистки настроенной части делегации Германии – представителя её Верховного командования генерал-майора М. фон Хоффманна, считавшего советскую делегацию не в положении требовать увода немецких войск из Курляндии и Литвы [25, s. 314-315], возможно учитывая худшее, по сравнению с немецким состояние русских войск и факт, что именно Советская Россия предложила перемирие. Это фактически вынудило О. Чернина вновь прибегнуть к давлению, подобно, когда его ещё ранее просил Мерей, когда ещё на предварительном этапе 12 –13 декабря Хоффманн стал агрессивно требовать ухода русских войск из Эстляндии и Лифляндии [23, № 37, s. 98; 10, Гогенлоэ Чернину, №784, 13.12 1917]. 19–20 декабря оно имело характер мягкого давления на немцев – давить фактом наличия свежих сил американцев во Франции, численность которых, по словам Чернина, с 50 тысяч могла в разы возрасти в скором времени и Германии нужно будет перебросить войска, в чём Австро-Венгрия поддержит свою союзницу [15, Демблин Чернину, №36, 19.12.1917]. 26–27-го оно имело характер обращения к своему немецкому коллеге Р. Кюльманну, с целью давления на своих

военных, который соглашался с его компромиссной позицией референдумов на занятых территориях, которую также по его словам принял Йоффе [12, Чернин МИД, 27.12.1917; 23, s. 171–172]. 8 января Чернин решился на ультимативную игру с немцами, провёл долгие переговоры с немецкой делегацией, в ходе которых он «дал понять, что мы предпочли бы отделиться от Германии, но не допустить крушения попыток заключения мира», с чем его на переговоры отправлял Карл I [14, Чернин Демблину, 09. 01.1918].

Ещё одним новым пунктом мирной программы Чернина стала поставка продуктов питания и сырья из России [19, s. 53]. Период переговоров 9 января – 11 февраля вёлся в условиях январских хлебных и рабочих забастовок в Австрии [21, s. 248-249]. Рупор австрийской социал-демократии «Arbeiter-Zeitung» призывал рабочих столицы всё сильнее требовать мира, ускорить переговоры и особенно включить вопрос о продовольственных поставках [15, Виснеру, 16.01.1918]. Сам император Карл I передал ответственность за развитие событий Чернину: не жертвовать миром в империи ради претензий Германии в Курляндии и Литве, которые упрямо отвергал новый глава советской делегации Л. Троцкий, и которые угрожали тупиком итоговому заключению мира [15, Демблин Чернину, 17 и 18.01.1918]. В телеграммах в Вену Чернин отвечал, что отдавал в таких условиях б`ольший приоритет теперь переговорам с Украиной с 15 января, не желающей с 28 декабря быть просто наблюдателем, когда, по её мнению, от всех народов бывшей Российской империи де-факто является СНК, которым тот сам же дал право на самоопределение: «…в отличие от Петрограда, они [Украина – прим. М.Ч.] могут помочь нам с зерном; они готовы немедленно заключить мир с Германией [и с Австрией – прим. М.Ч.]». Озабоченность германской делегации вызвала готовность признать первое же выработанное контрпредложение Украины: 1. Признание Украинской Народной Республики (УНР); 2. Делимитация её границ с передачей г. Холм с прилегающей территорией (кусочка на востоке Польши, находящейся под протекторатом Германии и Австрии); 3. Поставка Украиной 100 000 вагонов зерна к концу июня 1918 года (позже заменено на 1 млн тонн); 4. Секретный пункт о выделении Восточной Галиции и части Буковины в особую коронную землю под скипе-

тром Габсбургов [9, p. 74]. В результате Чернин выехал на 3–5 февраля в Берлин по поводу тупиковой ситуации в переговорах с Троцким, отказывающимся не только от территориальных требований Германии, но и необходимых для Германии и Австро-Венгрии гарантий мира с Украиной. Не соглашаясь поначалу на военные меры, он всё же принял компромиссный черновик своего немецкого коллеги Кюльманна. В нём отмечалось, что сначала нужно повторно применить общее давление на Троцкого, лишь в противном случае предъявить уже ультиматум с угрозой возобновления военных действий. Однако он убедил Германию пожертвовать Холмом, если она хочет видеть Австро-Венгрию жизнеспособным союзником и оставить Галицию на совести Вены, ибо Германия территориально ничего не теряет [10, Протокол берлинских переговоров, 5.02.1918; 25, s. 387-392].

На условия Украины ещё 22 января был в целом согласен совет министров Австрии, премьер-министр Венгрии Ш. Векерле и представители генштаба монархии [16, Заседание 22.01.1918]. Однако после срыва переговоров в Бресте и отъезда советской делегации 11 февраля в итоге император Вильгельм II принял сторону Верховного командования Германии в вопросе о возобновлении военных действий 17 – 18 февраля [17, st. 122]. Однако в этот раз Карл I не хотел возобновления войны под каким-либо предлогом, кроме как защиты своей империи, а также ввиду парламентских волнений, где протестовали против таких самоличных решений дипломатов [13, Чернин Гогенлоэ, 19.02.1918]. Глава генштаба фон Штрауссенберг поддерживал Чернина, ссылаясь на факт, что когда перемирие окончилось, оно окончилось не только для Германии, но и для всех её союзниц [17, st. 130; 20, s. 289-292], однако отказывался предпринимать самостоятельные перемещения войск без решения императора особенно ссылаясь на отсутствие каких-либо оборонительных соглашений с УНР, а также плана действий между германским и австрийским командованием [11, Арц Гиндебургу, №1040, 17.02.1918; 9, p. 99-100]. Чернин информировал императора, о том, что посол в Копенгагене О. фон Франц сообщал в это же время, что датские дипломаты считают позиции большевиков слабыми, Берлин четко заявил, что в случае только немецкого военного присутствия эко-

номическое использование территорий, оккупированных немецкими войсками исключительно под Германию при новых переговорах [11, Гогенлоэ Чернину, №31, 19.02.1918 и Франц Чернину, №101, 23.2.1918; 17, st. 130-131]. Лишь 25 февраля император отдал приказ о наступлении австрийских войск по плану фон Штрауссенберга по направлению Подволочинск – Одесса, когда российская делегация вновь отправилась в Брест [11, Шторк Чернину 27.02.1918; 18, s. 42-44]. Доверенное лицо императора генерал М. Чичерич сообщил от имени монарха и генштаба империи в Бресте 27 февраля 1918 года, что австро-венгерские войска выступили, но лишь «против насилия и грабежа большевиков на Украине», лишь по многочисленным просьбам местных представителей Центральной Рады Украины, а 28-го вновь прибывшую российскую делегацию [11, Арц Чернину 27.02.1918; 18, s. 42-44]. Австрийцы, наступая на одесском направлении вдоль железной дороги Тарнополь – Жмеринка – Вапнярка, быстро заняли Волынь и Подолье, практически не встречая сопротивления уже к моменту заключения мира 3 марта. Одесса была занята уже после заключения мира 12 – 13 марта [18, s. 42-44, 66, 154-156].

Факт, что глава внешнеполитического ведомства исходил из принципа принятия важных дипломатических решений совместно с главным союзником Австро-Венгрии – Германией, консультаций со своими немецкими коллегами, согласия на поддержку агрессивных методов даже не всей делегации, а германского командования в подталкивании к переговорам, можно неверно использовать для трактовки внешней политики Австро-Венгрии как соглашательской, подчинённой Германии. Однако, несмотря на то, что в военном плане империя Габсбургов и уступала Германии, неправильно рассматривать её правителей и во внешнеполитическом плане как послушных ведомых Берлина. У них были свои планы, взгляды и методы решения как по окончанию войны, которые к 1918 г. фактически отождествлялись с сохранением внутриполитической стабильности и целостности своей страны, страны с до сих пор неразрешенным вопросом о национальностях, так и на внешнеполитические ходы Германии, на которые имели возможность реагировать и реагировали не так, как удобно было бы последней.

Список литературы

1. Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI-XX вв.): [сборник статей] / Рос. гос. гуманит. ун-т [и др.]; [д.и.н., проф. И.В. Крючков (отв. ред.) и др.]. СПб: Алетейя, Историческая книга, 2011. 487 с.

2. Барбашина О.И. Проблемы новой истории Австрии в российской исторической науке: дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 255 с.

3. Зотова А. В., Полторак С.Н. К 100-летию Брест-Литовского договора: зарубежные источники // Вопросы истории. М., 2019. №1. С. 150–161.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Политиздат, 1974. С. 121–122.

5. Полторак С.Н. Брестский мирный договор 1918 г.: источники, историография и перспективы исследования // Сборник докладов. Межвузовская научная конференция «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». СПбГЭУ«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). 2015. С. 34–43.

6. Bludnikow B. Denmark during the First World War // Journal of Contemporary History. 1989. Vol. 24. № 4. P. 683–703.

7. Die Habsburgrermonarchie Bd. 8: Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft, teilbd. 2. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung, hrsg von Peter Urbanitsch, Wien: Österr. Akad. der Wiss., 2006. 1493-2832 s.

8. Eder H. Der General Der K. u. K. Armee und geheime Rat Maximilian Csicsercs von Bacsany. Diss. Dr. phil., Universität Wien, 2010. 356 s.

9. Fedyshyn O.S. Germany's Drive to the East and the Ukranian Revolution, 1917–1918, New Brunswick: Rutgers University Press, 1971. 401 p.

10. Haus-, Hof- , und Staatsarchiv, Politisches Archiv (Далее – HHStA, PA) Kt 504 Liasse XLVII 3/17-22, I (Allgeneines,rot, Далее P.A.I.).

11. HHStA, PA Kt 836 Liasse Krieg 3f, Russland 1918, 3g-k, Russland 1917-1918, P.A.I.

12. HHStA, PA Kt 1052 Liasse Krieg 69,70/1 Friedenversverhandlungen, P.A.I.

13. HHStA, PA Kt 1053 Liasse Krieg 70/1 Friedenversverhandlungen, P.A.I.

14. HHStA, PA Kt 262 Telegr. an Demblin 1917-1918, XL (Interna) (Далее P.A.XL.).

15. HHStA, PA Kt 263 Telegr. von Demblin 1917-1918, P.A.XL.

16. HHStA, PA Kt 315 Protokolle des gemeinsamen Miniserrates 1918, P.A.XL.

17. Horcicka V. Rakousko-uherska politika vuci sovetskemu Rusku v letech 1917–1918. Praha: Universiteta Karlova v Praze Nakladatelstvi Karolinum, 2005. 256 st.

18. Karner St. (hrsg von) Die Besatzungder Ukraine 1918. Historischer Kontext – Forschungsstand – wirtschaftliche und soziale Folgen. Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituks für Kriegsfolgen – Forschung. Graz – Wien – Klagenfurt, 2008. 223 s.

19. Lorenz R. Kaiser Karls Friedenbestrebungen // Österreichische Militärische Zeitschrift, Sonderheft 1, 1967. S. 44-62.

20. Meckling I. Die Aussenpolitik des Grafen Czernin, Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1969. 371 s.

21. Neck R. Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrig 1914-1918, Bd I. Der Staat, teilbd. 2. Vom Juni 1917 bis zum Ende der Donaumonarchie im November 1918, Wien: Europa-Verlag, 1968. 735 s.

22. Neues 8 Uhr Blatt, Nr. 917, 3 October 1917 «Das befristete Friedensanbot. Zur Rede des Grafen Czernin».

23. Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Bd 8. Der Friede von Brest-Litowsk // Bearb. von W. Hahlweg, Dusseldorf: Droste, 1971. 737 s.

24. Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Wien– Graz– Köln: Styria Verlag, 1993. 719 s.

25. Steglich W. Die Friedenspolitik der Mittelmachte 1917/1918, I, Wiesbaden: Steiner, 1964. 593 s.

26. Stenographische Protokolle uber die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates im Jahre 1917 und 1918, XXII Session, Wien, 1917-1918. URL: http://alex.onb.ac.at/spa.htm#XXII (дата обращения 29.09.2019).

27. Stevenson D. The Failure of Peace by Negotiation in 1917 // The Historical Journal, vol. 34, no. 1. 1991. P. 65– 86.

28. Suppan A. «Eine Revolution für den Frieden» – Kommentare und Berichte zur Russischen Oktober-Revolution in der Wiener «Arbeiter-Zeitung». Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 75. Wiesbaden: Hassarowitz, 2009. S. 403–423.

Баскаков Сергей Алексеевич,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Ратьковский Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент

Реквизиционная политика С.Н. Булак-Балаховича в 1918 году

Requisitioning policy of S.N. Bulak-Balakhovich in 1918

Аннотация. *В данной статье рассматривается реквизиционная политика командира 1-го конного Партизанского Лужского полка по отношению к крестьянству в окрестностях Луги в 1918 году в рамках Гражданской войны в России.*

Ключевые слова: *Гражданская война в России; Булак-Балахович; реквизиция; 1918 год.*

Abstract*. This article discusses the requisitioning policy of the commander of the 1st cavalry partisan Luga regiment in relation to the peasantry in the vicinity of Luga in 1918 in the framework of the Civil war in Russia.*

Key words*: Civil war in Russia; Bulak-Balakhovich; requisition; 1918.*

С.Н. Булак-Балахович вошёл в историю как партизан императорской, а затем и Красной армии, перебежавший на белую сторону, закончивший свою жизнь, будучи польским генералом. Его имя связанно с многими жестокостями, которые он совершил будучи как и красным, так и белым командиром. Самые «чёрные» дни его деятельности приходятся на момент пребывания балаховцев в Пскове в 1919 г. уже под белыми знамёнами, но и на красной стороне они запомнились своими реквизициями и жёсткими подавлениями крестьянских восстаний в окрестностях Луги.

Какие-то эпизоды жестокости за Балаховичем явно наблюдались ещё во время Первой Мировой войны и до его вступления в ряды красной армии. Ведь не зря в своих биографиях он так активно пытается опровергнуть какие-то гнусные слухи, распускаемые о нём врагами [18, с. 162].

Немного об этом пишет и Родзянко в своих воспоминаниях. Ему довелось встретиться впервые с Балаховичем ещё во время Первой Мировой, его часть одно время находилась недалеко от Пунинского отряда в котором служил будущий атаман. Родзянко хоть и признаёт героизм партизан, называет их страшным сбродом. Они пытались украсть из его части всё, что возможно, поэтому им даже приходилось открывать огонь по пунинцам. У партизан, по мнению Родзянко, сложилось впечатление, что они могут беспрепятственно грабить, пользуясь своим положением. Формирование партизанских отрядов развращало людей, подталкивало их к разбойничеству и грабежам [14, с. 10-11].

Вероятно, такое убеждение в своей безнаказанности сохранялось у Балаховича во время службы и у красных, и у белых. О самих балаховцах Родзянко пишет, что они бандиты, и при поступлении на службу им задавали два определяющих вопроса: «Водку пьёшь?» и «Сколько людей убил?» [14, с. 10-11]. Современник событий 1918 г. Дроздов пишет, что балаховцы стояли за командира горой и ценили в своём «батьке», то, что он поощрял их разбои [9, оп. 5-1, д. 2283]. Вся дисциплина у балаховцев держалась на авторитете атамана, который поощрял грабежи [9, оп. 5-2, д. 2457; оп. 5-1, д. 2283]. О разбойническом характере отряда Балаховича упоминает и адмирал В.К. Пилкин [13, с. 64].

Первые случаи недовольства крестьян, которые зафиксированы в источниках, приходятся на момент формирования Партизанского полка под командой Станислава Никодимовича. Балахович, имея мандат на формирование полка, изымал у крестьян кавалерийских лошадей, которых они приобрели за бесценок у демобилизованных кавалеристов и использовали для посева. Атаман считал, что такие лошади не годятся для посевных работ, и как государственное имущество, были отобраны у крестьян на нужды полка. В Лугу потянулись ходоки с жалобами. Из сообщения председателя Лужского совета Сондака мы знаем некоторые детали: «Появился какой-то отряд солдат: ходят по деревням, отбирают у крестьян лошадей и фураж, денег не платят и ведут себя вызывающе». Сондак хотел выяснить, что это за отряд, но вскоре к нему пришёл сам Балахович (при этом назвавшись литовцем) с мандатом на формирование полка. Однако

Сондака это не удовлетворило. Он отправил своего секретаря в Петроград для выяснения обстоятельств, оттуда ему велели оказывать Балаховичу содействие [17, с. 309-310]. Об этом же пишет другой очевидец тех событий коммунист-агитатор Громов. Была даже создана специальная комиссия по рассмотрению жалоб, связанных с действием Балаховича, однако Петроградское командование закрывало на это глаза, приказало содействовать Балаховичу, в итоге ему было дополнительно передано Лужским военкоматом 300 лошадей [9, оп. 5-2, д. 2457].

Как мы видим, Булак-Балахович забирал у крестьян не только лошадей, но и фураж, при том безвозмездно. Хрисанфов в своей статье указывает, что Балахович, по заверениям современников, был человек «разгульной натуры» [17, с. 309-310], что вполне могло сказываться и на его действиях.

Есть версия, что всё время службы у красных Балахович вёл себя с крестьянами варварским образом, дабы дискредитировать в их глазах советскую власть. Например, об этом пишет его современник Горн. Балахович, по его словам, сам признавался в жестоком обращении с крестьянством, но делал он это лишь с одной целью: «Дабы довести ненависть к большевикам до озверения» [5, с. 46]. Возможно, Балахович действительно такое говорил, ведь это не единственное свидетельство. Зуров, например, пишет, что у офицерства сформировалась целая тенденция поступать на службу красным, и утрируя приказы, дискредитировать советскую власть своей жестокостью [6, с. 19]. Но насколько это применительно к Булак-Балаховичу? Вряд ли дело тут было только в дискредитации большевиков, ведь свою жестокую политику он только усилил, перейдя на белую сторону.

Так или иначе, крестьяне действительно начинали испытывать ненависть к большевикам. Например, однажды, Балахович изъял в деревне Нелай овёс для своих лошадей, а крестьяне после этого «ругали большевиков» [17, с. 311]. Алексеев так же указывает на свидетельства о том, что балаховцы «шарят в оградах» и снимают урожай у крестьян [1]. Некто Кузьмин, служивший у Балаховича, тоже рассказывает, что они «обижали крестьян»: пороли их шомполами и отбирали лошадей [17, с. 311].

А.И. Черепанов[1] однажды наблюдал картину, как комиссар Фабрициус отчитывал балаховцев за мародёрство. Те, посланные за фуражом, угнали у крестьян корову и несколько овец [17, с.311-312].

Позже председатель псковского губисполкома сообщал о событиях лета 1918 г., связанных с отрядом Балаховича: «…отряд вел явно провокационную работу в деревне. На его зверские "реквизиции" и вообще его манеру от крестьян постоянно приходилось слышать жалобы. Когда вследствие этого поднималось крестьянское восстание, Балахович ехал и усмирял его со страшной жестокостью…» [3, с. 130].

А.А. Иконников-Галицкий упоминает, что в ходе подавления Балаховичем восстаний «шашками вырубались целые селения». При этом ссылаясь на донесения Петроградскому командованию за август, т.е. когда балаховцы были ещё на красной стороне, эти данные можно даже назвать полуофициальными [8, с. 396].

Сам комиссар Фабрициус пишет, что по приказу Балаховича в Елизаровском монастыре на паперти выпороли двух попов за то, что они крали драгоценности с икон [15, с. 253].

В.П. Виноградов в воспоминаниях пишет, что ему довелось встретить Балаховича, о котором он слышал много жалоб от населения всего за несколько дней до его перехода на белую сторону. Он вёл себя развязно и шумно, позволяя себе хозяйничать в крестьянском доме [4, с. 363]. О хозяйничестве в чужих домах пишет и Т.В. Васильев. Однажды летом Балахович заявился к крестьянам, потребовал, чтобы его накормили, а каждому коннику набили мешки овсом [9, оп. 5-2, д. 2399].

Интересным свидетельством относительно действий Булак-Балаховича являются воспоминания некого Нео-Сильвестора, который во время пребывания Балаховича в Луге служил там начальником уголовного розыска. Ему поступали многочисленные жалобы с просьбами усмирить балаховцев, которые забирали с огородов весь урожай. Нео-Сильвестр позвонил Балаховичу и попросил прекратить реквизиции. Тот же ответил, что он обратился «не по адре-

[1]Прим.: Александр Иванович Черепанов – советский военачальник, генерал-лейтенант.

су» и пусть просит председателя Лужского совета выделить ему провиант, тогда он и прекратит реквизицию. Нео-Сильвестр заметил, что ведь тогда его людей арестуют. В ответ на это Балахович пригрозил «разнести по кирпичикам» всю милицию, а председателя повестить на фонаре. Позже была предпринята попытка арестовать трёх балаховцев, но вовремя подъехал сам Батька и милиция бросилась в рассыпную [12, с. 117-120]. Как мы видим, Балахович не только терроризировал население, но и не считался с местной властью, пользуясь покровительством из Петрограда. Пишет Нео-Сильвестр и о переходе Балаховича, но в этом месте его рассказ сильно путается, например, к нему будто бы сразу после перехода ворвался «заместитель Урицкого» и спросил прямой провод с «Ленинградом» для связи с самим Урицким, который уже как два месяца был мёртв к тому времени [12, с. 122].

Есть так же показания красноармейцев Виноградова и Боброва, которые видели бесчинства людей Балаховича в деревне Берёзки и позднее опознали одного из причастных, перешедших вместе с отрядом в Псков, но оставшегося в городе после прихода Красной армии [10, с. 77].

Имеются так же воспоминания сына командира 47-го Гдовского полка Ивана Богомаза. Он тоже пишет, что балаховцы постоянно участвовали в мародёрствах, дебошах и пьянках. Иногда даже в пьяном виде дрались с другими красноармейцами. Уже позже в 1919 г., они нашли командира Гдовского полка, лежавшего дома больным, и расстреляли [2, 53].

Тот же Черепанов вспоминает: «Действия полка Булак-Балаховича подрывали престиж Советской власти. Так, например, при подавлении кулацкого мятежа в Лужском районе Булак-Балахович, прикрываясь данными ему чрезвычайными полномочиями, сжег несколько деревень и без суда расстрелял захваченных мятежников. И вот в начале ноября Я. Ф. Фабрициус получил телеграфное донесение о том, что, рассеяв боевое охранение, Булак-Балахович увел свой полк к Пскову. В штабе изменник оставил записку на имя военного комиссара Фабрициуса, в которой с глумливым злорадством писал, что все зверства при усмирении кулацких мятежей осуществлялись сознательно, “дабы довести ненависть к большевикам до озвере-

ния”» [16]. Была ли эта телеграмма на самом деле или нет? Неизвестно, но получается, мнения о доведении до озверения есть у двух независимых источников: Горна и Черепанова, это подтверждает, что Балахович говорил эти слова, и возможно действительно умышленно, подрывая авторитет большевиков, но это не умоляет его зверств, которые он учинял на белой стороне. Об умышленной «белобандитской» политике, с целью подрыва авторитета советской власти пишет и Н.В. Барановский [9, оп. 5-2, д. 2590].

Свидетели действий Станислава Никодимовича говорят, что Балахович, отбирая лошадей или «наказывая» крестьян, любил приговаривать: «Это тебе от Советской власти!» [17, с. 312-313]. Об этом же пишет и коммунист Ковет, а также о том, что Балахович, помимо уже известных нам эпизодов грабежа, накладывал на отдельные деревни и лица контрибуцию [9, оп. 5-2, д. 2602].

Вот ещё одно свидетельство, относящиеся к подчинённым Балаховича: «Помощник взводного инструктора отряда Балаховича, до перехода его к белым, был назначен начальником разоружительного отряда одной из волостей Лужского уезда. Свое назначение использовал прекрасно с точки зрения Балаховича, цель которого была в подобных случаях создать враждебное отношение всех крестьян без различия их имущественного отношения к Советской власти вообще и к Красной армии в частности. Ковалев при выполнении своей задачи выполнял максимум грубости и злонамеренной жестокости, которые сопровождались незаконными реквизициями, беспричинными арестами крестьян, вымогательствами, кражами, продажей краденого и т.д.» [7].

Если сравнить реквизиции Балаховича с «Кровавом режимом немецкой оккупации», как о нём пишет Н. Корнатовский, то выяснится, что немцы были весьма гуманны к населению, по крайней мере, они платили за реквизированное имущество [11, с. 12].

Таким Булак-Балахович запомнился на красной стороне, перейдя в начале ноября в Псков. Но это, как говорится, были «цветочки». По выражению Иконникова-Галицкого, «Звездный час его был впереди» [8, с. 396].

В целом, можно заметить излишне жестокий нрав Балаховича и его людей. В его действиях безусловно можно увидеть прямой

умысел в «доведения ненависти к советской власти до озверения», но ещё больше сказались его личностные качества, ведь жестокость с усилением его власти возросла пропорционально. Например, в 1919 г. за время трёх месяцев власти Балаховича было уничтожено 47 деревень, более 900 дворов [9, оп. 5-2, д. 2609]. Но и на красной стороне, обладая небольшой властью и силой, он использовал их по максимуму. Балаховцы не только бесплатно отнимали крестьян имущество, но в отдельных случаях накладывали контрибуции. Политика С.Н. Булак-Балаховича действительно могла отвернуть часть крестьянства от советской власти.

Список литературы

1. Алексеев Д.Ю. Отряд Балаховича в 3-й Петроградской дивизии РККА (1918 год). // Война и Оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть I. ВИМАИВиВС, СПб. 2016.

2. Богомазов Вс. И. Отец. Л., 1982.

3. Васильев М.В. Учет и реквизиция продовольствия в Псковской губернии 1917-1920 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 37. Псков, 2012.

4. Виноградов В.П. Годы огневые//От Зимнего до Перекопа. М., 1978.

5. Горн В.Л. Гражданская война на северо-западе России / Василий Горн. Берлин: Гамаюн, 1923. 416 с.

6. Зуров Л.Ф. «Формирование северной армии». // Белая Гвардия, Альманах. №7. Посев, М., 2003. 293 с.

7. Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. №114. 1919. 23 мая.

8. Иконников-Галицкий А.А. Три цвета знамени. Генералы и комиссары. 1914–1921. М., 2014 г.498с.

9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Ф. Р-4000 – Ленинградский институт историко-политических исследований, Смольнинский район, Ленинград - Санкт-Петербург.

10. Калкин О. А. На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах - участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918-1922 гг. Псков, 2003.

11. Корнатовский Н. Крах немецкой оккупации на Псковщине. 1918 год. Л.: Лениздат, 1941.

12. Нео-Сильвестр Г. Батько Булак-Балахович (Рассказ судебного следователя). Возрождение. Тетрадь 16. Paris, 1951.

13. Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: дневник 1918-1920 / адмирал В.К. Пилкин. М.: Рус. путь, 2005. 638 с.

14. Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-западной армии. Берлин, 1921.

15. Травинский А. Фабрициус Я. Две измены//Гражданская война, 1918–1921, изд. Военный вестник, М., 1928 г.

16. Черепанов А.И. Строители Красной Армии//Питерцы на фронтах Гражданской войны. Л., 1970.

17. Хрисанфов В.И. 1918 год: пребывание С. Н. Булак-Балаховича в Луге // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. №2. СПб., 2010.

18. Zyciorys gen. Stanisława Bulak-Bałachowicza // Białoruskie Zeszyty Historyczne, nr 2 (4). Karpus Z. Latyszonek O. Białystok, 1995 r.

Мишин Егор Викторович,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ратьковский Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент

Закрытие петроградской резиновой фабрики «Треугольник» в феврале 1918 г.

Closure of the Petrograd rubber factory «Treugol'nik» in February 1918

Аннотация. *В статье на основе архивных материалов рассматриваются причины и обстоятельства временного закрытия фабрики «Треугольник» в Петрограде. Обстоятельства закрытия завода и сопутствовавшие этому дискуссии показывают сложность и комплексность проблем, связанных с закрытием одного конкретного предприятия, а также важность «Треугольника» для экономики молодой Советской республики. Автор приходит к выводу о том, что дефицит бензина стал главнейшей причиной остановки производства.*

Ключевые слова: *фабрика «Треугольник»; резиновая промышленность; Гражданская война; сырьевой кризис; пролетариат; эвакуация; национализация; 1918; Петроград.*

Abstract*. The article examines the reasons and circumstances of the temporary closure of the factory «Treugol'nik» in Petrograd on the basis of archival materials. The circumstances of the closure of the plant and the discussions that accompanied it show the complexity and complexity of the problems associated with the closure of one particular enterprise, as well as the importance of the «Treugol'nik» for the economy of the young soviet republic. The author comes to the conclusion that the shortage of gasoline was the main reason for stopping production.*

Key words*: the factory «Treugol'nik»; rubber industry; Civil war; raw materials crisis; proletariat; evacuation; nationalization; 1918; Petrograd.*

Октябрьская революция открыла новый этап в жизни петроградского пролетариата, однако период осени 1917 г. – весны 1918 г. стал временем новых лишений: усугублявшийся дефицит продовольствия, топливный и сырьевой кризисы, угроза немецкой ок-

купации, болезненная конверсии оборонных предприятий. Всё это вело к деурбанизации города и упадку промышленности. Надвигающейся разрухе сопутствовало закрытие ряда предприятий.

В этих условиях рассматриваются причины и обстоятельства временного закрытия фабрики Товарищества Российско-Американской мануфактуры «Треугольник» в Петрограде в феврале 1918 г.

Работа выполнена на основе архивных материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб) (фонды Р-1360 и Р-4713): доклады, протоколы заседаний и отчёты Правления товарищества; протоколы заседаний завкома и цехкомов; протоколы межведомственных совещаний; делопроизводственная переписка и др.

Фабрика «Треугольник» – крупнейшее резиновое предприятие Европы, обеспечивавшее спрос российского рынка на ряд изделий: начиная с галош, качество которых было признано на международном уровне и заканчивая противогазами и тканями для аэростатов для императорской армии. Расцвет предприятия пришёлся на годы Первой Мировой войны в связи с крупными военными заказами.

Однако политические события в стране и макроэкономическая ситуация не могли не повлиять на успешное предприятие: после Февральской революции фабрика начинает терять доходы, а позже и вовсе нести существенные убытки. Летом 1917 г. в виду расстройства транспорта предприятие стало испытывать недостаток бензина (важнейшего сырья в резиновом производстве – Е.М.), зимой сообщение с Кавказом – главным нефтяным районом России – было прервано, и в феврале 1918 г. запасы бензина полностью иссякли [6, л. 8].

Зимой с 1917 на 1918 г. Петроград охватил глубокий сырьевой и топливный кризис. В этом отношении «Треугольник» чувствовал себя благополучнее других предприятий: на фабрике имелись значительные запасы различного сырья, но бензина и мазута было не так много. В этих условиях произошёл конфликт с Путиловским заводом. В связи с изданным 9 декабря 1917 г. декретом о демобилизации промышленности [1, с. 196-198] Путиловский завод пытался переключиться на мирное производство. Для этого ему требо-

валось топливо (мазут), которое было запрошено в «Треугольнике». Завком фабрики был готов отдать лишь часть своего запаса топлива, притом втридорога, объясняя это тем, что предприятие должно покрыть амортизацию недавно закупленных баков, которые останутся пустыми [3, с. 464].

На VI Конференции фабрично-заводских конференций Петрограда (22–27 января 1918 г.) по этому поводу состоялась небольшая полемика. Председатель Конференции Животов, выступая по вопросу о топливе, говорил: «И заводской комитет [“Треугольника”] настолько упорен, что прямо заявляет, что же вы, путиловцы, не позаботились вовремя, а теперь хотите топливо отобрать от наших рабочих и оставить их без работы. Заботьтесь сами о себе, а мы вам давать не будем. Это может быть патриотично и очень хорошо для рабочих “Треугольника”; может быть, заводской комитет “Треугольника” и старается для своих рабочих, но для страны это нехорошо, а также и для рабочего класса, который бьется в судорогах, чтобы оживить промышленность» [5, с. 339]. Представитель «Треугольника» Смирнов отвечал: «Я напоминаю товарищам путиловцам, что они много говорят и много помнят, но на деле ничего нет. Тут указывали на Донецкий бассейн, но было ли послано туда, чтобы получить от них топливо? Я думаю, что нашему Треугольнику нечего было ехать туда. <…> товарищам путиловцам я ещё раз напоминаю, что надо самим стараться» [5, с. 354].

В конце концов, конференция постановила Отделу по топливу районного Совета народного хозяйства немедленно взять на свой учёт всё топливо, а также все излишки, превышающие двухмесячный запас, и передать в своё ведение и распоряжение [5, с. 444-445].

Неопубликованные документы фонда Р-1360 раскрывают некоторые детали этого конфликта. Так, объём выдачи топлива должен был составить 100 тыс. пудов. Завком «Треугольника» мог выдать лишь 50 тыс., объясняя это тем, что уже были отпущены значительные запасы мазута «Электрическому обществу 1886 года» и водопроводу [7, л. 9-10]. При этом в своей речи Животов говорит о 60 тыс [5, с. 338].

Этот эпизод демонстрирует, что в кризисных ситуациях рабочие были готовы отстаивать интересы своего предприятия, даже

если это вносило дезорганизацию в общегородскую экономику. Такие «патриотические» настроения и проявились рабочими и завкомом «Треугольника».

С начала 1918 г. фабрика работала с перебоями. 19 января прекратилась работа во всех мастерских из-за отсутствия бензина и невозможности его получить в скором времени [2]. В тот же день на совместном заседании Завкома и Цехкомов рабочий Иванов докладывал, что результаты розыска бензина по станциям ни к чему не привели, 2 цистерны бензина были реквизированы, 20 цистерн задержаны частично у Каледина, частично Украинской Радой. Было решено обратиться в СНК, чтобы получить право на реквизицию бензина в Саратове и на поездку в московскую резиновую фабрику «Проводник» [7, л. 6]. Но комиссариат труда и промышленности не дал такого разрешения и посоветовал поехать в Баку [7, л. 7]. Правление «Треугольника» в своём годовом отчёте по этому поводу заключает: «Не смотря на все предпринятые Правлением меры, вплоть до посылки особых делегаций от администрации и рабочих завода в Бакинский район, возбуждения ходатайств перед Правительством, обращения за содействием к общественным организациям и т.п., получить необходимый бензин не представилось возможным» [6, л. 8].

Ситуация не налаживалась, и поэтому 27 января на совместном заседании завкома, цехкомов и заводоуправления последнее подняло вопрос о расчёте рабочих. Представители рабочих усомнились в достаточности предпринятых администрацией мер по соисканию бензина и решили по этому поводу собрать комиссию [7, л. 8]. 31 января фабричный комитет беспрерывно заседал, выясняя причины остановки. Некоторыми рабочими высказывалась уверенность в «саботаже» дирекции. Комитет постановил уплатить за остановку трёхмесячным жалованием. Также для воспрепятствования отправки товаров было решено опечатать склады, а для добычи бензина отправить делегатов в региональные отделения «Треугольника» и московские резиновые фабрики [4]. Думается, рабочие посчитали остановку завода окончательной (что в тех условиях было более чем реально) и поэтому решили предъявить требования о выдаче жалования. С другой стороны, недоверие к администрации порож-

дало мнение, будто руководство фабрики намеренно пыталось её закрыть.

В то же время судьба завода решалась в правительственных кругах. Однако совещания в ВСНХ по организации резиновой промышленности, которые проходили 17 и 19 января, ничего не дали [8, л. 1-13], и 25 февраля было созвано межведомственное совещание для определения дальнейшей судьбы завода.

В фонде ЦК Союза конторских служащих Т.Р.А.Р.М. «Треугольник» (ЦГА СПб. Ф. Р-4713) сохранились протоколы заседаний этого совещания, а также дополнительных собраний. Эти материалы позволяют уточнить обстоятельства закрытия завода, проследить процесс выработки механизма закрытия завода.

Первое заседание состоялось 25 февраля 1918 г. В нём участвовали представители ВСНХ, Комиссариата Труда, Продовольствия, Путей сообщения, Морского министерства, представители Правления «Треугольника», рабочих, Союза конторских служащих, Союза мастеров, Союза инженеров – всего почти 40 человек. Главный вопрос, стоящий на повестке дня, – закрыть ли завод немедленно (и рассчитать всех рабочих) и если закрыть, то на каких условиях. Некоторыми участниками совещания, надеявшимися, что через 1,5 – 2 месяца будет получен бензин, выдвигались предложения не рассчитывать рабочих. В целом, представители правительственных структур высказывались против закрытия завода, при этом не предложив со своей стороны идей по выходу из создавшегося положения. Напротив, представители заводоуправления настаивали на закрытии «Треугольника» [9, л. 1-2об].

26 февраля состоялось повторное заседание Совещания, дополненное представителями от Военного ведомства и товарищества бр. Нобель. В ходе обсуждения стало окончательно ясно, что в ближайшее время бензин получить неоткуда, и потому Совещание решило приостановить производство. Теперь главной темой прений стали условия расчёта рабочих [9, л. 6-22об]. На последующих совещаниях (27, 28 февраля, 1 марта) выяснялись детали расчёта треугольниковцев, условия оплаты оставшихся рабочих и служащих, вопросы временного управления предприятием [9, л. 27-28об, 35-36, 39-65].

В итоге были приняты следующие условия расчёта. Расчёт получают все рабочие и служащие с 27 февраля за полтора месяца вперёд; в случае возобновления работ все бывшие рабочие и служащие принимаются обратно по мере развития работ; для заведывания заводом создаётся комиссия из представителей администрации, рабочих и служащих [2; 9, л. 29, 33].

Обсуждение создавшегося положения происходило и в рабочей среде. Выяснилось, что рабочие больше склонялись к закрытию завода, что повлияло на результаты межведомственного совещания от 26 февраля. Такое поведение рабочих было вызвано тревожными настроениям, вызванные наступлением немцев, тягой в деревню [2].

По решению межведомственного совещания, из представителей нижеприведённых заводских организаций была избрана особая распорядительная комиссия в количестве 27 человек, на которую было возложено решение вопроса об оставлении после расчёт необходимых рабочих и служащих [7, л. 17об; 10, л. 1].

Из 15 123 рабочих после массового расчёта осталось всего 756. Среди них были строительные рабочие, ремонтники, грузчики, металлисты, оставленные ещё решением Завкома от 30 января для производства ремонтных работ, отправки грузов, поддержания работы машин [7, л. 11]. Помимо них на предприятии числились представители общественных организаций: кооператив, столовая, Завком (35 чел.), Совет рабочих депутатов, Президиумы конторщиков, мастеров, инженеров, машинистов, Цеховых комитетов, профессионального союза, контрольная комиссия и др [7, л. 17, 18]. Также осталась небольшая группа рабочих для охраны и содержания в порядке завода [11, с. 173].

В результате 28 февраля 1918 г. фабрика «Треугольник» временно закрылась. Бензиновый кризис стал главнейшим фактором остановки «Треугольника» и проблемой, которую в условиях гражданской войны не удавалось решить до конца 1918 г. Обстоятельства прекращения производства и сопутствовавшие этому дискуссии показывают сложность и комплексность проблем, связанных с закрытием одного конкретного предприятия, а также важность «Треугольника» для экономики молодой Советской республики.

Таким образом, начался период консервации предприятия, который продлился до декабря 1918 г., когда было налажено производство резиновых подошв для армейских сапог.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

2. Дело народа. 1918. 30 марта (Петроград).

3. Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г) / пер. с англ Е.В. Лавриной. М.: Новый хронограф, 2015. 543 с.

4. Новый луч. 1918. 16 февраля (Петроград).

5. Октябрьская Революция и Фабзавкомы: Мат. по истории фабрично-заводских комитетов. Часть 4. Шестая Конференция ФЗК Петрограда 22–27. I.1918. / сост. проф. Е. Цудзи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 512 с.

6. ЦГА СПб. Ф. Р-1360. Оп. 1. Д. 9.

7. ЦГА СПб. Ф. Р-1360. Оп. 17. Д. 23.

8. ЦГА СПб. Ф. Р-4713. Оп. 1. Д. 4.

9. ЦГА СПб. Ф. Р-4713. Оп. 1. Д. 5.

10. ЦГА СПб. Ф. Р-4713. Оп. 1. Д. 7.

11. Шабалин Б.И. Красный треугольник: 75 лет. 1860-1935. М.; Л.: История заводов, 1935. 339 с.

Корнилова Лидия Филипповна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Цыпкин Денис Олегович, кандидат исторических наук, доцент

Борьба идеологий: традиционализм и пропаганда нового быта на страницах женских журналов периода НЭПа

The struggle of ideologies: traditionalism and propaganda of a new way of life on the pages of women's magazines of the NEP period

Аннотация. *В статье приводится анализ партийных и частных печатных изданий в период новой экономической политики, которые по-разному освещают проблемы советской действительности из-за различий быта, транслируемых женской аудитории.*

Ключевые слова: *советская периодическая печать; «Журнал для хозяек»; «Работница»; «Коммунистка»; партийные и частные печатные издания; новая экономическая политика; НЭП.*

Abstract*. The article provides an analysis of party and private print media during the period of the new economic policy, which cover the problems of new life in different ways due to differences in the target audiences in the presented journals.*

Key words*: soviet periodical magazines; «Zhurnal dlya hozyaek»; «Rabotnitsa»; «Kommunistka»; party and private print media; new economic policy; NEP.*

С самого начала становления советского государства вопросы привлечения женщин в армию трудящихся и трансформацию их в активных членов партии являлись одними из центральных. Вместе с тем, для этого требовалось провести колоссальную работу. На первый план выдвигались следующие задачи: 1) освободить женщин от домашнего рабства; 2) повысить уровень образования и профпригодности; 3) разрушить институт брака как «собственнической сделки» [14, с. 9].

Для сохранения всех достижений советской власти, нужно было правильно «воспитать» граждан. Особое внимание следовало уделять женщинам, поскольку «отсталые, политически несознательные

кадры пролетариата, в который преобладающим элементом являются работницы, служат оплотом для контр-революционной и антисоветской агитации» [14, с. 7]. Также в силу того, что «при капитализме силы женщины самым беспощадным образом изнашивались непроизводительной, хотя и тяжелой, работой на семью» [21, с. 26], они «туго шли в рабочие организации» [21, с. 30], и это требовало разработки новых методов и подходов для их привлечения. Так, уже в ноябре 1918 г. прошел первый Всероссийский съезд работниц, основная цель которого состояла в разработке программы партии по работе среди женщин. Речи, произнесенные на съезде Александрой Коллонтай, Инессой Арманд, Конкордией Самойловой, Людмилой Сталь, стали программными как для улучшения положения женщин в стране, так и для женской печати.

После съезда, а также создания отдела по работе среди женщин, начинается активное издание так называемой «женской печати». Сначала в виде брошюр, «страничек» и приложений к газетам и журналам, таким как «Красная газета» и «Беднота». Такие странички «работницы» содержали не только привычные лозунги и призывы поддержать партию и решать злободневные вопросы, но и «специфические» женские темы. Это положило начало для дальнейшего издания разного рода женской периодики. В общей сложности, в довоенный период осуществлялось издание порядком сотни женских журналов[1].

Наиболее активная работа по созданию средств массовой информации в Советской России начинается после Гражданской войны. По мнению В. И. Ленина, партийная печать должна осуществлять ряд первостепенных задач: во-первых, вовлекать женщин в политическую жизнь общества путем трансляции советской идеологии; объяснять основные нюансы политики партии; транслировать новые общественные ценности; а также способствовать улучшению партийных комитетов на местах. При этом, в задачу изданий не ставилось развлечение и просвещение аудитории. Эти функции печати на начальном этапе считались второстепенными. Однако стоит

[1]«Журнал для женщин», «Журнал для хозяек», «Работница», «Женское дело» и т.д.

отметить, что первые женские журналы выполняли также и образовательную функцию: в каждом номере журнала «Работница» имели место естественнонаучные, исторические и другие статьи подобного рода. В качестве примера можно привести такие статьи как «Пояса земного шара» [15], «Проект кодекса законов о браке, семье и опеке» [16], «История рубашки» [4], «Кто выдумал ведьм?» [7] и т.д.

Первым этапом в истории советской женской периодической печати становится издание «Коммунистки», выпускаемый органом Отдела Центрального Комитета Всероссийской Коммунистической партии по работе среди женщин. Издавался он для работников отделов по работе среди женщин (женотделов) с тем, чтобы разъяснять правила и давать методические рекомендации по работе среди женщин. По мнению Н. К. Крупской, задачи журнала состояли в выработке «коммунистического миросозерцания в широких массах рядовых, еще забытых трудениц» [6]. До 1930 г. журнал публиковал различные статьи, посвященные основным проблемам советского государства, разъяснению юридических тонкостей законодательства, средствах и методах ведения пропаганды среди работниц и крестьянок, истории пролетарского женского движения за рубежом. «Коммунистка» была специализированным изданием для агитаторов и пропагандистов, хоть и ставила целью просвещение широких масс.

В 1922 г. было принято решения о выпуске первого массового издания для трудениц деревни. Так появился журнал «Крестьянка» (выпускался в 1922-1991 гг.). Следом за ним, с 1923 г. начинает свое издательство другой журнал, транслирующий идеи государства в отношении женщин – «Работница» (выпускался до 1991 г.). Эти издания становятся ведущими в деле воспитания «новой» советской женщины, однако они не охватывали всю женскую аудиторию. Так, читательница в седьмом номере журнала «Крестьянка» сообщает редакции, что крайне недовольна большим количеством рекламы в отделе объявлений, «ведь НЭПман и в руки не возьмет Крестьянку, а павловские, примерно, крестьяне в Москву не поедут за товарами, - для чего портить журнал таким ненужным материалом, да еще в таком количестве» [20].

В период НЭПа начинает оживляться частное издательское дело, что приводит к сосуществованию журналов двух типов: партийной

печати, работающей в рамках государственной пропаганды, и изданий, внутреннее содержание которых напрямую связано со старым бытом. Основными частными журналами, издаваемыми в это время были: «Журнал для хозяек» (выпускался с 1912 по 1926 г.), «Журнал для женщин» (выпускался с 1914 по 1926 г.) , «Новости моды» (выпускался с 1922 по 1926 г.), «Вестник моды» (1922-1926 гг.), «Последние моды: Журнал для женщин» (1923-1929 гг.), «Ателье» (1923 г.). Интересно, что сами издания с трудом могли сформулировать свою целевую аудиторию. Можно привести в качестве подтверждения статью «Журнала для хозяек» 1922 г.: «И хотя «Журнал для хозяек» естественно и обслуживал больше всего интересы средней городской интеллигенции (или мелкой буржуазии, выражаясь современным языком), но преднамеренно никогда не замыкался в этом кругу и всегда ставил своей задачей обслуживание возможно широких групп женщин, начиная от крестьянских изб» [12, с. 1]. Редакция указывает еще одну группу женщин- «nouveau riches (заново-богатых)» женщин новой буржуазии, которые заинтересованы в журнале подобного рода. Следует еще отметить, что в первом номере 1922 г. «Журнал для хозяек» ставит следующую задачу: «Все указанные группы женщин безусловно занимаются сейчас созданием своего семейного очага и поэтому нуждаются в советах и руководстве в этом деле» [12, с. 1]. В широком смысле, издания данного типа были направлены на городскую интеллигенцию (мелкую буржуазию), но рассчитывали также на привлечение широкой аудитории.

В качестве примера, пусть и недолгого, сосуществования двух миров: мира борьбы за мировую социалистическую революцию и остатков дореволюционной интеллигенции, по мере возможностей, стремящейся сохранить свой прежний жизненный уклад, наиболее интересным представляется «Журнала для хозяек».

Издание появляется ещё в 1912 г.[1] и продолжает своё существование вплоть до пятого номера за 1918 г., когда журнал заканчивает свой выпуск и берет вынужденный перерыв до 1922 г.

[1]В 1917 году издание меняет свое наименование на «Новый журнал для хозяек» в связи с политическими ситуациями в стране.

В приветственной статье 1922 г. редакция крайне положительно относится к введению НЭПа, которая позволила изданию возродиться вновь [12, с. 1]. Как писалось выше, журнал не разъяснял, кто является его целевой аудиторией. Редакция отмечает положительное влияние революции в том, что она улучшила материальное положение крестьянок и работниц, поэтому «они захотели красиво одеваться, вкусно есть, уютно устроить свое жилище» [12, с. 1]. В данной статье можно отметить то, что этот текст противоречит официальной концепции государства, транслируемой на таких партийных журналах как «Работница» и «Крестьянка», в которых осуждается стремление к роскоши как буржуазных пережитков. В качестве подтверждения данного аргумента можно привести статью «Об одежде и модах» журнала «Работница» 1924 г. [10, с. 30], где для начала редакция объясняет читательницам, что мода была тесно связана с человеческой историей. Далее же преподносятся примеры того, что раньше мода соответствовала лишь буржуазной жизни, в которой эти «неработающие законодатели мод» могли носить одежду самых причудливых форм, так как их костюм не должен был иметь практической функции как у работающего класса. В статье указывается, что с приходом революции теперь будет ставиться следующая задача: «Наша «мода» должна быть простая, удобная, легко выполненная, не дорогая, доступная работнице по ее заработку» [10, с. 31]. Исходя из этого, читательница журнала «Работница» отделяет себя от всей этой «буржуазности», направляя всю свою жизнь на строительство нового быта в стране.

В издании также поднимается проблема сокращении штатов. Интересно, что в статье «Где выход» [1, с. 1] Клавдии М. , посвящённой столь существенной теме, описывается и осуждается такой класс женщин как «Клавочки Советские» [1, с. 1], которые, по мнению автора, являются неквалифицированными работниками, которым не страшно сокращение. Клавдия М. разделяет в своей статье советских женщин на 3 основные категории: квалифицированные, неквалифицированные и так называемые «Клавочки Советские». Вот как автор описывает последнюю группу женщин: «Клавочки служили, чтоб избавиться от трудовой повинности. Но жили они совсем не службой. Они мило щебетали в учреждениях, шикарно, хотя

и не всегда, со вкусом, одевались, кушали конфетки и очень оскорблялись, если назойливые посетили беспокоили их какими-нибудь пустяками» [1]. Женщинам, которые не могут найти себе работу, автор предлагает заняться швейным ремеслом и идти в торговлю. Затем Клавдия М. преподносит свои воспоминания о первых днях революции: «И вспоминаешь первые дни революции, когда был быстро и основательно разрушен старый быт, новое только намечалось, и масса людей, годами спокойно получавших жалованье каждое 1-ое или 20-ое, очутилась на улице, пред призраком голода. Помните, как все тогда заговорили о самостоятельном труде и бросились… продавать газеты. Эта торговля газетами была каким-то трагическим фарсом» [1, с. 2]. Впоследствии она указывает, что все начали заниматься ремеслом «сапожника», по ее мнению, здесь сказалась некая «проклятая стадность», с иронией оповещая читательницам: «Еще немного и все граждане РСФСР обратились бы в сапожников» [1, с. 2]. Вся статья Клавдии М. пропитана критикой современных реалий, которые пришли в страну после революции.

В журнале встречаются и критические замечания относительно общественного питания. В статье «Домашнее хозяйство – быть или не быть» [2, с. 2], М. Виртин пишет, что одна пятая дома всей площади дома отнимается отдельными кухнями и это кажется ей нерациональным [2, с. 2]. Она приводит свои мысли по поводу рационализации общественного питания таким образом: «Организовать кухню в 600 кв. аршин для 1000-1500 человек, так как для такой кухни нужно лишь полтора десятка человек вместе с поварами и посудомойками» [2, с. 2]. В целом М. Виртин пессимистически настроена по поводу выполнения данной задачи, так как нет надлежащих знаний по этому делу и отмечает недобросовестное отношение к общественному достоянию. Автор объясняет, что «эта недобросовестность обнаружилась не только в советских учреждениях, но и в дореволюционных, где всегда царило беззастенчивое хищение общественного имущества» [2, с. 2]. В «Журнале для хозяек» в статье «Домашняя хозяйка» [3] издание подчеркивает еще одну проблему, затрагивающая непосредственно их читательниц. Журналом репрезентируется трагическое положение домашней хозяйки, которая не может найти время для какой-либо другой деятельности

кроме работы по дому и в этом виновата именно революция: «Домашняя хозяйка в революцию является трудовым ярлыком женщине, которая посвятила себя исключительно работе по дому» [3]. Редакция отмечает, что этим домашним хозяйкам трудно справиться с работой по дому без наемных помощниц. В связи с этим в достаточно резкой форме оповещается о том, как в этом новом быту трудно живется этой категории женщин: «Эта страничка нового мученичества русской женщины, это специальность и в то же время нет, потому что она так странно зависит от доходов и наличия денежного кормильца семьи; при смерти его, разводе – домашняя хозяйка фактически нуль, ничто» [3]. В журнале «Работница» мы встречаем такие статьи как «Работница и дело общественного питания» [17], «Как ставить самовар» [5], «Рабочим надо помочь своим женам» [18], направленные на облегчение ведения домашнего хозяйства именно работниц, которым приходится еще и заниматься трудовой деятельностью. Редакция издания признает проблему того, что женщине приходится тратить силы на приготовление пищи, поэтому призывает их организовывать кооперации для облегчения ведения домашнего быта. В качестве примера того, что кооперацию достаточно легко можно организовать встречаем в статье «Наша столовая» [9, с. 13]. Читательницам сообщается, что за формирование столовой взялась коммунистка Сединкина и в этом деле ей навстречу пошла администрация, которая оказала посильную помощь. В статье отмечается дешевизна блюд и большой отклик от самих потребителей: «Работницы и рабочие очень любят столовую, потому что за 15 копеек они получают в ней хороший обед из 2- блюд, а за 40 копеек порцию 100 штук сибирских пельменей» [9, с. 13].

В критических статьях про ведение домашнего хозяйства редакция «Журнала для хозяек» всячески убеждает, что их читательницам после революции трудно вести самостоятельно работу по дому, так как уже не так повсеместно распространены прислуги. Однако в статье М. Виртин «О Домашней прислуге» [11] автор указывает, что в течение первых пяти лет прислуг невозможно было достать, но сейчас она становится бытовым явлением. В одном из выпусков журнала в разделе «Почтовый ящик» редакция помещает подробную инструкцию по поводу регистрации прислуги [19]. Так, для регистра-

ции требуется отправиться для начала в «Бюро домашней хозяйки» по адресу Неглинный проезд 16/2, где получаешь необходимую регистрационную карточку, а после этого направляешься с прислугой в районное отделение Союза Нарпита для заключения договора с прислугой.

Первый выпуск «Журнала для хозяек» 1923 г. оповещает читательниц о том, что с повышением цен на бумагу теперь будет издаваться сокращенное количество страниц: «В виду такого положения вещей, чтобы не повышать непомерно цену на наш журнал, редакция решила с этого № уменьшить размер журнала и выпускать его не в 32, а в 24 страницы». Следует признать то, что изданию практически приходится выживать в условиях экономики того периода, но, с другой стороны, именно НЭП и дает им возможность издаваться. Эта сложившаяся ситуация объясняет, почему журнал помещает противоречивые статьи по поводу материального положения населения, отмечая либо улучшение, либо ухудшение качества жизни людей в новом быту. Также в качестве подтверждения может служить то, что редакция пишет про свою модную рубрику: «Модный же отдел нашего журнала составляется из лучших, последних новинок парижской моды опытными специалистками портнихами. Подбираются наиболее практические фасоны, и журнал имеет больший выбор дамских и детских вещей и может с успехом заменить дорогой заграничный журнал» [19].

Период новой экономической политики является крайне любопытным для изучения, поскольку в этот период можно увидеть столкновение старого и нового миров. Партийная печать выстраивала содержимое своих изданий в рамках государственной пропаганды, поэтому в них особое внимание акцентировалось на положительных моментах революции и советской действительности. Частные же издания, к которому непосредственно относился «Журнал для хозяек», были тесно связаны с дореволюционным бытом, поэтому в содержании издания присутствует критика образа жизни новой России, советских идей, а также ностальгия по той жизни, которая никогда уже не вернется. В 1926 г. ЦК ВКП(б) Постановлением «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» настоял на «необходимости борьбы с влиянием частных изданий»

[8]. В связи с этим, «Журнал для хозяек» уже навсегда прекращает свое издание, и теперь весь этот дореволюционный быт уничтожается сверху окончательно.

Список литературы

1. Где выход // Журнал для хозяек. 1922. №2. С. 1-2.

2. Домашнее хозяйство – быть или не быть // Журнал для хозяек. 1922. №1. С. 2-3.

3. Домашняя хозяйка // Журнал для хозяек. 1925. №2. С. 1.

4. История рубашки // Работница. 1924. №4. С. 28-29.

5. Как ставить самовар // Работница. 1925. №22. С. 22-23.

6. Коммунистка. 1923. №7. С.6.

7. Кто выдумал ведьм // Работница. 1924. №5. С. 27-29.

8. Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М.: МедиаМир, 2015.

9. Наша столовая // Работница. 1925. №12. С. 13-14.

10. Об одежде и модах // Работница. 1924. №3. С. 30-31.

11. О домашней прислуге // Журнал для хозяек. 1925. №3. С. 4-5.

12. От редакции // Журнал для хозяек. 1922. №1. С.1-2.

13. От редакции // Журнал для хозяек. 1923. №1. С. 1.

14. Первый Всероссийский съезд работниц 12-21 ноября 1918 г. и его резолюции. Харьков: Всеукр. изд-во, 1920. 23 с.

15. Пояса земного шара // Работница. 1924. №2. С. 26-27.

16. Проект кодекса законов о браке, семье и опеке // Работница. 1924. №3. С. 10-11.

17. Работница и дело общественного питания // Работница. 1925. №3. С. 11-12.

18. Рабочим надо помочь своим женам // Работница. 1925. №13. С. 17.

19. Почтовый ящик // Журнал для хозяек. 1926. №4. С. 24.

20. Почтовый ящик // Крестьянка. 1922. №7. С. 27-28.

21. Трудовая повинность и охрана женского труда // Коммунистка. 1920. №1-2. С. 26-30.

Литвиненко Екатерина Алексеевна,

Южноуральский государственный университет

Научный руководитель:

Кривоногова Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

Александр Алехин: судьба гроссмейстера в эпоху политических трансформаций

Alexander Alekhine: the fate of the grandmaster in the era of political transformation

Аннотация. *В статье на примере анализа биографии шахматного гроссмейстера А.А. Алехина (1892-1946) охарактеризован феномен политизации шахматного спорта в СССР, а также выявлено, как этот процесс отразился на судьбе конкретного человека. Особое внимание уделяется событиям революции 1917 года, Первой и Второй мировым войнам, а также последствиям завоевания Алехиным титула Чемпиона мира.*

Ключевые слова: *спорт и политика; СССР; шахматы; Алехин.*

Abstract*. The article describes the phenomenon of politicization of chess sport in the USSR on the example of the biographical analysis of chess grandmaster A. A. Alekhine (1892-1946) and also revealed how this circumstance affected on his fate. Special attention is paid to the events of the revolution in 1917, the World War I and the World War II and also the consequences of Alekhine winning the world title.*

Key words*: sport and politics; USSR; chess; Alekhine.*

Шахматы – это игра, спорт, своеобразная область искусства и науки, однако, как точно высказался второй чемпион мира Эмануил Ласкер, «в первую очередь шахматы – это борьба». Будучи аналогом различных войн и битв, эта древняя игра имела большой интерес у правителей древних государств. Оставаясь большую часть истории занимательным времяпрепровождением, с конца XIX – начала XX вв. шахматы начинают постепенно превращаться в профессиональный спорт. В современном мире Международная Шахматная Федерация (ФИДЕ) стремится максимально снизить негативную степень межполитического влияния и приравнять всех игроков. Эту цель подчеркивает девиз ФИДЕ «Gens una sumus», означающий «Мы одна семья».

Феномен политизации шахматного спорта в XX веке получил наибольшее распространение в Советском Союзе, что в значительной мере было обусловлено личностью и успехами четвертого чемпиона мира по шахматам Александра Александровича Алехина.

Данная работа предполагает биографический метод исследования.

Цель исследования – выявить влияние политических событий на жизненный путь гроссмейстера А.А. Алехина и проиллюстрировать феномен политизации шахматного спорта в СССР.

Задачи исследования:

- изучить биографию Алехина в контексте политических реалий царской России и СССР;

- выявить факторы, способствующие политизации шахматного спорта в СССР.

Александр Александрович Алехин родился 19 октября 1892 года в Москве в дворянской семье, получил престижное образование – учился в классической гимназии, потом продолжил обучение в Императорском училище правоведения. Увлечение игрой в шахматы в детские годы стояло наряду с такими занятиями, как музыка, театр, французский язык. Но успехи в шахматах были столь серьезными, что в 1909 г. в 16-летнем возрасте ему было присвоено звание мастера спорта, что по рамкам того времени было феноменально рано.

Начало Первой Мировой войны Алехин застал на соревнованиях в Мангейме, в Германии. «Все турниры были прерваны, … русские участники интернированы [6, с. 237]» – сообщает Александр Вайнштейн – главный издатель журнала «Шахматный вестник» и брат известного шахматиста Самуила Вайнштейна, который также оказался среди задержанных. После скитания по трем тюрьмам Германии с некоторыми другими российскими шахматистами 14 сентября 1914 г. Алехину удалось добиться освобождения.

Несмотря на то, что Алехин был признан непригодным к службе летом 1916 года он в состоянии патриотического порыва, отправляется добровольцем на фронт в качестве уполномоченного отряда Красного Креста и, таким образом, становится участником важнейшей вехи в истории Первой мировой войны – Брусиловском

прорыве. Попав в самую гущу сражений, будущий чемпион мира отличается уже не на шахматном поле боя: за спасение раненых его награждают двумя Георгиевскими медалями и орденом св. Станислава. Известно, что в ходе боевой операции он сам попадает в госпиталь, после чего его самоотверженный пыл угасает.

Покинув театр военных действий, Алехин возвращается в привычное русло – дает сеансы одновременной игры, средства с которых направляет в пользу пострадавших. В своих книгах [1, 2] гроссмейстер не оставил никакой информации о том, каково было его мнение касаемо войны и о влиянии, которое она оказала на его личность. Для нас важен сам факт инициативы освобожденного от службы человека, последующий уход с фронта и его довольно быстрая моральная и физическая «реабилитация». Впоследствии ровесники Алехина, которые также были участниками боевых действий – Э.М. Ремарк, Э. Хэмингуэй и некоторые другие писатели будут говорить о «потерянном поколении» – о молодых людях, которые не смогли после войны адаптироваться к мирной жизни. К счастью, в случае с будущим чемпионом мира этого не произошло, видимо, благодаря спортивным целям, которые он ставил перед собой.

Революция 1917 года и приход советской власти лишили Алехина дворянства и состояния, а его прекрасное образование подчеркивало былую принадлежность к аристократическим кругам и обратилось против него. В 1919–1920 гг. на него поступает два клеветнических доноса. Благодаря ходатайству высокопоставленных лиц дела удается замять, но из-за нависшей опасности жизни Алехин, как и многие другие представители царской интеллигенции, решает эмигрировать из страны. Заключение брака на швейцарской журналистке в марте 1921 года дает ему право на выезд за границу. Алехин отправляется в Париж и больше никогда в Россию не возвращается, «хотя всегда интересовался ее жизнью, считал себя русским» [16, с. 120].

Наиболее значимые страницы в непосредственно спортивной биографии Алехина относятся к осени 1927 года, когда ему, играя за Францию, удается победить в матче на первенство мира кубинского шахматиста Х.Р. Капабланку и, таким образом, стать первым русским чемпионом мира и четверым по международному списку.

В СССР это событие способствовало росту внимания к шахматной игре, что отразилось в деловой прессе того времени [8], различных шахматных изданиях [12, 17] и книгах [11, 9], в произведениях художественной литературы (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев», В.В. Набоков «Защита Лужина»). Также на примере статей из эмигрантской прессы [7, 4], можно сказать, что победа Алехина подняла на новую высоту знамя русской эмиграции и оправдывала в лице переселенцев свое положение.

Увы, слава – краткосрочное явление. Как утверждал сам чемпион мира: «К несчастью, всю мою жизнь – особенно после того, как я завоевал мировое первенство по шахматам – люди приписывали мне совершенно абсурдные политически взгляды» [16, с. 225]. Считается, что в Париже на банкете в честь своей победы Алехин произнес: «миф о непобедимости большевиков рассеялся, как рассеялся миф о непобедимости Капабланки» [16, с. 176]. Эта фраза была напечатана в ряде газет, и реакция в Москве не заставила себя долго ждать. По решению Н.В.Крыленко – одного из организаторов массовых репрессий и одновременно главы шахматной организации СССР, А.А. Алехин из положения национального героя стал считаться врагом отечества, что обрывало ему связь с родиной [16, с. 176].

В начале Второй Мировой войны Алехин принимал участие во фронтовых действиях в качестве военного переводчика. После капитуляции Франции в июне 1940 г. и установления на ее территории коллаборационистского режима Виши гроссмейстер попадает в затруднительное положение. Для того, чтобы оградить себя и супругу, имеющую еврейские корни, от нацистских преследований, он посредством шантажа был вынужден участвовать в соревнованиях Третьего Рейха, а также написать ряд антисемитских статей «Еврейские и Арийские шахматы» [3], опубликованные в марте 1941 года в газете «Pariser Zeitung». Последнее – наиболее спорный и неблагоприятный для самого Алехина факт из его биографии. Суть их состоит в том, что существует два разных типа ведения игры: для «арийских» шахмат характерна активная творческая, наступательная игра, а для «еврейских» — защита и выжидание ошибок соперника. По его словам, изначально в статье содержались высказывания о необходимости реконструкции Международной шахматной

федерации, а также критическая оценка теорий первого и второго чемпионов мира – Стейница и Ласкера [16, с. 227], однако в процессе издания их содержание было сильно отредактировано немцами.

Даже если предположить, что в исходном варианте и были какие-то антисемитские намеки и вышедший в свет официальный вариант не далек от них, то важно сказать, что аналогичные мысли высказывались не только им. В 2003 г. журналист и историк Эдвард Винтер в статье «Chess and Jews» [18] собрал много провокационных цитат из различных довоенных источников об антипатии шахматистов-евреев другими игроками. В 2016 году гроссмейстер Игорь Бердичевский написал книгу «Шахматная еврейская энциклопедия», охватывающую свыше 1350 персоналий из 50 стран. В предисловии книги сказано: «Мы ни в коей степени не хотели продемонстрировать исключительность евреев в шахматах. Нам лишь хотелось показать, что народ, давший миру гениальных художников и музыкантов, писателей и ученых, политиков и религиозных деятелей, оставил ярчайший след и в нашей замечательной игре» [5].

Все это говорит о том, что Алехин хотя бы официально был далеко не первым и, как выясняется, не последним, кто рассуждал на тему «еврейских» и нееврейских «арийских» шахмат. Однако его положение как «пленника фашизма» [16, с. 227] и известность сильно испортило ему репутацию и обернулось против него после войны. Алехина обвиняли в сотрудничестве с нацистами, что поставило окончательный крест на его возвращении на родину, о чем он, мечтал, находясь фактически в изгнании, а также сильно усложнило отношения с коллегами.

В феврале 1946 года Алехин получил телеграмму, уведомлявшую его о вызове на матч за мировое первенство с гроссмейстером М.М. Ботвинником. Вызвано это было тем, что советские власти стали опасаться, что «корона» может достаться другим спортсменам, и не решились бы предложить матч, не будучи уверенными в победе молодого Ботвинника. Однако матчу не суждено было состояться – А.Алехин умер непобежденным 24 марта 1946 года. Парадоксально, но упоминание о его смерти в мартовском выпуске журнала «Шахматы в СССР» [10] заняло ровно две строчки. Некролог вышел только в майском выпуске, в котором говорилось, что отношение к Алехину

«как к человеку, морально неустойчивому и беспринципному, наше отношение к нему может быть только отрицательным» [15, с. 118]. Однако такая позиция наблюдается не долго. В шахматной литературе, начиная с 1950-х годов, так или иначе, либо умалчивается о наиболее «скользких» моментах из его биографии, либо находится им оправдание.

Таким образом, с именем Александра Александровича Алехина связана профессионализация и популяризация шахматного спорта в Советской России. Несмотря на эмигрантское положение, его звание чемпиона мира по шахматам превратил этот непопулярный вида спорта в массовое явление. После Алехина следующие пять чемпионов мира были русскими. Начиная с его успехов, политическая составляющая стала использовать этот вид досуга и спорта как инструмент пропаганды советского режима и как возможность показать свое превосходство на международной арене. Вместе с этим стоит добавить, что именно эта связь благотворно способствовала расцвету данного вида спорта в СССР, того что принято называть «Золотым веком» советских шахмат.

Список литературы

1. Алехин А.А. На пути к высшим шахматным достижениям. М.: Физкультура и спорт, 1991. 449 с.

2. Алехин А.А. 100 лучших партий с автокомментариями. М.: Физкультура и спорт, 2002. 320 с.

3. Алехин А.А. Арийские и еврейские шахматы. М.: Русская правда, 2009. 64 с.

4. Алехин-шахматный король. Поражение Капабланки // Возрождение. Париж, 1927. № 911. С.1.

5. Бердичевский И. Шахматная еврейская энциклопедия. Русский шахматный дом, 2016. 320 с.

6. Вайнштейн А.О. Русские шахматисты в Мангейме // Шахматный вестник. М.: Тип. П.П. Рябушинского,1914. №15. С. 236-250.

7. Виталин Л. Чествование А.А. Алехина // Иллюстрированная Россия. Париж: Акционерное общество «Иллюстрированная Россия», 1928. №7. С. 2.

8. Григорьев Н.Д. Итоги матча Капабланка-Алехин // Известия. М., 1927. №275. С.2.

9. Зноско-Боровский Е. А. Шахматы и их чемпионы (мысли и характеристики). Л.: Кубуч, 1925. 175 с.

10. За рубежом // Шахматы в СССР. М.: Физкультура и спорт, 1946. №4. С. 68.

11. Ильин-Женевский А.Ф. Матч Алехин-Капабланка. Л.: Госиздат, 1927. 96 с.

12. Интервью с Эмануилом Ласкером // Шахматный листок. Л.: Госиздат, 1928. № 5.

13. Каспаров Г.К. Шахматы как модель жизни. М.: Эксмо, 2007. 351 с.

14. За рубежом // Шахматы в СССР. М., 1946. №4. С. 49-72.

15. Романовский П.А. Александр Алехин (1892-1946) // Шахматы в СССР. – М.: Физкультура и спорт, 1946. №5. С. 118-125.

16. Шабуров Ю.Н. Александр Алехин – непобежденный чемпион. М.: Голос, 1892. 256 с.

17. Шпильман Р. Победа над машиной // Шахматы и шашки в рабочем клубе «64». М.: Государственное издательство, 1928. №1. С. 1-4.

18. Winter E. Chess and Jews // Chess history URL: http://www.chesshistory.com/winter/extra/jews.html (дата обращения: 15.05.2019).

Малюченко Дмитрий Алексеевич,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ратьковский Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент

П.С. Войтеко — Военный прокурор Морских сил Балтийского моря

P.S. Voytko – the Military Prosecutor of the Naval forces of the Baltic sea

Аннотация. *Статья посвящена содержанию работы П.С. Войтеко на посту Военного прокурора Балтийского флота в 1933 г. Рассмотрены примеры конкретных следственных дел и установлена роль Военного прокурора в ведении следствия по ним. Раскрыта тема отношений между Военной Прокуратурой флота и Особым отделом НВКД.*

Ключевые слова: *Павел Станиславович Войтеко; Особый отдел НКВД; политические репрессии; Балтийский флот; Военная Прокуратура; 1930-е.*

Abstract*. The article is devoted to the content of P.S. Voyteko's work as a Military Prosecutor of the Baltic navy in 1933. Examples of concrete investigative cases are considered and the role of the Military Prosecutor in conducting investigation on them is established. The topic of relations between the Military Prosecutor's office and the Special Department of the NKVD is revealed.*

Key words*: Pavel S. Voiteko; Special Department of the NKVD; political repression; the Baltic navy; the Military Prosecutor's office; 1930.*

Ещё в разгар Перестройки, на волне повышенного внимания к изучению Большого террора, впервые прозвучал тезис: даже среди «творцов террора» были те, кто занимал принципиальную позицию по соблюдению буквы и духа закона. В 1991 г. вышел сборник статей «Они не молчали», составленный А.В. Афанасьевым. Тогда были названы имена многих военных юристов, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. своим делом и отношением к работе доставлявших трудности особистам. В этом и других аналогичных изданиях были опубликованы статьи, именно в таком ключе описывавших деятельность Главного военного прокурора в 1930-1935 гг. Сергея Никола-

евича Орловского, Военного прокурора Забайкальского военного округа в 1935-1937 гг. Григория Григорьевича Суслова, Военного прокурора Харьковского военного округа в 1935-1937 гг. Константина Ивановича Романовского и многих других.

В том же сборнике военный юрист Иван Петрович Рашковец, во второй половине 1950-х гг. занимавшийся пересмотром дел репрессированных в Военной коллегии Верховного Суда СССР, оставил очерк «Против произвола» о работе Военного прокурора Черноморского флота (ЧФ) Павла Станиславовича Войтеко и его трагической судьбе. В нём, как и в его более ранней статье «Прокурор Войтеко: “Врагом народа не был”», автор ни разу не ссылается на архивные источники, хотя, безусловно, приводимые им факты взяты из тех документов, с которыми он работал в 1950-е гг. Тем не менее, биография Войтеко, написанная ещё в 1991 г., последующими исследователями практическими не дополнялась. Можно согласиться с мнением историков относительно описания деятельности Войтеко как Военного Прокурора ЧФ. Однако содержание прокурорской работы до назначения на Чёрное море нуждаются в более подробном описании.

Павел Станиславович Войтеко родился в 1896 г. в Ковенской губернии. По национальности литовец. Участник Первой мировой войны. Последняя занимаемая должность до революции – младший ветфельдшер. Член ВКП(б) с сентября 1917 г., в Красной армии с мая 1918 г. До 1924 г. занимал различные комиссарские должности, затем перешёл в военную юстицию. С 1924 по 1928 гг. занимал должности помощника Военного прокурора в различных воинских подразделениях на Кавказе. В 1928 г. впервые получил назначение Военным прокурором стрелкового корпуса, на этот раз в Украинском военном округе. В феврале 1931 г. был назначен помощником Военного прокурора Морских сил Балтийского моря (МСБМ). К октябрю 1933 г., то есть к моменту перевода Военным прокурором на ЧФ, Войтеко занимал должность Военного прокурора МСБМ [26, с. 486]. Последний факт отсутствует в публикациях И.П. Рашковца, поэтому он не перешёл в другие более поздние работы исследователей [1, 2]. Тем не менее, некоторые историки более внимательно подошли к этому вопросу [26, с. 484-487]. И хотя точная дата вступления Во-

йтеко в должность Военного прокурора МСБМ пока не установлена, на основании рассмотренных ниже документов можно утверждать, что это назначение состоялось не позднее февраля 1933 г.

В работах Рашковца впервые была опубликована аттестационная характеристика, данная Войтеко в более поздний период. В ней помимо прочего отмечается, что он, будучи Военным прокурором на Балтфлоте, «излишне обострял отношения с Особым отделом» МСБМ [19, с. 227]. Скорее всего, под такой формулировкой скрывались различные взгляды Военного прокурора и следователей Особого отдела (ОО) МСБМ на многие следственные дела. Об этом свидетельствуют материалы некоторых следственных дел, хранящихся в Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ).

Результаты следственных мероприятий Военного прокурора МСБМ и Особого отдела флота.

В течение 1933 г. Военный прокурор МСБМ несколько раз не соглашался с выводами следователей ОО флота. Так, Военный прокурор предложил прекратить дело в отношении к/ф Сапёрной роты Кронкрепости Петра Михайловича Ульянова. Ульянов был арестован 3 февраля 1933 г. [18]. Согласно обвинительному заключению, по социальному происхождению он был сыном «служащего при царском режиме в Городовой Управе г. Буинска» [10, л. 6]. Ранее был исключён из ВЛСМ за антисоветскую деятельность [10, л. 6]. Поводом же для ареста стало обнаружение 2 февраля того же года в Ленинском уголке роты журнала «Крокодил», где от руки было написано несколько высказываний. Например: «СССР страна голодная и холодная и кто говорит, что всё есть, то фантазия, врут», «да здравствует /нарисован фашистский знак/» и т.д. [10, л. 5] Сам Ульянов при аресте сознался, что это он их сделал, чтобы изложить то, что думает по поводу возникших трудностей в годы пятилетнего плана [10, л. 5]. Он обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР (пропаганда и агитация, содержавшая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти – прим. Д.М.), однако Военная Прокуратура (ВП) МСБМ указала на неполноту данных. Во-первых, по происхождению Ульянов был из крестьян-бедняков. Во-вторых, журнал с рукописными надписями был заброшен за шкаф, таким образом, им никто не мог вос-

пользоваться. В-третьих, главный мотив поступка Ульянова – обида: в стенгазете роты была размещена статья, что Ульянов якобы нагревал на примусе мушку винтовки [6]. Несмотря на это, 26 февраля 1933 г. дело Ульянова было передано на рассмотрение в Коллегию ОГПУ [17], а 10 апреля того же года был приговорён к 2 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) [25].

Военный прокурор в ряде случаев выступал не только против содержания обвинительных заключений, но и планируемых мер наказания. 2 февраля 1933 г. был арестован краснофлотец линкора «Марат» Василий Михайлович Груздев [14]. Он обвинялся также в преступлении, предусмотренном ст. 58-10. В этом следственном деле есть примечательный документ, а именно записка Военного прокурора Начальнику ОО МСБМ. В ней Войтеко писал, что по делу Груздева необходимо допросить комиссара корабля и политрука сектора, с тем, чтобы выяснить знали ли они о его антисоветских разговорах. С этой же целью Войтеко просил допросить односельчан Груздева, живших в Ленинграде. «Без этих дополнений дать заключение по делу невозможно», - заключает Военный прокурор [21, л. 9]. Вероятно, итогом именно этой записки стало появление в обвинительном заключении по делу примеров высказываний обвиняемого. В частности, в разговорах с другими краснофлотцами он заявлял: «Сталин запарился и народ парит, всё, что сказано в докладе Сталина ложь, т.к. на самом деле нет того, что написано…» [11, л. 3]. Также Груздев позволял себе ругательства в адрес самого Сталина: «Сталин занимается очковтирательством для рабочего класса. Сталин армяшка грешный мстит русскому народу» [11, л. 4]. Тем не менее, заключение Войтеко по делу оставляет немало вопросов. Он утверждал, что причина высказываний Груздева – работа до призыва чернорабочим и ломовым извозчиком. Учитывая это, а также игнорирование партийной учёбы, Военный прокурор считает целесообразным увольнение из рядов РККА, а арест – излишним [5]. Дальнейшая судьба Груздева пока не установлена, однако известно, что 21 марта 1933 г. его дело было передано для разбора на особое совещание Коллегии ОГПУ с дальнейшим содержанием под стражей [13].

Аналогичным образом Военный прокурор высказался и по делу сверхсрочного главного старшины СНиС Андрея Петровича Дмитри-

ева. Арестованный 10 февраля 1933 г., он обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР [16]. Следователи ОО МСБМ нашли, что при призыве Дмитриев скрыл социальное происхождение: его отец до 1908 г. служил полицейским в Городовой Управе г. Чебоксары, до Революции служил полицейским, а в годы советской власти был лишён избирательных прав [12]. По показаниям свидетелей, обвиняемый резко критиковал коллективизацию и индустриализацию, доказывал, что установившийся в СССР режим не отличается от монархического. По этой причине любые связи с партией Дмитриев считал позором для себя [12]. Подобные свидетельские показания Военный прокурор посчитал «абстрактными и неконкретными» [7, л. 23]. ВП флота также было установлено, что отец Дмитриева, сельский полицейский с. Чебсара, вовсе не лишался избирательных прав, а сам обвиняемый многие годы числился беспризорником. Кроме того, в заключении Военного прокурора содержится характеристика Дмитриева как «хорошего специалиста», который даже пытался вступить в партию, но получил отказ. И хотя в 1932г. он действительно имел т.н. «кулацкие настроения», позднее он от них отказался и даже осудил в печати [7, л. 23]. На момент составления заключения, обвиняемый находился в госпитале на излечении от неврастении, и тем не менее подал в ВП МСБМ заявление с осуждением своих прежних воззрений [7, л. 24]. Войтеко пришёл к однозначному выводу: состава преступления в действиях Дмитриева нет, но учитывая, вышеизложенные факты, он может быть изъят из РККА [7, л. 24]. Однако реальность оказалось иной. 22 марта 1933 г. Дмитриев был переведён в Ленинград с зачислением за Коллегией ОГПУ [15], 3 апреля того же года был приговорён к 5 годам ИТЛ и освобождён только в конце 1934 г. [24].

Таким образом, несмотря на позицию Военного прокурора по некоторым делам, их фигуранты всё равно получали реальные сроки лишения свободы. Возможно, это одно из объяснений характеристики Войтеко, выдержка из которой приводилась выше. Однако видится, что дело заключается не только в неудобных для следствия заключениях ВП. Ещё одной точкой столкновения двух органов была попытка борьбы с методами ведения следствия, которые практиковали следователи Особого отдела.

Протесты Военной Прокуратуры против следственных методов.

В 1933 г. произошёл пожар во время строительных работ в общежитии Военно-морского училища (ВМУ) им. М.В. Фрунзе, в результате которого погибло 5 курсантов училища, 2 были тяжело отравлены, 50 – легко отравлены. Общая сумма ущерба составила 80 тыс. рублей. Как установило следствие, причиной происшествия стало несоблюдение правил противопожарной безопасности. Огнетушители на стройплощадке были неисправны, бочек с водой не было, а сами пожарные мало того что использовали небезопасные печки-времянки, так ещё и заснули, не уследив за пламенем печей. По делу были привлечены: Начальник Строительной части Ленинградского военного порта Кузнецов П.А., производитель работ Ленинградского военного порта Демин П.М., командир 2-го дивизиона подводного сектора ВМУ Юрьев С.Ф., командир РККФ ВМУ Данилов И.А., пожарники Василеостровской пожарной бригады Сыроцо И.П. и Воробьев Ф.В. [9]. Они обвинялись по ст. 193-17 УК РСФСР, предусматривавшей лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев, в том числе за халатное отношение к службе, повлёкшее дезорганизацию вверенного хозяйства. При отягчающих обстоятельствах предусматривалось применение высшей меры социалистической законности [23]. К последним трём людям применялась и ст. 16 УК РСФСР. В ней говорилось, что в случае, если конкретный вид преступления не прописан в Кодексе, мера пресечения определялась по статье с наиболее схожим по роду видом преступления [23]. Военный Трибунал (ВТ) МСБМ приговорил Кузнецова к 8 годам лишения свободы, Дёмина и Юрьева – к 4 годам, Данилова – к 10 годам, а Сыроко и Воробьёва, главных виновников пожара, к высшей мере наказания. Однако «в силу некультурности и чистосердечного раскаяния», ВТ заменил «вышку» 10 годами лишения свободы. Более того, на основании ст. 53 УК РСФСР, а именно признания степени опасности обвиняемого, не требующей обязательной его изоляции, 4-летний срок Демина решено считать условным с испытательным сроком 3 года. Правда, в приговоре ВТ значится другая формулировка: «учитывая прежнюю примерную службу, осознание ошибок и преклонный возраст» [9, л. 5]. Но причину смягчения приговора можно усмотреть и в другом.

В распоряжении ВП МСБМ оказалась жалоба обвиняемого Воробьёва, где тот указывал на давление со стороны Уполномоченного

4-го отделения ОО МСБМ Браминова. «Угрозами вплоть до поломки козырька на фуражке» он заставил Воробьева подписать признание в умышленном поджоге общежития ВМУ. По версии Военного прокурора, этот протокол позднее был уничтожен Начальником отделения, а сама ситуация доложена Помощнику Прокурора Верховного Суда по военной прокуратуре СССР Н.Н. Фадееву [3, л. 68]. К слову, Николай Никифорович Фадеев, муж сестры маршала Тухачевского Марии, в будущем сам будет арестован, причём дважды. В первый раз в 1938 г. с последующим отбыванием пятилетнего срока ИТЛ. Повторный арест произойдёт в 1948 г., и до 1954 г. он будет находиться в ссылке в Казахской ССР [8, с. 459].

Приведённый эпизод заставляет искать истоки нарушений процессуального характера и применения физических методов воздействия к подследственным со стороны специальных органов как минимум в начале 1930-х гг. В апреле 1933 г. Войтеко отправил на имя члена РВС МСБМ А.С. Гришина докладную записку, где указал на подобные изъяны сложившейся системы. В качестве примеров Военный прокурор привёл на дело в отношении старшего содержателя тральщика «Змей» Зорина. Следователи ОО МСБМ возбудили его только на основании одного заявления от гражданки, имевшей с ним личные счёты. После доследования дело было закрыто [3, л. 66]. Другой пример – дело к/ф Южной батареи 1-й Артбригады Козлова, которого арестовали якобы за покушение на убийство политрука. Свидетелем по делу выступил некий Воронцов, подтвердивший обвинение. Однако расследование, проведённое ВП, установило, что Козлов, критикуя политрука батареи, сказал дословно следующее: «Придётся, стоя на посту, застрелиться». Из этого Войтеко делает вывод, что слова и показания свидетеля трактовались так, как это нужно было Помощнику Уполномоченного Особым Отделом [3, л. 67].

Более того, ВП даже просила привлечь к ответственности Помощника Уполномоченного ОО ОГПУ Дядькина за нарушение им процессуальным норм в ходе проверки доноса на Начальника финотдела МСБМ Спасова. В доносе говорилось, что Спасов сокрыл социально-чуждое происхождение и участие в Кронштадтском мятеже 1921 г. Дядькин дважды допрашивал свидетелей по этому делу:

в первый раз они дали отрицательный ответ на его вопросы, а результатом второго допроса стало подтверждение обвинений против Спасова [4].

Сведения о жизни многих сотрудников органов госбезопасности крайне скудны, поэтому в полной мере установить эффективность этой борьбы не представляется возможны. Однако можно предположить, что на карьеру указанных выше особистов донесения Войтеко не повлияли. Для самого же Войтеко подобный прецедент в отношениях с ОО МСБМ, вероятно, определил характер будущей карьеры.

Вместо заключения

Мирное сосуществование Военной Прокуратуры ЧФ, где работал Войтеко с октября 1933 г., и Особого отдела флота закончилось в 1936 г. С этого времени он всё чаще не давал санкции на аресты, а его указания всё чаще игнорировались [19, с. 227-229]. Итог закономерен: в 1938 г. был сначала уволен, а затем арестован [19, с. 231-232]. После длительного расследования, в 1940 г., он был приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к 15 годам ИТЛ, где и умер в 1945 г. [22, с. 219]. За этим последовал арест его супруги Доры Ивановны, но уже в 1938 г. она была выпущена из-под стражи. Её дальнейшая судьба неизвестна. Избежал ареста сын Войтеко Станислав, хотя он как сын «врага народа» не смог поступить в институт даже после войны [20, с. 43]. Возможно, дальнейшее изучение биографии Павла Станиславовича Войтеко покажет примеры трений с Особыми отделами и в более ранние годы.

Список литературы

1. Близниченко С.С. К 120-летию бригвоенюриста Войтеко // Военно-исторический архив. 2016. № 7 (199). С 151-168.

2. Горохов В.В. «Умер в исправительно-трудовом лагере»: жизнь и трагическая судьба Военного прокурора Черноморского флота П.С. Войтеко // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск, 2017. С. 464-475.

3. Докладная записка Военного прокурора МСБМ члену РВС МСБМ А.С. Гришину от 21.04.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 118. Л. 66-68.

4. Донесение Военного Прокуратура от 08.03.1934 г. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 137. Л. 8-9.

5. Заключение Военного прокурора П.С. Войтеко по делу к/ф л/к «Марат» В.М. Груздева от 20.03.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 118. Л. 17-18.

6. Заключение Военного прокурора П.С. Войтеко по делу к/ф П.М. Ульянова от 19.02.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 118. Л. 3.

7. Заключение Военного прокурора П.С. Войтеко по делу сверхсрочного главного старшины СНИС А.П. Дмитриева, обвиняемого по ст. 57-10 УК от 20.03. 1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 118. Л. 23-24.

8. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. 576 с, илл.

9. Копия Приговора Военного трибунала МСБМ от 01-03. 04. 1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 117. Л. 2-5.

10. Обвинительное заключение от 20.02.1933 г. по делу №954-33г. по обвинению Ульянова П.М. по ст. 58-10 УК // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 108. Л. 5-6.

11. Обвинительное заключение от 20.02.1933 г. по делу №994 по обвинению Груздева В.М. по ст. 58-10 УК // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 106. Л. 3-5.

12. Обвинительное заключение по делу №1810 по обвинению Дмитриева А.П. по ст. 58-10 УК // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 111. Л. 5-6.

13. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Груздеву В.М. от 21.03.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 106. Л. 12.

14. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Груздеву В.М. от 02.02.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 106. Л. 1.

15. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Дмитриеву А.П. от 22.03.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 111. Л. 4.

16. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Дмитриеву А.П. от 10.02.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 111. Л. 1.

17. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Ульянову П.М. от 26.02.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 108. Л. 3.

18. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Ульянову П.М. от 03.02.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 108. Л. 1.

19. Рашковец И.П. Против произвола // Они не молчали / сост. А.В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 226-242.

20. Рашковец И.П. Прокурор Войтеко: «Врагом народа не был» // Социалистическая законность. 1989. №1 (651). С. 40-44.

21. Служебная записка Военного прокурора МСБМ Начальнику ОО МСБМ от 02.02.1933 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 106. Л. 3-5.

22. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937-1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.

23. Уголовный кодекс в редакции 1926 г. URL: http://музейреформ.рф/node/13973#ref-3 (дата обращения 02.03.2019)

24. [Учётная карточка на А.П. Дмитриева]. URL: https://ru.openlist.wiki/Дмитриев_Андрей_Петрович_(1902) (дата обращения 01.06.2019)

25. [Учётная карточка на П.М. Ульянова]. URL: https://ru.openlist.wiki/Ульянов_Петр_Михайлович_(1909) (дата обращения 01.06.2019)

26. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941. Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Мегаполис, 2014. 528 с.

Куричина Мария Алексеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук,
профессор

Организация системы здравоохранения в Ленинграде в период блокады (1941 –1944): перспективы изучения

Organisation of the health care system in Leningrad during the siege (1941 -1944): perspectives of the study

Аннотация. *В данной статье рассмотрено функционирование системы здравоохранения в период ленинградской блокады. Тяжелые условия жизни, оторванность Ленинграда от центров управления вынуждали местное руководство действовать самостоятельно в отношении возникающих вопросов по снабжению, медицинской помощи и обороне города. В связи с этим управлением Ленинградского отдела здравоохранения был принят ряд мер по реорганизации системы медицинского обслуживания. Именно это обстоятельство побуждает подходить в дальнейшем к этому вопросу детально. Статья также освещает перспективу изучения отдельных сюжетов с использованием документов, сосредоточенных в архивах Санкт-Петербурга.*

Ключевые слова: *блокада; Ленинград; организация здравоохранения; Ленгорздравотдел; Райздравотдел; медицинское обслуживание; В.С. Никитский; Ф.И. Машанский.*

Abstract*. This article discusses the functioning of the healthcare system during the Leningrad Siege. Difficult living conditions, isolation of Leningrad from the control centers forced the local leadership to act independently in relation to the emerging issues of supply, medical care and defense of the city. In this regard, the management of the Leningrad Department of health has taken a number of measures to reorganize the system of medical care. It is this circumstance, that prompts us to approach this question in detail in the future. The article also highlights the prospect of studying individual subjects using documents concentrated in the archives of St. Petersburg.*

Key words*: The Siege; Leningrad; the organization of healthcare; Leningrad Department of health; District Departments of health; V.S. Nikitskiy; F.I. Mashanskiy.*

Уникальность ситуации блокированного Ленинграда (1941–1944 гг.) определялась состоянием внутренней замкнутости всех звеньев управления и вынужденной необходимостью экстренного принятия всех управленческих решений. Комплекс мер по различным вопросам, предпринятых руководством города в период блокады, невозможно оценивать однозначно. Прежде всего этот вопрос требует детального рассмотрения с точки зрения кадровой политики (сменяемости номенклатурных кадров и порядка и причин назначения их на должности) и процедуры повседневного управления. Насущной необходимостью является определение степени взаимодействия институтов городской власти (Горкома, Горисполкома и отраслевых органов управления), порядка исполнения приказов, мер ответственности за неисполнение распоряжений руководства.

Особый научный интерес в этой связи представляет изучение проблемы функционирования системы ленинградского здравоохранения в годы блокады, ее структуры и порядка работы.

После Октябрьской революции учреждения по медицинскому обслуживанию населения находились в подчинении местных Отделов здравоохранения, подведомственных Народному Комиссариату здравоохранения РСФСР (и – с 1936 г. – Наркомату здравоохранения СССР). В частности, Ленинградский городской отдел здравоохранения (Ленгорздравотдел) был окончательно сформирован как самостоятельный отдел в 1931 г., его основные функции определялись руководством и контролем за работой лечебно-профилактических учреждений города. В непосредственном подчинении Ленгорздравотдела находились районные отделы здравоохранения (райздравотделы).

Работа медицинских учреждений в послереволюционном Петрограде–Ленинграде находилась на одном из высочайших уровней организации и развития. Ленинград являлся одним из центров медицинской науки: перед началом Великой Отечественной войны в городе функционировали 22 Научно-исследовательских института [1, с. 21]. В Ленинграде трудились профессиональные врачи различных специализаций и учёные-медики, работал ряд медицинских обществ и издательств.

За полгода до начала войны, по данным на январь 1941 г., во главе 19 райздравотделов Ленинграда стояли профессиональные врачи

[3]. Будучи специалистами и профессионалами своего дела (в среднем все руководители райздравотделов имели большой врачебный стаж, в пределах от 4 до 27 лет), не все они, однако, были членами партии, чем, возможно, частично определялись причины замены руководителей партийными выдвиженцами с началом Великой Отечественной войны.

По мере ухудшения обстановки на фронте изменились условия, в которых пришлось трудиться медикам. Прежде всего, сократилась численность населения в городе, в связи с эвакуацией и мобилизацией в действующую армию. Одновременно происходил существенный отток медперсонала вследствие призыва в КА и формирования отрядов военно-медицинской службы прифронтовой и фронтовой зоны. Общая численность работников Ленгорздравотдела сократилась со 110 до 69 человек, а с персоналом командного пункта медико-санитарной службы МПВО она составляла 89 человек (по данным документов ЦГА СПб – на 15 апреля 1941г. численность работников Ленгорздравотдела составляла 91 человек [2]).

Существенно ухудшилась материальная база, обеспечивавшая функционирование медицинских служб. В городе значительно сократилось количество лечебно-профилактических учреждений, изменилась также профилизация коечной сети (под последней понималась возможность того или иного медицинского учреждения обеспечивать госпитализацию больных и раненых за определенный промежуток времени). В связи с реорганизацией и эвакуацией госпиталей различного профиля, эти статистические показатели в сравнении с условиями мирного времени существенно менялись. Рассекречивание в последние годы архивных фондов позволит уточнить соответствующие данные.

Реорганизации подверглась и штатная структура аппарата Ленгорздравотдела. Существовавшие до войны в его составе десять секторов были переформированы в два управления – больничное и внебольничное [1, с. 21]. Помимо главных управлений в структуре Ленгорздравотдела существовали также управления детства и родовспоможения, противоэпидемическое управление, скорой помощи, планово-финансовое, статистики, снабжения, обеспечения, обороны и другие.

Во главе Ленгорздравотдела с начала блокады до 17 апреля 1942 г. стоял В.С. Никитский, а затем вместо него был назначен директор Государственного научно-исследовательского института травматологии и ортопедии им. Р.Р. Вредена проф. Ф.И. Машанский, который пробыл на этой должности до июня 1949 г. Руководящие составы райздравотделов и лечебно-профилактических учреждений Ленгорздрава также в течение блокадного периода сменялись. Данный вопрос в перспективе можно более детально рассмотреть с использованием имеющихся в фондах ЦГАИПД СПб и ЦГА СПб документов, касающихся кадровой политики, причин и последствий ее изменений (при дальнейшей работе возможно использование материалов из фондов ЦГА СПб по отделам здравоохранения районных советов Ленинграда, где сконцентрированы документы по личному составу управления райздравов).

Следует также особо отметить то обстоятельство, что Ленгорздравотдел должен был решать свои задачи в отрыве от руководящего центра. Насущной задачей является выяснение того, в какой степени Наркоматы здравоохранения СССР и РСФСР могли осуществлять оперативное руководство медицинскими службами блокированного города. Можно предположить, что их влияние было минимальным, по крайней мере, приказов союзного и республиканского наркоматов в архивах Санкт-Петербурга отложилось незначительное количество.

В области здравоохранения и медицинского обслуживания города принятие решений определялось действительно экстремальностью ситуации: над городом нависла угроза физического уничтожения, голод, эвакуация, вспышки различных эпидемий, нехватка кадров на местах, недостаток медикаментов, отсутствие тепло- и энергоснабжения, а также коммуникаций, сложные условия повседневной медицинской работы. В столь тяжелых и напряженных условиях работы здравотделы и сами врачи на местах наверняка зачастую были вынуждены действовать по обстановке, вне зависимости от чьих-либо властных указаний. Поэтому все меры, предпринятые как руководством, так и простыми медработниками по спасению города и его жителей, необходимо оценивать как вынужденные, экстраординарные. Врачи, коими являлись по преиму-

ществу и руководители Ленгорздравотдела, старались как можно эффективнее вести работу по поддержанию жизни в блокированном городе. В непростых условиях блокады, несмотря на трудности, также продолжалась интенсивная научно-исследовательская работа, проводилась подготовка врачей, среднего и младшего медицинского персонала. Издавались научно-медицинские труды.

В заключение необходимо отметить, что углубленное изучение указанных направлений в деятельности учреждений здравоохранения блокадного Ленинграда возможно с помощью документов ЦГАИПД СПб (фонд 25 – Ленинградский Городской Комитет КПСС) и ЦГА СПб (фонды 7384 – Санкт-Петербургского Городского совета Народных депутатов и 9156 - Главного Управления Здравоохранения Исполнительного Комитета Ленинградского Городского совета Народных депутатов). В первую очередь, к категории документов, освещающих изменения в структуре управления системы здравоохранения, относятся документы по личному составу (личных листков по учету кадров, автобиографий, партийных характеристик), решения руководящих партийных органов и постановления Ленгорисполкома, а также материалы междуведомственной переписки, протоколы совещаний работников здравотделов, статистика, источники личного происхождения.

Список литературы

1. Гладких П.Ф. Здравоохранения блокадного Ленинграда (1941-1944 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Медицина, 1985.

2. Приложение № 1 – Список работников аппарата Ленгорздравотдела на 15.4.1941 г. // ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп.4. Д. 84. Л. 1-5.

3. Приложение № 2 – Список заведующих райздравотделами г. Ленинграда // ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп.4. Д. 84. Л. 6-7.

Воробьева Александра Владимировна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Майофис Мария Львовна, кандидат филологических наук, доцент

Мальчики и мужественность в советских мультфильмах 1970-х годов

Boys and Masculinity in Soviet cartoons of the 1970s

Аннотация. *В статье рассматривается гендерный дискурс в советской анимации. Работа построена на анализе обсуждений мультфильмов на собраниях редакционных коллегий. Автор отвечает на вопрос: какой мужской образ киностудия «Союзмультфильм» хотела представить в мультфильмах.*

Ключевые слова: *советские мультфильмы; гендер; мужские образы.*

Abstract*. The article considers the gender discourse in Soviet animation based on the analysis of discussions of cartoons at meetings of editorial boards. In particular, the paper reveals what kind of male image the "Soyuzmultfilm" Studio wanted to present in cartoons. The sources on which this research is based on were not used by other scholars to the proper extent. It was established that the discussion of female images was not as prioritized as that of male ones, because they were less related to militarized patriotism.*

Key words*: Soviet cartoons; gender; male images.*

Гендерный аспект является одним из важнейших в воспитании ребенка. В связи с этим именно при помощи мультфильма необходимо показать ребенку ролевые модели поведения, взаимодействия с противоположным полом. Цель работы — выявить гендерную повестку в советской анимации 1970-х годов, основываясь на таких источниках, как мультфильмы центральных анимационных студий и документация, составленная в процессе создания и обсуждения мультфильмов на собраниях редакционных коллегий. На первый взгляд, гендерная проблематика не является центральной для позднесоветской мультипликации. Однако она все же заслуживает внимания.

Задачи исследования: 1) найти материалы, в которых обсуждаются гендерные аспекты мультфильмов; 2) проверить, высказыва-

лись ли в процессе обсуждения «нестандартные» точки зрения; 3) выявить, с какими другими вопросами воспитания и социализации были связаны проблемы гендера в советской анимации 1970-х годов (идеологический контекст).

На настоящий день данная тема недостаточно исследована. Многие архивные документы, использованные в работе, до этого времени не были задействованы другими исследователями. Анализ основан на рассмотрении следующих источников:

1. Выпущенные мультфильмы и архивные материалы по ним. При работе с этими источниками, было необходимо «пойти от обратного» — рассмотреть мультфильмы, в которых, гендерный вопрос стоит особенно остро, и найти в архивных документах данные о них.

2. Стенограммы заседаний редколлегий, которые содержат обсуждения вектора развития киностудии «Союзмультфильм», рассуждения о том, какие мультфильмы необходимо снимать и какой запрос делает власть.

Во многих мультфильмах воспитательно-патриотической тематики заложена значительная часть гендерной повестки. Они репрезентируют образ, ожидаемый от мальчика, будущего мужчины. Один из таких мультфильмов, «Детство Ратибора», в качестве целевой аудитории школьников. За основу этой картины взят роман В. Иванова «Русь изначальная». В итоговом решении по сценарию говорится: «Именно это поэтическое начало и привлекает прежде всего в фильме: привлекает его высокий нравственный, патриотический настрой, величавая неторопливость в развитии действия, образы мудрых и сильных людей, окружающих маленького Ратибора» [6, л. 166]. Мудрыми и сильными в данном случае предстают преимущественно мужчины. В этом мультфильме представлены следующие образы: мальчик растет в обществе мужчин, они учат его воевать, принимать решения и быть сильным. Женские персонажи выступают в ролях дочерей и жен. Они слабы в момент опасности, их нужно защищать, сами они не в состоянии выстрелить из лука. В мультфильме есть один эпизод, когда мать Ратибора решительно скачет на лошади впереди мужчин, однако, на мой взгляд, он существует для того, чтобы добавить позитивных коннотаций образу матери. Он может также служить дополнительным объяснением исключительности главного

героя: у него не только папа геройствует, но и мама. Патриархальный, традиционалистский подтекст этого мультфильма редколлегия одобряет и видит в нем возможность заинтересовать ребенка изучением раннего периода отечественной истории.

Среди снятых в этот период мультфильмов есть несколько таких, которые не то чтобы прямо ориентированы на зрителя-мальчика, но именно герой-мальчик он находится здесь в центре событий и является главным действующим лицом. Вообще, мальчик часто выбирается на роль протагониста, особенно, когда необходимо представить персонаж, который выглядит сильным, умеет (или учится) побеждать трудности. В принципе, в роли главного героя мальчики оказывались многократно чаще, чем девочки. Вопрос об том, персонаж какого пола должен быть героем мультфильма, что характерно, тоже не поднимался на заседаниях худсовета, принятые сценарные решение по умолчанию одобрялись. Скорее всего, дело в том, что сами создатели мультфильмов здесь действовали в рамках традиционных гендерных стереотипов и не были готовы к их рефлексии.

Подтверждение этого тезиса можно найти в «решении» студии о мультфильме «Три банана»: «Фильм рассказывает о приключениях мальчика на сказочных планетах и воспитывает в характере ребят такие положительные черты, как настойчивость, смелость, отзывчивость». Приключения здесь переживает только мальчик, однако положительные черты воспитываются у всех [5, л. 84].

Отдельно хочется остановиться на мужских образах, которые обсуждались на собраниях. Они обсуждались чаще, чем женские, поскольку персонаж мужского пола чаще становился главным действующим лицом мультфильма. Одним из наиболее часто использовавшихся образов был образ героя-защитника. К примеру, в решении по мультфильму «Скрипка пионера» сразу дана его краткая аннотация: «Героико-патриотический фильм, в котором средствами мультипликационного искусства рассказывается о подвиге нашего юного героя, верного своему патриотическому долгу и отдавшего жизнь во имя родины. Фильм адресован детям школьного возраста» [5, л. 115]. Запрос на воспитание «мужественности» открыто декларируется в решении по мультфильму «Рассказы старого моряка»:

«Раскрывают характеры современных мальчишек – их мужество, настойчивость в достижении цели, чувство справедливости, любознательность» [5, л. 190].

Для репрезентации мужественности необязательно было придумывать антропоморфного героя. В мультфильме «За щелчок» обсуждается персонаж мужского пола- баран. И к нему предъявляются те же требования, что и к человеку – гендерной определенности, даже, возможно, утрированных гендерных атрибутов. Так, В.В. Курчевский так комментирует замысел этого образа: «Баран должен быть хороший, достойный, у него должно быть свое характерное лицо. Он не просто баран. А здесь он представлен как игрушка деревенская, соломенный бочок. А должен быть баран – мужчина, у него лоб должен быть» [2, л. 59]. Здесь мы имеем дело с экспликацией представления о том, какими визуальными чертами должен был быть наделен деятельный герой. Деятельность и активность в представлении многих советских мультипликаторов напрямую сопряжена с мужественностью.

Развивая тему мужской активности, обратимся к стенограмме обсуждения мультфильма «Выше голову»: «Добрый, вежливый интеллигентный человечек, вступающий в бой с хулиганом, помогающий несчастному, в общем, творящий на земле активное добро» [6, л. 172]. Главному герою удается проучить хулигана и не дать отчаявшемуся совершить самоубийство. Его действия ненасильственные, он не применяет силу. Он просто делает добрые дела.

Центральное положение мужских главных героев, более детальная прорисовка их характеров — в ущерб обобщенности и безличности женских персонажей — воспринимаются как должное и редко становятся предметом дискуссии. Однако иногда мультипликаторы говорят об этом открыто. Так, например, в обсуждении мультфильма «Детство Ратибора», А. Чижиков указывает на то, что у матери главного героя «нет образа, нет характера в лице какого-то это снаружи. Может спасти то, что она единственная женщина в картине… Надо что-то найти. То ли большие глаза… Сейчас она смотрится как набросок, но может быть и ничего, если она не будет путаться с другими женскими персонажами. Конечно, лучше, если мужчин показать…» [4, л. 94]. Характерно, что разговор, начавшийся с об-

суждения внешности матери героя, в итоге заканчивается пожеланием, чтобы мужских персонажей стало больше. Так и получилось, в картине мать главного героя осталось единственной женщиной. Ни у кого из присутствующих эта фраза не вызвала желания вступить в спор или дискуссию.

Мужчина — главный герой — часто представляется положительным персонажем. Одно из его важнейших качеств – доброта. Именно ей награждают авторы большинство персонажей мужского пола, и как раз из-за доброты им многое прощается. Во время обсуждения мультфильма «Волшебное кольцо» Д. Зотов заводит разговор о качествах главного героя: «Каким видится режиссеру Ванька? Какой он? Что-то его заносит» [3, л. 75]. На что получает краткий, исчерпывающий ответ от Л. Носырева: «Он добрый. Это главное» [3, л. 75].

Доброта героя иногда сочетается с таким качеством, как хитрость. Во многих мультфильмах, да и в целом в русском фольклоре, хитрость иногда выступает как положительное качество. На обсуждении мультфильма «Вершки и корешки» поднимается вопрос о конфликтности этих двух качеств – доброты и хитрости. В связи с этим И. И. Далецкая отмечает: «Получается, что хитрющий мужик доброго медведя обидел. А должно быть наоборот. Медведь бездельник, лентяй, хотел мужика задрать, и мужику нужно его перехитрить, чтобы добро восторжествовало» [1, л. 111]. Другой участник дискуссии Л.К. Атаманов также высказывается по этому поводу: «Мне кажется, что если бы было обаяние этого мужичка-хитреца, это пошло бы только на пользу фильму, а так – он обманул медведя както по-кулацки, хотелось бы, чтобы это было как-то мягче подано» [1, л. 109]. Обычно хитрость представляется как типично женская черта характера и обнаруживается у женских персонажей таких, как хитрая лиса. Когда же хитростью наделяется мужской герой, то она может приобрести позитивный смысл, семантически связавшись со свойствами сообразительности и смекалки. К примеру, в «Колобке» лиса выступает в качестве негативного персонажа, тогда как солдат в «Каше из топора» предстает в виде положительного героя, несмотря на то, что оба для достижения своих целей используют хитрость.

Мужские герои, безусловно, не всегда являются положительными. Однако обсуждение негативных черт характера главного геро-

я-мужчины происходит довольно редко. Во-первых, многие негативные качества характера воспринимаются без привязки к гендеру. Во-вторых, чаще обсуждаются положительные, потому что студии необходимо показать детям пример для подражания в первую очередь.

В заключение необходимо сказать, что в дискуссиях о мультфильмах 1970-х годов гендерный вопрос обсуждается не так часто, как патриотический, классовый и др. Задача воспитания героизма, храбрости, в том числе и в военных условиях, приводят к созданию такой конструкции «мужского», где аудиторией предполагаются в основном мальчики. В дискуссиях открыто говорится о необходимости воспитания «мужества». Мужество подразумевает, в первую очередь, готовность защитить, а также силу, как физическую, так и моральную.

Список литературы

1. РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 5. Ед.хр. 143

2. РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 5. Ед.хр. 149.

3. РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 5. Ед.хр. 160.

4. РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 5. Ед.хр. 194.

5. РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 5. Ед. хр. 322.

6. РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 5. Ед. хр. 372.

7. David MacFadyen. Yellow Crocodiles and Blue Oranges: Russian Animated Film since World War Two. // Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. xx, 256 pp.

8. Борисова Н. Гендер. Опыт нестабильности // СССР: Территория любви: сб. ст. М.: Новое изд-во, 2008. С.45-47

9. Пушкарёва Н. Л. Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. URL: http://www.nlobooks.ru/node/2613

10. Темкина А. Половая жизнь в позднесоветском браке // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 515-547.

11. Солодянкина О.Ю. Мужчины и женщины в их повседневье: социальное vs гендерное) // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей /Ответ, ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 177-260.

Литичевский Борис Владимирович,

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор

Отражение экономической политики Правительства РФ 1991 – 1992 годов и реакции на нее Съезда народных депутатов РФ в отечественных источниках и историографии

Reflection of the economic policy of the Government of the Russian Federation in 1991-1992 and the reaction of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation to it in domestic sources and historiography

Аннотация. *В статье рассматриваются экономические реформы 1991 – 1992 годов: их предыстория, основное содержание, а также последствия реализации. Анализируется пореформенная кризисная ситуация – конфликт Правительства со Съездом народных депутатов РФ и Верховным Советом РФ.*

Ключевые слова: *либерализация цен; М. С. Горбачев; Е. Т. Гайдар; А. Б. Чубайс; ЧИФ; ваучерная приватизация.*

Abstract*. This paper examines the economic reforms 1991 - 1992 years: their background, main content, and the effects of implementation. The post-reform crisis situation is analyzed - the Government's conflict with the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation.*

Key words*: price liberalization; M. S. Gorbachev; E. T. Gaidar; A. B. Chubais; ChIF; voucher privatization.*

Экономическое развитие страны является важнейшим фактором социальной и политической стабильности в обществе, так как экономика влияет на развитие государства. В работе применялись такие методы исследования как историзм, то есть были изучены политические процессы, происходившие в России. Также были применены научность, объективность, которые выражались в стремлении использовать исключительно проверенные и достоверные факты. Целью работы является изучение конфликта Правительства РФ со Съездом народных депутатов РФ и Верховным Советом РФ. На основании цели были сформулированы следующие

задачи: изучить предысторию экономических реформ 1991 – 1992 годов, рассмотреть политическую ситуацию 1991 – 1992 годов, проанализировать экономическую политику 1991 -1992 годов. В статье были использованы труды таких ученых как М.Ф. Полынов, мемуары Е.Т. Гайдара, нормативно-правовые акты: Указы Президента РФ, Постановления СНД РФ.

Позднесоветский период, а именно 70-ые – 80-ые годы характеризовались постепенным, но последовательным спадом темпов роста экономики СССР. Так, за 9 пятилетку национальный доход вырос на 28 %, объем валовой продукции промышленности — на 43 %, сельского хозяйства — на 13 %, за 10 пятилетку национальный доход по советским данным вырос на 24 %, объём валовой продукции промышленности — на 23 %, а сельского хозяйства — на 10 % [4, с. 102]. Увеличивался товарный дефицит. В 1975 году карточки были введены в Волжске, в 1980 – в Свердловске, в 1981 – в Казани, Нижневартовске, в 1982 – в Челябинске. Сельское хозяйство было в сложном положении. Создание продовольственной программы под руководством Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева ярко показало сложность ситуации в сельском хозяйстве. В качестве рецепта для улучшения экономической ситуации выдвигалось увеличение плановых показателей и министерств. Меры не давали результата, единственной спасительной нитью оставались цены на нефть, которые регулярно росли после войны Судного дня 1973 года. Однако после ввода войск СССР в Афганистан в 1979 году и полета директора ЦРУ Уильяма Кейси в Саудовскую Аравию цены на нефть стали падать.

Тяжелое наследство получил М.С. Горбачев в 1985 году. Попытка штурмовщиной решить проблемы через политику ускорения и программу улучшения ситуации в тяжелом машиностроении привела лишь к катастрофам вроде Чернобыля, введение гос. приемки не улучшило качество продуктов [4, с. 245]. Антиалкогольная кампания, против которой выступали Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков и Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, дополнительно обескровила бюджет. На втором этапе были предприняты более глобальные реформы, а именно были созданы закон о гос. предприятии (1987 г.) и о индивидуальной трудовой деятельности (1988 г.). Однако в первом случаи был потерян контроль

над промышленностью, советы трудовых коллективов стали увеличивать зарплату, выборы директоров предприятий ухудшили ситуацию, так как часто избирали неопытных директоров, созданные кооперативы часто занимались не производственной деятельностью, а спекуляциями, так они продавали по рыночным ценам. Недостаточность реформ Рыжкова была очевидна, было решено создать программы перехода СССР к рыночной экономике, были созданы программа 500 дней (Шаталин-Петраков-Явлинский) и программа Рыжкова-Абалкина. Но не одну из программ не стали использовать. Дальнейшая дезинтеграция республик привела к дефициту бюджета и росту государственного долга, так как руководство СССР брало кредиты в коммерческих банках.

Параллельно с экономическими реформами происходили и политические преобразования. В 1988 году состоялась XIX Всесоюзная конференция КПСС, которая была должна провести реформирование политической системы СССР, что и было осуществлено в виде создания Съезда народных депутатов как высшего органа власти. Верховный Совет должен был избираться Съездом народных депутатов. Выборы должны были состояться на альтернативной основе. Съезд народных депутатов был создан на союзном уровне и в РСФСР. 4 марта 1990 прошли выборы народных депутатов РСФСР, большинство получила КПСС, так как именно представители КПСС получили 920 мест на Съезде из 1068. На заседании I Съезде Народных Депутатов РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, которая поставила российские законы над союзными. Началась война законов. Центробежные тенденции, особенно после Августовского путча, привели к распаду СССР, который оформлен 8 декабря 1991 года в виде Беловежских соглашений. 25 декабря 1991 года Президент СССР сложил с себя свои полномочия и ушел в отставку, 26 декабря 1991 года СССР прекратил свое существование [1].

Новая Россия была в сложной ситуации еще накануне краха СССР в декабре 1991 года: товарный дефицит усиливался, росла инфляция, разрушались хозяйственные связи. 28 октября 1991 года Б.Н. Ельцин выступил на втором этапе V Съезда народных депутатов РСФСР с программой экономических преобразований, основой которой являлись либерализация цен и торговли, создание конвертируемости

рубля. 6 ноября 1991 года Б.Н. Ельцин создал Правительство РСФСР взамен Совету Министров РСФСР для проведения реформ. В него вошли такие деятели как П.О. Авен, Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, а сам Президент РФ стал одновременно премьер-министром.

3 июля 1991 года был принят закон о приватизации, а в августе 1992 года Указ Президента РФ о ваучерной приватизации. Напомню, что ваучер — это приватизационный чек, который давал собственность гражданам РФ. Изначально ваучеры должны были быть именными, но Правительство РФ отказалось от этой меры. Созданные ЧИФы (чековые инвестиционные фонды) часто закрывались сразу после сбора ваучеров, население продавало ваучеры или меняло их на товары.

3 декабря 1991 года Президент РСФСР Б.Н. Ельцин издал Указ о либерализации цен [5], цены были отпущены 2 января 1992 года. Хотя на некоторые товары, например, на детское питание цены не отпускали, итог был крайне плачевным в виде гиперинфляция составила 2609 процентов, сбережения населения обнулились [3]. 14 июля 1992 года был создан российский рубль. Этот процесс также свелся к обмену денег и конфискационной реформе и разрушению рублевой зоны. В 1992 году Россия осуществила так называемый "нулевой вариант" и приняла на себя все долги СССР. Бюджетная политика проводилась крайне жесткая: ряду предприятий было отказано в финансировании, особенно от этого пострадали заводы и фабрики ВПК. Однако политика монетарная с июня 1992 года после назначения на пост Председателя ЦБ РФ В.В. Геращенко вместо Г.Г. Матюхина шла в разрез с бюджетной, так как ЦБ РФ по требованию Верховного Совета РФ стал кредитовать промышленность, что давало нулевую эффективность тотальной экономии. Верховный Совет РФ принял ряд законов в налоговой сфере: закон о НДС, подоходном налоге с физических лиц а также закон об основах налоговой системы в Российской Федерации.

Экономическая обстановка в России после V Съезда народных депутатов не улучшалась, на VI Съезде народных депутатов РФ Правительство РФ было подвергнуто критике. Недовольство курсом Е.Т. Гайдара росло. К VII Съезду народных депутатов РФ даже самому Е.Т. Гайдару становилось, очевидно, что его не утвердят главой Правительства РФ. Б.Н. Ельцин попытался договориться с Председа-

телем Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатовым, за то, что Е.Т. Гайдар остался в кресле премьер-министра Б.Н. Ельцин должен был назначать Министров обороны, внутренних дел и безопасности с санкции Верховного Совета РФ. 9 декабря 1992 года за Е.Т. Гайдара проголосовало 467 депутатов при требуемом для утверждения кандидатуры 521 голосе. Договоренность не сработала. Из-за сложившегося кризиса было принято Постановление СНД РФ «О стабилизации конституционного строя», согласно которому Президент РФ должен был выдвинуть пять кандидатур на пост премьер-министра, ими стали Ю.В. Скоков, В.С. Черномырдин, Е.Т. Гайдар и В.В. Каданников. 627 голосов набрал Ю.В. Скоков, он стал победителем. Однако с Ю.В. Скоковым у Е.Т. Гайдара были плохие отношения, поэтому Е.Т. Гайдар попросил передать его пост В.С. Черномырдину. Что и произошло 14 декабря 1992 года. Е.Т. Гайдар в тот же день был снят со всех занимаемых постов.

Таким образом, экономическая и политическая ситуация в последние годы существования СССР привели к тому, что СССР распался, а реформы стали необходимы для развития новой России. На первом этапе законодательная и исполнительная ветви власти находились в союзнических отношениях, однако дальнейшие результаты деятельности Правительства Е.Т. Гайдара привели к конфликту законодательной и исполнительной ветвей власти и последующей отставке Правительства РФ.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 52.

2. Гайдар. Е. Т. Дни поражений и побед. М.: ВАГРИУС, 1996. 365 с.

3. Индексы потребительских цен на товары и услуги населению по Российской Федерации в 1991-2009гг. Росстат. URL: http://web.archive.org/web/20100227203140/http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/2009/I-ipc.htm (дата обращения 14.05.2019).

4. Полынов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР: вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.

5. Указ Президента РСФСР «О мерах по либерализации цен» // Право. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013385&rdk=1 (дата обращения 14.05.2019).

Шашонков Павел Александрович,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор

Северокавказские республики России и начало войны в Абхазии (август–сентябрь 1992 г.)

North Caucasian republics of Russia and the beginning of the war in Abkhazia (August–September 1992)

Аннотация. *31 марта 1992 г. был подписан Федеративный договор между Центром и субъектами РФ. Однако его асимметричность не устраивала края и области, республики же требовали для себя ещё больших полномочий. Негативным фактором в развитии федеративных отношений в России в этот период стала и развернувшаяся война в соседней Абхазии. В настоящей статье, привлекая различные источники и литературу, рассматриваются северокавказские республики России в начальный период войны (14 августа – 1 октября 1992 г.). В заключении автором делаются выводы об обострении ситуации в целом на Северном Кавказе в этот период времени.*

Ключевые слова: *Северокавказские республики России; война в Абхазии; КГНК; Федеративный договор; федеративные отношения.*

Abstract*. On March 31, 1992, a Federal agreement was signed between the Center and the subjects of the Russian Federation. However, its asymmetry did not suit the krais and oblasts, the republics demanded even greater powers for themselves. A negative factor in the development of Federal relations in Russia during this period was the unfolding war in neighboring Abkhazia. In this article, using various sources and literature, the North Caucasian republics of Russia in the initial period of the war (August 14 – October 1, 1992) are considered. In conclusion, the author draws conclusions about the escalation in the North Caucasus in this period of time.*

Key words*: North Caucasian republics of Russia; War in Abkhazia; CMPC; The Federal treaty; federal relations.*

1992 год представлял собой непростой период в истории федеративных отношений внутри Российской Федерации. Последствия распада СССР и прокатившегося по России парада суверенитетов ещё долго определяли «повестку дня». К этому времени у российского руководства уже имелся один очаг напряжённости в регионе — Чечня, лидер которой — Д.М. Дудаев — ещё в 1991 г. взял курс на полную

независимость своей республики. Обостряла и без того неспокойную ситуацию начавшаяся 14 августа 1992 г. война в Абхазии.

Необходимо отметить, что тема грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. довольно широко изучена как отечественными [18, 24, 25], так и абхазскими [1, 2, 16] специалистами. Гораздо меньше, в то же время, «известна» данная тема зарубежному учёному. Кроме того, весьма подробно в работах по данному периоду описывалось добровольческое движение, развернувшееся в защиту Абхазии [4, 5, 6]. Однако зачастую исследователи заостряли своё внимание на участие добровольцев непосредственно в боевых действиях, упуская события, предшествовавшие этому. Единственным исключением является работы Д.Ш. Халидова [22].

В частности, уже 14 августа 1992 г. в столице Адыгеи, городе Майкоп, состоялся антивоенный митинг. Его участниками была принята решительная резолюция, содержащая, в том числе, следующее: «В случае, если не будет найдено политическое решение и эскалация конфликта будет продолжаться, мы просим руководство Республики Адыгея поставить вопрос перед Верховным Советом Российской Федерации о пересмотре Федеративного договора» [21, с. 342].

Весь Северный Кавказ захлестнула волна аналогичных митингов и демонстраций, на которых выражалась солидарность с абхазцами, а также звучали требования к местным и федеральным властям сделать всё для предотвращения кровопролития. Помимо этого, активно проявили себя и местные общественные движения. Согласно данным С.К. Живкова, из северокавказских народов только балкарцы не поддержали Абхазию, поскольку они враждовали с кабардинцами, требуя создания независимой Балкарии [12, с. 215].

Серия акций в защиту Абхазии продолжалась. 19 августа в Нальчике, столице Кабардино-Балкарской Республики, уже шёл бессрочный митинг в поддержку Абхазии, «блокировались дороги», а также «25 человек объявили голодовку». Таким же по своей сути стал и день 20 августа. Согласно газете «Республика Абхазия», многотысячные митинги в столицах Адыгеи и КБР требовали «раздачи оружия добровольцам, в ином случае – отставки президентов республик» [9, с. 30].

Активную позицию сразу заняли и региональные общественные движения. В частности, 15 августа Конфедерация горских наро-

дов Кавказа (КГНК) и Международная черкесская ассоциация (МЧА) призвали народы Северного Кавказа встать на защиту Абхазии. Помимо кавказцев помочь решились русские, украинцы, белорусы, прибалтийцы, даже немцы и многие другие [9, с. 697].

Кроме того, представители около 40 кавказских культурных обществ образовали инициативную группу, и уже 23 августа состоялось первое официальное заседание Кавказского Комитета Солидарности с Абхазией под председательством А. Цушба. Штаб-квартира этой организации расположилась в Стамбуле, откуда также прибывали в Абхазию добровольцы [9, с. 697].

Реакцию же официального руководства северокавказских республик можно назвать запоздалой. Они обратились к воюющим сторонам с призывом «немедленно прекратить вооруженные действия, вывести грузинские войска из Абхазии и прийти мирному урегулированию конфликта». Данное обращение было опубликовано лишь 20 августа 1992 г. в «Российской газете» [7].

Тогда же в Армавире состоялась встреча руководителей республик Северного Кавказа, Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев. Итогом встречи стало принятие обращения к Президенту РФ Б.Н. Ельцину и Председателю Верховного Совета России Р.И. Хасбулатову. В нём стороны отмечали, что по всему региону проходят митинги, сборы добровольцев и гуманитарной помощи для Абхазии. И эти действия, согласно Обращению, подстрекались «некоторыми лидерами национальных общественных движений». В связи с этим существовала опасность возникновения гражданской войны на юге России. «Проявляя озабоченность о судьбе России и заявляя свою решимость бороться за ее суверенитет и целостность», участники встречи просили от руководства России принять необходимые меры для предотвращения войны. «В эти дни, – отмечали главы регионов, испытывается Федеративный Договор, проверяется на прочность сама Российская Федерация как гарант стабильности и безопасности ее народов» [15, с. 44-45].

Только после этой встречи началось осуждение грузинской агрессии официальными лицами северокавказских республик. Как из «рога изобилия посыпались» вслед за ней соответствующие постановления и решения региональных властей [15, с. 40-44]. Од-

нако, как мы говорили уже ранее, такая реакция была запоздалой и удовлетворяла лишь российское руководство, рассчитывавшее на стабильную ситуацию на Северном Кавказе.

Вписывается в логику событий и то, что в дальнейшем, 28 августа, Б.Н. Ельцин высказал идею о привлечении проявившего лояльность руководства северокавказских республик к участию во встречи между главами Абхазии, Грузии и России [23, с. 208-209]. Возможно, причиной этого решения российского президента стало стремление уже со своей стороны поддержать местных региональных властей, дав им предстать «борцами за мир» наравне с местными национальными движениями, которые встали на защиту Абхазии ещё с самого начала войны.

Необходимо заметить, что особую роль в этом конфликте сыграла ранее упоминаемая нами КГНК. Образовавшаяся 28 августа 1989 г. в Сухуме, провозгласившая себя 14 октября 1990 г. правопреемницей Горской Республики и окончательно сформировавшаяся как некий надгосударственный политический союз Конфедерация решительно осудила грузинскую агрессию [3]. Как отмечал С.К. Живков, ещё 18 августа КГНК приняла решение о призыве добровольцев на защиту Абхазии и выдвинула Госсовету Грузии ультиматум: «вывести войска до 21 августа 1992 года – в противном случае Конфедерация объявляет Грузии войну» [12, с. 216].

Несмотря на активное добровольческое движение, вдохновляемое идеями Конфедерации, ни Россия, ни Грузия не воспринимала КГНК как сторону конфликта. Поэтому этот ультиматум был проигнорирован грузинским руководством. Ответом Конфедерации стал выход 22 августа совместного указа Президента КГНК М.Ю. Шанибова и председателя Парламента КГНК Ю.Э. Сосламбекова. Согласно нему, «в связи с тем, что исчерпаны все меры для мирного решения о выводе оккупационных сил Грузии с территории суверенной Абхазии», штабам Конфедерации предписывалось обеспечить переброску добровольцев в Абхазию. Кроме того, вооружённые формирования КГНК получали право при противодействии проходу добровольцев «вступать в бой и пробиваться на территорию Абхазии любыми методами» [11].

Тем временем, предпринимались попытки урегулировать конфликт и на межгосударственном уровне. 3 сентября в Москве со-

стоялись переговоры между лидерами Абхазии, Грузии и России при участии глав северокавказских республик, краёв и областей. При оценке подписанных договорённостей о прекращении огня с 5 сентября нельзя не согласиться с мнением «Независимой газеты» о «совещательном голосе» абхазского лидера В.Г. Ардзинба на этой встречи, ведь одним из первых пунктов соглашения стало признание территориальной целостности Грузии. Тем не менее, этот пункт важен не только для Абхазии, но и для российских автономий. Таким образом Б.Н. Ельцин демонстрировал, что любая попытка развить сепаратистское движение встретит решительное сопротивление со стороны российского руководства [8].

Однако это перемирие стало нарушаться буквально с первых его минут. Показательной акцией в защиту Абхазию и мира на Кавказе стал поход женщин Северного Кавказа 6 сентября в Гудауту. Это мероприятие было поддержано исполнительным комитетом КГНК, а участие в нём приняли, согласно «Республики Абхазия», чеченки, кабардинки, черкешенки, адыгейки, русские, ногайки [9, с. 41-42].

При этом, несмотря на общую волну протестов против войны в Абхазии, следует разделять «умеренное» и «радикальное» крыло развернувшихся событий. Так, единственными умеренными среди всех остальных северокавказских национальных движений являлись движения народов Дагестана. В частности, в то время как по всему Северному Кавказу ширилось добровольческое движение, уже 29 августа на центральной площади Махачкалы объявили о прекращении записи в ряды защитников Абхазии. По мнению философа В.С. Мейланова, такие силы нужны были только для развода сил, а в тогдашнем виде «дагестанские парни» только раздуют пожар войны [10, с. 275].

Поворотным моментом в развитии ситуации на Северном Кавказе стал арест 23 сентября Президента КГНК М.Ю. Шанибова в Нальчике. Ещё в августе после действий КГНК в Абхазии министерство юстиции РФ заявило о необходимости задержания лидеров Конфедерации. Следствием этого стало то, что первые митинги, организованные, в частности, Конгрессом Кабардинского Народа (ККН) и МЧА, с требованием отпустить М.Ю. Шанибова начали собираться в день его ареста. 24 же сентября число людей на главной площади Нальчика только увеличилось [13].

В течение недели митинг, объявленный его организаторами бессрочным, и не думал затихать. Количество его участников продолжало расти вплоть до 28 сентября (и составило порядка 25 тысяч человек), когда на площади перед Домом Советов выступил освобождённый М.Ю. Шанибов. Тем не менее, акции протеста и тогда не закончились, поскольку требования митингующих на его протяжении только расширялись. Помимо немедленного освобождения президента КГНК, участники бессрочного митинга поочерёдно требовали: отставки главы республики В.М. Кокова; отмену введённого режима ЧП проведение досрочных выборов в КБР; прекращения всех уголовных дел, связанных с ехавшими в Абхазию добровольцами; создание Национальной Гвардии КБР, а впоследствии и полный вывод всех внутренних войск и сил ОМОН РФ [12, с. 243].

Действительно, сравнив Нальчик в октябре 1992 г. с Грозным годом ранее, нельзя не согласиться с мнением «Московских новостей» о том, что сходство ситуации практически зеркальное [17]. В своей книге С.М. Живков также отмечал, что «Кабарда оказалась на грани вооружённого восстания», особенно когда протестующие попытались захватить Дом Правительства КБР и телевышку и блокировали дороги в столицу республики [12, с. 243]. Помимо этого, определённым образом обострял ситуацию и тот факт, что среди участников митинга к 30 сентября находились, согласно «Независимой газете», «делегации Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкессии» [19]. В таких условиях мир на Северном Кавказе могли спасти только переговоры между руководством Кабардино-Балкарии, лидерами национальных движений и предстателями силовых ведомств России.

Начало этих переговоров было положено 29 сентября, когда впервые в Нальчике встретились Председатель ККН Ю.Х. Калмыков, лидер МЧА З.М. Налоев, депутаты ВС России от КБР и начальник Управления Внутренних войск МВД России А.С. Куликов [20]. Одним из обсуждаемых там вопросов была необходимость деблокирования дорог в республике, а также прекращение, собственно, бессрочного митинга. Однако, согласно «Известиям», эти переговоры зашли в тупик, закончившись к 1 октябрю ничем [14].

Таким образом, рассмотрев события начального периода войны в Абхазии через призму российского Северного Кавказа, мы мо-

жем сказать следующее. С самого начала грузино-абхазской войны реакции официального руководства северокавказских республик и местных общественных движений на эти события разнились. Если национальные движения (ККН, МЧА, а также КГНК) решительно поддержали Абхазию с первых дней, направив добровольцев (умеренность в этом проявили только национальные движения Дагестана), то местное руководство заняло выжидательную позицию с оглядкой на Москву. Подобные различия в поведении лидеров северокавказских республик и местных движений, а также произведённое российским руководством задержание Президента КГНК М.Ю. Шанибова привели к обострению ситуации как в Кабардино-Балкарии, так и на Северном Кавказе в сентябре 1992 г., что проявилось в дальнейших событиях уже октября 1992 г.

Список литературы

1. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992—1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008. 496 с.

2. Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992 1993 гг.). В 2-х кн. Сухум, 2013. 1268 с.

3. Березовский В., Червяков В. Конфедерация горских народов Кавказа // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». Загл. с титул. экрана. URL: http://observer.materik.ru/observer/N03_92/3_06.HTM (дата посещения - 13.10.2019).

4. Бли М.Ш. Республика Адыгея и отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4. С. 118-123.

5. Бли М.Ш. Участие народов Карачаево-Черкесской Республики в грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 116-120.

6. Бройдо А.И. Добровольческое движение в поддержку Абхазии 1992-1993 годов и процесс этногенеза абхазов // Вестник МГИМО. 2010. № 3. С. 14-17.

7. Вывести войска грузинские войска из Абхазии // Российская газета. 1992. № 186. 20 августа.

8. Выжутович В. Худой мир в Грузии лучше, чем пять Карабахов // Известия. 1992. № 199. 4 сентября.

9. Газета «Республика Абхазия». 14 августа 1992 г. – 30 сентября 1993 г. / сост. А.Ф. Авидзба, В.З. Чамагуа. Сухум, 2017. 920 с.

10. Дагестан: этнополитический портрет: Очерки. Документы. Хроника. В 4 т. Т. 2: Этнополитическая ситуация в очерках и документах Съезда народов Дагестана, многонациональных партий, движений и религиозных организаций / отв. ред. В.Ф. Грызлов. М., 1994. 312 с.

11. Добровольцы Северного Кавказа идут в Абхазию горными тропами, минуя российских пограничников // Независимая газета. 1992. № 162. 25 августа.

12. Живков С.К. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. 397 с.

13. Казиханов А. Арест лидера Конфедерации горских народов // Известия. 1992. № 213. 24 сентября.

14. Казиханов А. Нальчик: переговоры зашли в тупик // Известия. 1992. № 219. 2 октября.

15. Колбая Г.Н. О цене для России войн Грузии против Абхазии и Южной Осетии // Мировая политика: взгляд из будущего. Материалы V Конвента РАМИ. Под общ. ред. Торкунова А.В. М., 2009. С. 39-60.

16. Лакоба С.М. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991-2000 гг.). Саппоро, 2001. 111 с.

17. Леонтьева Л. Чеченский вариант в Кабарде? // Московские новости. 1992. № 40. 4 октября.

18. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. 480 с.;

19. Пачегина Н. Муса Шанибов бежал из-под стражи, но площадь перед Домом Советов в Нальчике не успокаивается // Независимая газета. 1992. № 188. 30 сентября.

20. Пачегина Н. Президент призвал граждан поддержать конституционные органы власти // Независимая газета. 1992. № 189. 1 октября.

21. Республика Адыгея: Этнополитические процессы и становление государственности (1990-1995 гг.) / Отв. ред. Т.М. Полякова. М., 1997. 412 с.

22. Халидов Д.Ш. Северный Кавказ в Отечественной войне Абхазии (1992 – 1993 гг.): история, современность и проблемы осмысления. Сухум, 2014. 84 с.

23. Хроника Второй Российской республики // Пределы власти. 1994. № 2-3. С. 152-317.

24. Червонная С.М. Абхазия – 1992: Посткоммунистическая Вандея. М., 1993. 190 с.

25. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. 262 с.

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ -2019

Сборник научных статей

Подписано в печать 31.01.2021. Заказ № 6993
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 38,71.

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10